

Дооронбек Садырбаев

ДААНЫШМАН

24/11	10/16	8/11
30/11	5/8	1/11

348 90-108000

Дооронбек Садырбаев

ДААНЫШМАН

III том

**Сценарийлер
Журналистика**

Бишкек – 2017

УДК 821.51
ББК 84 Ки 7-4
С 14

Жооптуу редактор: Проф. Др. Кадыралы Конкобаев
Редактор: Асылкан Шайназарова

Садырбаев Д.

С14 Даанышман. Чыгармалар жыйнагы. 5 томдук. III том
Сценарийлер, Журналистика / Түз. жана жооптуу ред.
К. Конкобаев – Б., “Д. Садырбаев фондусу”.–2017.–528 б.

ISBN 978-9967-9044-9-1

Бул китепте Кыргыз Республикасынын баатыры, Кыргыз Эл артисти, Кыргыз Республикасынын Жогорку Кеңешинин 3 жолку чакырылышынын депутаты, белгилүү кинорежиссёр, актер, акын, жазуучу, публицист, журналист, сценарист, ырчы, көп кырдуу талант, адилет, боорукер, ак ниет инсан Дооронбек Садырбаевдин ар кыл тематикада жазылган чыгармалары камтылды.

С 4702300100-17
ISBN 978-9967-9044-9-1

УДК 821
ББК 84 Ки 7-4
© Садырбаев Д., 2017

ПРЕСЛЕДОВАНИЕ

Литературный сценарий художественного фильма в 2-х частях. г. Фрунзе, 1982 год

к/с «Киргизфильм»

Кадровый офицер Красной Армии – Абыш Исаев, с молодой женой в положении, прибыл в этот старинный город юга Киргизии в морозный декабрьский день. Вблизи постоянного двора знаменитого базара отыскать извозчика оказалось невозможным. Молодым супругам пришлось взять чемоданы и идти пешком в сторону казарм Отдельного Киргизского Дивизиона на восточной окраине города, в полутора километрах от базара. Со стороны Карадарьи дул холодный пронизывающий ветер, обжигая лицо, не давая дышать. Шли они против ветра, то поворачиваясь к нему спиной, то боком, защищаясь от разыгравшейся метели. Узкие кривые улицы древнего Узгена были безлюдны. Гудели под ветром деревья, и к ногам падали сухие сучья.

– Ну и погода! – пробормотал Абыш. – Никогда бы не подумал, что в этих местах бывают такие морозы.

А идти становилось все трудней и трудней.

– Я не могу открыть глаза! – пожаловалась жена.

Он взял из ее рук чемодан, хотя она пыталась возразить.

– Неудобно же с двумя чемоданами...

– Нечего, с грузом против ветра лучше идти, больше устойчивости, – сказал муж, – а ты за моей спиной защищайся от ветра.

Жена послушно отстала, торопливо засеменила за мужем.

– Еще далеко? – спрашивала она иногда.

– Потерпи, – успокаивал Абыш, – совсем немного осталось.

Когда они приблизились к воротам высокого дома, их встретил часовой, укутанный в большой овчинный тулуп

национального покроя. Мужчины обменялись короткими фразами, часовой взял палку и два раза ударил по куску металла, висевшему на столбе. Вскоре на зов часового явился дежурный красноармеец. Учтиво проверив документы, он взял в руки чемоданы и сказал:

– Пойдемте, товарищ командир...

Абыш с женой последовали за ним и вскоре оказались в небольшой теплой комнате. Пристроив жену командира возле горячей железной почки, красноармеец спросил:

– Вы, товарищ командир, служить к нам приехали?

– Да. Но у вас такой лютый мороз, всю зиму так метет?

– Не всегда, товарищ командир... Метель бушует только два дня, а бывает, что всю зиму ни разу не увидишь снега.

– Ты откуда знаешь?

– Я из местных, товарищ командир.

– Как тебя зовут?

– Кубат, товарищ командир, – сказал дежурный, но тут же, вытянувшись, поправился. – Красноармеец Кубат Жатеков.

– А где командир дивизии, красноармеец Кубат Жатеков? – спросил Абыш с улыбкой.

– Он у себя, – ответил дежурный четко. – Разрешите доложить о вас.

– Доложите.

Когда дежурный выходил из комнаты, офицер, шедший по коридору, машинально бросил взгляд в комнату, прошел еще немного, резко повернулся, поспешно открыл двери.

– Абыш, это ты?

Абыш вначале удивленно обернулся, не понимая, кто бы мог знать его в этих краях. Но, разглядев получше, радостно воскликнул.

– Ты? Валя, Валентин!

– Он самый.

И два молодых офицера бросились друг к другу, обнялись, расцеловались.

– Ты как сюда попал?

– Прибыл для прохождения службы, – ответил Абыш сияя.

– А сам откуда?

– После Ташкента направили в Талас...

– Помню, помню...
– Оттуда перевели в Ош, а из Оша сюда. Третий месяц здесь.
– Вот не думал тебя встретить, – сказал Абыш возбужденно.
– Надеюсь, ты уже обзавелся семьей?

– Еще нет.

– Это почему же?

– Да все некогда. А ты, я вижу, время зря не терял...

– Да... Познакомься, Зыйнат – жена. А это мой друг, земляк, боевой товарищ Валентин Угрюмов, – сказал Абыш, не выпуская друга из объятий. – Я тебе говорил о нем. Он из наших, иссык-кульских.

– Я бесконечно рад знакомству с боевой подругой моего друга, – сказал Угрюмов, целуя руку женщины.

– Я тоже.

– В двадцатом Нарынское восстание вместе ликвидировали, – продолжал Абыш представлять друга. – А в двадцать первом в этих местах громили басмачей. Ордена тоже получали вместе, из рук самого Михаила Васильевича Фрунзе...

Вошел дежурный красноармеец.

– Командир дивизиона ждет вас, товарищ командир, – сказал он.

Абыш машинально поправил гимнастерку и произнес:

– Вы здесь поговорите, а я пойду доложусь...

– Конечно, конечно.

Вышли они вместе с дежурным и направились вглубь коридора. Лишь в конце его, остановившись, дежурный приоткрыл дверь, обитую коричневым дермантином.

– Сюда, товарищ командир.

Когда Абыш вошел, командир дивизиона стоял за своим массивным письменным столом. На столе были разложены папки с бумагами, карты и куча отточенных карандашей.

Командир, коротко стриженный человек, средних лет, могучего роста. На нем была пограничная форма, с двумя шпалами на зеленых петлицах. Гимнастерка хорошо сидела на широких плечах, сапоги начищены до блеска, на них – звонкие сверкающие шпоры. Хрустящие кожаные ремни и портупея. С правой стороны – маузер в деревянной колодке, с левой – кавалерийская пашка. Он вышел навстречу. Абыш вытянулся и

отдал честь. Поздоровались по всем правилам военной этики. Прочитав удостоверение Абыша, командир тепло улыбнулся и протянул руку.

– Будем знакомы, товарищ Исаев, – сказал он. – Фамилия моя Лаптев. Лаптев Сергей Гаврилович. Мы тут комплектуем дивизион, а у нас всего два командира и никак не успеваем даже проводить занятия с личным составом. Вас я назначаю командиром первого взвода, люди которого только начали прибывать.

Лаптев вернулся к столу, жестом пригласил сесть и Исаева, из ящика письменного стола вытащил папку.

– Познакомьтесь, вот список прибывших. Еще придут. Теперь сами комплектуйте свой взвод. Повсеместная коллективизация в нашей стране, видимо, не дает покоя некоторым заграничным господам, они сеют смуту среди народа, всячески помогая недобитым остаткам прошлого. Поэтому и количеством и качеством надо укреплять дивизион. Наш долг – быть готовым отстоять советскую власть. Постарайтесь побольше привлекать добровольцев среди местной молодежи...

В это время в кабинет вошел плотный коренастый человек одного звания с Исаевым, но гораздо старше по возрасту, старше даже самого Лаптева.

– Знакомьтесь, – сказал командир, уважительно кивнув в сторону вошедшего, – “аксакал” нашего дивизиона, командир третьего взвода и мой заместитель по хозяйству Виктор Васильевич...

– Осташевский, – сказал вошедший, протягивая руку, глядя в упор.

– Исаев, – представился и Абыш чуть растерянно, и добавил: – Абыш Исаев.

Обширный двор дивизиона был обнесен со всех сторон высокой глиняной стеной, внутри которой проводились занятия личного состава по боевой и политической подготовке. В сопровождении старшины дивизиона Боголюбова новый

командир обходил казармы с жильем, столовой и местом отдыха красноармейцев. А когда вышли во двор, там шла обычная учеба. Группа бойцов тренировалась по рубке лоз, а другая училась стрелять по мишеням. Двор был переполнен ржанием и топотом коней, одиночными и парными выстрелами и голосами отделений.

– Смена встать! Оружие к осмотру.

Абыш со старшиной остановились и стали наблюдать, как бойцы быстро вставали и клали винтовки на левое плечо в горизонтальном положении, как командир отделения придирчиво осматривал винтовки.

Убедившись, что патронниках нет боевых патронов, он отдавал команду положить оружие. Бойцы четко выполняли команду.

– К мишеням шагом марш!

Абыш двинулся дальше, старшина за ним.

– Ну, старшина, показывай своих коней! – сказал Абыш, поворачиваясь к Боголюбову, – Найдется ли среди них, ну... горячий, добрый конь для командира...

– Есть тут один, – сказал старшина без оптимизма. – Но слишком уж горячий. Кличка его “Бешеный”. Какой он породы – не знаю. Только он и в самом деле бешеный, товарищ командир. Никого не подпускает к себе, кроме красноармейца Шатекова, который ухаживает за ним. Остальные боятся даже подойти к нему.

– Да ну?

– Чесслово, товарищ командир...

– А где этот ваш “Бешеный”.

– А вот он, товарищ командир.

Перед ним стоял странный рыжий конь с густой белой гривой и хвостом того же цвета. Стоял он отдельно от других коней, привязанный к коновязи. Когда Абыш приблизился, “Бешеный” фыркнул, принялся бить передними копытами об землю.

– Хотел обменять на более смирного, да вот никак время не выберу, – сказал старшина. – Мяса пудов двадцать выйдет... Любой бы киргиз согласился. Ну его, товарищ командир,

видите какой он дурной. Может не надо, а? Он же не понимает, что вы командир...

— А мы сейчас познакомимся... — сказал Абыш, снимая шинель и подавая ее старшине.

Он бесшумно приблизился к коню с левой стороны, левой рукой ловко ухватился за конец уздечки, а правой принялся осторожно почесывать сначала шею, затем под ухом. “Бешеный” как будто притих.

— Этот конь из древнекиргизской породы “карабайыр казан ат”, что означает, это очень хороший конь, — сказал Абыш к великому удивлению и старшины выводя “Бешеного” на открытое место, — взгляни, старшина, на копыта. Ни у одного коня здесь нет ничего похожего. Эти массивные копыта особо не нуждаются в подковах. Этот конь самый выносливый в пустынях и горах... Есть у него хозяин?

— Нет, товарищ командир, все отказались брать, — ответил старшина и на всякий случай отошел подальше.

— Тогда я возьму его, коноводом моим пусть будет тот боец, который ухаживает за ним.

— Хорошо, товарищ командир.

И тут произошло то, чего не ожидали ни старшина, ни “Бешеный”. Одним легким прыжком Абыш оказался на крупе коня. Глаза старшины Боголюбова полезли на лоб и он на всякий случай поспешно перекрестился. “Бешеный” сначала ничего не понял, а когда понял, было уже поздно. Все же горячий конь нервно подпрыгнул, удрученно мотая головой, попробовал встать на дыбы, бить землю копытами, стараясь побыстрее сбросить с себя этого “нелюбезного” седока. Но все его старания были напрасными, командир сидел на нем, как приклеенный. Вместо того, чтобы призвать людей на помощь, он заливался громким смехом от каждой выходки коня, да еще крепко поддавая шпорами по бокам. Поведение командира приводило в растерянность животное.

Тогда “Бешеный” решил унести его за пределы казармы, переходя в стремительный галоп. Но и это не помогло. Абыш дал свободно порезвиться “Бешеному”, но при этом подгоняя коня, правда в нужных местах легко сворачивал, сделав несколько кругов вдоль внутренней стены крепости. Бойцы,

приостановив занятия, следили за происходящим. Один с восторгом, другие со страхом. “Бешеный” был усмирен, покорно пошел туда, куда направлял его новый хозяин.

— Ай да командир, молодчина! — воскликнул старшина, потирая руки.

Бойцы дружно оживились.

— Я-то, грешным делом, ожидал, вот-вот он вам свернет шею, — честно признался старшина.

— Родился я в седле и вырос на нем, — сказал Абыш, спрыгивая с коня, — но, как видишь, старшина, шея у меня пока еще на месте. Зря обижали его, никакой он не “Бешеный”, — продолжал Абыш, ласково хлопая коня по крупу. — Очень добрый конь, а самая подходящая кличка ему — “Белогривый”.

— Совершенно верно! — воскликнул красноармеец Шатеков под дружный хохот бойцов.

Пепельно рваные тучи цепко и неудержимо надвигались, ползли, давили на дикие, покрытые снегом скалы. Вечернее солнце изредка выглядывало через тучи и было похоже на гигантский кровавый глаз.

В гуще темной ореховой рощи у входа в ущелье “Фисташковый источник” стояла громадная белая юрта, рядом с ней небольшая синяя палатка. Возле палатки черноусый мужчина средних лет, перевязавший уши желтым шелковым кушаком, был занят приготовлением пищи. Мужчина поддерживал огонь, время от времени подкладывая в очаг сухие ветки. На тропе за деревьями раздался конский топот. Из зарослей фисташки навстречу всадникам выскочила группа вооруженных людей и преградила путь к юрте.

— Это я, Таджикибай! — сказал властно один из двух всадников.

Люди, низко кланяясь, расступились. Всадники подъехали к юрте. Мужчина, назвавшийся Таджикибаем, стройный еще не старый человек с коричневой бородой, ловко соскочил с лошади, небрежно бросил повод одному из охранявших юрту и учтиво помог спешиться своему спутнику в белой чалме. Затем шагнул к юрте, высоко подняв полог.

– Прошу... – сказал он, пропуская вперед спутника в чалме.
– Проходите...

Со словами “Бисмилла” вошел он в юрту, и, увидев там всю знать этих мест, произнес.

– Ассалоому алейкум...

Повскакивали с мест сидящие.

– Ва алейкима салам! – ответили они в разноречивой –
проходите, почтеннейший.

– Сюда, пожалуйста! – сказал хозяин этого сборища Имин-Ходжа, приглашая гостя занять самое почетное место в юрте – Слава аллаху, что он послал мне в гости многоуважаемого Таксыра, нашего духовного отца – Насырхана-туре... Прошу садиться, уважаемые гости...

Насырхан-туре уселся в центре сидящих, а Таджикибай сел на свободное место у порога, поскольку никто из сидящих не собирался уступить ему свое место.

Когда все уселись, Имин-Ходжа хлопнул в ладошки. Вошел мальчик лет 12-13, держа в одной руке серебряный кумган, а в другой небольшой медный таз. Сидевшие по очереди вымыли руки. С бурлящим самоваром вошел еще один джигит, второй, третий...

И в миг дастархан наполнился всевозможными яствами.

– Ботогара! – сказал Имин – Ходжа, обращаясь, видимо, к старшему из джигитов, – если понадобится, я позову...

– Хорошо, хозяин!

Прислужники бесшумно удалились из юрты. Имин-Ходжа сам принялся разламывать лепешки, сам же наливал чай. Гость не торопился заговорить. Все смотрели на него, а он молча пил чай. Все молча расправились с горой жирного плова. Шааназар – 45-летний мужчина с тайным беспокойством наблюдал за гостем и тоже не решался нарушить тишину.

Гость оторвал от дастархана немигающие глаза и свой взор устремил вверх, затем быстро-быстро вполголоса стал читать молитву. Шааназар терпеливо ждал, когда гость спустится с небес и приступит к земным делам. Гость Насырхан-туре, воздав руки к небу, завершил молитву, остальные повторили его движения. И лишь когда остатки угощений были убраны и в юрте загорелась яркое, керосиновая лампа, Насырхан-туре

ловким движением извлек из-под халата синее шелковое полотнище, развернул его. На платке белой краской выступали слова, написанные арабским шрифтом.

– Бисмилла рахман рахим! – Аузибилла хи мина шайтани ражим! – начал читать Насырхан-туре низким грудным голосом, но через некоторое время остановился, из-под лобья на сидящих, он понял, что ни одна душа здесь не понимает его речи, криво усмехнулся, принялся разъяснять содержание написанного, бесцеременно смешивая узбекские и киргизские слова.

– Ушедшие ранее в Иран, в Афганистан и в Китай, доблестные сыны ислама: его светлость эмир бухарский, лучезарный Джунаидхан, отважные курбаши – Ибрагим-бек, Куршермат и Джаныбек Казы сейчас усиленно вооружаются и шлят вам привет. Там, за границей, поднялась могучая сила правоверных и встала под зеленое знамя ислама. Эта сила идет против неверных, оскверняющих и разрушающих наши вековые устои. И здесь, на земле многострадального Туркестана, пришло время объединить все силы мусульман и поднять народ на священную войну – газават! Великий хан Англии обещает вам свою поддержку и вам будут доставлены в большом количестве пулеметы и винтовки.

Это воззвание было подхвачено всеми сидящими здесь и вскоре передавалось из уст в уста, из села в села...

– Своим участием в борьбе против советской власти, – говорил наш знакомый Таджибай сидящим в чайхане, – вы спасете не только свою землю, свои дома, свой скот, но и...

– Братья мусульмане! – обратился к толпе Шааназар, богато одетый красивый мужчина лет 40-45, с черными усами и бородой, – Есть одно мудрое изречение наших великих предков: “сообща выступающие муравьи одолевают и слона”. Так давайте не и мы, сыны одного отечества, родина которых Туркестан: киргизы, казахи, узбеки, таджики и туркмены

прекратим межусобицы, объединимся в один могущественный кулак, поднимем народы на борьбу против нашего общего врага...

– Большевики вас в колхозы зовут, – говорил 50-летний мужчина с крашеной рыжей бородкой людям, собравшимся в молотильне риса Имина-Ходжы, – знаете, зачем делают это? Чтобы легче было лишить вас не только всего имущества, но и всех личных прав, Мечети будут закрыты, а жены будут общими...

Знаменитый Узгенский базар жил своей шумной и многоголосой жизнью. Смешались в общем потоке арбакеши, конные и пешие. Вдоль длинного ряда торговых лавок топчутся женщины в паранжах, предлагая покупателям разноцветные тюбетейки, вышитые бисером, лакированные ичиги и узорчатые платки с бахромой.

Под пестрыми навесами устроились торговцы лепешками, содержатели харчевни, знахари и юродивые. В тени деревьев парикмахеры бреют головы своих клиентов. Шла на базаре бойкая торговля всем: скотом, пищей, ножами, седлами, фруктами и прочими товарами. Ювелиры здесь же изготавливали украшения для женщин, чеканили серебряные бляхи для конской сбруи. Кипели большие самовары, в котлах варилось мясо и плов. И в этой пестрой базарной толкучке прошелся слухок:

– Пойдемте, говорят, что Насырхан-туре возвратился из дальних странствий и что-то хочет сказать народу...

Многолюдная толпа вереницей потянулась к холму, откуда глашатай обычно делал объявления.

– Мусульмане! – уже заканчивал свою речь Насырхан-Туре, – среди нас находятся известные во всей Фенганской долине господа: Истамбек, Гаип и Таджибай. Его светлость, эмир Бухарский присвоил этим четверем отважным воинам ислама звание “Пансатов”.

Насырхан-Туре каждому из названных вручил по куску шелковой ткани с вышитым текстом о присвоении звания.

– А также, – продолжал Насырхан-туре, – его светлость, эмир бухарский присваивает очень высокое звание датки – смелому Шааназару, достойному сыну великому Мааназару датки. Все курбаши, пансаты, сотники, десятники и прочие силы, объединенные под зеленым знаменем ислама, до возвращения эмира обязаны беспрекословно подчиняться обладателю этой божьей печати...

Насырхан-туре с особой пышностью вручил Шаарназару слиток золота, в середине которого выделялся оттиск полумесяца.

Солнце, оставляя свой багровый след на горизонте, покидало день. Медленно движется обоз из 4-х узбекских телег с высокими колесами из 6 пароконных бричек, доверху нагруженных посевными семенами. За бричками шли три верблюда и около десятка волов, навьюченных тяжелыми мешками. По слякотной весенней дороге Ош-Узген шел этот обоз. Каждую телегу сопровождал вооруженный всадник-доброволец. В густой, вязкой глине взмыленные животные еле передвигали копыта. К плечистому мужчине могучего роста, ехавшему на первой телеге рядом с кучером, подъехал молодой человек из числа сопровождающих.

– Дядя Козубай! – произнес он озабоченно, – кони трех телег совершенно выбились из сил и не тянут, может, сделает привал?

– Нет, дорогой Дарманкул, – возразил ему Козубай, – здесь нельзя. Видишь...

Козубай кивнул головой в сторону темного ущелья, где загадочно выступали длинные тени островерхих и причудливых камней, серых валунов. Густые заросли арчи сбегали вниз, клочкотала и пенилась вырвавшаяся из ущелья река.

– В таких местах могут прятаться басмачи, бандиты и прочая сволочь, – сказал с тревогой, – пока не стемнело, надо

добраться до Кайирмы, там переночуем, все-таки среди людей спокойней...

Молодой человек понятиливо кивнул головой, потянул повод и повернул коня.

– Райымбек! Аман! – крикнул он джигитам, ехавшим рядом с телегами. Отдайте ружья извозчику, а сами подсобите... Айтмурза, Таир, вы тоже...

Джигиты ловко соскочили с коней и пошли за телегами, подталкивая их сзади, спереди тянули за повод конные.

– Куламдун, Осорбек! – скомандовал Козубай, сойдя с телеги, шагая рядом. – Поезжайте в село и разузнайте что к чему! – приказал он, когда двое всадников подъехали к нему.

– Хорошо, Козубай-аке!

Джигиты поскакали в сторону села. Долго еще мелькали меж холмов, то появляясь, то снова исчезая, фигуры двух всадников.

Медленно двигался обоз. Нелегким был путь. И люди и животные выбились из сил, но продолжали свой путь. Когда обоз приблизился к окраине села, Козубай сделал знак остановиться:

– Подождем немного, – сказал он подъехавшим джигитам, – что-то до сих пор не возвращаются Куламдун и Осорбек.

Не успел Козубай договорить, как послышались дикие пронзительные крики, и со всех сторон на них налетело около 200-300 всадников. Впереди на черном коне ехал Таджикибай в распахнутом сером халате, за ним басмачей, вооруженным кто чем.

– И-Йох, алла, куу! – неслоь со всех сторон. Басмачи ринулись на обоз, готовые столкнуть, раздавить огромной своей массой горсточку храбрецов. Басмачи настолько неожиданно атаковали и с такого близкого расстояния, что сопровождающие не успели даже вскинуть ружья. Напавших было намного больше, чем людей Козубая. Со всех сторон появлялись все новые всадники. Людям Козубая угрожала гибель, и тогда он громко скомандовал:

– Всем оставаться на своих местах, никому не стрелять!

Тот джигит, которого назвал Козубай Дарманкулом, то ли не слышал команды своего предводителя, то ли не хотел

басмачам в руки попадаться, резко подхлестывая коня, ринулся в сторону гор. Но тут же прогремел выстрел. Дарманкул свалился. Конь Дарманкула шарахнулся вправо, левая нога джигита запуталась в стремях. Когда басмачи попытались поймать его коня, тот помчался еще быстрее, ударяя задними копытами по волочившемуся за ним хозяину. Несколько басмачей пустились за конем, но он еще ускорил свой бег. Тогда один из басмачей пристрелил коня. Так Дарманкул и его верный конь остались лежать на поляне, без признаков жизни.

– Бросайте оружие! – крикнул Таджибай, когда басмачи окружили горстку людей, спутников Козубая. Козубай выбросил свое ружье прямо в лужу и в тот же миг стоящий рядом басмач оглушил его ударом камчи. Остальные покорно сдали свои ружья с рук в руки...

– Ведите их в контору! – скомандовал Таджибай и, гарцуя на коне, направился в село.

Когда под конвоем пяти вооруженных басмачей пленников привели к конторе «Новый путь», там уже толпился народ. Сюда были согнаны все жители села «Каирма». Напротив толпы, выстроив коней в одну шеренгу, стоял басмаческий отряд. В центре площади под раскидистым карагачем лежали пятеро связанных в рваной клочьями одежде. Двое из них недавно посланные в разведку Куламудун и Осорбек. Рядом с ними лежала с задраным подолом платья красивая молодая женщина 20-22 лет. Лица двух других были изуродованы до неузнаваемости...

– Ва, какая встреча! – воскликнул Шааназар, обнажая в подкупающей улыбке белые зубы, – Здравствуй, дорогой товарищ председатель сельсовета! Ай-ай-ай! Великодушно прости нас, дорогой председатель, за то, что мои джигиты не очень любезно обошлись с тобой, они ведь не знали, с кем имеют дело...

Сеченая щека Козубая кровоточила.

– Добра от твоих головорезов басмачей я и не ожидал.. – сказал, глядя в упор на Шааназара.

– Ты зря нас обижаешь, председатель... – сказал Шааназар с наигранной улыбкой. Мы к тебе по-хорошему, с открытой душой, как говорится, а ты нас обзываешь басмачами... мы защитники ислама.

Пришпорив вороного, Шааназар выехал к толпе.

– Люди добрые, скажите мне, пожалуйста, – продолжал Шааназар, – разве мои храбрые джигиты принесли вам сюда разорение, разбой? Или кого обидели?.. Ну, скажите же?

Толпа молчала. Шааназар подъехал к белобородому старику с посохом.

– Вот ты скажи, отец, взяли ли что-нибудь у тебя мои люди?

– Нет, сынок, они ничего не взяли, – ответил старик.

– Слышишь, председатель, мои джигиты ничего не взяли!

Шааназар сложил камчу и, приложив к груди, обозначил поклон.

– Спасибо, отец, за правду.

Затем, подняв голову, вновь обратился к толпе:

– Вы сами видите, что мы пришли в ваш аил с миром... Скажи, председатель, сколько лошадей, коров и овец угнали мои джигиты лично у тебя?

– А у меня угонять нечего!

– Разве?

Громко, на всю деревню засмеялся Шааназар.

– Выходит, кроме громкого имени «председатель», ни гроша за душой не имеешь? И что ж? Хочешь, чтобы этих людей тоже превратить в голодранцев, подобных себе?..

– Шааназар! – перебил его Козубай, – прекрати пустую болтовню...

– Да? – удивился Шааназар, – Я смотрю, ты не из трусливых...

– Трус не трус, а силой одного человека обладаю...

– Даже так? Джигиты! – обратился Шааназар к своим. – Есть хорошая сабля?

– У меня!

– У меня!

– У меня!

Шааназар скинул на круп коня бархатный чепкен и, выбрав одну из трех предложенных сабель, вынул свою, поменял. Сабля Шааназара оказалась короче...

– Таджикибай! – сказал он громко, спрыгивая с коня, – когда мы с председателем будем выяснять наши отношения, пусть никто не вмешивается, если даже он одолеет меня.

– Хорошо, мой датка!

– И если судьбе будет угодно, – продолжал он, – уложит он меня на землю побежденным, всех пленных отпускаешь с миром, не трогая даже волосинки... Я так хочу.

– Хорошо, мой датка, ваша воля для меня – закон, – ответил Таджикибай с поклоном.

– Ну, начальник, отстаивай завоевание октября! – сказал Шааназар и кинул длинную саблю Козубаю.

Тому ничего не оставалось, как поймать саблю и ринуться в атаку.

Ухватившись обеими руками за рукоятку, громко воскликнув, Козубай напрямую рубанул своего врага. Но Шааназар ловко отскочил в сторону, и сабля прорезала воздух, звучно опустилась в лужу. Лицо Козубая обдало грязью. Басмачи в разнобой загоготали. Взбешенный Козубай замахнулся еще раз, но вновь увернулся Шааназар. Чуть соприкоснувшись, звякнули лезвия саблей. В пылу гнева Козубай замахивался слева направо, справа налево, сверху вниз... Как бы Козубай не старался, не мог достать противника. Шааназар специально тянул «игру», не спешил расправляться с председателем, хотя маленькому ребенку было видно, что он отлично владеет техникой сабельного боя. То выбивая из рук Козубая саблю, то подавая ему заново, в момент драки он умудрился достать противника кончиком сабли и легко ударить по заду, выставляя на посмешище всему народу.

И когда Шааназару надоела такая «игра», он легко выбил из рук Козубая саблю, замахнулся, чтобы разом прикончить, но замер в той позе, услышав голоса старейшин этого аила.

– Сынок, не надо крови, – просил тот же белобородый старик, – пощади его... Ради нас, стариков, смени гнев на милость...

– Ах, какая досада! – сказал Шааназар, опуская саблю. – Не в моих правилах отказать просьбам аксакалов...

Но в этот миг Козубай вцепился в горло Шааназару, хрипло заговорил:

– Ну ударь! Ударь, сволочь! – кричал он в ярости, – зря стараешься быть добреньким. Люди давно уже поняли, кто есть кто... Ну ударь, посмотри как умирает председатель.

– Пошел вон, дрянь!

Так двинул Шааназар по лицу Козубая, что тот полетел прямо в лужу.

Брезгливо отряхнувшись, Шааназар вел на коня, угодливо подведенного джигитами, и во всеуслышание сказал:

– Джигиты! Все зерно раздайте людям... Кому не на чем везти, сами доставите... Ну, чего ждете, подходите и получайте хлеб...

Никто из толпы не сдвинулся с места.

– Сынок, – сказал тот же белобородый старец, обращаясь к Шааназару, – как бы не получилось так, сегодня вы раздаете нам хлеб, а завтра новые власти придут и обвинят нас в расхищении?..

– Теперь другой власти не будет, отец! – сказал Шааназар. – Кончились дни вероотступников. Никаких колхозов-молхозов тоже не будет. Каждый будет сам себе хозяин и все будут жить как прежде... Не бойтесь, подходите, получайте хлеб... Мы вас в обиду не дадим!

Толпа оживилась, гурьбой подошла к обозу и кто на чем, кто на коне, кто на ишаке, а кто и просто на спине стали растаскивать пшеницу по домам.

– А это что за дом? – спросил Шааназар, указывая камчой на небольшой домик, на крыше которого развевался флажок из куска красной материи.

– Это наш магазин! – дружно ответили люди. Шааназар повернулся к своим джигитам, устало кивнув головой, добавил:

– Тоже.

Джигиты бросились к магазину и через несколько минут флаг был сорван. Двери и окна были взломаны, и молодой узбек в полосатом чапане принялся раздавать людям мыло, соль, спички, одеколон...

А что подороже оставляли себе, засовывая за пазуху. Другой его напарник брал ткани рулонами, измерял в размах руки, после третьего или четвертого размаха разрывал и кидал в толпу. Началась неразбериха. Кругом в разной кричали женщины, дети, старухи.

– Дай мне!

– Мне не хватило!

– Оторви мне кусок атласа!

Перед Шааназаром проходил древний старик. Опираясь на палку, он еле передвигал ноги, пытаясь присоединиться к толпе.

– А вы куда идете, почтеннейший? – вдруг спросил старика Шааназар.

– Я-то? – сказал старик чуть не плачущим, дрожащим голосом, – туда, куда все люди...

Старик показал Шааназару небольшой мешочек.

– Может и мне что-то достанется... Если нельзя – обиды нет, сынок... – Старик остановился в нерешительности.

– А где ваши дети? – спросил Шааназар, наклоняясь поближе к старику...

– Э, сынок, – сказал старик, проводя дрожащими руками по морщинистому лицу, – бог покарал нас со старухой, одни мы остались. Совсем одни. Четыре сына у нас было. Да басмачи, век им не видать добра, зарезали всех четырех за то, что не хотели быть с ними.

Дальше старик не мог говорить, слезы катились по морщинистому лицу, голос вышел из повиновения, он заплакал.

– Успокойся, отец... – сказал Шааназар, спрыгивая с коня и подходя к старику, – к сожалению, что ушло, того не вернешь...

– Да, да, сынок.

– Я понимаю, тебе не повезло, отец...

– Что и говорить, сынок.

Шааназар знаком подозвал одного из своих джигитов, сидящего на серой кобыле. За кобылой бежал ее жеребеночек той же масти.

– Кто ты? – спросил датка.

– Оморбек – я, – ответил джигит.

– Чей ты сын?

– Сын Баракана.

– Какого баракана?

– Из рода «ожураев»

– Тогда вот что скажу тебе, сын Баракана из рода «ожураев»... слезай ты со своей кобылицы.

Джигит спешился.

– Расседлай кобылу.

Джигит расседлал.

– Дай мне повод.

Джигит отдал повод.

– А сам, Оморбек, выбери себе самого лучшего коня из «красных». Моему смелому джигиту не к лицу разъезжать на кобыле! Иди!

Захватив седло, Оморбек направился к коням, привязанным у телег.

– Отец! – сказал Шааназар, подавая повод кобылы старику, – Вот пока все, чем могу помочь... Заберите ее вместе с жеребенком. Джигиты! – обратился он теперь к своим. – Выдайте старику 2 куска материи, наполните его мешок мылом, сахаром и чаем... Отвезите к нему домой четыре мешка зерна.

– Будет сделано!

Толпа одобрительно загудела.

– Идите, аксакал, домой...

– Подожди, сынок, – сказал старик дрожащим голосом, – кто ты такой будешь?

– Не с неба я свалился, отец, – ответил Шааназар доброй улыбкой. – Меня породили такие же люди, как и вы...

Шааназар ловко вскочил на вороного.

– погоди, сынок... – умолял старик.

Затем снял свой поясной платок, повесил его на шею, и, повернувшись к западу, воздев ладони к небу, произнес:

– Кто бы ты ни был, – ты настоящий сын своего отца. Да будет длинным твой век и сбудутся все твои желания. Пусть будет твоей вечной спутницей – удача, ооминь!

– Ооминь! – Повторили за стариком все присутствующие.

– Таджикибай!

– Да, мой датка!

– А судьбу вот этих... решай сам.

– Хорошо, мой датка.

И прищпорив коня, Шааназар поехал прочь. За ним поспешили с десяток вооруженных до зубов джигитов, его личная охрана.

Командир дивизиона Сергей Гаврилович Лаптев спешно собрал к себе в кабинет всех командиров и старшин, вделал следующее сообщение:

– Товарищи командиры! Враги революции вновь поднимают головы. Получено сообщение, что прорвались через границу басмаческие шайки Джанибека Казы, Ибрагимбека. Здесь же объявились: Шааназар датка, Гаип пансат, Таджикибай и другие предводители мелких разрозненных банд. Вчера разогнали колхоз «Новый путь» и разграбили продовольственный караван, шедший по куршабо-ошской дороге в Узген. Без караван 1700 пудов пшеницы, 600 аршинов мануфактуры и другие товары. Шааназар датка со своей шайкой, напав на караван, почти всю охрану уничтожил, все имущество разграбил. Нападением руководил сам Шааназар датка и проявлял особую жестокость. Где бы басмачи не появлялись, убивают, избивают сельских активистов, партийных и советских работников, терроризирует население.

Каждый день бесчинства басмачей – это десятки зверски замученных наших товарищей, это разграбленное народное богатство. Будем выступать в порядке: Эскадрон Угрюмова пойдет на Гаипа пансата, бесчинствующего в районе Гульчи, эскадрон Исаева преследует самую значительную часть шайки, которой руководит сам Шааназар датка. Я отправляюсь по

следам Батырбека в район Кара-Кульджи. А за безопасность города Узгена и ближайших к нему сел и деревень отвечает Виктор Васильевич Осташевский.

Тактика басмачей, – продолжал Лаптев, – избегать открытого боя. Больше всего они бояться кавалерийской атаки. Поэтому будьте осторожны на подступах к горам и в пересеченных местностях. Эскадроны будут держать связь через товарища Осташевского, посылая гонцов с пакетами. Задачи ясны, товарищи?

– Ясно, товарищ командир!

– Тогда выступайте!

Во дворе гарнизона Лаптев, объезжая ряды красноармейцев, говорил:

– Товарищи красноармейцы! На нас возложена задача: освободить населенные пункты, захваченные бандитами, восстановить там советскую власть. Партия и народ посылают вас – гвардию республики – не только покарать врага, но и доказать всему миру, что вчерашний бедняк умеет защитить себя, свою народную власть, свои первые великие завоевания. Желаю возвратиться со скорой победой!

В конном строю, подтянутые, воодушевленные напутственной речью комдива, красноармейцы выезжали из ворот гарнизона.

На пустынную улицу колхоза «Новый путь» въезжал эскадрон Абыша Исаева. Кругом ни души. Было жутко смотреть на этот, не подающий никакого признака жизни, неподвижный кишлак.

– Неужели не осталось ни одной живой души? – спросил старшина Айтбаев самого себя.

– Наверное, все население вымерло – предположил старшина Боголюбов.

– А может просто покинули аил...

– Может быть, там засели басмачи и сейчас загрохочут из-за дувалов выстрели? – настороженно сказал Боголюбов.

– Приготовить оружие! – на всякий случай скомандовал Абыш. – Следить за каждым дувалом, за каждым домом.

Медленно, с большими предосторожностями эскадрон двигался к центру айла.

И первое, что увидели в центре, был разграбленный магазин. Двери его были сорваны с петель, а из единственного окна выбито стекло. На земляном полу валялись измятые картонные коробки, осколки разбитой посуды, пустые бутылки, щепки изрубленного прилавка. От двери магазина через улицу, наискосок, тянулась полоска просыпанного риса – кто-то торопливо тащил порванный мешок. Сейчас тут, в пыли, копошились воробьи и весело клевали остатки зерна.

Рядом с магазином чернело обгоревшее строение. Крыша его обвалилась и над прокопченными стенами уродливо возвышалась печная труба. Возле глинобитного крыльца валялся изорванный чапан со следами крови, а чуть поодаль, в пожелтевших зарослях полыни, застрял разрубленный калпак.

Эскадрон двинулся дальше. Всадники остановились, как вкопанные, в центре площади, при виде чудовищной картины. На ветвях раскидистого карагача, словно елочные игрушки, висела пять человеческих трупов. Лица замученных были обезображены, лишены ушей и носов, выколоты глаза. Высоко, на толстом суку висел подвешенный за длинные черные косы труп той молодой женщины. На шее болталась небольшая дощечка с надписью:

«Так будет с каждым, кто продает свою веру».

Потрясенные увиденным, с намернувшимися на глазах слезами, стояли вокруг карагача бойцы эскадрона.

– Смотрите и запоминайте, что оставляют за собой басмачи, – нарушил зловещую тишину командир, затем, заметив рыдающего Кубата, спросил:

– Красноармеец Шатеков, что с вами? Среди этих несчастных есть близкие вам люди?

– Нет, товарищ командир, – сказал Кубат, глотая слезы. Просто я представил своих родителей. Простите...

– А что было с родителями?

– Точно такие были повешены и отец, и мать. Отец работал секретарем партячейки.

По лицу Кубата вновь побежали слезы.

– Не плачь, Кубат, – сказал Абыш по-отечески. – Мы обязательно отомстим им и за твоих родителей и за этих. Старшина!

– Я, товарищ командир! – с готовностью отозвался старшина Беголюбов.

– Снимите их на землю, организуйте похороны.

– Есть!

В это время из щелей окон и дверей десятки глаз следили за тем, как старшина Боголюбов подъехал поближе к карагачу, встал ногами на седло, перекрестился, и, обхватив левой рукой труп женщины, вынул саблю и принялся перерезать ее косы. Снизу за ноги поддерживал старшина Айтбаев.

– Эх, звери! – сокрушался старшина Боголюбов, – такую красавицу убили.

– Наверное, было комсомолкой – предположил старшина Айтбаев.

– Почему ты так думаешь?..

– Рядовую терзать бы не стали. Надругались бы и бросили полуживую... А эту убили...

– Может быть... – согласился и Боголюбов.

Бойцы бережно сняли все трупы, уложив их в один ряд, прикрыли шинелями. Затем, немного посоветовавшись, несколько бойцов побежали в ближайшие дома. Но не найдя ни одной живой души, возвратились с пустыми руками. Тогда, по предложению старшины Айтбаева, кто саблей, кто кинжалом принялись бойцы рыть могилы, тут же, под карагачем.

– Смотрите, человек появился! – воскликнул кто-то из красноармейцев.

– Тихо! – негромко приказал Абыш. – Не смотрите туда, и так она еле передвигает ноги от страха... Работайте, будто не

видите ее. Спасибо ей, она оказалась самым смелым человеком в этой деревне... Скоро и остальные появятся.

К ним приближалась босоногая 11-12 лет, боязно хлопая ладонями, несла кетмень. Не доходя до карагача 15-20 метров, девочка положила кетмень на землю и, повернувшись, рванулась прочь. Бойцы взяли кетмень и поочередно продолжали копать землю. Вскоре из всех домов высыпали подростки с кетменями и лопатами. Теперь они не убегали, а молча следили за тем, как бойцы роют могилы. Постепенно сюда стали стягиваться и взрослые. Вернулась и та девочка, что принесла кетмень, на этот раз с куском хозяйственного мыла в руке. Она молча подошла, положила мыло под карагач и вернулась в строй подростков. Рядом с мылом кто-то подставил одеколон, спички, сахар...

Из всех домов выходили люди и таскали к карагачу мешки, узелки, коробки, короче все, что взяли со вчерашнего разбоя. Абыш, ничего не говоря, молча следил за происходящим. На коне, на ишаке, на волах стали возить тяжелые мешки и выгружать под карагачом. Вскоре там выросла целая гора из возвращенных вещей.

Большая часть жителей «Каирмы» собралась у карагача. Одни виновато молча стояли. Другие заговаривали с бойцами, благодарили их, и брали из их рук кетмени и лопаты, чтобы помочь рыть землю.

Когда старшина Айтбаев опускал в могилу тело красивой женщины, вдруг заговорил тот седоволосый старик.

– Сынок, может я прочитаю им молитву...

Бойцы переглянулись и вопросительно посмотрели на командира.

– Можно, читайте! – разрешил Абыш.

Старик опустил на одно колено.

Когда под карагачом выросли пять свеженьких холмиков, Абыш выстроил бойцов, снял фуражку и дрогнувшим голосом заговорил:

– Дорогие наши товарищи! – сказал он, глядя на холмики. – Нам неизвестны ваши имена, но известно то, что вы отдали свои

молодые прекрасные жизни за счастье народа, за светлое будущее, за социализм! Мы, оставшиеся в живых ваши товарищи, клянемся отомстить врагам за каждую каплю вашей невинно пролитой крови. Пусть пухом вам будет земля!

Затем он повернулся к бойцом.

— Бойцы Красной армии! — вечная слава борцам за советскую власть!

Эхом повторился далеко в горах валп всего эскадрона.

А в конце улицы появился тот древний старик, он еле пола, но вел за повод ту серую кобылу, нагруженную двумя мешками. За ней шел ее маленький жеребеночек той же масти.

Сухая земля гудела под ударами копыт. Облако пыли, густое, оранжевое-желтое, заколыхалось позади. Деревья ложбины летели навстречу всадникам. Эскадрон Исаева пробирался лесом. Тропа все время вела на подъем и казалась бесконечной.

Гиганты-орехи шумели, издавая какие-то таинственные звуки, нагоняя страх. Неожиданно впереди послышался треск сучьев. Командир почувствовал, что кто-то притаился за толстым стволом ореха и дал знак остановиться. Вытащил маузер и, держа его наготове, громко крикнул:

— Эй, кто там, выходи!

Затрещали сучья, перед эскадроном появилось грузное, лохматое существо, выставил грудь вперед. Оно держало в правой руке увесистую дубинку.

— Не стрелять! — Закричал красноармеец Шатеков и, подъехав к командиру, торопливо сообщил: — Этот человек — председатель нашего сельсовета Козубай аке.

Существо странно посмотрело на говорящего красноармейца и, узнав в нем своего односельчанина, вдруг заплакало как маленькое дитя.

— Ну успокойтесь... Что с вами? — попытался успокоить плачущего громили красноармеец Шатеков.

– А что здесь делает председатель вашего села? – спросил Абыш у Кубата.

– Смерти ишу, товарищ командир... ответил сам Козубай,拭着 слезы. – Везли мы из Оша 1700 пудов семенных культур и много всяких там других товаров... В селе «Каирма» мы попали в окружение банды Шааназара и Таджикибая. Их было много, очень много, а нас 35 добровольцев. Они перебили всю охрану, оставшихся в живых взяли в плен, а семена и товары разграбили. Повинный в смерти 3-х юнцов, оставшись без воза и отряда, не смея показаться людям на глаза, скитаюсь вот так, ишу свою смерть...

Еще пуще зарыдал Козубай.

– Зря вы это, товарищ председатель, – сказал Абыш, слезая с коня и подходя поближе к Козубаю. – В том, что случилось, нет вашей вины, поймут и люди и руководство района. А семена, которые вы везли, мы уже почти все собрали и об этом известили район... Я думаю, если не все, то процентов 90 ваших семенных зерен будет возвращено... Что касается вас, мы поможем вам добраться до своих...

– Нет! Нет! Торопливо забормотал Козубай – Не надо. Истоптал мою честь Шааназар, опозорил перед всем народом. Прощу тебя, товарищ командир, возьми меня к себе... Пока не отомщу Шааназару, я не вернусь в аил.

– Вас взять в отряд?

– Да, а что? Обузой я вам не буду. Оружие и коня добуду в бою... Неплохо стреляю, здешние горы знаю, как свои пять пальцев. Разреши, командир, остаться в отряде?..

– Не могу, аксакал, – ответил Абыш. – Вы сейчас нужнее на своем рабочем месте, нежели в отряде. Уж если хотите воевать, организуйте у себя отряд добровольцев, бейте басмачей, охраняйте свое аилы... Для нашего отряда и возрастом вышли...

– Да? – Как-то странно посмотрел на командира Козубай и пробубнил себе под нос:

– Я думал, могу чем-то быть полезным. Что же, на нет, суда нет...

Козубай встал, низко опустив голову, побрел туда, откуда шел...

– Подождите, мы вас...

– Не надо! – махнул рукой Козубай. – Как-нибудь сам найду дорогу...

Жалко было смотреть на этого пожилого человека, идущего как будто на виселицу.

– Старшина Боголюбов! – крикнул вдруг Исаев.

– Я, товарищ командир!

– Найдется лишний конь?

– Найдется, товарищ командир!

– А оружие?

– И оружие найдем, товарищ командир.

– Тогда примите его в отряд. – Он кивнул в сторону идущего Козубая.

– Есть принять, товарищ командир!

А близ Гульчи, на зеленой лужайке под одиноким тополем расположился на привал эскадрон Угрюмова. По всему видно, что бойцы уже поели, теперь разбившись группами, о чем-то оживленно беседовали. Стреноженные кони щипали зеленую траву...

– Товарищ командир, можно спросить? – обратился к Угрюмову молодой боец, сидевший рядом.

– Да, Токтор, спрашивай...

– Я не могу понять, откуда появилось выражение в нашем народе «басмач»?

– Откуда он могло появиться?

– Да, товарищ командир!

– Оттуда, – кивнул Угрюмов в сторону гор. – От них же. От курбашей, пансатов, грабителей... Возьмем, к примеру, одного курбаши и, у него 300 человек джигитов. Как содержать курбаши такое количество людей, ведь у него нет ни государственной казны, ни продовольственных складов. А одевать, обувать, обмундировать. Кормить людей надо. Тогда

ему придется делать частые вылазки в различные кишлаки: силой отбирать у людей хлеб, скот, одежду... Это называется – грабеж. А слово «басмач» в переводе на русский язык означает – грабитель.

Тем временем примчался гонец и сбивчиво доложил:

– Товарищ командир! В «Жошолу» бандиты Гаипа-пансата, ворвавшись в село, зверски убили председателя сельсовета и еще 6 активистов. Они увезли с собой 2-х девушек. Есть сведения о том, что банда Гаипа-пансата направилась в район Кара-Кульджи для воссоединения с Шааназаром-даткой.

– Эскадрон, по коням! – раздалась команда Валентина Угрюмова.

Эскадрон Исаева приближался к отвесным скалам, двигаясь по косогору, покрытому бурой прошлогодней травой. На северных склонах еще местами лежал снег. Лишь кое-где пробивалась молодая зеленая трава. Всюду были рассыпаны огромные, потрескавшиеся валуны. Эскадрон двигался по ущелью осторожно, внимательно осматривая каждый выступ скалы. Впереди ехало двое разведчиков, за ними следовал остальные. Дорога становилась все круче и круче. Неожиданно впереди показался узкий проем, где мог проехать лишь один всадник.

– Абыш, браток!

К командиру подъехал Козубай.

– Красноармеец Бекмуратов! – резко осадил Козубая Абыш, – обращайтесь по форме.

– Простите, дорогой, сказал Козубай и, вытянувшись на стременах, произнес:

– Разрешите обратиться, командир?

– Обращайтесь.

– Товарищ командир, боюсь как бы мы не оказались в ловушке у басмачей...

– Это почему же?

– Смотрите, это место называется «Кыпчыма», то есть каменные тиски, – сказал Козубай вполголоса, – в 25-ом, когда я служил в добровольческом отряде, небольшая группа басмачей, укрывшись в этих скалах, перебила целый отряд красноармейцев, проходящих через «Кыпчыму»...

Не успел Козубай договорить, как рядом с командиром шлепнулась пуля и, отскочив рикошетом, обожгла руку какому-то бойцу. Боец коротко выругался. В ту же секунду вторая пуля сбила с Боголюбова фуражку.

– Товарищ командир! – отчаянно закричал один из бойцов. – Смотрите! Смотрите – туда, наверх! Они стреляют оттуда!

Абыш поднял голову. Высоко над ущельем, на отвесных скалах виднелись маленькие фигурки басмачей. Они отчетливо выделялись на фоне голубого неба и казались отсюда, снизу, совсем-совсем крошечными. Вот бандит, стоящий на самом краю, приложил к плечу винтовку, выстрелил, и один из бойцов схватился за бок.

В одно мгновение Абыш понял, какими прекрасными мишенями стали теперь бойцы. За несколько минут их могут перестрелять, как куропаток.

– Всем на правую сторону ущелья! – скомандовал Абыш. – Укрыться под скалами!

Все ринулись направо. В этот же миг свистевшие отовсюду пули буквально изрыли то место, где только что стоял эскадрон. Пали двое коней и один красноармеец. Другой, раненный в живот, боец дополз до укрытия и тут же скончался. Неожиданная атака сверху вызвала растерянность и замешательство в отряде. Но вскоре опомнились, заняв удобную позицию, и красноармейцы открыли ответный огонь.

Теперь басмачам, стоящим наверху, стрелять стало труднее. Зато подняли отчаянную стрельбу те, кто остался в долине, перед входом в ущелье, отрезая обратный путь эскадрону Исаева.

А через минуту и вторая группа басмачей переменила тактику. Сначала оттуда с грохотом упал тяжелый камень, ударился об выступ скалы и с жучей обломков грохнулся в

бурлящую реку. Потом посыпалась целая лавина больших и малых камней. Вот один из них сшиб молоденького, безусого бойца. Боец со стоном упал на спину.

Эскадрон терпел потерю за потерей.

– Боголюбов! – крикнул Абыш. – Возьми взвод, выйди из укрытия в обход и ударь во фланг тем, кто остался в долине.

– Слушаюсь, товарищ командир!

– Нет, этого делать нельзя! – поспешно запротестовал Козубай.

– Почему нельзя?

– Вас перебьют по одному, пока вы будете выбираться отсюда, – пояснил Козубай. – У нас единственная дорога – вперед. Идти по реке, видите, товарищ командир, во-он у той скалы одинокую арчу?

– Вижу.

– Чуть выше арчи есть древняя пещера. Если как-то доберемся до пещеры, то можно с успехом защищаться, хоть от господ бога! Самое страшное – вон тот открытый пятачок, дальше они нас не достанут.

– Они знают об этой пещере?

– Конечно, знают, но вряд ли кто полезет на эту отвесную скалу.

– Другого выхода у вас нет, должны дойти до пещеры.

Козубай, не прерывая разговора, лишь на секунду выглянул из своего укрытия и, не прицеливаясь, выстрелил в небо. Когда он ловко вернулся на свое место, с огромным валуном в объятиях, сверху упал, с диким криком, басмач в полосатом чапане.

Глядя на него, старшина Боголюбов перекрестился.

– Нам необходимо, – продолжал Козубай, – хотя бы одного бойца доставить до пещеры. А там остальных веревками вытянем.

– Верно говорит, товарищ командир! – поддержал Козубая Боголюбов. – Я с 10-ю бойцами буду отвлекать басмачей, а вы продвигайтесь вперед, иначе...

Боголюбов взглядом указал на бойца, сраженного очередной пулей.

– Иначе, через час никого из нас не будет в живых.

Козубай еще раз выглянул и еще раз выстрелил.

Второй басмач присоединился к «полосатому чапану».

– Ну, ты даешь, брат, будто яблоню трясешь, – сказал Боголюбов и вновь перекрестился.

– Так что же, товарищ, вы согласны с предложением Козубая?

– Да. Старшина Айтбаев!

– Я, товарищ командир!

– Возьми двух бойцов, любой ценой доберешься до Узгена и доложишь обстановку. К утру ждем подкрепление.

– Есть товарищ командир, разрешите выполнять ваше приказание?

– Выполняйте!

Айтбаев и двое бойцов с ходу запрыгнули на своих коней и пулей выскочили из укрытия. Посыпался на них град разнокалиберных камней. Айтбаев и первый боец благополучно выбрались из этого каменного ада, а вот второго бойца постигла неудача. Его вместе с конем придавил огромный валун величиной с юрту.

Айтбаев и его помощник мчались вдоль речки.

Тут же с десятков басмачей пустились вдогонку. Козубай опустил на одно колено и выстрелил, крайний басмач опрокинулся вместе с конем. А вторая пуля – никого не достала.

Оставив Боголюбова с десятью бойцами прикрывать отход, основная группа, пригибаясь к земле, осторожно двинулась в сторону черной пещеры.

Тут Боголюбов решил предпринять манеру Козубая, на миг высунулся из укрытия и, выстрелил вверх. Однако вместо ожидаемого басмача, сверху свалился огромный черный камень. Вновь затрещали выстрелы. Несколько пуль пропели над головой старшины.

Тем временем бойцы с Исаевым карабкались вверх, цепляясь за каждый выступ, за каждую травинку. Красноватые,

потрескавшиеся камни рассыпались под ногами, летели вниз, увлекая за собой целые струи песка и мелких камней. Каждый боец старался держаться в стороне от товарища, чтобы случайно сорвавшийся камень не угодил ему на голову. Так взобрались они с большим трудом до ложбинки под пещерой, задышающиеся, совсем выбившиеся из сил.

– Вот она! – крикнул Кубат радостно.

Абыш поднял голову и когда увидел гладкую вертикальную стену высотой, минимум, 6-8 метров между ложбинкой и пещерой, сдвинул фуражку на затылок и негромко присвистнул.

– Ну-ка садись! – вдруг предложил широкоплечий приземистый красноармеец и, посадив товарища на шею, спиной прислонился к скале.

– Очень хорошо! – сказал Кубат, на лету схватывая мысль товарища. – Еще попробуй... Посади сколько можешь...

Кубат начал разуваться.

– Я залезу последним и попробую продвинуться дальше...

– А сможешь?

– Попытаюсь.

Когда число взгромоздившихся бойцов на плечо приземистого красноармейца дошло до 6 человек, тот сделал знак – «хватит». Накинув на шею круг волосяной веревки, Кубат взобрался на плечо шестого бойца и невероятно ловко полез вверх. Внизу, не отрывая глаз от Кубата, стояли притихшие бойцы. Чем дальше, тем трудней становилось подниматься по гладкой вертикальной стене. Но красноармеец Кубат Шатеков настойчиво поднимался все выше и выше.

Не чувствуя страха перед высотой и боли от содранных в кровь ногтей, карабкался Кубат вверх. Когда оставалось каких-нибудь полутора или два метра до края пещеры, увидел небольшой кубик мха, выросшего буквально на камне. Радостно ухватился за него и, забыв об опасности, неосторожно подтянулся. Кустик оборвался под самый корень, Кубат начал стремительно падать вниз.

Невольно вскрикнул Козубай. Отчаянно зашевелились бойцы. Но к счастью Кубат ногтями вцепился в небольшой каменный выступ и правой ногой опустил на тоненький железный колышек, забитый в скалу каким-то неизвестным охотником. Колышек впился между указательным и большим пальцем правой ноги, обильно потекла кровь.

– Достаточно, слезай! – сказал Абыш негромко, – придется здесь держать оборону.

Эти слова привели в чувство Кубата, на миг потерявшего сознание, и он, стиснув зубы, обливаясь кровью и потом, вновь полез вверх.

Группа старшины Боголюбова, окруженная с трех сторон, отстреливаясь, отступила к черной пещере. Вдруг старшина пошатнулся и медленно начал приседать.

– Что с вами, товарищ старшина? – забеспокоился боец. – Вы ранены?

– Да. А ты стреляй.

Пока Боголюбов сам перевязывал себе раненую руку, бойцы заняв круговую оборону, открыли огонь по окружавшим басмачам.

А группа Абыша благополучно добралась до пещеры с помощью волосяных веревок. Пospешно установив пулемет у входа в пещеру, открыли огонь по басмачам, окружавшим группу Боголюбова. Басмачи бросились врассыпную, и этого было достаточно, чтобы вытянуть наверх всех остальных. Теперь весь эскадрон был в полной безопасности, хотя несколько раз атаковали басмачи, но ни одна атака не увенчалась успехом. Слишком хороша была позиция, которую занял эскадрон Абыша. Камни надежно прикрывали бойцов. Почти отвесные скалы пещеры не давали возможности бандитам зайти с флангов. И несмотря на то, что басмачей было

в десять раз больше, они оставались бессильными изменить обстановку в свою пользу.

Абыш, укрывшись за серым ноздреватым камнем, внимательно наблюдал за противником.

— Еще одна — две атаки, и они выдохнутся, — удовлетворенно сказал он.

Но бандиты, видимо, уже и сами хорошо поняли, что лобовой атакой ничего не добиться. Некоторые из них залегли за камнями и время от времени продолжали стрелять. Большинство же, ускакав на безопасное расстояние, спешили.

— Курбаши мырза! — сообщил подскочивший черноусый помощник Таджибая, — они за камнями укрылись. Заползли в пещеру. Теперь нелегко будет их оттуда выковырять.

— Где десятник Мамаджан? — зло крикнул Таджибай.

— Я здесь, курбаши мырза.

На вороном коне к Таджибаю подъехал мужчина лет 55-60.

— Что там такое?

Таджибай кивнул головой в сторону черной пещеры.

— Где, у черной пещеры, что ли?

— Да, там...

— Мне кажется, там люди...

— А как они взобрались туда?

— Не могу знать, мой мырза...

— Я же тебе приказал выставить охрану у черной пещеры.

— Позабыл, мой мырза, прости старого человека.

— Осел, как ты посмел забыть мой приказ!

Таджибай ловко вытащил саблю из ножен, коротко взмахнул ею и покатались по земле отрубленная голова десятника.

К концу дня, когда немного утихла перестрелка, Абыш приказал перевязать раненых и поместить их в глубине пещеры. Расставляя часовых у входа, предупредил:

– Берегите каждый патрон, я думаю, предстоит еще немало перестрелок.

Затем вернулся в глубину пещеры, подошел к лежащему Боголюбову. Тот хотел было привстать, но Абыш не позволил.

– Лежите, лежите, – сказал он мягко, – как рука?

– Пустяки, товарищ командир, – бодро ответил Боголюбов, – до свадьбы заживет.

– Разве? – удивился Абыш. – Собираетесь сыграть свадьбу?

– Конечно, товарищ командир! – заразительно засмеялся старшина, – Правда, не свою свадьбу, а Кубата...

– Аа... Шатеков собирается жениться?

– Да, товарищ командир. В сейдикуме его ждет вот такая девушка, зовут ее Кенжекан.

Старшина оттопырил большой палец, покрасневший Кубат опустил голову.

– Когда перебьем басмачей, я поеду к родителям Кенжекан самым главным сватом, – продолжал старшина, – а у меня трое хлопцев в Сибири... Недавно получил письмо от жены. Хотел их насовсем привезти, да вот басмачи помешали... Эй, что с тобой? – вдруг обратился старшина к Козубаю, – Ты что повесил нос?

– Да так! – нехотя ответил Козубай. – Душа ноет.

– В чем дело? – вмешался в разговор и Абыш.

– Товарищ командир, – вдруг разгоряченно заговорил Козубай.

– В 25-м на скачках упал с коня и переломал вот эту ногу. Она болталась, как тряпке, но люди не слышали даже стона моего. Были и зубные, головные и другие боли... Никогда я не издавал ни звука. А сейчас я плачу, плачу как малое дитя... Шааназар смертельно оскорбил меня, растоптал мою честь при всем народе... Я жажду встречи с ним один на один...

– Ну, это поправимо! – успокоил Козубай командир, – обещаю вам скорую встречу с Шааназаром.

— Эй вы, там, наверху! — раздался голос басмача, укрывшегося за громадным валуном. — Спускайте вашего начальника, наш курбаши хотел говорить с ним.

— Пусть твой курбаши говорит оттуда, — ответил часовой, — здесь все слышно.

— Ладно! — раздался другой голос. — Я, правая рука Шааназара датки, Таджибай курбаши, кто будет говорить со мной?

— Если не возражаешь, я буду! — последовал ответ Абыша. — Таджибай!

— Да!

— Мы с тобой встречались в 25-ом году в Кашгаре-Кишлаке, ты не забыл еще?

— Нет, не забыл, — был ответ. — Значит, ты красный командир Исаев?

— Он самый... Вот спасибо, что вспомнил...

Чувствовалось, что Абыш хочет затянуть разговор, выиграть время.

— Таджибай, ты не забыл, как тогда ты, бросив своих джигитов, спасся в зарослях камыша... Может, это не ты был?

— Нет, тогда был я! — Спокойно признался Таджибай, — Тогда сила была на твоей стороне... Но судьба, оказывается, бывает переменчивой... Теперь она перевела силу на мою сторону, и ты спасаешь свою шкуру, сидя в этой конуре, и кто знает, удастся ли тебе спастись, как мне тогда... Ведь вы, как железным кольцом, окружены моими людьми...

— Ошибаешься, дорогой Таджибай, — поправил его Абыш. Тогда ты уносил свои ноги, а я же — обороняюсь...

— Ээ, какая разница, сейчас ты в моих руках...

— Кто у кого в руках, это мы еще посмотрим.

— К чему пустая болтовня, лучше давай поговорим по-человечески.

— Я тебе слушаю, Таджибай! Что ты предлагаешь?

– Предлагаю тебе свободу, хорошего коня, шубу и твое личное оружие.

– Что еще?

– Еще?... У тебя, Исаев, осталось не больше 50 человек, сдай их мне, такие люди нам нужны... Я им всем гарантирую жизнь и место десятника в моем отряде. Сегодня вечером сюда придут Гаип-пансат, а завтра – сам Шааназар со своей армией. Мы постараемся никого из ваших не пропустить через «Кыпчиму» – другой дороги нет. Если даже твои люди не подпустят никого к пещере, мы намерены обосноваться здесь надолго. Так что во избежание лишнего кровопролития предлагаю спуститься самим, другого выхода у вас нет.

– Хорошо! – сказал Абыш, – теперь слушай меня.

– Говори!

– Таджибай, не губи по напрасную наивных людей,пусти их по домам, пусть возвращаются к своим аилам и ведет свое хозяйство. Наша власть – власть народа. А народ, как сам знаешь, сила непобедимая. Народ способен и на гнев и на милость. Если тыпустишь своих людей и придешь с повинной, может, и тебе будет прощение...

– Слушай, ты, без агитации!

– А я и не думаю агитировать вас, я говорю что есть. Пусть твои джигиты сами скажут, что плохого им сделала советская власть?

– Хватит! – закричал Таджибай, но на этот раз эскадрон Абыша был в более выгодном положении.

Топот коней, шум, крики, винтовочные выстрелы, треск пулемета – все слилось в сплошной гул, словно в горах поднялся ураган. Пулемет буквально косил всадников, которые беспорядочно неслись по ущелью.

Басмачи, не выдержав сильного огня, вынуждены были повернуть назад.

К ночи обе стороны начали готовиться к ужину.

Выдели по глоточку воды раненым. Эскадрон готовили к длительной обороне.

– Ничего, потерпите немного! – успокаивал их Козубай, глядя в бинокль вниз, где басмачи раздирали шкуры, разделявали туши коней, павших в бою. Пусть еще стемнеет, и мы тоже что-нибудь придумаем.

Синий походный шатер Таджикибая. В центре висит переносная лампа. В середине шатра, а окружении своих ближайших помощников, мрачно восседал Таджикибай.

– Что и говорить, сегодня мы бой проиграли! – сказал Таджикибай, еле сдерживая себя. – Теперь надо во что ни стало выманить их оттуда, что с гонцами?

– Вернулись они, – несмело сообщил черноусый молодой человек, – Одного убрали, а вот второй скрылся в камышах...

– Это значит, – прервал его Таджикибай, – что не сегодня, так завтра жди здесь красных. Они обязательно придут... Абилай, ты со своей сотней будешь сторожить вход в ущелье, если пропустишь хоть муху, то пеняй на себя, твоя голова не лучше головы Мамаджана, понял?

– Понял, курбаши мырза.

– А ты, Кадыр, со 150 молодцами остаешься здесь и любой ценой выманишь красных из пещеры.

– А как, мой мырза?

– Что невозможно их вытащить оттуда?

– Вы же сами видели, мой мырза.

– А если спустить сверху аркан?

– Ничего не выйдет, скала слишком высокая, нет у нас аркана такой длины.

– Выходит, мы бессильны перед красными?

– Мне кажется, надо сделать камнебойные орудия, – вдруг предложил сивобородый старик лет 60-ти, – забросать вход пещеры камнями.

– Из чего делается это самое камнебойное орудие?

– Из трех бревен, их нужно перекрестить друг с другом... А лесу здесь их предостаточно. Можно и рогатками попробовать...

– Отлично! – заключал Таджикибай, – вот вы, Бейткадыр аке, с утра займетесь приготовлением вашего орудия.

Ночь. Заспанная луна только выплыла из-за гор и застыла, удивленная тем, что в эту по всему ущелью высыпало множество огней, и столько людей не спит. Лишь вход пещеры зиял темнотой, где сидели несколько бойцов и нарочно громко разговаривали. Другая группа, возглавляемая Абышом и Козубаем бесшумно спускались вниз с помощью той же веревки, и растворялась в темноте.

Я песню свою пою,
Про черноглазую мою.
В темной пещере при луне,
Мне кажется, во сне
Как будто мы с тобой вдвоем,
Идем, смеемся и поем.

Так запел Кубат, и громко подбадривали его товарищи, сидящие вокруг него.

Внизу, под скалой, около высохшей арчи расположились басмачи. Они варили мясо. Ярko горел костер в каменном очаге.

– Может, уже сварилось? – широко зевнув, спросил один из басмачей.

– Пусть еще немного поварится, – сказал Медетбек, самый старший в этой группе. Оморбек, самый молодой из них, лежал на спине, подложив под голову седло, прислушиваясь к голосу Кубата.

А Кубат пел:

Ты иди ко мне, моя любовь,
Здесь, в горах, я бью врагов.
Чтоб лучше нам с тобой жилось,
Чтоб расставаться не пришлось.

– Это он, наш Кубат! – воскликнул Оморбек.

– Да, это он! – подтвердил Медетбек, и вдруг неожиданно зарыдал.

– Что с вами? – на перебой стали спрашивать басмачи.

– Да так! – Медетбек отвернулся от них.

– Это поет наш Кубат, – сказал Оморбек каким-то потеплевшим голосом, – друг детства. Он приходится родным племянником Медетбек аке.

– Как?

– Так, его мать была моей младшей сестрой.

– А почему «была»?

– Потому что их убили вместе с мужем...

– Кто их убил?

– Бандиты Джаныбека-казы.

– За что?

– Муж ее был секретарем партиячейки, их повесили на дереве. Точно, как тех, что в селе Каирма...

– Не понимаю! – сказал третий басмач, недоуменно оглядываясь. – Басмачи, то есть мы, убиваем его родную сестру, а он еще с нами...

– А что же оставалось мне делать, если сам Шааназар-датка сказал: «Или с нами, или смерть».

– Вы что, были очень богатым человеком?

– Откуда, просто был охотником и знаю эти горы, как свои пять пальцев. Такие люди, как я, очень нужны ему. Конечно, мог бы убежать в горы и никто б там не нашел меня, но в аиле осталась жена с кучей ребятишек... Не сдобровать бы им, если б я не пошел с ними...

Воцарилось недолгое молчание.

– А вы как попали сюда? – спросил Оморбек у третьего басмача.

– Глупо, по-глупому я попал сюда! – принялся рассказывать свою историю третий басмач. – В пьяной компании, из-за женщины, я ударил председателя сельсовета и испугался, что посадят, уехал из села... ну... тут встретились басмачи... но долго думаю, присоединился к ним, честно говоря, сейчас жалею...

– Полгода скитаемся в этих местах, – продолжал разговор четвертый басмач, – как дикие звери, не имея ни крыши над головой, ни постели... Что с нашими семьями, мы не знаем. Во имя чего находимся в этих местах? Не понимаю.

– Я тоже дурак! – вдруг ни с того, ни с сего принялся рассказывать свою историю Оморбек, – позарился на коня, ружье и саблю, которые обещают курбаши своим джигитам. Даже увел из дома кобылу с жеребенком, на которой держалась вся наша семья. А потом, когда понял, что к чему, было поздно. Кобылу-то датка передал тому старику... вот и не могу вернуться домой без кобылы.

– Вот видишь: за саблю и винтовку ты должен убивать и грабить! – сказал Абыш, выходя из темноты.

Басмачи поспешно по вскакивали с мест, схватив ружья.

– Сидите, я один пришел! Побеседовать с вами! – сказал Абыш, спокойно усаживаясь у очага, – сидите. Итак, вы отнимаете хлеб у тех, кто зарабатывая его потом. Мы же хотим счастья всем, кто трудится, ты понимаешь, кто честно трудится, а не грабит и не живет за счет тебя, меня, твоего отца, твоего дела...

На рассвете ущелье наполнилось шумом и гамом. Басмачи под руководством того сивобородого старика, которому Таджикибай поручил вести строительные работы, срубали высокие ели, березы для камнебойного приспособления.

Абыш с группой красноармейцев, среди которых были и те 10 басмачей, к которым он пришел «побеседовать», сидели в укрытии за Красной Скалой.

– Товарищ командир, наш белогривый... – вскричал Кубат, сидевший рядом с Абышем.

– Где?

Абыш навел бинокль в ту сторону, куда указывал Кубат.

– Да! – радостно воскликнул он. – Живой, значит... Только вот седло на боку болтается.

– Товарищ командир, разрешите сбегать за ним, – попросился Кубат.

– Не разрешаю, если тебя заметят, товарищ командир. Я переоденусь в одежду Оморбека... Оморбек, давай самой все с себя.

– Может, я сам сбегаю? – несмело предложил Оморбек.

– Нет, он тебя не подпустит, разрешите, товарищ командир, – все будет в порядке.

– Ну, хорошо, будь осторожен.

– Спасибо, товарищ командир.

Тем временем кто-то негромко произнес:

– Кто-то идет...

– Приготовились, только без команды не стрелять.

Бойцы затихли, из-за кустов показались десять всадников, каждый из них вел за уздечку по одному коню.

– Где Калдар? – был вопрос Медетбека, ведущего группу.

– Он еще не возвращался – ответил кто-то.

– Тогда скоро и он подъедет, – сказал Медетбек. – Он оказался молодцом.

– Что-нибудь случилось?

– Еще бы! Чуть не попались Таджикибаю. – начал рассказывать Медетбек. – Мы уже были в ореховой роще, а те 10 всадников проезжали мимо шатра. Вдруг в это время выходит сам Таджикибай и спрашивает:

– Эй вы, куда ведете этих лошадей?

– Я думал конец уже, а Калдар не растерялся. Джигиты, – говорит он, – заняты рубкой леса, мы решили всех коней сводить на водопой.

– Молодцы, – похвалил Таджикибай, – держите коней в чистоте. А нам того и надо было. Галопом примчались сюда.

Соорудив из трех бревен камнебойные приспособления, басмачи установили первое с левой стороны пещеры. Затем положили в плоский конец бревна округлый камень с лошадиную голову и пятеро джигитов, ухватившись за другой конец бревна, раскатали его и с силой дернули назад. Камень пролетел выше пещеры и, ударившись о скалу, разлетелся вдребезги.

– Прекрасно! – сказал следивший за всем этим Таджикибай, – Стреляйте из всех орудий, забейте вход.

Треща и поскрипывая, шесть камнебойных орудий, установленных в один ряд, забрасывали камни в пещеру.

– Где ваша рогатка, покажите мне ее работу! – приказал Таджикибай старику с сивой бородой.

По знаку старика подошел басмач, в руке которого была с тюбетейку вырезанная кожа, с двух сторон привязана веревка длиной чуть больше полуметра. Басмач смотал один ее конец на кисть руки, а другой держал свободным, заложил в кожу камень с кулак, несколько раз покрутил над головой и отпустил свободный конец веревки. Камень полетел еще дальше.

– И это пойдет, – сказал Таджикибай удовлетворенно, – сколько наделали таких рогаток?

– 20 штук, – ответил сивобородый.

– Пусть 40 джигитов поочередно закидывают камни! – приказал Таджикибай. – И через час, я думаю, эта пещера станет темной могилой для красных.

Сначала камни падали далеко от пещеры, но через некоторое время, когда джигиты приспособились, стали попадать прямо во вход.

Бойцы, оставшиеся в пещере, попытались отстреляться, но вскоре поняли, что их пули не достают до басмачей, и прекратили бесполезную стрельбу.

Сложив одежду и оружие, 50 басмачей, оголившись по пояс, старательно закидывали камни в пещеру.

Но неожиданно с криком «Ура!» выскочили красноармейцы и, сверкая саблями, ринулись прямо на них.

Те от неожиданности бросились врассыпную. Пятеро басмачей, которые дергали камнебой, со страху резко отпустили один конец бревна и другой конец ударил, пригвоздил к скале того сивобородого старика. Бойцы окружили басмачей и вынудили их собраться в кучу. С пещеры спускались и раненые.

– Сайранбаев! Возьмешь двух бойцов и останешься сторожить басмачей! – приказал Абыш.

– Есть остаться.

– Остальные за мной!

На зеленой лужайке у реки, с вооруженными до зубов тремястами басмачами, встретил Таджикибай отряд Абыша, численность которого не доходила и до ста человек. Началась рукопашная схватка, в ход были пущены сабли, дубинки и кулаки.

Абыш первым врезался в гушу басмачей и, когда широким взмахом ударил саблей еще безусого юношу, тот с криком «мама» съехал со своего вороного коня, и, вздрогнув, обмякло его тело.

С обнаженной головой, размахивая мечом, где-то с другого конца толпы приближался к Абышу Таджикибай.

Увесистая дубинка Козубая укладывала наповал сразу двух-трех басмачей. Вдруг конь Козубая пал, сраженный вражеской пулей, но слетевший Козубай быстро вскочил на ноги, ловко уворачиваясь от нападающих, он дубинкой крушил лошадей и басмачей. Кругом слышались разноголосые крики, стоны, ругательства и лязг сабель и мечей. Обе стороны даже и не помышляли об отступлении, дрались отчаянно цепко. Наконец, Абыш с Таджикибаем оказались лицом к лицу. Их сабли, звякнув, скрестились. И началась ожесточенная драка. Противники оказались упорными, достойными друг друга, оба показали высочайшее мастерство ведения сабельного боя. Инициатива постепенно переходила на сторону красных, но вдруг с диким криком со стороны входа ущелья на помощь Таджикибаю подоспела сотня Абилая. И Абыш вынужден был, подрывая ряды, обороняясь, отступать к реке.

Собрав в кучу голых басмачей, трое красноармейцев стояли на страже, к ним подошли раненые во главе со старишиной Боголюбовым.

– Ребята, нашим трудно, спешите на помощь, – сказал Боголюбов, – Мы их посторожим.

А Таджикибай продолжал теснить отступающий отряд, предлагая сдаться.

Когда с громким криком «Ура!» ударили с тыла те трое красноармейцев, в рядах басмачей произошло некоторое замешательство, но когда поняли, что нападают всего лишь трое, около двух десятков басмачей набросились на них и вскоре смяли этих храбрецов.

Тяжело дыша, Таджибай выскочил из гуши сражения и хрипящим голосом скомандовал:

— К реке, к реке теснить!

Холодная вода уносила лошадей и людей. Трудно было в это время Абышу. Один за другим падали его бойцы.

Бросайте оружие, сдавайтесь! — кричали басмачи...

ВТОРАЯ ЧАСТЬ

– Бросайте оружие, сдавайтесь! – кричали басмачи, но ни один боец не думал сдаваться. Каждый дрался насмерть. Вдруг задрожала земля, с громким криком «Ура!» из-за поворота выскочил целый эскадрон красноармейцев с обнаженными саблями. Впереди, будто на крыльях, мчался друг Абыша Валентин Угрюмов. На этот раз схватка была короткой. Таджики с сотней джигитов устремился в сторону леса, остальные сдались в плен. В погоню за Таджикибом ринулись бойцы, но догнать их так и не смогли.

Голова Оморбека лежала на коленях Медетбека, он задыхался, еле шевелил кровоточащими губами:

– Медетбек-аке, вы скажите моему отцу, что я погиб не басмачом...

– Помолчи, сынок, – сказал Медетбек, – ты сам об этом расскажешь.

Едва заметная улыбка скользнула по лицу Оморбека, откинув голову, глядя на небо, он будто заснул. Дрожащими пальцами Медетбек закрыл широко раскрытые веки юноши.

В кабинете Лаптева шел военный совет. Четыре офицера и командир дивизиона обсуждали прошедшую операцию.

– Меня удивляет еще одно обстоятельство, товарищ командир, – продолжал Угрюмов, – почему-то басмачи заблаговременно были осведомлены о всех моих действиях. Мы часто оказывались в нелепом положении, не застав их на предполагаемом месте. Чем это объясняется, ..

– Очевидно, их разведка работала лучше нашей, – вставил слово Осташевский.

– Допустим, что их разведка работает лучше нашей в настоящих событиях. Но, товарищи, откуда они могут знать о том, о чем знали только мы вчетвером, присутствующие здесь офицеры? – сокрушался Угрюмов. – Чтобы убедиться в преднамеренности или случайности этого явления, я начал путать свои же направления... Вот тогда-то мы встретились...

– Значит, товарищ командиры, – заключил Лаптев, в дивизионе появилась щель, через которую идет утечка секретной информации. Ну, придет время и мы разберемся во всем. Сейчас мы имеем задачу куда поважнее, требующую незамедлительного решения. Вы уже знаете, кто такой Шааназар. Имеются точные сведения, что материально и духовно бандитов поддерживает иностранная разведка и хочет объединить все силы контрреволюции вокруг Шааназаратки. Он и раньше имел большой авторитет среди местного населения, теперь с каждым днем растет его популярность. Сейчас Шааназар снова силен и вопрос о немедленном уничтожении Шааназара – вопрос насущной необходимости. Не думайте, что ликвидация Шааназара пройдет быстро и легко, его люди хорошо подготовлены, вооружены. Какие будут предложения.

– По-моему, товарищ командир, – сказал Осташевский, чеканя каждое слово – для ликвидации Шааназара надо мобилизовать местных коммунистов и всех боеспособных среди населения, ударить мощно и покончить с ним раз и навсегда.

– А как вы думаете?

Лаптев обратился к другим офицерам.

– Я тоже так думаю! – сказал Абыш.

– А я против – сказал Угрюмов.

– Почему же?

– Да потому, что местное население не обучено военному делу, значит, в предстоящем сражении могут быть очень большие потери...

– А что вы предлагаете?

– Идти на переговоры.

– С кем?

– С Шааназаром, он очень умный человек и должен уже осознать несостоятельность задуманного им дела. Может, удастся склонить его к сдаче.

– О, это был бы большой успех. – оживился Лаптев. – Но пойдет ли он на это? А идея неплохая. Помните, М.В.Фрунзе ездил на переговоры с главнокомандующим басмачей Мадимин-беком и результаты были хорошими: курбаши сдался советским властям.

– А кто поедет к нему?

– Конечно, я! – с готовностью ответил Угрюмов. – Мы с ним старые знакомые, киргизский язык я знаю хорошо... Я и переговорю.

– Ваше предложение очень заманчивое, – сказал Лаптев, – но этот вопрос я один не могу решить. Нужно посоветоваться с соответствующими органами. Пока остановимся на варианте товарища Осташевского.

– Товарищ командир, что делать с пленными из ущелья?

– Есть желающие служить у нас?

– Есть.

– Желающих оставьте, а остальных отпустите по домам, предупредив, чтобы больше ничего не замыслили, против советской власти.

Из Узгена эскадрон выехал еще затемно. День обещал быть ясным и теплым. Легкий туман поднимался от остывшей за ночь земли. Мокрая зелень жадно тянулась к солнцу. Путь шел по заросшему тальником, вербами и тополями берегу реки Кара-Дарыя. Грязь подсохла, но дорога была все еще влажной. Ехали осторожно. Вперед был выслан дозор. Враг мог ударить из-за любого куста, встретить у околицы любого села. Легкий пулемет, установленный на тачанке, был приготовлен к бою. Во главе отряда, не спуская глаз со скакавших впереди дозорных, ехали Исаев и Угрюмов. Они вполголоса переговаривались.

– А что не придет?

– Должен прийти, эти переговоры ему нужнее, нежели нам, – ответил Угрюмов.

– Посмотрим.

Дорога становилась все сложнее. Неожиданно за поворотом показался полуразрушенный дувал, за ним виднелись густые заросли облепихи.

Абыш сделал предупредительный знак остальным. Те остановились. На всякий случай сняли с плеч винтовки. Абыш осторожно подъехал к дувалу, придержал коня и крикнул:

– Эй, есть там кто-нибудь?

Ответом было молчание. Только черный ворон, сидевший на дувале, выметнулся кверху и, тяжело махая крыльями, сделал круг над прищельцами. Вдруг слева от разрушенного дувала из проема облепихи на великоленной лошади с красиво отделанным седлом выехал сравнительно молодой джигит. Одет он был в новый темно-синий чапан, на боку сабля в богатых ножнах, по всему было видно, что это кто-то из приближенных Шааназара. Конь его приплясывал, не стоя на месте.

– Ну, я поехал! – сказал негромко Угрюмов. – Беру с собой Сайранбаева и Абдрахманова.

– Возьми, кого считаешь нужным, – предложил Абыш, – хоть целый эскадрон.

– Эскадрон ни к чему, – возразил Угрюмов. – Хватит мне и этих двоих. К тебе просьба, Абыке, переговоры могут затянуться, до 5 часов, пожалуйста, не принимай никаких крутых мер.

– Хорошо! – сказал Абыш нарочно погромче, чтобы услышали его по ту сторону облепихи. – Если к 5 часам вас здесь не будет, весь род Шааназара и его приближенных будут доставлены в ГПУ.

– Сайранбаев! – крикнул Угрюмов.

– Я!

– Абдрахманов!

– Я!

– За мной!

Пришнорив коня, Угрюмов въехал в тот узкий проем, за ним последовали двое красноармейцев. Со всех сторон высыпало около десятка хорошо вооруженных всадников.

Окружив Угрюмова и его спутников, они коротко обменялись несколькими фразами, затем стремительно понеслись в сторону гор.

Вскоре басмачи привели Угрюмова и его спутников к каким-то развалинам. Это была полуразрушенная древняя крепость... Стены крепости, прежде высокие, прочные, теперь потрескались. Угрюмов ехал молча и внимательно осматривал эти развалины. Дальше показались огромные, сложенные из дикого камня сооружения. Портал со стрельчатой аркой поразил Угрюмова массивностью и суровостью. Даже прошедшие столетия, беспощадно расправившиеся с другими строениями, ничего не могли сделать с этим монументальным сооружением. Его толстые прочные стены, выложенные из такого же дикого камня, казалось, были не подвластны бегу времени. Только боковые перекрытия кое-где обвалились и просели. Сооружение было угрюмым, мрачным, поросшим бледно-зеленым мхом и лишайником. За порталом шел длинный коридор, который умирался в еще более массивное, величественное сооружение, напоминающее гигантскую юрту, под которым и стояла шестиканатная настоящая войлочная юрта Шааназара.

Парламентеров встретили приветливо, с почестями ссадили с лошадей. Угрюмов и его спутники по восточному обычаю обменялись рукопожатием с Шааназаром и его приближенными. Угрюмов обратил внимание на бедную одежду главаря. Он был в старом чапане, из под которого виделись не слишком белые бязевые дамбалы и рубашка, обут на босу ногу в азиатские галоши.

Шааназар попросил всех войти в юрту, но Угрюмов не торопился. Выше крепости горы покрывала густая трава, еще не сожженная солнцем. Еще выше громоздились коричневые и серые груды камней. Зазубренные контуры скал высились, как башни фантастических замков. А над скалами сверкали снежные вершины, голубели ледники. Вокруг, действительно, было очень хорошо.

– Прекрасное место!-произнес он, не скрывая своего восхищения, – прямо, как исторический памятник...

– Так оно и есть, – поддержал разговор Шааназар, – конечно, крепость потеряла вид, nonetheless на это каждый камень здесь для нас стал святым.

– Еще бы... Интересно, кем же была построена эта крепость?-вдруг заинтересовался Угрюмов.

– Много легенд и преданий связано с этой крепостью, – любезно начал объяснять Шааназар. – Одни говорят о жестоком и злом завоевателе, который построил эту крепость, как резиденцию и совершал отсюда набеги на соседей. Другие утверждают, что это неправда и что был всего-навсего караван-сарай, где останавливались купцы, дервиши и прочий странствующий народ. Но, как бы оно ни было, я думаю, господин Угрюмов пришел ко мне не для того, чтобы послушать историю нашей старой крепости, а по другому важному делу? Не так ли?

– Да, именно так.

– Тогда прошу...

Когда входили в юрту, Угрюмов лишь на секунду бросил недоуменный взгляд на босую ногу и калошу Шааназара, и это не прошло незамеченным. По лицу хозяина скользнула грубая усмешка. После того, как все расселись на шырдаке, Шааназар свернул ноги калачом и заметил:

– У нас говорят:мудрец прикрывается тряпкой, а глупец носит алую одежду.

– Угрюмов не растерялся, глядя в холодные глаза датки, и ответил:

– А у нас говорят:встречают по одежде, проважают по уму.

– Ну, с чем пришел, Угрюмов?-вдруг датка решил переменить тему разговора и поставил вопрос ребром.

– Знаешь, Шааназар, в жизни каждого человека должен быть смысл. Я бы хотел спросить у тебя; какой смысл видишь ты в своей теперешней жизни? Неужели ты веришь, что в мире есть силы, которые могли бы поколебать советскую власть, власть народа?

Наступило молчание. Заметив выражение растерянности на лице врага, Угрюмов наступал:

– Народ – неодолимая сила, кто от него отколется, тот погибнет.

– Огонь с водой не уживаются! – с нескрываемой злостью процедил Таджикибай, близкий помощник Шааназара, принимавший участие в разговоре.

Двести восемьдесят винтовок и 25 тысяч патронов дал мне только один Имин-ходжа... А таких, как Имин-ходжа, у нас много. Все состоятельные люди Ферганской долины поддерживают меня! – сказал Шааназар, желал ошеломить Угрюмова.

– Советская власть гуманна, – снова заговорил Угрюмов – в этом ты, Шааназар, убедился в 20-ом. Но она и безжалостна к заклятым врагам. Одумайся, пока не поздно, и сложи оружие, все твои сабли и винтовки падут прахом, если придет регулярная Красная Армия.

У Таджикибая зло поблескивали глаза, налитые кровью. Он уставился на Шааназара, словно хотел сказать: “Не проще ли все покончить одним ударом ножа”.

У Угрюмова до предела напряглись нервы. Он не сомневался, что сидевшие напротив враги, набившие руку на жестоких пытках, способны на любую подлость, не старался не показать своего волнения.

– Я не боюсь смерти! – как можно спокойнее произнес Угрюмов, – кроме того...

– Можешь не беспокоиться, господин Угрюмов, пока в моих жилах течет кровь повелителя, гостя в моей юрте никто не обидит! – сказал Шааназар и добавил:

– Я прошу всех оставить нас с Угрюмовым наедине. Таджикибай, позаботьтесь о его джигитах.

Все вышли из юрты.

На зеленой лужайке паслись кони красноармейцев. Эскадрон отдыхал. Кто справлял седло, кто чистил оружие, а кто просто так лежал на спине и глядел на синее безоблачное небо.

– Товарищ командир, – робко спросил Кубат, – из каких мест ваша жена?

– Из моего аила на Иссык-Куле.

– А где она работает?

– Пока нигде, мы ждем ребенка. Потом будет работать в школе. Ташкентский пединститут кончала она. А ты почему тянешь со свадьбой?

– На то есть причины, товарищ командир, – сказал Кубат, краснея. – Я бы не тянул, она тоже. И родители не против, особенно ее дедушка... мировой старик. Но я хочу, как вы, стать командиром, хочу учиться. Если мы поженимся, тогда негде ее оставить. У меня нет близких родственников.

– Сынок, а я? Я же тебе единственный дядя, почему ее к нам не привезешь? .. – вмешался в разговор Медетбек.

– Вы же еще вчера были басмачом.

– И то правда, ну их к черту этих басмачей! – плюнул Медетбек. – Ты теперь не стесняйся, вези ее прямо к нам, пока ты отучишься, она поживет у нас...

– Видишь, – сказал Абыш с улыбкой, – говорил я тебе, что и среди басмачей есть хорошие люди. А ты хотел истреблять их подряд. Ну вот что, красноармеец Шатеков, когда возвратимся в дивизию, ты мне напомни, я тебе дам 3 дня отпуска и ты съездишь к своей невесте.

– Правда, товарищ командир?

Обалдевший от счастья Кубат запрыгал, запел и побежал вдоль реки.

– Братец командир! – негромко произнес Медетбек, приближаясь с Насырханом Абышу, – хотел я с тобой кое чем поделиться...

– Слушаю вас.

– Весной я видел того большого начальника с басмачами...

– Командира дивизиона, что ли?

– Нет, который его чуть поменьше...

– Как?

– Тогда, в ореховой роще, – полушепотом стал рассказывать Медетбек, – я сам видел, как он вместе с Насырханом-туре, Шааназаром-датка, Гаип-пансатом плов ел и договаривался о делах басмаческих.

– Может быть, вы спутали его с кем-нибудь?

– Нет, товарищ командир, другого такого я никогда не встречал, я его хорошо запомнил. Я же сам помогал ему садиться на лошадь.

Шагая рядом, Шааназар-датка с Угрюмовым спускались по каменным ступеням, тихо переговариваясь между собой. Как залог удачной беседы, на голове Угрюмова красовалась собилиная шапка, на плечах парчовый халат.

– Вспомни, напротив мечети стоит священное ореховое дерево. – сказал тихо Шааназар.

– Ну?

– Вот, посредством этого дерева через каждые 2-3 дня будем держать связь.

– Каким образом?

– Когда ты мне понадобишься, мои люди привяжут на восточную ветку белую тряпину, а если я тебе понадоблюсь – привяжи красную тряпину к западной ветке. Затем будем встречаться в камышах чуть выше “Апыртана”, с глазу на глаз, без провожатых...

– Хорошо, но ты готовься, датка. Ты просишь возможное. Я думаю, мое правительство пойдет навстречу тебе...

– Ты еще молод, Угрюмов! – сказал Шааназар с улыбкой – не торопись с выводами... всякое может быть...

Кабинет Лаптева. Угрюмов докладывает командиру дивизиона трем офицерам.

– Шааназар готов сдаться без боя, – сказал Угрюмов. – Только с условием.

– Каким?

– Первое: гарантия свободы всем басмачам, служившим у Шааназара.

– Ну, это условие принимаем, – сказал Лаптев – дальше.

– Дальше, – продолжал Угрюмов, – Шааназар требует восстановить его в избирательных правах, снять с него налог,

допустить к участию в колхозе и, наконец, – сохранить право быть избранным.

– Однако, он не дурак! – сказал Лаптев, – ну что же, в интересах дела, я думаю, наше правительство примет его условия. Тогда каков будет порядок сдачи?

– Шааназар-датка со своими басмачами в количестве 2000 человек направится в “Уч-Коргон” для воссоединения с бандой Мадвара датки. Наша задача: два раза дать ложный бой холостыми патронами в районе “Кызыл-Чек” и “Сейдикум”. Тогда Шааназар направляется в леса Арсланбоба. В Акманской котловине, окруженный нашими отрядами, без единого выстрела, Шааназар сложит оружие...

– Тут что-то не то! – вставил слово Осташевский – не кажется ли вам, что датка предлагает игру в “кошки-мышки”?...

– Нет, не кажется, – ответил Угрюмов. – Он опасается, как бы некоторые курбаши и пансаты не запротестовали и не испортили дело...

– Он прав, – согласился и Лаптев, – среди басмачей разные люди, за всех поручиться трудно, даже Шааназару. Пусть будет так...

По кособокому на гнедом коне спускался Кубат. Взмолванный предстоящей встречей, он даже запел. Внизу, у подножия гор, показались густопосаженные деревья и длинный ряд низких глинобитных домов. По извилистой дороге, проходившей через всю деревню, в узбекской телеге с высокими колесами, громко созывая покупателей, едет бородатый мужчина-старьевщик.

Привязав своего коня под плачущей ивой, Кубат направился к аккуратному дому, весь участок которого был обнесен невысоким старинным дувалом. Внутри ограды у высокого тандыра пекла лепешки женщина лет 40-45. Напротив дома под тенью большого тутовника чарпае сидела старушка – пряла хлопковые нити. На террасе красивая смуглянка 18-19 лет молола рис. Подойдя к дувалу, Кубат снял фуражку, чуть нагнулся, чтобы быть незамеченным. Седой старик, одетый во

все белое, поливавший сад, вдруг увидел Кубата и направился к нему. Кубат, пригибаясь, шел вдоль стены, затем остановился напротив террасы, выпрямился и, увидев женщину с горой горячих лепешек в корзинке, идущую к нему, поспешно присел. Присел и старик, подошедший к нему сзади. Он смотрел на Кубата лукаво, с любовью. Кубат встал, вновь принялся рассматривать двор, и какого же было его удивление, когда он во дворе не увидел никого кроме старухи... Женщины и девушки не было. Старик тоже встал во весь рост. С любопытством посмотрел туда, куда глядел Кубат, и, не найдя ничего интересного для себя, похлопал юношу по плечу. Кубат испуганно обернулся у старику и самообладание вернулось лишь тогда, когда старик приложил указательный палец к губам, взглядом указывая на девушку, которая, перекинув через плечо коромысло, шла за водой.

Прискакавший к священному ореховому дереву у мечети джигит заметил красную тряпицу и резко повернул коня, помчался обратно.

Поминутно поправляя спадавший маузер, Угрюмов прохаживался у опушки камышовой рощи взад и вперед. Здесь же щипал траву его вороной конь. Послышался конский топот. На белом коне подъехал Шааназар-датка.

– Ассалом алейкум! – поприветствовал датка.

– Ва алейкима салам! – ответил Угрюмов.

– Что, есть хорошие вести, Угрюмов? – живо поинтересовался датка.

– Как же их не иметь, датка.

– Угрюмов вынул из планшета синий конверт и протянул Шааназару.

– Мое правительство принимает все условия твои. Вот печать центрального комитета и подпись товарища Орозбекова.

– Охо! Это подпись самого аксакала? – спросил Шааназар, пробежав глазами по листу.

– Да, его личная... теперь веришь?

– Верю, верю, молодец!

– Теперь слово за тобой?

– За мной дело не станет. – сказал Шааназар. – Завтра двинемся с рассветом. К полудню будем в “Кызыл-Чеке”. Пусть все будет так, как было оговорено. Я уже поговорил с несколькими помощниками, высказывают опасения, что вы можете обмануть. А так в общем, не возражают, но особо положиться на них не могу. Поэтому, Угрюмов, умоляю тебя, предупредил своих бойцов, чтобы стреляли холостыми патронами. Не дай бог хоть один человек будет убит – нам не миновать большого кровопролитного боя.

– В этом можешь не сомневаться, датка, я, кажется, уже доказал, что мы умеем выполнять свои обещания... Какие еще будут требования с вашей стороны?

– Никаких!..

Шааназар похлопал по плечу Угрюмова.

Кубат и смуглянка подошли к водопаду горной реки. Юноша взял ведро из рук девушки и подставил под прозрачную струю шумного водопада. С высоты летящая вода, звонко ударившись о пустое дно, окатила холодными брызгами юношу и девушку и, вырвав из рук ведро, медленно закружила его по течению. Растерявшийся мокрый Кубат выглядел в эту минуту таким беспомощным ребенком, что девушка невольно заулыбалась. Кубат левой рукой ловко схватил ее за локоть, правой обнял за талию и притянул к себе, и они замерли. Наступил такой безмолвный миг, когда влюбленные объясняются только глазами. Они забыли о ведре, которое несло по течению. Лишь гневой конь Кубата, прислушиваясь к дальним звукам, беспокойно заржал.

Село “Кызыл-Чек”. Вокруг большого дома на возвышенном холме – сборище людей. Аильчане собрались на Хашар – взаимопомощь. На чарпае сидела грузная смуглая женщина, монотонно крутя жерновом, подпевая себе под нос, перемалывала жареную кукурузу.

Возле юрты сидят три женщины в белых элечеках и, синхронно забрасывая тоненькие палочки, сбивают овечью шерсть. Чуть поодаль, на зеленой поляне резвится молодежь, втушки и юноши, расправляя клубки разноцветных шерстяных нитей, навешивают их на деревянные колья самодельного ткацкого станка. Виляя статными бедрами, трое молодух, заливаясь шутливым смехом, заигрывают с мужчиной, который работает вместе с ними у юрты, перекручивая волосяной аркан. Еще дальше безбородый мужчина с очень морщинистым лицом, подбрасывая в красные угли арчавые ветки, занят кончением кожного бурдюка.

Вдруг мужчина, помогавший трем молодым женщинам, начаянно бросив взгляд в сторону гор, обомлел. Зрачки его расширились, выпустив из рук аркан, он завопил:

– Люди, спасайтесь, басмачи!

Женщины, поспешно оглянувшись, увидели, как с черной вершины, поднимая пыль столбом, муравьиным потоком спускалась целая лавина всадников.

Во дворе поднялась суматоха, крик, гам, плач. Обезумевшие от страха женщины метались из стороны в сторону, созывали своих детей. Люди вбегали в свои дома, а кто сходу зарывался в стог сена. Буквально за несколько минут большой двор, где только что копошились люди, опустел. Лишь грузная женщина, которая крутила жернова, продолжала работать, подпевая себя под нос. Видимо, она была абсолютно глуха.

– Это они! – сказал Абыш, всматриваясь в бинокль, когда, спустившись с черной вершины, басмачи приблизились к селу. Впереди всех ехал на белом коне Шааназар-датка.

– Помните, все стреляют вверх! – предупредил Лаптев сидевших в засаде под тутовником красноармейцев.

– Не понимаю, зачем тогда ожидаем их, если в них стрелять нельзя!? – ворчал молодой боец.

– Э, ты, братец, делай, что тебе говорит! – успокоил его Медетбек. – Им виднее.

Когда басмачи приблизились на расстояние около 300 метров, Лаптев поднял маузер, скомандовал: – Огонь! Сам выстрелил в воздух. Со всех сторон прогремели выстрелы, и с места дружно завопили “Ура!”, будто собирались в рукопашный бой, но никто не сдвинулся с места.

Басмачи на миг переположились, затем все ринулись в сторону гор за Шааназаром.

– Черт побери, кто целился в него?

Абыш показывал на пашню, где пластом растянулся басмач.

– Быстро приготовить пулеметы! – скомандовал Лаптев.

– А зачем, товарищ командир? – спросил Абыш.

– Убит басмач, теперь они могут предпринять настоящую атаку.

– Нет, не предпримут, смотрите, встает.

– Да этот басмач с испуга по своей инициативе упал с коня.

Засмеялся Абыш. И Лаптев, и бойцы с дружным смехом глядели, как тот, озираясь, встал и засверкал пятками в сторону своих.

Уходящие басмачи замешкались.

– Совещаются. Пойдут в атаку, будем строчить пулеметом!

– Атаки не будет, товарищ командир! – успокоил Лаптева Абыш. – Датка человек слова.

А между тем в стане датки и в самом деле были желающие проучить “нелюбезных” красноармейцев.

– Мой датка, их там не больше сотни, – сказал Таджибай Шааназару. – Разрешите мне расправиться с ними.

– Нет, Таджибай! – не разрешил датка. – У них могут быть пулеметы, я не хочу, чтобы ряды моих джигитов поредели из-за какой-то сотни красноармейцев.

– Мой датка, – умоляюще глядел на Шааназара Таджибай, – когда сами нарываются, почему бы не помять им бока!

– Мы идем на большое дело, Таджибай, – сказал Шааназар спокойно, – поэтому не стоит тратиться на мелкое. Наша

главная цель соединиться с крепкой рукой мадвара Датки и составить непобедимую силу во всей Ферганской долине...

– Как знаете... вам виднее, мой датка.

– Таджибай вынужден был согласиться со своим повелителем.

Глубокую реку “Тентек-Сай” эскадрон перешел вброд. Выбравшись на берег, они увидели черные клубы дыма над деревней. Взметая в небо языки пламени, горели дома. Прискакавшие в село красноармейцы увидели душераздирающую картину злодеяний басмачей. Полыхал в пожаре каждый второй дом. Кругом трупы людей, собак и лошадей. Валяются перевернутые телеги, лежат женщины с разметающимися волосами, досмерти напуганные подростки пугливо выбирают из-под телеги и мостов, всхлипывая и громко рыдая, ищут своих. Во вчерашнем дворе под тутовником застыл в сидящей позе смешной дед, оборванный, в подтеках и ссадинах, с простреленной головой, откуда стекает потемневшая кровь. Глаза старика смотрели вверх, на дерево, где на собственных длинных косах повесили басмачи ту самую смуглянку. Снаружи под дувалом послышался стон, подбегавшие красноармейцы узнали в нем Кубата.

– Кубат, Кубат, открой глаза, как ты здесь оказался? – спросил Абыш, приподнимая голову красноармейца.

– Товарищ командир, – заговорил Кубат, преодолевая боль, приходя в сознание, – Вчера, когда возвращался в дивизион, по пути встретил Виктора Васильевича Осташевского. Товарищ командир приказал мне остаться в его отряде. Поэтому не смог я вовремя прибыть, товарищ командир... простите меня.

– Ничего страшного, успокойся дорогой, ты можешь рассказать, что случилось?

– Да. Потом мы приехали в деревню, собрали 50 человек добровольцев и вместе с отрядом устроились в засаде на окраине. Вдруг откуда не возьмись прямо на нас пошли полчища басмачей. Мы ударили по ним из пулеметов и винтовок. Оставив на поле около 200 убитых и раненых, они

отступили. Но затем возвратились назад и устроили настоящую бойню. Я отстреливался до последнего патрона, но их было много... очень много...

– Командир где?

– Когда басмачи атаковали во второй раз, он ушел собирать на помощь селян, потом мы его не видели.

– Сволочь, предатель!

– Я не предатель, товарищ командир дивизиона, – попытался встать Кубат, – мне разрешил комэск.

– Успокойся, сынок, – сказал Лаптев, осторожно укладывая его на место, – я не о тебе. Ты настоящий герой.

– Товарищ командир, в этом доме живет моя невеста. Они гнались за ней. Как вы думаете, поймали они ее?..

– Вряд ли, ходит тут одна девушка...

– У нее длинные черные косы?..

– Да...

– Мы, товарищ командир...

Улыбнувшись, юноша хотел еще что-то сказать, но не хватило сил, глубоко вздохнув, застыл он с широко раскрытыми глазами.

Войдя в кабинет Лаптева, старшина Боголюбов выпрямился и, отдавая честь, доложил:

– Товарищ командир! За период вашего отсутствия в гарнизоне не было никаких происшествий.

– Молодец, старшина! – похвалил его Осташевский, совсем не по-военному похлопывая по плечу, и, обняв его, повел к кожаному дивану, усадил.

– Но у меня не совсем приятные новости! – сказал Осташевский, приняв страдальческое выражение.

– Что-нибудь случилось?

– Да. Послушай, старшина, потому что все командиры отсутствуют, об этом должны знать пока ты, да я. Больше никому ни слова. Понял?

– Понял, товарищ командир.

– Командир дивизиона товарищ Лаптев и командир эскадрона остались под арестом в Оше, их подозревают в измене.

– Боже мой, не может быть! – вскричал старшина.

– Ты сядь, старшина, и слушай. – продолжал Остапешевский.
– Я тоже думаю, это какое-то недоразумение. Поэтому с Оша мчался без передышки и загнал своего коня. Мне необходимо к завтрашнему утру доставить в Ош оправдательные документы.

– Дай бог вам здоровья, товарищ командир.

Боголюбов перекрестился.

– Но пока нам с тобой придется выполнить одно не очень-то приятное занятие, то есть приказ больших начальников из Оша...

– И какой же этот приказ, товарищ командир?

– Пока все не выяснится, приказано взять под охрану семьи обоих командиров.

– Товарищ командир!

– Я все понимаю, старшина... приказ есть приказ. Его не обсуждают, а выполняют.

– Да, конечно.

– Возьмешь с собой двух бойцов, извинишься, объяснишь обстановку, мол, случилось такое-то, пока свыше не будет распоряжения, мы вынуждены взять вас под арест. Отведешь их на “губу” и посадишь под замок.

– Товарищ командир, там очень сыро, Лидия Александровна с маленькими детьми, да и жена Исаева в положении... может, лучше сюда...

– В кабинет? А не слетят наши с тобой головы, за то, что мы держим в кабинете командира дивизиона семьи врагов народа? Ты с этим не шути, брат. Пока то да все, разберутся, где правда, где кривда, мы можем распрощаться с жизнью. В общем, если хочешь, отведи их в деревянную баню.

– Хорошо.

– Смотри, когда будешь вести, не груби, обращайся вежливо.

– Да за кого вы меня принимаете, товарищ командир? Я же...

– Старшина, приготовь мне свежего коня. Привяжи у главных ворот. До утра я должен доставить в ГПУ оправдательные документы.

– Дай бог вам здоровья, товарищ командир.

– Отставить богов, старшина, выполняйте приказ.

– Есть выполнять приказ!

За конюшней, в углу двора, располагалась баня.

Здесь сейчас были заперты Лидия Александровна – жена командира с двумя детьми, девчушкой лет 10-12 и трехлетним мальчишкой. У окна, тихо всхлипывая, стояла Зыйнат, жена Абыша.

– Ты успокойся, – сказала Лидия Александровна, накрывая ее плечи своим пуховым платком. – Жена командира должна быть мужественной... В двадцатом были дни, когда Сергея Гавриловича в день по пять раз арестовывали и отпускали. Так что я думаю кто-то донес на них в очередной раз... Вот увидишь, завтра же они вернутся.

А Виктор Васильевич взломал все задвижки письменного стола Лаптева, оттуда взял какие-то бумаги и быстро рассовал их по карманам. Выходя, собравшись потушить керосиновую лампу, вдруг уронил стекло. Не долго думая, открутил головку, полил в разных местах керосином и, бросив горящую головку, вышел из кабинета. Язычок пламени, как змея, побежал по следу керосина на диван. Затем перебрался к ножкам письменного стола.

В темноте пробираясь вдоль деревянных стен бани, Осташевский, остановился, брызнул остатки керосина и бросил зажженную спичку. Камышовая крыша вспыхнула, как порох.

– Товарищ командир, что вы делаете? – закричал бежавший с другой стороны старшина Боголюбов, в одной руке которого была переносная керосиновая лампа, а в другой ведро. Осташевский, не думая, ударил его ножом в грудь. Нож вонзился по рукоять. Боголюбов упал навзничь!

Осташевский торопливо подошел к воротам.

– Где конь?

— Вот он, товарищ командир, — часовой собрался было привести коня, но Осташевский остановил его.

— Открывай ворота, я сам.

И сходу запрыгнув на коня, он отвязал повод.

— Пожар, пожар, товарищ командир! — закричал часовой, оглянувшись в сторону гарнизона, и тут же прогремевший выстрел уложил и часового. Красноармеец, падая, тяжестью тела раскрыл ворота. Осташевский выехал и растворился в темноте.

Из окон кабинета Лаптева наружу вырывались языки пламени, деревянные балки разгорались все сильнее и сильнее. Суетливо бегая взад и вперед, оставшиеся в гарнизоне бойцы тушили пожар. У ворот слышался конский топот, и прибывшие эскадрон Лаптева и Исаева, соскочив с коней, присоединились к бойцам.

Видя, что деревянную баню уже никак не удастся спасти, Лаптев сказал:

— Оставьте. Теперь уже не потушить. Пусть догорит.

— Но там ваши дети! — отчаянно закричал боец.

— Как это там? — не понял командир.

— Мы их заперли там.

Абыш саблей перерубил замок, остальные устремились за ним. Через минуты красноармейцы на руках выносили потерпевших сознание детей и жен командиров.

Возле белой юрты в глубине древней крепости, восседая на атласных одеялах, попивая кумыс, Шааназар датка проводил совет со своими приближенными. Судя по опущенным головам курбашей и багровому лицу самого датки, шел разговор не совсем приятный.

— Как ты мог оставить ущелье Жазы? — отчитывал Шааназар, бросая суровый взгляд на Гаипа пансата. — Ты же открыл столбовую дорогу нашим врагам. “Жазы” для нас был ключом ко всей Ферганской долине. При умелой обороне это ущелье не смогла бы взять даже стотысячная армия. А ты оставил его. Каким путем теперь будет пробираться караван,

шедший к нам, и куда думаешь деться, если красные вздумают преследовать?

– Я сделал все, что мог, датка. – ответил Гаип виновато. – Что нам оставалось делать, если из-за каждого камня, кустика и дерева по нас градом летели и пули и камни. Да и в селах встречают нас далеко не с распрестертыми объятиями.

– В этом повинен только ты, Гаип! – резко прервал его Шааназар. – Сколько раз предупреждал тебя, чем обирать и грабить мирное население, лучше разорьте колхозы и государственные учреждения. А ты не послушался. Наводишь жуткий страх одним своим появлением, навлекая на себя гнев и ненависть простого народа.

– Датка, сейчас трудно разобраться где колхозное, где народное добро – попытался оправдаться Гаип пансат. – Все перемешалось. Самые обыкновенные люди защищают колхозное добро, как собственное. Нелегко нам приходится...

– И что ты намерен делать?

– Отступать, – ответил Гаип, – в сторону “Чытты”! В ущелье “Жазы” оставаться не могу, мне нужна хоть небольшая передышка. Отряд мой настолько потрепан, что сейчас практически не способен вести боевые действия. Вчера мы наткнулись на большие соединения красных, естественно, с потерями, еле унесли ноги...

– Конкретно! ...

– 14 человек погибло, 37 попали в плен, 11 тяжелораненых, среди них и мой помощник.

Гаип указал на басмача с перевязанной рукой, который стоял чуть поодаль около своих коней. Шааназар подозвал к себе джигита.

– Иди сюда. Как тебя зовут?

– Адыл.

– Ну-ка, Адыл, покажи руку...

Раненый басмач что-то промычал и шевельнул перевязанной рукой.

– Развяжи! – приказал Гаип. – Пусть Датка посмотрит, как мы можем драться и терпеть.

Басмач послушно стал раскручивать слипшуюся кровавую тряпку. Шааназар взял раненую руку за кисть и тут же выпустил, презрительно улыбнувшись в лицо Гаипа.

Тоже мне “Огромное соединение красных!” – сказал Шааназар передравнивая Гаипа. – Да ты, мой пансат, встретил не красных бойцов а двух, трех дохлых стариков с ружьями да дубинками из добротряда, и деру дал...

– Датка! – побагровел Гаип. – Прощу не оскорблять. Я действительно дрался с красноармейцами.

– Вам показалось! – спокойно сказал Шааназар. – Эти сказки вы можете рассказывать своим многочисленным женам и наслаждаться их сочувственными охами и ахами... А мы вам не верим, потому что рваная рана на руке вашего джигита говорит о том, что в вас стреляли из ружья. У красноармейцев нет ружей, у них винтовки и пулеметы, дробью они не стреляют...

Гаип поперхнулся гневом, но в глазах появилось мстительное злорадство.

– Откуда мне было знать, мой датка, что есть, а чего нету у красных... – сказал Гаип ехидно. – Об этом знают только те, кто часто встречается с ними, и кто оставил им на расправу сотни своих джигитов.

– Мой пансат! – сказал Шааназар, не теряя самообладания.

– Да будет тебе известно, что нынешняя борьба в корне отличается от той, прежней... конечно, хорошо всегда быть и уничтожать врага, но надо уметь и отступать, а где надо, можно и договориться. Война без потерь не бывает. Но это не значит, что надо бежать, сломя голову, при виде двух – трех стариков, вооруженных дубинками... Да, я не скрываю, что вышел на переговоры с красным командиром, думая только о судьбе тысячи людей и нашего общего дела. Но уверяю тебя, мой милый, мы ни словом не коснулись тогда торгашей и всяких там содержателей харчевен...

При слове “торгаш” Гаип скрипнул зубами, подавшись тучным торсом вперед: руки нервно шарили вдоль нарядного пояса в поисках рукоятки маузера.

И Гаип и Шааназар датка одновременно вытащили свои оружия и направили дула друг к другу.

– Ты знаешь, милейший, я не делаю промаха и рука моя тверда, когда целит – сказал как можно спокойно Шааназар

– Мой датка, и я страдаю этим недостатком – в тон Шааназару ответил Гаип.

Сидящие затихли. В этой напряженной тишине лишь 2 воробышки, примостившись в 20 шагах от людей, звонко чирикали.

Долго смотрели в глаза друг другу Гаип и Шааназар, никто из них не решился нажать на курок первым.

Вдруг оба одновременно вскинули оружие и грянул выстрел дуплетом, в тот же миг оба воробышка, растопырив крылья, упали под серый камень...

В это время раздался конский топот, подъехали двое: один на белом коне, другой на черном. С белого скакуна сорвался всадник, быстро подошел к сидящим. Шааназар с изумлением разглядывал необычайный вид Насырхан-туре. Чалма сбилась на затылок, посерела от пыли, белый халат почернел, зияя в нескольких местах прорезами. Некрашенная борода топорщилась во все стороны, потеряв свой яркий цвет. Приехал он не один, за ним следом шел Осташевский, без военной формы, в чисто узбекском наряде. Насырхан-туре, не замечая недоумения хозяина, бесцеремонно плюхнулся рядом с Шааназаром. Он запрокинул голову назад. Глаза закрылись, желтое лицо утратило признаки жизни. Да, поблек, сдал Насырхан-туре, не было в нем бывшего величия, самоуверенности.

– Что-то давно вас не слышно, мой пир, – сказал Шааназар, косо оглядывая Насырхана. – От наших друзей, с той стороны, нет даже весточки. Остро нуждаемся в обещанных боеприпасах. Сегодня мой лучший пансат сдал ущелье “Жазы”. И Аллах позабыл о нас, святой отец, когда встретитесь с ним, намекайте, пожалуйста, о нас...

– Не гневи Аллаха, датка – сказал Насырхан-туре спокойно, хотя все внутри кипело. – Он перестал приносить вам победу

потому, что вы перестали прислушиваться к голосу разума, а только грызетесь между собой. Мы тоже понимаем ваши временные затруднения... поэтому я привел к вам человека, который при царе носил золотые погоны на плечах, который обучался военным наукам и отлично знает повадки кызыл-аскеро́в и готов вам помочь...

— Вот как! Значит с завтрашнего дня мы не будем знать, что такое поражение, — сказал датка, недружелюбно глядя на гостя.

— Не думаю, чтобы все было так, — ответил Осташевский, пропуская мимо ушей ехидные нотки. — Но могу подсказать, как без потерь продержаться до великого наступления.

— Ах, даже так? Извольте, прощу вас...

— Сила красных в организованности, — заговорил Осташевский, — и в вооружений. Еще одно такое поражение, как в ущелье “Жазы” — и ваши джигиты разбегутся по домам, потеряв веру в своих курбашей.

— Что же делать?

Осташевский подошел к костру, выхватил из огня пылающий, как факел сук, резким движением сбил пламя. Обуглившимся, еще дымящимся концом провел зигзагообразную черту на плоском белом камне, что лежал, возле костра и заговорил:

— Надо отходить. Вот река Карадарья, вот “Жазы”, вот “Кыпчама” — самое подходящее место, чтобы остановить и разгромить красных... Надо отходить, заманивая их за собой, создавая видимость, что боимся и бежим от них, а бить надо на перевалах, обстреливать из гущи леса, обрушивать в крутых ущельях каменные обвалы на головы красных.

Из-за вершин выглянули лучи утреннего солнца. У старой мечети ехало трое конных; командир эскадрона Валентин Угрюмов с двумя бойцами. На восточной ветке “святого” орехового дерева на легком ветру трепыхали три белых ленточки.

— Усманов, вы поезжайте в дивизию, я следом приеду.

– Хорошо, товарищ командир.

Угрюмов помчался в сторону гор к камышам над “Апыртаном”. Подъехав к условленному мету, он увидел ожидающих Шааназара и двух его джигитов.

– Здравствуй датка, кажется, мы договорились приходить сюда без провожатых – сказал Угрюмов. – Или датке можно иногда нарушать свои обязательства?

– Уж кто из нас нарушил обязательства, тебе виднее, Угрюмов! – ответил Шааназар с потемневшим лицом от злости. – Я же говорил тебе, что я не доверяю твоей власти.

– Говорил, а в чем дело, я что-то не понимаю.

– Он меня не понимает, сделал свое гнусное дело и не хочет понимать.

– Говори яснее, датка. 3 дня мы прождали тебя в “Акмане”, тебя все, и наконец я возвращался в дивизион, узнать в чем дело... Увидев твой знак, прямиков направился сюда. Так расскажи, наконец, что не случилось?

– Ты обманул меня, Угрюмов, завел в ловушку, – угрожающим тоном процедил Шааназар. – В “Сейдекуме” по моим джигитам открыли огонь настоящими патронами. 250 лучших моих джигитов погибли под пулеметным огнем ваших...

– Что ? Не может быть?

– Я что, буду врать тебе...

– Если так, произошло какое-то недоразумение, датка... Я это выясню... В том, что случилось, нет ни моей вины, ни вины советской власти. Это или недоразумение, или...

– Ты обманул меня, Угрюмов! – сказал Шааназар, – Ты обманул Шааназара датку! Мои джигиты требуют расправы...

– Если требуют, вот он я !

Угрюмов снял с пояса ремень, протянул его Шааназару вместе с маузером и саблей.

– Следуй за нами...

Один из джигитов взял за повод коня Угрюмова, а второй пристроился сзади, все вчетвером двинулись в сторону старой крепости.

Лидия Александровна в белом халате, сидя на краю кровати в больничной палате, щупала пульс Зыйнат. Затем, погладив ее увеличившийся живот, сказала:

– Все хорошо... Главное, возьми себя в руки. Ничего страшного в этом нет. Рожать – продолжать жизнь человечество, это наша обязанность, Зиночка, не ты первая, не ты последний. Ребенок должен родиться совершенно здоровым. Кстати, вы ждете сына или дочку?

– Абыш дочку, а я сына. И договорились, если будет сын, назовем Азаматом, а дочку – Махабат.

За хребет “Кызыл-белес” скатывалась огромная красная тарелка солнца. Ее красные лучи окрашивали весь вечерний мир в красно-багровый цвет. Небольшой палаточный лагерь, камни, скалы, трава, лошади – все живое и неживое здесь выглядело красным. Возле красной арчи, на красном ширдаке сидел Шааназар, на одно плечо его была накинута красная шуба. Грустно переливалась мелодия его красного комуза.

Потускневшие глаза датки устремлены в сторону мирного аила... Сегодня комуз Шааназара пел почему-то тоскливые мелодии.

– Мой датка, может, перекусите? – спросил безбродый повар лет 30.

– Есть вести от Таджикибая?

– Пока еще нет.

– Тогда приведите русского.

Спустя некоторое время двое басмачей привели обросшего, осунувшегося Угрюмова.

– Садись, Угрюмов!

Валентин сел напротив датки. Повар сначала полил им на руки, затем принес дымящееся мясо.

Датка вынул из-за пояса небольшой нож, вытер его с чистую скатерть, протянул Угрюмову.

– Ешь, Угрюмов.

Молча принялись за ужин.

– В “Туура-Суу” со 150 джигитами Таджикибай попал в окружение, – сообщил Шааназар, – Как ты думаешь, Угрюмов, сможет Таджикибай прорвать окружение?

– Смотря в чье окружение они попали, – ответил Угрюмов, – если окружил их эскадрон Лаптева или Исаева, то вред ли удастся прорвать... Но если их осаждает Наманганские или Ташкентские отряды, то могут и выбраться... Потому что они могут не знать местности.

– Ешь, Угрюмов, это наш деликатес, чучук – называется.

– Знаю, датка, но я уже сыт...

Покончив с ужином, они медленно пошли в сторону палатки.

– Тебе, датка, сейчас нелегко, – сказал Угрюмов. – Я понимаю, у тебя трудности с продуктами, с боеприпасами... Не сегодня, так завтра ты сам можешь оказаться в положении Таджикибая... Поэтому зачем тебе возить с собой лишнюю обузу, пожалуйста, прошу тебя, как разумного человека, если не хочешь отпустить, вели своим джигитам убить меня. Честно говоря, я устал уже от такой жизни.

– Ты такой молодой еще, мне жаль тебя – сказал датка.

– Зачем я тебе, когда у вас остался лишь один выход – перейти перевал и уходить либо в Китай, либо в Афганистан, но вряд ли это возможно...

– Почему ?

– Сейчас в такую летнюю жару там стоят густые туманы и частые снегопады. Практически перейти невозможно. Поэтому нет другого выхода, как сдаться.

– Об этом и речи не может быть, – сказал Шааназар, задумчиво, – тогда было другое дело, теперь поздно... С тех пор пролито с обеих сторон слишком много крови...

– А ради чего?

– Я не ради своего благополучия все это затеял! У меня была единственная цель объединить народы Туркестана, чтобы они сами стали хозяевами своей земли. Но вы победили нас будете

делать историю, а мы останемся в памяти людей, как выстрел далекого времени. Так же, как пущенная пуля не сворачивает вспять, так и мне обратной дороги... Чем умирать в вашей орьме, лучше пусть мои кости останутся в этих горах... Они дошли до палатки Шааназара, остановились. Угрюмов поднял чамгарак, округлое сооружение, чем обычно закрывает тундук юрты, стал спускаться в глубокую яму, вырытую возле палатки. Видя, что начинается дождь, датка заботливо накрыл чамгарак кошмой так, чтобы капли дождя не доставали Угрюмова.

Лошади задыхались в снегу. Наверху, на перевале шел снег, и ветер кружил в воздухе белые хлопья. Облака закрывали долину и подножия гор. Иногда порыв ветра разрывал облака, и тогда ненадолго была видна земля внизу с реками, с пятнами леса. Изредка очень далеко поблескивало солнце. В этот миг ощущалась высота. Потом снова облака завалакивали долину, и ощущение высота исчезло. Люди дышали часто, широко раскрывая рты, но воздуха все – таки не хватало. Мороз обжигал губы. У многих басмачей были обморожены лица, руки, некоторые шли, хромая. Едва передвигая ноги, и часто останавливались. Гребень перевала был закрыт облаками. Эти облака были белее, легче, чем внизу, но гребня перевала не было видно, кажется, что подъем никогда не кончится. А басмачи забирались все выше и выше. Лошади задыхались, люди вели их в поводу. Все выбились из сил.

Басмачи шли совсем медленно. Потом посредине остановились. Идущие сзади натыкались на спины идущих впереди, на занесенные трупы лошадей, и тоже останавливались. Басмачи садились прямо на снег и пытались заснуть.

Мимо вероницы басмачей прошел Шааназар. Он шел тяжело и слегка хромал. Он вел белого коня. Датка проходил, и басмачи поворачивали головы и следили за ним. Несколько человек поднялись и пошли за ним.

Ключья облаков налетали на склон перевала. Мороз усиливался, и туман оседал ледяной коркой на одежде, оружии, лицах людей. Шааназар шел зигзагами подымаясь вверх, мимо своей измученной банды. Жеребец тянул повод, скользил и спотыкался на камнях, кое-где торчащих из-под снега.

Шааназар шел молча, стиснув зубы и нагнув голову вперед. Идти становилось все трудней. Он хромал все больше и больше. Ветер бросал в лицо колючую ледяную пыль, хлестал по глазам, забивал нос и рот. Шааназар шел, не останавливаясь. Из сумятицы снежных тебях хлопьев навстречу датке вышел, также ведя в поводу свою лошадь Таджикибай.

– Что там? – хрипло спросил Шааназар.

Голос не слушался, голос был слишком тихим. Шааназар крикнул.

– Ну ? Что там у тебя?

– Нет дороги. Лавиной завалило тропу. Или не туда пришли.

– Пришли туда. Дорога здесь. Пошли...

И Шааназар двинулся вперед.

Отряд Абыша подъезжал к подножью перевала.

– Они недавно здесь прошли, – сказал Козубай – Смотрите, товарищ командир, следы еще не успело замести снегом.

– Значит, датка спешит. Засветло хочет дойти до перевала. Что же мы предпримем?

– Там, где прошли басмачи, и мы пройдем, товарищ командир, – сказал один из бойцов.

– Ну, хорошо, тогда в путь, только будьте внимательны. Справа пропасть.

Отряд двинулся дальше.

Голова банды остановилась недалеко от гребня перевала. Кучка басмачей с лошадьми молча стояла на краю пропасти. В пропасть обрывалась тропа. Джигиты расступились, и датка

встал на самом краю. Дна пропасти не было видно. Верхушки острых скал торчали далеко внизу, а еще ниже клубилось облако. В пропасть спускалась крутая, покрытая снегом осыпь. Здесь лавина пересекла и разрушила тропу. Ветер гнал вниз, в пропасть, снежные вихри. Шааназар с минуту стоял молча, потом шагнул вперед, соскочил с края тропы на осыпь, пошатнулся и стал крепко. Басмачи придвинулись ближе. Никто не произнес ни слова. Шааназар потянул повод, белый жеребец, упираясь, пригнул голову. Понюхал снег и шагнул с тропы. Передние ноги его сразу скользнули вниз, камни и снег покатались в пропасть. Жеребец сел на круп. Датка почти лег, упираясь ногами и изо всех сил натягивал повод. На несколько секунд лошадь и человек застыли неподвижно. Казалось, вот-вот они сорвутся в пропасть. Но конь, осторожно передвигая ногами, уперся копытами и медленно выпрямил задние ноги. Тогда выпрямился и датка.

Потом Шааназар, осторожно ступая, пригнувшись, пошел вперед. Конь пошел за ним. Они скрылись в снежном тумане. Таджибай пристально всматривался в снежную завесу и ничего не мог разглядеть.

— Где же вы? — кричал Шааназар. — Скоро вы там?

Таджибай первым спрыгнул с тропы на осыпь.

Остальные басмачи последовали за ним. Лишь четвертого постигла неудача, с громким криком, вместе с конем, он провалился в пропасть.

Шааназар настойчиво поднимался выше, за ним по пятам Таджибай. Когда все басмачи вновь вернулись на тропу, Таджибай собрал с десятка сильных джигитов и сказал:

— Остаетесь здесь, когда появятся красные, обрушите на них вот эти камни...

Джигиты согласно кивнули...

Рассеялся туман. Внизу показались красноармейцы, ведущие за повод коней.

— Скидывай камни! — приказал Таджибай.

Басмачи сбросили несколько огромных валунов, и те, угрожающе грохоча, покатались прямо на людей.

– Отходите! Влево! Влево! Прячьтесь! – прокричал Абыш.

Засуетившиеся бойцы скрылись за камнями.

Но опешив от неожиданности, не успев отбежать юный боец, и громадный валун, катившийся сверху, унес его с собой в пропасть.

Захлебываясь эхом и раскалываясь на пути, неслись потоком большие и малые камни вниз.

Вдруг над басмачами, казалось, вздрогнули сами горы – двинулась массой снежная лавина. Через минуту Абыш увидел совершенно слизанное место стоянки басмачей.

С трудом взобрались джигиты датки на перевал.

Покачнувшись, они еле устояли от порыва налетевшего ледяного ветра. Защищаясь от стужи, они дотащились до каменных развалин под скалой и, свернувшись, прикорнули друг к другу.

Перед рассветом стих ветер и перестал падать снег. Раньше всех проснулся датка, он отряхнулся, попрыгал на месте, потер оочевенные пальцы.

– Датка, справа виден дым, – сказал часовой.

– Датка, слева горят костры, – сказал второй, – и будто голоса слышны.

Датка направился в сторону дыма. Пробираясь по камням, он дошел до переднего края и окинул взором окрестность.

– Черт побери! Опоздали! – выругался датка. – Сзади непреступные скалы, справа горы, слева бездонная пропасть, впереди красные... Это конец! ..

Долго простоял датка в безмолвном молчании.

– Что же будем делать, датка? – спросил один из джигитов. Потемневший Шааназар молчал. Потом он пожал плечами, слегка развел руки.

Казалось, земля города и уходила под ногами датки.

Вдруг спасительная мысль мелькнула в голове датки, и оживилось его лицо.

— Есть выход...

— Какой же, датка,? — разом спросили джигиты.

— А русский!

Под скалой басмачи уже встали, согреваясь кто как мог, изредка переговариваясь друг с другом. Джигиты датки тут же согнали их на оборонительные работы: таскать невероятно тяжелые и холодные камни.

Связанный Угрюмов, дрожа всем телом, лежал, прислонившись к камню.

— Проснулся, Угрюмов? — спросил датка и, подойдя к нему, перерезал веревки.

— Настал и твой час, Угрюмов, нам нужна твоя помощь.

— В чем дело?

— Мы в окружении, — сказал датка, указывая кинжалом, — там, внизу бездонная пропасть, перекрыт перевал, справа неприступные скалы. Впереди — красные! У меня нет больше выхода, Угрюмов.

— Этого надо было предполагать, датка.

— Судьба. Значит, на роду было написано, но ошибаешься, если думаешь, что я сам добровольно сдамся.

— Я хорошо знаю, датка, что ты смелый человек.

— Если знаешь, посмотри внимательно на эту яму. Говорят, в древности здесь была крепость и 30 джигитов оборонялись в ней от бесчисленного количества врагов целых 3 года. У меня осталось 50 человек, если мы здесь устроимся, то свободно можем выдержать как минимум 3 дня. Боеприпасов должно хватить и за эти дни можно многое сделать, Угрюмов. Скажем, хотя бы перебить всех наших красных. А затем исчезнуть и самим. Но все мы люди: кому хочется умирать? Чтобы не пролилась кровь с обеих сторон, если ты согласен, мы можем по-хорошему разойтись.

— Как?

– Поговори со своими, пусть они откроют нам тот путь. За это им в целости и сохранности вернем тебя.

– А получится?

– Ты нужный человек, Угрюмов. Сам подумай, теперь нам не будет пощады. Даже если сдадимся. Нас либо расстреляют, либо повесят. В борьбе каждый из моих джигитов сможет уложить хотя бы два красноармейца – будет 100 жертв, а с тобой – 101. Думаю, советской власти незачем такие потери. Если мы и уйдем, то никакого вреда вам уже не причиним. Есть мы или нет нас – советской власти будет равным счетом все равно. Ка ты думаешь, Угрюмов?

– Я думаю ты прав, датка. Я поговорю, но

Между тем подошел один из доверенных джигитов датки и доложил: Все готово, мой датка!

– Мне можно идти? – спросил Угрюмов, поправляя помятую гимнастёрку.

– Извини, Угрюмов. Потому как ты моя последняя соломинка, так просто отпустить тебя не могу. Я тебе верю, но сомневаюсь в твоих собратях.

– Как тогда будем вести переговоры?

– Видишь это? – Шааназар показал на свисающий продолговатый камень, перевязанный веревкой. Камень слегка касался маленького камушка.

– Джигиты утверждают, что камень этот весит около 60 пудов...

Теперь сюда смотри!

Угрюмов увидел камень, висевший в таком же положении.

– А теперь концы этих веревок я привяжу к твоим ногам... Вяжите, джигиты!

Концы обеих веревок джигиты с ловкостью привязали к ногам Угрюмова.

– Угрюмов, ты теперь должен взойти на тот черный камень и поговорить со своими. Пусть нас пропускают.

Вдруг вздумаешь говорить с ними по-другому... видел те 60-ти пудовые камни? Стоит их чуть тронуть, они полетят в пропасть и повлекут за собой тебя. И не просто повлекут,

сначала ты ударишься лбом об этот камень, затем камни разорвут тебя ровно на две половины и полетят два Угрюмова в пропасть.

– Палач! – проговорил Угрюмов.

– А что делать, дорогой, – сказал довольный выдумкой датка. – всем дорого жизнь. Она дана человеку один раз. Что? Трусись, Угрюмов?! Если трусись, не надо. Развяжите его, джигиты!

– Нет оставьте! Попробую.

– Узнаю тебя, Угрюмов, не зря же взял тебя с собой.

Пробегая от камня к камню, вскинув винтовки, целью шли красноармейцы, окружая басмачей.

– Смотри, там что-то шевелится, – сказал Козубай идущему рядом страшине Айтбаеву.

Присмотревшись, Айтбаев увидел, как из-за черного камня показался человек. Прицелившийся Козубай хотел было нажать на курок, но Айтбаев остановил его.

– Подожди, не стреляй, – сказал он, не спуская глаз с чего-то.

Взобравшись на камень, Угрюмов выпрямился, всей грудью вдохнул этот утренний морозный воздух. Посмотрел вокруг. Со всех сторон возвышались белые вершины, острые скалы. Там и тут в ярких лучах восходящего солнца жемчужиной переливался снег. Лишь где-то там, внизу, виднелся еле заметный кусочек зеленого поля.

А здесь, между камнями, торчали черные стволы ружей, полы шинели, верхушки красноармейских шапок. Оглянувшись назад, Угрюмов за камнями увидел ожидающих басмачей, готовых в любую минуту отразить атаку.

Шааназар-датка с двумя джигитами сидел под камнем, где стоял Угрюмов. Минуту простоял командир, глядя на высокое, синее небо. Быть может, в последний раз обозревая этот живой мир.

– Товарищи красноармейцы! Я командир эскадрона, Угрюмов!

Абыш повел бинокль на друга и увидел петли на ногах.

«Видимо датка что-то страшное задумал», встревоженно подумал Абыш.

– Без команды не стрелять! – приказал он бойцам.

– У датки осталось всего 50 басмачей. Если пойдете в атаку на прямую, у вас будут большие потери. Поэтому идите с левой стороны. Там большие камни и удобно вести бой.

– Опомнись, Угрюмов! – дернул за веревку датка.

– Валя! Валентин! Прекрати, мы согласны на все условия датки. – прокричал Абыш.

Но Угрюмов его не слышал, а может, не хотел слушать.

– Красноармейцы! Стреляйте в меня. Разнесите этот камень, на котором я стою! Здесь сидит основная сила басмачей. Стреляйте же! Чтобы ни одна собака не ушла в живых, стреляйте!

При этих словах Угрюмова по знаку датки был выбит маленький камешек, на который опирались два больших.

– Прощайте, товарищи... не договорил Угрюмов, сначала ударился о камень, и мигом разорвавшееся тело полетело в пропасть.

– А-А-А!

Раненым зверем вскричал Абыш, оповещая горы раскатившимся эхом.

С криком «Вперед!!!», выбегая из укрытий, бойцы ринулись в атаку, наступая со всех сторон.

– Звери! Палачи! – иступленно приговаривал Айтбаев, со слезами на глазах. Он пробрался к укрытию нескольких басмачей и порубил их, ожесточенно размахивая саблей.

В тот же миг смешались ряды красноармейцев с басмачами и началась рукопашная схватка жизни и смерти.

Из-за укрытия прогремел выстрел датки. Перелетевший через камень Абыш согнулся, схватившись за левую руку..

Козубай руками добивал басмача, как сзади подбежал с дубинкой чернобородый басмач.

Абыш здоровой рукой потянул его за ногу, и басмач кулем свалился рядом. Удар прикладом приковал чернобородого к земле.

Обернувшийся Козубай схватил дубинку и запустил ее в басмача рядом с Айтбаевым, сраженный в лоб, тот полетел навзничь. В тот же миг Айтбаев схватился за сердце, пошатнулся, прислонился к камню и медленно сполз вниз. Между пальцев его стекала темная струйка крови. Это был следующий выстрел датки.

Красноармейцы занимали все удобные позиции на перевале. Схватка продолжалась.

Между тем датка отделился от своих джигитов и, спасая собственную шкуру, воровато прячась за камни, побежал. Не обращая внимания на других, Козубай тут же пустился вдогонку за даткой. Он выстрелил в небо. Отлетела соболиная шапка Шааназара.

Обернувшись, ответил выстрелом лысый датка. Прожужала мимо лица Козубая пуля. Время от времени отстреливаясь, бежал, не останавливаясь, потемневший датка. Прячась за камни, не отставал и Козубай. – Стой, Шааназар, все равно не уйдешь! – кричал Козубай, и без единого выстрела преследовал по пятам противника.

Наконец, патроны у датки кончились и, отбросив маузер, он вынул из-за пояса кинжал.

Вышедший из-за укрытия Козубай выстрелил в ноги датки, пуля лишь пересекла близлежащий камень. Последовал очередной выстрел Козубая, датка прыгнул влево, следующий выстрел заставил Шааназара податься вправо.

– Хи....! Хи...! Ха...! Так-то! Что датке не нравится? Жить хочешь? Воон как, дорога стала тебе жизнь! Попрыгай немножко...

Согнувшись кошкой, датка с силой бросил кинжал в Козубая. Тот успел отскочить, но клинок холодной стали воткнулся в горло бойцу, спешившему за Козубаем.

– Ах ты, зверь!

Последовавший выстрел Козубая заставил датку схватиться за живот. Он, запрокинув голову, покружился на месте, затем, шатаясь, свалился к плоскому камню и застыл с широко открытыми глазами.

– Не притворяйся! Вставай! Не в тебя я стрелял, – сказал подошедший Козубай.

Датка не двигался.

Засомневавшийся Козубай склонился над лежащим, тот и на самом деле не подавал признаков жизни. Козубай, стоял теряясь в догадках, как же это вышло?

Вдруг датка ловко схватил его за ноги. Оба покатались по камням и остановились лишь тогда, когда ударились в большой юртообразный белый камень.

Почувствовав опору за спиной, Шааназар обеими руками стал душить Козубая. Задыхаясь, терял сознание Козубай, но и он вцепился в горло противника мертвой хваткой.

В одно мгновение, поймав удобный момент, или же собравшись с последними силами, он схватил обеими руками голову датки и ударил о камень.

Датка начал терять сознание.

Козубай во второй раз пригвоздил голову к белому камню, разбежалась алая кровь. Датка лежал с открытыми, потемневшими глазами и вывалившимся языком.

С трудом цепляясь за камень, хрипло дыша, встал Козубай.

В ярко-зеленые чапаны оделись склоны высоких гор. Тепло дышит земля весенняя. Весело стрекочут пернатые.

Народ, от мала до велика, все высыпали на улицы встречать своих героев.

Впереди эскадрона с перевязанной рукой едет Абыш. Не доезжая 100 метров до встречающих, бойцы выстроились в шеренгу и Абыш, подъехав к 3-м ожидавшим всадникам, доложил:

– Товарищ командир дивизиона! Банда Шааназара полностью уничтожена!

Лаптев пожал руку Абыша, обнял и поцеловал его.

– Молодец, командир! Иди, тебя там ждут.

Среди радостно притихшей толпы стояло Зийнат, в ее темных больших глазах светились счастливые слезы.

Перед красноармейцами Лаптев говорил:

– Спасибо, товарищи красноармейцы и доброотрядцы, за хорошую службу! Поздравляю вас с победой!..

В чистом поле, в ясном солнечном воздухе особенно хорошо была слышна дружная красноармейская клятва:

– Служим Советскому Союзу!

Далее Абыш не слышал, он подъехал к Зыйнат и, соскочив на землю, подошел к ней. Всматриваясь в знакомые добрые черты ее лица, Абыш погладил Зыйнат по волосам.

– Не плачь, не надо. Все хорошо...

Бойцы тоже с нетерпеливой радостью искали своих родных и близким в толпе.

Молодая смуглая женщина навзрыд плакала, обливаясь горячими слезами.

Между тем с обернутым новорожденным, широко улыбаясь, подошла Лидия Александровна.

– Ну-ка, красный командр, не хочешь ли ты и с нами познакомиться?

– Здравствуйте, Лидия Александровна! – спешил Абыш и оглянулся на своих бойцов, ища как бы поддержки.

– Знакомтесь, Махабат Исаева, – сказала Лидия Александровна и подняла край одеяльца.

Там лежал еще совсем малюсенький человечек, шевеля веками. Глаза еще не раскрывал. Красный человечек скривил едва различимый ротик.

Капельки пота бисером выступили на лбу Абыша, он осторожно взял сверток и сказал:

– Лидия Александровна, эту девочку мы назовем не Махабат, а Валентиной! Пусть в честь моего героически погибшего друга у моей дочери будет русское имя.

Одобрительно закивали стоявшие кругом люди.

Ребенок забеспокоился и, будто упрекая людей за то, что ей помешали спать и донимают ярким светом, – звонко расплакался.

Люди дружно засмеялись.

Легкий ветерок неудержимо нес по горам, долинам, рекам, полям новой мирной жизни громкий плач – Валентины – первой киргизки с русским именем.

*Т. Океев,
Д. Садырбаев*

ПЛАЧ ВОЛЧИЦЫ

Сценарий полнометражного художественного телефильма
по роману Чингиза Айтматова «Плаха»

Фрунзе, 1987 год

**ЛЮДИ ИЩУТ СУДЬБУ, А СУДЬБА – ЛЮДЕЙ... И
КАТИТСЯ ЖИЗНЬ ПО ТОМУ КРУГУ... И ЕСЛИ ВЕРНО,
ЧТО СУДЬБА ВСЕГДА НОРОВИТ ПОПАСТЬ В СВОЮ
ЦЕЛЬ, ТО ТАК ОНО И СЛУЧИТСЯ ВСЯКИЙ РАЗ.
И ВСЕ ПРОИЗОЙДЕТ НА РЕДКОСТЬ ПРОСТО...**

Утро в горах – это всегда радость, всегда ожидание солнца, открывающего новый день как продолжение жизни. Особенно зимой, когда жизнь в горах ежедневно сопряжена с опасностями, подстерегающими все живое почти на каждом шагу.

Не стало исключением утро и для Базарбая. Выйдя задолго до восхода солнца из дома, он почувствовал, что сегодня с ним обязательно случится что-то хорошее. Он улыбнулся если, конечно, можно назвать улыбкой чуть обозначившийся оскал всегда всем и вся недовольного человека, без обычно-повседневной злобы огляделся вокруг.

А вокруг небольшой долины высились белоснежные горы. В долине же, уместившейся в чуть расступившемся ущелье, расположились две кошары. Одна – его, Базарбая. Другая – второг чабана, знатного передовика Бостона.

В обеих кошарах уже суетились люди, помощники чабанов, раздавая овцам корм. Овцы громко блеяли, а потому тарахтенье трактора Базарбай слышал тогда только, когда и трактор уже можно было различить, и прицеп, подпрыгивающий на скрытых

под снегом булыжниках, и пять незнакомых, съезжившихся от холодного встречного ветра, человеческих фигур.

Базарбай почувствовал, что быть ему сегодня с незнакомцами, поэтому вышел к дороге. Остановился в ожидании, когда приблизится трактор. Подъехав к нему, трактор действительно остановился.

Кивком головы поздоровавшись с Базарбаем, молодой тракторист высунулся из кабины и, перебивая тарактенье трактора, громко крикнул сидящим в кабине:

– Повезло вам! Лучше Базаке мало кто знает эти места, – он показал рукой на Базаарбая. – Если сумеете с ним договориться, он проводит вас.

Пятеро незнакомцев неуклюже – чувствовалось, что они продрогли за время пути – попрыгали на землю.

Очень разными они были, эти пятеро незнакомцев. Самому старшему – лет 35, самому младшему и 16-ти не дашь, хотя от мороза лицо его посинело до черноты, нижняя губа отвисла, обозначив глубокие складки в уголках губ. Остальные были одногодками, примерно 22-23 лет.

Пока трактор разворачивался, Базарбай внимательно разглядывал незнакомцев. Одеты они были по-походному, но людьми гор не являлись: не чувствовалось в них степенности, неторопливости.

Старший из незнакомцев, оставив своих попутчиков отряхиваться от снега да подпрыгивать, согреваясь, подошел к Базарбаю, протянул руку, здороваясь..

– Привет, земляк, – произнес он, пристально глядя в глаза Базарбая, – дорогу в ущелье Ачы-Таш покажешь?

Базарбай, пожав руку незнакомцу, не спешил с ответом. Сказано ведь было – “если сумеют договориться”, значит, можно и поторговаться. И потому спросил он самое привычное для сельского жителя:

– А почему?

– Геологи мы, – только и ответил незнакомец, и опять спросил:

– Ну, так как?

– Очень вы одеты легко, – кивнул на одежду незнакомца Базарбай.

– Внизу весна уже, – махнул рукой незнакомец, потом усмехнулся: – Быстро пойдем – согреемся...

– Не могу, – вздохнул Базарбай, – всех в аил созывают, на ашар...

– Кончай крутить, земля, – незнакомцу, похоже, надоело вести пустой разговор, – Не хочешь-так и скажи, найдем другого провожатого, – он кивнул в сторону кошар, – отблагодарить сумеем.

– Сколько? – торопливо спросил Базарбай.

– А сколько хочешь? – ухмыльнулся незнакомец.

Базарбай глубоко вздохнул, и продешевить опасаясь, и слишком высокую цену заломить и тем самым отпугнуть дармовой заработок. Потом, закатив глаза, рубанул воздух рукой:

– Двадцать пять!

И настороженно посмотрел на незнакомца. Тот расхохотался, сказал сквозь смех:

– Идет, земля! Будет все о'кей – пузырь получишь впридачу! Пошли, робя! – он обернулся к своим попутчикам.

– Только я на коне, – сказал Базарбай.

– Твое дело, а мы к ногам привычнее, геологи, все-таки...

Лишь теперь только, когда разговор старшего с провожатым был закончен, остальные четверо подошли к ним. Услышав последние слова, они широко заулыбались, не спеша, впрочем, вступать в разговор.

– Так я пойду седлать? – спросил Базарбай.

– Пойди, милый, – разрешил незнакомец, и повернулся к своим попутчикам, давая понять, что говорить пока больше не о чем.

Жена Базарбая, сороколетняя Кок Турсун, то есть, Сизая Турсун, вышла из дома, посмотрела на незнакомцев, потом подошла к мужу, седлавшему коня, спросила:

– Ты куда собрался?

Базарбай молча продолжал седлать коня.

– Ты куда собрался, я тебя спрашиваю!

– Надо проводить вот этих до перевала, – ответил, наконец, Базарбай.

– Тебя же сам Кочкорбаев просил приехать в аил пораньше, тебя и Бостона.

– Пошел он, твой Кочкорбаев! Пусть Бостон едет, у него партбилет, а у меня эти идейные вот где, – он похлопал себя по шее. – Лучше уж я геологам помогу, сразу видно, хорошие, простые парни...

– Тебе бы только куда смотаться, – неожиданно взвизгнула Кок Турсун, – зачем они тебе сдались, эти геологи, тут дел неспор, овцы пошли плодиться, малышня висит на шее, старшие в интернате совсем хулиганами заделались, а как на каникулы приедут, им бы все жрать, хоть лопни, да подай, а помощи от них никакой, курят как опупелые, да поди еще и водку хлещут, кому за ними в интернате следить, директор – пьяница, а и дома с кого им пример брать? Ты сам только норовишь куда закатиться, тебе только где бы выпить. Хорошо еще конь сам довозит, не то давно бы сколел спяну где-нибудь на дороге...

Все это Базарбай выслушал молча. Закончив же седлать коня, он поманил жену в дом вроде для разговора, а как вошла, притиснул молчком к стене, лицом к лицу – из нее и дух вон: тут он разглядел в потухшем уже, посиневшем, морщинистом лице жены, впомутневших от страха глазах всю оску и безотрадность прожитых лет, все неудачи и злобу на жизнь прочел он в помертвевшем взоре, в поползшем на сторону беззубом черном рте, и противен стал он самому себе и прошипел грозно:

– У, сука, попробуй у меня вякни еще, раздавлю, как гниду! – И отшвырнул в сторону.

Жена молча подхватила ведра и, хлопнув дверью, пошла во двор. А он перевел дух, вышел, сел на коня и двинулся с незнакомцами в путь...

... Они двигались гуськом. Впереди – Базарбай на коне, к седлу которого были приторочены два рюкзака – старшего незнакомца и самого младшего.

Зима была уже на исходе. Оказалось, на бокогреях, солнечных склонах, дловверчиво обнажившихся из-под снега,

попахивало уже весной. Тихо и ясно было в тот час на земле. Высоко над горами поднялось предположенное солнце.

Тишину нарушил старший незнакомец. Показав рукой на остатки стеблей прошлогодних растений, он спросил у Базарбая:

– Эй, земляк, это что за травка тут росла?

– Какая? – повернулся в седле Базарбай, останавливая коня.

– Слетай-ка, чилишь, покажи дяденьке...

Самый маленький и молодой незнакомец свернул с тропы, вырвал с корнем несколько сухих стручков, принес, подал Базарбаю. Все сгрудились в кучу. Один из незнакомцев, посмотрев благодарно на старшего, произнес с заметным акцентом:

– Ну, Гришаня, глаз – алмаз!

– Кара-курай, – отшвыривая стручки в сторону, сказал Базарбай.

– Это как? – не понял тот, кого называли Гришаней.

– Чертова трава, – пояснил Базарбай. – скот ее не ест, хорошая трава не растет...

– И много ее здесь, этой чертовой травы? – спросил Гришаня.

– Навалом. Все склоны заросли. Может, наш идейный добьется своего, перепашет да нормальной травой засеет...

– Падла! – сплюнул тот, с акцентом.

– Цыц, – шикнул на него Гришаня, – заткнись, Махач. – И, обращаясь к Базарбаю, поинтересовался:

– Это председатель, что ли?

– Да нет, чабан как и я, мой сосед, Бостоном зовут, одну звезду получил, теперь хочет вторую.

– Он что, Бостон, в школе не учился? – улыбнулся Гришаня. – Экологию не изучал? Партия нас учит не воевать с природой, а любить ее. Так вон сколько напортили, что детям и внукам – то оставим, а?

– Вот вы, геологи, и напишите в райком, вы умные, образованные, сумеете доказать, что от таких как Бостон, один вред только окружающим, – Базарбай внимательно посмотрел на Гришаню, с тайной надеждой ожидая, что тот согласится. Но Гришаня помотал головой:

– Не, земля, вы свои дела сами решайте, нас не вмешивайте, да и не сруки нам писать по инстанциям...

Захохотали остальные, смысл сказанного понимая, тронулись дальше, быстро разобравшись в цепочку, как и в самом начале: первым Базарбай, вторым Гришаня, за ним – Чилиш, а последним – Махач.

Поднялись на пригорок. Внизу, далеко-далеко, виднелся аил. Базарбай, ткнув в сторону аила пальцем, сказал:

– Туда мне надо было с утра.

Незнакомцы не обратили никакого внимания на его слова, продолжили путь.

А в аиле, где уже начинала властвовать весна, во всю суетились люди. Особенно их много было возле председательской конторы и возле магазина. Школьники белели деревья, расчищали арыки, подметали тротуары. Между ними суетились и взрослые, хотя и не с таким усердием, словно стыдились своего занятия.

Среди всей этой суеты выделялся человек с властным взглядом из-под насупленных бровей, эдакий краснощекий скопец – гладенький, как яичко, как всегда при галстукке, как всегда с какой-то папочкой, как всегда озабоченный, он ходил быстро и быстро говорил, отдавая распоряжения направо и налево с абсолютной уверенностью, что они будут непременно выполнены.

Подойдя к коренастому, среднего роста, одетому в коричневый вельветовый костюм человеку, задумчиво орудующему метлой среди красногалстучных мальчишек и девчонок, он остановился, официальным голосом произнес:

– Товарищ Уркунчиев, вам же было ясно сказано, что надо прибыть при парадной форме. Где ваша Звезда Героя, где ордена и медали? Какой пример вы подаете подрастающему поколению? – он ткнул пальцем в переставших работать пионеров.

Бостон Уркунчиев перестал мести.

– Потому что, товарищ Кочкорбаев, я, как только закончу подметать эту улицу, должен вернуться в свою кошару, к своим овцам...

– Вы что же, товарищ Уркунчиев, думаете, что мы для себя подметаем? Приезжает сам аксакал, имы обязаны показать наше хозяйство образцовым!

– У меня уже окот начинается...

– Очень хорошо, мы так и планировали. Вот и будет хороший повод при встрече с аксакалом вам взять повышенные социалистические обязательства.

– Да куда еще! У меня же овцы, а не кролики!

– Не надо демагогии, товарищ Уркунчиев, есть план и обязательства, которые непременно должны быть выполнены, любой ценой, понимаете?

– Так сделайте мне эту возможность! Вы же постоянно отвлекаете, и не только меня, а всех, кто по-настоящему работает. Все превратили в мероприятия. Да, я должен выполнить свой план, свои обязательства. Но почему я еще должен участвовать в заготовке сена, в разгрузке угля, в художественной самодеятельности? В строительстве базара? Пусть бухгалтер считает, доярка доит, ученики учатся, пусть каждый занимается своим делом!

– Э-э, товарищ Уркунчиев, оказывается, вы хороший чабан, но политически еще незрелый. Что ж, мы это поправим... А вы что встали? – накинулся он на пионеров. – Давайте, работайте, времени почти не осталось!

Далеки от всего этого были Базарбай и его спутники. Они уже миновали угрюмо нависающие над головой скальные кручи, поднялись на перевал.

– Вот оно, ущелье Ачы-Таш, – показал рукой Базарбай, не слезая с коня.

Гришаня посмотрел туда, куда показал Базарбай, потом скомандовал своим спутникам:

– Привал! – И, обращаясь к Базарбаю: – Ну что, земляк, спасибо за дорогу, давай прощаться будем...

– А это... – шелкнул пальцами Базарбай, решивший, что незнакомцы решили обмануть его.

– Да ты что, земля, – засмеялся Гришаня, – мы же друзьями должны расстаться. Дорог на земле мало, глядишь, скоро опять встретимся. Давай-ка рюкзаки наши...

Базарбай отвязал от седла рюкзаки. Гришаня их принял, положил на землю. Раскрыв карман одного из них, натащил оттуда аккуратную, в госбанковской упаковке, пачку пятирублевых. Небрежно разорвав бумагу, отсчитал пять штук, чуть подумав, прибавил еще одну, протянул Базарбаю.

– Держи, а сверху тебе, чтобы в нашей дружбе не сомневался!

Базарбай сунул деньги запазуху.

Гришаня вновь принялся возиться с рюкзаком.

Базарбай посмотрел на отдыхавших.

Самый молодой из них, Чилиш, отвернувшись от обоих товарищей, достал из кармана попиросу, выбил табак на ладошку, смешал его с каким-то порошком, трясущимися от волнения руками стал вновь набивать папиросу. Закончив колдовать, он быстро прикурил и жадно затянулся – раз, другой...

Махач, унюхав, несколько раз шмыгнул носом, потом, опомнившись, охватил Чилиша за плечо, развернул его к себе, злобно прошептал:

– А ну брось! Убью, падла.

Но тот, синюшный и бледный, продолжал затягиваться взахлеб, и тогда Махач метнулся к нему зверем, ударил наотмашь по голве, сбил фуражку. Однако и Чилиш не остался в долгу – ударом на удар и, изловчившись, пнул Махача ногой.

Базарбай, опешив, во се глаза смотрел на происходящее.

Гришаня, наконец-то достав из рюкзака бутылку водки, резко выпрямился, повернулся к дерущимся, неожиданно ласковым голосом произнес:

– Махач, прекрати, нехорошо маленького обижать...

Яросный Махач мгновенно сник, обнял Чилиша, přátельски похлопал по плечу.

Гришаня внимательно посмотрел на Базарбая. А тот равнодушно посмотрел на солнце, перевал взгяд на холку коня, почесал себя за ухом. Гришаня протянул ему бутылку водки.

– Как договорились, – улыбнулся он.

Перевалив полужаснеженную грядку, Базарбай отпустился в ущелие на склонах которого рос негустой лес да текло много ручейков и родников.

Бутылочка в кармане дождевика поверх полушубка не давала ему покоя. Он то и дело поглаживал её и всё время примерялся, где, возле какого ручья будет лучше приостановиться.

Вот, наконец, приглянулся ему один ручей по пути, подмерзший, упоенно булькающий по камням под прозрачной кромкой хрупкого припая.

Место показалось Базарбаю удобным. Кругом заросли тальника и барбариса, и снега немного, и коня можно напоить и подкормить. Он разнуздал лошадь, сдернул курджун с овсом с седла, распустил завязку и подsunул развязанной стороной коню под морду. Конь захрустел овсом, зажевал, облегченно вздыхая, прикрывая глаза и как бы отряхивая с себя усталость.

А Базарбай приместился поудобней на коряге возле воды, достал поллитровку, любясь, посмотрел на свет, но ничего особого не увидел, разве что заметил – день уже шел к концу, тени в горах ложились косо, до заката солнца оставая час с лишним, если не меньше. Но торопиться Базарбаю было некуда. Предвкушая знакомое отупляющее действие водки, он неспеша откупорил толстым ногтем поллитру, понюхал, помотал головой, приложился к бутылке. Сделал судорожно несколько больших обжигающих глотков. Затем зачерпнул пригорошней из ручья воды и хлебнул вместе с обломками льда. Захрустел льдинками – аж в мозгу хруст отозвался.

Лицо Базарбая исказила безобразная гримаса, он хмыкнул, тем крикнул, прикрыл глаза, ожидая, когда дурман ударит в голову. Ждал того мгновенья, когда весь окружающий мир – горы, скалы, станет зыбким, поплывет как в тумане, взлетит,

ждал, когда разгоряченной голове его почудятся смутные звуки и шумы, и замер, зажмурился, готовый отдаться опьянению.

И в минуту расслабления услышал где-то рядом невнятное поскуливание, как будто ребеночек захныкал, — что не это могло быть? Где-то там, за зарослями барбариса, за завалом камней, кто-то опять затыкал совсем по щенячьи...

Базарбай насторожился, еще раз машинально хлебнул из бутылки, затем отставил ее, прислонив к камню, крепко вытер губы и встал. Еще раз прислушался, напрягая слух. И смекнул: точно, он не ошибся. Какие-то зверята подавали голоса.

Базарбай пошел к логону, высматривая лазы. Будь Базарбай трезвый, он, наверное, подумал бы прежде, стоит ли туда лезть. Не сразу отыскал он нору в расщелине. Выручил опыт. Тщательно рассматривая снежный наст, он обнаружил четкую цепочку следов — понятное дело, соблюдая предосторожность, волки ступали все время по старым следам. Дальше Базарбай нашел в кустах среди завалов камней целое кладбище обглоданных, полуизгрызанных костей. Значит, звери нередко притаскивали сюда часть добычи и неспеша доедали здесь. Судя по количеству мослов и сочленений, оставшихся от волчьих трапез, звери жили здесь давно. Теперь отыскать ход в логово не составляло труда.

Трудно сказать, почему Базарбай не побоялся лезть в расщелину, где могли оказаться и взрослые звери. Но проголодавшиеся несмышлениши, все время поскуливая, выдавали себя с головой и как бы звали к себе. И когда снаружи послышался шорох — это в логово вползал Базарбай, — они еще пуще заскулили и устремились на неверных ножках к выходу, чем очень облегчили человеку его задачу.

Базарбай весь вспотел от напряжения. Он пробрался в тесный лаз ощупью, в одном пиджаке, полушубок скинул, похватал волчат, побросал троих одного за другим к себе за пазуху и, держа последнего, четвертого, пятерней за шиворот, выполз на свет. А когда выполз, зажмурился — так сверкали высокие горы. Вдохнул полной грудью воздух. Тишина стояла оглушающая. Он слышал лишь свое дыхание. Волчата за пазухой заселозили, а тот, которого он держал пятерней, попытался высвободиться. Базарбай заторопился. Всё также

тяжело дыша, он подхватил полушубок, рванулся к ручью, а уж дальше всё шло как по писаному.

Базарбай выхватил курджун с овсом из-под морды коня, быстро высыпал овес на землю, сунул по паре волчат в каждую сумку, перебросил курджун через седло, подвязал его седельными ремнями, чтобы не болтался, взнуздal коня и не мешкая вдел ногу в стремя. Надо было убираться пока не поздно. Вот это удача так удача! Но нужно было унести ноги, пока не появились волки, — это Базарбай хорошо понимал. О недопитой водке, прислоненной к камню, он вспомнил, когда уже был в седле. Но и на водку плюнул. Бог с ней, он столько выручит за волчат, что купит не один десяток таких поллитровок. С тем и торопил коня. Надо было как можно быстрее, пока не зашло солнце, выбраться из ущелья.

Он понукал гнездо-бурого коня, чтобы тот бежал побыстрее по каменистому дну ущелья, и все поглядывал на солнце, садящееся за спиной, в глубине гор, откуда как бы вдогонку надвигались ранние сумерки. Да, надо было поспешать, побыстрее выбираться в предгорья, — там места открытые, куда хочешь — туда и скачи, в любую сторонку, не то, что в тесном ущелье...

И чем ближе Базарбай был к обжитым просторам, тем увереннее и даже нахальнее становился он. Ему уже хотелось похвалиться удачей, и он придумал, а не стоит ли по дороге завернуть к какому-нибудь чабану из своих собутыльников, чтобы показать добычу, да обмыть ее, ну хотя бы по сто грамм за каждого из четверых, — ведь он в долгу не останется, как только сбудет живой товар.

Он начинал сожалеть, впопыхах оставил у ручья недопитую чуть не на две трети пол литру: эх, хватить бы на ходу прямо из горла... Облизнув пересохшие губы, Базарбай даже приостановил коня, намереваясь вернуться — до чего же хотелось ублажить себя! Но рассудок все-таки подсказывал, что с этим усеется, прежде надо довести волчат в целости да покормить, они хоть и живучие, а все же сосунки, только-только прозрели, вон глаза-то какие несмышлёные... Как-то им там, в курджуне, как бы не подошли.

И Базарбай потрогал курджун рукой, почувствовал, как под ладонью забилась живая плоть.

Наевшись до отвала мясом убитого яка, волки тропой возвращались в логово. Первой – Акбара, за ней – Ташчайнар. И больше всего им хотелось добраться до волчат в норе под скалой, залечь с ними в круг, успокоиться, а потом, передохнув хорошенько, вернуться к недоеденной туше яка, оставленной лощине. Еще издали, еще на подступах к логову сердце Акбары почуяло что-то неладное. Точно какая-то птица летела рядом с ней подобно тени, что-то ужасное чувствовалось ей в свете предзакатного солнца. Тревожный багровый отсвет на снежных вершинах становился все темней и мрачней. И с приближением к логову она убыстрила бег – на Ташчайнара и не оглядывалась, наконец, и вовсе понеслась вскачь, охваченная необъяснимым предчувствием. И тут тревога пронзила ее еще острее, она уловила в воздухе чужой запах.

Что это? Отчего это? Волчица кинулась через ручей, через лази в кустах к расщелине под свесом скалы, юркнула в логово, вначале замерла, затем зафыркала, как охотничья собака, обнюхивая все углы опустевшего и осиротевшего гнезда, метнулась вон и, столкнувшись у выхода с Ташчайнаром, мимоходом злобно задрала его, точно он был виноват, точно он был враг, а не степ, а не волк-супруг. Ни в чем не повинный Ташчайнар в свою очередь ринулся в логово и нагнал волчицу уже на берегу ручья.

Акбара, вынюхивая следы, вне себя бегала взад-перед, узнавая по ним о случившемся. Кто-то здесь был, свежие следы говорили о совсем недавнем пребывании человека – вот куча рассыпанного овса, отдающего конской слюной, вот куча лошадиного навоза, а вот и нечто в бутылке, дурманное, отвратительное по запаху, и волчица содрогнулась, втянув в себя запах спиртного, а вот следы человека на снегу. В таких сапогах ходят чабаны.

Страшный враг, прибывший сюда на коне с каким-то омерзительным веществом в бутылке, опустошил гнездо,

похитил детенышей! А что если он их сожрал! И снова Акбара сбросилась на ни в чем не повинного Ташчайнара, кусала его как бешеная, затем, глухо рыча, бросилась бежать туда, куда уводили следы. Ташчайнар – за ней.

Волки безошибочно шли по следу – все вперед и вперед, к выходу из ущелья, все вперед и вперед – туда, в людскую сторону вели следы...

А Базарбай, миновав ущелье, ехал рысцой уже по открытой местности, по отлогим взгорьям, где простирались летние выпасы. Еще часок – и он дома.

Солнце тем временем село на самый край земли, улеглось между горными вершинами и меркло, догорая. Потянуло студеным ветерком. «Как бы звереныши не померзли», – подумал Базарбай, но завернуть их было не во что, и он решил посмотреть, как там они, в курджуне, живы ли. А то привезешь мертвяков – кому они нужны!

Он спешился, хотел развязать седельные ремни, чтобы снять сумку да поглядеть, как там они, но конь стал мочиться, расставив ноги, разбрызгивая мочу. А вдруг, круто остановив обильную струю, дико храня, шарахнулся в сторону, едва не вырвав поводья из рук Базарбая.

– Стой! – заорал Базарбай на коня. – Не балуй!

Но конь, точно огня, испуганно метнулся в сторону. И тут Базарбай и не глядя догадался, в чем дело. Спиной, вмиг похолодевшей, он почуял набегающих волков. Базарбай рванулся к коню и едва схватился за гриву, как лошадь, храпя и взбрыкивая, бешено понеслась. Пригнувшись от ветра, Базарбай оглядывался по сторонам. Пара волков бежала неподалеку. Оказывается, конь давеча перепугался, когда звери с разбега выскочили на бугор. И теперь волки стремились выйти ему наперерез. Базарбай взмолился, вспомнил богов, в котором другие дни, бывало, плевал в бороды. Поносил незнакомцев, свалившихся как снег на голову: «Чтоб вам подавиться!» Каялся, просил прощения у жены: «Вот тебе слово! Останусь в живых, никогда пальцем не трону!» Жалел,

что позарился на волчат: «зачем надо было трогать? Зачем полез в ту дыру? Стукнул бы о камень с башкой одного за другим – и делу конец, а теперь куда их, куда?» Сумка накрепко привязана седельными ремнями – на ходу не выкинешь. А тут еще стало быстро смеркаться, сумерки растеклись, заполнили безлюдные пространства – никому нет дела до его страшной участи. Только верный конь мчит во весь опор, обезумев от страха.

Но больше всего сожалел Базарбай, что не было при нем ружья – уж он бы им влепил по пуле, уж он бы не промахнулся. Эка невидаль ружье, у каждого чабана оно дома есть, но кто ж его постоянно носит с собой! Эх, кабы знать! Базарбай орал что есть мочи, чтобы стращать зверей. Вся его надежда была на коня – хорошо, что он из конезаводских...

Гонка была не на жизнь, а на смерть...

Так они мчались по сумеречным взгорьям – всадник на коне с похищенными волчатами в переметной суме, а за ним Акбара и Ташчайнар. А волки, учуяв запах похищенных детенышей, о своем молились, о своем сокрушались. Если б конь споткнулся, хоть один раз, хоть на одно мгновение! Если бы они не нажрались до этого бычьего мяса до отвала, разве так бы они бежали, разве уже не настигли бы похитителя и не разнесли бы сходу в клочья, чтобы кровавым возмездием утвердить справедливость в извечно жестокой борьбе за продление рода. То ли дело в Моюнкумских степях во время облавы на сайгаков, когда вдруг в стремительном беге волки нажимали еще сильнее, чтобы завернуть уходящую добычу в нужную сторону. Но на облаву волки выходили натошак, заранее готовясь к молниеносному броску.

Особенно было трудно бежать Акбаре, наевшейся про запас, чтобы кормить детенышей. Но и она не сдавалась, мчалась что есть сил, и если бы ей удалось настичь ездового, ни секунды не колеблясь, ринулась бы в схватку, чем бы это для нее, ни кончилось. Разумеется, рядом с ней был Ташчайнар, несокрушимая сила и опора, но ведь умирает каждый за себя,... а она готова была принять любую смерть, только бы достичь, только бы догнать этого человека на резвом коне... только бы...

И хотя конь под Базарбаем был резвый, он с ужасом заметил, что волчья пара медленно, верно настигает его сбоку.

С правой стороны, отрезая ему путь к обжитым местам. Коварные звери намеревались повернуть всадника, загнать в горы – и тогда он неминуемо рано или поздно встретится с ними лицом к лицу. Так и выходило – вне себя от страха, конь все время норовил податься от набегающих волков в сторону гор. Однако конем управлял человек, мыслящее существо, способное разгадать их маневр, и в этом заключается просчет зверей.

И еще одно обстоятельство спасло Базарбая. Когда благодареньем судьбы впереди завиднелись огни ближайшей кошары, это – вот уж повезло так повезло! – оказались кошара Бостона Уркунчиева. Да-да, того самого Бостона, передовика-кулака, которого он так невзлюбил. Но сейчас ему было не до того, кто кому нравится или не нравится, – какая разница, любая живая душа сейчас была ему желанна, как своя жизнь. Главное, человеческое жилье встретилось на пути – вот в чем радость, вот в чем спасенье! И он возликовал, прищипорил коня каблуками, и конь с новой силой понесся туда, где были люди, отары. Однако для Базарбая прошла целая вечность, прежде чем он осмелился сказать себе, что может надеяться на благополучный исход, но вот уже затарахтел, как пулемет, Бостонов электродвижок, вот уже переполошились чабанские псы и с тревожным лаем кинулись ему навстречу, прочем, и волки не отставали – они надвигались все ближе и ближе, конь выбивался из сил, и до Базарбая уже доносилось запаленное дыхание зверей. “О боже Баубедин, только спаси, – взмолился Базарбай, – принесу тебе семь голов скота в жертву! “Спасся-таки! Спасся!” – ликовал Базарбай.

Конечно, не пройдет и часа, как он забудет о своих обещаниях, так уж устроен человек...

Но в тот момент, когда к нему подбежали чабаны, он буквально свалился к ним на руки, то и дело повтряя:

– Волки, волки за мной гнались! Воды, воды дайте!

А волки, судя по всему, кружили где-то рядом, не уходили, выжидали, упорствовали. На бостоновском зимнике поднялся переполох – пастухи забегали, закрывали двери загонов, перекрикивались в наступившей тьме, один из них залез на крышу, дал из ружья несколько залпов. Собаки подняли

громкий несмолкающий лай, но со двора не выбегали. Держались поближе к свету. Трусость псов возмущала хозяев.

– Ату его! Взять! Да это не волкодавы, а дерьмодавы! – науськивал кто-то псов хриплым голосом. – А ну вперед! Акташ, Жолбарс, Жайсан, Барпалан! Вперед! Ату его, ату! Эх вы, хвосты поджали, боитесь схватиться с волками!

– Собака есть собака, – возражал ему другой голос. – Чего разорался? Верхового они могут стянут с седла за сапог, а с волком им не совладать! Оставь их, пусть себе лают!

Но не сразу, совсем не сразу вспомнил Базарбай, почему за ним гнались волки. Только когда парень, которому было велено прохаживать Базарбаева коня, спросил вдруг: “Базарбай-байке, а что это у вас в курджуне? Вроде, шевелится что-то”, – тут он и спохватился.

– В курджуне? Да это же волчата! Черт бы их побрал, четыре щенка-сосунка. Взял их прямо из логова. Потому волки и гнались за мной.

– Вот оно что! Вот это здорово. Вот это огреб так огреб!

Прямо из логова? Хорошо еще ноги унес...

– А не подошли они в курджуне? Не задохнулись, не подавились они там при скачке?

– Скажешь тоже! Что это урюк, что ли? Они, брат, живучие, как собаки.

– Давай глянем, какие они из себя?

Переметную суму с волчатами сняли наконец с седла и понесли в дом Бостона.

– Чай – это питье для баб, – сказал без обиняков Базарбай жене Бостона. – Чего-нибудь покрепче не найдется в доме богатея Бостона? Слава-то о нем куда как далеко идет!

– Ты уж извини, – произнесла Гулюмкан хмурясь. – Сам-то Бостон не очень, понимаешь ли, до этого дела охоч...

– Знаю, знаю, не пьет твой Бостон! – небрежно перебил ее Базарбай. – Я это так, к слову. Спасибо за чай. Думал, хоть сам не пьет, а гости бывают...

– Да нет, почему же, – засмушалась Гулюмкан и посмотрела на Рыскула, помощника Бостона, сидевшего рядом с Базарбаем, – у его колен лежала злополучная переметная сума с волчатами.

Рыскул приподнялся было – собрался идти за водкой, – но тут в дверях появился второй Бостонов помощник – не доучившийся в пединституте студент Марат, разбитной малый, который, изрядно покуролесив по области, теперь остепенился и осел у Бостона.

– Слушай, Марат, – обратился к нему Рыскул. – У тебя где-то припрятана поллитровка. Я знаю. Не бойся, если что, отвечать перед Бостоном буду я. Давай свою бутылку поскорее, обмоем добычу Базарбая.

– Обмыть! Так это я мигом! – довольно хохотнул Марат.

Не успела Гулюмкан разломить лепешку, как Марат вернулся с водкой. Распечатав и разлив по полстакана, выпили за удачу Базарбая. Базарбай, у которого страх уступил место привычной самоуверенности и беспеременности, растянулся на ковре точно у себя дома и стал рассказывать, что да как было.

– Сначала я заметил двух волков. Только пустив в ход камчу, сумел отогнать их от логова. Понял я, что волчата там у них. Ну, забрал, еду дальше. И верите, смотрю, а за мной уже целая стая следует. Со всех сторон воют волки, окружают меня.

– Та пара их собрала, что ли? – с расширенными от ужаса глазами спросил Марат.

– Выходит, что так, – поддакнул Рыскул.

– Не зря волков считают не только жестокими, но и умными животными, – веско произнес Базарбай. – Ну, тут уж мне только и осталось надеяться, что на гнедого. Спасибо ему, выручил.

Рассказывал все это, Базарбай развязал оба мешка курджуна, достал волчат и тут сам впервые хорошенько их рассмотрел. Вначале волчата были вялы, почти ни на что не отзывались, все старались спрятаться, словно искали защиты, а потом ожили, согрелись, заползали по кошме, поскуливали, тыкались мордочками в людей, глядя ничего не понимающими, несмышленными глазами, – искали мать, искали ее сосны. Хозяйка жалостливо покачала головой:

– Так ведь они же, бедняги, оголодали! Детеныш, хоть он и волчий, а есть детеныш. Что как подохнут они у тебя с голоду?

— Зачем это?

— С чего бы им подохнуть? — оскорбился Базарбай. — Эти твари живучие. Два дня чем-нибудь покормлю, а там сдам в район. На зообазе знают, как их выхаживать. Начальство, если захочет, оно все умеет — волка и то приручит и заставит в цирке выступать, и за цирк люди деньги платят. Может, и эти в цирк попадут.

Тут все, хоть хозяйка и заразила их своей жалостью, заулыбались. Но женщины, сбежавшиеся посмотреть на живых волчат, стали перешептываться.

— Базарбай, — сказала Гулюмкан, — у него тут есть ягната, сироты сосунки, их молоком прикармливают, а что если принести волчатам те ягничьи бутылочки?

— А что? — не удержался от смеха Базарбай. — Овцы будут выкармливать волков. Вот это здорово! Давайте попробуем!

И наступил час, вспоминая о котором каждый из них впоследствии преисполнится ужасом. Людей потешало и то, что кормили диких зверей овечьим молоком, и то, что волчата были доверчивые и забавные, и то, что один щенок из выводка самочка — оказался синеглазым, сроду никто не слышал, чтоб у волчицы были синие глаза, такого и в сказках не встретишь. И то, как веселился совсем еще маленький мальчуган, Бостонов сынишка-последыш Кенджеш. То-то радовался Кенджеш — сразу четыре зверенка в доме. Взрослых умиляло, как этот полуторагодовалый карапуз лепетал на своем, только ему понятном языке, как разгорелись у него глазенки, как увлеченно он играл с волчатами, четверо волчат почему-то льнули к ребенку, точно бы угадывая, что он тут для них самое близкое существо. Взрослые переговаривались: смотри, мол, дите чувствует детей, — старались выяснить у Гулюмкан, что говорит малыш волчатам. А Гулюмкан, счастливо улыбаясь, тискала сыночка, ласково приговаривая:

— Кучюк, кучюгом, щенок, щеночек мой! Видишь, прибежали к тебе маленькие волчата. Смотри, какие они мягонькие, серенькие. Ты будешь с нами дружить, да?

Тут Базарбай и произнес ту фразу, которую потом тоже будут вспоминать:

— Был один волчонок в доме, а стало пять. Хочешь быть волчонком? А то давай подкину тебя, Бостонова последыша, в логово, будешь расти вместе с ними...

Все от души смеялись шуткам, пили чай. Базарбай с Маратом, раскрасневшись от выпитого, прикончили поллитровку, закусывали салом и жареным мясом, все более оживляясь по мере выпитого. На дворе же наступила тишина — собаки перестали лаять, а самый большой пес Жайсан — рыжая лохматая громадина — вдруг появился на пороге неприкрытой двери. Пес задержался в дверях, вилял хвостом, не решаясь переступить порог. Ему бросили кусок хлеба, он подхватил кусок на лету, громко клацнув зубами. И тогда подвыпивший Марат схватил для смеха одного волчонка и поднес его псу.

— А ну, Жайсан, взять его! Взять, говорю! — И поставил перед псом дрожащего тщедушного звереныша.

К удивлению присутствующих, Жайсан злобно заворчал, поджал хвост, втянул голову и кинулся натеку. И только потом, уже во дворе, под окном, залаял трусливо и жалко. Все захохотали и громче всех Базарбай.

— Зря стараешься, Марат! Нет такой собаки, чтобы от одного волчьего духа не обделалась! Ты что, хочешь, чтобы ваш Жайсан был львом? Такому не бывать!

Все перестали смеяться, когда маленький Кенджеш расплакался — ему стало жалко волчонка, и, опасаясь за него, он заковылял к нему, чтобы оберечь от непонятных проделок взрослых людей.

Уже собираясь выходить, Базарбай, довольный, что оказался в центре внимания в Бостоновом доме, передал курджун с волчатами Марату: на, мол, перекинь через седло, — а сам снял со стены ружье, висевшее рядом с огромной волчьей шкурой. Он внимательно осмотрел ружье, оно ему понравилось — добротное, поблескивающее вороненой сталью, радующее глаз ладной формой нарезное многозарядное ружье для крупной дичи. Волчью шкуру, висевшую как трофей на стене, Бостон добыл метким выстрелом из этого ружья. Об этом знали все.

— Послушай Гулюмкан, — не спеша сказал Базарбай, переводя пьяный взгляд от ружья на хозяйку. Попадись ему это

Гулюмкан, мелькнула у него это моль, в укромном месте... Он привык брать женщин нахрапом, иногда прямо в поле или у дороги, когда это удавалось, когда нет, но он не жалел в том, ни в другом случае, и, сравнивая исподволь Гулюмкан со своей битой-перебитой Кок Турсун, он живо представил себе, как бы сейчас вмазал ей наотмашь за то, что она, а не Гулюмкан, досталась ему, за то, что опостылела, и, пересилив себя, сказал: – В доме у вас хорошо, ты хорошая хозяйка. Да, что я хотел сказать? Понимаешь, Гулюмкан, я боюсь, как бы волки опять не погнались за мной. Что, если я прихвачу это ружья с собой, а завтра передам с кем-нибудь из своих...

– Ради бога, повесь на место, – строго сказала Гулюмкан. – Бостон никому-никому не позволяет притрагиваться к этому ружью. Он не любит, когда трогают его ружье.

– А ты сама не можешь без него распорядиться ружьем?, – мрачно усмехнулся Базарбай, живо представляя себе, как бы он притиснул эту бабу, представься ему удобный случай.

– Да ты что! Приедет Бостон и увидит, что нет ружья, зачем мне это... К тому же я не знаю, где патроны. Бостон их сам где-то прячет. Ни одного патрона никому не дает.

Базарбай мысленно обругал Бостона по-черному; костерил и себя, разве не знал он, какой занудный скупердяй этот самый Бостон, и жена его, оказывается, ничуть не лучше, чуть было не сказал ей, мол, подавись ты этим ружьем, но тут Рыскул выручил его, разрядил, что называется, обстановку.

– Зря беспокоишься, Базаке. Мы с Маратом проводим тебя верхами, если хочешь, с ружьями до самого дома, – заверил он, смеясь. – Времени у нас навалом, вся ночь впереди, а это ружье ты в самом деле лучше не трожь, повесь на место. Тебе ли не знать: Кенджеш задал ревака, зачем, мол, дядя побросал волчат в мешок и куда их уносят. Малыш вертелся, вырывался из объятий матери, требовал вернуть ему полюбившихся зверят...

В тот час ночь накрыла своим звездным покровом все – и горы, и небо. И трое всадников, балагурия, ехали и не подозревали, что той ночью завязались крепким – не

распутаеть узлом тяжкие судьбы... И вот уже тише и невнятной доносились и их речи, покот копыт по камням... Остался позади привычный стук Бостона движка, свет от него выхватывался из тьмы, окутавший горную сторону, не большой круг чабанского жилья и преддверья.

Но вот раздались таги, и Гулюмкан проворно вышла навстречу мужу, помогла скинуть сапоги, принесла воду, мыло, полотенце. Молча, лила воду на руки мужа, но пока они не заводили разговор.

Вытерев руки, Бостон первым делом подошел к малышу, опустился на колени у смастеренной им самим деревянной кровати, поцеловал сына обветренными губами, нашептывая ласковые слова, и заулыбался невольно, когда Кенджеш, почувствовав поцелуй, зашевелился во сне.

— Кудурмат сказал, что Базарбай тут без меня побывал, проронил он, садясь за еду. Нехорошее это дело...

Гулюмкан, поняв его по своему, покраснела и едва не вспылила от обиды:

— А что мне еще оставалось делать? Ворвались в дом своей гурьбой. Волчат, мол, показать хотим. И Кенджеш тут как тут — ему-то забава... Ну, подала я им чай...

— Да я не об этом. Бог с ним, как пришел, так и ушел. Только сдается мне, нехорошее это дело...

— А что тут плохого?, — не понимая к чему он ведет сказала Гулюмкан. — Так ведь ты и сам стрелял волков-то. Вот прошлогодняя шкура висит, и отделали ее на славу, кивнула она на волчью шкуру на стене.

— Висит-то она висит, ответил Бостон, протягивая жене опорожненную пиалу. Правда твоя, случилось и мне подстрелить волка, раз уж так устроена на свете, что есть волк и есть человек. Но его волчьего я никогда не разорял. А Базарбай, подлая его душа, волчат уворовал, а волков, зверей свирепых, оставил на воле. Это же он нам пакость построил. Волки живут здесь — деваться им некуда, и теперь, понимаешь, они в страшной злобе...

Слова его ошеломляюще действовали на Гулюмкан. Она завздыхала по-бабьи, поправила съехавшую на плечо косу.

– Вот беда-то! И что его пронесло, непутевого, в наши края? Зачем надо было трогать логово? Да и жалко их ведь любая тварь тоже детенышей своих любит, кто этого не знает. И как я сразу не сообразила.

– Я вот что думаю, озабоченно продолжал Бостон. – Какие же эти волки? Не те ли самые? – Бостон помолчал и добавил: По словам Кудурмата выходит, что волки гнались за Базарбаем со стороны кашатского ущелья.

– Ну и что?

– А то, что как бы это не оказались те самые, пришлые волки Ташчайнар и Акбара. Есть такая пара.

– Ой, да оставь ты свои шутки! – залилась смехом Гулюмкан. – Неужто у волков имена есть, как у людей? Скажешь тоже!

– Какие шутки! Не надо шуток мне. Мы этих волков знаем. На здешних они не похожи. Иным случалось видеть их. Лютая, сильная пара, в капкан не попадают, подстрелить их не удастся. И надо же, чтобы этот прохиндей, алкаш Базарбай на их логово наткнулся, выкосил под корень все их отродье. А ты еще удивляешься, что у них имена есть! Самец-Ташчайнар, такой сильный, что может лошадь свалить. А волчица Акбара – умная зверюга, ой, какая умная! И оттого особенно опасная.

– Да перестань, отец моего сына, не шути! Что я тебе, ребенок? – недоверчиво усмехнулась Гулюмкан. – Ты про них рассказываешь так, будто с ними с детства живешь... Ну как такое может быть?

Бостон снисходительно улыбнулся, но призадумавшись, решил успокоить жену.

– Да ладно, сказал он, помолчав, – выкинь все это из головы. Просто я тебя позабавить хотел. Давай-ка стели постель. Поздно ленькая! Ну, воеет волчица где-то по близости, плачет по волчатам, что ж теперь поделаешь? А я пойду, гляну, что в кошарах делается.

С этими словами он наспех оделся, не гася света, вышел обуваться, потом вернулся в комнату, погасил свет и ушел, захлопнув за собой дверь прихожей. Она слышала, как он

прошагал под окнами бормоча какие-то ругательства, как окликал собаку: «Жайсан, Жайсан! Поди сюда!» – и как постепенно шаги его стихли. И тут снова донесся затяжной вой голчицы, ей басовито – тробно подвывал волк. В их вое kloкочущая ярость, угроза сменялись плачем, а потом в нем вновь нарастали безумные отчаяние и злоба, и вновь их сменяла мольба...

Невозможно, невыносимо был слушать этот вой. Гулюмкан зажала уши, потом пошла, накинула крючок на двери, словно волки могли ворваться в дом, и, дрожа и кутаясь в шерстяной платок, вернулась к постели, не зная, что и делать, страшась, что волки снова завоют и разбудят малыша. Больше всего она боялась, что Кенджеш проснется и перепугается.

А волки все были, и чудилось, что они кружат где-то около, переходят с места на место, бродят окрест. В ответ им злобно и вистливо лаяли собаки, но покинуть пределы двора не смели. И вдруг раздался один оглушительный выстрел, за ним другой. Гулюмкан поняла, что Бостон и ночик Кудурмат палат для острастки.

После этого все стихло. Смолкли собаки. Смолкли и волки. «Ну слава богу, а это прям напасть какая-то!» подумала с облегчением Гулюмкан. И все-таки на душе у нее было тревожно. Она взяла спящего Кенджеша, унесли к себе в большую постель, положила посередине, чтобы ребенок находился между родителями. Тем временем вернулся и Бостон.

– Сон перебили, чтоб им всем неладно было, – сердито бурчал он, должно быть имея в виду и волков, и собак, и все с ними связанное. – Ну и скотина этот Базарбай, ну и скотина! – негодовал он, снова укладываясь в постель.

Гулюмкан не стала тревожить мужа распросами, и так волки не дали ему нормально поспать. Ведь утром спозаранку ему надо быть на скотном дворе – он не из тех чабанов, которые могут позволить себе встать попозже.

У Гулюмкан отлегло от души, когда она увидела, как муж успокоился, как радовался, прижимая к себе малыша, шепча ему ласковые слова.

Они снова заснули, в этот раз с малышом посередке, но вскоре проснулась опять от заунывного волчьего воя. И опять залаяли во дворе растревоженные собаки.

— Да что же это такое! Что это за жизнь! — в сердцах посетовала Гулюмкан и сама пожалела о своих словах: Бостон молча встал и начал одеваться впотьмах. — Не уходи, — попросила она. — Пусть их воют. Я боюсь. Не надо, не уходи!

Бостон не стал перечить жене. И так лежали они в темном доме темной ночью в горах, невольно прислушиваясь к вою волков. Уже давно минула полночь, уже дело шло к рассвету, а волки все надсаживались, донимая людей горестным, злобным воем.

— Всю душу вымотали, и чего только им надо? — не выдержала Гулюмкан.

— Чего им надо? Ясное дело, детенышей своих требуют, — ответил Бостон.

— Так они же не здесь, детеныши эти. Их давным-давно увезли. — А откуда им об этом знать? — ответил Бостон. — Они звери, они знают одно: их сюда привел след и здесь для них все-конец, свет клином сошелся. Поди попробуй объясни им. Жаль что тогда меня не было дома. Я бы этому скотине Базарбаю за такое дело шею свернул. Добычу взял он, а расплачиваться нам...

И в подтверждение его слов над кошарой разносился вой, то заунывный и тягостный, то яростный и злобный — это волки, ослепленные горем, кружа, блуждали во тьме.

Над горами забрезжил ранний рассвет. Уходила, растворяясь, тьма в небесах, отслужив ночную службу, меркли звезды, четче прорисовывались дальние и ближние горы, и земля становилась землей...

В этот час волки, Акбара и Ташчайнар, уходили в горы, в сторону ущелья. Их силуеты то вырисовывались на возвышенностях, то растворялись во мгле. Волки понуро трусили — не легко им дались утрата детенышей и неумолчный

вой всю ночь напролет. Отсюда им было бы по пути завернуть в ту лощину, где осталась большая часть туши яка, убитого накануне. Обычно они не преминули бы вновь насытиться свежатиной до отвала, но на этот раз Акбара не пожелала возвратиться к законной добыче, а Ташчайнар не посмел это сделать без нее.

На восходе солнца уже вблизи логова Акбара стремглав рванулась бежать, как если бы ее ожидали сосунки. Эти самообман и самообольщение передались и Ташчайнару, и теперь уже они оба неслись по ущелью – их гнала вперед надежда поскорее увидеть свой выводок.

И все повторилось – юркнув в лазы среди зарослей. Акбара вбежала в расщелену под свесом скалы, снова обнюхала пустые углы, холодную подстилку, снова убедилась, что их, детенышей сосунков, нет, не желая смириться, выскочило из норы, и, ошалев от горя, снова задрала Ташчайнара, неловко столкнувшегося с ней у входа. И снова заметалась у ручья, вынюхивая следы Базарбаева пребывания накануне. Здесь все было отвратительно и враждебно, особенно прислоненная к камню початая бутылка водки. Резкий и редкий дух вывел волчицу из себя, и она рычала, кусала себя, грызла землю, а потом заскусила протяжно, задрав морду, заплакала в голос, как будто ее смертельно обидели и из необыкновенных синих глаз покатались градом мутные слезы.

И некому было утешить ее в горе, некому было ответить плачем на ее плач.

Утром другого дня, часов примерно около десяти, Базарбай Нойгутов собрался седлать лошадь, чтобы надеваться в райцентр, но тут заметил направлявшегося к ним всадника. Интересно, что ему понадобилась на этом зимовье? Всадник в желтой дубленой шубе нараспашку и рыжей лисьей шапке ехал дорожной полурысью с западной стороны, по подножью малого склона. Хорошо, отменно сидел он в седле. Базарбай сразу узнал конного и, взглядевшись получше золотистого дончака, убедился, что не обознался – это был сам Бостон Уркунчиев

верхом на Донкулюке. Неожидавшее появление неприятно удивило Базарбая, настолько неприятно, что он отложил в сторону седло и решил дожидаться своего соседа-недруга. А чтобы Бостон не подумал, что но его встречает, принялся обтирать коня пучком соломы. Делал вид, будто занят делом. У Базарбая было такое странное ощущение, словно Бостон застит его врасплох. Он скинул взглядом подворье, кошары, постухов, занятых поутру делами, – все ли в порядке. Конечно, на зимовье у Бостона порядка больше, Бостон на работе зверь зверем, но на то он и передовик. Злые языки поговаривали, что в те славные годы быть бы ему сосланным, как кулаку, в Сибирь, а Базарбай что, обычный, рядовой азиатский чабан. Таких, как он, не очесть по горам да степям, они не пасут те миллионные стада, копыта которых не дают траве подняться над землей, стаптывая ее на корню. А потом ведь с каждой свой спрос. Бостон – одно дело, он – другое. Пока Бостон прилижался, в голове роились мысли. “И чего это наш кулак с утра припожаловал в гости? Никогда такого не бывало! – недоумевал Базарбай. – К чему бы это? С какой стати? Решил было пригласить Бостона в дом, раз такое дело, но, представив себе свое жилище, запущенный бригадный дом и прежде всего свою жену, несчастную, злобную Кок Турсун, разве ее можно сравнить с Гулюмкан! – отказался от такой мысли.

Приближаясь к зимовью, Бостон придержал коня на краю двора, огляделся по сторонам и, заметив подле навеса самого хозяина, направился к нему. Они сдержанно поздоровались – Бостон так и не слез с седла, Базарбай продолжал заниматься своим делом.

– Хорошо, что я тебя застал, – сказал Бостон, приглаживая ладонью усы.

– Как видишь, я на месте. А что такое, если не секрет?

– Какой тут секрет, дело есть.

– Ну, такой человек, как ты, по пустому делу не приедет, – надменно проронил Базарбай, – Верно я говорю?

– Верно.

– Тогда слезай с коня, если по делу прибыл.

Бостон молча спешил, привязал Донкулюка к коновязи. Как всегда и на этот раз не забыл – ослабил подпругу, чтобы

конь отдохнул от ремней, стесняющих грудь, чтобы двигался вольной. Затем осмотрелся вокруг, как бы оценивая, что твориться на дворе.

– Что стоишь? Что высматриваешь? – с плохо скрываемым раздражением окликнул его Базарбай. – Садись вот на колоду, – предложил он, а сам пристроился на тракторной покрывке, валявшейся под ногами.

Они посмотрели друг на друга все с таким же глухим неодобрением. Все в Бостоне не нравилось Базарбаю – и что шуба на нем добрая, обшита по краям черной мерлушкой, и что распахнута она на его широкой груди, и что сам он здоровый и глаза ясные, и что лица цвета темной меди, а ведь Бостон его, Базарбая, лет на пять старше, не нравилось и то, что вчера Бостон наверняка лежал в постели с Гулумкан, хотя какое, казалось бы, ему до этого дело.

– Так выкладывай, слушаю тебя, – кинул Базарбай.

– Понимаешь, я по какому делу, – начал Бостон, – видишь, вот и курджун прихватил, подвязал к седлу. Ты этих волчат отдай мне Базарбай. Надо их вернуть на место.

– На место?

– Подложить в логово.

– Вон оно что, – ехидно скривился Базарбай, а я-то думал, с чего наш передовик пожаловало утра. Дела свои бросил и прискакал. Ты, наверное, забываешь, Бостон, что я у тебя не в пастухах хожу. Я такой же чабан, как и ты. И ты мне не указ.

– При чем тут указ – не указ! Ты что, не можешь спокойно выслушать? Если ты думаешь, волки забудут о том, что вчера произошло, ты крепко ошибаешься, Базарбай.

– А мне-то что! Пусть их не забудут, мне-то какое дело до этого, да и какое тебе дело?

– А такое, что вчера мы глаз не сомкнули всю ночь, волки воем были в две глотки. Эти звери не успокоятся, пока им не вернуть детенышей. Я знаю волчью натуру.

Бостон явился к нему просителем. И от этого подмывало Базарбая покуражиться, поиздеваться, показать себя. Чтобы сам Бостон пришел к нему кланяться – такое и во сне не привидится. И Базарбай решил, что раз уж подвернулся такой случай, не упустить его. И добавок мелькнула злорадная мысль:

хорошо что не было им покоя, хорошо, что не до ласк Гулюмкан было Бостону. Всегда бы так! И он сказал, искоса метнув на Бостона взгляд:

– Не морочь мне голову, Бостон! Тоже нашел дурака! Не для этого я брал выводок, чтобы возвращать его чуть ли не с поклонами. Много ты о себе понимаешь! И потом, у тебя свои, а у меня свои интересы. И мне плевать, спалось там тебе с твоей бабой или не спалось, мне от этого ни жарко, ни холодно.

– Подумай, Базарбай, не отказывайся сходу.

– А чего тут думать?

– Напрасно ты так, – еле сдерживаясь, сказал Бостон. Он понял, что совершил большую ошибку. Теперь ему оставалось прибегнуть к последнему средству. – В таком случае, – сказал он, все еще стараясь не терять самообладания, – давай сторгуемся по-честному – ты продаешь, я покупаю! Тебе все равно продовать этих волчат, так продай их мне. Называй свою цену – и по рукам!

– Не продам! – Базарбай даже привскочил. – Тебе ни за какие деньги не продам! Подумаешь, нашелся – продай! У тебя деньги, а у меня нет! Да плевал я, что у тебя деньги! Я их пропью, волчат, но тебе не продам, слышал? Мне плевать, кто ты и что ты! Слушай, садись-ка ты поскорей на коня и уезжай подобру-поздорову!

– Не говори глупости, Базарбай. Давай поговорим, как мужик с мужиком. Какая тебе разница, кому продавать волчат?

– А такая! Не тебе меня учить. И без тебя ученый. А если хочешь, я тебе такое устрою, что на своем партийском собрании, где ты выступаешь, я, мол, всем передовикам передовик, всех уму-разуму учишь, так вот я тебе там такое устрою, что позабудешь, откуда солнце всходит и куда заходит. Такое устрою, что век не забудешь!

– Ну и ну! – искренне удивился Бостон, невольно отгороживаясь от Базарбая рукой, – ты постой меня пугать, объясни, за что ты так на меня взъелся?

– За что взъелся? А за то? Ты против властей идешь. Ясно! Один ты умный! Начальство требует уничтожать повсюду хищников, а ты решил волков миловать, решил размножить – так выходить? Подумай сам своей кулацкой головой! Я целый

выводок извел, стало быть, большую пользу государству принес, а ты хочешь подложить их в логово. Пусть растут, пусть плодятся – так, что ли? Да еще меня подкупить хочешь?

– Не тебя подкупить хочу – глаза б мои на тебя не глядели, – а купить волчат. Только напрасно ты меня страшаешь чуть ли не судом. Ты в начале подумай, пораскинь мозгами, что ты делаешь и кто ты после этого есть! Ты вначале взрослых волков убери, если ты такой герой! И прежде всего волчицу, раз ты наткнулся на логово. А если тебе слабо, скажи другим, вот, мол, так и так, и пусть этим займется тот, кому это по силам.

– А кто это – уж не ты ли?

– А хоть бы и я! А теперь попробуй найди этих волков – ищи ветра в поле. Раз ты разорил их логово, теперь волка и волчицу и не выследить, и не убить. Теперь они будут резать по округе всю живность, весь скот, в любой час мстить будут человеку – попробуй оправься с ними. Ты об этом подумал?

– Рассказывай, рассказывай, ишь выискался адвокат волчий. Пойди докажи – кто тебе поверит? Рассказываешь о волках, как о людях, привык вкручивать мозги. Да я тебя вижу насквозь! Я тебе другое скажу. Если ты приперся сюда на меня давить... – Базарбай, не договорив, сорвал шапку с лысой головы, подскочил к Бостону: ни дать, ни взять крутолобый бык, – и они сошлись вплотную, лицом к лицу, оба сопели, их душила ненависть.

– Ну, что еще ты хочешь мне сказать? – охрипшим от напряжения голосом сказал Бостон. – А то некогда мне!

– Я всегда знал, что ты жмот, себе на уме, только под себя гребешь, потому и от зависти подыхаешь, как собака, когда кому-то что-то светит. Не ты, видишь ли, взял добычу, не ты огреб выводок, тебе вот и неймется, вот и ночи не спишь, когда у кого хоть какая-то удача!

– Тыфу ты! – не стерпел Бостон. – И я еще разговариваю с таким гадом! Да сам я дурак! Знал бы, не приехал! Кончай разговор! Все! Теперь если и отдашь волчат – не возьму. Иди, делай свое дело!

Бостон, раздасованный не на шутку, подошел к коновязи, резко выдернул чумбур, подтянул рывком подпругу так, что конь запнулся, переступая ногами, и с маху сел в седло. Он

был настолько зол, что не расслышал, как его окликала жена Базарбая. Бедная женщина самую малость опоздала. Выйдя из дома, она заметила, что муж ее с кем-то разговаривает, размахивая руками. Поняла, что между мужчиной какой-то спор, и поспешила к ним. Однако добежать не успела – Бостон уже отъехал на золотом дончаке, и вид у него был разгневанный. Нахлобучив лисью шапку, он хлестанул коня и унесся прочь, полы шубы развевались, как крылья.

– Бостон! Бостон! Постой! Послушай меня! – крикнула Кок Турсун, но Бостон не обернулся – кто знает, то ли он не услышал, то ли не захотел откликнуться.

– Ты чего человека обидел! Из-за чего у вас спор? – подступилась Кок Турсун к Базарбаю.

– Не твое дело! И не ори, чего тебе понадобилось его звать? Кто он тебе?

– Да ведь раз в сто лет приехал к тебе, а ты? И кто только тебя такого родил на свет? Изверг ты, не человек!

Слова жены лишь распалили Базарбая, он взвился, вскочил на колоду и заорал вслед Бостону:

– Мать твою затопчу! Не на такого напал! Привык, чтобы все перед тобой голову гнули! Мать твою...

– Перестань! Прекрати! – Кок Турсун отважно кинулась к мужу, стащила его с колоды. – Лучше меня избежь, зачем позоришь человека? За что?

– Отойди, зараза! – оттолкнул ее Базарбай. – Какое твое дело? Он, видишь ли, решил, что Базарбай будет лебезить перед ним. На, мол, возьми, ради бога, волчат, пусть будет по-твоему! Не на того напал!

– Так это ты из-за волчат? – подивилась Кок Турсун. – Было бы из-за чего! Прямо конец света! Конец света! Срам какой-то...

В тот день волки снялись с места. И не просто снялись, а покинули логово, не вернулись на ночь и стали бродить на стороне то уныло отлеживались, где придется, то вновь рыскали по округе, особенно не скрывались, вели себя нагло, точно

перестали остерегаться людей. В те дни многие окрестные чабаны замечали их в самых неожиданных местах. И всегда волчица с низко пригнутой головой шла впереди, точно бы одержимая безумием, а волк неизменно следовал за ней. Впечатление было такое, будто эта пара ищет свою погибель, настолько очевидно они пренебрегали опасностями. Несколько раз, вызвав неожиданный переполох среди собак, они походили вблизи жилищ и кошар. Псы поднимали злобный лай, бесновались, выходили из себя, делали вид, что вот-вот кинутся в атаку, но волки упорно не обращали на них внимания и, даже когда им вслед стреляли, не убыстряя шага, продолжали свой путь, словно не слышали выстрелов, одержимость этих странных волков стала притчей во языцах. И еще больше заговорили о них, когда Акбара и Ташчайнар нарушили волчье табу и стали нападать на людей. В одном случае они среди бела дня осадили тракториста прямо посреди дороги. Он вез сено в прицепной тележке. Заклинило руль, и тракторист, молодой парень, полез вниз поглядеть, в чем дело. Он долго возился там, орудуя ключами, и вдруг заметил невдалеке двух волков, ступающих по тающему снегу, — они шли к нему. Больше всего его поразили волчьи глаза. С лютым оцепеневшим взглядом они приближались к нему, причем волчица была чуть ниже в холке и синеглазая. Глаза у нее были влажные и пристальные. Хорошо парень не растерялся, успел заскочить в кабину и прихлопнуть дверцу. Хорошо мотор завелся от стартера, а то все приходилось заводить с плеча, от рукоятки. А тут прямо-таки повезло. Трактор затарахтел, и волки отпрянули, но уйти не ушли, а все норовили приблизиться то с одной, то с другой стороны.

В другой раз лишь чудом уцелел подросток-пастушок. И тоже дело было днем. Он отправился верхом на ослике за топливом, отъехал недалеко от дома ему надо было привезти хворосту на растопку. Пока он резал серпом в кустарнике сухостойный хворост, откуда-то выскочили два волка. Ослик даже не успел подать голоса. Нападение произошло мгновенно,

молчком и кроваво. Мальчик бежал, не выпуская серпа из рук, и, добежав до кошары, упал и стал кричать не своим голосом. Когда люди из кошары с ружьями побежали к кустарнику, волки неспешной трусцой скрылись за холмом. Даже выстрелы не заставили их убыстрить шаг.

А чуть погода волки устроили настоящую бойню среди суетных маток, выгнанных попасться неподалеку от кошары. Никто не видел, как и что произошло. Спихнулись только тогда, когда оставшиеся в живых животные примчались в страхе во двор. Полтора десятка суетных маток лежали растерзанные на пастбище. Всех их убили зверски, перерезав горло, убили бессмысленно – не для насыщения, а для умертвления.

И пошел счет злодеяния Акбары и Ташчайнара. И пошла о них страшная слава. Но люди видели лишь внешнюю сторону дела и не знали подлинной подоплеки, подлинных причин мести – не ведали о безысходной тоске – волчицы по похищенным из логова волчатам...

А Базарбай гулял, куражился, пропивая дуриком доставшиеся деньги, куролесил по попадавшимся ресторанам. Напившись так, что лысина багровела, везде вел один разговор – о том, как он здорово отшил возмнившего о себе и возгордившегося Бостона.

– Эх, жаль, прошли те времена, когда таких бостонов запросто ставили к стенке, как классовых врагов. Вот и лезет он на всех собраниях со своей гласностью. Ну, да ладно, на его гласность у меня своя найдется. Слышали, что нынче волки творят в нашей округе? Так вот, а Бостон хотел ещё четвертых волчат выпустить на волю, деньги мне за это предлагал. Я быстро его раскусил, так послал что... и написал куда следует, чтобы разобрались, чем он живет и за что Героя получил... а вы, случаем, ничего про его старые делишки не знаете, а?

Так беседовал со своими пьяными друзьями не менее пьяный Базарбай в одном из ресторанов.

В кабинете председателя колхоза «Берлике» Чотбаева идет рабочее совещание. В нем участвуют секретарь парткома Кочкорбаев, молодой инструктор райкома Мамбетова, Бостон Уркунчиев, другие члены правления.

ЧОТБАЕВ: Но ведь молодость действительно не идет в чабанские бригады!

КОЧКОРБАЕВ: Значит, у нас плохо ведется агитационно-массовая пропаганда, надо напомнить молодежи про Павлика Морозова и его киргизского собрата Кычана Джакыпова.

ЧОТБАЕВ: Вам и карты в руки, никто не мешает...

КОЧКОРБАЕВ: И будем агитировать, не волнуйтесь! У нас намечен целый комплекс мероприятий. Но важно вовремя пресекать частнособственнические устремления, как бы хорошо их не маскировали перестройкой и гласностью. Мы не позволим подрывать основы социализма. Мои слова адресованы прежде всего товарищу Уркунчиеву. Он все время добивается для себя каких-то особых условий. Сделайте мне это, сделайте то... Хватит, товарищ Уркунчиев, что в погоне за персональным выпасом для своей отары вы погубили человека. Люди не забыли об этом, в партийные органы до сих пор идут письма... Что молчите?

УРКУНЧИЕВ: Да, я искал выпасы, но не только для себя, а и для всех, в том числе и для тебя. Кочкорбаев, потому что я тебя кормлю и пою, а не ты меня. И сейчас ты плюешь в колодец, из которого пьешь!

КОЧКОРБАЕВ: Что за безответственные речи! Я всем обязан только партии!

УРКУНЧИЕВ: А партия, думаешь, откуда берет, чтобы тебя кормить, с неба, что ли?

МАМБЕТОВ: Успокойтесь товарищи. Мне кажется, чабан Уркунчиев прав. Труженик, как мы любим говорить – созидатель материальных благ, – имеет право сказать свое слово. Только надо ли заходить так далеко?

КОЧКОРБАЕВ: Да вы его не знаете, товарищ Мамбетов. Претензии Уркунчиева вообще не имеют границ. Вот недавно один чабан Базарбай Нойгутов обнаружил в горах волчье логово, чтобы ликвидировать стаю на корню, забрал выводок из четверых волчат. Поступил, как следовало поступить. А этот Уркунчиев буквально преследовал Нойгутова, чтобы тот положил выводок на место. Это что же? Сначала своя земля, своя отара, потом свои волки.

УРКУНЧИЕВ: Я хотел на волчат приманить волка и волчицу, а не оставлять их лютовать на воле. Иных дурных людей называют провокаторами, так вот Базарбай и есть волчий провокатор, он волков подбил лютовать... И тебе, парторг, после телевизора, нам вчерашние новости пересказывать. Лучше бы делах хозяйства за это время разобрался, в наших людях. Вот ты обвинил меня, что из-за меня человек погиб. Да, Эрназар погиб. Мы искали выпасы. А почему? Да, потому, что нужда, и каждым днем она все сильнее. Мы хотели, как лучше, но нам не повезло. Сложилось все иначе, поехали бы в Москву на выставку, пошел бы к самым главным руководителям нашим и рассказал бы о тебе, Кочкорбаев. Ты кичишься, что только и думаешь о партии, а вот нужны ли партии такие люди, как ты, которые сами ничего не делают и другим мешают.

КОЧКОРБАЕВ: Это клевета! Вы, Уркунчиев, ещё ответите!

УРКУНЧИЕВ: Отвечу. И если я действительно не то делаю и не так понимаю, тогда гоните меня в шею, не место мне в партии, и нечего меня щадить. Но и тебе, Кочкорбаев, об этом же надо подумать...

КОЧКОРБАЕВ: Мне нечего думать! Я всегда с партией!

Утро. Бостон выходит из дома с винтовкой. Проходит мимо навеса, под которым висит с десяток растерзанных волками овец. Возле них стоит потерянный Рыскул.

— Овец выгнал? — ровным голосом спросил Бостон.

— Боске, эти волки — просто дьяволы, кажется, все предусмотрели, но они обманули, пока за одним гнались, другой...

– Я за ночь твой рассказ наизусть выучил, – без тени улыбки произнес Бостон. – Сказал же, ты ни в чем не виноват...

Ничто не предвещало дурных перемен. Небольшое стадо овцематок с ягнятами, беспорядочно переключаясь, шло туда, куда его гнал Бостон. Ягнята резво подпрыгивали, кидались к маткам пососать на ходу молока. Но Бостон с самой ночи настроен мрачно. И чем больше он думал, тем больше злился и на волков, и на Базарбая, виновника всей истории.

Расположив овец в укромной, хорошо просматривавшейся ложине, Бостон залег на её краю, затаившись с ружьем среди камней и редкого кустарника. Он не сомневался, что сумеет подстрелить волков, лишь бы удалось их приманить. Шумливые матки и ягната-двойни все время подавали голоса, окликали друг друга, однако время шло, а звери все не появлялись.

Бостон уже начинал терять терпение. И тем не менее напрягал зрение и слух – выжидал, был начеку.

Овцы паслись, отвлекаясь лишь на зов ягнят, то и дело подставляя им сосны, и больше никаких забот не знали. Опасность заметил лишь Бостон...

Пара белобоких горных сорок беспокойно застрекотала, стала перелетать с места на место. Бостон насторожился, взвел курок, но высовываться не стал, а, напротив, еще старательнее схоронился. Действовать надо было наверняка. Он готов был пожертвовать несколькими овцами, лишь бы выманить хищников на открытое место. Но волки, видимо, почуяли опасность – не исключено, что их оповестили о ней те же сороки. Кончив стрекотать в одном месте, они поспешили туда, где сидел в засаде Бостон, и здесь тоже подняли нахальный громкий стрекот... как бы то ни было, волки выскочили не сразу – оказалось, что они разделились: Акбара, ползя между валунами, подкрадывалась с дальнего конца, а Ташчайнар с противоположного.

Бостон уже устал от долгого ожидания, но тут среди камней промелькнула серая тень, и овцы резко шарахнулись в сторону и неуверенно замерли. Бостон весь напрягся, он понял, это волки подпугнули стадо.

Потом среди каменных глыб вновь метнулась серая тень, и хищник в два прыжка настиг испугавшихся овец. То была Акбара. Бостон вскинул ружье, ловя на мушку цель, и собрался уже нажать курок, когда легкий шорох сзади заставил его обернуться. В ту же секунду он, не целясь, выстрелил в упор в набегавшего на него огромного зверя. Все произошло в мгновение ока. Выстрел настиг Ташчайнара уже в прыжке, но упал он не сразу, а, злобно оскалив зубы свирепо сверкая их глазами, хищно вытянув вперед когтистые лапы, какое-то время еще летел по инерции к Бостону и рухнул замертво всего в полуметре от него. Бостон тот час же повернул ружье в другую сторону, но момент был уже упущен – Акбара, оставив сваленную сходу овцу, успела метнуться за камни. С ружьем наперевес кинулся он за волчицей, надеясь достать ее пулей, но увидел лишь, как Акбара перемахнула ручей. Выстрелил и промахнулся...

Бостон перевел дух, удрученно огляделся вокруг. От напряжения он побледнел и тяжело дышал.

Собрав разбежавшихся с перепугу овец, Бостон пошел взглянуть на убитого волка. Ташчайнар лежал, завалившись на бок, ощерив громадные желтые клыки, глаза его уже остекленели. Бостон потрогал голову Ташчайнара, громадная голова – лошади впору, как только зверь носил такую тяжесть, а лапы – Бостон поднял их, взвесил и невольно восхитился: такая сила чувствовалась в этих лапах. Сколько исхожено ими, сколько задрано добычи!

После некоторых колебаний Бостон решил не обдирать Ташчайнара. Бог с ней, со шкурой, не в шкуре дело. Тем более, что волчица уцелела – торжествовать нет причин.

Остаток дня Бостон был занят тем, что обкладывал труп Ташчайнара камнями. Возиться пришлось долго, он выбирал камни покрупнее, чтобы их не могли растащить другие звери. Иногда он приостанавливал работу и затаивался, осторожно поглядывая по сторонам, не покажется ли, часом, волчица. Бьющее без промаха ружье Бостона лежало рядом, стоило только протянуть руку...

Закончив работу, Бостон постоял над каменным холмиком в задумчивости, потом, уже в глубоких сумерках, взвалил приперзанную Акбарой овцу на плечо и погнал отару домой.

А Акбара бежала как сумасшедшая, не разбирая пути, по воде, по камням, мимо ночных костров, засветившихся на летних стойбищах, мимо злобных собак, а вдогонку ей громыхали выстрелы...

Так бежала она, одинокая и обезумевшая, по горам под высокой, стоявшей в небе луной... и когда добежала до логова, так заросшего новой порослью травы и барбариса, что и не узнать, не посмела войти во свое давно осиротевшее, забытое жилье... а перебороть себя, уйти прочь тоже не было сил... И впервые обратилась Акбара к волчьей богине Бюри-Ане, и долго плакалась, скуля и воя, долго жаловалась на свою горемычную судьбу и просила богиню взять ее к себе на луну, туда, где нет людей...

Луна была полной, высокой. Кенджеш сладко спал в своей маленькой кровати. Бостон мрачно слушал свою жену.

– Комиссия пришла, едва только ты с овцами за пригорком скрылся. Человек пять их было вместе с Кочкорбаевым. Всех овец пересчитали, и наших, и колхозных. Сказали, что растерзанных волками на наш счет отнесут. Целый день здесь провели. Сказали, что на девять утра заседание партбюро, чтобы ты обязательно партийный билет взял с собой... Что будет, а?

Бостон не успел ничего ответить. Ночную тишину разорвал вой волчицы. Казалось, он раздался под самым окном дома Бостона. С плачем проснулся Кенджеш. Бостон придвинул сынишку к себе, стал успокаивать его, обнимая и прижимая:

– Кенджеш, а Кенджеш! Я же здесь. Ну, чего ты, малыш? И мама здесь – во она, видишь? Хочешь, чтобы свет зажег? Да ты не бойся. Это кошки кричат. Это они так воют... Гулюм, – сказал он жене, – пойду, припугну ее. Так дальше невозможно.

– Сколько времени сейчас?

Бостон глянул на часы.

– Три часа без двадцати.

– Вот видишь, а тебе вставать рано. Эта проклятая Акбара сведет нас с ума. Что за наказание такое?!

– Ну, успокойся. Что ж теперь делать? Я мигом обернусь. Да не бойся ты-то хоть. Вот наказание, ей-богу. Я снаружи запру дверь на замок. Не беспокойся. Ложись спать.

И он прошел под окнами, громко стуча кирзачами, надетыми наспех на босу ногу. Бостону хотелось столкнуться с волчицей, и поэтому он нарочито громко скликал собак, ругал их последними словами. Он был готов на все – так осточертела ему эта остервеневшая от горя Акбара.

Акбара остервенело, царапал когтями каменный склеп над Ташчайнаром, но камни были сильнее. Она это поняла, легла подле и пролежала там до самого рассвета, а с первыми лучами солнца исчезла.

Проезжая на своем дончаке мимо колхозной конторы, Бостон невольно дотронулся до внутреннего кармана в пиджаке. Вынул партбилет и тут же положил его обратно. Тронул коня, минуя контору. Спешился возле универсама «Маданият», прошел внутрь и купил заводную лягушку, лупоглазую, смешную, – то-то малыш будет забавляться. Выйдя на улицу и увидел рядом с раймагом столовую.

Едва Бостон зашел в полутемный зал, пропитавшийся запахом дешевой пищи, как тут же услышал голос Базарбая. Тот сидел с пятью незнакомыми парнями. Обратил внимание, что парни курили одну папиросу, передавая ее друг другу после одной-двух затяжек. Базарбай был уже изрядно пьян, его спутники тоже выглядели нетрезвыми.

Заказав борщ и котлеты, Бостон уставился в окно. Он молил бога, чтобы Базарбай не обратил на него внимания, и без того на душе тошно было. Невольно прислушался к разговору

Базарбая со спутниками, когда показалось, что произнесли его, Бостона, имя.

– Вот с кем я рано или поздно рассчитаюсь, – злобно говорил Базарбай, – он мне всю жизнь портит.

– Может быть, наша помощь нужна? – спросил один из спутников.

– Нет, еще подумает, что боюсь его.

– Тогда мы просто потолкуем с ним. Интересно же поговорить с человеком, который собирается перепахать такие шикарные угодья, для которого бараны важнее человека. Клични его сюда, Махач...

Махач подошел к Бостону, положил на плечо руку:

– Слушай, дорогой, если тебя зовут Бостон, тогда есть люди, которым хочется поговорить с тобой. Базарбая знаешь?

Бостон убрал руку Махача со своего плеча, повернулся к нему и, стараясь скрыть раздражение, произнес:

– Скажи, что некогда мне, я сейчас поем и сразу уеду в горы.

– Да успеешь еще, куда они денутся, твои горы?

– Нет, спасибо, дела.

– Ну смотри, зря ты так, зря, – бросил, уходя, Махач.

Принесли борщ. Но едва Бостон начал есть, как к нему подошел Базарбай, за ним подтянулась и остальная компания.

– Слушай, ты чего нос воротить? Тебя зовут как человека, а ты? Ты что, лучше других себя считаешь? – с ходу начал цепляться уже изрядно подвыпивший Базарбай.

– Я же сказал, что некогда мне, – спокойно ответил Бостон и демонстративно начал хлебать из тарелки борщ, к которому в другой раз он был бы после первой ложки ни за что не притронулся бы.

– У меня к тебе дело есть, – сказал Базарбай и нахально уселся напротив Бостона. Остальные остались стоять вокруг стола.

– Какие у нас с тобой могут быть дела? – спросил Бостон.

– Нам бы стоило поговорить хотя бы о тех волчатах, – Базарбай нахмурился и покачал головой.

– Мы с тобой уже говорили о них, стоит ли второй раз возвращаться к этому?

– По-моему, стоит.

– А по-моему, нет. Не мешай мне. Я сейчас доем и уйду.

– Куда спешишь, собака? – Базарбай резко встал и, нагнувшись, приблизил к Бостону искаженное злобное лицо. – Куда спешишь, сволочь? Мы с тобой еще про волков не поговорили. Ведь ты при всем народе в кабинете у председателя назвал меня провокатором, сказал, что из-за меня волки лютуют. Думаешь, я не знаю, что такое провокатор? Думаешь, я фашист, а ты один у нас честный?

Бостон тоже вскочил с места. Теперь они стояли лицом к лицу.

– Перестань трепать языком, – осадил Базарбая Бостон. – Фашистом я тебя не называл, не догадался, а стоило бы. А то, что ты провокатор и безмозглый злодей, – верно. Я это тебе и прежде говорил, и сейчас скажу. Но лучше будет, если ты вернешься на свое место и перестанешь ко мне лезть.

– А ты не указывай, кому, где быть и что делать! – не на шутку разъярился Базарбай. – Ты мне указ. Плевал я на тебя. Пусть я, по-твоему, провокатор, а ты-то сам кто такой? Думаешь, люди не знают, кто ты есть? Думаешь, погубил своего напарника Эрназара – и все шито-крыто? Да ты, гад, снюхался с его женой, еще, когда Эрназар был жив, а твоя старуха должна была помереть. Тогда ты и столкнул Эрназара в пропасть на перевале, а сам женился на этой суке Гулюмкан. Попробуй, докажи, что это не так! Почему не ты в пропасть провалился, а Эрназар? Шли-то вы одной дорогой. Думаешь, никто ничего не знает? Но он-то погиб, а ты остался жив, да кто вы после этого, ты и твоя сука Гулюмкан. Эрназар на перевале вмерз в лед, остался без могилы, как собака, а ты, гад, обжимаешь его бесстыжую жену, суку продажную, и живешь себе припеваючи! А еще партийный! Да тебя надо гнать взащей из партии. Ишь, передовик нашелся какой, стахановец! Да тебя под суд надо!

Бостон еще сдержался, чтобы на кинуться с кулаками на Базарбая, не измолотить мерзкую рожу. Тот явно называл его на драку, на скандал, на смертельную схватку. Но он сделал над собой усилие, стиснул челюсти и сказал задыхающемуся от злости Базарбаю.

– Мне не о чем с тобой разговаривать. Твои слова для меня ничего не значат. И я равняться на тебя не буду. Думай обо мне

что хочешь и говори, что хочешь. А сейчас прочь с дороги. Эй, парень, – окликнул он официанта, – на, получи за обед. – Сунул ему пятерку и молча, пошел прочь.

Базарбай ухватил его за рукав:

– А ну постой! Не спеши к своей суке! Может, она с каким-нибудь чабаном крутит, когда тебя нет, а ты им помешаешь!

Спутники Базарбая громко заржали. Бостон стиснул камчу, вплотную подступил к Базарбаю, тихо процедил, не отводя взгляда от его вмиг побелевшего лица:

– Убери-ка руку. Не заставляй меня повторять, слышишь, убери руку! А то никакие друзья тебе не помогут!

Так и вышел Бостон, крепко сжимая камчу, устремив взгляд вперед, и ни Базарбай, ни его спутники не посмели остановить его. Лишь вскочив в седло, он дал волю Донкдюку, пустил его во весь опор.

Началась хлопотная пора. Перегон скота, перевоз домашнего скарба и, что тяжелее всего стрижка овец. Каждый торопился как можно скорее поспеть на летовку лучшие места.

...Безпросветно тяжело было Акбаре. Она сделалась вялой, безучастной – ела всевозможную мелкую живность, что попадалась на глаза, и большей частью уныло коротала дни где-нибудь в укромном месте. Даже массовое перемещение стад, когда по горам тысячные поголовья и под шумок ничего не стоит утащить зазевавшегося ягненка, а то и взрослую овцу, оставляло ее совершенно равнодушной.

Иногда она бродила окрест, порой подбиралась к стойбищу Бостона, только теперь уже не выла, а молча лежала, положив голову на лапы, чутко прядая ушами, вслушиваясь.

И вот настал тот день...

Бостон проснулся в то утро, когда солнце светило уже повсю. Он бы поспал еще, но его разбудил сынишка. Как ни стараясь в то утро Гулюмкан не пускать Кенджеша к отцу, в какой-то момент, занятая сборами, она не уследила за

малышом. И малыш, что-то лопоча, безцеремонно трепал отца по щекам. Бостон открыл глаза, улыбаясь, обнял Кенджеша и удивительная нежность к мальчишке с особой силой охватывало его. Отраднo было сознавать, что Кенджеш, его плоть его кровь, растет здоровым и подвижным, что свои неполные два года он смышлен, любит родителей, что лицом и складом характера он похож на него, только глаза, влажно блестящие, как черные смородины, материнские. Всем удался мальчик, и глядя на него, Бостон гордился, что у него такой чудесный сын.

– Что ты, сынок, мне вставать? А ну, потяни меня за руку! Потяни, потяни, вот так! А тепер обними меня за шею!

Гулюмкан тем временам уже успела вскипятить любимый мужем густой калмыцкий чай с жареной мукой, с молоком и солью, и поскольку не только отары и даже собаки далеко в горах, Уркунчиевы могли позволить себе хоть раз в году выпить чай без помех, в тишине и спокойствии.

– Ой прямо не верится, – все приговоривала Гулюмкан, – как хорошо, какая благодать, какая тишина! Не знаю, как тебе, а мне уезжать не хочется. Давай никуда не поедem, Кенджешик, скажи отцу, что не надо никуда ехать.

Кенджешик что-то лепетал, подсаживаясь то к отцу, то к матери, а Бостон добродушно соглашался с женой:

– А что? А почему бы и нам не прожить все лето?

– Сказал тоже! – смеялась Гулюмкан. – Да ты через день припустишь за своей старой, что за тобой на Донкулюке! – поддакивал Бостон, довольный, и поглаживая жесткие усы. Выглядел он счастливым.

Так чаевничали они за низким круглым столом, взрослые сидели на полу, а малыш бегал около. Двери в дом были распахнуты – жарко! – и Кенджеш то и дело бесприпятственно выскакивал наружу, носился по двору, наблюдал за маленькими проворными, пушистикими цыплятами, сновавшими возле квочки. То была квочка их соседа, ночника Кудурмата. Сам он был уже на летовке, а жена его Асылгуль собиралась отправиться вместе с уркунчиевыми на машине. Она уже заглянула к ним, сказала, что собрала вещи, осталось только посадить курицу с цыплятами в корзину, но это она не успеет

сделать, когда машина придет. А пока она собирается простирнуть и просушить билье.

Так проходило то утро. Солнце уже изрядно припекало. Все были заняты своими делами. Бостон с женой увязывали свои узлы, укладывали посуду. Асылгуль устроила постирушку – слышно было, как она то и дело выплескивает из дверей мыльную воду. А маленького Кенджешика предоставляли самому себе, и он то выбегал из дому, то опять забегал в дом, и все крутился возле цыплят.

Заботливая квочка повела цыплят подальше от дома покопаться за углом в землю. Малыш подался за цыплятами, и незаметно они оказались за глухой стеной сарая. Здесь, среди лопухов и конского щавеля, было по-летнему спокойно и тихо. Цыплята попискивали, рылись в мусоре, а Кенджеш тихо смеялся, разговаривал с цыплятами, все стараясь их погладить. Кенджеша квочка не боялась, но когда вблизи, неслышно ступая, появилось большая серая собака, и курица встревожилась, недовольно закудаhtала и предпочла увести цыплят подальше. Кенджеша же большая серая собака с удивительно синими глазами не ничуть не испугала. Она кротко смотрела на малыша, дружелюбно помахивая хвостом. То была Акбара. Волчица давно уже бродила возле зимовья.

Акбара стояла перед малышом. И непонятно, как ей открылось, что перед ней детеныш, такой же, как любой из ее волчат, только человеческий, и когда он потянулся к ее голове, чтобы погладить добрую собаку, она подошла к нему, лизнула его в щеку. Малыш обрадовался ласке, тихо засмеялся, обнял волчицу за шею. И тогда Акбара совсем позвал ее за собой. Жюр, жюр, – кричал он, зовя ее за собой и поманивая рукой, заливаясь счастливым смехом, но Акбара не решалась идти дальше, она знала, что там люди. Не двигаясь с места, волчица грустно поглядывала синими глазами на мальчугана, и он снова подошел к ней, погладил по голове, а Акбара вылизывала детёныша, и ему это очень нравилось... Осторожно, чтобы не поранить шейку, волчица ухватила за ворот курточки и резким

рывком перекинула на загривок. Так, как она привыкла, как научены инстинктом волки утаскивать ягнят.

Мальчик вскрикнул пронзительно, коротко, как раненый заяц.

Соседка Асылгул, шедшая к сараю развешивать белье, поспешив на крик Кенджеша, заглянула за угол, увидев убежавшую волчицу с мальчиком на загривке, бросила белье на землю и кинулась к дверям Бостона.

– Волк! Волк ребенка утошил! Скорее, скорее!

Бостон сорвал со стены ружье и бросился из дома, следом за ним Гулюмкан.

– Туда, туда! Вон Кенджеш! Вон волчица его тащит! – вопила соседка, в ужасе хватаясь за голову.

Бостон уже и сам увидел волчицу, она трусила, неся на загрузке дико орущего малыша.

– Стой! Стой, Акбара! Стой, говорю! – закричал во весь голос Бостон и побежал вслед за волчицей.

Акбара припустила, а Бостон несясь вслед за ней, крича не своим голосом;

– Оставь, Акбара! Оставь моего сына! Никогда больше я не трону твоего рода! Оставь, брось ребенка! Акбара! Послушай, меня, Акбара!

Он словно забыл, что его слова для волчицы ровным счетом чего не значат. Крики, погоня лишь напугали волчицу, и она побежала быстрее.

А Бостон, не умолкая ни на минуту, преследовал Акбару.

– Акбара! Оставь моего сына, Акбара! – взывал он.

А чуть подставь, с отчаянными волями причитаниями, что бежали Гулюмкан и Асылгул.

Стреляй, стреляй быстрее! – кричала Гулюмкан, забыв, что Бостон не может стрелять, пока волчица на себе несет малыша.

Крики погоня все сильнее будоражили волчицу, распыливали ее инстинкт, и она решила не выпускать своей добычи. Мертвой хваткой держал малыша за шиворот, она упорно бежала вперед, уходила все дальше в горы и даже когда

позади прогремел выстрел и пуля просвистела у нее над головой, не бросила своей ноши. А малыш все плакал, звал отца, звал мать, и Бостон снова выстрелил в воздух, не зная, чем еще устроить волчицу, но и этот выстрел не испугал ее. Акбара продолжала удаляться в сторону каменных завалов, а уж там ей ничего не стоило запутать следы и скрыться из виду. Бостон пришел в отчаяние: как спасти ребенка, как? Что сделать?

– Брось мальчика! Брось, прошу тебя, оставь нам нашего сына! – задыхаясь и хрипя, как запаленная лошадь, молил он на бегу волчицу.

И в третий раз Бостон выстрелил в воздух, и снова пуля просвистела над головой зверя. Каменные завалы все приближались. В обойме было теперь всего два патрона. Понимая, что еще минута и он упустит последний шанс. Бостон решился выстрелить по волчице. С разбега припал на колено и стал целиться: он метил по ногам, только по ногам. Но ему никак не удавалось прицелиться – грудь ходила ходуном, руки тряслись, перестали слушаться. И все же он попытался собраться силами и глядя в дергающуюся прорезь прицела, как скачет будто бы плывет по бурным волнам, волчица, прицелился и опустил курок. Мимо. Пуля, взбурлив землю рядом с целью прошла понизу. Бостон перезарядил ружье, дослал последний патрон в патронник, снова прицелился и даже не услышал собственного выстрела, а только увидел, как волчица подпрыгнула и завалилась на бок.

Вскинув винтовку на плечо, Бостон будто во сне побежал к упавшей Акбаре. Ему казалось, что он бежит так медленно и долго, словно плывет в каком-то пустом пространстве.

И вот, наконец, похолодев, точно на дворе стояла стужа, он подбежал к волчице. И согнулся в три погибели, закачался, корчась в немом крике. Акбара еще была жива, а рядом с ней лежал бездыханный с простреленной грудью малыш.

А мир, утративший звуки, безмолствовал. Он исчез, его не стало, на его месте остался только бушующий огненный мрак. Не веря своим глазам, Бостон склонился над телом сына, залитым алой кровью, медленно поднял его с земли и прижимая

к груди попятился назад, удивляясь почему-то от горя, пошел навстречу бегущим к нему женщинам.

Ему почудилось, что жена его растет у него на глазах, и вот уже навстречу шагает гигантская женщина с огромным деформире – Ванным лицом, простирая к нему огромно деформированные руки.

Он брел как слепой, прижимая к груди убитого малыша. За ним, вопя и причитая, брела Гулюмкан, ее поддерживала под руку голосащая соседка.

Бостон, оглушенный горем, ничего этого не слышал. Но вдруг оглушительно, точно грохот водопада, на него обрушились звуки реального мира, и он понял, что случилось, и, воздев глаза к небу, страшно закричал:

– За что, за что ты меня покарал?

Дома он уложил тело малыша в кроватку, уже приготовленную к предстоящей погрузке на машину, и тут Гулюмкан припала к изголовью и завывала так, как выла ночами Акбара... Рядом с ней опустилась на пол Асылгуль...

Бостон же вышел из дому, прихватив с собой ружье. Одну обойму – вставил в магазин, другую сунул в карман, точно собирался на бой. Затем кинул седло на спину Донкулюка, одним махом вскочил на коня и уехал из дома, не сказав ничего ни жене, ни соседке Асылгуль...

А отъехав чуть подальше от кашара, дал волю Донкулюку, и золотистый дончак помчал его по той же дороге, по которой в конце зимы он скакал к Таманскому зимовью.

Тот, кого он хотел застать и кого непременно нашел бы даже под землей, был на месте.

На подворье Базарбая Нойгутова в тот день тоже грузили машину – отправляли домашний скarb на летние выпасы. Занятые этими хлопотами, люди не заметили, как за кошарами появился Бостон, как он спешил, как перезарядил ружье, поставил на боевой взвод, а затем снова повесил на плечо.

Его заметили, лишь когда он уже приблизился к месту погрузки. Базарбай, прыгнув с грузовика, удивленно уставился на него.

– Ты чего? – сказал он Бостону, поскребывая в затылке и вглядываясь в его черное, как обугленная головешка, лицо. – Ты чего тут? Чего так смотришь? – всполошился он, предчувствуя что-то недоброе. – Опять насчет волчат, что ль? Делать тебе нечего? Попросили меня, я и написал...

– Плевать мне, что ты там написал, – мрачно бросил Бостон, не отрывая от него тяжелого взгляда. – Не до этого мне. Я хочу тебе сказать, что ты не достоин жить на этом свете, и я сам порешу тебя!

Базарбай не успел даже заслониться, как Бостон вскинул ружье и, почти не целясь, выстрелил в него. Базарбай зашатался, кинулся было спрятаться за грузовик, но второй выстрел настиг его, годив в спину, и Базарбай, трижды перекрутившись, ударился головой о кузов и, рухнув на землю, судорожно заскреб ее руками. Все это произошло так неожиданно, что поначалу никто не двинулся с места. И только когда несчастная Кок Турсун с воплем упала на тело мужа, все разом закричали и побежали к убитому.

– Ни с места! – громко приказал Бостон, озираясь по сторонам. – Чтоб никто ни с места! – пригрозил он, направляя дуло на каждого по очереди. – Я сам сейчас отправлюсь туда, куда следует. И потому предупреждаю, чтоб никто ни с места! В случае чего у меня патронов хватит, – и он похлопал себя по карману.

Все остановилось, как громом пораженные, никто ничего не мог понять, ничего сказать, словно все потеряли дар речи. Только несчастная Кок Турсун продолжала причитать над телом ненавистного мужа.

– Я всегда знала, что ты кончишь, как собака, потому что ты и был собака! Убей и меня, убийца! – рванулась жалкая и безобразная Кок Турсун к Бостону. – Убей и меня как собаку. Я и так свету белого отроду не видала, зачем мне такая жизнь! – Она попыталась еще что-то крикнуть, но тут двое пастухов зажали ей рот и оттащили подальше.

И тогда, окинув суровым взглядом стоящих вокруг, Бостон негромко, но жестко сказал:

– Хватит, я сам отправлюсь сейчас, куда следует. Повторяю – сам! А вы все оставайтесь на своих местах. Слышали?

Никто не вымолвил ни слова. Потрясенные случившимся, все молчали.

Ведя на поводу коня, Бостон пошел прочь. Он уходил не оглядываясь, шел по дороге, понутив голову, а за ним следовал его верный Донкулюк.

– Вот и конец света, – сказал вслух Бостон, и ему открылась страшная истина: весь мир заключался до сих пор в нем самом и ему, этому миру, пришел конец. Он был и небом, и землей, и горами, и волчицей, Акбарой, великой матерью всего сущего, и последней его ипостасью младенцем Кенджешем, подстреленным им самим, и Базарбаем, отвергнутым и убитым в себе, и все, что он видел и что пережил в своем веку – все это было его вселенной, жило в нем и для него, и что теперь, хотя все это и будет пребывать, как пребывало вечно, но без него – то будет иной мир, его мир, неповторимый, невозобновимый, утрачен и не возобновит ни в ком и ни в чем. Это и была его великая катастрофа, это и был его конец света...

На пустынной полевой дороге Бостон вдруг круто обернулся, обнял коня за шею, и зарыдал громко и безвыходно.

– О, Донкулюк, один ты не понимаешь, что я натворил! – плакал он, содрогаясь всем телом от рыданий. – Как мне быть? Сына своими руками убил и, не похоронил, ухожу и любимую женщину оставляю одну.

Потом закрутил чумбур, поводья уздечки на шее Донкулюка, закрепил стремена на луке седла, чтобы не колотили коня по бокам.

– Иди, иди домой, иди куда хочешь! – попрощался он с Донкулюком. – Больше мы не увидимся!

Ударил коня ладонью по крупу, шуганул его, и конь, удивляясь своей свободе, пошел на кошт.

Бостон же продолжал свой путь...

*Чингиз Айтматов,
Дооронбек Садырбаев*

“РЯДОМ С НАМИ”

(“Пуп земли”)

Сценарий двухчастевого
хроникально-документального телефильма

Фрунзе, 1989 год

Великому киргизскому остро слову Куйручуку однажды знатные баи задали, как им казалось, коварный вопрос: “Покажи нам пуп всей земли, в противном случае у тебя столько неприятностей, что собственный пупок надорвешь!”

Поскольку этот случай произошел на родине Куйручука – в селе Чаек нынешнего Джумгалского района, то Куйручук, не задумываясь, отмерил 13 шагов от собственной лачуги и сказал: “Вот здесь находится пуп всей земли!”

– А как ты докажешь? – потребовали баи.

– Очень просто – ответил Куйручук, – каждый из вас пусть пойдет в разные стороны, а когда обогнет землю, каждый обязательно вернется на это место. Я клянусь, что встречу вас здесь и получу заслуженную награду, только не задерживайтесь...

Эта шутка, стоившая победы Куйручука над спесивыми и скорыми на расправу баями, передавалась из уст в уста простым народом и вскоре стала известна другому знаменитому остро слову Бекназару, который немедленно подверг сомнению правоту Куйручука и уверил кетменьтюбенских односельчан, что пуп земли находится в 13 шагах именно от его дома.

Случилось так, что какое-то время спустя эти два легендарных остро слова Куйручук и Бекназар – встретились в Чуйской долине и, конечно же, заспорили, возле чьего дома находится пуп всей земли. Поскольку оба не привыкли за словом лезть в карман, то спор их грозился затянуться слишком

надолго. Так бы оно было, но из толпы многочисленных зевак вышел молодой человек при шляпе и галстукe, державший солидную папку в руках.

При виде его толпа притихла.

– Уважаемый аксакал, – обратился молодой человек к Куйручуку, – я не могу не относиться к вашему почтенному возрасту без уважения и только ради ваших седин мог бы согласиться с вами. Однако прожитые вами годы свидетельствуют о том, что время, потраченное на них, так наполнено событиями, что иные из них уже перепутались между собой... А вы, милейший Бекназар, в силу укоренившихся предрассудков, просто путаете ваш малюсенький аил с огромным и бесконечным миром. Поэтому, если вы действительно хотите знать правду, я приглашаю обоих в свой дом, здесь недалеко, всего десять километров от Пишпека, и пока в вашу честь будет вариться мясо, я вам покажу действительный пуп всей земли, который находится всего в 13 шагах от порога моего дома!

Всеобщий взрыв хохота не только помирил спорщиков, но и доказал, что молодой шутник Шаршен уже находится на пороге признания всем киргизским народом как самый непревзойденный комик...

Ну, а что касается меня, 50-ти летнего автора этого документального фильма, то, обогащенный современными знаниями, до недавнего времени я был убежден, что пуп всей земли находится на всей территории Киргизии, обозначенной на географической карте...

Это потом я позволил снять с себя шоры и взглядом перешагнуть границы, отделявшие меня от моих соплеменников, которым судьба, время и независимые от них обстоятельства определили свой пуп земли.

Природа не знает государственных границ, она знает море и степь, горы и долины, леса и реки, пустыни и тундру.

Птицы и животные тоже не знают границ, им ведан ареал обитания, определяемый добром и злом природы.

Лишь сообщество людей, причем людей образованных, стало отмерять, а потом и расширять себе границы вопреки законам природы и естественному ареалу обитания.

Простые люди не знали разновеликих политиков, да и не хотели знать. Ну, граница и граница. Для кого-то она определилась длинным ушем, для кого-то речной долиной, для кого-то приозерными берегами, для кого-то бескрайней тундрой. И когда образовался Союз Советских Социалистических республик, кто-то из моих соплеменников, имя которым – киргизы, оказался в черте Узбекистана, кто-то Казахстана, кто-то Таджикистана. Более того, часть из нас вообще осталась за чертой в Иране, Ираке, Турции, Афганистане, Китае. Кстати, нечто подобное произошло и с украинцами, и с теми, кто живет на Чукотке и на Алтае, да и с многими другими народами... Но речь не о них. Я говорю о киргизах и для киргизов, а если кого-то заинтересует мой рассказ, то пусть поменяет в нем названия наций и места обитания...

Нет, я не намерен изучать географию мира по разбросанным поселениям киргизов, как не намерен вторгаться в большую или малую политику, тем более давать им оценку, подвергая ли обструкции или, напротив, одобряя. Я просто хочу объять всех киргизов, пусть даже он в единственном числе живет на другом конце света, объять своим разумом, нашей общей культурой, хотя и не всегда общей судьбой, ибо у нас у всех один пуп земли.

Но ни разума моего, ни моих знаний одного человека, ни моих профессиональных возможностей на это просто – напросто не хватит.

А потому я намерен показать лишь один регион – Джергетальский район Ленинабадской области Таджикской ССР, большинство которого составляют киргизы. И рассказать: как живут они, мои соплеменники? Чем дышат? Как истинно добрососедски уживаются они в этом далеко не райском уголке? Ведь ни длинным рублем сюда случайного человека не затащишь, ни сладкими плодами не соблазнишь, ни религией не загонишь. Потому что, во-первых: никакой мало-мальски хорошо оплачиваемый ударной стройки в этих местах не

предвидется. Во-вторых: овощи, фрукты и хлеб здесь большей частью привозные. В-третьих: религия. Она есть здесь, конечно, но живут бок о бок и мусульмане шиитского и сунитского толка, и христиане, и буддисты, и иудеи...

Ну, ни абсолютно же непредсказуемыми суровыми погодными условиями объяснять объединение 13 национальностей местных жителей?

... Почему я остановился именно на Джерге-Тальском районе, а не каком-нибудь другом? Ну, во-первых, посмотрев на карту мира, я увидел, что Памир и Тибет столь тесно соприкоснутся между собой, словно имеют одни и те корни, так что, возможно, если добраться до Эвереста, то и там не исключено встретить хотя бы горстку своих соплеменников. Да как туда доберешься?

Во-вторых, и это самое главное, на юге Киргизии, в Баткенском и Ляйлякском районах Ошской области есть поселения таджиков. Я хорошо знаю, как Таджикистан постоянно заботиться о своих братьях, живущих пусть и за братской, но за чертой: масса учебников на таджикском языке поступает сюда, а, значит, есть и школы, где учебные предметы преподаются на таджикском языке, причем, учителя этих школ проходят курсы повышения в учебных заведениях Душанбе, сюда часто приезжают концертные бригады, устраиваются ярмарки, любой таджик в тех районах смотрит и слушает таджикские передачи своего гостелерадио...

И мне очень захотелось узнать, а как там мои братья-киргизы?

Конечно, ответы на все эти вопросы заманчивее всего было бы услышать в разговоре с первым секретарем Джерге-Тальского райкома партии и КП Таджикистана Зууры Давлетбаевой. Тем более, что она – киргизка, да еще молодая. Тем более, что училась в Киргизском госуниверситете, вышла замуж за джерге-тальского парня Кемеля, своего сокурсника по историческому факультету. Оба, вернувшись в родной дом мужа, стали работать учителями истории в школе. Кемель нынче в этой школе директорствует. Зуура, поработав потом в райкоме комсомола, позже-райкоме партии, в 1985 году решением коммунистов всех 13 национальностей района была

избрана первым секретарем райкома партии, пост который до нее по традиции всегда занимал представитель таджикской нации. Причем решение коммунистов было столь единодушно-объективным, что даже местные киргизы не обиделись. А ведь наверняка знали, что Зуура Давлетбаева родом из киргизского Кетмень-Тюбе, где, по утверждению знаменитого острошлова Бекназара и находился тот самый пуп земли.

... Но я не стал спешить со встречей с первым секретарем райкома партии. Потому что, как правило, первая встреча журналистов, а тем более телевизионщиков с первым секретарем райкома всегда прокладывает нужную секретарю колею, свернуть с которой потом уже практически невозможно.

И я решил пойти другим путем, решил пойти в объезд, понимая, что при нормальном партийном руководителе района ни одна дорога всё равно пройдет мимо него.

Я пошел в горы. Восемь колхозов из 11-ти в районе занимаются животноводством. Причина была еще и в том, что вопросы и достижения своей республики в этой области я знаю довольно хорошо, так что врасплох меня вряд ли что могло захватить...

Первая остановка была сделана у чабана Балбака из совхоза “Кыргызстан”. Как и у нас, навстречу мне первой выскочила собака-волкодав, оглушительным лаем извещая хозяина о прибытии незнакомцев. Потом появился и краснощёкий, лет за шестьдесят седобородый чабан чисто киргизской внешности. Отличался он от настоящего киргиза лишь тем, что на голове его вместо привычного для нас колпака был таджикский тебетей.

С радушием горца он пригласил нас в юрту. И там я заметил слияние двух культур – во внутреннем оформлении юрты, в обстановке, в предметах домашнего обихода. И это слияние не противоречило друг другу, наоборот, создавало неповторимый колорит естественности.

В неторопливой беседе за легким дасторхоном выяснилось, что Балбак ни по настригу шерсти, ни по приплоду, ни по другим чабанским показателям не уступает самым знатым чабанам нашей республики.

Соблюдала прием гостей по всем киргизским обычаям красавица Рано - дочь старшего сына Балбака, лишь облик лица да одежда, выдававшие в ней таджичку.

В межсемейной разговоре меня больше всего восхитил язык домочадцев, название которому, как мне кажется, ученые еще не придумали, потому что киргизское, таджикские и русские слова употреблялись в одной фразе в тех пропорциях, которые необходимы были для выражения какой-нибудь мысли.

Все больше и больше дом Балбака, весь уклад его жизни виделись мне идеальными, особенно на фоне тех событий, которые сотрясают нашу страну. И я готов был перенести это ощущение на жизнь всего района...

Уже вечерело, когда мы приехали к юрте чабана Шаршенбека Сулейманова из колхоза имени Карла Маркса. И здесь я поколебался в своем первом впечатлении от прибывания на джерге-талькой земле. Погоня овец, он так нешадно охаживал их палкой, так материл на смеси трех языков, что пришлось снимать его без синхронной записи...

Чем-то напоминал он мне Базарбая из Айтматовской "Плахи": во всем чувствовалось неудовольствие жизнью, положением, про работу он махнул только рукой, и стало понятно, что работа для него совсем ничего не значит, она лишь мешает ему. Но больше всего насторожило меня его желание во что бы то ни стало перебраться в Киргизию, искренно веря, что там-то у него появятся молочные реки с кисельными берегами.

Когда я сказал, что и среди киргизов работать надо не покладая рук, он лишь подозрительно помотрел на меня...

Долго мы сидели с ним у костра, причудливо меняшего очертания ночи. Доступными мне способами я пробовал переубедить его, но наталкивался на какую-то непробиваемую стену. Может быть, сказалось то, что я, как и все сограждане всего Советского Союза, по уровню образования нахожусь лишь на 42 месте в мире. Кстати, эту цифру я совсем недавно, буквально накануне моей поездки в Джерге-Тал, вычитал в газете "Комсомольской правда" за 11 июня...

Но мы с Шаршенбеком, как два киргиза, расстались вполне радушно, хотя и скребли кошки у меня на душе...

...Утреннее солнце следующего дня встретило нас в совхозе “Джерге-Тал”, расположенного у подножия памирских гор, в небольшой долине. Как нам было известно из предыдущих рассказов, здесь и собран тот самый “венерет” из 13 национальностей, в котором мы надеялись выудить несколько “жареных фактов” на межнациональной почве для костра какого-нибудь Народного фронта или “Памяти”...

Увы, здесь люди выращивали картошку.

Увы, картошка дается людям, ох, как нелегко!

Я уже говорил, что хлеб, овощи и фрукты в этом районе большей частью привозные. Что уж тогда до техники! Тем более, единственным путем сообщения является дороги четвертой категории. Тем более, что сюда, как дальним родственникам, отделяется как правило, техника БУ. Тем более, что от Фрунзе сюда через горные перевалы надо преодолевать 1800 км., а из столицы Таджикистана Душанбе – 2000 км., по не менее труднопреодолимым перевалам...

Для справки: в благодатных районах Ферганской долины многие колхозы получают около 50-ти центнеров картофеля с гектара. А район Джерге-Тал вот уже больше десяти лет опускает этот показатель ниже 400 центнеров.

В чем же фантастика?

Восточная мудрость возделывания каждого свободного клочка земли, характерная для таджиков, упорство в достижении цели русских, приспособляемость к любым жизненным условиям киргизов, трудолюбие, характерное для любой национальности – все это помножено здесь на взаимопонимание и взаимовыручку, что и позволило местным аборигенам дать фору советской сельскохозяйственной технике.

Поэтому здесь не встретишь напрасно потраченного глотка воды.

Поэтому здесь увидишь идеальные террасы, выровненные человеческими руками.

Поэтому на полях не встретишь ни клочка сорной травы.

А еще местная картошка славится тем, сто сюда трудно завозить всякие нитраты и прочие ядохимикаты, от которых в лучшем случае болит живот...

Здесь же, в совхозе “Джерге-Тал” мы встретились со старшим механиком мехпарка Степаном Федоровичем Приходько, одним из старожилов совхоза. Несмотря на свои шестьдесят с лишним лет, выглядит он еще бодро, на зависть молодым. Встретились, как говорится, без отрыва от производства, на все вопросы, вытирая ладони ветошью, отвечал с добродушной улыбкой, причем на киргизском языке. А когда зашла речь о межнациональных отношениях, он как-то посерьезнел и ответил на чистом русском языке, который лучше было бы перевести на какой-нибудь южно-малазийский диалект. Смысл же заключался в том, что не лучше было бы нам убраться поскорее своей дорогой, пока мы и впрямь не завезли сюда эту заразу. “Работать надо”, он вновь перешел на киргизский.

... В отдаленных районах, где киношники пока в редкость, слух о таких наездах разносится с космической скоростью. Не успели мы отойти от советов Степана Федоровича, как пришлось выслушивать другого молодого человека, намеренно искавшего нас. В лучших съездовских традициях он представился:

– Меня зовут Абдумиталип Осмонов, учитель киргизского языка и литературы средней школы имени 50-летия Киргизской ССР совхоза “Кыргызстан”, печатаю стихи в районной газете. Но я буду говорить не о стихах. Во-первых, мы крайне плохо обеспечиваемся учебниками на киргизском языке, несмотря на межправительственное соглашение, достигнутое между Киргизией и Таджикистаном. Во-вторых, наших учителей не приглашают на курсы и семинары повышения мастерства. Я уже не говорю о том, что киргизские артисты, писатели, поэты в наших юртах-большая редкость. А кинофильмы на киргизском языке? Может быть, в Киргизии их вообще нет? Во всяком случае мы их практически не видим. А когда о нас, о наших проблемах писали в киргизских газетах? Хотя каждый живущий здесь киргиз своим долгом считает выписывать все газеты на нашем национальном языке. И самое главное, никто не приезжает сюда познакомиться с нашим фольклором, нашими традициями. Старики умирают, молодежь запоминает мало, а ведь мы, киргизы, живущие в Таджикистане, могли бы

вложить какую-то частицу в общую киргизскую культуру и она от этого стала бы только бы богаче!

Мы еще долго беседовали с молодым учителем. Не согласиться с ним было трудно, ведь и просил-то он ничего такого, что можно было бы назвать невозможным хотя чрезмерным. А потом он предложил нам показать свой регион и мы с удовольствием согласились.

Нам довелось увидеть:

- свадьбу
- детский садик
- будни милиции
- старого комузчи

— мудрого страца Рахман-бобо, который на все наши вопросы отвечал одним словом: “Зачем?”

- строителей
- даже похороны

... В конце концов наши дороги с первым секретарем райкома партии все-таки действительно пересекались. И они пересеклись на сенокосе.

Партийный вожак района оказалась на редкость доверительной собеседницей. Она не скрывала своих проблем, которые мешают району: и что половина хозяйств в районе все еще нерентабельные, и что Таджикистан не такая уж богатая республика, чтобы обеспечить их ретранслятором, и что по многим хозяйственным вопросам их инициативу зажимают бюрократические догмы и инструкции, и что межнациональные вопросы у них тоже, как говорится, имеют место — если, например, накажешь нерадивого работника, он обязательно в своей обиде подчеркнет свою национальность, хотя совсем недавно подобные обиды не выходили за круг родственников и друзей. Сделала она в этом упрек и нам, пишущим и снимающим. Упрек в том, что мы, порой, какие-то мелкие ссоры и обиды обязательно пытаемся связать с национальным вопросом, а люди видят и чувствуют это, самые недобросовестные начинают спекулировать...

... Трудна и извилиста дорога из Джерге-Тала во Фрунзе. Как трудна и извилиста жизнь человека на земле. Повидав немало людей во время пребывания на одном из клочков

планеты, населенном моими соплеменниками, я не могу сказать, что все узнал о них, все в них понял. Десятки судеб и десятки проблем остались, как говорится, за кадром.

Не сомневаюсь, что все увиденное мною в Джерге-Тале можно увидеть и в другом месте – в России ли, Америке или Китае. Будь я таджиком, я, наверное, примерно такой же фильм снял бы о соплеменниках-таджиках, живущих в Киргизии.

Главное-то – пуп твоей земли. А он там, где тебе отрезали пуповину. Как бы мне хотелось, чтобы это понял чабан Шаршенбек Сулайманов!

ГЕНИЙ МОЕГО НАРОДА

Литературный сценарий трехчастевого
хроникально-документального телефильма

Фрунзе, 1989 год

Когда я своим хроникально-документальным телефильмом «Пуп земли» впервые поведал о моих соплеменниках – киргизах, волею судьбы оторванных от своих корней, то не ожидал услышать гамму разнополюсных оценок – от безудержного восхваления моего патриотизма до болезненных упреков и обид запрограммированностью моей позиции.

Именно эта разнополюсность оценок и заставила меня вернуться к проблеме моих сородичей, разбросанных по 17-ти странам мира.

Я понимаю, что для киргизского кинематографиста и союзные республики кажутся далекой границей, а потому наша съемочная группа вновь отправилась в братский Таджикистан, теперь уже не в Джерге-Тал, а в Мургабский район Горно-Бадахшанской области, большинство жителей которого исконно составляют киргизы.

За свою жизнь мне приходилось довольно часто выслушивать, что в такой-то местности идет засилие языка или нравов той или иной национальности: китайцев, русских, немцев, индийцев, евреев, армян... Здесь же, в Мургабском районе, малые племена памирских высот не на шутку обеспокоены количественным засилием киргизов; из шестидесяти тысячного населения горцев не меньше пятидесяти пяти тысяч – они мои родные...

И как же было нам не поехать в одну из семнадцати точек земного шара, где главенствуют киргизы?..

Когда с меня схлынула естественная волна эйфории за неожиданную гордость, я подумал: неужели для засилья не нашлось места ниже 3.600 метров над уровнем море?

У каждого народа есть свои символы, раскрывающие душу нации. У киргизов их три – калпак, юрта и комуз. Готовясь к командировке, я не мог не задаться вопросом: почему именно они? Почему они всегда живы даже в небольшой колонии киргизов? И в конце концов пришел к истоку: материнскому началу, материнскому роднику – источнику любого киргиза, куда бы его ни забросила судьба.

В самом деле: и калпак, и юрта, и комуз были созданы женщиной. Это она, киргизская женщина, мудро превозносит мужчину, сравнивая калпаком нашу мужскую гордость с величием горной вершины. Это она, женщина, приносит в нашу жизнь умиротворенность округлостью форм юрты. Это она, женщина, дарит нам музыку души незатейливым внешне, но таким богатым внутри комузом...

Есть оправдание у мужчины. Издревле и по сей день мы заняты добычей огня и пищи, защитой своего очага. А потому именно женщина сохраняет добытое мужчиной. В этом гений нашей матери. Гений моего народа.

Знакомьтесь: один из гениев – Турсун Хамидова. Домохозяйка. А если честно – безработная. Вот уже 57 лет – безработная. Ей просто некогда было ходить на службу. Потому что надо было сохранить четырнадцать детей, поставить их на ноги. То есть, сохранить очаг своего дома.

Таких безработных гениев – хранительниц очага – 1200 мургабских женщин. И если по рождаемости в Советском Союзе одним из лидеров является Таджикистан, то в Таджикистане первенствует Мургабский район.

Мургаб – район животноводческий. Здесь, в Мургабе, всего пять совхозов. Климат здесь такой, что легче умереть, нежели выжить...

И вот почему.

Мургаб куда чаще бывает закрыт по метеоусловиям, чем открыт. Сюда можно не попасть день, а то и неделю, а то и месяц. Как повезет. Рейсовые автобусы поэтому здесь никому не нужны – шоферам за прости платить слишком много

придется... А вот грузовики ездят, потому что нет вариантов: на самолетах и вертолетах сюда не наездишься, а возить приходится буквально все – начиная с хлеба и кончая солью. Пожалуй, только вода здесь не привозная...

Легендарен памирский тракт, идущий вдоль реки Пяндж – государственной границе, отделяющей афганские кишлаки от советских. Вот они, рукой подать... десятилетиями эта граница была одной из самых спокойных в нашей стране, до тех пор, пока на ту сторону не были переброшены наши танки. В ответ на такую помощь с того берега раздались выстрелы. И мы в долгу не остались...

Сейчас опять мы помогаем соседям хлебом, и вновь успокоилась граница...

Да, здесь, на Памире, все – самое-самое. Здесь находится самая высокая в стране вершина. Здесь находится самый длинный в стране ледник Федченко. Здесь самый коварный в мире ледник Медвежий, который вот уже много десятилетий держит в постоянном страхе местных жителей долины...

И, наверное, здесь самые крохотные клочки возделываемой земли, которую издревле измеряли горстями. Как зерно. Как хлеб.

Грядущий хозяйственный расчет заставил по-иному посмотреть на жизнь, иную цену ей назначить.

Как сейчас живут здесь мои соплеменники – я не буду рассказывать, я предлагаю просто посмотреть с помощью беспристрастного объектива кинокамеры.

Чтобы поднять экономику Мургабского района и здесь, как и в южных районах Киргизии, пошли испытанных методом завесли табак. Спору нет, выгодная эта культура – табак, дорогая, государство за него хорошо платит. Но только люди платят еще дороже, потому что платят своим здоровьем.

Конечно, наша полиграфическая промышленность позволяет на каждой пачке написать, что курение вредит нашему здоровью. Но кто задумается над тем, насколько вредно само выращивание табака? Да еще для детей... Курить-то начинаем в худшем случае о пятого-шестого класса, а соприкасаться с табаком приходится чуть ли не с пеленок... К

тому же и дефицитнейшую землю отдаем, чтобы успокоить потом свою совесть безликим предупреждением Минздрава...

А ведь, казалось бы, куда лучше было бы просто собирать лекарственные травы, которыми так богаты эти поднебесные склоны.

Но нет, отравы выгодна, а лекарство не окупает даже затраты на его сбор. В таком случае, может быть, честнее будет заявить, что курение полезно? Думается, в этом случае обман государством своего народа не был бы столь заметным.

Кстати, вы давно пили нарзан? А наша съёмочная группа пьет сейчас. И наш водитель заливает радиатор машины тоже нарзаном. Да, как ни парадоксально это звучит, но это нарзановый родник, даже скважину бурить не надо. И таких источников здесь, на Памире, множество, и они легко могли бы стать источниками дополнительных доходов этого края, которые при умелом управлении может облегчить жизнь населения и обеспечить выйти из долгов...

А сколько драгоценностей в этих высокогорных недрах? Любой король и любой падишах позавидовал бы... Но и эти богатства остаются нетронутыми. По одной простой причине – нужны дороги. А чтобы добыть деньги, нужно построить дороги. Это же все равно, что представить арабов, сидящих в нищете на нефти... Но арабы нашли способ освоить пустыню, чтобы жить по-человечески, сдвинули с места маховик, а мы...

Здесь, в Мургабском районе, как нам рассказывали, очень большой процент людей с высшим образованием. И самый высокий уровень безработицы.

Для некоторых безработица нестрашна. Как, например, для Табиба Насридина Джалолова и его сыновей Сироджидину и Саидбеку, которые своими настоями целебных трав вернули здоровье многим и многим людям. Едут к ним со всех концов страны. И в отличие от наших чумаков и кашпировских у них не бывает отрицательных эффектов, потому что шаманских методам, методам врачевания без обратной связи предпочитают максимально глубокое проникновение вглубь конкретного человеческого организма...

Но каково сотням других жителей этого региона? И сейчас у республики нет средств на развитие Памира, что же будет с

переходом на хозяйственный расчет? Невозможно даже решить вопрос трансляции в этот регион телевизионных передач. Телевизоры района через спутник принимают только Москву. Естественно, все телепередачи идут на русском языке. И только в школе начинается обучение на киргизском и таджикском языках, которые долгое время воспринимаются как иностранные...

Не говоря уже об обучении на памирских языках, которых здесь около тридцати. Это единственная область в стране, где нет ни книг, ни газет на родном языке, ни радиопередач. Впрочем, нет и алфавита. Говорят, правда, что ученые уже занимаются разработкой алфавита, даже проекты есть, и будь это проекты переброски рек Сибири или памирских семитысячников в Каракумы, то проекты бы обрели реальность, а так...

И по сей день здесь говорят, что если в нашей стране и будет построен коммунизм, то сначала он будет построен на Памире. И вовсе не потому, что здесь уже созданы все социально-экономические предпосылки для построения коммунистического общества. Какие уж тут предпосылки, если во многих районах по сей день нет электричества, элементарнейших бытовых условий. Просто здесь под коммунистическими отношениями подразумеваются взаимоотношения людей. Здесь не знают такого слова, как спекуляция или того хуже – воровство. Люди здесь небогаты, однако ни один случайный прохожий не останется никогда голодным. А если за услугу предложишь деньги, то на тебя обидятся.

Когда в Хороге открыли базар, то среди торговцев не было ни одного местного жителя, потому что люди привыкли здесь давать, а не продавать.

Здесь никогда не закрываются двери домов, нет хитро умных автомобильных сигнализаций. О многих видах преступлений местные жители узнают из центральных газет и центрального телевидения. Правда, “экспорт” развитого социализма уже познакомил горцев с наркоманией, пока, правда, по большей части в виде “гонцов”, но уже и свои люди нет-нет да побалуются “травкой”...

Конечно, когда я говорил о том, что здесь самый высокий уровень людей с высшим образованием, я прежде всего имел ввиду дипломы. Особенно среди женщин, чье положение в Мургабе ничем не отличается от положения женщин вообще в нашей стране. Ну, допустим, до недавнего времени не было иных московских деликатесов, так их и в Москве теперь не стало...

И здесь женщина коня на скаку остановит, и здесь в горящую избу войдет. Не говоря уже обо всем остальном. А при таком отношении к женщинам больше всего страдают дети.

И дома. Где до них зачастую недоходят руки, и пальчики им заменяют компьютеры.

И в школе. Где вместо компьютеров используют счетные палочки. У кого они есть, правда.

Вот и получается, что в отсутствие компьютеров мы заранее программируем грядущую нищету, программируем уровень каменного века, даже если при этом видим в ночном небе пилотируемые космические корабли.

А потому я и не удивился беседе с одной женщиной, которая с разрешения мужа согласилась поговорить со мной:

— Как вас зовут?

— Зулайхо.

— Вы замужем?

— Конечно.

— Давно?

— Давно.

— Вы кто по национальности?

— Памирка из рода ягнобцев.

— А почему говорите по-киргизски?

— А вы, что, знаете ягнобский?

— Нет, конечно.

— Тогда на каком же языке с вами разговаривать...

— Здесь, на Памире, более тридцати родов и племен, у каждого свой язык, а между собой говорим по-киргизски.

— Вы хотите сказать, что киргизский язык здесь является языком межнационального общения?

— Конечно.

— А сколько вам лет, Зулайхо?

- Я на пять лет моложе своего мужа...
- А сколько лет мужу?
- Он на пять лет старше меня...

Я не стал больше мучить распросами эту молодую женщину с десятиклассным образованием, которая совершенно неожиданно для меня возвеличила мой род в ранг великих, оказывающих на кого-то влияние, ибо всю жизнь считал, что другие народы влияют на малочисленное племя киргизов...

А потому я прошу снисхождения у памирцев – таджиков и ягнобцев, лакайцев и бадахшанцев, киргизов, наконец за то, что разглядел через объектив кинокамеры немало недостатков в вашей жизни. Я поступил так отнюдь не для того, чтобы обидеть, унижить или просто задеть, просто я хочу, чтобы их, этих недостатков, стало поменьше.

Гордиться же трудолюбивому, талантливому и самоотверженному народу, конечно, есть чем.

И об этом лучше расскажет первый секретарь Мургабского районного комитета компартии Таджикистана Базарбай Таштанов, а председатель райисполкома, еще один из гениев моего народа Сайра Абдурахманова расцветит сухие факты легендами.

В предыдущем фильме я высказал мысль, которую позволю себе повторить сейчас:

Здесь, в Джерге-Тале, я понял истинное значение слова “метрополия”, что в переводе с греческого языка означает “мать-город”. Для киргизов, живущих во всех 17-ти точках земного шара, метрополия – это Киргизская Советская Социалистическая Республика. И мы в метрополии, обязаны тревожиться обо всех строках, как и подобает матери – учить думать, любить, ведать свои сказки и песни, радоваться первым шагам и через всю жизнь пронести нелегкую и великую заботу о своих детях.

И еще я подумал, что точно так же должны относиться к своим детям и русские, и эстонцы, и грузины, и корейцы. Мало ли куда забросит судьба нашего ребенка...

А если за дальностью расстояния самому не по силам сделать это, так не грех и далекого соседа попросить – подсоби, пожалуйста, присмотри. Думаю, не откажутся. Как и мы, впрочем, если к нам обратятся.

Вот и будут единство и мыслей, и чувств, и дел...

Такие вот слова прозвучали в телефильме “Пуп земли”, в которым я рассказал о моих соплеменниках – киргизах, живущих в Джергетальском районе Таджикистана. Живущих, кстати, ничуть не лучше мургабцев. И я повторяю эти слова совсем не потому, что они мне очень нравятся, а потому, что при всех разнополюсных оценках телефильма именно эта мысль была замечена главным идеологом метрополии – секретарем Центрального Комитета компартии Киргизии товарищем Шеримкуловым.

Медет Шеримкулович пообещал устроить общественный просмотр телефильма “Пуп земли” с приглашением всех руководителей министерств и ведомств республики, от которых зависит мера конкретной помощи дальним и близким сородичам.

Я очень тщательно готовился к этому общественному просмотру, чтобы рассказать министрам о некоторых проблемах, не вписавшихся в экранное время, но от этого не переставших существовать.

Но бурные события повседневной жизни, большая занятость важными государственными и партийными проблемами, вероятно, не позволили Медету Шеримкуловичу сдержать свое слово.

Тем не менее фильм был показан по республиканскому телевидению и, судя по многочисленным отзывам в газетах, по радио, в личных телефонных звонках и письмах, затронул многие души. В особенности интеллигенции.

Отмолчались только те, кто имеет реальную власть для конкретной помощи.

А потому я обращаюсь к вам, будущие гении моего народа: потерпите еще.

Не ждите молочных рек и кисельных берегов от своей метрополии.

Продолжайте свою великую миссию сохранения киргизского народа, в каких бы условиях и куда бы при этом не забросила вас судьба.

Потерпите еще, гении моего народа, поскольку вы гении уже просто потому, что вы есть. Значит, и завтрашнему дню моего народа — быть.

Что я могу сделать для вас, я не обладающий ни полномочиями государственной или партийной власти, ни пухлой сберегательной книжкой?

Я ничего не могу сделать для вас реального, а потому я нарушаю завет моих предков: ни перед кем не ронять слезы, не обнажать головы, не преклонять колен.

Я встаю перед вами на колени.

Я обнажаю перед вами голову.

Я не стыжусь своих слез.

Вот и все, что я могу сделать для вас, гении моего народа.

Необходимое авторское отступление:

Экономическое, политическое, социальное положение дел в Мургабском районе будет раскрыто в соответствии с законами документального киноматографа через интервью лирические отступления и пр. и тд.

Д. Садырбаев

ОБЫКНОВЕННЫЕ БЕЖЕНЦЫ

Литературный сценарий хроникально-документального
телефильма, 30 мин., студия “Киргизтелефильм”,

г. Фрунзе, 1990 год

А многие, услышав о новой волне межнациональных распрей, даже содрогнулись.

Как это ни кощунственно звучит, но это так. С декабря 1986 года, когда мы впервые услышали, что “нерушимая дружба” существует главным образом в пропагандистских лозунгах, а “единая общность — советский народ” существует исключительно в решениях партийных съездов и передовицах газет, состоялись сумгаитские события, потом новоузгенские, ферганские, бакинские, душанбинские, карабахские, кишиневские... Растет список претензий одних народов к другим — армянского к азербайджанскому, узбекского к турко-месхетинскому, киргизского к узбекскому. И ладно бы все эти претензии, во многих из которых немало истины, решались бы митинговой демократией.

Но нет.

Вот кадры, отснятые сотрудниками КГБ республики, узбекскими кинематографистами, различными кооперативными и неформальными студиями.

Стоп!

Хотя подобных кадров, зафиксировавших беспредельную жестокость, у меня предостаточно. В отличие от авторов некоторых фильмов, дошедших уже до Организации Объединенных наций, я не буду подчеркивать, кто кого убил — узбек киргиза или киргиз узбека.

Потому что убийца – вненационален.

Посмотрите еще раз...

Но хватит об убийцах. Лучше великого Михаила Ромма в фильме “Обыкновенный фашизм” о них не скажет никто.

Национальное пренебрежение перерастает в национальную нетерпимость, затем – в национальную ненависть и претворяется в деяния, когда молчит рассудок, когда торжествует яростная жестокость, звериный инстинкт. Мы часто употребляем слово “эмоции”. Но здесь не об эмоциях, которые можно понять и простить, ... идет речь, а о позорном, не находящем оправдания бесчеловечном насилии. Опыт истории показывает, как быстро идет цепная реакция межнациональной розни, как опасно то, что мы иногда чересчур благодушно называем эмоциями.

Да, низменные чувства, таящиеся в человеческой натуре, могут при определенных условиях вырываться наружу, демонстрируя омерзительный оскал. Эти условия – падение нравственной шкалы и главное – попустительство, вседозволенность. Здоровое общество призвано противопоставлять силу и творящему преступлению.

И как тут не вспомнить слова Ромена Роллана, сказанные в 1928 году, когда он давал оценку еврейским погромам на Украине в 20-х годах:

“Увы! Жертвы уже не оживут! Им уже нельзя облегчить последнюю минуту агонии.

А палачи? О них ли говорить?

Самое ужасное – единственно ужасное – это тысячи безвестных людей, которые мучили, истязали несчастные жертвы, доводили их до наивысшей степени страдания. Эти люди... Кто знает, сколько из них встречается с нами в каждодневной жизни...”

Да, это действительно страшно. И все-таки не об этом я хочу рассказать. Я хочу сказать об обыкновенных беженцах.

О понятии “беженец” я впервые узнал мальчишкой из эпоса “Манас”, когда отважный воин Алмамбет убежал от жестокого китайского хана.

Потом, обучившись грамоте, я прочел о беженцах русских, французах, итальянцах XIX века. Это были гордые одиночки,

которые не смогли найти на родине возможность сохранить собственное достоинство. И этих беженцев чужие люди принимали сочувственно, делились порою последним.

Начало XX века открыло миру понятие массового беженства. Одними из первых стали киргизы в 1916 году, когда царские войска с беспримерной жестокостью погнали сотни тысяч своих предков-земляков через заснеженные перевалы в Китай. Немногим удалось достичь чужбины, но и те, кто добрались, были встречены с небывалой особой жестокостью.

Потом были миллионы русских беженцев, которых с идейной жестокостью гнала за пределы своей страны Красная Армия. И те беженцы были встречены с поистине изощренной жестокостью.

Тогда и киргизы-беженцы, и беженцы русские искали на чужбине возможность существования.

1941 год открыл одну из наиболее трагичных страниц в истории беженства. Миллионы советских людей бросали дома, все нажитое и бежали вглубь страны, спасаясь от коричневой чумы фашизма. И тех беженцев, которым удавалось добраться до безопасного приюта, принимали, как родных. Сотни тысяч русских, украинцев, молдован, белоруссов, репрессированных турок-месхетинцев, карачаевцев, чеченцев, крымских татар, поволжских немцев нашли кров и разделенные крохи еды в Средней Азии. Кто бросил в беженца камень?

Наоборот. Людская память сохранила имя узбека Ишмухаммедова, принявшего в свой дом 30 детей – сирот, кормившего их, поднявшего на ноги, заменившего каждому из них отца.

Людская память сохранила имя киргизки Зууракан Кайназаровой, приютившей в своем доме 12 обездоленных войной детей. А ведь Зууракан Кайназарова еще к тому же была свекловичницей, и трудилась так, что дважды была удостоена высочайшего звания Героя Социалистического Труда.

И мы все без тени сомнения относили эти факты к великим завоеваниям Октябрьской революции, к результатам интернационального воспитания.

Сегодня мы пересматриваем, переосмысливаем немало ценностей, которые недавно еще казались нам незыблемыми:

партия, комсомол, коммунизм, интернациональное воспитание подрастающего поколения...

Но понятия добра, уважения младшими старших, преклонение перед женщиной – матерью, сострадание к попавшему в беду человеку испокон веков у людей всех национальностей, всех вероисповеданий оставались основами, гарантирующими продолжение существования на земле. И не потому ли так сплакивали люди великие стихийные бедствия?

Та же Великая Отечественная война.

Страшное землетрясение 1948 года, стершее с лица земли Ашхабад.

Или землетрясение 1966 года, когда был почти до основания разрушен Ташкент.

В те годы не принято было сообщать миру размеры обрушившейся на советских людей беды, и тем не менее все народы страны собирали свои рубли и копейки, чтобы через считанные годы на месте разрушенного поднимались новые города, чтобы попавшие в беду люди не чувствовали себя беженцам на родной земле.

Но вот недавнее разрушительное землетрясение в Армении. Спитак. Ленинакан. Сотни маленьких сел и деревень.

О беде армянского народа вскоре узнал весь мир, и весь мир откликнулся помощью пережившим катастрофу людям. Миллиарды долларов, миллиарды рублей, наисовременнейшее медицинское, промышленное, строительное оборудование было направлено в зону бедствия со всех концов света.

С теми деньгами, с той современной техникой можно было буквально за год возвести несколько городов и поселков. Тем более, что и в рабочей квалифицированной силе недостатка не было, ибо в Армению отправлялись действительно лучшие строители.

Возвели?

Нет, потому что в Армении вместо строительных отрядов предпочли создавать отряды боевиков.

Партизаном быть хорошо в том смысле, что кроме владения оружием никаких тебе забот: и накормят тебя, и напоят, и приденут. А на те миллиарды иностранной и поистине всенародной помощи страны Советов можно будет долго еще

партизанить... А то, что первый современный массовый поток беженцев создан был в Армении и Азербайджане, это, похоже, ни боевиков, ни тем более их руководителей не волнует.

Сейчас Армении и Азербайджан сдерживают войска – молодые советские парни, призванные Родиной защищать свой народ от внешнего врага, защищать внешние границы своего государства. А они защищают свои народы друг от друга...

Такие же солдаты стоят сейчас и в Ферганской долине, сдерживая противостоящие друг другу толпы узбеков и киргизов, готовых вцепиться друг другу в горло мертвой хваткой. Именно толпы, ибо при всем моем уважении к соседу – узбеку и брату – киргизу эти сборища народами назвать никак не могу.

Тысячелетия славилась и славится благодатным климатом урожайная земля Ферганской долины, немалое количество захватчиков привлекая возможностью жить здесь безбедно. Войска Чингисхана и хана Батыя, Александра Македонского и Тамерлана стремились увековечить свое владение, владычество здесь. Но время стирает с лица земли самые великие личности, оставляя лишь их имена, а вечность даруется простому народу. И так распорядилось время, что остались на земле благодатной Ферганской долины в основном киргизы да узбеки. И десятки, сотни их поколений живут здесь бок о бок: скотовод и хлебороб, чайханщик и кузнец, хлопкороб и табунщик, и, за исключением ханов, никто никого не считал выше или ниже в социальном положении, ибо каждый знал, что без труда друг от друга не прожить.

Ну, а сейчас что столкнуло вас, узбеки и киргизы? Несовершенство границ? Но мы в наше советское время всегда прекрасно понимали, что эти границы достаточно условны. И если я, допустим, еду из Оша в Майли-Сай, то даже не задумаюсь, что дважды пересеку границу Узбекистана, лишь остановлюсь в Андижане перекусить в какой-нибудь извечно славной чайхане. И без переводчика найдем общий язык все, кто в андижанской чайхане будет присутствовать из местных или не очень дальних жителей.

Не виноваты, конечно же, и вот эти молодые парни-воины — русские, украинцы, грузины, чьи матери объявляют голодовки, требуя, чтобы их сыновья вернулись домой живыми.

Тогда что же?

Говорят, что весь сыр-бор разгорелся, мол, из-за клочка колхозной земли, отданной под строительство жилья. Возможно. Но при чем здесь те люди, которым негде было приткнуться и которые вдруг получили участок для строительства собственного дома? Не резонное ли было бы спросить с местного руководства, решающего проблемы одних за счет проблем других? И спрашивать не так, как требуют иные горячие головы, чьи ультиматумы ограничиваются заменой киргиза — руководителя на руководителя — узбека и наоборот. Можно подумать, что такая перестановка будет гарантией справедливого разрешения спорных вопросов, а не новым толчком к еще большим взаимным претензиям...

Да и до каких пор мы будем назначать руководителя на ту или иную должность, сообразуясь исключительно с национальностью претендента? Не лучше ли сообразовываться с талантом, его интеллектом, человечностью, наконец? Пусть руководителем будет армянин или чуваш, якут или белорусь. Хотим мы того или не хотим, но 99 процентов населения Советского Союза русским языком владеет, так что общий язык найдем... К тому же, умный грузин быстрее выучит киргизский и узбекский языки, чем дурак узбек или киргиз правильно определит приоритетное развитие своего региона.

Да, мы нарушили единство двух тенденций ленинского решения национального вопроса, который признан универсальным мировым законом. Суть этого закона заключается в том, что нации развиваются на основе интеграции, сближения и, одновременно — стремления к образованию самостоятельного государства. Искусственно ограничив тенденцию к самоопределению, мы тем самым нарушили диалектику. Сейчас, кстати, нарушаем вторую часть...

Когда я узнал как-то, что мэром Нью-Йорка избран негр, я подумал, что в моей социалистической стране такое вряд ли в обозримом будущем станет возможным...

Впрочем, все это к слову. Чтобы понятнее было нынешнее положение в Ошской области, как, впрочем, и во всей Ферганской долине.

5 июня, когда еще толком ничего не было известно, шесть узбекских семей ночью, побросав свои дома и пожитки, исчезли из села Токтогул.

В тот же день 97 киргизских семей исчезли из села Жалал-Кудук Андижанской области.

Откуда эти люди могли знать, что события приобретут катастрофические последствия? Кто их проинформировал? Или каждый из нас должен быть готов немедленно покинуть родной кров при малейшем слухе о где-то вспыхнувшей драке, потому что ни партия, ни государство нас не защитит?

Вот так появились беженцы

- в Сузакском районе
- Базар-Курганском
- Ленинском
- Советском
- Алайском районах Ошской области.

Число их сегодня перевалило за 200 тысяч.

Обыкновенные беженцы прибыли и в город Андижан, в Пахта-Абадский, Джалал-Кудукский, Андижанский районы Ферганской долины. Правда, их около 30 тысяч, но судьба каждого из этих 230 тысяч одиноково обездоленна независимо от национальности... И, думаю, нет смысла комментировать их существование. К ним привыкли, к беженцам, их много, и к каждому не проявишь милосердия, даже если ты добр по натуре... Они стали такой же неотъемлемой частью нашего бытия, как бюсты. В.И.Ленина перед каждым сельским райкомом партии.

Я предлагаю просто посмотреть на эти кадры и подумать, сидя перед телевизором в домашних тапочках, пригрев на коленях мурлычащего кота, потягивая ароматный чай из пиалы, подумать о том, что каждый из нас может сегодня оказаться на их месте...

Я бы очень хотел, чтобы эти кадры увидели собственный корреспондент газеты “Известия” по Киргизской ССР

Г. Шипитько и специальный корреспондент “Литературной газеты” по Узбекистану М. Кружилин.

С момента своего появления в Киргизии Геннадий Шипитько из статьи в статью откровенными или полупрозрачными намеками делает все возможное, чтобы столкнуть между собой киргизскую и русскую молодежь. К счастью, пока это ему не удалось, однако напряжение сохраняется, и вполне возможно, что оно несколько разрядилось из-за обстановки в Ошской области. Если это утешает народного депутата СССР, то напрасно.

Или, может быть, его утешает тот факт, что только в одном номере Фрунзенской “Рекламы” опубликовано более ста объявлений о продаже частных домов или обмене квартир в любой регион России. Среди давших объявления не только русские, немцы, евреи, украинцы, но и узбеки, турки, татары и даже киргизы. Конечно, те, которые успеют обменяться, беженцами уже не будут, но где гарантия, что они не вовлекут и Россию в свои катаклизмы? Может быть, пример города Кызыл, столицы Тувинской АССР, достаточное тому предупреждение?

А каую цель преследовал М. Кружилин, сообщая в “Литературной газете” о якобы 30 погибших русских во время событий в Ошской области? Может быть, чтобы русские объявили газават – священную войну киргизам? Ведь узбеки в его статье – сущие ангелы...

Мне же наплевать, какой национальности убийца. Еще раз повторю – убийца внационален. Но я его могу понять, когда его действия спровоцированы слухами, тем более почерпнутыми из центральной печати, к которой еще сохранилось кое-где “застойное” доверие, особенно среди сельских жителей. Тем более, когда слухи упорно утверждают, что множество трупов сброшены в оросительный канал. Чтобы проверить эти слухи, мы обратились к правительствам Узбекистана и Киргизии, чтобы на 12 часов отвернули воду.

И вот результат...

Одно из многих, что потрясло меня до глубины души, что заставило отложить все дела и примчаться сюда, это было известие о том, что толпы женщин – узбечек осаждают Ошский обком партии, а толпы женщин – киргизок перекрыли все подступы к Узгену...

В истории человечества, по-моему, только фашисты гнали перед собой женщин и детей, чтобы выиграть сражение. Та и гнали-то они не своих, а пленных!

Теперь же, что, киргизы и узбеки? Не хватит ли с нас того, что сейчас отцы убивают своих детей. Я не преувеличиваю. Тот ребенок, что родится сегодня или завтра, он обязательно спросит о своем отце. И ему ответят, что отец соседского твоего сверстника убил твоего отца... Так когда же закончится война между киргизами и узбеками, даже если сегодня все пожмут друг другу руки?

Через 50 лет?

Через сто лет?

Об этом хотя бы вы можете подумать, мужчины и женщины, чьи руки тянутся к камню или дубинке?..

И другой вопрос мучает меня: как случилось, что все наше общество великой страны Советов фактически превратилось в беженцев? Одни бегут от братоубийственной войны, другие от семейных неурядиц, третьи от неурядиц государственных. Не создаем ли мы общество типов, пожирающих себе подобных?

... Вот эту малышку зовут Наташа. Ей два годика. Она русская. Давайте убьем ее? Это сделаешь ты, ... потомок узбека Ишмухаммедова? Или ты, дочь Зууракан Кайназаровой? А может быть ты, таджикская поэтесса Зульфия или ты, народный артист Туркмении Баба Аннанов? Или ты, казакский поэт Олжас Сулейманов?

За что убьем? А за то, что она дышит воздухом Туркмении, пьет таджикскую воду, носит сшитый в Казакстане сарафан, ест узбекские персики и ходит по киргизской земле. Мало этого? Она не признает мусульманскую веру, потому что не подозревает о существовании христианства и буддизма. И вообще, она растет под тем солнцем, которое светит нам!

Нас никто не спасает от превращения в страну великого переселения, от превращения каждого из нас в обыкновенного беженца, и каждого из нас от превращения в потенциального убийцу. Нас не спасает – ни мэр Нью-Йорка, ни Буш, ни Горбачев, ни Ельцин, ни даже Масалиев с режиссерами моего времени Акаевым. Кроме нас самих. Да и то, если убьем это крохотное существо по имени Юлька...

Д. Садырбаев

АТА-ЖУРТУНАН ҮРККӨНДӨР

(Обыкновенные беженцы)

Эки сериялуу публицистикалык-даректүү фильмдин авторунун сөзү жана башка тилдерде сүйлөгөндөрдүн сөзүнүн кыргызчага котормосу. Бишкек шаары, 1991-жыл

Д-И. ДИКТОР: (Орусча жазуунун котормосу). Ата Мекендин кино чыгаруу ишинин бүгүнкү күндөгү деңгээлине жараша, бул фильмге каралган акча каражаттын өлчөмүнө көз карандылыгыбыздан ар кыл түс, ар кыл сапаттагы фоно, фото, киноплёнкаларды аралаштырып ийгенибиз, айрым адамдардын сөгүнгөн сөздөрүн алып сала албаганыбыз үчүн кечирим сурайбыз...

А-И. АВТОР: Ассалому алейкум, ысык жан инсан!

Бул бөлмөнү кыргызтелефильмдегилер «биринчи монтажный» деп коюшат. Мен, азыр силер көрө турган фильмдин автору, кинорежиссёр Дооронбек Садырбаев, мына быйыл отуз жылдан бери ушул жердин, кыргыздын: даректүү-дарексиз, оюндуу-оюнсуз телефильмдерин кынапка салып келем.

Азыр 1990-жылдын кеч күзү. Бул сөздөрдү бул жерге менден кийин, мен тургай мына бул күлгүн курактагы менини жардамчым Леночинден да кийин келип иштей тургандарга арнамакчымын. А балким, бул бөлмөнүн чыныгы ээси, али жарык дүйнөгө жарала элек болушу да ыктымал. Бирок, эртеби-кечпи акыр бир күнү, уулбу-кызбы, айтор, акылы жетик, билими толук бир намыскөй урпагым биерге кирип, менин бөксөмдү толтуруп, менин айта албаганымды айтып, мен чала калтыргандын бакисин бүтүрүп, 1990-жылдын жай айында Кыргызстандын түштүгү делинген Ош аймагында болуп өткөн каргашанын айынан атпай кыргыз өзүнүн миндеген жылдарды

карыткан өмүр жолунда эч убак кириптер болбогон, бөөдө кырсыкка кантип чалынып, неликтен бели мертинип, жалаага жыгылып, ызага малынганын кылдат таразалап көрүп, аалам элине ак менен каранын айырмасын таанытып, кан төгүлгөн маалда бетиме шыбалган көөнү тазалаарына үмүт байлаганыма ушул сөздөрдү айтып отурамын.

Анда эмесе, тукумуң өскүр урпагым! Архив материалдарын барактап отуруп, менин заманымдагы Кыргызстан коммунисттеринин аткаминери А. Масалиевдин Ата Журтубузга болгон каргаша үчүн, Өзбекстандын өзүнө окшоп бийлик ченгелдеп отургандарына кол куушуруп, тизе бүгүп, элимен кечирим сураганын учуратып калсаң, бабана наалат агытканга ашыкпагын.

Анткени, андагы кыйла кыргыздын бел кылганынын акылынын жеткени, колуна келгени ошол болсо, ага жумурай-журттун «ТУУ ЖЫГААРЫНЫН» жүгүн арта салганыбызды, карт тарых барагы да, а кишинин өзү да көтөрө албай калышы ыктымалдыгын жокко чыгарбаш керек.

Ымандай сырымды айтсам, менин дагы каада күтүп, кечирим сурайын деген оюм бар. Бирок, А.Масалиевден өзгөчөлүгүм: атпай кыргыздын атынан эмес, өзүмдүн гана атыман, жалгыз эле өзбектерден эмес, ааламдагы түркүн тилде сүйлөгөн, ар кыл улуттагы бардык элдерден кечирим сурамакчымын. Себеби, аздыгына же көптүгүнө карабай, өзүбүзчө журтпуз деп түндүк көтөрүп түтүн булаткандын бекиси: тил азаттыгына, дил боштондугуна, эл эркиндигине кол созгон XX кылымдын «маалымдуулук, кайра куруу» деген маалына менин элим:

Чамасы чак, Сабаты дүмбүл, Тили көгөндөлүү Дили түркөй, Кайраты жубан.

Томояктын тонуна жеткенине адыраңдаган бойдон кирип келип, пенде бүткөндүн көзү көрүп, кулагы укпаган, киндик кесип кир төккөн Ата Журтун таштай качып кокту-колоттордо өлбөстүн күнүн көрүп жүргөн тагдыры сыркоо мусаапырдын нускасын көргөзгөнү үчүн кечирим сурайын дегем.

Ылайым эле, өлчөөсү өзүбүз менен кеткир, мындай бирөөнүн башына камчы үйрүп же каяша айтмак тургай, койнунда жаткан катынынын намысын, зарлап тапкан

перзентинин өмүрүн замбулуктап калкалап калууга жарабаган бейнамыс жоругубуз башка элдерге да тарап, сенин заманыңа жетпесе экен, кадырлуу урпагым.

Не себептен буга окшогон ырысы жок ой-санаага жеңдирип ийгенимди билгиң келсе, менин өзөктөштөрүм менен маектешкенимди кунт коюп угуп отурсаң эле, айттырбай-дедирбей таап аласың баамырлануу төркүнүн...

Д-2. ДИКТОР: – жазуу АТА-ЖУРТУНАН ҮРККӨНДӨР
Фильмдин автор-режиссёру
ДООРОНБЕК САДЫРБАЕВ

А-2. АВТОР: Оштогу кан төгүлгөн кагылыштан төрт жыл илгери Чыңгыз байке «Кыямат» деген романын жарыкка чыгарып, жөө тумандай каптап каргашанын келе жатканын эскертти эле, эч кимибиз уккан жокпуз арлуу уулубузду.

Дагы эки жылдан кийин, азыр силер үзүндүсүн көрүп жаткан «Акбаранын көз жашы» деп, ошол роман боюнча тарткан телефильминде мен дагы келе жаткан кыямат кайыңдын чекебели кандай болоорун көргөзүүгө далалаттандым эле, атаганат, аны да эч ким көргөн жок.

А-3. АВТОР: Жо, жок. Бул кадрларды менин заманымдагы эл сүйгөн обончу, ушул фильмдин композитору Түгөлбай Казаковдун ырына эч кандай тиешеси жок. Ош окуясынан ого бетер алыс. Муну жөн эле аргасы кеткендин жасаган айла-амалы деп түшүнсөнөр деле болот. Анткени, кайсыдыр бир ойду ортого салуу мындай турсун, бир ооз сөздү угузуу үчүн да киновун тартиби боюнча, ага жараша кино кадрлар менен коштоп туру керек. Бирок, бул фильмге каралган каражаттын жана киноплёнканын өп-чаптыгынан, ушуга окшоп тиешеси жок, же мурда тартылган кадрларды пайдаланууга аргасызмын. Фильмдин аягына дейре, дагы ушул сыяктуу ыкма менен жокчулукту жымсалдоонун амалын кылсам, айыпка жыкпагыла мени. Орусча сүйлөгөнүм үчүн дагы.

Ансыз да, аздыр көптүр кинорежиссёрлук өмүр жолумда колуман келишинче турмуш чындыгын бурмалап жүрүп, наамарттыктын шишин толтурганга менин дагы кошумча

кошконумду ойлосом, ичкеним-ирим, жегеним-желим болуп жүрөмүн.

А балким, Ата Журтумдун кереметин ашыра мактап, тектештеримдин турмуш-тирчилигинен кабар салган 70тен ашуун даректүү телефильмдерди тартып жүрүп, «менин элим: батыш менен чыгыштын, түндүк менен түштүктүн элдеринен кем эмес, эч кимден жүдөө, эч кимден бечара көрүнбөсө экен» деген максатты көздөп жайлоого барсам, малчылардын башпаанек кылган жаман чатырын жашырып кала турган колхоз-совхоздун жапжаңы жумурткадай боз үйүн көрүнөө жерге тиктирип, эмерек-семеректи үймө-үй кыдыртып жыйдырып келип ичин аземдетип, сыртына катчынын же раистин мартабалуу машинасын «аркандатып» коюп, «малчы туугандарымдын ушундай жыргал заманда жашап жатканына суктанып, ичин күйсө туз жала» деп тасмага тартып, кур намыска алданып жүргөндө, мен дагы себишкендирмин маңбаштыктын үрөнүн...

Класс-класстардын окуучуларына опокшош, жапжаңы форма, саанчыларга атайын райондун ооруканасынан алдырып келип, өмүрү ийнине салып көрбөгөн алапак халаттарды кийгизип туруп тартканымды кантип танам?

Кечир мени, өзөктөшүм... Мындан ары үстү-баш, кебете-кешпир, көргөн күнүң кандай болсо, ошондой тартуунун аракетин кылам, азыр көрүп турганыңардай абалды көрмөксөн болуп өтө бербестен. Кечир мени 70 жылдан бери жашырып келген жарабызды, эртеби-кечпи бир өлүм ашкерелебей койбойт болчу. Андай «өлүм», тарых барагында «Ош каргашасы» деген ат менен калуу үчүн аңдып жаткан турбайбы биздин элди.

А-4. АВТОР: Маалымда журт тагдырына жан кейиткен, моминтип, нанга болобу, этке болобу, майга болобу, иши кылып, жок дегенде чокой богу болсо да, олжолоп калуу үчүн тизиле калып, тай чабым-тай чабым аралыктын кунарын учуруп, жылаандай соймондоп, ажыдаардай оп тартып келе жаткан жутчулукка көкүрөк тосуп токтотуп калууну көздөгөн азамат уул же акылкарачач кыз чыкпады да жергемден...

Андан көрө, биздин мезгилдеги бийлик мыкчыган коммунисттик партиянын көсөмдөрү, Ата-Журттун булуң-

бурчтарындагы эл камын көрүп чапкылап жүргөн аткаминерлерди съездге деп, пленумга деп кайра-кайра баш калаага жыйып алып: Борис Николаевич Ельциндин али айтыла элек сөзүн, же Прибалтика республикаларынын парламентинин, али өзүлөрүнө белгисиз көз карашын бүтүн кыргыз элинин атынан бир добуштан соттоп иймейди өнөр көрүштү да, биздеги бей-бечаранын багын ошолор эле байлап алышкансып.

«Чоң үйдөгү жылмайса, кичи үйдөгү каткыратты» биз кыргыздар жүдаа «көркүнө» чыгардык бейм, алдуунун айбатына тик бага албаган ата-бабабыз мүлдө кыргызды Орус мамлекетинин карамагына өз ыктыяры менен кошуп берген 1863-жылдан бери, борбордук өкмөттүн баскан мас орустун балдыр-салдыр сөзүнө, сасык тумоо тараткан чүчкүрүгүнө жандилибизди тошоп, «Ак чүчүнүз, бир добуштан колдойбуз» деп дуулдатып, кыйла кыргыздын ар-намысына андай «чүчкүрүктүн» балакетин алдырып жүрүп. Деги, керек болсо, көз ирмебей туруп, «акты кара, караны ак, жокту бар, барды жок» деп дуулдатмай жагынан биздин алдыбызга чыга турган эл болбосо керек буурул жер бетинде. Өзгөчө жер-суу, айыл-кыштак, көчө-көйгө коркөмү шорголоп турган кооз аттарды энчилей коймойго, ышкылуулук жагынан да бизге тең келээр эч ким жок. Жарандарынын жакырлыгы, шаар-кыштактарынын кунарсыздыгы кеп эмес, акыры жүрүп качандыр бир кезде жакшырып кете турган иш болгондуктан, ага баш оорутуп отурбай, азыр эң башкы максат – айылдын атын «Жаңы турмуш», колхоздукун «Коммунизм туусу», көчөлөрдүн атын болсо «Ильич шамы», «Партсъезд», «Правда» деген мааниси терең, уккулуктуу десең уккулуктуу, заманбап десең-заманбап аттарды башкалардан оозунуп ээлеп алуу.

А-5. АВТОР: Чыдамкайлык жагынан да кыргыздан териси калың эл болбосо керек бул жалганда. Моминтип, жылдан-жылга үстүнөн уу чачканга бир дагы эл туруштук бере албай, эбак эле өлүп тынмак.

А-6. АВТОР: Менин элим болсо, өлбөй-житпей тирүү жүргөнү аз келгенсип, баскан турган жеринде «иг кулагын кескенге ынак» деген эски накылдын ажарын ачуу менен убара,

канатын кайрып, тагдырын сындырганга айтаар шооратың кылымдан-кылымдарга эстелик калтыруунун амалын кылып, тоо-тоонун боорун казгылап.

А-7. АВТОР: Баса, «Эстелик» демекчи, аты-жөнү белгисиз болочоктогу интернационалчы жоокер, келечектеги Советтер Союзунун баатырларына күн мурунтан, алдын алып эстелик камдап коймой күжүрмөндүүлүк жагынан да бизге тең келе турган эл таппадым, ар кыл гезит-журналдарды күндөп-түндөп барктап отуруп.

А-8. АВТОР: Атаганат, кайран кыргыз ушундай күжүрмөндүүлүк менен өзүнүн турмуш акыбалын жакшыртуунун же ар-намысын сактоонун аракетин кылса, өмүрүмдүн кышы кирип келаткан маалымда мынчалык «шагым сынбайт» эле го, өзөгүм өрттөнүп...

А-9. АВТОР: Сени унутуп бараткан турбаймынбы, чырагым.

Менин заманымдагы бабаларыңдын кандай күжүрмөн калк болгонун эми айтпасам деле түшүнүп алгандырсың. Бирок, сен эмес мен түшүнбөгөн «түбөлүк дос, бир тууганбыз» деп алакан жайышкан эки элди кандай кара теке сүзүп, кан төгүшүүгө жеткиргенин баарылап иликтеп көрөлү.

А балким, парасатсыз бабаларың, киндик кесип, кир төккөн жер киндигинин көрүнүшүн элестеткен торт жасатып кадырлуу мейманына тартканда, аны жан бирге досу көз ирмебей сугунуп алган күнү элжирешкен ынтымактыктын тамырына балта чабылып жүрбөсүн?

Ай, ким билет? А дебейли, бу дебейли иши кылып ошондон бери карай көп эле балта чабылып, көп эле канжар малынып, көп эле октор атылды окшойт нары жактан дагы, бери жактан дагы заманын тарытып, дилин өрттөгөн.

Июнь айынын кан жыттанган каражолтой күндөрүнүн биринде, каргаша төркүнүн иликтеп жүрүп Ленин районундагы Ош – Бишкек шаарларын туташтырып турган чоң жолдун өйдө жагында кыргыздар, ылдый жагында өзбектер жашаган Бүргөндү айлындагы профессионал-техникалык окуу жайынын директору Калматов Тойгонго кез келип калып ой-пикирин сурасак, ал бизге төмөндөгүлөрдү айтып берди. Ушул жерден адилдикке доо кетирип албас үчүн айта кете турган бир нерсе:

Тойгон биздин микрофонго сүйлөп жаткан 1990-жылдын 15-июнь күнү республиканын «өкүмдарлары» муруңкусундай эле, өз бийлигин мыкчыган бойдон «ити чөп жеп турган» маалы болчу...

А-10. АВТОР: Жер жана бийлик. Бийлик маселесине кийинчерээк токтолоормун, азыр, жер тууралуу : – Абалы бизге караштуу мал жайыт, корук жерлерибизге, кошуна жашаган өзбек туугандардын тээтигиндей жепирейген жер төлөлөрү пайда болот. Анан анын жан жана белине аз-аздан огород айдалып, андан ары карай, кадимкидей эле, кышын-жайын киши жашай ала турган катар-катар тамдар салынып, кыргыздарды кысып келатат, тоого жармаштырып, – деп күйүп-бышкан Карл Маркс атындагы колхоздун койчусу, СССРдин эл депутаты Алимбек Молдобаевдин оюн угуп көрөлү...

А-11. АВТОР: Ооба. Бирөөнүн жерине бирөө кез арта албай тургандай кылып, ар кимисинин чеги такталып, ал эки элдин Жогорку Кеңешинде мыйзамдалмайын, канатташ айыл-кыштактардын, көбүнчө кыргыздар тарабында учурай турган, береги, эч кандай келишимсиз, эч кандай негизсиз Ленин районунун Карл Маркс атындагы колхоздун жеринен, өзүлөрүн өзү билип, 5 гектарын ээлеп алган Анжыян облусундагы Пахта-Абад районунун керек-жарак бирикмесинин склады өңдөнгөн, дээрлик көпчүлүгү «Дустлик» деген наамдагы ресторан, автовокзал, универмаг, эс алуу үйү, пионер лагери жана башка ушул сыяктуу соода-сатык түйүндөрү, ушинтип, бүгүнкү ыргак менен өнүп-осүп, өйдөлөп жүрүп отурса, барып-барып беш жыл отөбү, он жыл отөбү, акыры бир ичкиликтен колу бошогон күнү соолуга түшкөн кыргыз колуна урунган айрыны болобу, айбалтаны болобу онду-солду шилтеп жонобөйт деп эч ким кепилин ала албайт. Бул маселенин бир жагы...

А-12. АВТОР: Ош облусунун Мамлекеттик Комитетинин билдирүүлөрүнө караганда, өзбек менен кыргыздын «дартына-балаа» дешип атаандашмайы өзбектердин «Адолат», кыргыздардын «Ош аймагы» сыяктуу бейформал уюмдары пайда болгондон алда канча илгерирээк башталыптыр.

Мына бир мисал: Айтылуу каргашадан үч ай мурда 1990-жылдын февраль айында Оштогу Сулайман тоосунун этегинен:

учуна мык кагыпкан кетмен сап, темир чыбык менен куралданышкан 20га жакын өзбек өспүрүмдөрү көчөдө келаткан үч кыргыз кызды кармап алышып, колдорунун келишинче кордоп, «омбулук көргөзүп, ал аз келсе, «өзбекче сүйлөбөсөнөр өлтүрөбүз»» дешип мазакташат.

Ошто жашаган 250 миң кишинин 80 пайызга жакыны өзбектер жана шаардагы: азык-оокат, керек-жарак, сода-сатык өңдөнгөн кирешелүү тармактын 90 пайызы ошолордун колунда экендигин унутпасак, жогорудагыдай ээнбаштыктын күндөн-күн алыс кайталанып турушу, ал жерди «Ата-Журтум» деп, келечегине үмүт байлап жүргөн үркөрдөй кыргыздын кай өлчөмдө инсандык касиети мазакталып, не деген бакырчылык күн көргөзгөнүн көз алдыга элестетип отуруунун да кажети жоктур.

Исламды туу кылып, диний карым-кааданы кайрадан жандандырууну эңсегенин эми жашырбаган молдо-кожолордун кысымы менен шаардагы «квартирант» кармаган өзбек улутундагы үй ээлеринин 24-май күнү болгону, 6 саатын ичинде 800дөн ашуун үй-бүлөнү өз үйлөрүнөн кууп чыгышы, акыры көчөдө калган кыргыздардын башын бириктирип, жардам суратып, Обкомго кайрылууга аргасыз кылат.

Коогалуу кабарды угар замат жетип келген Кыргызстан Министрлер Кеңешинин төрагасы А. Жумагулов башпаанексиз калгандарга үй куруп алгыдай жер бөлүп берем деп, «Адолаттын» итиркейин келтирип алган көрүнөт, анын раистеринин «кыргыздарга бөлүнгөн жер биздин жерибиз, ал жерди эч кимге бербейбиз!» деген ураан эле эмес, шаарда жашаган өзбек жаштарын түп көтөрүп чыгышы – өчөштүктүн өртүн ого бетер күчөтүп, каргашанын кара саатын улам жакындата берди, мүнөт санатып.

Атаганат, мындай кырдаалда кыйла жылдардан бери жана жашап, партиялык, советтик кызматтарда жана соода-сатык тармагында үзөңгүлөшүп иштеп келишкен өзбек менен кыргыздын аттуу-баштуулары бири-бирине аркасын салып кетпестен, биргелешип сабыр кармап, ынтымакты сактап калуунун аракетин кылса, кан төгүлбөй калышы да ыктымал эле.

Бирок, андай болбоду. Анткени, тигинисинин да, мунусунун да акыл калчай турган маалы өтүп кеткен экен. Анан 70

жылдан бери «агабыз эле, агабыз» деп, күнү-түнү курандай жаттап, улуулугуна сыйынып жүргөн орустар ортого түшүп, арачаламак тургай, акча-тыйын, азык-түлүк жагынан желөп-таяп, касташуу катуулай берсе, өзбектер тарабында турушаарын жашырбай, көпкөн өспүрүмдөрдү ого бетер оолуктурду, орустун эркеги да, ургаачысы да.

«Сапалак итти деле кайра-кайра башка тебе берсе, акыр бир «ав» деп алмайы болот» – дешчү экен илгеркилер.

Мына бул «Известия» газетасынын кабарчысы Г. Шипитько «Чатак жергиликтүү өзбектердин эгини бышып турган талаасын бузуп, үй салмакчы болгонунан чыкты» деп, көз жашын көлдөтүп жазган талаа. «Бул жерге 15 жыл илгери Ош шаарынын өнөр-жай ишканасын куру чектелгендиктен, ошондон бери эч кандай эгин-тегин эгиле элек», – дешти каргашалуу талаанын жан-жака белинде жашагандар.

Ушул жерден, облустун, республиканын өкмөтүнүн чечимине жараша жер бөлүп алганы келген 1,5 миң кыргызды көздөй 15 миң өзбектин кыян-селдей каптап келатышы, аз кыргызды эски накылдагыдай «ав» дедиртип, анын дагы адам экендигин эске салды.

Мындагы эр-бүлө бирине-бири муш салганга батынбай, көөдөн тирешип мааралашып турган маалда, шаардагы зайыптардын ар-намысына ар-кыл таш ыргытыла баштаганын Алиева Орозбүбүнүн оозунан угуп көрөлү.

А-13. АВТОР: Оштогу ХБКда иштеген Төрөбаева Жумагүлдүн дили өрттөнгөн күнү – 1990-жылдын 5-июну. Ал тор баштыгына азык-түлүк толтуруп ишинен келаткан. Өзүлөрү жашаган үйдүн подъездине кире берээрде кыркка жакын эр-азамат тороп калышат, бура бастырбай. Андан ары эмне болгонун Жумагүл өзү айтып берсин.

А-14. АВТОР: Карагашалуу июнь айында Ош шаары ар жактан келген гезит-журнал, үналгы-сыналгынын кабарчылары, тергөөчү, аскер адамдарына жыкжыйма болуп турган маалы эле. Обком борбордон келген кабарчылардын кирпичине кар жугузбай, кареги менен тең айланып, айтканын айткандай, дегенин дегендей аткаруунун аракетин кылды, андайдын «итине да, питине да» жан дилин төшөп. Чет элдик

шырп этпес видеокамералары бар өзбек жигиттерге бейформал уюмдар легковой машине тургай, аскердик вертолёт таап берип турушту сураган маалында. Жалгыз гана мен, кыргыздын амлекеттик студиясынын режиссёру шериктерим менен калдыраган камераны көтөрүп алып, эң ылдам жүргөндө саатына 20 километрге жакындап бара ала турган шалдырканы чыккан эски машинаны кыйкакатып айылма-айыл кыдырып жүрдүм, кээде бензин түтөнүп жолдо калсам, кээде пропускам жоктугунан шаар-кыштактарга кире албай, белде калып, беденин, жүгөрүнүн арасында конуп-түнөп.

Ушундай кырдаалда «Литературная газетанын» бетин бербей, Ю. Росттун «Конгуроо кимге кагылды эле» деген макаласы жарык көрүп калды.

Ю. Росттун жазгандары таптакыр жалган деп айта турган ойдон алысмын, балким, чындыкка жакын жагы да бардыр. Бирок, анын жазгандары чындыктын жарымы гана болчу. Жарымы Өзгөндөн болгону 12 километр нарыраактагы Мырза-Акеге чыккырап жаткан. Кабарчы калыстык кылып ал жерге да барып, мыкаачылык жагынан өзбектер да кыргыздардан кем калышпаганын өз көзү менен көрүп туруп, макаласын тендеп жазса, балким, эки эл да эсине келээр беле билбейм. Бирок, Ю. Рост антип жазган жок. Чындыктын бир тарабын бүткүл союзга жарыялаганга шашты өлүп-талып. Эки күн арадан өтпөй Өзбекстандын Анжиян облусуна караштуу 21 кыргыз айылынын 17си өрткө чулганып, бейкүнөө пенделердин каны төгүлдү.

А-15. АВТОР: Хемингуэйдин чыгармасынын атын карызга алган кабарчынын макаласына өзбек журтчулугу кандай «калем акы» төлөгөндүгүн көрүп турасыңар. Миндеген үй-бүлө 400-500 жылдардан бери карай жашап келаткан Ата Журттун таштай качып, мусапырдын кейпин кийип, жер чукуп, ылай көөлөдү көр тириликтин айынан.

А-16. АВТОР: Өчөштүктүн колтугуна суу бүркүп, наамарттыктын итине чөп жегизген Ю. Рост сыяктуу жар салгычтар, жалгыз болсо кана, атаганат. Жакадан алып, көңүлдү жула качмайлар да арбын болот турбайбы андай. Акылдан адашып, «кийди-ким билсин, баржыбайды там басты» болуп турган маалда. Мисалы: «Ош облусундагы өзбек достор!

Ош шаары – өзбектин жери. Ал жерди кылым илгери кыргыздардан кызылдай пулга сатып алганбыз. Бизге көмөктөшөбүз деген орустар бийликти өзүлөрү ээлеп алышып, суволочтук кылышты. Жакында тоодогу жайылган кой кыргыздардын баарын мууздап түбүнө жетсек, алардан кийинки кезек силердики – Сибирдин чочколору.

Түрктөргө да өлүм. Адолат. Ылайым, өзбек аттуу бактылуу болсун» деген баракчаларды таратып жүргөн Кара-Суу шаарынын тургуну Нематжан Усманов болгону 100 сом шраф төлөп эле кутула кеткен калыстыктын капканынан. Баарынан да баракчанын төркүнүнө баш бага турган бийлик ээси кыргыз жергесинен табылбаганы өкүндүрөт мени, алиге дейре.

А-17. АВТОР: Мына бул кадрларга назар салып, айткандагына кулак төшөп, менин заманымдагы бабаларың не дегени күн көрүшкөнүн билип алганын оң, тукумуң өскүр урпагым. Жергемде: космос, ракета, видеобар, троллейбус, консенсус деген жаңы түшүнүктөр пайда болгон 20-кылымдын босогосуна деле сенин бабаларың миң жыл илгеркидей эле ат минген бойдон келди, башка чапса, мыңк этпеген койлорун ойдон того же тоодон ойду көздөй айдаган калыбынан бир өзгөрүп койбостон, куур тонун кулдуруткан бойдон. Анан кантсин. Дагы жакшы кыргыздын ыкыбалына Кудай Таалам кой жарагып койгон экен, болбосо өзү айдалганы турбайбы, ошол койлордун ордуна, жаза тайып аксап жолдо калганына кылчайып койбостон, тебелеп өтө берген кайдыгер айлампаштыгынан жазбай.

Бул сенин бабаларыңдын айыбы эмес, урпагым. Бул – алардын шору, бул алардын тагдыры. Ырас, ааламды сел алып баратса да, бир кебелип койбостон уктап жаткан малы көп болгон бабаларыңдын. Бирок, көзүн ачып, касташканына азуусун көрсөткөн маалы да жок эмес кургурлардын. Андай учурда оропара келген досун болобу, касын болобу карышкырдай шилтеп өтмөй каадасы атадан-балага өтүп келет кылым карытып. Андайда куйругун басып алып ойготуп ийген сырттандын канкорлугун салып келген сенин ата-бабаларың.

А-18. АВТОР: Озбектердин тарткылыгын, там чыгымын, жан чыгымын шашылыш тартылган видеофильмдер өз маалынан кечиктирбей, бүткүл ааламга жар салып чыгышканына бай-

ланыштуу, алар тууралуу сөз козгоп отурбайын. Бирок, ошондой эле чыгаша кыргыздар тарабында да бар экендигин айта кетпесем, каргашадан жабыр тарткан он миңден ашуун кыргыздын аманат арызы мойнумда кетип, мени тиги дүйнөдө да, бул дүйнөдө да тынч жаткыза турган түрү жок. Береги, бейиши болгур кыргыздардын келбетин кимдир бирөөдөн өч алуу үчүн эмес, мыкаачынын дилсиз, ымансыз, кийинчерээк бир өзбек тууганым айткандай, «чаар улуттан» экендигин дагы бир ирет жарандарга таанытып коюу үчүн көргөзүп жатамын.

А-19. АВТОР: Менде да жок эмес, каны шорголоп, богужини аралашып набыт болуп жаткан кыргыздардын жагдайынан кабар берген кадрлар. Бирок, мен аларды өзбек туугандарымдын бейформалдары өңдөнүп, өзөктөштөрү жашаган ар бир айылдын баласынан-чакасына дейре көргөзүп, өлдүм-талдым дегенде тынчыган эки элди дагы чайпалтып алуудан чочуп турамын. Эгерде андай көргөзүүлөр тыйылбаса, тажаалдык жагынан да, мыкаачылык жагынан да өзбектер кыргыздардан ашып түшсө ашып түшөт, бирок, кем калбаганын далилдеп берүүгө даяр турган видеофильмдерди мен дагы жарыкка чыгарууга аргасыз боломун.

Бирок, эскерте кетээрим, минтип отурсак акыр түбү келип өзбек дагы, кыргыз дагы тукум куруттарлык кызыл кыргызга учураарын чын дилим менен каалабаганыман сөз төркүнүн каргашаны чыгарган нугуна буруп, фильмдин кийинки бөлүгүндө кенен-кесири айтып берейин...

А-20. АВТОР: Дал ошол кан төгүлүп, дил өрттөнүп турган маалда бабаларың базар мамилесине жакындаша баштаганын дагы билип алганың абзел, кадырлуу урпагым. Мына бул – Оштун батыш кыйырындагы Жапалак базары. Атындан айланайын кыргыздарымдын азырынча тамак-аш менен соода кылгандан тартынып, намыстанып турган маалы экен. Жеген манты, ичкен жарманын тыйынын бере албай, таза беймаза болушту биздин топтун жигиттери:

– Мейман экенсиз, жөн эле коюң! – деген зайыптарды көпкө дейре кыстап атып, колуна пул карматтык.

Айла канча... Буга да көнүш керек. Азыркы кыргыздар аалам элине айкөл Манастын эрдиги, кашкарлык Махмуддун философиясы, баласагындык Жусуптун илими жана Айтмат уулу

Чыңгыздын жазуулары менен даңктанып келсек, сенин заманыңда атактуу соодагердин дагы ысымы пайда болуп калышы ыктымал. Анын пайдубалы менен заманымда түптөлүп жатканын Ленин району Карл Маркс атындагы колхоздун төрагасы Казатов Ыбрайымдын оозунан угалы, арай көзүбүз чарай турганда:

А-21. АВТОР: Ошо маалда базардын эле эмес, тириликтин башка көп тармагынын жерпайы калыптана баштаганын ошол эле колхоздун парторгу Кубанычбек Садарбаев дагы айтып бермекчи.

Ф-22. АВТОР: Эми, азыркы айта турган сөздөрүмдү ачык айтпай өтсөм, жүрөк канымды сыя кылып, көз нурумду жашка жуудуруп жүрүп тарткан тасмамдын бир бөйрөгү бөксө болуп калганы турат. Бирок, 40 жыл илгери ушул мен айткан сөздөрдү айткан адам сот-сураксыз атыла турган. 20 жыл мурун атылбаса да, жиндиканага камалчу. Чынын айтсам, азыр деле андай адамдын чекесинен эч ким сылабайт. Ошентсе да, Ош каргашасынан мен билгенди сени да билип калсын деген тилек менен ушул сөздөрдү айтууга бел байладым. Анткени, алиге дейре бийлик чөңгөлдөп отургандар мурдагы адатына салып, тасмамдын канат-куйругун жулуп, молайтуп чыгарышы мүмкүн. Же негативи өрттөнүп кетиши да ыктымал. Такыр эле болбосо, менин оозумду төөнөгүчтөп коюш деле кеп эмес.

Ушуга окшогон, мурда далай көрүп жүргөн кордуктан корунганымдан, тасманын эки-үч иускасын купуя даярдап, ааламдын ар кыл булуң-бурчтарына өткөзүп ийдим эч кимге билгизбей. Сен эрикпей издеп көрсөң, ошолордун бирөөсүн таап аласың. Издеп көр. А балким, кол жазмалары: Оогандан да, Индиден, Түркия, Россиядан табылган кашкарлык Махмуд, баласагындык Жусуптар да өз доорунда куду ушу мен жасаганды жасагандыр өкүмпастарынан заарканып. Бирок, алардын ошенткени үчүн бүгүн мен сага эгер тарыхыятты барактап отуруп, «Кыргыздын жазуусу 1924-жылы жаралган» деген маалыматты учуратып калсаң, ага ишенбегин деп айта аламын. 1333-жыл менен белгиленген кыргыз жазуусу сакталып калыптыр. Жазуу эле эмне экен, мындан 800 жыл илгери Ошто он чакты үйлүү кыргыз жашап, Өзгөн Өзгөн боло элек, не өзбегин, не башкаң жок, болгону көчмөн кыргыздын эрте жаз менен,

күздөгү жайыт жери болуп турган маалын сүрөттөп, кыйырын чектеген жазуулардын негизинде тартылган картаны карап көрсөм, бүгүнкү кыргыз жумуриятынын чегине төп келгени үчүн деле, мен өткөн бабаларыма баш ийип, таазим кылууга аргасызмын. Аларга эле эмес, бешинчи кылымда Чүй боорунда жашап, азыркы мыктынын мыктысымын деген усталардын баарынын эле колунан келе бербей турган береги күбөктү жасап, сага, мага калтырып кеткен кыргыз атама миң алкыш айткым келет, урпаганын келечегине жан кейитип, кийинкиин кимдир бирөө менен чекишип калса сөзгө сөлтүк, кепке кемтик болуп калбасын деп, ошондо эле менин камымды, сенин камыңды көргөн.

Деген менен, ошол акылга дыйкан, колунан көөрү төгүлгөн зергердин 18-кылымдагы урпагын өз падышасынын кызылчогу Н. Прежевальский 1886-жылы «Русский вестник» деген журналга «Кабанаак ит сыяктанган көчмөндөр, кой сыяктуу маңгибаштыгынан, жалкоолугунан, аң-сезимдүү адам катарына кошулушу эч мүмкүн эмес» деп жазып чыкканын билип алганың жакшы. Анткени, Прежевальскийдин мурдараак чалгындап келген ошол сыяктуу маалыматына таянган орус падышасы «кабанаак иттердин, маңгибаш койлордун» 1863-жылы өтүнүчүн канааттандырып, Россиянын катарына кошуп алышын кылымдан-кылымдарга калтыргысы келген менин заманымдын кыргыздары, Көл жээгиндеги Каракол шаарынын атын өчүрүп, Прежевальскийдин наамына которуп алышкан. Буга бир дагы орус катышкан эмес. Бул өзүңдүн кыргызындын кылыгы, өзүңдүн кыргызындын жоругу, урпагым.

Абалкы орус көчмөндөрү өз өкүмдарларынан запкы тартып келгениненби, айтор, тизе бүкпөсө да кол куушуруп ынтымак сурап, журтчулук сурап, мейман катары келишкен экен ага журтума. Кыргыздар аларды не өгөйлөп, не душман көрбөстөн, ак көңүлүн карматып аябаптыр алардан союшун да, конушун да кадырлуу коногондай көрүп бооруна тартып. Бирок, 19-кылымдын баш ченинде келген коноктору жүрүп-жүрүп боорго тебээрин билишкен эмес да, кайран гана алабармандар. А балким, Чүй өрөөнүнүн сугат жерлеринде отурукташкан 60 миң үйлүү кыргыздын, 41 миңин бир жылдын ичинде тоону көздөй сүрүп таштаганда башталгандыр кыргызды басмырлаган менин

заманымдагы айрым адамдарынын арам ою. Мисалы, СССРдин эл депутаты, Жогорку Советинин пенде затынын экологиясын коргоо боюнча төрагасы профессор Г. Комаровдун жазгандарын окуп көрөлү: “Кулак салгыла, россиялыктар! Ата Мекенинин байлыгына байлык кошуп, атак-даңкын арттыруу үчүн Ыраакы Чыгыш Сибирь, Орто Азияга аттанган Ермактын тукумдары азыр кандай абалда жашап жатканын эсиңерге алдынарбы!” деп жазат ал.

Тообо. Ата Мекенинин байлыгына байлык кошуп, атак-даңкын даназалоо үчүн башка элдерди, өзгөчө майда улуттарды кемсинтип, алардын ата журтун олжолоп алууну сыймык көрөт турбайбы, жарыктык профессор. Анын жазганына карасак, орустун каны, орустун жаны кыргыздын, чукчанын, хакастын канына же жанына караганда артыгыраак бааланат көрүнөт. 19-кылымдын баш чениндеги бир оруска 10 кыргызды теңеген баанын менин күндөрүмө дейре өзгөртбөгөнүн кара.

Сөзүм төгүн болбошу үчүн 1916-жылы бечара кыргыздын ата журтунан кантип үрккөнүнөн бир мисал айта кетейин.

Ошол жылдын 11-августу күнү Беловодское кыштагында орус кулактарынын жардамы менен Грибановский деген пристав тоо жактагы 600 кыргызды айдап келип, эч кандай сотсураксыз атып салганын айта кетсем эле жетиштүү болоор. Ата Журтумдун түндүгүндөгү айылдардын бири да мындай жазадан куру калган эмес. Баягы эле жокчулуктун айынан, киноплёнканын тартыштыгынан мен жалгыз мисал менен чектелүүгө аргасыз болуп отурамын. Болбосо ааламды кара түтүн каптап, ой-кыр үймөк-үймөк өлүккө толгонун, айчырайлуу сулуунун денесинен ажырап башы кеткенин, бешиктеги ымыркайдын ууз бою бөлүнгөнүн, жартысы жарга, жартысы аңга тоголонуп, күмүш сакал карылардын бүк түшкөнүн, отурган-отурган жеринде «дың» деген добуш чыгарганга чамасы келбей, комуз алоолонгонун ботодой боздоп туруп айтын берсем болот эле сага, урпагым. Бирок, кантейин азыр деле алым чак экенин түшүнүп алгандырсын, айланайын.

Ошентип, 300 миңге жакын карайлаган кыргыз Кытайга качты жан айла кылып. Теңи жетти Үрүмчүгө, теңинин өлүгү белде калып, жолдо калып. Ал жерге жеткендеринин деле чекеси жылып кеткен жок, ай-чырайлуу кызын бир табак арпа

талканга сатып, өлбөстүн күнүн көрүп, Октябрь төңкөрүшүнөн кийин гана качкындардын тирүү калгандарын ата журтуна кайра кайтса, ачарчылыктын суук колу сунулуп турган экен ар бир кыргыздын ысык жанына.

Ошондо кыргыз тукумун тып-тыйпылдыктан сактап калуу түйшүгүн жалпыга жарыяланып жүргөндөй орустар эмес, канатташ казак эли мойнуна тагып, өзгөчө анын интеллигенттери айылма-айыл кыдырып, «кыргызды кырылбасын десең, бир тыйын болсо да, бир дан болсо да кайыр садаканды аябачы казагым» деп, кабыргасы кайышкан боорлошторунду жадындан чыгарбагын, кагылайын урпагым. Ушундай күндөрдү башынан кечирген бабаларың.

Ырас, Борбордук Россия алыска кыргыздын өлгөн тирилгени менен иши болгон жок десем, калыстыкка ниет булгап алаар элем. Жардам болду. Жалгыз эле кыргызга эмес, кыргыз жергесиндеги ачарчылыкка кириптер болгон бардык журтка акчалай жардам келди, ар бир кыргыз үй-бүлөсүнө 10 сомдон. орус үй-бүлөсүнө 100 сомдон берилсин деген жардыгы менен. Башканы айтпай эле коёюн. Лениндин өкмөтүндө да 10 кыргыздын 1 орустун наркына бааланганын көрүп туруп, анан кимге таарырмак элек, пешенебизге жазылганы ошол болсо.

Н. Крупскаянын : «...Помещиктер менен капиталисттердин жерин, заводдорун тартып алып, өз тартибибизди орното баштадык» деген «тартибинин» мөмөсүн 1990-жылдын июнь айында Ошто тапты го өзбек менен кыргыз биргелешип.

Ушул өңдөнүп, тирүүлүктө боло бере турган оош-кыйыш окуяларды жангалашып жаап-жашырбастан, орус менен кыргыздын карым катнашын бир жактуу, жакшы жагын гана көргөзүүнүн аракетин кылып, чындыкты сындырбастан, болгонун болгондой айтып келсек, анан калса “биз силерге маданият эркиндик алып келдик!” деп, өзүндө жок нерсени жергеме жеткирип келгенин кайра-кайра айтып көкүрөгүн каккылап, ошенткенине өзүлөрү да ишенип алгандар азыраак болсо, бүгүн балким өлкөнүн булуң-бурчтарында «түбөлүк достук» дарбыздай чарт жарылып, кызыл-жаян канга бөлөнбөс эле карым-катнаш.

70-жылдан ашуун мурдунан тынгандын эркин байлап келген кыл чылбырдын чыйроосу саал бошошо түштү эле, ар-

ар жердин элдеринен өзгөчө батыш тараптан: «дил эркиндиги, тил эркиндиги, журт эркиндиги тууралуу күнк-миңк сөз угуп келген борбордук кезит-журналдардын кабарчылары, андай ой али кыргыздын түшүнө кире элек маалда, Кыргызстанда тил мыйзамын кабыл алуунун кажети жок!» деп чуу көтөрүп чыгышты, республикадагы орусча сүйлөгөндөрдү жабылтып.

Ошондо гана түйшөлө баштаган кыргыз “Ой, ушулар тура айтып жатат окшойт. Биздин башкалардан эмнебиз кем?” деп, өлкөнүн китепкана, архив-документтерин аңтарыштыра баштап, баарынан кызыгы бир мезгилде карылардан уккан окуялардын документтештирилген далилдерин сууруп чыгышса болобу, Кудай жалгап. Иши кылып, ошол Борбордук кабарчыларга да, республикадагы орусча сүйлөгөндөргө да менин элим үчүн не Манас, не Чыңгыз жасай албаган жакшылык жасап, каяша айтканга үйрөтүп, намысын коргоп ынтымакташууга ымала жасоого түрткөндүгү үчүн таазим кылгым келет.

Ырас, андай ынтымакташуунун да өзүнүн өйдө-ылдыйы болбой койбойт экен.

Мисалы, Ленин атындагы китепканада сакталуу турган «Огонек» журналын алдырып, С. Романюктун жер алган кыргыз жаштары тууралуу жазганын издеп калдым бир күнү. Журналист маселени тура койсо да, кыргыз жаштарын «баскынчылар» деп чымчып кетиптир ал макаласында. Жаны кашайган бир «баскынчы» Романюктун фамилиясынын астына канчык деген жазуу калтырып кетиптир. Муну менин өзөктөшүм жазганынан кымындай да шегим жок. Колунан келгени ошол болсо, каяшасын борбордук басмалар жоопсуз калтырып жүрүшсө, анан кантмек эле? Деги С. Романюк өңдөнгөн улуу орус элинин арка-бел туткан уулдарынын көздөгөн максаты эмне болду экен?

Мына кыйла жылдардан бери «Известия» кезитинин кабарчысы Г. Шипитько ар бир кыргыздын намысына таш ыргытып келет, өзүнүн арам оюн бизге таңуулап, дайыма «кыргыз» деген атты укканда калмасы кармап, көөнү айнып кете тургансып, «кореннойлор» деп, тергеп жазып.

Же борбордук телевидениенин кабарчысы В. Федоровдун дайыма кыргыздын ыйык түшүнүктөрүнө кастарын тигип тил

тийгизип, бүткүл союздун элине мазактай турган жөнү бар беле?

Каргашанын башынан аягына дейре жападан жалгыз орус дайынсыз жоголгонуна карбастан, «Литературная газетанын» кабарчысы В.Кружилиндин «Ош каргашасында 30 орус өлүптүр» деп ааламга дүрбөлөң салышат, не деп түшүнсөк болот? Ош округунун протоирейи Владимир Монаховдун айтымында да кыргыздар орустарга кандайдыр бир кыдык көргөзүп жатышканы жашырылбайт.

Ушунун бары кай максат үчүн жасалып жатты болду экен?

150 миллион калкы бар Россияны 2,5 миллион кыргызды бир каптатып өткөзүш үчүнбү?

Түркөй кыргызды дагы Кытайды көздөй айдап жөнөгөнгө андай чоң элди козгоп кереги жок менимче. Бул жердегилердин эле алы келет андайга.

«Кыргызстан – тоонун жана суунун мекени» деп жүрүшөт көп элдер. А да ырас, кудай жалгап, азырынча жок дегенде тоону кармап турганыбыз бар. Суу жарыктык эбак колдон чыгып кеткен мынабул сууну «Жыламыш» деп коюшат Чүй боорундагылар. Атам замандан бери 12 айылга күн көргөзүп келет ушул суу. Андан ашыгы ашыкчалык кылат. Бирок, ушул суну жээктеп жүрүп отурсан, беш чакырым өтпөй, момундай абалга туш келесиң. Жерге житип кеттиби жанагы шаркыраган суу? Жо, андай эмес. Сууң турсун, 12 айылыңды чогуусу менен жутуп ала турган дача деген жөө туман пайда болгон ал тегеректе. Чүй боорунда саал толуп, саал кемип, бирок, миңдеген жылдардан бери көрөңгөсү кургабай, кожолугу үзүлбөй келаткан Токбай деген айыл бар. Азыр ошол айылдын келбети жок болуп кеткени турат бул ааламдан, тегерегиндеги дачалардын көптүгүнөн. Мындай мүшкүл жалгыз эле Токбайдын башына түшкөн болсо, көп анчалык жан кейитип отуруунун кажети жок эле. Бирок, мындай каргаша Чүй боорундагы ар бир айылдын башында бар го, аттаганат. Анан ушундай кырдаалда киндик каны төгүлгөн журтунан бир баш паанектик жер алып калууну самаган кыргыз жаштарына жана аларга жан тарткан адамдын баарына жанагылар «баскынчы», «экстремист», «улулчул» деген жардык тага коюшуп, маалмаалы менен бүткүл союзга «кыргыздар орусча сүйлөгөндөрдү

өз жеринен кууп чыкканы атышат» деп дат-байрат салып, «уурусу күчтүү болсо, мал ээси доого жыгылатка» чалынтып атпайбы мүлдө кыргызды.

Өөй, ылайым эле жамандык көрбөгүр, мусулман эместер! Акыркы кешиксиз кыргыз каерге барып жан сактайт. Ушинтип жүрүп отурса, он-он беш жылдан кийин пендечилик кылган кыргыздын сөөгүн жашыраарга жер калбайт го ата журтунда.

Бу, адамгерчилик, калыстык деген болбойбу силерде...

А-24. АВТОР: Ош каргашасына тикеден-тике тиешеси болбосо да, өйдө-төмөн сөзгө азыноолак аралашып калганы бар областтык партия комитетинин идеология боюнча катчысы Санабар Бахапова 1990-жылдын июнь айына чакырылган обкомдун пленумунда чыгып сүйлөп, болуп өткөн каргашага өзүнүн да күнөөсү бар экендигин мойнуна алып, ылаажы болсо ушуга дейре аткарып келген кызматынан бошотуп коюуну өтүндү. О, анда «жумурай-журт бизди дагы ушинттирип жүрбөсүн» деп үрөйү учкан обком мүчөлөрү удаа-удaa жарыш сөзгө чыгышып, Бахапованын эрдигин мактап, акылмандуулугун баса көрсөтүп, өтүнүчүн кайра алдырышты туш-туштан жаалап атып.

Ырас, андай арызды Кыргызстан Коммунисттик Борбордук Комитетиндегилер арадан бир ай өткөзбөй дагы жаздырышат Бахаповага. Азырынча, мен обкомдун идеология боюнча катчысы менен маектешип отурамын.

А-25. АВТОР: Дегеле уруштун жүзү курусун. Ал зайыптар тарабынан чыкса, ого бетер опурталдуу адамзат тарыхындагы урушчаактардын эң мыкаачысы фашисттер дагы өз перзенти менен зайыбын алдыга коё берип, өзүлөрү акмалап турушчу эмес эле го алыстан.

А-26. АВТОР: Алкынгандарды армия тартипке салганын да таныш кыйын. Мисалы, 21-июль күнү 510, 512 номерлүү бронетранспортерге солдаттарды толтуруп, өзү «Волга» минип, пединституттун жатакансына келген генерал Филистович өз карамагындагылардын боз уландар түгүл кыз-келин, кемпир-кесек, чал-чабырларды бөйдөй сабаганын, студенттердин саат, сөйкө, магнитофон, жада калса кыздардын дамбалынан өйдө кымтып кеткенин көрмөксөн болуп койгону аз келгенсип, бир бейкүнөө пенде, 4 баланын атасы Байыш Жунусовдун жүрөгүн

көздөй атып жатканда да, көзү ирмелбегени, күйбөгөн жеримди күл кылганын жашыргым келбейт.

А-27. АВТОР: Каргашалуу күндөрдө республиканын партиялык, чарбалык жетекчи кызматындагы жана адабият, искусство, маданиятынын аткаминерлеринин коркок билиштиги, чоркок акылы, дүмбүл сабаттуулугу береги бей-бечаралардын башына ушул күндү салды.

А-28. АВТОР: Көз жашын көлдөткөн журтумдун көрөңгүлөрүнө не кайрат айтаарымды билбей, өзөгүм өрттөнүп турсам, наркы, оропарадагы төрт кабат үйдөн мушташа тургандай айбат менен чыккан Сережа деген орус жигит:

— Баарын кылган силер, кыргыздарсыңар. Экстремисттер дагы силер, эгерде андай эле акыйкат издеген немелер болсоңор, улуу орус элинин пикирин тартып алып, элге көргөзгүлө! — деген талапты койду. Жок дебедик. Кубана түшкөнүмдү да жашырганым жок. Анткени, ошол маалда кан жыттанган Ош жергесинде жолубуздан учураган орус улутундагы кимге кайрылбайлы, Кыргызстандын сыналгысынан экенибизди билээр замат, пикирин айтмак тургай, жаныбызда тургандан жийиркенип жаткансып, жалт бурулуп кетип жаткан маалда, өзү келген маектешибизди колдон чыгаргым келген жок. Ырас, эки ооз сөзүнөн бир ооз сөгүнүү боло бергенинен Сережанын маегине саал-маал кайчы тийгизүүгө тура келди, өзүм өмүр бою мындайга каршы күрөшүп келсем да.

А-29. АВТОР: «Коркконго кош көрүнөт» болуп атабы, же чын эле үркөрдөй кыргыз бирөөгө үстөмдүк кылганга жарап калганбы деп, саал кампая түшкөнүмдү жашырбай, башкаларга алы келбесе да, ушуларга күдүк көргөзөөрү аштан бышык деген илгери үмүт менен Ленин району «Коминтерия» колхозунда кыргыздардын арасында жашаган 130 үйлүү араптарды издеп таптым чапкылап жүрүп.

А-30. АВТОР: Мен сага ата-журту өгөйлөп, кыйыр толгон кыянаттык менен наамарттык өз өлөң төшөгүнөн айрыган мусаапырлардын тагдырын колумдан келишинче, тилимдин жетишинче баян эттим. Көрүп алгын жакшылап. Ата журтунан үрккөндөрдүн сага окшогон эле, мага окшогон эле көрпөндөлөр экендигин. Бирөөнү челе турган мүйүз, тебе турган туяк, чайнай

турган азуу, апчий турган тырмак деле жок бул кургурларда. Бар жазыгы – үрккөн эл деп коёт буларды. Кийинчерээк дагы айтып берем көргөн-билгенимди.

БИРИНЧИ СЕРИЯНЫН АЯГЫ

Д. Садырбаев

СЕРГЕЙ: Бул үй кимдерге арналып салынган болсо, ошолор гана жашашы керек. Башкача болушуна жол бербейбиз. Бул жерде экстримисттер болушу мүмкүн эмес. Эсеби маселен... Бул үйдөгүлөр тиги үйдөгүлөргө уруш ачса, ошондо пайда болот экстремизм. Бул жердегилердин, бизди, орустарды, көрөйүн деген көздөрү жок, эненди урайындардын... Эмне үчүн ушинтет бизди жашаган жерибизге ээ кылбай...

– Ким айтты сизге бул жерге ээлигиң жок деп?

– Антип маселени кабыргадан коюуга болбойт. Эч ким ачык айта албаганы менен баарынын эле ою ошондой экенин мени билбейт дейсиңерби?..

– Көбүнчө кимдер ошентип ойлошот? Мисалы: өзбектерби, же...

– Жо, жок... Баланчалар-түкүнчө деп айтты деп, өлгөнү жүрүптүрмүнбү. Кереги жок мындай суроонун.

– Балким, татарлар...

– Аа... эми коштунузбу өзбек менен кыргызга.

– Жо, уйгурлар айтып жүрбөсүн дейм да...

– Уйгурлар да айтышат бизди бул жерлик эмессинер деп.

– Милициячы?

– Милиция да ошентет.

– Партиячы?

– Партия да бул жер силердики эмес дейт.

– Армиячы?

– Армия антпейт. Армия “силер ушул жердин кожоюнусунар” дейт бизди. А силер эмне үчүн Өзгөндө болгонду болгондой көргөзбөйсүңөр элге.

– Сөз биз жөнүндө болсо, биз кечээ гана бардык Өзгөнгө.

– Кечээ барсаңар, кечээ көргөзүш керек болчу сыналгыдан, аякта эмне алаамат болуп жатканын... Эмне үчүн баарын жаап-жашырып атасыңар?

– Эмне алаамат болуп кеткенин өзүм түшүнө элек кантип көрсөтөм.

– Аа... Силер ушундайсыңар да. Кыргызындын да, өзбегиндин да бизди орустарды көрөйүн деген көзүңөр жок. Татарың деле ошондой.

– Анткидей силер кимисине жамандык кылдыңар эле?

– Эч кимисинин бизге жакшы санаган ою жок. Мейли алдагыла мени карап туруп, иттин көткү шыйрагындай адам экениңерди айта беришсин. Азыркы эки-экиден чабышты, мисалы, сиз келип токтотушунуз керек болуучу.

– Менин колумдан бардык нерсе келе бербейт да.

– Пресса дагы силердей.

– Прессанын бул жерде кандай тиешеси бар?

– Түздөн-түз. Кыргындын прессасы биз окуй турган маалыматтарды эч качан жарыкка чыгарбайт.

– Ошондой экенин кайдан билесиз?

– Кулак бар. Угабыз. Эмне үчүн чындыкты жазбайсыңар?

– Имиш-имишке караганда, басмага чыккан маалымат тагыраак болуп жүрбөсүн...

– Андай болушу мүмкүн эмес. Өзгөнгө барып келгендер башкача айтып жатпайбы, ошолорду эмне үчүн көрсөтпөйсүңөр?

– Сережа, мен бул жерге кечээ гана келдим тээ Чүй боорунан. Адамдардын көргөн-билгенин сурамжылап жүрөм. «Улуу орус элинин пикирин тартып алгыла!» деп өзүңүз келдиңиз. Мен жок дебедим. Эми минтип тартып атсам, сиз дагы ырыстуу эчтеке айтпай ажыкызданып атпайсызбы...

– Мен эмне демек элем кыргын акмак десем, кыргыз-өзбек тажаал десем, өзбек мени өлтүрүп кетсечи.

– Кыргыз менен өзбек ошенте алабы?

– Сөзсүз союп кетет. Бул жердеги кыргыз, өзбек, татар, орусун да бары тен жырткыч болуп бүткөн. Болду. Ушуну менен мен өз билдирүүмдү токтотомун.

ЖУКОВ: 1926-жылдын 14-июлунда Мырза-Аки деген айылда туулганмын. Азырынча, ушул эле айылда жашап жатам. Ростовдогу туугандарым «бул жакка көчүп келгиле» деп чакырып жүрүшчү эле, өткөн каргашадан кийин үй-жайыбызды сатып көчүп кетүүгө аргасыз болуп олтурабыз. Жоош-момун

кыргыздар менен эч чыр-чатагы жок ынтымакта 70 жыл жашадым. Эч качан арыздашуу болгон эмес арабызда, болбойт да.

Согуш маалында бир кесе аталаны бөлүп ичип тирүү калдык эле. Биздин тоолордо алага деген болот. Ошону терип келип, майдалап жанчып туруп, ботко бышырып жээр элек. Ошондо да «сен-мен» дешкен эмес элек. Азыркылар курсагынын тогуна кутуруп атат окшойт. Чыр-чатакты Ош тараптан келген өзбектер баштады. Анан кыргыздар да карап турушкан жок. Үрөйүбүз учканынан, аскердик бөлүккө барып жан-айла кылдык. Жо, жок. Бул жердеги кыргыздын эч кимиси бизди чертип койгон жок.

– А балким опузалагандыр.

– Андай деле сөз болгон жок.

– Туулган жерди таштап кетип жатканга кабыргана кайышкан жокпу?

– Кайышпай коймок беле. Тоодогу кыргыздар уулума кунаажын энчилеп берип, улак тартышып коштошуптур. Кечээ 27 кыргыз келип, буюм-тайымыбызды түйүштүргөнгө көмөктөшүштү. Кыргыздар менен куда-сөөк деле болуп кеткен элек. Мисалы, абысыным кыргыз. Күйөөсүнүн көзү өткөндөн кийин деле, төркүлөп келип турат ал биздикине.

– Эми каяка кеткени атасыңар?

– Ростов областынын Семикаракорск деген шаарына. Бул жерден бирөөгө таарынган деле жерибиз жок. Абышкам экөөбүз бал-челегибизге жөнөгөндө үй-жай, мал-салды кыргыз кошуналарыбызга эле «карап тургула» деп, таштап коюп кете берчүбүз. Жаман болду да.

– 18 жыл завгар болуп иштедим. Тартипти бузгандардын сазайын берчүмүн мен өзбек, же кыргыздыгына карабай. Бирок, бир адамдын оозунан «сен орус ушинттиң» деген сөз уккан эмесмин. Жана байбичем айткан жеңемдин аты Рысбү. Агам Дмитрий Алексеевич Жуков кыргызга үйлөнгөн болчу, ыраматылык.

– Россияда жүргөндө Кыргызстанды сагынаар бекенсиңер?

– Сагынабыз го.

– Сагынуу эмне болуп калыптыр, боздойбуз го. Карыганда киндик каның төгүлгөн жерди таштап, чоочун жер, чоочун элге

көчүп баруу тамаша эмес да. Ал жердегилер эле бизди сагынып турат дейсинерби. Ар кимдин өзүнө жараша тирилиги бар да.

— Кыргыздар силерге катылбаса, көчпөй эле койбойсуңарбы?

— Кыргыздар катылбаганы менен тигилер дагы таштап ийишсечи? Жо, мобул неберелеримди «ач кулактан тынч кулак» жерге алып кетпесем болбойт. Ушунча жылдар бою ийилип таазим этемин. Эми эч качан жериңерге көз жаш төгүлбөсүн. Чоң рахмат.

КИНОЭКСПЕРИМЕНТ

АВТОР: Бүгүн 1990-жылдын 9-август күнү. Бул жерде турган бир топ адам Омон отрядынын командири Виктор Николаевич белеңиз?..

КОТОРМО: Отряддын командири Виктор Владимирович. Мен анын орунбасары Виктор Николаевич Толмачевмин.

АВТОР: Жана шаар аткомдун төрагасынын орунбасары Тучин Борис... Мына азыр эле ушул турган баарыбыз мындан жарым саат илгери Өзгөн шаарында бир киноэксперимент жасайлы деп, жасай албай калдык. Алдагы келиндин аты Саадат. 5-июнда Өзгөндөгү «кач-качта» Саадаттын балдарына аралашып, 9 жаштагы өзбек кыз кыргыздар тарапка барып калыптыр. Саадат кызды каитип сактап жүргөнүн уккансыңар. Биз эскертпей туруп, Саадатты ошол кыздын ата-энесине алып бардык эле, алар: «Рахмат дедик эле. Эми акча төлөйлүбү» деп, Саадатты да, бизди да үйүнөн кууп чыкты. Виктор Васильевич эмне үчүн мындай болгонун түшүндүрүп бере аласызбы?

КОТОРМО: Менимче жоолашуунун дарбазасы али жабыла элегинен ушундай болду. Мына бул биздин арка жагыбызда агып жаткан «Жазы» дайрасы бир ай мурун касташкан эки элди тең жарып турган. Кыргыздар өзбектер тарапка, өзбектер кыргыздар тарапка өтө алган эмес анда. Азыр аз-аздан өтүп жатышат. Эки элдин тең өзөгүн өрттөгөн жарат сакайышы үчүн убакыт керек. Убактысы келсе, ынтымак өзүнөн-өзү эле келип калат ар бир үйгө.

АВТОР: Сиздин оюнузчу, Виктор Николаевич?

КОТОРМО: Мен деле ошондой ойдомун. Албетте, бүгүнкү эпизодду ойдогудай тартып алсак, өзбек менен Кыргыздын жарашын жакындатат болчу. Бирок, мындай нерсени зордуктап тартууга болбойт. Убакыт өтсө, кыргыздардын жырткычтыгы, ошондой эле өзбектердин дагы жырткычтыгын эл унутуп,

ынтымакка келгенден кийин гана сиз күткөндөй эпизоду тартууга болот бул жерден.

АВТОР: Виктор Владимирович! Ушул турган тобубуз менен барып, үрккөн өзбектерди тартып келсек болобу?

КОТОРМО: Болоору го болот деңизчи, бирок, ылаажы болсо саал коё турганыбыз абзел.

АВТОР: Here?

КОТОРМО: Моминтип баш кийимдерибизди алмаштырып алсак, сизге да, мага да эч ким катылбайт. Калпак кийип, жанынан тойгон адам эле өзбектерди аралап баспаса, азырынча антүүгө болбойт.

АВТОР: Ушул өрттү биротоло өчүрүп салу үчүн эмне керек?

КОТОРМО: Мамлекеттин бийлиги болушу керек.

АВТОР: Сиз кандай дейсиз, Виктор Николаевич?

КОТОРМО: Бийлик го керек деңизчи, бирок, Кыргызстанда жашаган бир дагы улуттун өкүлү кыргыз, өзбек, корей, орус болобу өзүн башкалардан кем сезбеши керек. Ошондо гана улуттар арасындагы ыйкы-тыйкы тыйылат. Мен бул жерде жашаган элдин турмуш-абалын жакшыртуу ынтымактын көрөңгөсү деп кошумчалап кетээр элем.

ЭЛЬМИРА: Менин таажем «Ленин-2» деген мектепте мугалим, парторг болуп иштейт. Кыргыз телевидениесине «07-09 АНД» деген машина Өзгөнгө чоочун адамдарды алып келгенин айтып берем деп, азыр ай-талаада калды. Өзбектер эчтекесин калтырбай, үй-сүйү менен өрттөп кетишиптир. Ошондуктан, мен дагы сизге бирдеме айтып бергенден коркуп турамын, балээге калбайын деп. Тилибизди тишибизге каткандан башка эми бизде айла калбады.

1-КЫЗ: Ошол күнү саат 11де магазинге барып, базарда өзбектер менен кыргыздар мушташып жатыптыр деп угуп, баарыбыз Жоробаев деген өзбектин үйүнө кирип жашынып отурдук. Бизге эч ким катылган жок.

КОТОРМО: Тергөөчүлөр келип атабы бул жерге?

ЭЛЬМИРА: Жок. Эч ким келген жок. Элдин баары эле тергөө бир жактуу болуп атат, кыргыздарды эле кармап кетип атышат деп айтып жүрөт.

КОТОРМО: Кимдерди кармап кетип атышат?

ЭЛЬМИРА: Колуна тийгенин. Эч күнөөсү жок болсо деле, колуна тийген кыргызды кармап кетип, оозу-мурдун канжалатып коё берип жатат.

КОТОРМО: Солдаттар да келишеби?

ЭЛЬМИРА: Эки жолу келишип, ансыз да жүрөгү түшүп араң жүргөн балдарды коркутуп-үркүтүп кетишти.

2-КЫЗ: Биз ыйласак, алар бизди мазактап күлүштү.

КОТОРМО: Каерден?

3-КЫЗ: Тээтиги жерден. Биз ыйласак, алар күлүштү шаракташып.

КОТОРМО: Кыргыз солдаттарбы?

3-КЫЗ: Жо, баары орустар болчу.

Дооронбек Садырбаев

ПРЕДИСЛОВИЕ (ПЕСНЬ О ПАМЯТИ)

Тулпар для воина – не просто конь.
Это – мечта.
Это – верность.
Это – надежда.
Это – любовь.
Тулпар – ветра душа,
Это – утра душа,
Это – песня дороги, что пройти предстоит.
Тулпар – это крылья Вчера и Завтра.
Это память народа – Тулпар.
Прошлое и будущее.

Так близки они. Близки благодаря настоящему. И настолько гонка граница между прошлым и будущим, что, бывает, не разглядеть ее, не понять, не почувствовать, как не разглядеть, не почувствовать день сегодняшний, и от внимательного взгляда порой скрытый суетой мимолетности...

...Над небольшой, но стремительной речкой зависла гранитная скала, увенчанная высокой арчей. Нет листвы у арчи, и не видно корней. А ведь только они, корни, только они и могут поведать о том, что было. Но кто расскажет о том, что будет? Эти ли ветви засохшей арчи, как бы десятками рук устремленных к небу, будто они сохранили верность корням, чья надежда – увидеть солнце? Навряд ли. ... Хотя и в мертвом память, бывает, живет...

Слепо уставившись в старое дерево, остановился странник, то ли прошлое, разглядывая, то ли в будущее всматриваясь. И мальчик – поводырь остановился.

Спросил старик:

– Есть ли здесь место присесть?

– Да ата, коряга осталась, как прежде.

– Что ж, присядем...

Горы вокруг, суровые горы, не ведающие ни злобы, ни сострадания, безучастные ко всему, что на земле происходит. Тем более к двум человеческим фигуркам, присевшим у сухого дерева, некоторые нижние ветви которого еще сохранили когда-то разноцветные, но давным-давно выбеленные временем лоскутки материи.

– Воздай должное памяти сынок, помолчи...

И горная колыбель земли, и прожитые годы старики, и будущее время мальчика слились в одну песню-мелодию. В плач по Родине, поверженной в плач по жизни, в плач по любимой, в плач по песне своей, пусть и не сбывшейся, но живой и веселой, как утро, как день, как солнце, которые обязательно будут, даже после того, когда мы уйдем, и этот отрывочный, скорбный плач поднимал с вершин невесомые песчинки, смешивал их с вечерним сумеречным небом, превращал и далекие перемигивающиеся звезды, которые вскорости падали на землю, в испепеленную солнцем пожухлую мертвую траву на горбатых спинах камней...

Вот как звучали они, та песнь и тот плач:

не зверь, не дерево, не трава – человек сотворил колыбель
измены и предательства

сотворил человек, не помнящий матери своей и первого
шага своего

сотворила женщина, не помнящая первой любви своей

сотворил мужчина, не познавший подвига своего

сотворил ребенок, покинутый матерью или отцом

сотворил народ, позабывший корни свои

и на той земле, и в той колыбели не взрасти дереву
плодоносящему, а если и зацветут ветви на дереве том, то
явится из тех цветов – забвенья дурман...

И услышь человек песнь – плач этот, то заслушался бы им,
и простил бы тогда все на свете: и песню свою несбывшуюся, и
закат подступивший, даже измену и предательство простил бы,
ибо все – ничто на земле, кроме следов человеческих, ибо
только память – бог человека – держит человека на земле и
открывает ему путь новый.

Об этом песнь-плач старика-слепца, изваянием из времен незапамятных застывшего. И потому замер подле старика мальчик-поводырь в оборванной одежде, еще не познавший на земле ни песни, ни любви, а только собственную жизнь, да и ту — лишь отчасти...

А потому скосил он взгляд на волка, что залег пообочь на дне оврага, в густом и высоком островке сухостойного конского щавеля и, с пружинившись темно-серым комком подле темно-красных камней, терпеливо дожидался одному ему ведомого мгновения, нервно оскалая острые клыки, одновременно чутко прислушиваясь к такому посвисту понизового ветра в жестко шелестящих растениях.

И не знает никто, и никто не узнает, что слышал, а что услышал мальчик: песнь-плач старика, устремленность реки или затаенные волчьи мысли...

ПЕСНЬ О ПАМЯТИ

Фильм первый Мелодия поруганного племени

Человек не бывает велик, если он одинок. Великим бывает народ.

А когда человек остается один, да еще в пред сумеречных безмолвных высоких горах, когда умолкают, приготовляясь ко сну, птицы и звери (кроме хищников, правда, но те настолько бесшумны, что даже их жертвы не слышат порой приближения смерти), когда тонкое журчание крохотного родничка среди голых безучастных скал слышится грозным рокотом, тогда человек мал и беспомощен.

Предвечерний летный день в горах тих и приятен. Роскошная и яркая зелень скрывает серость скал, делает их не столь угрюмыми. Жара к этому времени уже уступила легкой, чуть заметной прохладе, когда и дышится легче, и еще не чувствуются холод, ибо камни пока не отдали все свое тепло, забранное за день у солнца.

Но, похоже, ничто не радует двоих, оказавшихся невесть откуда в этих горах.

Двое – старик-слепец и мальчишка-поводырь – медленно бредут по едва заметной извилистой горной тропинке, то и дело огибающей валуны и камни. И настолько стар и беспомощен старик-слепец, и настолько еще пугливо юное сердце мальчишки, что двое они – как один человек в великих горах, кажущихся колыбелью земли.

– Смотри! – неожиданно восклицает мальчишка-поводырь, вытягивая руку вперед.

Старец повернул ничего не выражающее лицо в сторону мальчика.

– Нет, гам, впереди, там жилье! Ой, простите, ата... – мальчик застыдился оплошности своей, и нетерпению своему, так неожиданно вплеснувшемуся из груди.

– Ничего, ничего мой мальчик... – старик-слепец погладил мальчика по голове. – Это хорошо, что жилье, пойдем, я думаю, божьим странникам не откажут и приюте на одну ночь. Так что, пойдем...

Голодные и даже несколько продрогшие от набирающей силу вечерней прохлады, без труда проникающей сквозь многочисленные дыры старенькой одежды, старец и мальчик медленно приблизились к ветхой лачуге, неведь как прилепившейся к углублению почти отвесной скалы. По бокам от лачуга и над ней стелились кусты колючей ежевики и разлапистого барбариса, так что разглядеть ее, похоже, мог только зоркой взгляд мальчишки, привыкшего за долгое время скитаний замечать вокруг все то, что так или иначе могло бы иметь к нему со стариком хоть какое-нибудь отношение.

Неожиданно от неосторожного шага мальчика-поводыря отскочил камешек, ударился о другой. На этот звук, внезапно громко прозвучавший в сумеречной тишине, из лачуги вышла древняя старуха, лицо которой было изборождено глубокими, будто бы рукой человеческой, а не временем и судьбой начертанными морщинами.

– Мир тебе, добрый человек! – почувствовав ее присутствие, произнес старик-слепец, прижав ладонь к сердцу. – Не откажи в ночлеге божьим странником...

Старуха окинула еще достаточно быстрым взглядом две фигурки странников, довольно-таки равнодушно ответила негромким бормотанием:

– Какой же мусульманин откажет в приюте божьим странникам.... Проходите. Места хватит, а за угощение не взыщите, что наскребу, тем и поужинаем...

– Голос твой, хозяйка, слаще угощения любого, – не без улыбки произнес старик. – Жаль, что не видят глаза мои, не могут полюбоваться обладателем такого чудесного голоса...

– Проходите, – старуха никак не отреагировала на комплимент старика. Пройдя в лачугу, она показала мальчику, где им со стариком расположиться.

Внутри лачуга была не менее непривлекательней, чем снаружи: торчали палки, висели какие-то тряпки, кое-где сквозь щели протягивали свои щупальца стебли ежевики. У стены, прижатой к скале, валялось нечто подобия матраца, на котором старуха и предложила располагаться гостям. В ногах постели была расставлено немудреная посуда – прокопченной казанок, чашки, деревянные ложки. В голове постели к стенке была прислонена домбра. Посередине лачуги над небольшим костерком закипал чайник.

– Садитесь, божьи люди, сейчас чай подам. Говорят, гость поспевший к ужину – к добру. Правда ужин сегодня – один чай, мяса нет сегодня, в силке одна заячья лапка осталась, а самого зайца кто-то до меня съел: волк или лисица, кто его знает? – Старуха все так же бормотала бесцветным голосом, неторопливо кружась возле очага. – Зато чай с травами, он и силу дает, и зоркость, и слух, вам, странникам, на пользу будет... А вы что же так поздно в горах? Отсюда еще не близко до дороги...

– Э-э, хозяйка, не зря в народе говорят, что если нужна приспичит, так будешь и в решете воду носить... – ответил, привыкая к обстановке, старик. – Уж поверь, не от хорошей жизни мы вот так...

– Ладно, – махнула рукой старуха, – обо всем этом ты расскажешь потом, если захочешь, когда чаю выпьешь. А жизнь – у кого она хорошая? У младенца разве, да и то, пока грудь материнская во рту.... А! Жизнь дается богом, и богом она забирается, что об этом попусту говорить. Да вы садитесь, садитесь...

Мальчик сел на край постели, потянул за руку старика. Тот, усаживаясь, нечаянно затронул рукой домбру и струны тотчас же отозвались, будто соскучились хоть по какой-нибудь песне...

Старик переложил домбру в руках, чуть слышно тронул струны и тут же зажал их ладонью. На мгновение лицо старика

стало отрешенным, потом он поднял голову к остановившейся старухе, сказал:

– Давно этих струн не касалась мужская рука... Ты сама теперь играешь?

Старуха вздохнула только. Разлила в чашки, подала гостям. Потом пошарила рукой в замусоленной холщевой сумке, достала горсть сухарей.

– На ужин хватит нам сухарей, а к утру, даст бог, кто-нибудь в силочек попадаетеся...

– Такому ужину сам владыка позавидовал бы, окажись он на нашем месте, – улыбнулся старик. – Он размочил сухарик, надкусил, причмокнул от удовольствия, запил чаем.

– Может и позавидовал бы, да только никогда не бывать владыке на нашем месте, – произнесла старуха в ответ.

– В жизни всякое бывает, – не согласился старик.

– Возможно... – пожала плечами старуха, доливая чай гостям.

Некоторое время трапеза продолжалась молча. Уже в конце ужина старик снова спросил:

– Если есть в доме домбра, а хозяйка на нем не играет, значит, что-то случилось с хозяином, не правда ли? Не показалась бы моя просьба навязчивой, но может быть ты все же расскажешь нам, что произошло? Это же давно было, душа зарубцевалась твоя, боль, наверное, уже песней стала... Самато что, не пробовала играть?

– Эх, божий странник, разве можно рассказать жизнь?

А на домбре я не играла, мне больше киргизский темир-комуз по нраву... – Она достала из-под подобия подушки темир-комуз, прилипла к губам, сделала несколько движений пальцем. И сразу же вновь положила темир-комуз на ладонь, вздохнула. – О, как я играла на нем, когда молодая была, когда зубы целыми были, а губы гибкими... Ты бы, старик, тогда тоже не сводил бы с меня глаз, по твоим словам чувствую, что влюбился бы, как и многие из тех джигитов, кто видел юной меня... Сейчас не до песен уже, а тогда... Тогда и руки мои пели, и ноги, и сердце, и душа! Наверное, тогда я сама была песней, или песня воплотилась в мой облик... Если бы я умерла тогда вместе с песней, я бы так и считала... Но бог сделал меня

человеком, в этом я убедилась за годы моей долгой жизни... Да что говорить, ты же и сам все это чувствуешь, божий странник...

– Ты права, я чувствую, – старик отложил домбру в сторону. – Но для настоящей песни одного только чувства очень мало, нужно еще и знать... Я не хочу быть назойливым, но Расскажи нам о своей нелегкой судьбе. Рассказ человека – тот же родник: ты расскажешь – и себя облегчишь, мы прикоснемся к рассказу – и наши помыслы станут чище. Не страшно тебе тут одной?

– Нет, старик, одной мне не страшно, куда страшнее, когда люди вокруг, да к тому же те, кто когда-то видел своими глазами все, что случилось с тобой... Тебе ли не знать, божий странник, что злых людей на земле куда больше, чем добрых, равно как больше и зла в нашей долгой и беспросветной жизни...

– Но зато добро сильное, иначе мир не смог бы существовать так долго...

– Наверное, тебе лучше знать, божий странник... – вздохнула старуха. – Может быть, добро и сильнее, да только зло такую боль приносит человеку, от которого и белый свет бывает не мил.

– Потом это проходит, не правда ли? Любая боль рано или поздно стирается в человеческой душе, в человеческом сердце. Было время, когда тебе жить не хотелось, но ведь ты и по сей день живешь. Значит, переболела душа...

– Если бы, если бы... – Старуха прислонилась к стене, закрыла глаза.

Редки праздники у простого киргизского люда, но когда они все же случаются – ах, как люди тогда отдаются веселью!

Вот схватились в поединке борцы, окруженные ревущей толпой болельщиков. Кто кого? Молниеносный прием – и под ликующие крики соплеменников победитель принимает в качестве приза добротного коня, а побежденный стремится побыстрее затеряться в человеческом многолюдьи...

Вот две группы всадников, используя всю свою сноровку и недюжинную силу как свою, так и своих коней, пытаются занести тушу барана в специально определенное посредниками место. И каждый ловкий прием, каждая удача той или другой стороны вызывают у присутствующих бурю восторга...

Вот группа джигитов соревнуется в меткости стрельбы из лука...

А возле белой юрты под взглядами сотен людей двое схлестнулись в музыкальном состязании: красивый, атлетически сложенный молодой казак по имени Нуржигит играет на домбре, а напротив него прекрасная, тоненькая, будто струна девушка-киргизка на темир-комузе.

О, какой изумительный была их игра!

Словно пенистый бурный поток, срывающийся в долину из глубокого ущелья, звучали струны домбры под сильными пальцами Нуржигита, мелькавшими над инструментом с быстротою молнии.

И как негромкое журчание небольшого ручейка умирал его нежный темир-комуз Канаим...

Лед и пламя, сила и нежность, страсть и раздумье, шепот и крик противостояли друг другу, и казалось, что они непримиримы...

Но с каждой минутой, с каждой секундой, с каждым мгновением почти не приметно сливались два полюса, где противостоящие друг другу силы, и вот уже найдена золотая середина, когда домбра и темир-комуз звучали уже как одно целое, как песня одной души.

И не отрывали взгляды друг от друга Нуржигит и Канаим, словно, как и песня, растворялись друг в друге. Для них уже ничего вокруг не существовало. Для нее – только он, для него – только она. И люди видели это, они понимали все и все принимали. И видно, каждый в душе наслаждался мечтою своей и люди невольно теснее прижимались друг к другу, зачарованные игрой двух юных и чистых сердец...

Похоже, Нуржигит и Канаим и впрямь растворились друг в друге, потому что даже в своей импровизации они завершили игру одновременно.

Еще какое-то мгновение после окончания игры возле большой юрты царила высокая тишина. Люди восхищенно смотрели на прекрасных в этот миг Нуржигита и Канаим, а те все не могли оторвать свои взгляды друг от друга...

– Молодец, Нуржигит! – закричал кто-то из слушателей изо всех сил.

– Ай да Канаим! – поддержал другой.

– Оба молодцы, ничего не скажешь... – произнес белобородый аксакал. – Они действительно созданы богом друг для друга...

Что за ночь распахнула свои объятия в тот летний праздник! Яркие гроздья звезд будто на качелях раскачивались и вели свой замысловатый и нескончаемый хоровод вокруг полноликой спелой луны, дарившей свой призрачный свет всему, что жило в тот миг на земле.

А на этой земле в это время кто-то праздник свой продолжал, кто-то услаждал собравшихся игрой на домбре, кто-то рассказывал напевным речитативом, как легендарный Манас впервые повстречал свою возлюбленную Каныкей... Парни и девушки, приблизившиеся к возрасту, когда в жилах начинает играть кровь, попарно разбредались в окрестностях аила, и у каждой пары была своя тропа...

Нуржигит и Канаим стояли возле высокой арчи, глаз не сводя друг с друга.

– Я люблю тебя, Канаим! – прошептал Нуржигит, держа в своих ладонях руки любимой.

– Я не могу тебе тем же ответить, Нуржигит... – прошептала в ответ Канаим, не делая, впрочем, попытки освободить свои руки.

Луна освещала все окрест – деревья и кустарники, горы, отдельные валуны, делая их очертания зыбкими и призрачными.

– Я люблю тебя, – прошептал Нуржигит.

– Не мучай меня, – в ответ Канаим прошептала, – ты же знаешь, в последний раз отец отпустил меня на праздник. В

доме уже были сваты, Нуржигит. Кочкорбай уже калым заплатил... К тому же ты не из нашего племени, милый...

– Я люблю тебя, – прошептал Нуржигит.

– Я не свободна, – прошептала в ответ Канаим.

Луна освещала лица влюбленных.

– Я люблю тебя, – прошептал Нуржигит.

– Не мучай меня, любимый, – прошептала в ответ Канаим.

– Я люблю тебя, – прошептал Нуржигит.

На фоне лунного диска их губы сомкнулись.

– Не мучай меня... – выдохнула Канаим.

– Я не могу... Я люблю тебя... – прошептал Нуржигит, опускаясь перед ней на колени, не выпуская ее руки из ладоней своих.

– Ты замучил меня, любимый, – прошептала в ответ Канаим, опускаясь на траву.

– Я люблю тебя, – прошептал Нуржигит, увлекая к себе Канаим...

И луна, словно стыдясь своего любопытства, лицо свое спрятала тучей-платком.

Верные друзья Нуржигита и близкие подруги Канаим ждали в степи, приготовив влюбленным для бегства двух великолепных скакунов. Но Канаим и Нуржигит задержались.

– Там кони нас ждут, – кивнув головой в сторону степей прошептал Нуржигит так тихо, словно боялся, что звезды подслушать могут.

– Я согласна с тобой убежать, но мы так с тобой задержались, что там уже мог начаться переполох и мы можем попасться в засаду... – в ответ Канаим прошептала.

– Тогда давай пешком пойдем, к утру далеко мы будем, к тому же никто в бескрайней степи не знает, в какую сторону мы пошли – ни друг, ни враг...

– Я люблю тебя, Нуржигит, я навсегда теперь твоя, я только твоя, Нуржигит...

– Мы всегда будем вместе, Канаим, я никому тебя не отдам... Ну, пошли?

– Пошли, мой любимый...

Узкой горной тропинкой они отправились в сторону своей мечты. Шли по распадкам, освещенным полноликой луной. Шли в крошечной темноте, когда скрывали свет луны громады высоких скал. Они, конечно, спешили, Нуржигит и Канаим, но все же иногда останавливались, замирая в мимолетных объятиях.

Да только недолгим был путь влюбленных. Едва лишь рассвет окрасил высокие горные вершины в розовый цвет, а до перевала, за которым начиналось их счастье, оставалось рукой подать, Нуржигит и Канаим были настигнуты верными слугами Кочкорбая.

Долго с упоением стегали беззащитных Нуржигита и Канаим слуги Кочкорбая, окружив несчастных влюбленных плотным кольцом. Издевались, пока не подъехал он сам - еще молодой, крепкий, в богатом одеянии красивый джигит. Он брезгливо посмотрел на сбежавших, на их разорванные одежды, усмехнулся.

– Встаньте! – приказал он им.

Те с трудом поднялись все так же в окружении вооруженных всадников, ожидая своей участи.

– Глупцы, – вновь усмехнулся Кочкорбай, – неужели вы думали, что у меня не хватит верных джигитов, чтоб проследить за каждой тропинкой? – Затем сложенной камчой повернул лицо девушки к себе, приподнял за подбородок. – Посмотри мне в глаза, – властно приказал он, и когда девушка посмотрела на него, продолжил: - А теперь ответь, я разве не заплатил калым твоему отцу, да еще вдвое богаче, нежели он мечтал? Разве тебя не ожидало богатство мое, мое золото и серебро, мои слуги и служанки, имя мое, наконец? Так ответь мне, почему же ты предпочла меня этому вонючему казаху и пересмешнику чужих мыслей и чувств? Да еще голодранцу, у которого нет и никогда не будет гроша за душой?

– Я люблю его! – смело ответила Канаим. – Наши сердца соединились и навсегда останутся вместе, чтобы ни случилось с нами.

– Ты уверена в этом? – зло усмехнулся бай.

– Да!

— А знаешь ли ты, что таких, как ты и твой оборванец, люди считают предателями своего рода, недостойными пачкать землю и портить воздух?

— Ну что ж, по обычаям предков ты вправе казнить нас обоих, головы нам отрубить и оставить на съедение волкам. Только запомни, наши сердца тебе не подвластны, сердце мое и сердце Нуржигита объединились, и их никто не в силах теперь разъединить...

— Да что ты, что ты... — с нарочитым миролюбием отмахнулся Кочкорбай. — Не пристало джигиту, как какой-нибудь черни, обнажать оружие, чтобы расправиться с женщиной, хотя и шлюхой... Уверяю тебя, мы найдем для наших острых сабель куда более достойное применение, чем выковыривать сердца из ваших паршивых тел. Но... — он обвел взглядом своих джигитов, — эти двое все-таки заслуживают наказания, не так ли?

— Истинно так!

— Конечно!

— Вы тысячу раз правы, батыр!

— Теперь слушайте меня, — сказал Кочкорбай, когда возгласы одобрения начали немного стихать. — Глаза у этой молодой шлюхи затянуты пеленой тумана. И нам будет стыдно, если она такой придет в чужой аил и чужие люди из чужого племени об этом узнают. Нам будет стыдно, значит, мы должны разорвать пелену, освободить ее, дать возможность сполна насладиться тем, о чем так мечтает. Хотите вы помочь ей избавиться от этого временного для всех баб недуга, джигиты?

— Хотим!

— Га-га!

— Она будет рада!

— Сил у нас хватит, счастьем ее одарить!

— А этот шут-пересмешник, — продолжил Кочкорбай, — похоже, чересчур озабочен ношей своей, грешно нам не помочь нашему брату по крови облегчить его заботы, не так ли, джигиты?

— Поможем!

— Он будет слугой своей шлюхи, и муж ее будет рад!

— За такую услугу ему откупаться придется...

– Джигиты! – кличем своим Кочкорбай дал команду.

И двадцать здоровых джигитов набросились на влюбленных, смяли их, скрутили, несмотря на отчаянное сопротивление обоих.

Часть джигитов столпилась, прижав к земле Канаим, и по их шуткам:

– Давай, давай!

– Уже? Во молодец!

– Ну-ка, теперь ты покажи, на что ты способен!

– Не бойся, она не кусается!

– Поспеши, дружок, ты не в постели и не один; другим тоже хочется...

Да по искаженному болью и стыдом лицу Канаим нетрудно было догадаться, что они делали с нею.

Другие слуги, свалив и скрутив Нуржигита, крепко держали его за руки и ноги, пока кто-то один из них вынимал отточенный кинжал, срывал с него штаны. И отчаянный вопль Нуржигита совпал с радостным криком того, кто с кинжалом был – Кочкорбаю он с восторгом показал на ладони своей кровавый кусок мяса:

– Во, оскотил! Все, батыр!

– Нет, не все... – усмехнулся Кочкорбай. – Если его так оставить, он сдохнет раньше полудня. А мне он нужен живым, и нужен надолго, чтобы сквозь поколения молва о нем шла! Залечи ему рану теперь!

– Эй, кто-нибудь, подайте курмуши! – крикнул он и протянул руку.

Кто-то из друзей достал из-под седла клочок овечьей шерсти, подпалил ее, подал. Подсыпав курмуши к ране, тот усердно перевязал Нуржигита, натянул на него штаны.

– Теперь не подойдет!

Когда расступились джигиты, кто еще застегивая штаны, кто отряхивая пыль с рук и коленей, оставив на земле истерзанных влюбленных, Кочкорбай посмотрел сначала на потрепанного Нуржигита, потом перевел взгляд на скорчившуюся Канаим, и сказал ей:

– Я прощаю твоему отцу мой калым. Идите с миром теперь, и да сопутствует вам счастье, любовь и много детей, хотя бы по количеству моих джигитов!

Раздался оглушительный хохот верных слуг бая, больше похожий на ржание табуна жеребцов.

– Вы сами избрали себе судьбу, вас никто не неволил, так что пеняйте лишь на себя! Джигиты!

Кочкорбай первым рванул с места вскачь своего скакуна, за ним его верные слуги, и с громким гиканьем, поднимая клубы пыли, они помчались в свой аил.

Но долго еще отзывался перестук лошадиных копыт в ушах бездвижно лежавшей Канаим.

Медленно, словно нехотя поднималось над землею солнце, даря свое живительное тепло всему, что жило на земле. И только Нуржигиту, все еще бывшему без сознания, да истерзанной Канаим солнце было не в радость.

– Воды... Пить... – едва шевельнулись губы Канаим, пытаясь отвернуть голову от безжалостного солнца, от его лучей. Но никто не отозвался на ее стон безнадежный.

– Нуржигит... – через некоторое время вновь едва слышно простонала Канаим, призывая на помощь своего возлюбленного, поскольку больше ни от кого не ждала она помощи. – Нуржигит, ты слышишь меня?

Нуржигит ничего не слышал.

Беспокойство за возлюбленного заставило девушку с большим трудом приподнять голову. С содроганием смотрела она на застывшее, искаженное от нечеловеческой боли лицо Нуржигита, на расплывшуюся лужу крови рядом с ним, и впервые за все это время из глаз у нее потекли слезы.

– Они убили тебя, мой милый... – прошептала она чуть слышно, – Они убили тебя...

Потом, собрав остатки сил, она кое-как поднялась на четвереньки, подползла к Нуржигиту. И от того, что она увидела теперь, её глаза в ужасе расширились.

– Боже мой, что они с тобой сделали! ... – Канаим, обхватив голову руками, упала рыдая, на грудь Нуржигита. Когда же рыдания ее чуть ослабли, она вдруг замерла, прижала голову к груди Нуржигита плотнее. – А сердце бьется... – словно не веря самой себе, прошептала Канаим. – Ты жив, мой любимый, ты живой! Сейчас я помогу тебе, потерпи, я помогу тебе, потерпи, милый мой...

Она встала, огляделась, заметила сбегавший по скале крохотный ручеек и, пошатываясь, направилась туда. Возле ручейка она оторвала кусок платья, тщательно намочила его. Вернувшись к Нуржигиту, Канаим выжала воду ему на губы, потом влажной тряпочкой отерла его избитое, в кровоподтеках лицо. Через некоторое время Нуржигит открыл глаза.

– Ты жив, любимый мой...

Нуржигит затуманенным взглядом посмотрел на Канаим, сясь вспомнить, что с ним произошло в это злосчастное утро, когда их настигли слуги бая. И, вспомнив, застонал в отчаянии.

– Ничего, мой милый, – прошептала Канаим, продолжая отирать его лицо влажной тряпочкой, – главное, что мы живы и что мы вместе...

– Прости меня, Канаим... – в едва слышном шепоте разлепил губы Нуржигит.

– Молчи, не трать силы, милый мой... – Канаим осторожно погладила его по голове.

– Я не смог защитить тебя, любимая... Прости... – И натужный стон вырвался из груди Нуржигита. – Они убили и меня, сволочи...

– Молчи, милый мой...

Издалека донесся топот копыт. Канаим подняла голову и различила друзей Нуржигита, которые, обеспокоившись его долгим отсутствием, пустились на поиски. Из последних сил Канаим кое-как помогла Нуржигиту хоть немного привести себя в порядок, прикрыла, насколько это было возможным, свое тело остатками платья и, обессилив вконец, опустилась рядом со своим возлюбленным на землю.

Друзья заметили их, подъехав, быстро спешили, окружив влюбленных.

– Это Кочкорбай со своими джигитами так избили вас? – в ужасе спросил кто-то из джигитов.

Канаим, подтверждая его слова, закрыла глаза. Нуржигит, скрипя зубами от нестерпимой боли, сел, помог сесть Канаим. Он еще не совсем понимал, что с ним произошло, только жуткая боль пронзала все его тело, и он инстинктивно прижал своей ладонью низ живота.

– Что они сделали с вами? Мы сейчас отвезем вас в аул и там отомстим Кочкорбаю даже ценой собственных жизней. Верно, джигиты?

– Верно!

– Мы должны отомстить!

– Нет, – покачал головой Нуржигит. – В наш аул мы уже никогда не вернемся...

– Так что здесь все-таки случилось? Что они сделали с вами?

Канаим лишь молча закрыла глаза. Нуржигит вскрикнул от боли и снова прижал руки к животу.

– Мы должны отомстить, скажите, что они сделали с вами, и то же самое мы сделаем с ними! – воскликнул кто-то из джигитов, сжимая кулаки.

– Нет, – тихо, но твердо произнес Нуржигит – сейчас не время говорить о мести... Да и слуг у него в десять раз больше, чем вас, и вооружены они так, что легко расправятся и с вами. Аульчане вряд ли поддержат вас, потому что мы с Канаим нарушили обычаи предков...

– Тогда что же, оставлять этих собак безнаказанными, что ли? Они же обсмеют нас потом!

– Придется стерпеть... – Нуржигит вздохнул. – Месть до добра не доводит. Стоит ей лишь коснуться сердца, как род схлестнется с родом, с племенем – племя, с народом – народ и кровавая вражда унесет многие жизни. Нужна ли смерть в разрешении обиды? Жизнь у нас начинается только... А если вы хотите помочь нам, тогда отвезите нас подальше от людей, я вас очень прошу. Сначала надо залечить наши раны, а потом уже думать, как дальше нам быть...

Джигиты бережно усадили на коня сначала Канаим, а когда усаживали окровавленного Нуржигита, тот снова вскрикнул от

нестерпимой боли, потерял бы сознание и наверняка упал бы, не поддержи его друзья.

– Кто-нибудь из нас должен будет остаться с вами, помочь...
– предложил один из джигитов.

– Нет, – покачала головой Канаим, – я сама со всем управлюсь...

И медленный, чуть ли не траурной процессией, они направились в сторону южного ущелья, в конце которого была прилеплена к скале кем-то из охотников древняя, как мир лачуга.

Шло время. Друзья едва ли не каждый день наведывались к Нуржигиту и Канаим, не оставляя их без своего внимания. Они привозили пищу, посуду, что-то из одежды, рассказывали последние новости из аильной жизни.

Физически Нуржигит и Канаим оправились сравнительно быстро, однако никакие ухищрения друзей не могли вызвать на их лицах улыбку. Казалось, что сама печаль обрела очертания лиц двух влюбленных... И видя их скорбные лица, друзья не решались даже поведать о том, что отец Канаим, не выдержав позора, вынужден был бросить все нажитое добро и уйти из аила. Но никакие участливые разговоры не могли развеять печаль возлюбленных, ни на какие вопросы они не отвечали, словно были безучастны ко всему на свете.

В один из вечеров, когда предосенняя прохлада все увереннее заявляла о себе, когда пожухлые травы приготовились заснуть в ожидании будущей весны, у костра возле лачуги Нуржигита и Канаим собрались не только друзья, но и несколько аильских аксакалов.

– Дочка, – после некоторого молчания произнес один из аксакалов, – Расскажи все же, что тогда случилось, как все произошло. Пойми, не для мести нам надо знать это, не для праздного любопытства, но для жизни. Ведь мы сородичи твоих аильчан. И вот столько времени прошло, а мы все разными пересудами ограничиваемся, одни одно говорят, другие – другое. Так нельзя. В одном роду сплетнями долго не

проживешь, расколется род на мелкие кусочки, словно чаша, и сколько потом потребуется потратить времени, сил, крови, чтобы вновь слепить чашу... Расскажи нам, дочка, разделенную боль и вам самим легче нести будет...

Канаим некоторое время молча смотрела на яркие языки пламени, размышляя о словах аксакала. Она сильно изменилась за это время: стала взрослой, как будто бы за два-три месяца стала старше на несколько лет...

Потом она молча принесла из лачуги темир-комуз, вновь села у костра и начала играть. Ее остановившийся взгляд словно был устремлен внутрь самой себя, в ту трагедию, которую они пережили вместе с Нуржигитом. Сам Нуржигит сидел несколько поодаль и казалось, что он безучастен к происходящему возле костра.

Сначала в мелодии ощущался восторг девушки, встретившей на празднике своего возлюбленного, затем в нее медленно, исподволь начало вплетаться нежное трепетанье юной влюбленной души. Слушатели – и юноши, и старики – с замиранием сердца впитывали мелодию, их лица, их взгляды отображали все те чувства, что передавала музыкой Канаим.

Кто-то из джигитов помимо своей воли мечтательно улыбнулся, будто бы и в самом деле ощущал близкое дыхание любимой девушки.

Кто-то теребил только-только начавшийся пробиваться ус, заново переживая возможно неудачное объяснение в любви.

Кто-то смущенно потирал подбородок, словно боялся, что когда-то пережитые чувства сейчас могли прочитаться на его лице присутствующими.

И только лица аксакалов практически ничего не выражали или первая любовь была уже слишком далека от них по времени, или с годами они научились прятать свои чувства под масками безучастности.

Но вот в мелодии прозвучал вдруг явно выраженный перелом: это Канаим решила убежать из аила вместе со своим возлюбленным. И этот перелом в музыке не остался незамеченным слушателям.

Одни завздыхали огорченно – видно, и у них когда-то были решающие мгновения в жизни, но упущенные из-за каких-то

непредвиденных обстоятельств, и эти обстоятельства, и эти упущенные решающие возможности еще долго, а может быть и всю жизнь, будут преследовать их, как порой преследуют старые, хоть и зарубцевавшиеся раны.

Другие заиграли желваками, и можно было, глядя на них, быть уверенным, что мелодия Канаим разжигала в их сердцах решимость, которую им предстояло проявить со своими возлюбленными.

Третьи закрыли свои лица руками, чтобы кто-то невзначай не прочел их мысли и не разглядел их чувства.

И только лица аксакалов все так же ничего не выражали, скорее всего потому, что эти чувства были давно ими пережиты, а если в ком и осталась боль за утраченные мгновения, или кто-то сумел в свое время проявить решительность, так не зря же они дожили до седых бород, научились надежно прятать свои чувства.

Но когда в мелодию Канаим вlepились первые тревожные нотки, оповестившие слушателей о приближающейся погоне, то начали не выдерживать и старики: кто-то, переживая, заерзал на месте, словно устраиваясь поудобнее, кто-то затеребил бородку...

И вот самый страшный эпизод мелодии, когда слуги бая настигли беглецов, принялись издеваться над беззащитными влюбленными, Нуржигит не выдержал, взял домбру и перебирая пальцами струны все так же безотрадно смотрел на яркие языки пламени костра, и со стороны могло показаться, что он безучастно наблюдает что-то происходящее там, перед самым перевалом, за которым открывалось счастье для двух влюбленных сердец. Но это было, конечно же, не так, просто Нуржигит передал свои чувства мелодии домбры и эта мелодия с силой поведала о страшной беде Нуржигита и Канаим.

Старики-аксакалы не могли сдержать своих слез, и они скатывались по их изборожденным морщинами щекам, запутывались в белых бородах.

Джигиты, приблизившиеся к годам своей взрослости, сжимали кулаки, жестко постукивая ими по своим коленям или по камню.

Глаза безусых юнцов вспыхивали яростным огнем, словно их взгляды впитывали в себя жар горевшего перед ними костра.

Да, каждый из слушателей ощущал сейчас себя свидетелем того, как был обесчещен этот человек, безучастно устремивший свой взгляд в какие-то мрачные дебри, как была поругана честь его возлюбленной. Трудно представить, что пальцы Нуржигита и струны могут стать одним целым, с такой нечеловеческой силой передать скорбь человеческую другим не испытывающим этого.

Но было так.

Печальной была мелодия влюбленных.

Единый горестный вздох вырвался у всех присутствующих у костра, когда умолк последний звук домбры, когда бессильно упали на колени безмерно уставшие руки, будто бы проделавшие тяжелую работу.

Наступила тишина, едва нарушаемая потрескиванием ветвей в костре. И после некоторого молчания один из аксакалов, снова горестно вздохнув, негромко произнес, обращаясь к Канаим:

– Мы поняли вас, бедные... Они жестоко надругались над вами обоими...

– И не только над ними! – выхватив саблю из ножен, безусый юноша сверкнул яростным взором. – Они надругались над всем нашим племенем!

– Верно, – согласился раздумчиво аксакал. – А потому отныне эта мелодия останется в народе, как мелодия поруганного племени... А ты, сынок, обратно положи саблю в ножны. Нельзя нам истреблять друг-друга... Посмотри, итак разбрелись по всему свету потомки великого Тюрк Ата! Нельзя нам продолжать уничтожать самого себя.

Больше никто не проронил ни слова. Языки костра отражались в задумчивых взглядах слушателей, причудливо шевеля тенями близкого кустарника, тенью самой лачуги, внутри которой от неяркого света крохотного костерка размывались очертания Нуржигита, застывшего в одной позе, словно бы умершего.

– Несколько лет мы прожили с Нуржигитом в этой лачуге, ни разу не спустившись в его аул, – произнесла бесцветным голосом старуха. – А потом мой возлюбленный нашел смерть в нашей речке: то ли сам он искал ее, то ли она его пожалела... Ведь с нашим появлением здесь, в этой лачуге ни разу не прозвучал смех, ни разу не проскользнула по нашим лицам улыбка... Был сильный поводок, лил дождь, вода едва не добралась до лачуги. Нуржигит упал со скалы, на которой растет арча, в реку, разбился, вода унесла его так далеко, что я не смогла найти, чтобы передать по-человечески тело моего возлюбленного земле... Раз в году хожу теперь туда, засохшая арча стала памятью о нем... А меня почему-то смерть не трогает... Живу зачем-то. Аильчане пока еще время от времени навешиваются ко мне, да почти никого уже не осталось из тех, кто знает или кто помнит нашу историю. Да и правильно это, зачем помнить чье-то горе, когда у каждого своего хватает? Какое сердце выдержит это?

– Да, горькая судьба досталась вам с Нуржигитом, – тяжело вздохнул старик-слепец, прижимая к себе придремавшего мальчика. – Но без памяти нет будущего, и тот аксакал оказался прав, ваша история и впрямь осталась в народе мелодией поруганного племени. Я много раз ее слышал, но впервые узнал, как она родилась...

– Что от этого изменится в мире, божий странник? – горько вздохнула Канаим. – Знал ты эту историю или не знал – все равно течет река, все равно поднимается ветер, все равно зажигаются звезды, рождаются и умирают люди... Что с того, что ты узнал?..

– Да, конечно, – согласился старик, – и реки также текут, и так же загораются звезды в сумеречном небе, и все это остается само по себе. Но судьбы людские остаются только в памяти нашей... Вот скажи мне, ты когда-нибудь слышала песнь о Раймала-ага и Бегимай?

– Слышала, как не слышать! Может быть, не услышь я ту песню, так и не испытала бы хоть мгновение, но настоящего

счастья... – подобие улыбки чуть коснулось уголков губ старухи и тут же погасло.

– Вот и я когда-то услышал впервые. Я божий странник, я давно на земле живу, и ты не права, Канаим, считая меня своим ровесником, я очень стар. Не один мальчишка-поводырь сменился у меня и, должно быть, еще не один сменится. Но я не о том. Я передал людям песню-память о любви Раймалы-ага и Бегимай, и эта песня дошла до тебя и хоть подарила единый миг – но счастья. Раймалы-ага и Бегимай не испытали даже этого. И может быть, кто-то, услышав память-песню о тебе и познавший судьбу твою, будет хоть ненамного, но счастливей тебя... Тогда, знать, не зря твоя песня родилась. Низкий поклон тебе, Канаим, от тех, кто придет после тебя... Не жалею на склоне лет своих, что не стала ни богатой, ни властной. Богатство – это грязь на руках: обмыл – и нету... Власть – огонь в очаге: дрова сгорят, а пепел не согреет... Хотя и долго будет тлеть завистью от воспоминаний. Даже слава не вечна, Канаим, она подобна вихрю: поднимет человека, покружит, но потом обязательно швырнет на землю. Вечны только память и любовь. Память соединяет прошлое с будущим, любовь же отзывается в песне, что в народе живет. Любовь и времени не подвластна, только памяти. Что кроме любви может соединить в незатейливую мелодию и реальную жизнь, и мысли свои, и чувства свои? Ты, Канаим, и твой Нуржигит оставили память на земле своей песней-любовью. Да, вашу судьбу захлестнул черный океан, черный от горя, однако родник остался чистым, и еще не одной душе он поможет утолить жажду. Да, горька твоя судьба, но когда горе постигает судьбу целого народа, тогда черной становится уже сама память, и даже родники не скоро вернут ей чистоту. Если хочешь, Канаим, я поведаю тебе песнь о черной памяти, и тогда ты увидишь, что горе твое – полгоря, когда горе постигает судьбу целого народа...

– погоди, божий странник, давай-ка сначала уложим мальчишку, смотри, он давно уже спит... Хотя ты не видишь, прости...

– Я так давно слеп, Канаим, что мне многое видеть не надо: уши и сердце заменяют глаза мне. А мальчишку и вовсе узнаю за сотни шагов...

– Что ж, ты, наверное, прав... Но все же давай-ка я постелю ему. Нам-то что, старикам, мы свое отоспали, а там, где нас ждут, там и вовсе спать нам вечно...

Канаим поднялась, расстелила одеяло. Бережно приподняла мальчишку с колен старика, уложила, накрыла чапаном, вернулась на свое место.

– Вот так-то лучше будет, – произнесла она, удовлетворенно кряхтя. – Может быть, ты еще чаю будешь? – спросила она у старика.

– Если чашку нальешь... – улыбнулся старик.

– Отчего же не налить, чай-то горячий. – Канаим налила чашку, вложила в руку старика. Потом достала несколько сухариков, вложила во вторую руку, пробормотала в ответ на «Спасибо»:

– Пустое, хлеб не помеха здоровью. К тому же, наверно, силы нужны, чтоб песню твою мне поведать... Речь-то о целом народе, ты говоришь, а что по сравнению с народом судьба несчастливой любви двух юных сердец... Так, сгоревшие бабочки в огне...

– Из черных родников рождается черный океан, – ответил старик.

– Бывает и наоборот...

– Бывает, – согласился старик, – но если черный океан делает черными родники лишь на время, то от черных родников рождается черная память, и не скоро тогда роднику стать снова чистым. Сколько тогда поколений людских понадобится, понадобится земле, чтобы освободиться душой от скверны! И как же редко задумывается человек, что его сегодняшний поступок всегда отзовется в будущем дне. Хуже того, бывает, что не задумываются об этом владыки могущественных племен, и тогда черная память через века, через десятилетия заставит содрогнуться целые народы...

Так распорядились земля и время, что люди племени «Жоочалыш» должны были первыми встречать с мечом иноземцев, и последними прогонять их копьем. И далеко

разнеслась молва о племени этом, и если кто слышал одно только слово – «Жоочалыш», тот понимал, что речь идет прежде всего о воинской доблести.

Но судьбой предначертано было, что бесчисленные войска табгачей покорили Средний Восток, и первыми среди других племен оказалось племя «Жоочалыш».

Хитер и коварен был владыка иноземцев – хан Шыйкуу. Заметил он, что в племени «Жоочалыш» женщины податливы и скоры в соблазнах, а мужчины бесстрашны в бою, но в то же время буквально рабски преданы повелителю. Поняв, что ни один из таких джигитов не будет мечтать о свободе, а значит, не будет опасен, решил он увеличить свое войско за счет них. А потому издал указ, согласно которому, кроме общей подати, приходящейся на все земли, племя «Жоочалыш» должно было раз в два года отдавать ему сорок девушек лучших своих и сорок самых отважных джигитов, снаряженных в доспехи и на своих скакунах.

О, не было этим женщинам равных в ханских утехах. В зной ли, в холод, в пресыщении битвами или едой они так умело завлекали хана, что тот моментально забывал о том, что еще минуту назад волновало его...

И не было равных этим мужчинам в охране своего властелина. Могли уничтожить любого, кто вдруг не понравится хану, будь хоть отцом он, хоть братом родным. Ужас охватывал все племена, едва появлялись эти джигиты. Сорок джигитов были нужнее и лучше, чем огромный отряд табгачей и потому Шыйкуу расширял границы владений своих, забирая и подчиняя себе моря и реки, горы и степи, отбирая у самых нищих последнюю корку хлеба. А чтобы эти народы остались навсегда покорны, приказал хан Шыйкуу своим сорока джигитам уничтожить книги сначала, потом запретить петь песни, потом уничтожил стариков и старух, то есть все то, что память в себе хранило. И, наконец, последнюю волю изрек: каждый отныне обязан говорить только на одном языке - на языке табгачей.

Да-а, в те времена даже беркут, даже конь крылатый, даже ветер, не говоря уже о красивой девушке, - все становилось легкой добычей ненасытного хана Шыйкуу, который с

помощью сорока джигитов своих и отрядов воинов-табгачей все дальше распространял свою власть.

... Однажды случилось так, что к очередному сроку в племени «Жоочалыш» не нашлось всего одной девушки, чтобы стало их ровно сорок. И тогда решили двенадцать вождей, возглавлявших племена, что вместо той девушки пусть юноша будет – может быть, и не заметит хан Шыйкуу, ведь вон их сколько у него...

Хан Шыйкуу был страшен в гневе, но, как и подобает владыке, не показал он и виду, что гнев захлестнул его сердце. Он вызвал слуг своих и приказал накрыть дасторхон с богатыми яствами для двенадцати дорогих гостей – вождей племени «Жоочалыш». Сам же к ним подошел с улыбкой, поговорил о житье-бытье. А когда дасторхон был накрыт, хан Шыйкуу пригласил гостей в голубой шатер.

Стояла вторая половина лета, благодатнейшее, щедрейшее азиатское время. А потому дасторхон был украшен такими богатыми яствами, которые и не снились вождям. Огромные блюда с мясом и различными приправами, боорсоки, лепешки, виноград и много чего еще, чего вожди никогда и не видели. И против каждого гостя возвышался красивый кувшин с ароматным вином.

Хан Шыйкуу подождал, пока слуги наполняют чаши вином, потом поднял с улыбкой свою и сказал:

– Приятно видеть вас живыми и здоровыми, вожди племени «Жоочалыш». Так выпьем за то, что мы вместе, что вы служите мне, а я делаю то, что угодно всевышнему.

И пригубил свою чашу. Вожди пригубили тоже, по достоинству оценив изумительный аромат хмельного напитка. Хан Шыйкуу сузил глаза, но спокойно сказал:

– Вы гости сегодня мои, я разрешаю вам отдохнуть, так что пейте до дна!

Почувствовав, что изменился тон Шыйкуу, вожди поспешили осушить свои чаши, не смея прогневить владыку. Шыйкуу рассмеялся довольно, глядя, как проворные слуги вновь наполняют чаши гостей ароматным вином. Один из старейших вождей поднял чашу свою, посмотрел в глаза Шыйкуу, потом на своих соплеменников и произнес:

– Я восхваляю нашего великого и щедросердечного хана Шыйкуу. Да благославит вас Аллах, о владыка, на долгое царствование во всех краях, где остался хоть мимолетный след от копыта скакуна джигита великого хана!

Он первым осушил свою чашу, за ним – остальные. Хан Шыйкуу вновь лишь чуть-чуть пригубил.

– А я восхваляю мудрость великого хана! – поднял полную чашу другой. – Да не покинет она его, пока солнце восходит на небо!

Так похваляясь друг перед другом, вожди осушали чаши с вином, с каждой чашей все больше хмелея. Слуги, не мешкая, заменяли кувшины.

– Прошу вас отведать вот это... – хан Шыйкуу взял с дасторхона ломтик арбуза и впился зубами в мякоть. Возбужденные хмелем вожди цокали языками от восхищения, пробуя арбузы, дыни, виноград, сушеный абрикос и прочие лакомства, которыми так богаты земли Востока и которые никто из вождей никогда не видел в горах.

Потом вокруг захмелевших гостей закружились в соблазнительных танцах полуобнаженные женщины – одна красивее и восхитительнее другой. Кто постарше – открыли рты в восхищении, кто помоложе – слюни сглотнули. И так зажигательны танцы те были, что хотелось закружиться вместе с ними, да никто из гостей не мог уже и ногой шевельнуть...

Едва ли не с восходом солнца закончился пир в шатре хана Шыйкуу.

Но вот Шыйкуу хлопнул в ладоши, слугу к себе подзывая. Тот подскочил, в низком склонился поклоне.

– Готовы ли подарки моим дорогим гостям? – громко спросил Шыйкуу.

– Да, готовы, о мой повелитель! – склонившись, ответил ему слуга.

– Что ж, дорогие гости, – произнес, обращаясь к вождям, Шыйкуу и приподнялся. – Новый день начался – и заботы новые у меня, пора и вам свою службу нести, я думаю, вы довольны сегодняшней ночью...

Медленно, держась друг за друга, пошатываясь, поднялись вожди, с трудом, чуть не падая, подобострастно склонились

перед великим ханом, безмерную благодарность свою выражая ему.

– Ваша щедрость не знает границ! – произнес один из старейших вождей.

– Да, я знаю, я щедр, – улыбнулся хан Шыйкуу, – так помните щедрость мою, и детям, внукам своим накажите помнить щедрость мою!

Хан Шыйкуу подошел к коням киргизских вождей племени «Жоочалыш». К седлам коней уже приторочены были под завязку набитые курджуны, по выпуклостям содержимого которых можно было догадаться, что в них что-то круглое... Арбузы ли, дыни...

– И помните, гости мои дорогие, – взгляд Шыйкуу стал суровым, – до сорока я считать умею. Если еще хоть раз не будет сорока девиц – я сожгу все племя, а пепел развею по ветру. И в небе над племенем вашим не будут летать больше птицы, а в реках, что в племени вашем, не будет водиться рыба!

Так сказал гостям Шыйкуу и, повернувшись, ушел в свой шатер.

Сев на коней при помощи слуг – сами вожди вряд ли сумели бы сделать это – они отправились в обратный путь. Некоторое время ехали молча, припоминая последние слова хана Шыйкуу. Но хмель вновь вернул им благое расположение духа, и они почувствовали, насколько же возвращение было приятнее, нежели путь в стан Шыйкуу.

– Интересно, чем он набил нам курджуны? – похлопав по ним ладонью, самый молодой вождь спросил, когда ханский стан скрылся из виду.

– Должно быть, арбузы и дыни, да еще, конечно, мясо, – весело ответили ему.

И каждый похлопал ладонью по курджунам своим, испытывая чувство благоприобретения.

– Твердое что-то, значит, правда арбузы и дыни!

– А славно мы ночь провели!

– Вернемся домой, отоспимся.

– Что-то добр очень хан Шыйкуу... – кто-то заметил негромко.

– Если б тебя вот так одарили, ты бы тоже тогда подобрел!

Эти слова понравились всем и громко все рассмеялись, раскачиваясь в такт неспешно бредущим коням. Было весело всем, и беспричинная радость охватывала вождей от каждого произнесенного слова.

— Вот мне бы тех баб! И вина никакого не надо... Я бы время с ними провел, как Шыйкуу и не снилось!

— Куда тебе столько! Ты к утру бы уже не поднялся... Слабак!

— Я? Да я могу три дня и три ночи подряд!

— Вот уж точно, язык у тебя на три дня и три ночи, а бабам язык не нужен...

— Что ты знаешь? Вот когда...

— Хватит вам! Радуйтесь лучше, что целы и сыты домой возвращаемся...

— А мы и рады... Кстати, что-то в желудке уже опустело. Может, откроем курджуны да перекусим немного, путь ведь еще неблизкий...

— Погоди, вон под той арчой остановим коней. Здесь неудобно. Шыйкуу еще может увидеть, что слуги его... Что подумает он о вождях после этого? А там, под арчой, посидим спокойно.

— Так давайте быстрее!

Один пришпорил коня, потом другой. С гиканьем, свистом хмельные вожди, словно мальчишки, помчались наперегонки, обгоняя друг друга.

Прежде чем спешиться, они огляделись — нет ли любопытного взгляда. Но вокруг ни души, только в высоком небе медленно коршун кружил, жертву себе намечая, да несколько грифов сидели в тайной надежде что падаль им подвернется...

Вскоре был расстелен дорожный дасторхон. Самый молодой из вождей снял со своего коня курджун.

— Ох, и тяжелый! Здесь еды дней на десять!..

Развязав курджун, вождь запустил в него руки, потом заглянул внутрь, и неожиданный страшный крик заставил всех содрогнуться. Оглянувшись, остальные увидели, как молодой вождь покачнулся и упал без сознания, воздев к небу окровавленные руки.

Когда они подбежали к нему, он уже несколько пришел в себя.

– Воды... – прохрипел кричавший, там... – окровавленной рукой он показал на развязанный курджун.

Старший вождь подошел к курджуну, осторожно отвернул край, заглянул внутрь и, увидев отрезанные головы привезенных накануне хану Шыйкуу красавиц, отшатнулся, смертельная белизна обескровила его лицо.

Остальные молча смотрели на старшего вождя, ожидая его слова или поступка.

И, словно грома раскаты, над ними раздался голос хана Шыйкуу:

«И в небе над племенем вашим не будут летать больше птицы, а в реках, что в племени вашем не будет водиться рыба...» Испуганно завертели головами вожди, однако небо было чистым, даже коршуна не было видно, лишь на востоке, там, где остался шатер Шыйкуу, поднимался диск ярко-красного солнца. Да неподалеку величаво возвышались несколько грифов...

«Кырк кыз», – в ужасе прошептал старый вождь и закрыл лицо руками.

Печальная весть дошла до народа племени «Жоочалыш», и спрашивал каждый у каждого встречного, набралось ли сорок красавиц, чтобы хан Шыйкуу не прогневался?

С тех пор и повелось, что племя «Жоочалыш» утратило имя свое, и люди по сей день называют его «Кырк кыз» - племенем «Сорока девиц»...

В ту мрачную пору, когда иноземцы вершили судьбы народов Среднего Востока, на небосклоне темном зажглась звезда Чын-Уула – отважного воина племени «Сорок девиц».

Хан Шыйкуу был доволен своим новым слугою: храбрость и преданность тот проявлял всем другим на зависть, и не случайно к двадцати пяти годам был возведен он ханом Шыйкуу в ранг самых близких своих приближенных, кому разрешалось и ночью и днем входить в покои Шыйкуу, кому он

доверял безгранично. И чрезвычайно полюбил хан Шыйкуу своего слугу, пока не имевшего имени, за то, что не раз спасал тот его от всяких коварных ловушек, на которые щедры были и другие хана...

Было, сын Шыйкуу однажды случайно оставил саблю в постели отца.

Было, как-то первая жена забыла случайно кобру в рукаве ханского халата.

Было, первый помощник вырыл глубокую яму на пути Шыйкуу.

Было, когда властелин, однажды объятый жаром одной из своих девиц, мог быть погублен своим аскербашы, который почти занес над ним свой меч обнаженный.

Этот последний случай стал для слуги владыки значимым очень. Будто из-под земли возник он тогда, скрестив свою саблю с мечом великого воина и одолел в смертельном бою. Приставил острый кинжал, произнес:

– Собаке – собачья смерть!

И вонзил ему лезвие в горло...

Неожиданно за спиной слуги раздался спокойный голос хана Шыйкуу:

– Собаке – собачья смерть, тебе же – хвала и честь, ты настоящий воин! Я имя тебе даю – Чын-Уул!

В то время по воле хана его покоренным людям запрещалось имена давать, только раб и рабыня, только слуга и служанка. Поэтому воин отважный спросил у владыки:

– На час или на день имею я имя свое?

– Я имя тебе даю навсегда! – Шыйкуу так ответил и приказал собрать всех поданных, а когда те собрались, он громогласно волю свою объявил:

– Отныне и навсегда этот доблестный воин достоин имя носить. Его нарекаю – Чын-Уул, и теперь его назначаю самым главным воином в войске моем... – и, чуть помолчав, добавил, - включая и табгачей.

– Хвала владыке гор и степей!

– Ханская воля - воля всевышнего!

– Долгая жизнь Чын-Уулу и удача в бою!

– Вечность хану и Чын-Уулу!

Казалось тогда, что и ветер крылатый, радуясь вести великой, вознес ее в небо, а солнца лучи ее опустили на землю, чтоб каждый дышащий к ней прикоснулся, как к роднику живому, и пал на колени в священной молитве...

Немало великих побед одержал с тех пор Чын-Уул, ханскую славу умножив, расширив границы владений и заметно увеличив казну.

... Однажды, после блестящей победы над самым опасным врагом табгачей, когда тысячегласый народ восхвалял мужество и доблесть Чын-Уула и мудрость хана Шыйкуу, жестом воцарив тишину, владыка сказал:

– Назови мне свое желание. В этот победный час тебе не будет отказа. Сегодня ты волен просить все, что захочешь. Проси, Чын-Уул!

Никто никогда не слышал таких речей от Шыйкуу, и все затаили дыхание, и стал слышен писк комариный и шорох легкого облака, пролетающего в поднебесье. Каждому знать хотелось, чего же захочет воин, не ведавший страха в бою?

Встал Чын-Уул в учтивом поклоне, негромко сказал:

– О мой повелитель! Волен ли я просить невозможное, не опасаясь навлечь на себя вашу немилость?

– Существует ли на этой земле невозможное, если желаю этого я? – обвел Шыйкуу зорким взглядом толпу.

– Нет!

– Нет и нет!

– Тысячу раз нет!

– Много раз по тысяче нет!

– Ты слышишь, отважный воин? – хан повернулся к нему. – Что хотят мысли твои, либо тело, либо что хочет душа – проси! Ты волен сегодня просить.

Хан был уверен, что воин желает руки его дочери – кто же не хочет наследником стать Шыйкуу? Владыки всех времен и народов... А потому он повторил, в душе своей спрятав усмешку:

– Проси!

– Ну что же... – поднял свой взгляд Чын-Уул, и после короткой заминки сказал одно слово:

– Калас!

Та тишина, что пред этим была, сейчас показалась бы громом небесным. Ни единое веко не дрогнуло, не слышалось ни полдыхания...

– Прости, я не понял... – сказал, наконец, Шыйкуу, в толпу безмолвно глядя. – Ты о чем?

– «Калас» – так древние предки мои называли свободу. – Хотелось ему объяснить, что такое свобода. Ведь это свобода от мыслей чужих, от деяний чужих, а не только свободные руки и ноги... Но понял Чын-Уул, что тогда это будут последние его слова, а потому он только лишь повторил:

– Свободы прошу, владыка!

– Как ты... – хан Шыйкуу приподнялся, но удержал себя от гнева, переспросил мягко, чтобы не потревожить Чын-Уула: – Как ты сказал – калас?

– Да, я прошу свободы.

«Ах ты, щенок! – кипела ханская душа. – Ты захотел свободы? Выходит, у тебя осталось еще время думать, выходит, мало войн проводил я... Значит, мне вас надо так зажать, чтобы ты был последним, кто это слово произнес прилюдно – СВОБОДА... Но для тебя сегодня нет отказа, ведь я пред толпой пообещал исполнить любое твоё желание. Что мне толпа, конечно, но пусть эти безмозглые бараны поют хвалу о ханском сдержанном слове, и эта песня еще не однажды послужит мне... А тебе, Шыйкуу, это будет уроком: нельзя держать при себе того, кто хочет свободы. Все должны быть рабами твоими».

Так думал хан одно лишь мгновение, потом улыбка чуть прикоснулась к его губам и он произнес:

– Я обещал. Дарую!

О, что тут началось. Взлетели в небо шапки, тебетеи, пугая стаи степных птиц, и громкий хор людской стал причиной далекого землетрясения.

– Великий наш хан! – кричал народ.

– Он щедр, как сам создатель!

– Он справедлив, наш мудрый хан!

– Владыкой вечным будь, наш хан!

– Достоин хан хвалы и песен!

Но поднял руку хан Шыйкуу, и вмиг толпа притихла, и хан сказал:

– А чтоб та свобода, что тебе я дарю, не оказалась ложной, тебя назначаю я ханом и племя «Сорок девиц» – твое!

Ликование длилось долго. И племя «Сорок девиц» с восторгом приняло Чын-Уула, и пышным почестям, казалось, не будет видно конца. Поставив юрту белую для нового хана, в нее ввели красавицу-жену, которая, как оказалось, еще девчонкой была влюблена в него... Родители ее называли Гюль-Эрке, что означает – ласковый цветок.

Может ли кто-нибудь сказать, чего еще человеку надо? Стоит в долине среди густого разнотравья юрта белая твоя, у коновязи бьет копытом твой верный скакун-тулпар, красавица-жена тебя ласкать готова день и ночь, лишь только взгляд поймает твой желанный. В ущельях близких и далеких стоят аилы твоих друзей, оберегая твой покой... Живи и радуйся, да управляй своим народом, не забывая дань покорности платить.

Но мало было Чын-Уулу. Ему хотелось, чтобы его народ свои песни распевал, чтоб знал он язык свой, чтоб люди жили по законам предков.

А чтобы это стало так, однажды он собрал вождей всех двенадцати родов со своими воинами отважными. Много раз по тысяче их было, тех, кто мог держать оружие. А чтобы этим войском управлять, решили на общем совете так поступить: главным вождем был избран мудрый Козкаман, аскербашами стали Элчур и Кулчур, а храбрецы Солто, Шыгай, Чаа, Жапак и Мендибай – начальниками тысяч стали.

Немало времени и хитрости потратил Чын-Уул, чтоб обучить все это войско в тайне от глаз могущественного хана Шыйкуу. И вот настал тот час, когда собрал Чын-Уул большой совет и так сказал он своим людям:

– День приближается, когда нам нужно подать уплатить ненасытному хану...

– Должны успеть мы в срок, – сказал несмело кто-то, – и джигитов, и красавиц должно быть ровно сорок, иначе злобный Шыйкуу все племя истребит, как обещал. А слов своих на ветер не бросает он...

– Но наберем ли сорок девушек сейчас?

– Да, если хорошо поплакать, то и у слепого выжмем на одну слезу...

– Жаль сорок девушек... Ведь племя наше не так уже и богато, к тому же надобно подумать нам, как будем продлевать свой род.

Сказал Чаа, усмехнувшись:

– Мы сами мало что сумеем...

– Послушаем, что скажет вождь мудрейший? – поклон отвесил Чын-Уул, взглянув на Козкамана.

– Я думаю, пора настала...

– Чего пора? – не выдержав, спросил Чаа.

– Пора настала не давать в обиду нашу землю и наших людей!

– Но мы так долго отдавали,- громко произнес Элчур.

– Да, отдавали! Да, привыкли! – вскинул взгляд свой Козкаман. – А почему? – И сам ответил: – Другое время было. Мы жили каждый за себя, нас волновали только пустые собственные брюха, но не печаль, не боль соседа ближнего иль дальнего... Сейчас иначе все, сейчас у нас есть Чын-Уул, и если мы упустим время, дождемся ли, когда еще родится в племени такой батыр? Не знаю...

– А что народ? Любой батыр бессилен без народа...

– Кто назовет народом тех, кто не мечтает о свободе? Народ твой там, где ты, коль ты батыр, и ты тогда батыр, когда ты там, где твой народ!

– Пусть будет так, - поднялся Чын-Уул. – Теперь послушайте меня. Решили мы бороться за свободу, но только надо помнить, что кровавой будет битва за это, и надо все предусмотреть. И если что-то вдруг со мной случится, войска сумеют повести Элчур, Кулчур, Шыгай, да и другие. Но помните всегда: Единство – главная опора, без этого сломает нас любой завоеватель.

– Я думаю, теперь пора решать, с чего начнем? – спросил Кулчур.

– Начнем с того, что мы по всей границе дозор усилим. Коней держать у юрт и под седлом, мужчинам спать ложиться, не снимая доспехи боевые, а женщинам и старикам на-чать готовить луки, стрелы, копья и кольчуги, и заодно военным играм пусть детей своих научат. Акыны, комузчи, ырчи начнут пусть воспевать все подвиги Манаса. А я клянусь, что каждой

капель крови останусь верноподданным народа своего, и если вдруг случится так, что клятву я нарушу – оденусь в женщину тогда!

– И мы клянемся!

– Оминь!

Закончился совет. В определенные места были поставлены многочисленные дозоры, и проверял их лично Чын-Уул. О-о, как мечтал он о победе! Он все учел: крутые перевалы, непроходимые болота, неукротимые потоки рек – все послужить должно защитой от врага.

В один из летних знойных вечеров собрался Чын-уул опять дозор проверить. Гюль-Эрке обняла нежно шею мужа, горячо зашептала:

– Когда вернешься? Мне очень скучно без тебя... Ты уезжаешь – я мгновения считаю, вся в ожидании горя... Поскорее приезжай, любимый...

– К рассвету жди меня. Но знай, что если враг появится неожиданно, тогда вернусь с победой я! Или не вернусь совсем...

– Да сохранил тебя Всевышний! – сказала Гюль-Эрке и вновь к любимому прижалась. – Я буду ждать тебя и заклинаю вернуться с первыми лучами солнца! Жду тебя, любимый, несравненный Чын-уул!

– Храни очаг.

– Я сохраню, не сомневайся и спокоен будь в пути далеком...

Вслед за Чын-уулом закрылся полог юрты, и ночь впитала стук копыт его коня. Объехав все айлы, везде легенды о Манасе слышал Чын-уул, и везде по-разному звучали одни и те же песни: кровавый, хитрый Шыйкуу уже успел заставить если не забыть, так начать забывать родную речь, родные сказки и легенды...

Доехав до последнего дозора, устроенного у неприступных скал, где в любой момент мог появиться вражеский отряд, Чын-

уул неторопливо спешился, размял затекшие ноги, спросил у воина негромко:

– Как здесь у вас?

– Пока спокойно все, – последовал ответ.

– А где Шыгай?

– Там, в пещере... Кумыса не хотите?

– Такой вопрос не требует ответа. Гласит предание у нас, что если отказаться от белого напитка – будь то айран, кумыс или шубат, тогда несчастья жди. Когда-нибудь об этом слышал?

– Да нет... Откуда? В аиле нашем не осталось стариков, а молодые живут сегодняшним лишь днем, лишь иногда задумываясь, что будет завтра...

– О дне сегодняшнем, тем более о будущем, конечно, надо думать, но человек тогда лишь человек, когда имеет память...

– Наверно, так... – ответил воин и снова предложил: – Шыгай просил, как вы приедете, чтоб вы зашли в пещеру обязательно к нему, кумыс прохладный приготовил он и угостить вас будет счастлив...

– Хорошо. Иду.

Войдя в пещеру, Чын-уул увидел у костра Шыгая. Заметив Чын-уула, тот учтиво встал, его приветствуя поклоном низким, подал с кумысом чашу.

– Спасибо, – улыбнулся Чын-уул, с головы снимая шлем железный.

Но только лишь поднес к губам он чашу, как удар дубинкой по затылку свалил его мгновенно. Упала чаша, и кумыс, еще недавно как манящий белизной, коснувшись пола, черным стал, как смола, и недоуменным громким стоном отозвались каменные своды.

Живые тени окружили Чын-уула, связали ноги, руки, а потом подали знак негромким свистом. В пещеру вошел неторопливо хан Шыйкуу.

– Он жив? – хан коротко спросил.

– Его мечом не сразу-то уложишь... – последовал ответ, – а если окатить водой, очухается быстро.

– Так скатите!

– Приказ был выполнен без промедления. Чын-уул открыл глаза. Недоуменно огляделся, понять пытаюсь, что произошло с ним. Хан спокойно произнес:

– Неблагодарная собака! Тебя, безродного щенка, я сделал человеком, я имя дал тебе. Пока был верным мне, ты был непобедим и мог остаться после великим ханом всей вселенной!.. Теперь ответ мне, шелудивый пес, зачем же предал ты меня?

– Я не предал, – ответил Чын-уул, – так поступил, чтоб мой народ обрел свободу!

Хан рассмеялся, и этот смех ужасный был для Чын-уула, чем предательство друзей, – такая крылась в смехе том уверенность... И как бы подтверждая правоту свою, промолвил Шыйкуу:

– Да разве есть такой народ, достойный жертвы этой? Что есть народ? Безмозглая толпа, что ждет, когда начнут повелевать ею. Шакалов грязных стая, что ждет, когда наступит миг наброситься на падаль. Подумай сам, какая им нужна свобода? Бежать бараньим стадом по указанной тропе? Или свободно горло грызть друг другу. Что ж, такой свободы ты для них добился... Шыгай!

– Я здесь, мой повелитель!

– Ответь мне прямо, ты ханом хочешь стать у племени «Сорок красавиц»?

– Для этого я и расправился вот с этим! – Шыгай кивнул на Чын-уула.

– Зачем ты ханом хочешь стать?

– Хочу свободным быть!

– Ну, хорошо, получишь ты свободу, а что потом ты с нею будешь делать?

– Когда свободным буду я, тогда свободным племя будет все мое!

– Для чего?

– Чтоб вам служить, мой повелитель. Обогатившись чтобы мудростью и силой нашей, потом весь мир завоевать! Для этого свобода мне нужна!

– Все это хорошо. А как Элчур? Ведь он тебе помехой будет в благих деяниях твоих?

– Я убью его!
– Что тебе нужно для этого?
– Сорок ваших джигитов из племени «Сорок красавиц».
– Ты получишь их. – И обратившись к Чын-Уулу, спросил:
– Все ли ты понял, щенок?

– Да, я все понял, – ответил Чын-уул, сохраняя достоинство.
– Тебе удалось подкупить этого шелудивого продажного пса, и он стал верным твоим слугой. Но народ не предатель, в народе всегда смельчаки найдутся, способные шею свернуть любому тирану...

– Назови... – усмехнулся хан Шайкуу.

– Их много! Да тот же Элчур-батыр...

– А знаешь ли ты, где сейчас твой Элчур?

– Он готовит сражение...

Засмеялся Шыгай.

– Ха! Он воюет с полуночи, да только... в постели! И не в своей... – И злобно сплюнул.

– Врешь, собака! – закричал Чын-уул, поняв, на что намекал Шыгай.

– Хорошо, он докажет... – Шыйкуу произнес, кивнув на Шыгай. – Веди!

Знакомой тропой вернулись в спящий аил: Шыйкуу во главе небольшого отряда, в который влился Шыгай с подчиненными ему воинами, оставив дозор без ненужной теперь охраны. Спешились молча, к белой юрте подкрались, ведя за собой спеленатого Чын-уула. Когда подошли совсем близко, услышали голос Элчура:

– Моя дорогая! Нет терпенья уже...

– Не спеши, мой хороший... Муж вернется не скоро, не раньше рассвета, если вернется, – громко шептала в ответ Гюль-Эрке. – Обними меня, милый, поцелуй меня крепко... Вот так... Ты любишь меня, мой сокол?

– Люблю... Я сгораю уже... Ложись...

– Обними меня крепче... О, как ты хорош! Тебя ни за что не сравнишь с этим воякой, который даже в постели готовится к бою... Тебе хорошо так?

– Да! Хотел бы я вечно быть вместе с тобою, вот так наслаждаясь...

– О, милый, еще... Ведь это так просто... Есть тысяча способов, если решиться... Когда ты захочешь, скажи мне, то я помогу, и станешь тогда ты моим господином и ханом племени «Сорок красавиц»..

– Вот шлюха... – зло скрипнул зубами Шыгай. – Но ты просчиталась с Элчуром, я буду ханом теперь!..

Будто услышав этот злой шепот, в юрте затихли, потом зашевелились опять, потом вдвоем застонали блаженно, и вскоре послышался голос Элчура:

– Теперь я пойду, наверно...

– Ну, что ты спешишь, мой милый, полежи, я еще не насытилась счастьем... Поцелуй меня... Положи вот сюда твою руку... О – о...

Заслушались воины этой минутой. Сумел Чын-уул выплюнуть кляп, и силы собрав свои, выкрикнул громко:

– Эй, потаскуха, пусти батыра, враг у порога!

Испуганный воин выскочил голым из юрты и тут же был схвачен ханскою стражей.

– Не быть тебя ханом, им буду я! – крикнул Шыгай и взмахом меча обезглавил его.

Едва лишь рассвет прикоснулся к вершинам, Шыйкуу приказал своей страже раскинуть шатер на высоком пригорке, откуда видны были все двенадцать аилов племени «Сорок красавиц».

– Смотри! – сказал Шыйкуу Чын-уулу и вниз кивнул, на долину.

То, что увидел батыр в тусклой предутренней мгле, не мог его разум принять.

Теперь он понимал хорошо Шыгая. Может ли племя какое похвастать, что в нем никогда не родится предатель подобный?

Нет.

Может ли муж какой утверждать, что всегда и во всем жена ему верной была?

Нет, не может.

Но чтобы народ...

На спящий аил Чын-уула напало войско Шыгая. А в это время его аил громили джигиты Кулчура-батыра. И вскоре все аилы смешались, войска, старики и дети, с волчьим азартом все и все вырезали, вырезали друг друга.

Жестокий хан Шыйкуу не выдержал этой картины. Он повернулся к Чын-уулу, сказал:

– Даже в стае голодных волков не видывал я такого. И ты называешь это народом? Глупец! Ты дал им свободу и вот что теперь получилось. Ты больше вреда причинил, посмотри, там нет ни одного табгача, только твои соплеменники. Они убивают друг друга и каждый надеется втайне остаться живым, чтобы назвать себя ханом. Ты глупец, Чын-уул, хоть и воин прекрасный. Знай же, пальцы одной руки сильны лишь тогда, когда их в кулак сжимает рука. Ты же хотел, чтобы тысячи разных пальцев сами собой сжались в один кулак. Но так не бывает...

– Ты прав, Шыйкуу... – прохрипел Чын-уул, не отрываясь от жуткой картины. – Нет одинаковых пальцев, ты прав, а ты отнял у них руку... Но я скажу о другом. О семиглавом драконе люди сложили легенду. Одна из голов, рассердившись на собственный хвост, как-то начала грызть его. Но на голову эту рассердились другие и стали кусать друг друга. И так продолжалось долго, пока семиглавый дракон не упал бездыханным... Племя «Сорок красавиц» – это твой хвост, и ты укусил его, хан...

– Зачем мне кусать этот хвост, если он сам себя разбивает о камни. Смотри!

Не мог смотреть Чын-уул, но смотрел.

– Дети мои! – умолял Козкаман, метаясь между родами. – Стойте! Очнитесь! Что вы творите! Пусть проклята будет память моя! Стойте! Очнитесь! Взгляните в глаза друг другу, мало вас вы же дети одних родителей!..

Но никто не слышал его, кровавое дело творя. Когда же надоело смотреть, что путается, он под ногами и только мешает, друг его сына Элчура могучий Бору насадил на копьё старика и швырнул в горящую юрту.

Никто не хотел уступать, храбрость свою проявлял и умирал с оружием в руках.

Слабые смерть находили, даже не успевая очнуться от сна в постелях своих.

Старики и старухи смерть находила, очаги охраняя свои.

Пополам колыбели рубились вместе со спящими в них младенцами.

Синее небо стало черным от гари, и плюшились трупы от новых тел.

Жаркий язык огня тянулся к комузу.

Да, был потрясен жестокий хан Шыйкуу этой картиной смерти.

Но когда он взглянул на племенного Чын-уула, то содрогнулся каждой клеткой своей, увидев, что тот грызет свой язык и с кровью его глотает.

– Скорее коня! – прохрипел побледневший хан Шыйкуу, закрывая глаза руками. – Сумашедший, он есть свой язык! Оставьте его! Кто к нему прикоснется – тот проклят на семь поколений будет!.. Коня...

Вихрем умчались джигиты, едва поспевая за ханом.

А черные тучи сгущались, и не понять уже было – день ли еще, или ночь опустилась на землю...

Когда пришел в себя Чын-уул, темнота окружала его.

С огромным трудом перетерев веревки о камень, размяв затекшие руки. К утру Чын-уул спустился в долину. Добрел до очага своего, где недавно белела юрта. Вздвогнул, увидев чудом оставшееся целым тело своей Гюль-Эрке. Огонь пощадил ее, миновал и она как будто просто уснула, стыдливо зажав на коленях полы ночного халата... Рука потянулась потрогать родинку на плече, но одернул он руку и, расправив халат, закрыл любимой лицо...

Долго еще бродил по сгоревшим аилам Чын-уул, так и не встретив ни единой живой души. Лишь проходя мимо остатков юрты мудреца Козкамана, он услышал вдруг негромкий протяжный стон. Радость блеснула в глазах Чын-уула, нагнувшись, он принялся шарить руками, пока не наткнулся на слегка обгоревший комуз.

Как ребенка прижал он его к груди, согревая хрупкую душу комуза, и сам от него согреваясь: две последние живые души племени «Сорок красавиц»...

И побрели они, эти две души живые, много племен и народов на пути встречая. Пытался поведать о скорби своей Чын-уул, жестами, взглядом к людям взывая, да только думали люди, что ненормальный какой-то...

Так проходили годы и силы.

Однажды, выйдя из гор на просторы равнины, повстречал Чын-уул странное племя. По несколько родов жили вместе. Земли было вдоволь у них, поэтому, наверно, были те люди сильны и уверенны в себе. Они и приняли Чын-уула, и накормили его, чужеземца, без страха. И в синих глазах старейшины племени прочел Чын-уул один лишь вопрос: кто ты и откуда?

Знал Чын-уул, что непонятным, что бесполезны ответы жестов и взгляда, и тогда он настроил комуз, и пальца его, и струны комуза рассказали о той величайшей скорби, что племя его поглотила навеки.

Люди слушали молча, сердцами внимая плачу. А синеокий старец после взял в руки свои кеманчы свою и рассказал Чын-уулу то, что знает и думает он.

– Нам жаль тебя, о, наш далекий соплеменник, – негромко молвил кеманчо – что участь такая постигла тебя и племя твое. Нам искренне жаль. Ты искал утешенья, не увидя, что рядом оно. Оно в нашей жизни, в жизни народа, вместе с другими народами обретшего волю свою и власть. Что ж, если ты хочешь, мы примем тебя в нашу семью большую, нам нетрудно волю и власть разделить на всех – потомков Великого Огуз хана...

– И еще, чужеземец, – продолжило кеманчо, – вложи в свою песню вот это: власть утвердить можно силой, можно коварством, и народ поработить, возможно, а можно и в сторону от дороги его увести, но это все – суета сует. Есть высший суд на земле, который всему даст имя, который расставит все по местам, – это память народа. Через века, через поколения она, эта память, всему воздаст, кто что заслужил. Так было, так есть и так будет...

– Вот с тех пор, – произнес старик-слепец, – эта мелодия сохранилась как мелодия великой скорби и светлой боли человека, сердцем принявшего ту безвозвратность потери, которая возвышает народ, даже если какое-то племя само уничтожит себя...

– Если бы ты был нем, а не слеп, я бы подумала, что ты и есть Чын-уул... – негромко сказала старуха. – Ты так повествуешь, как будто сам пережил все это... И впрямь, что там моя судьба и судьба Нуржигита, судьба двух влюбленных сердец, рядом с судьбою самого себя уничтожившего рода... И впрямь от лесного пепелища сгоревшие два мотылька, да и только...

– Не для того одиночество нам дано, Канаим, чтоб своею печалью сердце себе тревожить, – сказал старик-слепец, наощупь прислоняя комуз к стене. – Ты в лачуге своей видишь не больше меня, странствующего по земле. Я волен нанизывать на память свои новые судьбы, ты вольна в своей памяти до тех пор очищать судьбу, пока не останется песня, как та, что ты мне сыграла...

– Где ты раньше был, старик, – вздохнула старуха, – я бы давно уже знала, зачем живу на земле...

– Что с того, если бы это знала ты раньше? – улыбнулся старик, – Судьба определила тебе создать песню – память, и ты ее создала, зачем же что-то знать еще?

– Ты, наверное, прав... – пожала плечами старуха. – Просто, как-то приятнее знать...

– Скоро, должно быть, утро, – произнес старик, чуть поежась.

– Да, вот-вот начнет рассветать... Ты бы поспал немного, и телу дай отдохнуть перед новой дорогой.

– Что же, давай поспим...

Канаим пошевелила угли, пододвинула чайник к ним, чтобы утром он был горячим.

Ранним утром возле лачуги стояли Канаим, старик-слепец и мальчик поводырь.

– Спасибо за ночлег, – сказал благодарно старик.

– Пустое, – ответила Канаим, – если мальчик запомнил дорогу, приходите еще.

– Нет, – сказал старик, – одиночество разрушают единожды.

– Может, домбру возьмете? Ни к чему он мне, вроде...

– Нет, – сказал старик, – без него одиночество покинет тебя навсегда, а тогда умрет твоя песня.

– Но зачем она мне, эта песня. Если я проклята быть одинокой! – впервые за долгие годы закричала вдруг Канаим.

– Чтобы живой была память, – негромко ответил старик. – Прощай.

Навстречу заре уходили от лачуги старик-слепец и мальчик-поводырь. Уходили, не оглядываясь. А Канаим все глядела им вслед, все глядела...

КОНЕЦ ПЕРВОГО ФИЛЬМА

Вокруг закатная бескрайняя заснеженная степ. Откуда-то издалека по снегу открылись следы ниоткуда, две цепочки, чтобы затем потянуться к двум человеческим фигуркам, уходящим в белое безмолвие.

И белое безмолвие встречает их, эти две фигурки, будто всматриваясь и в старика – высокого, жилистого, суда по немигающему взгляду – слепого, и мальчика – не больше двенадцати лет ему, но и он, видимо, из-за долгого общения со старцем, преисполнен достоинства по всем своему облике.

Неожиданно мальчик заметил какой-то движения в степи, и старик тот час почувствовал его напряжение, спросил, чуть склонив голову:

– Что там?

– Хоронят кого-то, – ответил мальчик.

– Кем бы ней был усопший, пойдем, воздадим ему должное, – произнес старик, и мальчик повел его к неспешной похоронной процессии.

Белый холм, расчерченный черной цепочкой людей, составляющих похоронную процессию. Разные лица присутствовавших, но всех их делают одинаковыми черные сутаны. В которые они закутаны.

А впереди идут четверо, неся в руках нечто, завернутое в белые простыни. Эти четверо – в черных шапках – чулках, но тело у них по пояс обнаженные, и ясно видны мускулы, играющие от натуги.

– Мир вам, добрые люди! – произнес старик, когда они с мальчиком приблизились к процессии.

– Мир и вам, – ответил тоже старик, один из сопровождавших процессию.

– Чье брренное тело собираетесь предать земля? – спросил слепой старец.

– Его, самого всевышнего хороним, – последовал почти равнодушный ответ.

– Как так?

– А так! – голос отвечавшего старика стал жестким. – Он давно перестал быть самим собой. Он занялся тем, чем всегда человек занимался: он открыл свое сердце злу и коварство, ненависти и войне, воровству, наконец. Он стал баб совращать!

Он – такой же, как мы!.. А ты кто будешь? – спросил вдруг старик.

– Божий странник...

– Ха, так только тебе и плакат по своему богу!

– Можно? – робко спросил старец.

– Да ради бога! Пошли с нами. Поплачь напоследок, боже странник, а кем будешь потом – я не знаю... – старик усмехнулся.

И степная колыбель земли, и прожитие годы старика, и будущее время мальчика, и медленная похоронная процессия – все слилось в одну песню-мелодию. В плач по родине, в плач по жизни, в плач по любимой, в плач о песне своей, пусть и не сбывшейся, но живой и веселой, как утро, как новый день, как солнце, которые обязательно будут, даже после того, когда мы уйдем. И этот отрывочный, скорбный плач поднимал со склона горы невесомые снежинки, смешивая их с вечерним сумеречным небом, превращая в высокие и далекие звезды, едва заметные сквозь марчную пелену, и они вскорости падали на землю, в заснеженную траву...

И услышь человек песнь-плачь этот, то заслушался бы им, и тогда все и всех на свете: и песню свою несбывшуюся, и закат подступивший, и снег с морозом, даже измену и предательство простил бы, ибо все – ничто на этом снегу, кроме следов человеческих, ибо только память – бог человека – держит человека на земле человеком и открывает ему путь новый...

Об этом песнь-плачь старика-слепца, изваянием из времен незапамятных застывшего. И поэтому замер подле старика-слепца его мальчик-поводырь в оборванной одежде, еще не познавший на земле ни песни, ни любви, а только собственную жизнь, да и ту – лишь отчасти...

Старик-слепец, не прерывая своей песни-плача, опустился вместе с мальчиком-поводырем на снег, сложил руки на коленях.

И мальчик повторил его движения.

Сорок черных фигур неспешно окружили место захоронения, а четверо раздетых по пояс мужчин опустили нечто, завернутое в белые простыни, в яму, принялись деловито могилу комыями из смеси черной земли и белого снега. Когда же вырос черно-белый холмик, каждый из сорока мужчин прошел мимо могилы, втыкая в нее по свече. Потом к могиле подошел старик, отвечавший на вопросы старого слепца, божьего странника, протер над свечами ладони, и свечи зажглись одновременно...

А над белым безмолвием, над черно-белым холмиком, над черными мужчинами, четверо из которых раздеты по пояс были, и белой степью все звучала та песнь-плач...

И не знает никто, и никто никогда не узнает, что слышал, а что услышал мальчик: просто песнь-плач старика или вой зимнего ветра, или просто свои затаенные, зарождающиеся еще только мысли.

Разгорающееся пламя свечей начало шириться, заполняя собою весь мир.

ПЕСНЬ О ТУЛПАРЕ

Фильм второй

В 2-х сериях

... И вновь пламя обретает реальную осязаемость, но это уже не пламя свечей, это пламя горящих юрт. И песнь-плач старика-слепца становится предсмертными человеческими воплями павших от удара меча или пронзенных остро отточенным копьем.

Ноги, ноги, ноги... Босые и обутое в ичиги, ботинки, валенки, сапоги... Они движутся безостановочно, оставляя после себя вытопанные поляны цветов, расплющенные останки птиц и зверей, полуспрятанных от чересчур назойливого взгляда плотной завесой пыли и дыма.

Вдруг неизвестно откуда появился воин. Перехватив поудобнее меч, он бросился на движущуюся толпу неприятеля, принялся рубить мечом налево и направо, однако никто из толпы не обратил на него никакого внимания, словно и не заметили его, не вступили в схватку с ним, просто своей дорогой прошли, растоптав одинокого воина.

На окраине аила возле юрты Толубая-сынчи в присутствии огромного скопления воинов заканчивается совет вождей племен.

Среди наиболее уважаемых – глава самого большого рода, с непроницаемой маской на лице, словно бы совершенно ни на что не реагирующий Асыранды - султан среднего роста, худощавый человек, во внешнем виде которого угадывалось стремление к власти; глава среднего рода Сапа-Мылжын, все

время посматривающий откуда ветер дует, чтобы затем мгновенно среагировать на изменившуюся ситуацию, Жуйкур-хана – уже по манере одеваться и поведению хитрый, явно склонный к тому, чтобы свое верховодство утверждать не силой, а умом; Эрбол – предводитель воинов малого племени, открытый, честный и отважный, доказывающий свою правоту храбростью и беззаветной преданностью своим чистым идеалам; его друг Байчегир – статью и поведением похожий на Эрбола; а также непревзойденный знаток скакунов Толубай-сынчи со своей женой Ай-Жамал, чьи советы не раз выручали в трудных ситуациях самых мудрейших...

– Ну что ж, – сказал, заканчивая совет самый старший из присутствующих, Толубай-сынчи, – мы пришли к общему решению – защищаться до последней жизни, до последнего вздоха каждого из нас, но не допустить врага к нашему дому.

Лучше свободная смерть, чем невольное существование. Теперь, может быть, нам что-нибудь скажет моя старуха...

– Я скажу, – произнесла, выйдя на середину перед собравшимися, Ай-Жамал, держа на вытянутых руках меч и кольчугу. – Я скажу свое напутствие тому, кто возьмет этот древний меч и эту старую кольчугу. Я бы сама вручила эти символы великих побед наших предков, но здесь собралось столько достойных воинов, что я не знаю, на ком остановить свой выбор. Может быть, каждый из вас сам решит?

– За моей спиной самое крупное племя, – первым произнес, отводя взгляд от старой кольчуги Асыранды-султан – и оно будет надежнее любой кольчуги и вернее любого меча для меня.

– А мне придется больше заниматься организацией перекочевки женщин и детей, так что пусть и меч, и кольчуга достанутся тому, кому больше пригодятся в жестокой схватке с врагом, – скосив глаза на Асыранды-султана, произнес Сапа-Мылжын.

– А я, как всем известно, возглавляю средний род, который всегда ценился больше за умное слово, чем за силу. А вы знаете, что слово убивает быстрее меча и защищает надежнее кольчуги, – едва заметно улыбнулся Жуйкур-хан – Спасибо тебе, тетушка. – легким движением головы обозначил поклон.

Над собравшимися повисла неловкая тишина. Дар Ай-Жамал, похоже, оказывался никому не нужным, а потому на многих лицах заметна была растерянность. Но тут поднялся Эрбол.

— Я возьму кольчугу и меч, — произнес он спокойно. — Пусть мое племя не самое большое, но мои воины всегда первыми встречают врага. Спасибо тебе, Ай-Жамал эже, малого племени мать, мы не опозорим тебя.

Эрбол подошел к ней, но прежде, чем взять меч и кольчугу, припал на колено, поцеловал подол ее платья. Она вложила ему в руки доспехи, потом воздела свои ладони к небу, произнесла:

— Не смотри, сын мой, что эти доспехи изношены. Они принесли победы многим отважным воинам, и да принесут они победу тебе. Оомин!

— Оомин... — выдохнула толпа, благославляя всех на жестокую битву с врагом.

Да, народ встал на защиту своей земли, своего дома, своей чести и своего достоинства, заключенных в одном слове — свобода.

Бились с врагом джигиты. Самым яростным и долгим бой оказался там, где защищал свою землю отважный Байчегир со своей дружиной.

На него одного нападали десятки врагов, яростно размахивая острыми короткими мечами и длинными пиками, но неуязвимым был Байчегир, разя неприятеля саблей своей, и, глядя на него, снова поднимались раненые, подхватывая выпавшее из рук врага оружие, и сражались, пока не падали вновь, теперь уже бездыханные.

Беспощадным было сражение и в стане Асыранды-султана. Полыхали горящие юрты, сполохами высвечивая искаженные яростью лица сражавшихся.

Лишь только лицо Жуйкур-хана оставалось спокойным, поскольку он давно уже понял, что не совладать им с врагом, а потому не принимал он участие в битве, и властным движением руки останавливал тех из своих джигитов, кто в нетерпении

порывался оказать помощь своим соплеменникам, попавшим в трудное положение.

На вершине лесистого холма, заросшего густым кустарником, расположился Эрбол с частью своих войск. Облаченный в кольчугу, он, держась за рукоять вложенного в ножны меча, внимательно вглядывался в картину развернувшегося внизу боя. Особенно часто он останавливал свой взгляд на Байчегире, своем друге, который буквально терзал врагов.

Когда Эрбол замечал, что сражавшиеся воины от усталости едва держали в руках оружие, он отдавал короткое приказание кому-нибудь из своих помощников, и тотчас же новый отряд менял уставших и раненых, которые отходили в заросли кустарника и леса и там перевязывали раны, отдыхали, чтобы спустя некоторое время снова окунуться в стихию боя, заменяя уставших.

Шатер владыки иноземцев – Шыйкуу был расположен на другом холме, чуть пониже чем тот, на котором находился Эрбол. Владыка, окруженный военачальниками, тоже пристально всматривался в картину боя, но никаких приказаний не отдавал, поскольку видел, что преимущество было явно на его стороне. В то же время владыка не мог не отметить про себя очень грамотное руководство войсками одного из отрядов оборонявшихся.

– А эти дикари – храбрые люди, – негромко произнес владыка.

– Потому что дикари, – вступил в разговор один из военачальников. – Не будь они действительно дикарями, так уже давно сдались бы, рассчитывая на милость победителей, на нашу милость...

– Они знают, что на нашу милость им не приходится рассчитывать, – усмехнулся владыка. – Но сражаются умело. Кто бы мог подумать, что у дикарей найдутся такие

военачальники... – и он кивнул в сторону холма, с вершины которого руководил боем Эрбол.

Уже несколько раз владыка посылал к холму отряды своих воинов, чтобы смять Эрбола, но те встречали такой отпор, что сразу же скатывались вниз, теряя убитых и раненых.

– У любого народа всякое найдется, – пробормотал кто-то из свиты.

К Эрболу подскакал Байчегир. Лицо его было залито кровью, одежда разорвана. В плече торчала стрела, которую он вырвал, швырнул на землю. Перед ним поперек седла лежал тяжелораненый воин.

Соскочив с седла, Байчегир бережно снял воина и положил его на траву, за тем повернул искаженное гримасой боли лицо в сторону Эрбола.

– Что ты ждешь, Эрбол! – яростно воскликнул Байчегир. – Нас там, – он показал рукой в долину, – почти никого не осталось, а ты держишь здесь войско, которое еще даже не вступало в бой. Что ты ждешь, Эрбол! – и Байчегир сжал в ладони рукоять сабли.

– Успокойся, друг... – Эрбол подошел к Байчегиру. – Бой не закончен еще...

– Успокойся? – вскричал Байчегир. – Тогда успокой моего брата Жантемира он смертельно ранен! – И Байчегир повернул голову в сторону привезенного им воина, лежавшего на траве.

Эрбол подошел к Жантемиру, прикоснулся к его плечу. Жантемир чуть приоткрыл глаза, потом произнес едва слышно:

– Я умираю, Эрбол...

Эрбол вздохнул и, положив ладонь на темя умирающего воина, тоже негромко сказал:

– Да, ты умрешь, Жантемир. Погибнет и Байчегир, и я скоро погибну в бою. – Он встал, Эрбол, выпрямился во весь рост и, кивнув головой в сторону долины, где продолжался бой, сказал, обращаясь к Байчегиру: – Смотри, Байчегир, нет числа иноземцам, и если мы выступим сразу все, они сразу нас всех уничтожат. А нам нужно время, чтобы женщины наши и дети

успели уйти от врага. Да, мы все здесь погибнем, и мой наступит черед, но чем дольше затянется бой, тем больше возможности спастись нашему племени. Ты понял меня, Байчегир?

Эрбол подошел к своему другу, обнял его, на мгновение замер, потом сказал:

– Прощай, мой друг Байчегир, сегодня мы встретим смерть, но встретим ее в бою, а завтра меч возьмут наши дети и сокрушат врага. Ради этого разве не стоит погибнуть! Иди, Байчегир, скоро, очень скоро я буду рядом с тобой.

Эрбол выпустил из объятий Байчегира, тот молча подошел к своему коню, не без труда забрался в седло и, не оглядываясь, помчался вниз, туда, где продолжали сражаться с врагом его соплеменники.

– Джигиты! – Эрбол обратился к небольшой группе воинов, стоявших невдалеке от него. – Поддержите нашего славного батыра...

И те рванулись вниз вслед за Байчегиром.

В шатер к Шыйкуу заходят военачальники, почтительно склонив головы, сообщают о ходе продолжающегося сражения с упорными джигитами.

– Тех, кто в низине, мы одолели, владыка, – сказал один из вошедших.

– Справа победа за нами, – сказал второй.

Третий замер в низком поклоне, молчит.

– Что у тебя? – не дождавшись доклада, нетерпеливо спросил Шыйкуу.

– Там они к красным скалам прижались...

– И что?

– Помощь нужна, владыка, – не поднимая головы, ответил тот. – Эти дикари настолько отчаянно дерутся, что в этой бигве мы больше потеряем, чем приобретем в победе... Такое малое племя, а дерутся, как будто из одного убитого двою вырастают...

– А если их оставить?

– Вы мудры владыка...

Привычная похвала не отразилась на лице хана. Он перевел взгляд на еще одного вошедшего в шатер человека. Тот доложил:

– Вельможа одного из племени к вам просится, владыка...
Пустить?

Усмехнулся владыка, сказал:

– Пусть войдет.

Вошел Жуйкур-хан. С порога упав на колени, сложил молитвенно руки, произнес учтиво:

– Пусть победа вас никогда не оставит, владыка...

– Кто ты? – спросил владыка.

– Я Жуйкур-хан, вождь среднего из племен.

– Так это ты воюешь у красных скал?

– Нет, владыка, воины мои в ущелье стоят, в битве участия не принимая... А у красных скал – это Эрбол, выкормыш мой... К несчастью, ослушался он меня, хоть я предлагал сложить оружие... – слукавил Жуйкур-хан преданно глядя в глаза владыки.

– Какой же ты вождь! – засмеялся владыка. – Ты просто бездарный учитель, если воспитанник твой ослушался тебя. Ладно, чего же ты хочешь?

– Нельзя прощать зарвавшегося ученика... Помогите владыка, – попросил Жуйкур-хан – и тогда я сам доставлю сюда голову окрысившегося на всех шенка, только хлопоты удлиняющего...

– Нет, не надо, – брезгливо махнул рукой Шыйкуу, – не нужна мне его голова. Но я дам тебе войско из самых надежных воинов моих, и тогда ты должен доставить сюда живым своего ученика Эрбола, живым, ты понял меня? Или ты сам умрешь быстрее, чем твой выкормыш.

– Хорошо... – Жуйкур-хан склонился в поклоне. – Вам я живого Эрбола доставлю...

Торопливой, но долгой колонной тянулись беженцы в горы, все дальше и дальше удаляясь от боя. Несколько лошадей, несколько коров да небольшая отара овец.

Все – и люди, и животные – несли на себе что-нибудь из нехитрого скарба кочевников: кошму ли, казан, курджуны, одеяла... В общем, то, что нужно для поддержания жизни.

Подростки женщинам и старикам помогали, подгоняя коров и баранов. Но вот один из них подмигнул другому, и они отошли в сторонку. И вскоре уже объединились в небольшую стайку, и когда процессия миновала очередной перевал, углубляясь в другое ущелье, подростки – кто за камень спрятавшись, кто за выступ скалы, кто за куст – отстали...

Не сразу обратили внимание старики и старухи, что нет среди них подростков. Все так же продолжали свой путь, чутко прислушивались к происходящему вокруг, опасаясь погони.

Но вот кому-то понадобилась помощь вдруг.

– Эй, Кемел, куда ты делся, чертенок! Две овцы у тебя отстали! – крикнула одна из старух.

– Да у них одно баловство на уме... – проворчала другая. И мой запропастился куда-то...

– И моя где-то внучка пропала... – сказала третья старуха.

– Эй, бесенята, а ну давайте сюда! – во весь голос закричала первая старуха, но только эхо отозвалось в ответ ей: – да... да... да...

– Что же это? ... – забеспокоились старухи. – Куда они могли подеваться?...

– Провалились они, что ли?...

– Эй, стойте, надо найти детей! – громко крикнула тетушка Ай-Жамал, и колонна беженцев остановилась.

– В распадках, наверное, надо поискать... – предложил Толубай-сынчи.

С ним согласились, и самые энергичные старики и старухи разбрелись по ближним распадкам.

– Только недолго и далеко не ходите! – крикнул им вслед кто-то.

Неспешно брел среди валунов и кустарников Толубай-сынчи, и по его задумчивому лицу трудно было определить, чем он в данный момент озабочен. Неожиданно за одним из камней он увидел череп коня. Выбеленный тысячами дождей, снегом и солнцем, он уже почти до половины вросся в землю.

Толубай-сынчи какое-то время всматривался в конский череп, потом присел на корточки, разгреб жилистыми пальцами землю, освобождая череп, взял его в руки, присел на камень. После долгого раздумья негромко произнес, обращаясь к черепу:

– Как жаль, что время разделило нас... Неужели ты был последним Тулпаром на древней многострадальной земле? Ах, я несчастный, что так и не встретил тебя...

Он закрыл глаза, устремившись к Тулпару...

Старики и старухи вновь собрались все вместе — озабоченные и сердитые.

– Нет их нигде...

– Как сквозь землю провалились!

– И трех девчонок нет...

Сапа-Мылжын растерянно крутил головой, стараясь увидеть каждого, кто говорил, ожидая, что кто-нибудь добрую весть принесет. К нему подошла тетушка Ай-Жамал и, сверкнув глазами, произнесла:

– Где наши дети, Сапа? Ты за их судьбу отвечаешь, за будущее нашего рода! Где искать теперь? Откуда теперь быть нашему роду!

– Что ты паникуешь, тетушка Ай-Жамал... — стараясь не смотреть ей в глаза, довольно бодро произнес Сапа-Мылжын. — Разве угонишься за этими сорванцами... Да они догонят нас, куда им деваться!..

– А если что-то случилось с ними, как тогда выжить нашему роду?

– Да вон, сколько девок растет! — сделал попытку пошутить Сапа-Мылжын. — Не только род приумножим свой, но еще и калым получим хороший...

– Чтоб они род чужой продолжали, а свой предали забвению! Да как же ты можешь думать об этом?

– Не кипятись... Я так, пошутил...

– Кто же шутит в таком черном горе, Сапа... А где Толубай? — Ай-Жамал огляделась. — Эй, Толубай, где ты? Отзовись!

И снова в ответ лишь горное эхо ей отвечало:

– ись... ись... ись...

Отважно сражались воины. Но чувствуя, как начинают таять силы, увидел Эрбол, что к ним спешит на коне, размахивая саблей, Жуйкур-хан.

– Эй, джигиты, брат мой Жуйкур-хан еще жив! – воззвал Эрбол к своим соплеменникам. – Держитесь, подмога идет!

Услышав слова Эрбола о доброй той вести, даже те, кто был ранен смертельно, опять поднимались, подхватывая выпавшие из рук луки и сабли, а те, кто продолжал еще биться, тот новые силы обретал.

Джигиты Эрбола стали теснить врага, не замечая в пылу сраженья, как тают их ряды под ударами воинов Жуйкур- хана напавших по-предательски сзади...

А тут еще с высокой скалы, у подножия которой сражение шло, на неприятеля посыпался град камней, как будто небо само пришло на помощь Эрболу – это подростки вернулись, чтобы судьбу отцов разделить. Что могли они, десятка два мальчишек да три девчонки! Но камни, летевшие сверху, кого- то пугали, а кого-то, попав в лицо, сбивали с коня на землю...

Из глаз подростков слезы катились, ладони и пальцы в кровь от острых камней разрывались, но и плача от бессилия и боли, они продолжали камни швырять на врагов ненавистных.

– Ах вы, звереныши! – заскрипел Жуйкур-хан зубами. – Эй, лучники, ко мне! Снимите оттуда этих волчат! – он показал на подростков, когда несколько лучников откликнулись на приказ Жуйкур-хана.

– Уходите! – Эрбол закричал подросткам. – Стариков догоняйте, быстро!

– Что стоите? – вскипел Жуйкур-хан на своих лучников, опустивших луки свои. – Стреляйте!

– Это же наши дети... – кто-то ему возразил.

– Это стая волчат, которая всех нас погубит! – свирепо сказал Жуйкур-хан. – Стреляйте, ну!

Один из лучников натянул тетиву, но тут же лук опустил, произнес:

– Не могу...

– Собака! – Жуйкур-хан отточенной саблей обезглавил его, потом приказал остальным: – Стреляйте!

Взвизгнули тоненькие стрелы, в детские тельца вонзаясь...

Всхлипнул один подросток, схватившись за сердце, всхлипнул другой...

– Апа... – прошептала девчонка, срываясь в глубокую пропасть...

Бедные наши дети, неведом вам страх перед смертью, когда азарт справедливой мести ваши сердца захлестнет...

Увидев все это, Эрбол закричал, будто раненый зверь, и кинулся в гущу врагов, все на пути сметая. Но несколько человек повисли разом на его плечах, свалили на землю. И когда связали, только тогда к нему подошел Жуйкур-хан и, усмехнувшись, сказал:

– Глупец! Не пристало щенку огрызаться на льва!

Женщины, несколько дряхлых стариков и старух, да кучка совсем малых детей разношерстной понурой толпой медленно поднимались по узкому каменистому ущелью.

Молчаливая скорбная процессия, возглавляемая Сапа-Мылжином, уже почти достигла перевала, когда позади раздался дробный стук копыт мчавшегося коня. Вскоре всадник нагнал процессию, резко осадил коня Сапа-Мылжина, не слез, а почти упал на землю.

Это была девушка, облаченная в воинский наряд. Волосы выбились из-под шапки, упав на вспотевшее, разгоряченное от скачки лицо. Девушка посмотрела на остановившихся беженцев, выжидательно смотрящих на нее соплеменников, потом сквозь рыдания невнятно забормотала:

– Все... Конец... Байчегира убили... Эрбола захватили в плен... Перебили подростков... Жуйкур-хан предал всех... Теперь нет нашего племени. Теперь не быть ему больше...

К девушке подошла Ай-Жамал, положила ей руку на плечо, потом обратилась к притихшим людям:

– Сестры мои, соплеменницы! Что ж, видно такой час настал, когда женщина должна взять оружие в руки. Если

пришла гибель народу, то и нам незачем жить! Но помните, если мы не одолеем врага, тогда очень трудно будет возродиться нам... Бог пусть поможет нам в этом испытании... Эй, Сапа-Мылжын, ты поведешь нас в бой! – обратилась Ай-Жамал к единственному мужчине. Заметив, что тот возражать намерен, она жестом остановила его: – Ничего, если женщины рвутся в бой, то старухи присмотрят за остатками рода...

Понемногу затихала ярость боя, потому что все меньше оставалось джигитов, способных держать оружие. Лишь кое-где воины, прижавшись друг к другу спиной, отбивались от наседавших на них иноземцев. Сквозь дым пожарищ метались кони без седоков.

Неожиданно из ущелья вылетела большая группа всадников и с гиканьем обрушилась на неприятеля. Те, предвкушавшие уже скорую победу в этом долгом кровавом бою, начали отступать...

Вышедший из шатра Шыйкуу грозно посмотрел на Жуйкур-хана напряженно вглядывавшегося в долину.

– Ты говорил, что у них не осталось больше воинов...

Жуйкур-хан отступил в испуге от владыки, оглянулся на сражавшихся, еще раз всмотрелся внимательно, потом громко воскликнул:

– Да это же девки!

Словно эхом отозвались его слова над сражавшимися в долине:

– Девки... девки... девки...

Осмелев, Жуйкур-хан, усмехнувшись, посмотрел на Шыйкуу, произнес:

– А что, твои храбрецы не знают, что надо делать с девками, чтобы не сражаться с ними?

И вот уже сразу несколько иноземцев схватили одну девушку-воина, сорвали с нее одежду, повалили на землю. Другую... Третью... Кому-то из девушек удалось вырваться, и она побежала, совершенно голая, преследуемая гогочущими иноземцами. Добежав до обрыва, девушка, ни мгновения не колеблясь и не оглядываясь на преследователей, бросилась вниз, на острые камни.

Лишь из любопытства побежали преследователи к обрыву, посмотрели на лежавшее далеко внизу мертвое тело девушки, и тут же со свистом и гиканьем стали преследовать другую голую девушку, а, догнав, сбили с ног, навалились на нее... Насиливали тут же, на поле брани, не обращая внимания на окровавленные трупы, на стоны смертельно раненных, на едкий дым пожарища.

Увидев такую картину, содрогнулись воины Эрбола, те, в ком дыхание теплилось еще, кто был способен хоть на мгновение вырваться из объятий смерти, из последних сил обрушивались на врага.

Один воин, взобравшись на коня, с трудом перебросил через седло обрубок правой ноги, из которого кровь текла...

Другой навалился на насильовавшего девушку врага и зубами вцепился ему в горло...

Третий из последних сил натянул тетиву лука, и стрела вонзилась под обнаженную левую грудь девушки, оборвав ее страдания и унижения...

Шыйкуу, посмотрев на почти скрывшийся за горизонтом багровый закатный диск солнца, хлопнул в ладоши и бросил подбежавшему слуге:

– Ужин мне!

И скрылся за пологом шатра, оставив Жуйкур-хана одного в окружении стражи.

Быстро сгущались сумерки, будто очень устали от убийств и насилий, и торопились побыстрее спрятать все, накрыв темным покрывалом ночи. Все более редкие и тихие вскрики женщин и стоны смертельно раненых начал заглушать вой шакалов.

Яркое летнее утро.

Победители и побежденные.

По длинному коридору, образованному выстроившимися в два ряда мужчинами – воинами-победителями – молчаливо, не глядя по сторонам, идет Жуйкур-хан в сопровождении

Асыранды-султана и Сапа-Мылжына, а также в сопровождении нескольких джигитов, разоруженных победителями.

На вытянутых руках Жуйкур-хан несет богатый соболиный тебетей.

Дойдя до шатра, подле которого восседал владыка – властелин бескрайних степей, а теперь и гор высоких – хан Шыйкуу, остановился Жуйкур-хан, припал на колено и униженно протянул тебетей.

Тот взял тебетей в руки, помял его пальцами, как бы прицениваясь, потом произнес, усмехнувшись:

– Говорят, что по-вашему обычаю головной убор приносят победителю вместо своей головы?

Еще ниже склонился в поклоне Жуйкур-хан, подтверждая слова грозного властелина.

Тот небрежным жестом нацепил соболиный тебетей на носок своего сапога, чуть заметно улыбнулся, услышав дружное гоготание своих воинов-победителей, оглядев их внимательно – такие разные по своему облику – белые, желтые, черные лица, но такие одинаковые в своем общем торжестве-ликовании...

Когда гогот начал стихать, все так же раскачивая на ноге тебетей, Шыйкуу негромко произнес:

– Хорошо, я прощаю тебя. А ты чего хочешь? – он посмотрел на Асыранды-султана.

Тот, не поднимая головы, сделал знак своим джигитам, и двое из них на огромном серебряном блюде поднесли властелину гор и степей большую кучу золотых монет, браслетов, серег, всяких других драгоценностей и побрякушек...

Властелин запустил руку в золото, пропуская между пальцами, наслаждаясь переливчатым солнечным блеском, и вновь остался доволен, сказал:

– Хорошо, и тебя я прощаю. Ну, а ты? – он посмотрел на Сапа-Мылжына.

По знаку Сапа-Мылжына джигиты вытолкнули на площадку перед шатром властелина толпу из десятка связанных девушек, десятка разновозрастных мужчин, десятка израненных, измученных джигитов во главе со связанным

Эрболом, мужественный вид которого даже сейчас не мог не вызвать уважения у врага-победителя.

Поднялся владыка со своего трона, подошел в сопровождении своей свиты и новых вельможных слуг к Эрболу, спросил:

– Что ты умеешь делать?

– Убивать! – ответил Эрбол. – И тех, кто приходит в мой дом ненавистным врагом, а не гостем, и тех, кто нас предает! – Эрбол метнул взгляд в сторону бывших вождей племен.

Громко засмеялся владыка, сказал:

– И тебя я прощаю! Ты мне нужен затем, чтобы верой и правдой служить.

– Никогда! – вскинул голову Эрбол.

– Что, он не будет служить мне? – с улыбкой посмотрел владыка на Жуйкур-хана.

– Да куда он денется! – махнул рукой Жуйкур-хан. – Будет служить, у нас есть тысяча и один способ выбить дурь из башки самого строптивого безумца.

– Хорошо, пусть он будет нашим, – сказал владыка и подошел к старику в высоком белом колпаке, спросил у него добродушно:

– А ты кто такой?

– Я звездочет, судьбу могу предсказать...

Улыбнулся владыка вновь, повернулся к воинам своим, произнес, утверждая:

– Разве кто-то может предсказать судьбу того человека, который сам ее держит в руках?

– Нет, тысяча по тысяче раз нет! – послушно взревели воины.

– Ты нам не нужен! – махнул рукою небрежно владыка, судьбу звездочета тем предсказав.

Подойдя к девушке, с ужасом глядевшей, как обезглавливают старика, владыка спросил:

– Что ты умеешь?

Но молчала она, не отводя взгляда от казни.

Не услышав ответа, владыка сказал, повернувшись к неотступно следовавшему за ним одноухому рябому воину:

– Себе заberi, Какай! Она молчалива, как раз то, что нужно тебе, иначе, похоже, скоро все горы и степи узнают, как ты ночи проводишь!

Вновь дружный хохот потряс и горы, и небо.

Рядом стоявшая девушка-пленница, не дожидаясь вопроса, сказала владыке:

– Когда ты в битве устанешь, я дам отдохнуть твоей плоти, в утехах моих ты верх наслажденья найдешь... – и игриво плечом повела.

Засмеялся владыка, довольный... Потом подошел к мужчине. Тот ответил:

– Я – ырчи.

– Это что? – удивился владыка, повернулся к Жуйкур-хану, чтобы тот пояснил.

– В наших краях нет равных ему в игре на комузе, – сказал Жуйкур-хан. – А песни, что он слагает, потом поют дети и взрослые, и песни его навсегда остаются, и время над ними не властно.

– И про Манаса знаешь? – спросил у ырчи владыка.

– Манаса могу воспевать сорок дней и сорок ночей подряд! – гордо ответил ырчи, тем самым судьбу свою предрешив окончательно.

Свирепо сверкнули глаза у владыки и он приказал приближенным:

– Отрежьте ему язык!

Не ожидая исполнения приказа, но уверенный в том, что он будет исполнен тотчас же, владыка продолжил свой путь, пристально вглядываясь в пленных. Остановился возле старика, который в отличие от остальных не склонил головы.

– Ты кто?

– Я – сынчи!

– Ну и что? – опять удивился владыка.

– Он непревзойденный знаток скакунов, – пояснил услужливо Сапа-Мылжын. – Его зовут Толубай, он может распознать Тулпара среди жеребят и взрослых коней.

– Тулпара? Мне рассказали, что ты мог убежать, была у тебя такая возможность, но ты задержался, увидев череп сгнившей кобылы...

– То был череп Тулпара! – ответил старик Толубай. – Я корил себя, что конь тот не встретился раньше, когда был конем. Он не участвовал в скачках, иначе, уверен, о нем бы слогали легенды...

– Откуда ты знаешь? – спросил удивленный Шыйкуу. – Того коня ты ни разу не видел, а что рассказать может череп?

– Я – сынчи, – повторил Толубай. – Вот почему я проклинал свои глаза, что вовремя они не смогли увидеть Тулпара! Надежда лишь только осталась, что кровь его сохранилась в потомках. Найти бы мне только след крови великой... Но разве по силам одному человеку всех коней собрать разом... – сокрушенно покачал головой Толубай.

– Мне все по силам, – усмехнулся владыка. – Перед тобой пройдут все кони моих владений, ты выберешь среди них единственного, лишенного недостатков, настоящего Тулпара найдешь. Сумеешь – свободу тебе подарю и золота дам, а нет – помогу твое же проклятье исполнить...

– Я согласен, – сказал Толубай, – но если только исполнишь два условия моих...

– Что? – сузил глаза владыка и тут же усмехнулся дерзости пленника: – Ну-ну, чего ты хочешь?

– Среди твоих пленниц – моя жена, отпусти ее, не пристало тебе, властелину теперь и гор и степей, – старуху в плену держать...

– Она твою участь разделит... Второе?

– Пусть поиски Тулпара пройдут по нашим обычаям.

Владыка посмотрел на Жуйкур-хана.

– Это можно сделать?

– Да, владыка, ничего страшного нет...

– Что ж, старик, посмотрим, на что ты способен, – произнес владыка, направляясь к своему шатру.

Огромная черная туча затянула закатное солнце. Вскоре начал накрапывать дождь.

От края большой круглой ямы, глубиной в два человеческих роста, в сторону шатров быстро прошли владыка в

сопровождении старых и новых слуг. В яме остались пленные джигиты и бывший их предводитель Эрбол. Они сбились в кучу посередине ямы. Пообочь от них, но тоже в яме, стоял одноухий рябой охранник Какай, вооруженный одним лишь коротким мечом.

Усилился дождь. Но негде было спрятаться тем, кто находился на дне глубокой, с почти отвесными краями ямы, в том числе и охраннику.

Надоело мокнуть одноухому Какаю. Он тогда подтолкнул к откосу одного из пленных джигитов, забрался к нему на спину и вылез наверх. Отряхнувшись от грязи, он огляделся, но никого не увидел. Наклонился над ямой, погрозил кулаком, предупредил:

– Чтоб тихо мне тут!

И затрусил к шалашам и шатрам.

Оставшиеся в яме джигиты обреченно жались друг к другу, сохраняя телами тепло, а дождь все сильнее лил им на головы, обнаженные спины.

Не выдержал вдруг кто-то один, отделился от остальных, начал карабкаться вверх по отвесному склону. Все с затаенной злобой следили за ним, и когда тот, в кровь обдирая пальцы, уже готов был вот-вот уцепиться за край, один из джигитов подскочил к нему, ухватил за ноги и содрал вниз.

Завязалась драка между джигитами. От сильного удара тот, кто собирался бежать, упал на других, и кто-то ударил его...

Озверело дрались джигиты, злобу свою, обреченность свою на ближних своих вымещая. Лишь только один Эрбол, прижавшись к осклизлой стене, заклинал своих соплеменников остановиться, одуматься, прекратить бессмысленную драку, попытаться сохранить в себе человека, но никто не слышал его. Потом и он замолчал, получив сильный удар в лицо от кого-то.

И долго еще, уже в темноте, молниями лишь разрываемой, озверело рычал клубок человеческих тел. Да только увидев, никто б не назвал их людьми...

... Утро на следующий день выдалось ясным и чистым, словно умытым за ночь. Первым, еще до восхода солнца, к яме пришел одноухий Какай, для начала сверху пересчитал избитых, изуродованных пленников. Все были на месте, и

стражник облегченно вздохнул, потом спрыгнул вниз, для острастки и для порядка пнул кого-то из подвернувшихся ему под ногу джигитов, и уже после этого продолжил службу нести.

ВТОРАЯ СЕРИЯ

Небо было настолько прозрачным и ясным, что было похоже на зрачки выпавшейся красавицы. И словно бы крохотная слезинка, стекавшаяся, казалось, из этого синего неба, извивалась в великих горах небольшая речка, увеличиваясь от ущелья к ущелью и превращаясь к долине в большую могучую реку.

Здесь-то, в долине, по обеим сторонам этой могучей реки, и стояли шалаши и шатры воинов-поработителей, и победителей.

Сегодня, в это чистое утро, тут было особенно многолюдно, а конные и пешие все продолжали тянуться в эти места, загоревшись единым стремлением воочию убедиться в предстоящих необычных, удивительных испытаниях.

Посередине широкой поляны возвышался шатер властелина Шыйкуу.

Полулежа на десяти подушках, плотно набитых лебяжьим пухом, он, приподняв полог шатра, наблюдал за Толубаем-сынчи, который сидел невдалеке от него в окружении седобородых стариков, себе подобных. Девушка, у ног владыки сидевшая, гладила ему колени, и тот жмурился от удовольствия.

На зеленой лужайке перед стариками была расстелена белая кошма, через которую каждый из приехавших проводил своего коня, внимательно следя за реакцией Толубая. Но тот даже не смотрел на них, продолжая неторопливую беседу с аксакалами.

Затем воины владыки стали демонстрировать ханских коней. Каких только достоинств, хорошо видимых даже глазу простого смертного, не было у этих прекрасно откормленных и великолепно ухоженных скакунов: и стать, и гибкость, и легко угадываемая мощь... Но ни один из них так и не понравился Толубаю, беседу не прерывавшему.

Кто-то из стариков, сидящих рядом, тронул Толубая легонько за локоть:

– Эй, сынчи, вы не заснули?

Толубай знаком приказал молчать.

– Тогда бы хоть раз посмотрели, каких прекрасных коней проводят сейчас по белой кошме! – не сдавался упрямый старик. – А то ведь уже владыка начинает высказывать нетерпение и недовольство тем, что ты никак не реагируешь...

– Что может быть обманчивее глаз... – ответил ему спокойно Толубай-сынчи. – Если доверять одним только глазам, то очень легко ошибиться. А вот слух никогда не подведет человека. И настоящего Тулпара можно узнать только по голосу его копыт.

– Разве у копыт бывает голос? – удивился кто-то из рядом сидевших стариков.

– У обычных копыт, конечно же, нет, – ответил ему Толубай, – а вот у настоящего Тулпара – да!

Владыка дал знак приближенным, чтобы те вывели его самых лучших коней.

Первым был гнедой. Выделялся он и статью, и движением, поражая мощью своей и напором.

– Хороший конь? – громко спросил владыка.

– Хороший, – согласился Толубай-сынчи. – Но это конь, а не Тулпар. Да и сдается мне, что порода у него немного подпорчена каким-нибудь безмозглым ишаком, потому он и голову вздергивает так, словно гордится, что мать его кобылица согрешила когда-то... А дурная кровь и седоку хлопот доставит...

Хохот собравшихся заставил владыку проглотить обидные слова Толубая-сынчи и он приказал приближенным вывести другого коня.

Это был чернявый.

– А этот? – хмуро спросил владыка.

– И этот хорош, – сказал Толубай. – Ноги, правда, чуть коротковаты, но это бы ничего, если б чернявый не растрачивал все свои силы на то, чтобы обслужить весь табун кобылиц сразу. – Переждав, когда стихнет взрыв смеха, Толубай продолжил: – А главный его недостаток в том, что у него тонка теменная кость. Когда много солнца, чернявый бессилен на

скачках, он быстро устанет и далеко не уйдет. Используй его по ночам и в плохую погоду, когда нет солнца, владыка...

Теперь и владыка засмеялся вместе со всеми, а потом приказал привести своего любимца – Телкызыла.

Четверо могучих воинов, по двое с каждой стороны, вывели его на смотрины. Одновременный вздох изумления вырвался из толпы: мало кому из присутствующих здесь доводилось за всю жизнь увидеть подобного красавца. Длинные шелковые волосы гривы, переливаясь в солнечных лучах, струились от легкого дуновения ветерка, придавая Тулпару особую красоту.

Даже людям, которые родились на крупе коня и всю свою жизнь проводили на коне, которые кормятся целебным молоком кобылиц, которые занимаются разведением коней и уходом за ними, даже тем за их долгие годы работы и жизни не часто доводилось видеть едва ли не идеальное воплощение коня. И даже неискушенному зрителю ясно было с первого взгляда, что Телкызыл необыкновенно красив, силен, быстр и вынослив.

Тем более, что на глазах у всех собравшихся четверо воинов едва сдерживали его.

– Ну, сынчи, что ты на этот раз скажешь! – не выдержав и отпихнув сидящую у его ног девушку, крикнул владыка, выглядывая из своего шатра.

Толубай, не проронив ни слова в ответ, понял, что владыка показал самого лучшего своего коня, тем не менее он только отрицательно помотал головой, всем своим видом показывая, что и этот конь, гордость владыки, для него не Тулпар.

Владыка повернулся к стоявшему невдалеке и почтительно склонившему голову Жуйкур-хану и спросил у него злобным голосом.

– Остался ли хоть один конь в этих владениях, которого бы еще не видел твой сынчи?

– Сегодня здесь побывали все кони, владыка, – ответил ему Сапа-Мылжын.

Но в это время взмахнул рукой Толубай-сынчи, требуя тишины, а потом показал в сторону подлеска. Все взоры присутствовавших устремились туда, и увидели люди, как тощая, худая кляча-заморыш, с трудом передвигая тонкие ноги,

тяжело тащила на себе не очень большую вязанку сухого хвороста.

Неодобрительный ропот пробежал по толпе собравшихся людей.

Владыка жестом установил тишину и голосом, в котором легко угадывалась надвигающаяся гроза, приказал своим приближенным:

– Притащите его!

О, что тут было!

Толпа умирала со смеху. Один воин тянул за собой клячу за уздечку. Еще двое шли по обоим бокам животного и время от времени поддерживали коня, когда того заносило в какую-нибудь сторону. А еще трое воинов толкали клячу сзади, поторапливая ее, чтобы поскорее насладиться реакцией давным-давно выжившего из ума старого глупца Толубая-сынчи...

Толубай вскочил, пристально вглядываясь в приближающегося коня.

Едва только копыта серой клячи коснулись белой кошмы, Толубай подскочил к коню, словно позабыв про свой почтенный возраст, перехватил у воина уздечку, прерывистым от волнения голосом спросил у шедшего позади мужчины-толстяка:

– Ты хозяин этого серого?

– Ну, я... – лениво отозвался толстяк в дряхлой одежке и с глуповатым лицом, не очень-то соображая, кому что нужно в невесть зачем собравшейся здесь толпе воинов и простых людей.

Толубай повернулся к владыке, сказал:

– О, владыка! Если ты и впрямь справедлив, как говорят о тебе твои верные слуги, тогда вели выколоть глаза и отрубить обе руки этому ленивому невеже, моему соплеменнику, – он пальцем ткнул в сторону толстяка, который в то же мгновение съежился под колючим взглядом Толубая, – за то, что он издевался над бедным бессловесным животным, великого Тулпара в нем убивая!

– А что я... – заикаясь, пробормотал толстяк, на всякий случай отступая на несколько шагов от Толубая, – что я... Это

была точно такая же ободранная кляча с разбитыми в кровь копытами, когда этот конь мне достался два года назад. Он и сейчас остался точно таким же, хотя на нехватку травы пожаловаться не может... Хлебом, что ли, прикажете кормить эту дохлую клячу, которой и волки побрезгуют...

Жестом заставил владыка замолчать толстяка. Повернувшись к Толубаю, с угрозой сказал:

– Боюсь, как бы тебе самому не пришлось расстаться со своими глазами, выживший из ума старик, чтобы ты не морочил мне голову!

Он собрался было подойти к Толубаю, продолжавшему держать за уздечку коня, но, посмотрев на серую клячу, только брезгливо скривил рот и остановился на достаточном от них расстоянии, добавил:

– Ты отвлекаешься от главного своего занятия... Или просто хочешь нас подурочить? Учти, это дорого тебе обойдется несмотря на твои седины и на славу твою как о непревзойденном в этих краях сынчи... Я предупредил тебя, старик!

– Нет, владыка, я ни на мгновение не забывал, зачем сюда пришел, зачем привели меня твои слуги. И я знаю, чем грозит мне твоя немилость. Но, поверь, я очень доволен, что меня сюда привели, потому что вот он, смотри, настоящий Тулпар, конь, совершенно лишенный каких-либо недостатков!

И он обнял израненную шею Серого, принялся ласкать его за холку, приговаривая:

– Мой бедный Тулпар... Не увидь я тебя сегодня, и тебя загнали бы голодом и подневольной работой, для которой ты совершенно не приспособлен, просто не рожден для нее. И кто знает, когда еще в наших краях родится новый Тулпар, а если и родится – то сумеют ли люди разглядеть его вовремя... Но слава аллаху, я встретил тебя сегодня, я знаю теперь, что в наших краях у моего народа сохранился Тулпар, я знаю, теперь потомство твое будет дарить усладу детям наших детей и их детям...

– Эй, старик, ты что, совсем спятел! – вскинул голову владыка. – Неужели ты хочешь сравнить эту дряхлую ободранную клячу с моим Телкызылом?

— Конечно же нет, владыка! — воскликнул искренне Толубай-сынчи. — Твой Телкызыл действительно хороший конь, мало какой с ним сравниться сможет, но как же я могу сравнить его с Серым Тулпаром, если твой Телкызыл не стоит не только копыта, но даже помета не стоит его!

— Эй, Жуйкур-хан! — не выдержал владыка. — Кого ты ко мне привел? Кого ты называешь сынчи несравненным? Это обыкновенный придурок, который осмелился поиздеваться надо мной! Эй, проучите его, выколите ему глаза! Все равно они ему теперь не нужны, дурной голове без глаз только легче...

Вздрогнул, выпрямился Толубай-сынчи, оглядел вмиг притихшую толпу людей, не ожидавших такого превращения праздника в жестокое представление, затем остановил свой внимательный взгляд на свирепом владыке и произнес негромко:

— Ну что же... Как стрела, выпущенная из лука не поворачивает вспять, так и слово владыки никто отменить не сможет, даже сам владыка... Я понимаю это... — вздохнул он, затем продолжил спокойно: — У меня к тебе одна только просьба, владыка. Когда твои воины выколят мне глаза, а я знаю, они это умеют, и если после этого останусь я жив, вели отдать мне эту клячу. Пусть она будет ценой за мои глаза. Я думаю, они этого стоят, владыка, в чем ты еще убедишься...

— Отдайте ему коня!

Владыка внимательно разглядывал стоящих перед ним в шатре Асыранды-султана, Жуйкур-хана и Сапа-Мылжына. Потом сказал Жуйкур-хану:

— Я недоволен тобой. Похоже, что ты, предавший народ свой, можешь предать и меня, если появится кто-нибудь посильнее... Ладно, — он жестом остановил Жуйкур-хана, собравшегося было оправдываться. — Тебя, Асыранды-султан, я назначаю ноеном моих новых земель, тебе я доверяю больше, но... — Он хлопнул в ладони и приказал слуге: — Какая ко мне! — И когда тот вошел, почтительно склонившись в поклоне, владыка сказал, к нему обращаясь: — Я назначил ноеном этих

земель Асыранды-султана. Тебя назначаю правой рукой у него. Ты должен будешь ему помочь властвовать так же умно и так же справедливо, как это умеем делать мы.

– Ты мудр и велик, владыка, – довольная улыбка тронула рябое лицо, – я понял тебя...

– А ты, Жуйкур-хан, знай великодушие мое и оцени его, ты будешь этим двоим помогать. Устраивай скачки и той, пусть люди ваших племен знают, что я принес вам праздники и счастье, озарил новым светом вашу дикую землю. Мне ваш балаган надоел! Меня другие ждут дикари, которым тоже нужны счастье и праздники, даже если они и не ведают этого. Надеюсь, когда я с новой победой вернусь, меня здесь радушно встретят преданные мне счастливые люди. Это от вас зависит, – улыбнулся владыка.

Ночь.

Слепая черная ночь.

Даже звезд нет.

Толубай лежит на кошке, глаза его завязаны белой тряпкой. Верная жена Ай-Жамал хлопочет по хозяйству, что-то ворожит у очага, ворчит:

– И зачем надо было связываться... Владыка может дать деньги, а может отнять деньги, но только добра от него никогда не дождешься... Столько лет прожил на белом свете, а таких простых вещей до сих пор не понимаешь... Ну, что ты молчишь? Язык от стыда за глупую голову отсох, что ли?

Толубай усмехнулся, приподнялся, поправил подушку, чтобы удобнее было, сказал:

– Э-э, старуха, ты не представляешь, как нам повезло! Четыре глаза – это роскошь, когда и двумя обойтись можно... Я не умер, когда мой учитель – Толубай первый, от которого я унаследовал свое умение, оставил меня одного, безоружного, перед стаей голодных волков, точно также, как Жуйкур-хан передал своего самого достойного ученика Эрбола-батыра.

Не умер я и тогда, когда первая моя жена сама ушла к другому.

Даже тогда я не умер, когда на моих глазах хоронили самого бога, хоронили как самую последнюю шлюху, потому что тогда похоронили память, а без прошлого не бывает будущего.

Даже тогда я не умер.

Что с того, если бы владыка озолотил нас? Богатство – это грязь, которую так легко смыть водой. А слава – это пепел затухшего костра, слепящий глаза от легкого дуновения ветра...

Да, нам повезло, старуха, потому что мы сохраним нашему народу Тулпара, и разве этому цена моих глаз? Когда на небе вспыхивает звезда, в своем величии подобная Манасу, никто не бережет ее, каждый уверен, что светить она вечно будет и света ее хватит на всех, а потому никто не задумывается над тем, появится ли новая звезда и как скоро она появится.

Даже когда держишь в руках полуистлевший череп настоящего Тулпара – все равно гордостью наполняется сердце, потому что знаешь, что это – твоя земля, что на твоей земле когда-то был настоящий Тулпар, пусть и не замеченный теми, кто рядом с ним жил.

И все-таки много важнее найти живого Тулпара, а не только память о нем.

Нам повезло, старуха, мы сохраним истоки Тулпара, мы крылья теперь сохраним, на которых когда-нибудь поднимется наш народ. Пусть даже сейчас народ и не знает об этом...

Такие слова произнес Толубай, и Ай-Жамал выслушала его, ни разу не перебив. И только когда замолчал Толубай, произнесла она:

– Ты хорошо говоришь, старик, а кто говорит хорошо – от тех и уходят жены... Скажи-ка мне лучше, чем будем лошадь кормить, чтоб эта кляча не сдохла?

– Чтобы прокормить лошадь – травы нам хватает пока. Но чтобы разбудить в нашем сером Тулпара, надо найти серый степной буркун, горный типчак и черные слезы орла, а из них приготовить целебный отвар. И это сделаешь ты, старуха!

– Оставить тебя одного, слепого! – причитать готовясь, всплеснула руками жена.

– За меня не волнуйся, старуха, люди не дадут умереть мне с голоду. Иди, помоги мне.

Вдоль небольшой речки, огибающий горный склон, неспешно идет Ай-Жамал, внимательно глядя на расстилавшееся под ногами буйно-веселое разноцветье и разнотравье. Время от времени она наклонялась, срывая попавшийся горный буркун и складывая крохотные невзрачные цветы в большую холщовую сумку-курджун, переброшенную на тесьме через плечо.

Откуда-то издалека слышались удары топора, и по мере продвижения Ай-Жамал звук топора становились все громче и громче.

Ай-Жамал поднимает взгляд и вздрагивает от неожиданности: вдоль речки высится ряд совершенно голых тополей, не только ветвей лишенных, но и коры, а потому тополя те больше на столбы похожи. А вдали возле еще пока живого тополя копошится человек, обрубая ветви и сдирая с дерева кору.

Подойдя к человеку вплотную, Ай-Жамал возмущенно спросила:

– Зачем ты делаешь это?

Человек опустил топор. Это был юноша, один из пленённых воинов дружины Эрбола. Голова его была замотана черной тряпкой, а мускулистое тело по пояс обнажено.

Юноша спокойно посмотрел на Ай-Жамал и равнодушно ответил:

– Хозяин сказал, чтобы я корм заготовил. Траву я скошил, но этого мало, вот и обдираю деревья.

– Но здесь же потом ничего не будет расти! – воскликнула Ай-Жамал.

– Земля велика, а хозяин сказал, чтобы я много корма заготовил, – спокойно повторил юноша. – Иди, женщина, у меня мало времени.

– Отдай топор! – Ай-Жамал протянула руку.

Юноша крепче сжал топорище в руке, в глазах его сверкнула злоба.

– У меня мало времени, – произнес он, – иди, женщина, не мешай мне.

Он толкнул Ай-Жамал в грудь, та сделала несколько шагов назад, оступилась, упала. Поднявшись, посмотрела на юношу. Тот, не обращая на нее внимания, продолжал обдирать ствол тополя.

Она шла теперь уже по степному разнотравью, иногда наклоняясь и срывая попадавшиеся крохотные желтые цветы и складывая их все в ту же холщовую сумку-курджун. Степная тишина не отвлекала ее, наоборот, помогала сосредоточиться на своем занятии.

В один из дней она вдруг увидела табун лошадей, за которым следил табунщик.

С черной повязкой на голове, громадного роста, человек, табуном управлявший, был очень жесток, и это легко было заметить по тому, как нещадно гонял он лошадей по степи, а случись какому-нибудь из животных увязнуть в топи, как хлестал ту камчой до кровавых рубцов на гладких боках.

Но вот увяз конь под самым седоком, тот несколько раз сильно ударил его камчой, а когда и это не помогло, он ударил коня по голове рукоятью камчи со всего размаха, и животное сначала покорно рухнуло на колени, а потом и вовсе завалилось на бок, едва не прижав под собой седока, который лишь в последнее мгновение сумел вынуть ноги из стремян.

Что ты делаешь! — не выдержав, закричала Ай-Жамал, подбегая к упавшему на землю коню.

— А тебе что за дело? — отряхнувшись, спокойно посмотрел на нее человек.

— Он же возит тебя, как же можно безжалостным быть к тому, кто служит тебе?

— А что жалеть, вон их сколько, — голос человека был ровным, совершенно спокойным. — И любой повезет меня, и посчитает это за честь и за благо. — Он оставил коня лежащим и приблизился к женщине, спросил: — А ты кто такая и как ты попала сюда, во владения моего табуна?

— Я траву ищу... — тихо сказала Ай-Жамал.

– Вот и ищи в степи, здесь много чего можно найти. А я тороплюсь, мне надо сделать из этих коней настоящих тулпаров, чтобы гордиться ими смог мой хозяин великий, чтобы воины его поражений не знали в боях. А ты иди своей дорогой.

Сказав так, человек пошел к табуну. Кони судорожно задрожали, заслышав его крик, расколовший, казалось, звонкую степную тишину, и тем не менее ни один из коней и движения не сделал малейшего, чтобы убежать, чтобы спастись, будто вкопаны были животные, страхом удерживаемые на месте.

Солнце перешло на вторую сторону своего полушария. Откуда-то из-за горизонта выползла черная туча, закрыла солнце. Поднялся ветер. Закрапал дождь.

Ускорила шаг Ай-Жамал, озираясь в безбрежной степи в попытке найти хоть какое-нибудь укрытие.

Спустившись на дно пологого оврага, она вдруг, за одним из крутых поворотов, наткнулась на загон для овец, где было не менее сотни черных курдючных баранов, мясо которых ценится особо. Там же было заготовленное сено, небольшой навес, под которым висело семь не так давно освежаванных огромных волчьих шкур.

Оглядевшись и убедившись, что вокруг никого нет, Ай-Жамал не без любопытства обошла немудреное хозяйство какого-то пастуха-кочевника, в любую погоду и в любое время года остававшегося на своих выпасах.

Полуземлянку нашла она, в общем, случайно. Искусно вырытая в откосе оврага, она обросла густой травой и по бокам, и сверху, а потому была почти незаметна для постороннего взгляда. Отодвинув полог, скрывавший вход, Ай-Жамал переступила порог, постояла в ожидании, когда глаза привыкнут к сумраку, после чего неспешно огляделась.

Неприметная сверху и вообще снаружи, полуземлянка оказалась довольно просторной внутри. Посередине землянки черные угли свидетельствовали о том, что здесь часто разжигают костер. Ай-Жамал подняла взгляд и увидела

небольшое отверстие наподобие тюндкжа в юрте. В самом дальнем углу землянки на голом земляном полу валялась растеленная черная овечья шкура с полуистлевшим мехом, судя по всему служившая местом для сна. Рядом лежали прокопченный чугунный котелок для приготовления пищи, а в нем — ложка...

Ай-Жамал тяжело вздохнула, глядя на примитивное жилище скотовода-кочевника, по сравнению с которым даже бедняцкая юрта одинокой женщины могла бы показаться поистине верхом роскоши, представила тяжелое существование здесь... К тому же, все убранство землянки говорило о том, что здесь наверняка жил кто-то из ее соплеменников.

Но долго печалиться ей не пришлось. Чуткий слух уловил неторопливый топот копыт.

Ай-Жамал отступила в сторонку, ожидая появления хозяина землянки.

Вошел человек с обмотанной черной тряпкой головой. По обросшему и грязному лицу скотовода трудно было определить его возраст.

Не обращая внимания на женщину и на ее приветствие, человек прошел к овечьей шкуре, молча лег, растянувшись во весь рост на спине.

Вглядевшись в лицо человека, лежавшего с закрытыми глазами, заметив неуловимо знакомые черты, Ай-Жамал, чуть поколебавшись, спросила:

— Скажи, добрый человек, не Эрбол ли ты, батыр из малого племени?

Человек, даже не открыв глаза, не повернув головы, равнодушно произнес:

— Ну и что?

— Я — жена Толубая-сынчи, тоже из малого племени, зна-комо тебе это имя?

— Ну и что?

Ай-Жамал стало не по себе и она, словно оправдываясь, сказала:

— Меня дождь застал в пути, а здесь я ищу черные слезы орла. Они мне нужны, чтобы разбудить Тулпара для нашего

народа. Так говорит Толубай-сынчи... Когда кончится дождь, я уйду...

– Твое дело, – все так же равнодушно произнес человек. Потом он поднялся, начал разводить огонь, на него поставил кипятиться чугунный сосуд с водой.

Ай-Жамал спросила:

– Я скоро вернусь в аил, может, что передать от тебя кому-нибудь?

– Оуф... – вздохнул человек.

– А может, тебе что-нибудь нужно, назови, я скажу аильчанам, – не ущалась Ай-Жамал.

– Скоро хозяин приедет... – в ответ ей сказал человек, подкладывая хворост в огонь.

– Но хоть что-нибудь хочешь же ты? – все пыталась пробиться до его мысли Ай-Жамал.

– Я хочу серебряный пояс.

Ай-Жамал удивленно посмотрела на человека, поверх овечьей куртки которого красовался широкий серебряный пояс с большой бляхой.

– Вот такой же? – спросила она и ткнула растерянно пальцем в бляху.

– Да! – человек явно подчеркивал свое заветное желание занять еще один пояс.

– Но у тебя же есть?

– Я хочу второй.

– Зачем?

– Когда у меня будет два серебряных пояса, мне разрешат пасти две отары.

– Кто разрешит?

– Хозяин!

– И это все, что ты хочешь? – Ай-Жамал внимательно посмотрела в его немигающие глаза. И отшатнулась, заметив в них какую-то недобрую искру.

– Гы, хочу... – глаза человека заблестели, рот растянулся в улыбке.

– Ты что, сынок... – отодвинулась Ай-Жамал.

Но человек схватил ее за плечо, рывком подмял женщину под себя.

Ай-Жамал вскрикнула, сделала слабую попытку освободиться, но человек был слишком силен, чтобы эта попытка возымела хоть какое-нибудь заметное действие на него...

Ай-Жамал затихла под ним, ее широко раскрытые, остановившиеся глаза смотрели на отверстие в потолке, сквозь которое видно было серое небо. Из глаз ее стекали крупные слезы.

— Боже мой, — почти не разжимая губ, чуть слышно прошептала она. — Что с тобой они сделали...

Через некоторое время человек вышел из своей землянки и вечерний воздух разорвал его громкий животный хохот, от которого всполошились овцы в загоне, а привязанный конь всхрапнул в испуге и забил копытом.

И совершенно не обратил внимание человек, что за его спиной вышла из землянки Ай-Жамал и, не оглядываясь, медленно побрела прочь, и вскоре растворилась в густейших сумерках.

Перед землянкой под навесом жарко полыхал костер. Какай и Жуйкур-хан восседали на стопках бархатных одеял. Стопка под Асыранды-султаном была заметно выше.

Джигит, низко согнувшись, протянул Жуйкур-хану блюдо с бараньей головой и дымящейся горой мяса вокруг нее. Жуйкур-хан, приняв блюдо, подал его, тоже низко склонившись, Асыранды-султану. Это не понравилось Какаю, и Асыранды-султан быстренько переставил блюдо к нему, почтительно сказав:

— Тебе голова положена...

Какай брезгливо поморщился, презрительно посмотрел на Жуйкур-хана, взял облюбованный кусок мяса, положил себе на серебряную тарелку, достал из-за пояса небольшой острый нож и, отрезая небольшие кусочки, принялся неторопливо жевать, ни на кого не глядя.

Жуйкур-хан после некоторого замешательства тоже взял себе кусок мяса, баранью голову вернул джигиту, блюдо же с мясом оставил возле Асыранды-султана.

Сапа-Мылжын с трудом сдержал в себе ехидную ухмылку, взял себе кусок мяса.

Трапеза продолжалась в тишине, изредка нарушаемой потрескиванием костра.

Помешивая кипящий отвар, Ай-Жамал ворчливо говорит Толубаю-сынчи:

– Ив горах побывала наших Великих, и Великой степью прошла – пустой стала наша земля, не осталось, старик, пастоящих людей. А кого повстречать доводилось – будто кошмы серые...

– Я знаю, – отвечает старик, – поправляя черную повязку на своих глазах. – Когда бог умирает, земля всегда наполняется грехом.

– Для кого же тогда, скажи мне, мы Тулпара vyhаживаем? Нам-то жить немного осталось совсем, а там, куда мы уйдем, тулпар никому не нужен.

– Для них, для тех, кому неведома святость матери. При этих словах мужа вздрогнула Ай-Жамал, посмотрела на него, но Толубай-сынчи был далек мыслями от земной суеты, он продолжал:

– Тулпар их разбудит, лучше женщины разбудит. Да и для себя тоже. Надо возвращать, когда что-то берешь. Не годится, старуха, в наших годах должниками ходить, и впрямь у нас времени мало...»

– Ты хочешь Серого отдать?

– Я хочу возвернуть долги.

Предрассветное утро.

Шумно возле землянки Эрбола.

Джигиты седлали коней, навьючивали верблюдов тюками с бархатными одеялами, дорогой посудой. Воины, позевывая, наблюдали за сборами.

Какай знаком подозвал к себе Эрбола, добродушно сказал ему:

— Я доволен тобой, Эрбол. Мясо у баранов жирное, да и приплод неплохой, значит, ты хорошо за ними присматриваешь. Ну, а как обстоят дела с лошадьми, все ли целы они у тебя?

— Все целы, хозяин! — лицо Эрбола расплылось в довольной улыбке.

— А волки нападали?

— Семь волков, хозяин.

— И что?

— Вот они, мой хозяин... — и Эрбол показал на шкуры, висевшие под навесом.

— Как ты справился с ними?

— Руками, хозяин...

Эрбол был доволен, что хозяин спросил у него про волков, что он может похвастаться сейчас, и он протянул ему свои задубелые от ветра и мороза, испещренные шрамами, мозолистые руки.

— Молодец, — похвалил его Какай, и на лице Эрбола снова появилась довольная улыбка. — А как в этих краях с дичью? Ты не страдаешь без мяса?

— И зайцы есть, и сайгаки, хозяин, капканы редко пустыми бывают.

— Поведешь нас на охоту?

— Конечно, хозяин!

— Сам-то из лука стрелять не разучился еще?

— Не знаю, хозяин...

— Посмотри... Эй!

Один из воинов подбежал к Какаю, заметив его поднятую руку.

— Дай лук ему и стрелу.

Воин исполнил приказ.

— А ну... — Какай сорвал с головы Жуйкур-хана тебетей, подбросил высоко в воздух:

– Стреляй!

Мгновенно преобразился Эрбол, напрягся каждой клеткой своей, выстрелил почти не целясь, и стрела пронзила тебетей насквозь. Засмеялся Эрбол ровным бесстрастным смехом, радуясь своей удаче.

Засмеялся и хозяин, когда ему услужливо подали прострелянный тебетей и он просунул палец в дырку.

У Жуйкур-хана смех получился жалким, вымученным. Он взял протянутый Какаем тебетей, нахлобучил на голову.

Только один Сапа-Мылжын смеялся весело, от души.

Люди дали волю себе. Они метались по высоким и густым зарослям камыша в поисках добычи, и стоило появиться зайцу, лисице или куропатке, тут же первую стрелу выпускал Какай, а за ним и все остальные, после чего любая живность была буквально нашпигованной стрелами.

Но так было до тех пор только, пока по приказу Какая не дали стрелы Эрболу. За ним никому поспевать не удавалось, даже самому Какаю...

Все сильнее хмурился Какай, наблюдая, как разгорались глаза Эрбола от охотничьего азарта. Он давно уже перестал стрелять сам, лишь, сощурившись, покусывал верхнюю губу.

Неожиданно Какай остановил свой взгляд на мелькавшем в камышовых зарослях рыжем тебетее Жуйкур-хана, увлеченного охотой. Какай ткнул в его сторону пальцем, воскликнул:

– Эрбол, лиса!

Эрбол оглянулся и, почти не целясь, выстрелил. Стрела, тоненько свиснув, вонзилась под правое ухо Жуйкур-хана и тот, даже не вскрикнув, кулем свалился с коня.

Испугался Эрбол, настороженно посмотрел на хозяина, но тот похлопал его по плечу, успокаивая, потому добродушно улыбнулся, сказал:

– Ну, ничего, ничего, одним больше, одним меньше... Держи, ты заслужил... – и милостливо протянул Эрболу второй серебряный пояс – мечту покорного раба. – Скоро вла-дыка вернется, – произнес Какай, с усмешкой глядя, с каким

восторгом Эрбол цепляет на себя второй пояс, – что попросить у него для тебя?

– Гы, – утробно гоготнул Эрбол. – Женщину попроси у него для меня...

– Будет у тебя баба! – улыбнулся такому желанию Эрбола Какай.

– Гы-гы-гы... – звериный хохот Эрбола отразился в его сумасшедше-счастливых глазах. Он подпрыгнул от радости, схватил полный колчан стрел и одну из них вложил в тетиву.

Первым, зажав руками пронзенное горло, упал Какай. Следующей жертвой диких стрел Эрбола стал сам Асырандысултан. Сапа-Мылжын попытался было на четвереньках скрыться в зарослях кустарника, но стрела вонзилась ему в затылок, и он ткнулся лицом в пожухлую колючую траву, дернулся и затих.

Счастью Эрбола не было предела. Он вскочил на коня и теперь кружил на нем, уничтожая все живое вокруг: людей, животных, птиц... В страхе метались все в поисках спасения, однако безжалостные и меткие стрелы Эрбола все равно настигали их.

Вскоре одно только солнце и один только ветер подавали признаки движения. И в солнце, и в ветер пустил свои стрелы Эрбол, и стих ветер, и померкло солнце...

Настало время, когда Толубай велел своей жене Ай-Жамал выводить Серого Тулпара на свет.

Несколько любопытных, с самого начала наслышанных про всю эту историю и крутившихся возле жилья Толубая все эти дни, ахнули от удивления, когда Ай-Жамал выполнила волю мужа, потому что перед их взорами предстал совсем другой серый – с горящими, как у архара глазами, с шелковой гривой и пушистым, будто ковыль, хвостом. Спина же у Серого Тулпара такой ровной была, что на нее легко можно было бы и постель постелить с уверенностью, что она не упадет...

Да, от памятной многим серой замухрыханной клячи не осталось и следа, и будь порелигиознее люди в те времена, то

легко могли бы обвинить Толубая-сынчи в простом колдовстве, поскольку в колдовство куда легче и проще было бы поверить, нежели согласиться с тем, что из клячи-заморыша можно взрастить такого красавца-коня, великого Тулпара.

Толубай-сынчи пальцами прощупал каждую мышцу Серого Тулпара, потом повернулся к своей старухе. Лицо его выражало полнейшее удовлетворение. И он твердо, не допуская возражений, сказал:

– Седлай, старуха, в сером проснулся Тулпар, и теперь нет ему равных! Владыка возвращается с новой победой, нам надо встретить его достойно...

... На оседланном Сером Тулпаре ехали Толубай-сынчи со своей Ай-Жамал. Толубаю, конечно, пришлось ей доверить повод, а сам он пристроился сзади, держась руками за ее талию.

Они знали, Толубай-сынчи и Ай-Жамал, куда они держат свой путь, и встреча не могла не состояться. Но если Ай-Жамал знала, как начнется встреча, то Толубай-сынчи знал и чем она закончится.

Вот впереди показалась свита владыки, возвращавшегося с очередной победой после удачного похода. Много людей вышло встречать владыку, чтобы продемонстрировать ему верность свою, а так же полную свою благонадежность и преданность.

Встреча Толубая-сынчи и владыки со своей свитой случилась почти у красных скал, возле которых когда-то решилась судьба Эрбола и его отважных воинов, потерпевших там поражение.

Толубай, заслышав приближение владыки, попросил жену остановиться на достаточном расстоянии от весело смеющихся, вооруженных луками и копьями воинов. Выждав, когда смех чуть поутихнет, Толубай громко крикнул:

– Эй, владыка!

И горы усилили голос Толубая-сынчи, словно и они старались прийти на помощь старику и старухе... Услышав, что воины владыки стихли, замерли, остановив своих коней, То-

лубай повторил, но теперь уже более тихим и спокойным голосом:

– Эй, владыка!

– Я здесь, – ответил спокойно владыка, – я тебя слушаю, чего ты хочешь?

– Посмотри, владыка, узнаешь ту самую клячу, серую клячу, которую ты подарил мне взамен моих глаз? Узнаешь? Да, я сам отчасти виноват, что поверил тебе в твоём намерении, будто ты и в самом деле искал настоящего Тулпара. А тебе важнее всего вызвать восторги и льстивые похвалы. Ты занят своей властью, что тебе до настоящего Тулпара, который может стать гордостью народа, да еще поработенного тобой на-рода!

– Что за ерунду ты несешь, старик! – Из голоса владыки исчезло добродушие.

– Ты узнаешь ту клячу?

– И что? Даже сейчас мой Телкызыл выглядит куда сильнее и мощнее твоего серого коня, или как ты его там назвал, хотя, должен признаться, выходил и выкормил ты его неплохо...

– Если ты уверен, что твой Телкызыл сильнее моего Серого Тулпара, тогда попробуй догнать нас, хотя мы по-прежнему будем сидеть вдвоем со старухой на нашем коне. И если тебе удастся догнать нас, я тогда соглашусь принять любое твое наказание...

– А что тебя наказывать, – усмехнулся владыка, – ты и без моей помощи со дня на день простишься со своей жизнью, так есть ли смысл тратить на тебя мои силы и время, да и силы и время моих воинов.

– Я не знал, что ты так глуп, владыка, – серьезно, без тени издевки произнес Толубай. – Разве не знаешь ты о том, что один только бог ведаёт, кто и сколько дней проведет на земле...

– Здесь, на земле, Я твой бог!

– Не смейся людей, владыка! – засмеялся Толубай-сынчи. – Здесь, на земле, ты самый обыкновенный убийца, только облаченный властью.

Неожиданно в разговор между владыкой и Толубаем вступила Ай-Жамал:

– Конечно, у такого поганого владыки, каким являешься ты, вряд ли когда-нибудь появится желание побороться в честном

поединке. Тебе лишь бы набить свой желудок да путаться в штанах своих грязных шлюх, на утехы лишь только и способных...

– Эй, воины! – вскинулся владыка, сдерживая своего Телкызыла. – Схватите обоих и приведите ко мне, я сам отрежу их поганые языки. Какай, Асыранды-султан, Жуйкур-хан где вы, черт бы вас побрал! Почему так распустили народ, что иные несут всякий бред, позабыв о всяком почтении к владыке!

– Ха! – засмеялся Толубай-сынчи, высоко и гордо подняв голову. – Они, новые слуги твои, предавшие свой народ, как шакалы голодные перегрызли глотки друг другу, деля твои подачки, их уже не догнать тебе... Теперь попробуй-ка догнать меня и мою старуху, и тогда я позволю тебе отрезать мой хрен!

– А я кое-что у себя отрежу, – продолжала злить владыку и жена Толубая, – и пусть твои верные воины сделают из нее удобный для тебя ошейник!

И толпа встречавших, и воины владыки не удержались от смеха после этих слов Ай-Жамал, и это совершенно взбесило владыку.

А Толубай-сынчи развернул Серого Тулпара и легонько пришпорил его, чутко прислушиваясь к происходящему сзади. Воины во главе с разъяренным владыкой, подбадривая себя истощенными криками, бросились за ними вдогонку, не жалея своих коней.

Сначала все догонявшие сгрудились в одну беспорядочную кучу, но со временем наиболее горячие, азартно пришпоривая своих коней, вырвались вперед, а потому вскоре преследователи вытянулись в один длинный ряд, будто журавлиная цепочка в небе... А впереди всех, словно возглавляя необычную гонку, легко мчался Серый Тулпар, и старик со старухой сидели на нем, как в лодке, скользящей под парусом по гладкому озеру, хотя под копытами то и дело встречались неровности.

Долго ли, коротко ли продолжалась это необыкновенная погоня, главным призом в которой были даже не жизнь или

смерть Толубая-сынчи и Ай-Жамал, а нечто куда большее и важное...

Но вот настало такое время, когда один из преследователей приблизился на такое расстояние, что должен был уже вот-вот нагнать Серого Тулпара, а всадник приготовился схватить беглецов, и старик уже слышал напористый храп коня и злобное дыхание воина.

– Оглянись-ка, старуха, – попросил жену Толубай, – и скажи мне, что за масть у этого коня, который приблизился к нам почти вплотную.

– Гнедой, – оглянувшись, ответила она.

– А, так я и знал... – пробормотал Толубай-сынчи. – Ну-ка, старуха, направь нашего Серого Тулпара на неудобную каменистую тропу. Мне кажется, повадки ишака должны сказаться в гнедом...

Старуха исполнила волю Толубая, и тот оказался прав. Гнедому вскоре надоело пересчитывать копытами камни, он резко остановился, и седок перелетел кубарем через его голову, бездыханно распластался на жесткой каменистой земле.

Продолжилась скачка. Иные из отставших воинов уже повернули своих коней назад, но наиболее горячие поддались азарту, продолжали погоню. И вот еще один всадник начал приближаться к беглецам, готовясь в скором времени схватить их.

– А теперь кто нагоняет нас? – заслышав близкий стук копыт, спросил Толубай у жены.

– Чернявый, – ответила Ай-Жамал, оглянувшись.

– Ну, тогда направка нашего Серго Тулпара против солнца...

Ай-Жамал выполнила волю мужа, легким движением поводьев направила Тулпара в сторону солнца. Но все же, казалось, чернявому скакуну и его седоку-воину уже ничто не сможет помешать в самом ближайшем времени настичь Серого Тулпара...

Прошло еще несколько мгновений погони, и вдруг круп чернявого коня покрыли мелкие бисеринки пота, и вот он уже явно сбавил шаг, и даже сейчас, летом, было отчетливо видно, как из его широко раздувшихся ноздрей повалил густой пар.

И хотя всадник безжалостно бил своего коня камчой, отчаянно лупил его пятками по бокам, но все оставалось напрасным: Серый Тулпар уходил от погони все дальше и дальше, а чернявый скакун, вконец обессилив, по инерции сделал еще с десяток шагов, потом совсем остановился, несколько секунд постоял на месте, пошатываясь, а затем и вовсе рухнул на землю горячую, опаленную солнцем, подмяв под собой седока...

Прислушавшись и не ощутив близкой погони, Толубай сказал жене:

— Пока поотстала погоня, дай нашему Тулпару чуть-чуть отдышаться, направь его на равнину.

Недолго, однако, длилась передышка у Толубая-сынчи, Ай-Жамал и Серого Тулпара, и вскоре они вновь слышали топот настигающего их коня. К этому времени они мчались по ровному мягкому полю, и пыль, вырывавшаяся из-под копыт двух скакунов, вверх поднималась лишь после того только, когда всадники оказывались уже далеко впереди.

И вновь обратился Толубай к своей жене:

— А это что за скакун?

— Гульсары, — ответила она.

— Да, Гульсары и в самом деле нет цены, да вот только показалось мне тогда на смотринах, что копыта у него недостаточно крепки для настоящего Тулпара. Ну, что, проверим? Попробуй-ка, старуха, повернуть нашего Серого туда, где овраги и речки...

И сейчас, несмотря на то, что Ай-Жамал быстро исполнила волю мужа, поначалу казалось, что действия эти не дали никакого преимущества Серому Тулпару, но едва только воин владыки потянулся схватить Серого за уздечку, перед всадниками оказалась небольшая речушка, почти не заполненная водой.

Серый Тулпар прыгнул через речушку подобно элику. Сначала он взмыл стрелой вверх, затем полетел прямо и лишь

только после этого плавно опустился всеми четырьмя копытами на землю.

Гульсары почти полностью повторил маневр Серого Тулпара, но, похоже, толчок у него был чуть слабее, а потому задней ногой он чуть оступился, провалился в воду. И этого оказалось вполне достаточным для того, чтобы Серый Тулпар со своими всадниками оказались недостижимыми для преследователей.

Раздосадованный неудачей воин изо всех сил ударил рукоятью камчи по голове Гульсары, и скакун замертво рухнул под ним...

И долго еще, отшвырнув камчу, сидел на берегу речушки воин владыки, равнодушно и безучастно наблюдая, как буквально перелетел преграду Телкызыл, как перебирались через нее остальные воины-преследователи, большей частью вброд, конечно...

Неважно, сколько времени еще прошло с начала этой удивительной скачки, но когда Серый Тулпар мчался уже по бескрайним пескам пустыни, его стал настигать сам владыка на своем Телкызыле.

Серый Тулпар вел себя подобно лисице, убегающей от гончей собаки: он то ускорял свой бег, когда Телкызыл приближался, или, наоборот, слегка замедлял свой бег, когда тот отставал слишком далеко.

И все дальше и дальше они уводили за собой преследователей в безбрежные горячие пески...

– Не настала ли нам пора, старуха, наконец-то свести счеты с этим кичливым самодуром владыкой? – спокойно спросил у жены Толубай, когда окончательно убедился в том, что остальные преследователи далеко отстали, что один только владыка остался здесь.

– Что ты, с ума совсем спятил, старый! Как же ты собираешься сделать это, когда владыка мчится за нами следом с обнаженной саблей, а мы с тобой – два дряхлых калеки? – не на шутку испугалась старуха. – Хотя, конечно, ты не видишь

его лица, искаженного дикой злобой, но уж поверь мне, что самое лучшее для нас с тобой – это умчаться подальше...

– Не бойся, старуха, – уверенно произнес Толубай, – даже пусть я теперь ничего и не вижу, но я и так хорошо представляю, какой злобой искажено лицо владыки. Да только не поможет ему сегодня его острая сабля! Да, я не спорю, Телкызыл очень хороший, конечно, Тулпар, и слабостей нет у него, но все равно он никогда не настигнет нас, никогда, поверь мне, старуха... Очень уж любит он, Телкызыл, когда его хва-лят, как и его хозяин, впрочем. И очень легко его бег сбить неумеренной похвалой... Так что, попридержи нашего Серого Тулпара, старуха, я немного побеседую с Телкызылом.

Ай-Жамал, опасливо оглядываясь, слегка натянула поводья. И в то мгновение, когда расстояние между Серым Тулпаром и Телкызылом сократилось, Толубай-сынчи, полуобернувшись, заговорил с ним, подчеркивая свое восхищение:

– Бог мой, конь ли это! О нет, это истинный, несравненный тулпар! Да нет, это даже не просто тулпар, это скорее орел-шумкар, парящий стремительно в небе, соревнующийся в своей стремительности с полетом сокола! Ни земля, ни небо, сколько они существуют, еще не видывали подобного тулпара! Ах, что за бег у него, ах, как красиво развевается его грива, а стук его копыт достоин самой прекрасной песни!...

Разгорячился Телкызыл, рванулся вперед, с такой стремительностью обогнав Серого Тулпара, что владыка не успел даже саблю свою поднять... Окрыленный неумной похвалой, Телкызыл буквально стал неуправляем, и сколько ни пытался владыка усмирить его, чтобы приблизиться к Серому Тулпару, ему это никак не удавалось, что приводило его в еще большее бешенство.

А Толубай-сынчи, слыша, понимая и представляя все происходящее вокруг, продолжал нахваливать Телкызыла, не жалея для него самых хвалебных слов и восхитительных сравнений:

– Ай да молодец! Нет, вы только посмотрите на него, вы только полюбуйтесь им! Какая грация в его движениях, какая восхитительная красота, как изящны его прыжки, напоминающие полет птицы...

Толубай и Ай-Жамал на своем Сером Тулпаре давно уже стояли на одном месте, не двигаясь, а Телкызыл все носился вокруг них вместе с владыкой, танцуя и прыгая, приводя в настоящую ярость владыку, которому никак не удавалось совладать с ним.

– Нет, он и впрямь велик, этот замечательный тулпар Телкызыл, все остальные тулпары по сравнению с ним обыкновенные клячи, годные разве что воду возить и навоз! О как он прекрасен, этот тулпар Телкызыл, о как он велик в своей красоте! И небо, и горы, и степи, даже солнце само и вселенная вся должны быть ему благодарны за то, что он всех осчастливил явлением своим! О нем будут легенды слагаться, передаваясь из уст в уста другим поколениям. Неблагодарные люди! Они до сих пор все еще песни о нем не сложили. Восхваляя владыку, совсем позабыли о чудо-тулпаре, имя которому Телкызыл, а ведь без тулпара не быть бы владыке владыкой, он был бы обычным смертным, он вознесся так высоко лишь только благодаря тому, что есть у него такой тулпар!

О, что творилось с Телкызылом! Казалось, вот-вот он и впрямь взлетит, оторвется от земли, сметая на своем пути все существующие преграды, чтобы парить словно птица-шумкар...

Но если хвалебные слова Толубая возносили Телкызыла, еще больше горячили ему кровь, то слова о владыке привели того в бешенство, и он тоже потерял власть над собой. Забыв обо всем на свете, владыка ударил коня по голове своей саблей...

Рухнул Телкызыл, придавив своим телом хозяина. Когда же владыка, изрыгая проклятия, выбрался из-под него, отряхиваясь от песка, сжимая в руках окровавленное оружие, То-лубай, поняв то, что произошло, крикнул ему:

– Эй, владыка! Теперь ты убедился, что я – настоящий сынчи? Я указал тебе на единственного Тулпара, который остался у моего народа! Но ты был слеп, хотя и имел глаза, ты был слеп от своей безграничной власти, поэтому воспринял правду как оскорбление, владыка! И я счастлив, владыка, что ты не поверил мне! Пусть даже это и стоило мне моих глаз... Но это хорошая плата за то, чтобы народ мой имел Тулпара!

За свои глаза я сполна отомстил тебе, владыка. Отсюда, где сейчас ты стоишь, на самом хорошем скакуне два дня добираться до места, где можно было хотя бы глоток воды отыскать. Теперь прощай, владыка! Ты отнял у меня глаза, но, слава аллаху, я успел подарить моему народу настоящего Тулпара, и его потомство еще принесет нам славу. Прощай!

Толубай тронул за плечо Ай-Жамал, крепче ухватился за ее талию. Ай-Жамал развернула своего Серого Тулпара и они умчались в даль пространства, за собой оставив лишь облако пыли.

А разъяренный владыка долго еще рубил своей саблей песчаные барханы, вымещая бессильную злобу на зыбком бездушном песке, пока не упал, обессиленный...

Легкий, чуть заметный ветерок колеблет пламя сорока свечей, догоравших на черно-белом холмике, под которым покоился прах всевышнего. Старик-слепец, не мигая, смотрел в сторону поднимавшегося неяркого зимнего солнца. Мальчик-поводырь не отрывал взгляда от догоравших свечей, вслушиваясь в песню-причитание, в гимн памяти человеческой, сохранившей векам судьбу народа, облаченную в сказание о Тулпаре:

– Тулпар это ветер, огибающий горы и степи, Тулпар – это солнечный луч, утро дарующий людям. Тулпар – это избранный путь, который пройти предстоит. Тулпар – это верность...

Так человек, талантом отмеченный, верен своей мечте – высокой звезде. Едва появившись не свет, еще не умея ходить, садится в седло человек. И потом до последнего шага мечтает хотя бы однажды схватить за уздечку Тулпара, чтобы звезды достать рукой.

Да будет судьба благосклонна, да станет Тулпаром она и к звездам поднимает тебя, человек!

Но, оседлав Тулпара, помни всегда человек:

не зверь, не дерево, не трава – человек сотворил колыбель измены и предательства

сотворил человек, не помнящий матери своей и первого шага своего

сотворила женщина, не помнящая первой любви своей

сотворил мужчина, не познавший подвига своего

сотворил народ, позабывший корни свои

и на той земле, после той колыбели не взрасти дереву плодоносящему, а если и зацветут ветви на дереве том, то явится на тех цветов – забвения дурман

и не привели аллах оказаться человеку – хоть в чем-то хоть в самой малости своей, хоть мимолетно, хоть в движении не приметном – не приведи аллах оказаться человеку без памяти...

Так прозвучали они, та песнь и тот плач.

Посередине заснеженной бескрайней великой степи вдруг появились две цепочки человеческих следов. Они образовались ниоткуда, в этой вот земной пуповине, и потянулись, куда-то, чтобы затем прийти к двум человеческим фигуркам, которые вскоре поглотило белое безмолвие.

КОНЕЦ ФИЛЬМА

ДООРОНБЕК САДЫРБАЕВ – ЖУРНАЛИСТ

БАГЫҢ АЧЫЛСЫН, АСЕЛ!

Асел Эшимбекова маркум Имаш Эшимбеков менен Таттыбүбү Турсунбаеванын артисттик үй-бүлөсүндө төрөлгөн. Жакында Санкт-Петербургдагы мамлекеттик театр, музыка жана кинематография институтунун актердук факультетин бүтүрүп келди. Мурда кыргыз кинорежиссерлор Д.Садырбаевдин “Махабат дастаны” телефильминде – Бегимайдын, Т.Океевдин “Арзуу элестери” фильминде – Алтынбүбүнүн, М.Миңжылкиевдин “Сен кимсиң, Элли?” деген фильминде – Гүлсанананын ролдорун ойноп, М.Убукеевдин азырынча экранга чыга элек “Улуу Манасчы” көркөм-публицистикалык фильминде – Айчүрөктүн, М.Миңжылкиевдин “Мага тийишпегиле” деген фильминде – Аселдин жана азыр Кыргызстанда Италия кинематографисттери тартып жаткан көп сериялуу “Чыңгызхан” фильминде Чыңгызхандын курбусунун жубайы – Андронун эпизоддук ролунда тартылып жатат.

Иштеген жери – борбордогу өспүрүм көрүүчүлөрдүн театры.

Д.Садырбаев: Эсенсиңби, ананайын... Сен экөөбүз ырмайып-чырмайып, ыйлап-сыктап атып, Бегимайдын образын экранга чыгарганыбыздан бери 8 жылдын жүзү болуптур. Бул мезгилдин аралыгында өзүмдүн көр тирилигим менен алпурушуп жүрүп, сенин ал-ахвалыңдан түзүгүрөөк кабар алып турбаган айып менде. “Өлбөгөн адам алтын аяктан суу ичиптир” дегендей, минтип, мурдагы Ленинград, азыркы Санкт-Петербургдагы өнөргерлердин жогорку окуу жайын эң жакшы баалар менен бүтүрүп келип, келечегиңе үмүт

байлагандардын бакисин кубантып отурасың. Бирок, “чырайың бу жалганга чанда келчү асылзаттын чырайы” бойдон калганы менен мүнөзүң токтоо тартып, карегине кусалык уялап калыптыр го, кызым... Ырайымсыз тагдырың сендей жазыксыз наристени далай жолу басмырлаганынан азыноолак кабардар болсом да, мынабул ак дасторкон үстүндө отуруп, сегиз жылдан бери кай шыбаганы татып, не деген күндөргө кириптер болгонунду сурагым келип турат менин...

А.Эшимбекова: Бегимайдын ролун аткаргандан кийин 10-классты бүтүрдүм. Анан сиздин жардамыңыз менен Москвадан келген мугалимдер ВГИКтин актердук факультетине экзаменсиз өткөрүп, алып кетели дегенине көнгөнүм жок, атам ыраматылыктын: “Артист болбой, башка эле кесипти тандап алчы, каралдым”, – деген сөзүн жерге таштай албай. Анан көп кыйналбастан, Бишкектеги орус тили жана адабиятынын адистерин даярдап чыгара турган педагогикалык институтка өтүп кеттим. Сыноолордон өтүп жатканымда, ошол кезде эл оозунан түшпөй турган телефильмдеги Бегимайдын тегерегиндеги дуу-дуу кеп, апам ыраматылыктын аянычтуу тагдыры мугалимдердин муун-жүүнүн бошотуп, жүрөктөрүн жибитти көрүнөт, “иши кылып, ушу кызды кулатып салалы” деп кастарын тиккен итиркейлүү мамилени эч кимисинен сезген жокмун, кудай жалгап, студенттик турмушту өзүңүз жакшы билесиз да, мугалимдерибизден кээде мактоо, кээде тил угуп, же жулкунуп алдыга чыгып кетпей, же кыбырап элдин эн артында калып калбай, көптүн катарында окуп жүрдүм алымдын келишинче... 3-курска өткөн кезде Ленинграддын театр, музыка жана кинематография институтунан мугалимдер келишиптир, аякта окутуу үчүн таланттуу жаштардан тандап кеткени. Атама айтпастан, курбуларым менен алардын кыргыз жаштарын сыноодон өткөрүп жаткан жерине барсам, кыска маектешкенден кийин эле: “Сенин келечегин биздин институтта турбайбы. Пединститутту калтырып кетүүгө туура келет. Дагы эки-үч жылдан кийин жашың өтүшүп кетип, бизде окуганга кеч болуп калат. Бир мугалимсиз республиканын элге билим берүү иши өксүбөс, бирок, сахнанын жана экрандын бир жылдызынын өз маалында жанбай калышы – улут үчүн зор жоготуу. Ушуну жакшылап ойлонуп, ата-энең менен

акылдашып көр, Аселя”, – дешип дарбытып салышса болобу, ансыз деле араң жүргөн жанымды алоолонтуп. Атама айткандан корком...

Д.С: Эмне, Имакем ошончолук эле ачуулуу адам беле, анчалык корккудай?..

А.Э: Жө, биздин атабыз иним Канат экөөбүз үчүн ааламдагы эң мээрбан эне дагы болучу. Биз деп жүрүп өмүрү казан болбодубу кайран атамдын. Анын: “Эки жылдык эмгегинди текке кетиресиңби, кызым?”, – дедиртип, көңүлүн оорутуп аламбы деп корктум да... Бирок ичкеним ирим, жегеним желим. Күндүз көз алдыма тартылып, түн ичинде түшүмдөн кетпейт, али көзүм көрө элек Ленинграддагы театралдык институттун босогосу... Канчалык жүрөгүм алып учпасын, ой-максатымды атама айта алган жокмун. Же Ленинграддан келген мугалимдер менен өзү сүйлөшүп көргөнбү, же кимдир бирөөлөрдөн угуп алганбы, айтор, күндөрдүн биринде Канат экөөбүз кечки тамакты ичип отурсак атам: “Кызым, анан театралдык институтта бир-эки жыл окугандан кийин аны да таштап ийбейсиңби?” – деп сурап калбаспы. Мен бул суроонун каяктан чыгып жатканын териштирип отурбастан: “Жок. Өлсөм да таштабайм!” – деп жибериптирмин. Атам күлүмсүрөп карап турган калыбынан жазбастан: “Кой, антип тантираба, кызым. Мындан ары өлүмдү өөзанбай жүргүн. Ылайым, өмүрүң узун болуп, багың ачылса экен сенин. Болуптур анда, барсаң бар, окусаң оку. Биз Канат экөөбүз “бюджетти” караштырып чыгып, сени жөнөтүүнүн камын көрөлү”, – десе бөлөбү. Башка эчтеке деген жок. Ошентип театралдык институтта окуп калдым.

Д.С: Баса, Асел, он жылдыкты орус тилинде бүтүрүп, жогорку окуу жайында да өрусча окуганыңа карабай, кыргызча кыйла түзүк сүйлөп калыпсың... Кантип үйрөнүп жүрөсүң мынчалык таза сүйлөгөнгө?

А.Э: Сиз сыяктуу таза сүйлөйм деп айта албайм, байке, бирок, менин кыргыз тилимдин пайдубалын өзүңүз түптөбөдүңүз беле, “Махабат дастанында” кыргызча биле элек секелек кызды казакча сүйлөтүп, ырдатып... Андан кийин турмуш өзү эле үйрөтүп, көзүмө коргөзүп көйдү, тил билбесем,

көздөгөн максатка жетпей “бороондуу жолдо” арабөк калаарымды...

Д.С: Асел, оюнду бузуп койдум көрүнөт, таржымалынды ирээти менен айтып берчи...

А.Э: Ирээти курусун, байке... Институтту бүтүрүп, өз алдымча иштеп, сахнада ойноп, киного тартылып, турмушка чыгып, атама убайымды көргөзүп перзенттик карызымдан кутулайын деп келген илгери үмүт-тилегим таш каап, бир чөөгүн чай бере элегимде күтүлбөгөн жерден атам кете берип...

Д.С: Сабыр кыл, айланайын. Эми экөөлөп ыйласак да, эсил Имакемди таба албайбыз го... Жаткан жери жайлуу, топурагы торко болсун атаң кургурдун. Басыл садага, басыл... Эми минтип Канат экөөңөр эле өзүңөрчө тирилик кылып атасыңарбы?

А.Э: (ый аралаш). Жо, Жамиля эжем (Имаштын кийинки зайыбы, актриса Ж.Сыдыкбаева), Булана сиңдимчи... Алар болбосо, Канат экөөбүздүн көргөн күнүбүз чындап эле кыйын болуп калмак. Бир айча болду Жамиля эжемдин Булана экөө 8-кичирайондогу үйүбүзгө кеткенине... Атам барында дайыма кечки тамакты Канат үчөөбүз ашканада отуруп алып иче турганбыз. Ошо Жамиля эжем кеткен күнү тамак жасаганга алаксып жүрүп, үстөлгө үч кесе кесме коюп алыптырмын... Анан, кой-ай деген киши жок, Канат экөөбүз кучакташып алып, түн жарымына дейре улуп-уңшуп ыйладык. Таң атканча уктаганыбыз жок. Аны уккандан бери Жамиля эжем дагы күндө күн алыс келип-кетип, баш-көз болуп турат баарыбызга. Ага да кыйын болду, эки үйдүн түйшүгү толугу менен мойнуна жүктөлүп.

Д.С: Атаңдын көзү барында Жамиля эжең силерди же силер аны өгөйлөчү белеңер?

А.Э: Жашыраак кезибизде Канат экөөбүз саал өгөйлөп жүргөнүбүз чын. Бирок, Жамиля эжем өзгөчө эстүүлүгү менен бизди бооруна тартып алды. Эми минтип, атабызды алдырып ийгенден кийин, өгөйлөшө турган эч себебиз, бири-бирибизди жөлөп- таягандан башка аргабыз деле калган жок, азыркыдай каатчылык алкымдан алып турганда...

Д.С: Окуп жүргөнүндө Ленинграддагы мугалимдериндин мамилеси кандай болду сага?

А.Э: Эң сонун. Кимдир бирөө киного тартылууну сунуш кылса, токтоосуз ортого түшүп, ректораттан уруксаат алып беришээр эле. Аердегилер дегеле кыргыз аттууга өзгөчө жытуу мамиле көргөзүшө турган. Сиздин телефильмдериңиздин Борбордук телевидениеден көргөзүлүп калса, эртеси эле мени айтып издеп табышып: “Садырбаев деген агайың да бизден окуп кеткен”, – деп, чын пейилдери менен сыймыктанып сөз кылышса, мен да көтөрүлүп калчумун “Менин эң алгачкы режиссер байкем”, – деп... Сизден кийин дагы үч-төрт киши бүтүрүптүр ал институтту. Алар тууралуу деле эч жаман сөз укканым жок, аякта жүргөн төрт жылдын ичинде.

Д.С: Асел, “Махабат дастанынан” кийин дагы беш фильмге тартылыпсың, сахнада ролдор чыгарып, башка-башка режиссерлор менен иштешипсиң. Режиссерлордун жүргөн-турганында, артисттер менен иштешүү ыкмаларында кандайдыр бир өзгөчөлүктөр бар бекен?

А.Э: Бар эмегендечи. Бирок, мындай суроону сизден башка киши берсе жакшыраак болмок да, кененирээк айтып бермекмин.

Д.С: Себеп?

А.Э: Себеби, мени 9-класста окуп жүргөн кезимде бир чон фильмдин башкы ролуна чакырып, артисттик тушоомду кескен жакшылыгыңызды өзүңүзгө айткандан тартынып турам. “Махабат дастанында” өнөр дараметимди аябай ийлеп, орто артисттердин деңгээлинен өткөзүп туруп, уядан учуруп жиберген экенсиз. Аны айтпай кетсем да болбойт. Кийинки кинолордо иш жагынан көп анча кыйналганым жок. Бирок, ар башка адамдардын ар кандай мамилелелиринен далай ирээт намысым сынып, киного түшкүм келбей, өз өнөрүмдөн көңүлүм сууй баштаган учурларым да болбой койгон жок. “Кызыл Үңкүрдө” жаш-карыны, жаныңызда турган Сокин эжекемди көзүмө илбей, сиздин мойнуңузга асылып эркелеп жүргөнүмдө, режиссердун баары эле мага сизге же атама окшоп мамиле кылат экен деп ойлоптурмун. Көрсө, силердин араңарда деле “сакалы өрттөнө” турган арам ойлуулары да болот турбайбы... Андайлардын ою жерге кирсин деңизчи, бирок, эбак ааламдан өткөн апамдын ариетине көө шыбап, мени да өзүлөрүнүн деңгээлиндеги ыпылас ушак-айыңга салып берип,

жарык дүйнөгө келгенине кыжаалат кылдыра турган кесиптештериңиз бар экендиги күйбөгөн жеримди күл кылбадыбы, байке... Ырас, мени менен иштешкендин баары эле ошондой дей албаймын, бирок, андайлар бар экенине дагы ишенип кое бериңиз...

Д.С: Андайлардын ыманы күйсүн ылайым...

А.Э: Бул сөздөрүмдү угуп калышса, берки режиссерлордун кыйла жылдар бою каарына калсам дагы, азырынча мени инсандык ариетиме сизге окшоп этият мамиле кылганын кезиктире электигимди айтпай кое албаймын. Сизге ыраазымын, байке, көп жашаңыз...

Д.С: Өркүнүң өссүн сенин дагы. Эми, Асел, театрда эмне иш бүтүрүп атасың?

А.Э: Азырынча Т.Абдумомуновдун “Машырбек үйлөнөт” деген спектаклиндеги Кекелейдин ролун чыгардым, жакында А.Сарлыкбеков агай С.Жетимишевдин “Кара кийимчен сулуу” деген драмасын койгону атат. Мага кара кийимчен сулуунун ролун беремин деген убадасы бар.

Д.С: Дагы киного тартылайын деген үмүтүң барбы?

А.Э: Бар эмегендечи.

Д.С: Ошондо кандай ролдорго чакырса дейсиң?

А.Э: Тарыхый-романтикалуу ролдорго чакырса жакшы болоор эле. Бирок, азыркы тартыш заманды өзүңүз көрүп турасыз, италиялыктарга окшоп эпизоддук ролго чакырса деле баш тарта турган менде чама барбы... Анда Канат экөөбүздүн көргөн күнүбүз эмне болот.

Д.С: Канат азыр эмне иш кылып жүрөт?

А.Э: Мединститутта окуйт.

Д.С: “Буудайдын бараар жери тегирмен, кыздын бараар жери күйөө” деген сөз бар кыргызда. Анын сыңарындай, өзүңдүн турмушка чыгайын деген оюң барбы?

А.Э: Бар, байке...

Д.С: Сүйлөшкөн жигитиң да болсо керек?

А.Э: Ооба. Бирок, ал тилек качан ишке ашаарын болжолдоп айтышым да кыйын болуп турат.

Д.С: Неге?

А.Э: Канатты кантип жалгыз таштап кетем... 4-курска эми араң келди.

Өгүнү сабактан чыгып күүгүм талаш үйдү көздөй келатса, төрт зөөкүр бала аны кармап алып, абалы көк ала койдой сабап, анан кийим-кечесин, байпагын дейре тоноп туруп, маңдайкы төрт тишин ыргыта, өзүн торойто чаап, трусучан калтырып кете беришиптир...

Д.С: Алар кайсы улуттун балдары экендигин Канат байкай албаптырбы?

А.Э: “Төртөө тең эле кыргыз балдар экен”, – деди го. Оболу опузалап иттей сөгүнүшүптүр. Ошондон бери ал сабагынан саал эле кечиксе, менде жан жок, байке, “кара көзүм кашайган экен” деп. Аны үйлөнткөндөн кийин гана өз тагдырым тууралуу ойлонбосом, азыр башкача иш тутканга ылаажым жок.

Д.С: Ага көнөөр бекен жанагы сүйлөшүп жүргөн жигитиң?

А.Э: Көнбөсө, же өтө шашылса, башкага үйлөнүп ала берет да...

Д.С: Асел, антип жактырган адамындын да, өзүңдүн дагы келечегиңди иниц үчүн садага чабуунун кажети барбы?

А.Э: Бар, байке... Башынан багы ачылбаган биздин үй-бүлөнүн шыбагасы ушул окшойт. “Жаны үйлөнүшкөн маалында колтукташып келатышса, ыраматылык Имаш менен Таттыбүбү: Ромео менен Джульеттаны, Тахир менен Зухраны, Козу көрпөш менен Баян сулууну, Болот менен Акмөөрдү элестетишээр эле. Алардын караанын көргөн кайдыгер көз дагы жылый түшчү”, – дешип, ак санаган замандаштары алиге дейре айтып жүрүшөт. Бирок, жаратылыш өңдөн-түстөн, талантан өксүтпөгөн ал кургурларды “Кыдыр даарып, бак караган” эмес экен, Канат экөөбүз эс тартып калганда, үй-бүлөлүк очогу бузулуп, коломтосу биротоло өчүп тынды, кайра тутанбас болуп. Апам менен Атамдын андан кийинки көргөнүн өзүңүз жакшы билесиз... Алардын ырайымсыз тагдырынын каары эч жазыгы жок Жамиля эжемди да эпкинине учуруп, өз алкагына чулгап кетти кашайтып. Жараткандын инсан бүткөндү басмырлоосунун дагы эң акыркы чеги, бир бурулушу болуш керек да акыры... Мен эми кандай күн көрсөм да кайылмын, бирок, андай бурулуш – уялашым Канаттын тагдырына туш келишин күндөп-түндөп алла тааламан сураганым сураган.

Д.С: Асел, антип ааламдын узун-туурасына өксүк көз менен карабачы, айланайын. Жакшылыктан үмүтүңдү үзбө. “Айдын

он беши жарык, он беши караңгы”, –деген. Сенин тагдырыңа шоола чача турган жарык күндөр жакындап келатканына мен ишенип турам. Ылайым эле бөөдө коз жашын төгүлбөй, өмүрүң узун болуп, багың ачылсын, кызым..

А.Э: Айтканыңыз келсин, байке...

Дооронбек Садырбаев
Октябрь, 1992-жыл, Бишкек шаары

УДАЧИ ТЕБЕ, АСЕЛЬ!

Нет секрета в том, что режиссер, выбирая актера на роль, уже на кинопробе определяет как первый дубль будущих съемок. Так было и у меня, когда для телефильма «Песнь о любви» искал Бегимай, одну из двуединых основ великой легенды о любви, созданной всеми нами почитаемым писателем Чингизом Айтматовым в романе «И дольше века длится день».

Асель Эшимбекову, девятиклассницу СШ № 28 г. Фрунзе, я предпочел семи профессиональным актрисам, зная художественный совет студии «Киргизтелефильм» как орган, который уверен, что абсолютно неграмотных и безнадежно глупых режиссеров-постановщиков не бывает... К тому же на кинопробах Асель, кстати, дочь известных в республике актеров, не стремилась демонстрировать «мастерское перевоплощение», она оставалась сама собой. Так, Асель Эшимбекова была приглашена на роль Бегимай. Началась привычная работа, сегодня знакомая всем и каждому по многочисленным публикациям в периодической печати и выпускам «Кинопанорамы». Асель, к слову сказать, никогда раньше музыкой не занималась, а о домбре, думаю, вообще имела весьма смутное представление. Однако девочке понадобилось весьма короткое время, чтобы овладеть инструментом, и на съемках она выводила казахские мелодии не хуже профессионалов. Это свидетельствует не только о ее упорстве, но и немалых потенциальных возможностях. А теперь о том эпизоде, который у всех, кто принимал участие в съемках, уверен, останется в памяти навсегда.

...Лето в тот год на юге республики стояло невыносимо жаркое, столбик термометра на съемочной площадке почти месяц не опускался ниже сорока пяти градусов. Полтысячи людей из окрестных аилов были приглашены для финального

эпизода, когда юная Бегимай всенародно отрекается от своих песен о любви, молит вельмож двух родов пощадить великого певца Раймалы. Интерес к съемке велик, поэтому управлять полу тысячной массовой было легко: и старые, и молодые проявляли редкую понятливость и исполнительность.

Я дал команду начинать съемку. Первый дубль, второй, третий... Причин для волнений пока нет. Идет работа. К тому же память моя цепко хранит съемку кинопробы, когда Асель без репетиций была очень близка к образу Бегимай. И с того времени было проделано столько работы... Между тем дубли сменяли новые дубли. Жара не ослабевала. Финальная сцена не получалась, потому что Асель так явно старалась показать Бегимай, что хотелось или плакать, или смеяться. Уже на девятом дубле появились первые потери. Сначала вышла из строя одна из кинокамер. Затем не выдержала звукозаписывающая аппаратура. Следом начали проявлять беспокойство кони, их все труднее было удерживать в кадре. Солнечный удар свалил местного фельдшера, и двенадцатый дубль пришлось снимать без ее присмотра. Потом не выдержал я и, поблагодарив массовку, назначил съемку на следующий день. Прежней уверенности к Асель у меня, как и когда-то у худсовета, уже не было. И когда после ужина Асель подошла ко мне и виновато произнесла, что, наверное, она подводит меня, что она постарается и, может быть, завтра все получится, а сегодня она будет всю ночь репетировать, я приказал ей забыть о кино, о репетициях и пораньше лечь спать.

На следующее утро мы приступили к тринадцатому дублю. Массовка настороженно следила за приготовлениями. Внутренне уверенный, что этот дубль – репетиция, я не очень-то внимательно следил за Асель. Но когда дубль был отснят, неожиданно раздались аплодисменты. Тысяча людей дала свою оценку Асель-Бегимай. В фильм вошел именно этот дубль. А потом была съемка эпизода, когда рассвирепевшие от собственного бессилия вельможи расправляются с влюбленными. Асель Эшимбекова и Тууганбай Абдиев, то есть Бегимай и Раймалы ага, стоят у дерева, возле которого уже разложен огромный костер. От факелов вспыхивают сухие ветки, языки пламени закрывают влюбленных, и я жестом

показываю актерам, что они свободны, потому что камера ушла на панораму. Актеры стоят, смотрят друг на друга – влюбленные, которые предпочли разлуке смерть. Я закричал, срывая голос, почти в истерике. 11 секундой позже, когда Тууганбай и Асель оказались в двух-трех метрах от костра, яростное пламя двадцатиметровой змеей обвилось деревом и поглотило то место, где они только что стояли... Легко слукавить: мол, школьница, девчонка, отсюда и та самоотверженность, и те срывы. Но ведь это я заставил ее еще за неделю до съемок стать Бегимай, упустив, что вряд ли по силам современной школьнице, а не профессиональному актеру, так долго жить в образе... Так что ошибка моя, которую удалось исправить, дав возможность отоспаться, как следует...

Юности свойственно переоценивать свои силы. Роль Бегимай, сложная и многоплановая, удалась Асель Эшимбековой. И я беру на себя смелость утверждать, что впереди у нее богатая актерская судьба.

Бравировать, думаю, Асель не будет этим авансом. Только пусть трудолюбие, которое она проявила на съемках нашего фильма, сопутствует ей всегда.

Легенда остается легендой, пусть даже такая прекрасная, которую создал Чингиз Айтматов. Но когда легенда о днях минувших пропущена через сердце сегодняшнего дня – это уже есть осмысление дня завтрашнего. Юность, впрочем, есть сама начало легенды.

Удачи тебе, Асель!

«Экран», № 5, 1985 год

ДУЙШЕНБЕК БАЙТОБЕТОВ

Когда я прикидывал, кого пригласить на ту или иную роль в телефильме «Плачь волчицы», то даже в мыслях не держал актеров из областных театров, поскольку за многолетнюю работу кинорежиссером успел убедиться, что они менее дисциплинированы, менее работоспособны, не легки на подъем, как столичные актеры. А потому ориентировался на Фрунзе, Алма-Ату, Ташкент, Душанбе.

Роль Бостона с самого начала была «зарезервирована» за лучшим, на мой взгляд, киргизским актером Советбеком Джумадыловым. А вот на роль Базарбая ни один из восьми приглашенных актеров не подходил. Несолько раз мой главный помощник – второй режиссер Толеген Сыдыков предлагал попробовать актера Ошского драмтеатра Дуйшенбека Байтобетова, но я эти предложения довольно-таки жестко отсекал. К чести Сыдыкова и к нашему счастью, тот проявил не только настойчивость, но и самостоятельность: вызвал Дуйшенбека из Оша, ничего мне не сказав. Узнав об этом, я сказал, сам пригласил, сам и снимай... А когда увидел киноматериал на экране, то увидел того Базарбая, которого себе представлял. Два дня мы общались с Байтобетовым, и я открыл для себя не только высокопрофессионального актера, но и человека добропорядочного, обеспокоенного судьбой и киргизского театра и кино, и всей нашей нации.

В общем, Дуйшенбек Байтобетов был утвержден на роль Базарбая. А чтобы он лучше вписывался в наш съемочный ансамбль, я попросил скинуть пять-шесть килограммов лишнего веса. Когда же приехали в Алайскую долину, где снималась картина, то Байтобетов показался мне уже чересчур худым.... Оказалось, что за двенадцать дней он скинул двенадцать килограммов! По-моему, такая самоотверженность

не может не импонировать любому режиссеру. Приодели мы Дуйшенбека во все новенькое, решили дать несколько дней пообносить костюм, чтобы не выглядел как манекен. Узнав, что съемки начнутся через неделю, Дуйшенбек отпросился на три-четыре дня съездить на пастбище к чабанам. А когда вернулся, мы едва узнали его: Байтобетов не только поменял новенький костюм на поношенную, но и на удобную чабанскую одежду, он и разговаривать стал иначе. И словечки привнес такие, которых ни у Айтматова нет, ни в моем сценарии: «море», «ничего ни подобного», «курица не птица, баба не человек», «мы тоже не ногами сморкаемся», которые после фильма стали такими популярными как среди русскоязычных, так и киргизских зрителей.

Так началось мое творческое сотрудничество с этим по настоящему талантливым актером. Не хочу вдаваться в киноведческие рассуждения о профессиональном мастерстве Дуйшенбека Байтобетова, думаю, что критики и эти исследователи не раз и не два обратятся к его творчеству. Скажу лишь, что за эти три проведенных в Алайском долине месяца не только вся наша съемочная группа, но и жители этого района полюбили нашего замечательного актера за высочайшую культуру общения, за самоотверженную работу, за мужество...

Да, и за мужество, ведь Дуйшенбек категорически отказался уступить свое место в седле дублеру в эпизоде, когда за всадником гнались не овчарки, а самые настоящие волки... Пользуясь случаем, я хотел бы повиниться перед Д.Байтобетовым. Его потенциальные возможности оказались настолько велики, что мне каждый раз, в каждом эпизоде приходилось «опускать планку» пониже, чтобы он не слишком отрывался от остального актерского ансамбля...

Я бесконечно рад, что у моего народа появился еще один актер экстра-класса, способный на съемочной площадке раскрыть любой кинообраз. И я бесконечно благодарен моей киргизской земле за то, что она щедра на таланты!

«Экран», №8, 1990 год

ГУЛЬСАРА АЖИБЕКОВА

Рассказывать об актрисе Гультаре Алибековой, заслуженной артистке Киргизской ССР, весьма и весьма непросто. Непросто тем, кто видел и видит ее на экране или на сцене Киргизского Государственного ордена Трудового Красного Знамени академического драматического театра, непросто и режиссеру театральному или кинематографическому. На мой взгляд, взгляд профессионального кинорежиссера, тому есть две основные причины.

Во-первых, уже само перечисление ролей сыгранных Гультарой Ажибековой на сцене и в кино, займет много больше места, которое может отвести журнальная страница. Во-вторых, она абсолютно неоднозначна. Я расскажу только один эпизод моей работы с Гультарой Ажибековой. Было это в начале восьмидесятых годов. Тогда я, как собственно, и сейчас, работал на студии «Киргизтелефильм» и приступил к съемкам полнометражного художественного телефильма «Сколько лет живет тополь...». Самым сложным, естественно, оказалось подобрать на главные роли мальчишек, трех друзей-сорванцов – Шера, Андрея и Мурата, живущих в одном из окраинных городков. Роль матери главного героя – Шера у меня не вызвала ни малейших сомнений. Ею могла быть только Гультара Ажибекова, поскольку так уж сложилась ее «экранная тишь», что играет она образы женщин, судьба которых, как говорится, не сложилась. Достаточно вспомнить такие фильмы, как «Красное яблоко» Толомуша Океева, «Волны умирают на берегу» Тынчылыка Разакова, да и одну из последних работ студии «Киргизфильм» картину Геннадия Базарова «Приют для совершеннолетних»...

С теми задачами, которые были поставлены перед актрисой в «Тополе...» Гульсара, на мой взгляд, справилась очень хорошо. Но мне хочется отметить другое. Съемки «Тополя...» проходили осенью в поселке Токтогул Таласской области. Мальчишки-семиклассники, довольно-таки надолго оторванные от школы и дома, поначалу чувствовали себя не очень уверенно. Жили мы в гостинице, и вот я заметил, что ребята почти не выходили из номера, в котором жила Гульсара. И я понял, что она заменила им не только дом...

Гульсара Ажибекова – актриса новой формации, у нее талант помножен на фундаментальное образование, что позволяет говорить о высочайшем профессионализме. Она – гибкая, всесторонне развитая актриса, с ней нет необходимости в долгих репетициях, любую роль она углубляет своим личностным отображением действительности.

И все же главное ее качество – доброта. Возможно, это одно из маленьких моих режиссерских открытий, но после совместной работы с Гульсарой Ажибековой я утвердился во мнении, что актер, какую бы роль ему не играть должен быть внутренне добрым. Как само искусство.

«Экран», № 4, 1984 год

ТУРСУН ТЕМИРКУЛОВ

Турсун Темиркулов не относится к профессиональным актерам. Его основная специальность вот уже на протяжении более двух десятков лет звукорежиссер Киргизского радио и телевидения, причем и деталь эта, думаю, весьма характерна. Все эти годы он является одним из ведущих профессионалов в этой довольно сложной области.

Мое режиссерское знакомство с актером Турсуном Темиркуловым началось, как это нередко бывает в нашей «киношной» жизни, не совсем обычно. В 1966 году он снялся в фильме режиссера Г. Ковалева «У каждого своя дорога» по сценарию Б.Сагымбекова. (Кстати, в том фильме главную роль исполнила Динара Асанова, наш знаменитый впоследствии режиссер, так рано ушедшая из жизни...). Для Турсуна этот фильм был дебютом, и, судя по всему на съемках он выплеснулся с той радостью веры в сказку, которая живет почти в каждом из тех, кто не знаком с так сказать закадровой системой создания фильма. Ну а потом началась трудная черновая работа: пришло время озвучения, и надо было кадр за кадром просматривать десятки раз, чтобы заново переживать то, что когда-то пережил перед кинокамерой, и произнести звук в звук, интонацию в интонацию то, что ты когда-то произнес. В общем, дебютант этой черной и может быть, самой трудной работы не выдержал: не сумел совладеть ни со своим голосом, ни с эмоциями, и режиссер Геннадий Ковалев с которым мы были очень дружны, призвал меня на помощь. Так в самом первом фильме Турсун Темиркулов «говорил» не своим, а моим голосом. Но как раз не это оказалось главным. Главное заключалось в другом: Турсун Темиркулов запомнился мне как неплохой актер, что называется, отложился в памяти.

И вот в 1973 году я приступаю к съемкам короткометражного художественного телефильма «Кнопка». Сколько я тогда перепробовал актеров на главную мужскую роль, сейчас уже не вспомнить. В отчаянии решил обратиться за помощью к кинематографистам братских среднеазиатских республик. А с Турсуном, надо сказать, в это время мы встречались по служебным делам едва не ежедневно. Но почему-то только, когда, как говорится, я перебрал абсолютно все внутренние резервы, только тогда, случайно встретив в коридоре, я обратил внимание на Темиркулова. Меня словно озарило: да вот же он, главный герой моей «Кнопки», большой, прекрасно атлетически сложенный, неизменно улыбчивый и, одновременно, с затаенной грустинкой в глазах. Но главное – во всем его облике, в манерах была видна не наигранная, а совершенно искренняя чистота только такой взрослый и мог быть достойным детской искренности, непосредственности.

Фильм получился. Сейчас, через пятнадцать лет, могу об этом говорить с уверенностью хотя бы потому, что он демонстрировался почти в сорока странах мира. И одной из основных слагаемых успеха явилась по настоящему блестящая актерская игра Турсуна Темиркулова (кстати, вот еще почему я говорю что его, как актера, знают не только в стране, но и за рубежом). После «Кнопки» я уже никогда не забывал, что у нас в республике есть такой самобытный и своеобразный актер, как Турсун Темиркулов. Впрочем, как вскоре выяснилось, не я один не забывал об этом. Едва только «Кнопка» была завершена и показана, а Турсун Темиркулов уже получил приглашение сниматься в одной из главных ролей в фильме режиссера Усенжана Ибрагимова «Поле Айсулу». Затем почти сразу же Ибрагимов взял Темиркулова и на следующий СВОЙ фильм «Дорога в Кара-Кийик». Приглашения на фильмы посыпались на Турсуна Темиркулова, что называется, как из рога изобилия. Известнейший киргизский режиссер Толомуш Океев предложил сняться в эпизодической роли и своем фильме «Улан». Шамшиев и Суюндуков отвели ему одну из главных ролей в фильме «Среди людей». Джали Сооданбек снял Турсуна Темиркулова в своем фильме «Процесс» в главной роли – роли преступника. Пожалуй, эту актерскую работу

Темиркулова стоит выделить особо. Ведь если раньше ему предлагались роли, в которых он играл как бы самого себя, то в «Процессе» ему предстояло перевоплотиться в абсолютно не свойственного его характеру человека. Турсун, как и большинство физически мощных людей, по своей природе удивительно мягкий, добродушный человек. Здесь же ему предстояло создать экранное воплощение человека «черной души»... На мой взгляд, Турсун Темиркулов удачно справился с этой нелегкой задачей, что свидетельствует о его подлинно актерских способностях.

Естественно, что Турсун продолжал сниматься и в моих фильмах. Хорош он был и в «Армане» по рассказу Чингиза Айтматова «Свидание с сыном», и в телефильме «Сколько лет живет тополь», и в телефильме «Песнь о любви» по легенде из романа Айтматова «И дольше века длится день» Что меня, режиссера, больше всего привлекает в Турсуне Темиркулове? Пожалуй, его не избалованность профессиональными манерами. Для него актерство – не работа, для него это – любовь. Искренняя и нежная любовь. Потому с ним работать – это всегда удовольствие. А то, что и я, и другие режиссеры будут работать вместе с ним еще не один раз, в этом у меня нет ни малейшего сомнения.

«Экран», № 3, 1987 год

КАЙДЫГЕРЛИК КЫЛЫП ЖҮРҮП, СУЛТАНОВДУ ДАГЫ СЫНДЫРЫП ТЫНГАНБЫЗ...

Абдразак Кадырматович Султанов менен үч жыл бою бир мектепте окудум. Ал кезде биздин райондо жападан жалгыз орто мектеп боло турган. Төрт кыргыз, бир орус, бир өзбек класстары бар эле, ал мектептин. Ошол мектепте окуп жүргөн кезибизде Абдразактын атасы Кадырмат Султанов райкомдун биринчи катчысы болуп иштетчү. Абдразак бизге параллель орус класста окуй турган. Ал мезгилдин дагы бир жакшы жери мугалимдерибиз дагы бир боло турган. Мисалы үчүн, Мария Ибрагимовна деген математика мугалимибиз орус, өзбек, кыргыз класстарына сабак бере берчү. Анан кээ бир калтырып койгон сабактарыбызды, биз, жанаша өзбек орус класстарына кирип окуп деле кутулуп алчубуз. Ошон үчүн биздин муундагылар орус, өзбек, кыргыз тилдеринде таза сүйлөп калдык. Абдразак менен мына ошондой мезгилден бери карай кыйла жылдарга дейре тентуш болуп келдик.

Азыркы райакимдердин мүмкүнчүлүгүн өзүнөр жакшы билесиңер. Кадырмат Султанов ошол кездеги эң бакыбат райондун абдан кадыр-барктуу катчысы болчу. Мындайча айтканда, Султанов дегенди укканда ыйлаган бала сооронуп турган кез эле. Ошол Кадырмат атабыздын учурунда Ноокен районунун болгону 8 миң гектар айдоо аянты бар болсо, ошону а киши 22 миңге жеткирди. К.Султанов иштеп жүргөндө райондун борборуна биринчи жолу асфальт төшөлүп, водопровод чыгарыла баштаган. Бир жылдын ичинде алты адам Социалисттик Эмгектин Баатыры деген наам алган. Мындай нерсе Советтер Союзунун бир дагы районунда болгон эмес. Биздин мурдагы Ленин, азыркы Ноокен районубуздан 21

Социалисттик Эмгектин Баатыры чыккан. Районубуз пахта боюнча дайыма биринчи орунда жүрөөр эле.

Ошондой атак-даңктуу адамдын баласы биз менен окуп жүргөндө, атасынын кадырын эч качан ортого салган эмес. Ушунчалык жупуну, ушунчалык зирек бала болчу. Мени өкүнткөнү эмне себептен Абдразак жүрөгүнөн кетти? Себеби 8-9-10-класста окуп жүргөндө ал тимеле чарчоо дегенди билбеген дулдул болчу. Эртеден кечке футбол ойночубуз, баскетбол ойночубуз, кечинде жылбай калчубуз. Камил Досматов деген дагы бир классташыбыз бар эле, абдан кыйын спортсмен. Бир күнү керели-кечке тынбай футбол ойноп, кечинде ал ботодой боздоп жатып калганда, баарыбыз анын бутун ушалап сооротуп чыкканыбыз эсимде. Абдразак ал кезде абдан шайыр, күлкүчү, мүнөзү жайдары бала эле. Спорт жагынан да Камилден кем калчу эмес. Анда жүрөгүндө кандайдыр бир мандем бар экени билинген эмес.

Пахтага барганда, биз менен барабар пахта терчү. Узун бойлуу жигит эле: "Силер жерге жакынсыңар, кыйналганыңар жок, мен куурадым жерден алыс болуп", - деп тамашалап калаар эле дайыма. Керели-кечке Москва колхозунан, Шайдан, Кызыл-Туу, Арал, Энгельстен пахта терип жүрүп, кечинде нары жактагы айылдарга коон, дарбыз уурдаганы барчубуз. Ал да биз менен аралашып жүрөр эле. Кээде коончуларга кармалып калсак, ал "мен райкомдун баласымын, коё бергиле" дебестен, биз эмнени көрсөк ошону көрчү. Жолдоштукка бекем эле.

1957-жылы биздин мектепти бүткөндөрдүн 80 пайызы жогорку окуу жайларына өтүп кеттик. Мен Мединститутка, Абдразак Политехке, Фазылжан Тойчукулов менен Тургунаалы Осмоновдор ал кездеги жалгыз университетке, калгандарыбыз жана башка жогорку окуу жайларына өткөнбүз ошо жылы. Биздин класста өзбек, татар, орус, кыргыз балдар-кыздар бар эле. Ошо жылкы мектепти бүтүргөндөрдүн мотору Абдразак болчу. Маал-маал баарыбызды "Ала-Тоо" кинотеатрынын жанындагы "Кызыл дыйкан" чайханасына чогултуп, эстелик үчүн сүрөткө түшүрчү. Ошондо ал колунда жоктордун намысына тийип албас үчүн отуруштун тыйынын баарыбыз тең төлөйбүз деп тураар эле, мен төлөп коёмун деп мактанбастан. Мен Мединститутту 4-курсунан таштап кетсем: "Жалгыз энен

болсо, белдүү тууганың жок болсо, эң сонун окууну эмнеге таштайсың, эй келесоо, мээң иштебесе да бир жөн эле", – деп, аябай нааразы болуп сөгүнүп жүргөнү чын. Окууну бүткөндөн кийин деле кол үзүшкөн жокпуз. Ал кыйла жылдарга дейре түштүк тарапта аркыл кызматтарда иштеп жүрдү. Кийинчерээк Ош шааркомунун төрагасы болгон. Ошондо Ош шаарынын жаңы курулуштарынын көпчүлүгүнүн алгачкы кышын койгон Абдразак Султанов эле. "Адам болбой калгансыңарбы, эмнеге дайыңар чыкпай кетти?", – деп дайыма бизди түгөлдөп, бат-бат жолугууга чакыраар эле. Өзүн-өзү көтөрүү, текебердик деген сапаттар анда жок болчу. Кайра куруунун учурунда тээ түпкүрдөн келгендерге каршы Чыкем сүйлөй албай турганда, кыргыздардан биринчи жолу КГБнын председатели Рябокондун былыктарын ашкерелеп чыккан Абдразак Султанов болгон.

– Сен ушуну жөн эле койчу, муну мен жазайын, – десем:

– Жо-ок, муну менин көгөрүп чыкканым натыйжалуураак болот, – деп көнбөй койгон. КГБнын ошол кездеги председатели Рябоконь Москвада үйү туруп, эмне үчүн быяктан дагы үй алганын, кыргыздын кадрларын кантип кыя чапканын ачык айтып, сындап чыккан. Анын тууган-уругунун самолёт менен Москвага бекер каттап турганын далилдеген. Россиядагы жек-жаатынын бакисин быякка апкелип, жумушка орноштурганын ашкерелеген.

“Кыргыз элинин эгемендүүлүгүнүн, ар-намыстуулугунун алгачкы карлыгачы Айтматов эмес, Садырбаев же Акматов эмес, Абдразак Кадырматович болгон” десем аша чаппас элем. Андан кийин “Султановду келгиндерге тепкилетпейли” деп, теңтуштары коргой баштаганыбызда, тилекке каршы, ошол кездеги мамлекеттик жетекчилер биз менен иш тутпай, баланы отко салып жиберишти да...

Жүрөгүндө жамандыгы жок, бирок, оюндагынын баарын бетке айткан өткүр инсан болчу. Кыргыздар башка тепсе канк этпей кайдыгерлик кылып жүрүп, Султановду да сындырып тынганбыз. Ушундан улам жүрөгү инфаркт болуп кете берди. Андан соң менин тагдырым дагы катаалдашып кетти. Залакам тийип калбасын деп, анын балдарына дагы жолобой жүрдүм кыйлага дейре. Жубайы аябай эстүү зайып экен. Балдарын

бизден алыстаткан жок. Мени менен учурашканда, Марат да, Омор да атасын көргөндөй сүйүнүшкөн. Балдары жетилип, башы саясий аренадан көрүнө баштаганын көрбөй кете берди, кайран досум.

Жаткан жери жайлуу, топурагы торко болсо экен эми анын.

Ноокендин райцентриндеги узун көчөлөрдүн бирине илгери-илгери Кадырмат Султановдун ысмы берилген эле. Балдары сураганынан "Абдразактын көзү өткөндөн бери чоң атаңардын арбагына арналып куран окулбаптыр, чыгымын мен эле көтөрөйүн, Ноокенге бир барып келбейлиби" десем, Мараты "өзүм эле көтөрөм!" деп, экөөбүз Масыга барып, ааламдан өткөндөргө куран окутуп келгенбиз. Ошондо "асабачылар" ноокендиктер финансы министрине кошомат кылып, бир көчөнү Абдразак Кадырматовичтин аты менен атап коюшту" деп жазып чыгышты. Чындыгында, ал көчөгө Кадырмат Султановдун ысмы социализм доорунда берилген эле. Аларга жооп жазсам, баспай коюшту.

Анан кийинчерээк "Кыргыз рухуна" чыккан. Негизинен Абдразак тууралуу кандай айтсам да жарашат, балдары да атасынын атына наалаты тийгизе элек. Аларды көрсөм, Абдразакты көргөнсүп калам, өзгөчө Омору атасына аябай окшош. Роза аяшка чоң рахмат, балдарына жакшы тарбия бериптир, убайын көрсүн эми алардын.

"Кыргыз Руху" гезити

ВЗЫВАЮ К ВАМ, ЛЮДИ ДОБРЫЕ!

Издревле у всех народов мира последняя надежда оставалась на сострадание некоего сверх разума – Христа ли, Мухаммеда, Будды, либо просто языческого существа-призрака. Для меня в нынешних условиях последней надеждой остается милостивость моих сограждан. А потому я сейчас обращаюсь к вам, сограждане республики.

Я – КИНОРЕЖИССЕР. *Суть моей профессии – средствами кинематографа отображать жизнь во всем ее многообразии. Именно эту цель я преследовал, задумывая документальную кинопентологию – «Пуп земли», «Гений моего народа» и «Память нашей колыбели». Работу над первыми двумя лентами закончил, третий фильм должен был сниматься за пределами Советского Союза. Однако жизнь, как это часто бывает, рассудила иначе. Ошская трагедия заставила позабыть все иные дела, и сейчас я работаю над фильмом «Обыкновенные беженцы».*

Мне не довелось быть непосредственным очевидцем первых, наиболее жестоких и кровавых событий, и в том нет моей вины: драматургия конфликтов в стране разворачивается на порядок быстрее литературных сценариев. За время пребывания в Ошской области я встречался с таким количеством беженцев, их обездоленное существование с такой силой сконцентрировалось в моей душе, что не поведавать об этом для меня будет равно гражданской смерти. В своем фильме расскажу об увиденном, также о деятельности партийного и советского аппаратов, милиции, войск МВД и Советской Армии, некоторых работников средств массовой информации.

Но эти строки я пишу вовсе не для того, чтобы раскрыть художественные приемы будущего фильма, не для того, чтобы поведать о моральном, материальном, политическом и экономическом поражении моего народа, равного которому не было за всю его историю. Я хочу рассказать о четырех судьбах женщин. Рассказать в надежде, что их боль будет разделена, их отчаяние сглажено, их вера в человечность возрождена.

Вот первая судьба

Для жительницы Оша, работницы хлопчатобумажного комбината Джумагуль Торобаевой мир перевернулся 5 июня. В тот день эта молодая красивая женщина засветло возвращалась домой после смены. На площадке между многоэтажками микрорайона ее окружили около 15 молодых здоровых погромщиков. Они сорвали с нее одежду, принуждая к надругательству. Женщина закричала, призывая на помощь.

Многоэтажки, в которых жило не менее 300 семей узбеков, киргизов, русских, татар, украинцев, молча взирали на происходящее. Поняв, что помощи не дожидаться, Джумагуль крикнула подонкам в лицо, что для киргизки лучше смерть, чем то, к чему ее принуждают. Женщина отбивалась от них единственным своим оружием – ногтями.

В какой-то момент ей удалось вырваться, она заскочила в подъезд, стала стучать в дверь киргизской семьи. Но ей не открыли.

Пришлось бедной Джумагуль вновь царапаться и кусаться, отбиваться руками и ногами, извиваться змеей, чтобы избежать постыдного насилия. Еще больше озверевшие оттого, что им не удастся сломить хрупкую, беззащитную женщину, подонки выволокли ее из подъезда, отточенной лопатой рассекли голову и тело. А интернациональные многоэтажки молча наблюдали за случившимся.

Джумагуль Торобаева чудом осталась жива. Теперь она уже не красавица, теперь это униженная, оскорбленная полуинвалидка, потерявшая не только здоровье, но и веру в людей.

Когда я слушал эту историю, мне было жутко. Жутко, что с женщиной, проявившей характер подлинно национальной героини, могли так поступить парни, которым еще предстоит стать мужьями и отцами. Жутко, что эти подонки до сих пор остаются безнаказанными, а врачи, к которым Джумагуль вынуждена теперь обращаться, не скрывают своего раздражения от зачистившей к ним пациентки.

На работе непосредственные ее руководители не скрывают своего неприязненного отношения к ней, желания поскорее избавиться от нее. Жутко, что подобная трагедия может случиться в Москве, Ташкенте, Фрунзе, Казани, Киеве – вспомним молчавшие многоэтажки. Неужели великое содружество цивилизованного человечества способно допустить повторение этого? И самое горькое, что эти чувства живут сейчас в душе моей соплеменницы, Джумагуль Торобаевой.

Вот почему я обращаюсь к вам, добрые люди, помогите этой прекрасной женщине своим состраданием, снимите капельку боли с ее души. Сейчас и каждый рубль важен для нее, и каждое участливое слово. Для вас, с разрешения Джумагуль Торобаевой, сообщаю ее адрес: г. Ош, ул. Джима, 10, кв. 6.

Другая судьба – история Мыскал Эргешовой

До трагических событий она, ее муж-инвалид и восемь их детей жили в Узгене, занимая коммунальную квартиру. О каком-нибудь достатке в такой семье, понятно, говорить не приходится, но жили, как говорится, в мире и согласии, растили детей.

Когда начались погромы, Мыскал Эргешева вместе с семьей бежала в горы. Полтора месяца они скрывались в горных лесах, перебиваясь подаванием и случайными плодами. Но и после того, как безумство начало спадать, семья не может вернуться под родную крышу. Возвращаться просто некуда. Квартира Эргешевых оказалась занятой чужими людьми, ничего не осталось от и без того скудного скарба – ни детских вещей, ни кастрюль и тарелок.

Соплеменники из села Жаны-Арык, расположенного в третьем отделении совхоза «Куршаб» Кароольского сельсовета, приютили беженцев, предоставив комнату в недостроенном доме. А совсем отчаявшаяся многодетная мать ходит в эти дни по уже убранным табачным плантациям, выискивая случайные остатки табачных листьев, чтобы, сдав их государству, на полученные копейки хоть как-то прокормить своих голодных галчат и мужа-инвалида.

Когда наша съемочная группа приехала в Жаны-Арык, мать-кормилица была в поле. А на вопрос «Ахвал кандай?» («Как жизнь?») восемь полураздетых, полуголодных кыргызов хором ответили: «Жакшы!» («Хорошо!»). Даже полуторагодовалый Нурислан, еще не научившийся выговаривать слова, грустно посмотрел мне в глаза и произнес: «Жачи!».

Когда же наш оператор Айбек Джангазиев протянул ему захваченное в дорогу яблоко, эта бесштанная команда косолапила по двору с таким счастливым видом, что у меня комок подступил к горлу.

Я горжусь тобою, мой брат-кыргыз, что никакие жизненные передраги, даже подступающая смерть, не заставят тебя на вопрос «Как жизнь?» ответить «Жаман», («Плохо»). Что ж, если жив – это действительно хорошо, и не дай Бог нам умереть раньше смерти...

Саму хозяйку – Мыскал Эргешеву – мы в тот день так и не дождались. И мы бы так и не узнали о ее бедственном положении, не Расскажи нам все их сердобольные соседи. Естественно, ни о какой помощи эта семья нас не просила. Но я очень прошу всех тех, кому небезразлична судьба моего народа: не потеряйте из виду этот генофонд – Рахата, Алмаза, Рустама, Гульзат, Тамерлана, Аэлигу, Айзат, Нурислана и женщину-мать – Эргешеву Мыскал, которые живут в Ошской области, Узгенском районе, совхоз «Куршаб», 3-е отделение, село Жаны-Арык Кароольского сельсовета, ул. Катанова, д. 12.

Теперь о Мубаракан Малаевой

Она прекрасно понимала, что обделена от природы здоровьем, а потому днем и ночью молила всевышнего сберечь ее мужа, Асылбека Топорова. Она отдавала себе отчет в том, что если непоправимое случится с ней, отец не даст пропасть их четверым детям.

Как это часто бывает, всевышний либо не различил ее молитвы в общем разноголосом человеческом хоре, либо отступил перед более сильными и влиятельными греховодниками. В общем, не стало Асылбека.

А случилось так. В те наиболее напряженные дни партийное и советское руководство в близлежащих к Узгену селах и аилах организовало в помощь МВД республики отряды самообороны для обеспечения гражданского покоя и безопасности. Один из таких отрядов из двух работников милиции и нескольких гражданских лиц нес круглосуточное дежурство у въезда в село Ильичевку.

Как-то в сумерках к этому посту со стороны Узгена подъехала на машине «Скорой помощи» группа пьяных военных – майор, лейтенант и двое солдат. Выйдя из машины, доблестные воины скомандовали находящимся на посту людям: «Ложись!». Перепуганные люди упали на землю, некоторые со страху побежали. Одного из них настигла пуля: Асылбека Топорова. Мужа больной женщины, отца четверых детей. Много написано и сказано о кыргызах-воинах – победителях или побежденных, но всегда отстаивающих свою честь, достоинство. Асылбек Топоров даже воином не был, за что же поставлена на грань уничтожения его семья? И можно ли питать надежду на государство, если у него оружие попадает в руки преступников? Надежду я питаю лишь только на ваше добросердечие, сограждане моей республики, а потому сообщая адрес **Мубаракан Малаевой: Ошская обл., Узгенский район, совхоз «Яссы», село Ильичевка, ул. Карла Маркса, д. 25.**

И, наконец, Хамракан Умарова

В селе Яр-Кышлак Джалал-Кудукского района Андижанской области живет кыргыз Кимсанбай Умаров, давным-давно женатый на узбечке Хамракан. С начала ошской трагедии многие киргизские семьи уехали в Киргизию, но для Умаровых такой возможности не было: если жена Хамракан готова принять любую участь ради спасения мужа и детей, то сноха – жена старшего сына, узбечка, уезжать отказалась наотрез.

Рабочих рук с отъездом кыргызов не хватало в Яр-Кышлаке, и Хамракан и Кимсанбай решились отпустить своего младшего сына, 19-летнего крепыша Турсунбая, на работу в поле.

Мать проводила сына, попросила и бригадира полеводов Махмуджана, и односельчан пощадить его, тем более, что никому не дано определить, какой крови в нем больше – узбекской или киргизской. И все согласились с матерью. А вечером ей привезли труп сына, все тело которого свидетельствовало о насильственной смерти. Тем не менее никакого уголовного дела до сих пор нет, в акте экспертизы написано, что Турсунбай Умаров случайно утонул в пруду, в котором, к слову, и воробью-то по колено... Чьей жертвой стал этот юноша? Я не знаю.

После случившегося жизнь Умаровых в Яр-Кышлаке стала невыносимой из-за каждодневного попирания обычных человеческих взаимоотношений со стороны некоторых соседей, с которыми до этого много лет прожили в мире и согласии. А потому сообщаю для всех, в ком живо сострадание, адрес безутешной матери Хамракан Умаровой: **Узбекская ССР, Андижанская область, Жалал-Кудукский район, колхоз имени «Галабанин 30 ийиллиги», село Яр-Кышлак.**

ОШСКАЯ катастрофа поставила немало вопросов, на которые человеческому разуму трудно найти ответы.

Многое, очень многое найдет свое объяснение лишь тогда, когда станет историей, которую можно рассмотреть беспристрастно, с максимальной объективностью. Сейчас же преобладают еще бурлящие эмоции. Понимая, как трудно отказаться от них раненому сердцу, я все же прошу моих

сограждан особенно вас, юное горячее поколение: будьте выше мелких обид и всевозможных сплетен проявляйте благоразумие! И не дай Бог, если перечисленные факты вызовут в вас озлобленность, чувство отмищения, ибо тем самым вы лишь усугубите и без того горькую участь людей, нуждающихся в милосердии.

Не спешите также навешивать ярлыки на правительство, поскольку не только оно одно виновато в случившемся, есть в том вина и каждого из нас...

Да, ни на одной из своих предыдущих картин я не чувствовал себя столь опустошенным, столь беспомощным, как в этой поездке. Встречаясь с сотнями беженцев, видя их бедственное существование, я тысячу раз проклинал себя за то, что не гонялся за богатством, не думал о черном дне и учил этому других. Я проклинал себя за свою веру в нашу идеологию, государство, которое, как я думал, возьмет на себя все тяготы, случись они у его подданных.

Нет у меня ни советской сберкнижки, ни счета в швейцарском банке, иначе я, не задумываясь, отдал бы и «деревянный» рубль, и инвалютную монету тысячам беженцев, о которых иные, имеющие и то, и другое, лишь издаലെка проливают, крокодиловы слезы. Единственное, что я смог, это в первый же после командировки день отправить четверем представительницам моего народа свою месячную зарплату. И еще обратиться к вам, милостивые мои сограждане: есть доля вины каждого из нас в том, что у кого-то сейчас даже не предвидится крыша над головой, что кто-то мечтает о черном сухарике для своего ребенка...

Сначала я обратился к своему народу только на кыргызском языке. Но с того момента меня не покидает мысль: а справедливо ли, честно ли, по совести ли с моей стороны обращаться лишь к своим соплеменникам! Разве ханская воля, разве царские каратели, разве сталинские лагеря или сусловская идеология поддерживали наш братский союз? Или вина народов в том, что этот союз оказался со временем извращенным? Или отсутствие исторической памяти является аргументом в споре о взаимоотношениях наций?

Вот почему считаю своим долгом адресовать свое обращение ко всем добрым людям республики: давайте сообща поможем обездоленным. Я понимаю, что у нас чересчур много «дырявых карманов», из которых уходят последние пятаки в погоне за все растущими дефицитами, что у нас и без того много фондов для спасения чего угодно – Озера, Леса, Обезьяны в Сухумском питомнике. Но это ли повод отказываться от фонда спасения Человека?

В случае публикации моего письма прошу перечислить гонорар на имя Мыскал Эргешевой.

***С пожеланием добра всем согражданам республики
народный артист Киргизии Дооронбек САДЫРБАЕВ***

ТУЛПАР ТУШУНДА, КҮЛҮК КҮНҮНДӨ...

ДООРОНБЕКТЕН ДИЛ МАЕК

Түкөмдүн жазган чыгармалары менен жарык көргөн китептеринин аттарынын тизмесин эле басканда «Эркин Тоонун» бир номуру чак келбей тургандыгынан, а киши тууралуу төмөнкүдөй учкай маалымат менен чектелүүгө аргасыз болдум.

Түгөлбай Сыдыкбеков. Эл жазуучусу. Академик. Залкар романист. Сталиндик сыйлыктын лауреаты. Атаандашына далысын салбаган айгашкалыгы бар. Уюткулуу элдин Улуу уулу. Быйыл 1992-жылы 80 жашка чыкты. Кыргыздардын улуусу да, кичүүсү да касиеттүү карысын өзгөчө урматтаганынан «Түкө» деп коёт. Өспүрүм балдар ошентсе да академиктин терикмей адаты жок.

Каргашалуу «Кайран элдин» көйгөйү мени каерге гана алып барып, кимдер менен гана маектештирген жок. 1991-жылдын июнь айында эсил СССР апат боло элек маалда Түкөмдүн үйүнө бардым, өзүмдүн дагы арыз-арманымды айтып анча-мынча бугумду чыгарып, а кишинин дагы азыноолак кеп-кеңешин угуп, эгерде кондүрө алсам, жарыктыктын жөн эле калдайып кагаз жазып отурганын кинотасмага тарта кетсем, азыр мага мен эмгектенген мекемеге болбосо да, менден кийинкилерге кереги тийиши ыктымал деген илгери үмүт менен. Арадан бир жыл өтүп-өтпөй, Ата Журтумда эч кимге эчтеменин кереги жок болуп калаарын кайдан билдим анда...

Мурда качан баш бакпайын Түкөмдүн бир жолу дагы кабагын бүркөп, салкыныраак учурашканын көрө электигимен, жылына эң кеминде 4-5 ирээт атайылап барып учурашып,

тартынбастан тамак-ашын ичип-жеп, аркыл-аркыл, өзгөчө Алыкул тууралуу аңгемелерин угуп, көпкө дейре маектешип отуруп кетээр элем. Ошондо ойлонуп көрсөм, Түкөм менен соңку жолу учурашканыбыздан бери билинбей жүрүп үч жылдын жүзү өтүп кетиптир. Мезгилдин ырайымсыздыгын кор, жаман менен жакшыга бирдей шыбага тараткан. Болгону үч жылдын аралыгында карыянын колдору калчылдап, кебете-кешпири да чукул өзгөрүп, карылыкка алдырып келаткансып калыптыр. Бирок, акыл-эси, сүйлөгөн турганы кадимкисиндей туптунук бойдон экен жарыктыктын...

Т.Сыдыкбеков: ...Мейли эми, кайра-кайра кечирим сурап, менин дагы маземди ала бербечи. Сенин сейилдеп жүрбогөнүңөн кабардармын. Өзгөчө Жогорку Кеңешке жазган жер тууралуу ачык катыңды эки-үч ирет окутуп уктум... Көз болбой калды озүм окуганга...

Д.Садырбаев: Сиздин пикириңиз кандай?

Т.С.: Толук бойдон кошуламын сага. Бирок, минтип күүдөн-күчтөн калып, өчөйүп отуруп калган кезде алыма жараша арка бел болуп, сен кысталакты сүрөп кете албагыным өксүтүп турбайбы мени... Жалгыздык кылып атат окшойсуң, чунак бала. Жаза тайып куюшканың кыйшайып баратса, жөлөптаяп кете турган озүңдүн даражаңдагы санаалаштарыңды корө албай турам артыңдан. Менин акыбалым бул болсо... Тилимди алсаң, ошол катыңды орусчага которуп, өзүң деле орусча жаза алат эмессиңби, жергиликтүү гезиттерге бастыруунун аракетин кыл. Коркпо. Жазгандарыңда эч калет жок. Борбордогуларына бастырсаң, аныңды ого бетер сонун болот. Себеби, бу башың өскүр, менин кудаларымдын сан жагынан гана эмес, айрым адамкерчилик сапат жагынан да кыйла элден өөдөлүгү бар. Касташканынын канын төгүп, басташканынын башын жуткан эрдиги менен кошо, жүйөлүү сөзгө жыгылганын танбаган каадасын ала жүргөн уюткулуу эл бу кысталактарың. Непаада, сенин коз жашыңды көлдөтүп, жазгандарың көңүлдөрүн жибитип, «кылымдарды карытып, башынан басмырланып келген бир ууч элдин алакандай болгон Ата Журтун талашпай койсок деле эмне болмок эле», – дешип, орустар дагы бир ирээт

айкөлдүк кылышып, аракетинди жактап чыгышпаса, кыргыздарындан сени колдой турган адам чыгаарына көзүм жетпей турат.

Жогорку Кенештин мыйзамына «кишен» салган Президентиндин эрки кимдир бирөөнүн көңүлүн жубатыш үчүн эмес, айкын максатты көздөп жасалып жаткан орчундуу иш экендигин түшүнүп туруп, жалаңтөштөнүп жалгыз чыгып алышың опурталдуурак иш болуп калыптыр да... «Падыша кудаа эмес, кудаадан жүдаа эмес», – дегендей, азыр бийлик мыкчып, мансап минип отургандарга Теңирим нысап бербесе, миң ирет чындыкты айтып, миң ирет ак сүйлөгөн күндө да, мага окшогон, сага окшогон өнөр адамынын белин мергинтип коюш эч кеп эмес. Бирок, биздин Ажобуз андайга барбас деп ойлоймун. Ошентсе дагы «чекилик кылгам экенмин» деп бармагыңды кырча тиштеп, кимдир бирөөлөрдөн кечирим сураганга шашылбагын, эми анткениңден эч пайда таппайсың. Жазгандарыңдын баары жүйөлүү экенине көзүң жетип турабы?

Д.С.: Албетте.

Т.С.: Менин дагы. Демек, эртесдир-кечтир биздин чындык өз түндүгүнөн түтүн булатпай койбойт. Мезгил өтсүн, көкүрөгүн койгулагандардын дымагы муздасын. Убакыт өзү эле алпарып отургузуп коёт ар кимибизди өз-өз ордубузга, жерди дагы чыныгы ээсинин колуна карматып. Эми ошол ачык катыңдын тил жагынан аксаган жерлери бар экендигин айта кетпесем да болбойт. Өзүнө окшоп адабиятта же талкууга салып жаткан маселеде атайын даярдыгы бар адистерге гана эмес, карапайым эл, аламан көпчүлүккө арналып жазылып жаткандан кийин сүйлөмдөрүңдү кыска, оюнду так жазбайсыңбы?... Ак ниети менен окуган адам дагы чубалжыгандан-чубалжыган сөз түркүмдөрүңдүн аягына жеткенче, оболу, сөз эмнеден башталганын унутуп кала тургандай татаал сүйлөмдөрдү армансыз жазыптырсың, этектей-этектей кылып. Баягыда Алыкул тууралуу романыңдын үзүндүлөрүн окуп бергениңде дагы, ушул эле сөздөрдү айткан болчумун. Жазгандарыңды окуп, тарткандарыңды көргөн адамдар эми сага өз кесибинин эң кылдат чеберине талап койгондой талап коюп окуп, ошондой эле талап менен тарткандарыңды көрөөрүн эсте. Бул сөздөрдү,

спортсмендердин тили менен айтканда, жеңил «разминка» деп коёлу, эми азыркы тартып жатканың тууралуу маектешсек кантет... Бирдеме чыкчудайбы?

Д.С.: Билбейм, Түкө. Теманын зорлугунан, материалдын көптүгүнөн кээде өзүмдүн дагы башым айланып калчу болду. Бир жагынан бизге караганда байыраак, бизге караганда ыкчамыраак иштеген өзбектин бейформалдары «кыргыздардын жырткычтыгын» жүдаа келиштирип көргөзгөн видеофильмдерин республикалык телевидение, өзбектер жашаган айыл-кыштактар түгүл, ООНго дейре көргөзүп чыгышса, экинчи жагынан өзүбүздүн эле башыбызга оор күн түшсө, туу жыгат деп ишенген аттуу-баштуу адамдарыбыз Оштогу каргашанын айыбын кыңк этпестен өз моюндарына алып, күнөөсү бар жерден да, жок жерден да кыргыздын бетине көө шыбаттырып жатышканы намысымды сындырганынан «О кагылайын эл-журт! Болоор иш болгондон кийин кичине дүрбөлөң түшпөй коё тургулачы. Наадандык кылган кыргызың да, өзбегин да мыйзам алдында, сот алдында айыбына жараша жазыгын тартсын. Ага дейре алаксыбай, эки жактын тең запкы тарткандарына бирдей карагыла. Кешиксиз кыргыздардын арасында да бейкүнөө жеринен жабыркап калгандары бар», – деген оюмду эч кимге жеткизе албай, өзөгүм өрттөнүп жүрөм, Түкө. Башкалар тууралуу сөз кылып кереги не, өзүмдүн эле санаалаш кыргыздарымдын кимисине учурашпайын, мен тарткан киноплёнканын бир метрин дагы көрө элек, оюмда эмне бар экендигинен түшүнүгү жоктор дагы «Жөн жүрсөңчү, Доке! Андай кинону сага чыгарта коюшмак беле...», – дешип жаман жанымды кашайтып атышат...

Т.С. - Ага терикпе. «Бөрк ал десе, баш алмай» бизге окшогон чакан элдердин абалтан аркалап келаткан шыбагасы болсо кантебиз. Илгери ар бир романымдын кол жазмасын талкуулаган сайын «Түкө, буга окшогон опурталдуу ойлорду токтоосуз алып таштагын. Мунун кара басып Стакемдин көзүнө урунуп калса, өзүндү эле эмес, баарыбызды кууратасың!», – дешип дүрбөлөң түшкөндөр ого эле көп болоор эле...

Д.С.: Ыя, жарыктык, ал кезде романдарыңызды орусча жазчу белеңиз?

Т.С. - Кайдан... Кыргызча эле жазчумун. Бирок, «Кана, улуу кеменгерди бардыгын угуп турган угарман, бардыгын коруп турган көсөм эмес дегин барбы?».

Ушинтип чекчейип турган кыргызга «Рөман кыргыз тилинде китеп болуп чыкканы атат, жолдош Сталин кыргызча көп жакшы түшүнө бербесе керек эле...», – деп айтсаң эле оңбой калчуусуң ал кезекте. Ошондой опурталдуу күндөрдү башынан кечирген турмуш чындыгы өлбөй-житпей, сенин болуп-толуп турган маалына дейре жетип келгенине калпагыңды көккө ыргытып, бел байлаган багытыңдан айныбай кете бергенден башка жолуң деле калган эмес турбайбы сен шоркелдейдин. Мындай олку-солку, уйгу-туйгу сезим далай жолу менин дагы жан дүйнөмө бүлүк салып, дала-далай уйкусуз түндөрдү башыман кечирткенимен айтып жатамын сага бул создордү.

Чындыгында, чоң темага тиш салып алыпсың. А балким, «Тулпар тушунда, күлүк күнүндө» дей турган маалың келип калгандыр... Мындан кийинки тагдырың онорүндүн көрөңгөсүнө, ишиндин актыгына жараша жазат өзүнүн барактарын. Максатың ыйык, адистик дареметиң бакубат, эл алдында жүзүң жарык болсо, кайсыдыр бир улуктун каарына калган күндө да, жасап койгон эмгегиң өзү эле таш жарып чыккан арчадай болуп жарыктыкка суурулуп чыгат, аны темир чидер менен кулпулап койгон күндө да. Бирок, ошого жетиш үчүн түн уйкудан, күн тынчыңдан безип, азыраак алкоо, көбүрөөк жеме угуп, өнөктөштөрүңдүн көпчүлүгүнөн коңулүң калып, ак жериңен күйүп кетишиң да мүмкүн экендигине кайыл болуп, баш көтөрбөй эмгектенүүгө туура келет. Кинөндун максатын бир эл менен экинчи элди көөдөн тирештиргенге багыттабай, бирок, тыяктын да, быяктын да басып өткөн өмүр жолундагы мүнөздүү, мүнөздүү эмес белгилерин даана көргөзүп, «агын ак, карасын кара» деп чыкканың абзел. Мисалы, кыргыз баласы алааматсалган айкаштарга көкүрөк тосуп жүрөк кабы, мандай тери менен жазып келет өзүнүн элчилик, журтчулук тарыхын. Тушма-туш чыккан атаандашын айбалта менен бөлө, чокморбаш менен торойто чаап өтүп жүргөнү да чын, эрөөлдөгү жигиттердин. Бирок, күн мурунтан

алдын алып, каруу-жарагын баптап, гажалдыгын таптап кандайдыр бир кагылышка күн мурунтан камылга көрүү кыргыздын иши эмес. Анын «камчы» деген жарагы эч убакта колуна түшпөй, кара жанына аралжы болуп келет, кылымдарды карытып. О, чыныгы эр азаматтын колундагы камчы канчалардын төбөсүндө ойноп, канчалардын тизесин бүктүргөн кандуу жарак экенин тарыхый уламалар тандырбайт, биз таналы деген күндө да... Бирок, аяктын башына мык кагып, короосуна таш чогултуп, өлүп жаткандардын кардын жарып, бетин куйкалап кетүү кыргызга мүнөздүү эмес жорук экендигин, алыска аттанып отурбай, кийинки эле жылдардагы жер- жерлерден «дүрт» дей түшүп аткан чыр-чатактардын мисалдары менен далилдөө керек. Шашмалык кылбасаң, жалакайланбасаң буга окшогон оодарылбас, чайпалбас чындык «мен мындамын» деп өзү эле чыгып келет, кайсыдыр бир мамлекеттик ишмердин, ал кандай даражадагы улук болбосун «айып силерде!» – деген опузасын, же башкасынын «туура айтасыз, күнөө бизде!» – деген элпектигин жокко чыгарып.

Д.С.: Өзүңүз айткандай, «оодарылбас, чайпалбас чындыктын» учугун улап жүрүп отуруп, оболу 1937, андан ары 1916-жылдарга барып урунуп, анан «Ошту талашкан кыргыз менен Өзбектин 1756-жылдагы кагылышына» дейре жетип кайттым. Андагы маалыматтарга караганда, сиз экөөбүздүн бабаларыбыз дайыма эле басташканынын башын ийдирген баатырлардан болушпаптыр. Ошондо үч эсе аздыгына карабай, өзбектер кыргыздарды бир эле түндө шаардан кууп чыгышкан дейт. Эркечтам аркылуу жетип келген Кытай аскерлеринин жардамы менен гана 14 миң кыргыз өзүнүн шаарына «алда тобоо» менен араң кайра киришкенин таптым. Ошондон тартып Ошту 12 жылга дейре кыргызга жан тарткан кытайлар бийлеп турушуптур. 1768-жылы Ош шаарында болгону 40 үйлүү өзбек калганын далилдеген документтерим дагы бар. Ушул сыяктуу фактыларды кураштырып отуруп, 1990-жылкы Оштун каргашасы кыргыз экстремисттери менен өзбек шовинисттеринин кеп жебестигинен келип чыккан кагылышуу эмес, мындай көөдөн тирештирүү ар жүз жылдын аралыгында эки, үч ирээт тутанып, кайра өчүп, тээ 250, 300

жылдан бери карай келаткан чындык экендигин аныктап, урпактарыбызга буга окшогон ыйкы-тыйкынын табы өчпөгөн каргашалуу мурасын калтырбастан, Ата Журтубузда мындай кан тогушүүнү чыгара турган жагдайдын түп-тамырын жулуп салуунун жүйөлүү жолдорун талыкпай изилдеп чыгып, анын кинематографиялык туюнтмасын сунуш кылайын деп жанымды жанга урганым менен, өзүңүз айткандай, «жалгыздык» башка түшүп, бел солкулдап турат, Түкө. 1916-жылкы кыргыздардын оботу көтөрүлүп, анан кырылууга кириптер болгон трагедиясынын төркүнүн да «ал кыргын кыргыздар орус падышасына аскер бербей койгондон келип чыккан козголуш эмес, анын төркүнү башка жакта жатат», – деп жаза коюп, 16-жылдын тарыхы менен тирилик кылып келаткан кыйла кыргыздын каарына калып кеттим корүнөт...

Т.С.: Уа, кысталак, бу сен же акылдуулугунданбы, же акмактыгыңданбы, айтор, арка-алдыңа карабай туруп, үйдөй болгон балээни өз башыңа өзүң үймөлоктоп алган турбайсыңбы... Илдетке чалдыгыпсың. Эми айыкпайсың. Мындай учурда акмак болсоң да, акылдуу болсоң да сага «Ак жол» каалагандан башка айтаарым жок. Ондогон жылдар бөү кыргыз аттуу оозангандан заарканып жүргөн маселелерди аркалап кете албасаң да, ордуңан козгоп койгонундун өзү жакшы жорөлгө. Бул жалгыз сен эмес, сенден кийинки муундардын жанын жай алдырбай, канын кызытып кылым этектеген кылдат изилдөөлөрдү талап кыла турган өгө татаал маселе. Атаганат, мындай омоктуу ишке жалгыз аттанганын гана жанды кейитет да, чунак бала... Маалында Чыңгызды тегеректеген кыргыз киносунун уулдары, жакшы дүбүрт менен чыктыңар эле. Ыркыңар жок. Баарыңар тууралуу айтпай эле коеюн. Чыңгыз, Төлөмүш, Болот, Гена, сен бешөөңөр эле бир колдун беш манжасындай болуп биригип турсаңар, оозунан от бүркүп келаткан ажыдаардын башын деле кычырата мыкчып, мойнун толгоп койбойт белеңер, кысталактар. Бирок, силердин биргелешип жасаган ишиңер жок.

Д.С.: Антели десек, кесибибиздин озгочөлүгү...

Т.С.: Орустун «индивидуальное творчество» деген сөзүн биз, жазуучулар, силерден мурун үйрөнгөнбүз. Ушул сөздү туу кылып көтөрүп жүргөн бирибиздин дагы мүйүздүү болбогондугубузду өзүң билесиң да... Гезит-журналдарга биздей болуп бириндин абийиринди сыйрыган макалаларды экинчиң жазбастан, көпчүлүктүн көзүнчө кыргыздын түшүнө кирбеген жорукту жасап, оозунарды чорчойтуп өбүшүп калсаңар эле, башкалардын баары «Ыы... Бул азаматтар шилекейлешкен ынтымактуу жигиттер турбайбы...», — деп калышат деп ойлойсуңарбы... Ырас, ар кимин ар кайсы сапаттагы тасмаларды тартып атасыңар «индивидуальное творчествоңорго» баптап, кээ-кээде чагылгандай «жарк» эткен оюнарды айтып чыгып, аламан көпчүлүктү таңгалттырып. Мунуңар чыгыштын тарбиясын, батыштын маданиятын жакшы өздөштүрүп алган учурубоздагы билимдүү адамдардын сырткы көрүнүшү гана экенин эч ким билбейт, эч ким туйбайт деп ойлойсуңарбы... Силердин кайнаса каны кошулбай, түркүн тагдырды бучкактап, түркүн чыйырда бараткан аркыл адамдар экениңерди жаратып жаткан чыгармаларыңардын өзүлөрү эле безилдеп айтып жатпайбы, жанын сабап. Ошондуктан, бизден үйрөнгөн «ыдырашмайды» силерден кийинкилерге өткөзүп бербей, бир эрдик кылып, өзүңөр тамырын балталап кетсеңер, улут келечегине жакшылыктуу жөрөлгө баштап коёт болчусуңар. Анда азыр сен минтип «жалгызмын» деп, канырыгыңды түтөтүп отурбайт элең. Кана эми, айта бер менден эмне өндүрүп кетейин деп келген максатыңды...

Д.С.: Он алтынчы жыл боюнча сиздин пнкиринизди киноplenкага тартып алсамбы дедим эле...

Т.С.: Уа, атаңдын оозунараыын, алы-күчүм ордунда, акыл-эсим тунук кезинде келбедиң да, ушундай өюң бар экенин айтып. Эми минтип, Теңир утур-утур «кел эле кел» — деп «командировкасына» чакырып, ден-соолуктун мазасы качып, кол калтылдап, тил бултактап калганда келесиңби?..

Д.С.: «Ойлогон ойду кыстаган турмуш жеңип» эле туруп алса кантейин, Түкө... Мурда, чынын айтсам, киноplenка, техникалык каражат жагынан баскан-турганыбыз кененирээк маалда, ушундай сунуш менен кайрылганга даай албадым. Анан жылдан-жылга киночыгарманы

каржылай турган мүмкүнчүлүгүбүз тарыгандан тарый берип, буямамды келтирбеди. Жакында Түркияга барып келдим, эми Ооганстанга даярданып атам. Ошого бөлүнгөн каражаттан өөноп-сөөнөп, өзүнүздү дагы кинопенкага тартып койсомбу деген үмүт менен келдим эле. Анын үстүнө 16-жыл боюнча аттуу-баштуу, кадыр-барктуу адамдын пикирине менден дагы «Кайран эл» муктаж болуп турат.

Т.С.: Аны алдагы Мусанын (М.Жангазиевдин - ред.) бучук муруну тартабы?

Д.С.: Ооба, Түко, кийинки фильмдеримдин дээрлик баары Айбек экообүз тартып жүрөбүз...

Т.С.: Болсун-болсун. Адам болуп калган тура бу жаман да...

Д.С.: Анда эмесе, Айбек аппараттарын баптай берсинби, Түко?

Т.С.: Мейли эми, баптаса баптай берсин. Кыйналсам да бир кызматыңа жарап берейин. Жанагы айткан «командировкага» жөнөп калсам, сенин дагы шагың сынып калып жүрбөсүн. Баса, Ооганга кай максат менен барганы атасыңар?

Д.С.: Жарыгтылуу максат бар дейсизби менде, баягы эле ааламга чачылып кеткен кыргыздарды түгөлдөөнүн машакаты да... Кытайлык кыргыздарды тартып келгенден кийин өз чыгармачылыгымда бул теманы биротоло жабайын дедим эле, эки жылдан бери кайра-кайра кайрылсак да, Кытайдын окмоту кинокамера менен чек арадан өтүүгө уруксат бербей жатат.

Т.С.: Ыраматылык Сакем, мен Каралаевди айтып жатамын, «Кытайлык кыргыздар» дегенди укканда өзүн-өзү кармана албай, кимди болбосун сөгүп ийер эле жарыктык.

О балдар, тантырабай оозуңардан чыккан сөздү оңдоп сүйлөп жүргүлө! Кытайда кыргыз жок. Текесте кыргыздын баары. А, Текес деген атам Манастын заманынан бери кыргыздын жери», – деп калаар эле. Кыргыздын Ата Журту ошол Текестен башталарын сен дагы айта жүргүн баскан-турган жериңде...

Д.С.: Жарайт. Баса Түкө, сиздин бир сөзүңүздүн төркүнүн сурайын деп эле, сурай албай жүрөмүн...

Т.С.: Ал кандай сөз экен?

Д.С.: Эсиңиздеби, сизге бир келип калсам, телевизордон мурдагы иадышабыз Константин Черненкоун соөгүн жерге коюп жатканын корүп отурган экенсиз. Мен дагы отуруп калдым. Аза күтүүнүн аягында Михаил Сергеевич сөз сүйлөдү. «Мунуңар падыша болуп жарытпайт го», – деп күңк эткен бөйдон ордуңуздан туруп барып, телевизорду өчүрүп салып, анан мени менен маектеше баштадыңыз... Ошо эсиңиздеби?

Т.С.: Эсимде.

Д.С.: Чынын айтсам, анда мен сизди саал жактырбай калганмын. «Акыры Советтер Союзунун бүткүл эли энтиккен чалдардан тажагандай деле болуп калдык, жарыктык Түкөм кагаз карабай оюн айтканды билген, жаш десең жаш, билимдүү десең билимдүү, жылдыздуу десең жылдыздуу немени неге жактырбайт?» – деп. Бирок, талашып-тартышып кетсек коңулүңүздү оорутуп албайын деп, аныңызды укмаксан болуп койгонмун. Ушунун төркүнүн чечмелеп бере аласызбы?

Т.С.: Албетте. Ага акыл коротуп отуруунун деле кереги жок, көзүм көргөндү салыштыргандан келип чыккан тыянак болуучу. Мисалы, ыраматылык Брежнев пендечилик кылганда Лениндин мавзолейинде туруп, кийинкилердин текстинен анча деле айырмасы жок сөзүн окуп жаткан Андроповдун көзүнөн, оболу жаш болобу, кары болобу, иши кылып кыйла жылдар бою үзөңгүлөш болуп иштешип келген адамын эң акыркы сапарына узатып жаткандыгы үчүн чын көңүлү менен кейигени, эми учу-кыйырына көз жетпеген зор өлкөнүн түйшүгү толук бөйдон өзүнө жүктөлүп, «аны аркалап кете алаар бекенмин же жокпу?», – деген коогасы телевизордон корүнүп эле турган. Андан кийинки Черненко тууралуу сөз жок, ал кургурдун мамлекеттин иши эмес, өзүнүн кара жанынын кайгысын тартып турганы ошол эле күнү белгилүү болгон. Ал эми Михаил Сергеевич тууралуу кеп башка. Ошондо, сапары карыган адамдын арбагына ызаат кылууну капарына да илип койбостон, эрди-башын кайра-кайра кымтыланып, көздөрү оттой жанып, кыйладан бери эңсеп жүргөн чексиз бийлик колуна тийгенине кубанып турганын жашыра албай калган болуучу, андагы сенин «кагазы жок сүйлөй алат экен» – деп суктанган адамың.

Ошондон улам айткан болчумун, «мунуңар падыша болуп жарытпайт го», – деп.

Д.С.: Азыр деле ал оюңуздан айный элексизби?

Т.С.: Сага кандай десем... Албетте, Михаил Сергеевич мурдагы «ур токмоктон» баарыбыздын башыбызды бошотуп, тилибизди узартып койду. Көбүрөөк сүйлөйт экен, чунак бала өзү дагы... Бирок, анын дагы, биздин дагы көлүбуздун узара турган жышанаасы билине элек. «Колу кысканын жолу кыска», – дегендей, тилибиз узарганы менен жөлүбүз кыскарбаса экен, ылайым...

Д.С.: Эми, Түкө, көп эле чыгармаларды жаздыңыз. Кыргыздын тарыхын көзү тирүүлөрдөн сизден артык билгенибиз жок болсок керек. Мага улут тарыхынан бир мисал тааи берип, жанып турган намысыбызды кайра чыйралтып койсоңуз, сообума калаар элениз...

Т.С.: Сага кандай мисал керек?

Д.С.: Мисалы, «Кыргыздар айкол Манастын урпактары, ат жалында торөлүи, канжыгада жүрүп актыкка моюн сунган баатыр эл!», – деп айтып жатабыз, жазып жатабыз. Ааламды дүңгүрөтүп аш-той бергенин тартып жатабыз ар кыл тасмаларга. Бирок, анчалык чоң эмес, бир уруу болсо дагы башка элди багынтып, журтун чаап, жерин басып алган жениши тууралуу эмне айтып бере аласыз?

Т.С.: Эчтеке. Мынчалык чукуп киргениңе караганда, чындап киришкен окшойсуң бул маселенин түбүнө жетишти максат кылып. Орустун окумуштуусу Киселев «Кыргыздар атаандашына аркасын салбаган жоокер эл. Байыртан өзүлөрү сыяктуу чакан улуттардын кыйырын, алдуу-сандуулардан сактап келген кыраандыгы бар экендигин бир топ тарыхый документтер далилдеп турат», – деп жазган кайсы бир эмгегинде. Чындыгында эле, болуп-толуп, жоокерликтин жылдызы жанып турган маалында да кайран кыргыздын аң-сезиминде кимдир бирөөнүн жерин басып, элин олжолөп алуу максаты жаралбаптыр. Ырас, адам жанын чымындай көрбөй кокту-колот, мейкин талааларды канга бөлөгөн айкаштардан жеңип чыккандан кийинки жер дүңгүрөткөн тойлору, топурагын басып кирген душманды кыргыз кыйырынан кууп

чыкканына карата берилген шаанилүү мааракелери болгонун тана албайбыз. Бул жагынан намысыңды чыйралта албаганым үчүн кейибегин. Ал эми 1916-жылда деле кайсыдыр бир мамлекеттин ички иштерине аралашып, кимдир бирөөгө ыдык коргозмок тургай, күнүмдүк тирилигинин коломтосун өчүрүп албоонун убарасында жүргөн каруу-жараксыз момун элге кыргын салуу, падышалык Россиянын, башка элдердин Ата Журтун зомбулук менен тартып алуу үчүн жүргөзгөн ырайымсыз, жырткычтык саясаты женин ошол кездеги орустун алдынкы интеллигенттери да, азыркы мезгилдин демократтары да танган жери жок го, акыры... Бирок, он алтынчы жыл тууралуу сөз козгогон эле адам ошондогу же азыркы орустарга, же башка бир элге айып тагып атат деген орусун да, кыргызын да тарых чындыгына ниет булгаган кыянат адамдар экендигин эң оболу алардын өзүлөрүнө түшүндүрүү керек. Анда мен болгону төрт жашта элем. Бирок, 4 жаштагы тынчтык күндөрдүн баласынын эсинде калганы менен, ошол эле курактагы аалам өрттөнүп, көз жаш агып, жандуу-жансыздын кунары качып турган маалдагы баласынын эсинде калгандарын салыштырууга болбойт. Андагы журттун азап-тозогу, өлүм-житими, орус жазалоочуларынын ырайымсыздыгы күнү бүгүнкүдөй көз алдымда тартылуу, аппаратты бурап койсо эле кыймылдап кете турган кинопланкадагы сүрөттөй болуп. Ал убактын койгойун көбүрөөк билгиң келсе, менин ар мезгилде жазган чыгармаларымды барактап көрүп, көп нерсени таап аласың, каалаганындай пайдалана бер. Аз-аздап себелесем да, 16-жылдын окуяларын түптүгөл бойдон аркыл-аркыл чыгармаларымдын саптарына катып кеткендей болдум эле. Бирок, анын баарын кайсыдыр бир топтун кызыкчылыгын көздөп, жамандыгын жашырып, жакшы жактарын оркойто көргөзүп, «өлгөндүн үстүнө көмгөн» кылып күм-жам кыла койбостон, тирүүлөргө сабак болоорун урпактарга жеткирүү менин милдетим, сенин милдетиң. Сен экөөбүз, же биздин замандаштарыбыздан кимдир бирөө таптакыр жаңылбаган жападан жалгыз чындыктын ээси деп айтканыбыз дагы опурталдуу болуп калат. Андай чындыкты маалы келгенде мезгил өзү эле элегинен өткөзүп алып, ар кимибиздин шыбагабызды колубузга бербей койбойт. Азыркы учурдун

талабы мындай татаал маселелерге уктап жаткан коомчулуктун көңүлүн ойготуп коюу. Тынччылык болсо, элибиз эсен-аман болсо, сен экөөбүздүн кемтигибизди толтуруп, иштеп бүтпөй калгандын бакисин бүтүрүп ала турган уул-кыз төрөлбөй койбойт уюткулуу журтта.

Д.С.: Рахмат, Түкө. Ушул маегибиздин шылтоосу менен дагы эки маселенин башын ачып алсамбы дедим эле...

Т.С.: Коош, ал кандай маселелер экен?

Д.С.: Жаш чагыңыздагы курбунуз Алыкул Осмонов тууралуу роман жазып жүргөнүмдү билесиз, ал турсун, кээ бир главаларын окуп да бергенмин озүңүзгө. Анын айрым үзүндүлөрүн орус-кыргыз тилдеринде бастырып да жүрөм маал-маалы менен. Өзгөчө кыргыз редакцияларында иштегендердин басымдуу көпчүлүгү озүңүз айтып берген «беш бойдоктун» бири-бири менен азилдешкенин окуур замат итиркейлери келе түшөт, дөстөрүңүздүн сизге карата айткан «Колкөңбай-сөлкөнбай, лапшыгый-сапшыгый» деген сыяктуу создөрүн дароо чийип таштап, тимеле мен сизди кемсинтип жаткансын...

Т.С.: Андайларга менин атыман айтып койгун, ал кезде «Советтер Союзунун эл сүрөтчүсү», «Кыргыздын эл акыны» же «жазуучусу», «академик», «Республиканын маданиятына эмгек сиңирген кызматкер» же «Ленин көмсомолу сыйлыгынын лауреаты» деген сыяктуу ардактуу наамдардан түшүнүгүбүз жок, өнөргөр болсок деген үмүтүбүз гана баарыбыздын башыбызды бир үйгө бириктирген ойноо балдар элек бешөөбүз тең... Азилдеше берчүүбүз, тилдин учуна келип калган илюбой сөздүн атасын өлтүрбөй... Жаза бер. Дагы эмнең бар?

Д.С.: Күн өткөн сайын кыргыз киносун окмот тарабынан каржылоо маселеси арсарлагандан арсарланып келатат. Өкмөттөн бироголо үмүтүм үзүлгөнүн дагы жашыргым келбейт. Эгерде жаза тайып, кандайдыр бир акчалуу чакан ишканалар менен тил табышып кеткен күндө да, сиздин бүтүлүү чыгармаларыңыздан бироо-жарымын экрандаштырып иериме көзүм жетпей турат. Абалыбыз чындап эле кыйындап калды. Ошондой болсо дагы, «Ыйманбай пейли» романыңыздагы бир эпизодду

өзүнчө чакан новелла кылып тартууга уруксат берээр белеңиз?

Т.С.: Кайсы жерин?

Д.С.: Айылдагылар чогулуп келип, Ымакеге үй салып берген эпизодду гана...

Т.С.: Ал сураганыңды.

Д.С.: Рахмат, Түкө! Көп жылдарга дейре арыбай-чарчабай, бизге окшогон шакирттериңизге аркабел болуп, карааныңызды калдайтып арабызда жүрө бериңиз...

Т.С. Өзүңдү дагы Теңир жалгасын!

«Эркин Тоо», 1992-жыл, 2-декабрь

ТУТАНБАЙ КАЛГАН УЧКУН

*Кыргыз эл депутаты Кемел Ашыралиев
менен баарлашуу*

Ашыралиев Кемел Жакешович. Саясаттын дарчысы. Ленин комсомолу менен большевиктер партиясынын кызмат даража багытындагы бардык тепкичтерин басып өткөн, профессионал жетекчи. Сенектик маалда райондук маанидеги комсомолдун, партиянын биринчи катчысы, областтык комитетте айыл-чарба боюнча катчы, кайра куруунун соңунда облкөңөшттин төрагасы болуп иштеген. Азыр Нарын дубанынын акими. Үч кыз, эки уулдун атасы. Комуз чертип, обон созуп уккулуктуу ырдай алат.

Д.Садырбаев: Урматтуу Кемел Жакешович. Илгери коммунисттик партия күүсүндө, күчүндө турган маалда ушул анекдотту райкомдун, обкомдун катчыларына айтып берсем, эшиктерин жаба коюп, сандарын чапкылап каткырып күлүшөөр эле. Азыр эч ким күлбөй калды.

К.Ашыралиев: Ал кандай анекдот экен?

Д.Садырбаев: Мага окшоп картайып калган анекдот. Уккан болушуңуз керек, ошентсе да кыябы келип калган соң, айтып берейин. Райкомдун биринчи катчысынын кабинетине куржун көтөргөн бир карыя кирип келген дешет.

– Ко-ош аксакал, кулак сизде... – дейт катчы, карыянын арыз-арманын угууга камданып.

– Тоокко жем алганы базарга келдим эле балам, – дейт абышка жөн-жайын түшүндүрүп. – Эки иштен бир иш демекчи, биротоло партияга дагы отүп, белетин дагы жаздыра кетейин деп кирдим эле сага...

Анын сыңарындай, өзүмдүн бир бакырчылык тирилигим менен келген болчумун Нарынга. “Эки иштен бир иш” демекчи, кээси билип талашса, кээси дүңүнөн согуп кыйла замандашынын ой-санаасын кыйсыпыр кылган азыркынын эң табышмактуу саясатчысы менен мен дагы маектеше кетсемби деп кирип калдым эле. Ошого бираар - жарым саат убакыт таба аласызбы? Баарынан башкысы – бул маегибиз эч жерде жарык көрбөй калышы дагы ыктымал. Жөн гана, эч кимге көз каранды эмес, өзүнчө жүргөн инсан катары, аты чыккан замандашым менен таанышып, бир, эки жакка кылчактабай туруп баарлашайын дегенден бөлөк максатым жок. Буга не дейсиз?

К.Ашыралиев: Каршылыгым жок. Жанагыдай “кириш сөздөн” кийин бир “белет” жазып бербесем болбой калат го, даярмын. Телефон шыңгырай берип алагды кылбасын, башка бөлмөгө баралы анда. Ко-ош, кулагым сизде?

Д.Садырбаев: Кемел Жакешович! Нарын дубанындагы коллективдүү, дыйкан чарбалары жана башка мекеме-ишканаларынын экономикалык абалы тууралуу эчтеке сурабаймын. Себеби, ал иштерде өзүм эчтеке түшүнбөгөндүктөн, сиз кандай айтсаныз, баары ошондой дегенден башка кайчы пикир жок менде? “Актыгым ак, алданганым ырас”, – деп анда-санда жасаган кашкалыгын айып катары эсептебей аңкоологон зайыбынан көңүлү калган эркектей болуп, саясаттан көңүлүм калып турган чагым. Ошону үчүн маегибизди түпкүлүктүү тема – махабаттан баштасак кандай дейсиз?

К.Ашыралиев: Рахмат деймин. Ай, Доке – ай, чарбалык иштер чачтан көп болуп атканда, жер каймактаганы бери адамзаттын жан дүйнөсүн жалындатып, ойго келбес окуяларды жасаттырып, ачуу менен таттуунун даамын таттырып, көз менен көрүп акыл менен туюуга болбой турган бир кереметтен кеп баштап, улгайган чакта убара тарткыза турган болдуңуз ээ, ой-санааны. Албетте, маегибизди махабаттан баштаганыбыз эң сонун деңизчи, бирок мындай Улуу теманы сиз экөөбүз көтөрө алаар бекенбиз...

Д.Садырбаев: Көтөрө албасак, анын курмандыгы болоорбуз. Же, сиз каалабайсызбы андайды?

К.Ашыралиев: Чынын айтсам, каалайм. Кааламак тургай, эңсеген учурларым да болот. Бу, махабат деген жарыктыктын илебин бешинчи класска келгенде эле сезе баштаганмын десем, жаштарга күлкү болоормун. Бирок, ошондой болгонум чын. Заманыбыз ошондой эле биздин. Айлана-чөйрөбүздүн жагдайы жакын болгон махабатка. Мисалы, “Миң Булак” деген колхоздо Тойтук Турсуналиев деген бир манасчы болоор эле илгери. Атаганат, маалында алдагыдай аппарат таап жазып коюш эч кимдин оюна келбептир, аты чыккан акындардан Асан Жакшылыков дагы угуп калды окшойт ал кишини. Жанына бир чыны май алдырып маал-маал кашык менен оозуна салып коюп таң аткандан кеч киргиче, кеч киргенден таң аткыча айтаар эле, жарыктык. Өзгөчө “Семетейди” жакшы айтчу. Мен өз өмүрүмдө махабатка арналган чыгармаларды көп окудум. Андай кинолордон дегеле кыя өтчү эмесмин. Бирок, ушул жашка келгени Тойтук махабат жөнүндө айтып жатканда, угуп отургандардын оозуна жанагы өзү кашык менен оозуна май салгансып, арзуунун даамын салып кое турган абалга чейин жеткирген таасирдүүсүн окуп же көрө элекмин. Тойтуктун өнөрүндөй өнөр чанда бир адамдын багына туура келе турган жумурай-журттун энчиси экенин маалында билбей калган турбайбызбы, карабасып.

Чиркин ай, Айчүрөктүн балбылдап жанган көздөрүн, төгүлгөн кирпич, олоң чач, жумур билек, балтыр-салтырын бир уят сөз кошпой кечке дейре сүрөттөп келип, каш карайганда Эр Семенди көшөгөгө киргизип, анан, алардын алгачкы баш кошкон түнүн айтып отурса бар эмеспи, тим эле кемпирлер эмшендеп, карылардын жыртык көзүнөн аккан жашы сакалы ылдый кулап, келин-кесек көз ирмебей көлкүлдөп, боз жигиттер отурган ордуна тура албай, нес болуп калышаар эле. Азыркы эротикалык видеофильмдер шоона эше албайт болчу, Тойтуктун “Семетейин” салыштырганда. Анан ошондой чөйрөдө жүрүп чоңойгон бала бешинчи класска дейре махабат деген эмне экенин туя баштабаса, андай неменин аң-сезиминде бир мандеми болуш керек дээр белем. Бешинчи класска келгенде чогуу окуган кыздарга арнап кат, ыр жазып чөнтөгүнө сала коюп, колу-башын кармалап ийип дегендей, жигиттиктин алгачкы жышааналарын ошондо эле жасай баштаганым ырас.

Анан жетинчи классты бүткөндө, 1957-жылы Фрунзеге келдим. Эски Пишпектеги айыл-чарба техникумуна өттүм. Билимдүүнүн келечегине үмүт байлаган эстүү киши эле атабыз, жаштыгыма, эркелигеме карабай окууга жиберди. Ошол бойдон 9 жыл аякта жүрдүм, техникумдан кийин институт бүтүрөм деп. Не атам, не ыгым-чыгымымдын көпчүлүгүн көтөргөн агам бир “ий” – деп коюшкан эмес жарыктыктар, каерде жүрүп эмне иш жасабайын. Техникумдун акыркы курсуна жетип, он жети, он сегиздерге барып калганымда гана махабаттын нагыз маанисине түшүнүп, от-жалын болуп тутанып жүрбөймүнбү. Бул менин башыман кечирип жан дүйнөм менен сезгендерим. Эгерде Махабатты илимий негиздеп, көркөм чыгармалардын мисалында карайлы десениз, анда маэгибиздин багытын башка жакты көздөй буруп коелу.

Д.Садырбаев: Жо-жок. Сиз окуганды мен дагы окусам керек. Мен окуганды элдин баары окубай коймок беле. Мени сиздин көбүнчө, махабат майданындагы өз “тажрыйбаңыз” кызыктырат. Алгачкы ашык болгон кызыңызбы азыркы жубайыңыз, же...

К.Ашыралиев: Бул өтө татаал жана опурталдуу суроо болуп калды. Жакында үйдөгү фотоальбомду барактап отуруп, студенттик жылдары 46 үйлөнүү тоюна чакырган фотосүрөттөрдү таап алдым. Ошонун 39унда тамадалык кылыптырмын. Чакыруу сүрөтү жок канча тойго катышпадым дейсиз. Эми өзүңүз ойлонуп көрүңүз, жаратылыш өңдөн-түстөн өксүтпөсө, колхоздо башкарма болуп иштеген оокаттуу адамдын эрке баласы болсом, аккордеон тартып, мандалино, комуз чертип безилдете ырдам, анан ошол 46 тойдо эң эле жок дегенде, 23 кыз менен бийлегендирмин. Колуна колум, денесине денем тийгенде “дүрт” дей дагы түшкөндүрмүн. Айрымдары менен айлуу түн күзөтсөм күзөткөндүрмүн. Бирок, ошондой көз ирмемдин бакисинде чыныгы “махабат таптым эле” дей берсем, чекилик болуп калбас бекен?

“Эстеби селки, эстеби”,

Айылдын салкын кечтери,

Аякка түп түз жол турса,

“Адашып кеткен тескери”, – деп ыр саптарын арнай турган асыл кечтер калганы чын, ааламдын ар кыл булуң бурчунда.

Мынчалык сурап калгандан кийин чынын айтпасам болбос, азыркы аяшыңызга кез келгенге дейре казактын бир керемет кызы менен азыноолак ышкы тогушкөнүм бар... Аты...

Д.Садырбаев: Атын айтканга ашыкпасаңыз, мен укканымды укканымдай жазып кое беремин. Качандыр бир кезде жарыяланып кетсе, анын окуп алып же аяштын, же казакта калган аялыңыздын абышкасынын “ичин ит жалап” кетип жүрбөсүн...

К.Ашыралиев: Азыркылардын махабатындай махабат жөнүндө сөз болуп жатса, ошондой болушу мүмкүн. Бирок, биздин жаштык кезде арзышуунун акыбети таптакыр башкача эмес беле. Же, көңүлүң түшкөн кыздын көлуна колуң тийгенине эки-үч күн уйкудан калып, ысытмалап чыккан касиеттүү түндөр сиздин башыңызга түшкөн жок беле?

Д.Садырбаев: Түшкөн.

К.Ашыралиев: Демек, азыр анын атын жашыра тургандай ортобузда шариатка сыйбаган эчтеме болгон эмес турбайбы. Алигиче сактап жүрөм көкүрөктө анын элеси менен Алмагүл деген атын. Эрте жаздагы алманын апапак гүлүндөй болгон не бир назик, не бир жароокер кыз бүткөндүн чырайлуусу эле Алмагүл. Колтукташып алып, узун көчөнүн аягына дейре кыңылдап обон салып, же казак менен кыргыздын махабат ырларынан жатка окуп, жанаша басып жүргөнүбүзгө эле жаштыктын жайлоосуна барып калгансычубуз.

Д.Садырбаев: Кемел Жакешович, кайсы акындын ырлары арзыган кызындын азоолугун жоошутканга жан-жолдош болуп берчү эле?

К.Ашыралиев: О, андай – андайга Мидикендин ырларындай жан-жолдош болбойт го биздин кыргызда.

“Ат бастырып айлыңа көп каттадым,

Түндө күттүм элиң тегиз жатканын.

Кантип эле чыгып кетсин эсимден,

Камчы кармап каалганды какканым.

Желбегейчен артың карап элендеп,

“Ичикий – ий, ич көйнөкчөн элем”, – деп.

Кадалчу элең менин муздак оозума,

Эп келтирип эриндерин белендеп.

Как ушундай эзилишкен секундга,
Караң калгыр кандай учур теңелмек”, – деп,

кыялдын кылдарын кытыгылап турсаң, муз жүрөк селки болсо да солк этпей көрсүнчү. Ошо жылдары Нарындагы Чкалов мектебинде окуп жүргөн дагы бир эстүү кызга көзүм түшүп калып, сыртынан ышкы багып жүрчүмүн. Анан ал кыз мектепти алтын медаль менен бүтүрүп, Москвадагы технологиялык жогорку окуу жайына өтүп кетти. Алты жыл сүйлөшүп, кат жазып жүрүп, кайта келгенде, баш кошуп алдык. Сагын Наматбаев Кыргызстандын Ленин комсомолунун Борбордук Комитетинин биринчи катчысы болуп турган маалда институтту аяктап, ошол жакта иштегенге калтырылдым. Ошол бойдон аяшыңыз менин саясатчылык келечегиме өбөлгө түзүп, “жеңилимди жерден, оорумду колдон алышып жөлөп-таябаса, өзү дагы кыйла даражага жетишип калмак, себеби институтту бүтүп келери менен Фрунзедеги трикотаж бирикмесинин башкы инженери болуп иштеп жүрүп, өз чөйрөсүндө оозго алынып калган адистерден эле. Бирок, ал андан дагы улуу ишти тандап алып, 3 кыз, 2 уул төрөп берди мага. Күнү-түнү чапкылап, партиялык кызматтарда жүргөнүмдө, коломтобуздун отун өчүрбөй, ушул күнгө жеткизди, “жыртыгыбызды курап, үзүгүбүздү улап” сабырынан тайбай. Ошонусуна рахмат, ушу күнгө дейре өөдө-төмөн сөз, ыйкы-тыйкыбыз жок. Анан качандыр бир кезде, кимдир бирөөгө жаштык жалыныңды төгүп өткөн экенсиң деп байбичемдин кекетип- мококтошуна ишенем жана Алмагүлдүн абышкасы дагы антпейт го деп ойлоймун. А дебейли, бу дебейли биздин жаштыгыбыз махабат майданында болобу, күнүмдүк көртирликте дагы маңдайына жазылганын көрдү. Ар кимибиз өз тагдырыбызды аркалап, “Адам өз өмүрүндө там салып, бак отургузуп, китеп жазып тукум улап, из калтырып кетиш керек”, – деген Баба осуятын дагы колдон келишинче аткаргансып атабыз, Доке...

Д.Садырбаев: Баса, ыр демекчи, оюн-зоок, ыр-тамашага азыр кандайсыз?

К.Ашыралиев: Азыр деле табындамын го деп жүрөмүн. Көңүл жайында, ээн- эркин жайлоо болсо, жумурткадай боз үйлөр тигилип, нарыда көк кашка суу шылдыр кагып, бериде байланган аттар, кыз-кыркын дегендей, баары бири-бирине

шайма-шай келип турса, неге ырдабашка болбосун. Болот. Өзгөчө Боогачынын ырларынан созолонтуп ырдап турсаң, үлпөттөрүндүн да көңүлүн кушубак кылып, өзүңдүн дага жарпыңды жазып аласың. Атаганат, ат таптаган саяпкер, куш салган мүнүшкөр, тайган агыткан мергендер жерибизден жок болуп кетпедиби эски замандын капшабы менен. Болбосо, күлүк сууткандын өзү эле айтып түгөткүс поэзия болчу да биздин балалык күндөрдө. Эми 20, 30 жылга барып, андайлар чыкса чыгат, чыкпаса жок. “Старший браттын” саясатынын жакшы жактары болгонун караманча танып ийейин деп аткан жерим жок, бирок, улуттун өзүнө гана таандык, асолуу көп нерсени дагы курутуп кетпедиби ал саясат.

Д.Садырбаев: “Старший браттын” чөңгөли төбөдө турганын, дайыма жетекчи кызматтарда жүргөң сиз дагы сезчү белеңиз?

К.Ашыралиев: Сизбегендечи. Фрунзе жактын го жөнү башка, жада калса, Нарынга дагы экинчи катчы кылып такай орустарды жиберишээр эле да. Бул жакта тил түшүнбөсө, жалаң кыргыздар жашагандыктан, андай “экинчилердин” каерден барып беш бармак жеп, ким менен, эмне деп сүйлөшүп койду деп күндүр-түндүр “биринчисин” аңдыган башка кылаар иши деле жок болчу да. Аргасыз чыдачусуң. Чыдабасаң кендириң кесилип, келечегин кейиштүү болуп калышы ыктымал эле.

Д.Садырбаев: Ошон үчүн балдарыңыз орус мектебинде окуп калышканбы?

К.Ашыралиев: Жо, аны үчүн эмес. Дайыма кыргызы басымдуулук кылган райондорго которулуп турганыбыздан, аердин балдары менен урушуп-талашып, ойноп- күлүп жүрүп эле эне тилин эч кимден кем эмес сүйлөп алышаар, ал кездеги элдин баары урунган тилден өксүп калышпасын деп төртөөнү орусча, бирөөнү кыргызча окутканбыз.

Д.Садырбаев: Канча жашыңыздан бери саясатка аралашып жүрөсүз?

К.Ашыралиев: Техникумда, институтта окугандан бери го дейм. Комсомолго өткөндөн тартып, “өздүк көркөм чыгармачылыгына катышкыла”, – десе ага катышып, “башка ишти жасагыла” десе, анысын аткарып, иши кылып республиканын каерине барбайлы, ошол жердин коомдук

турмушуна активдүү катышып жүргөнүмдү мезгил саясатына аралашканым десем болсо керек. Бардыгы тагдырга жараша болот турбайбы. Болбосо биздин кырчын кездин атактуу адамдары Муратбек Рыскулов, Бакен Кыдыкеева, Советбек Жумадыловдордун сахнада ойногонун көрүп, “мен дагы артист болсом, роль ойносом” деп тилек кылаар элем. Эргип кеткенде жазган ырларым “Ленинчил жаш”, “Тянь-Шань правдасы” деген гезиттерге үзгүлтүксүз басылып тураар эле. Өзүңүзгө окшоп бир өнөрдү бучкактап кете турган жагдайын жакшы эле болчу кыскасы. Бирок, маңдайыма башка нерсе жазылыптыр. Парткызмат деп чапкылап жүрүп, өнөргөрликке ынтызарлыгымдын учкуну тутанбай калды. Анткен менен өткөн өмүрүмө өкүнө турган себеп жок менде. Билишимче жашап, колуман келишинче иштедим мойунума тагылган милдетти аткаруунун аракетин кылып.

Д.Садырбаев: “Акимдиктен түшүп калышым мүмкүн” деген санааркоолор болобу, кез-кезде?

К.Ашыралиев: Жок, санаркоо болбойт. Акимдикти атаман алган эмесмин да мурастап. Бир күнү болбосо бир күнү, ошондой болсо, ага кейибеймин. Акимдик колуман келбесе, башка жумуш иштээрмин. Акыры жүк түшүрүп жүрүп деле, бир үй-бүлөнү багып алса болбойбу... Кызматсыз калсам намыстанып жер ооштуруп кетейин деген деле оюм жок. Акыры, жаза тайып, качандыр бир кезде бул аалам менен кош айтышсам, жамынаарым киндик каным тамган Нарындын топурагы да. Ушул жерде төрөлдүм, ушул элдин арасында өнүп-өсүп көгөрдүм, бул элден башка таянар тоо, карманаар бутагым деле жок менин. Жаштык жалынымды, күч-кубатымды калтырдым бул жердин кокту-колотунда. Бул дубанда, чынын айтсам, менин ийиним тийбеген эшик, оозум тийбеген кашык деле калган жок. Жеринин коен жатагына, элинин илгери үмүт, ой-санаасына дейре мага маалим.

Д.Садырбаев: Анда карапайым калктын азыркы жагдайына кандай баа бересиз?

К.Ашыралиев: Боорум ооруйт. Саясатчылардын айкын багытынын жоктугу кыйланы жабыр тарткызып койдү. Толук даярдыгыбыз жок туруп, бир түзүлүштөн экинчи түзүлүшкө ооп бараткансыйбыз. Былтыр эле колхоз-совхоздордун

басымдуу көпчүлүгүн дыйкан чарбаларга таркатып ийдик эле, ар кимисине тиешелүү мал-пулун бөлүштүрүп. Башын иштетип, колун тындырбай бутун чуркаткандар быйыл эле “Канга салам бербей калышты”, байлыгына байлык кошуп. Ыкшоолор, аракечтер же чаап алган чөбү жок, же басып алган даны жок, же баягы энчисине тийген малы жок жылтырап отуруп калды. Ошолор эми өлбөстүн күнүн көрүш үчүн тиги тыңыраактарга малай ордуна жалданууга аргасыз болушат. Эми башын ташка урган күндө да, жатып ичээр жалкоолордун көпчүлүктүн эсебинен эптеп тирилик кыла турган күндөрү кайтып келбейт. Дегеле адамзаттын тарыхында баарыга бирдей шыбага бөлүштүргөн мамлекеттик түзүлүш болгон эмес экен. Баягы совет бийлиги жылдарында деле көбүрөөк иштеген, чонураак иштеп, иштебегендердин абалы азыркыдан артык эмес эле. “Байлар жана томояктар” деген түшүнүк келатат, эми андан эч каякка качып кутула албайбыз.

Д.Садырбаев: Кечээтен бери айыл-апа аралап чыгып мектепти таштап ийишкен балдарды көрдүм жер жерден...

К. Ашыралиев: А да келатат акырындык менен. Баласын мектепке жибербеген ата-эненин эмгек күнүн кесип жазалай турган заман тарыхта калды. Каалаган окуп, каалабаган кат тааныбай, кара күч менен тирилик кыла турган күндөргө бараткансыйбыз. Арга канча, башка түшсө анысын дагы көрөөрбүз. Бирок, “ушуну менен эле улуттун интелект көрөңгөсү соолуп калат”, – деп дүрбөлөң түшкөн азырынча орунсуздай болуп көрүнөт мага. Улут болгондон кийин сабаттуусу да, сабатсызы да болуу керек. Акыры, Арыстанбек, Боогачы, Сагынбай, Саякбай, Казыбек, Молдо Кылыч сыяктуу кыргыздын угуттуу уулдарынын баары эле байдын баласы болушкан эмес. Илимде, саясатта, өнөр жамаатында болобу, иши кылып, көкүрөгүндө көрөңгөсү бар уул-кыз, заман каякты карай өоп жөнөбөсүн, таш жарып чыккан мамыр гүлүндөй болуп акыры бир күн чыкпай койбойт, жарк этип. Ага дейре кыйналаарбыз, кысталаарбыз, бөксөрсөк кайра толоорбуз. Азыркы кырдаалды акылым менен туюп, жүрөгүм менен сезип, кабыргам кайышып атат менин дагы. Колумдан келген иш бөлсө кимдир бирөөнүн башына түшкөн мүшкүлдү жеңилдетүүнүн аракетин кылгансып эле жүрөм. Бирок, бул

дубандын акими, май көл, сүт көл керемет таягы бар жомоктогу сыйкырчы эмес, бардык эле нерсе колунан келе бербей тургандыгын замандаштарым дагы эске алышса түзүк болоор эле. Жашырган менен болобу, азыр эл дагы мурдагыдай болбой калды, кайсыдыр бир тешикти жапа тырмак шымаланып барып бүтөй салгыдай. Ар капталынан бирден жан жигит (телохранитель) жалдап, менин түшүмө кире элек чет элдик машине минип, дубандын акими тургай Президентиндин кадыр-баркын каакы ордуна көрбөй турган капчыгы калың макулуктар чыгып келатат. Андайларга Манасыңдын да, Айтматов, Акаев, Ашыралиев, Садырбаевдериндин бир тыйынчылык керексиздигин өзгөчө далилдеп отуруунун кажети жоктур деп ойлоймун.

Д.Садырбаев: Башкалар тууралуу айта албайт экенмин, бирок, Садырбаевдин андайлар эмес дегеле эч кимге жоктугуна дагы кыйла болуп калды.

К.Ашыралиев: Антпениз, Доке... Турмуштун болоор-болбос өйдө-ылдыйына өксүй бере турган жөнүңүз жок. Ушул кезге дейре эмнелерди гана башыман кечирбедим мен дагы. Тоголок, сүйрү, төрт бурчтуу арыздар канча чачымды агартпады дейсиз. Бирок, “ак ийилсе ийилип, эч качан сынбай турганын” мен өз тагдырым менен далилдеп келатамын. Сиздин дагы, убактылуу, кандайдыр бир жагымсыз жагдайга кабылып калсаңыз, андан камырдан кыл сууругандай суурулуп чыгып кетээриңизге күмөнүм жок. Себеби, сизди сыйлаган, ийгилигиңизге сүйүнүп, мүчүлүшүңүзгө күйүнгөн элиңиз турат артыңызда калдайып. Керек болсо колдойбуз биз сизди моралдык жагынан да, материалдык жагынан да. Чынымды айтсам, сыртыңыздан ызаат багып, “ушул киши менен бир таанышайын” – деп жүрдүм эле, минтип өзүңүздүн келип калганыңыз дегеле ырас болбодубу. Мындан ары саламыбыздын айынбай, бири-бирибизди түгөлдөшүп жүрөлү, Доке... Жашыбыз деле тең чамалаш экен, турмушка деле көз карашыбыздын анча айырмасы жок туруп, бир мезгилде жашасак, анан негедир жолубуздун такыр кайчы келбегенине таң калам...

(Бул маек 1992-жылдын октябрь айында жазылып алынды).

ЖҮЙӨЛҮҮ КОШУМЧА

Алтымышынчы жылдардын аяк чени. Кыргыз телевидениесинин оозго алынып келаткан жаш режиссердун биримин. Редактор – Токон Дүйшеев, кинооператор – Арзыгул Караев, экөө тең жакшы адамдар эле бейиши болгурлар, кудайдын кулага сүйүнсүн, азыр дагы аман-эсен жүрүшкөн курбаларым – редактор Эраалы Айылчиев, фото – сүрөтчү – Болуш Керимбаев, кинооператор – Альберт Сайфулин алтообуз оор кар жааган жылдын декабрь айында тяньшандыктардын телефестивалын (илгери ошондой көрсөтүүлөр болоор эле) даярдап келгени Нарынды көздөй жөнөп калдык.

Аерден отурган-турганы түгүл, мойнундагы галстугунан буттарындагы булгаары менен чегеленген ак кийиз өтүктөрүнө дейре атаандаштырып кийинишкен, райкомдун биринчи секретары – Абдиев, райисполкомдун председатели Ажиев деген ошол мезгилдин мыктылары, быяктан баргандар менен ар кимиси өзүнчө бөлөк-бөлөк маектешип, телекөрсөтүү кайсы багытта даярдалса, көңүлдөгүдөй өтөөрүнө кайдыгер эмес экендиктерин билгизишти.

Бизди биринчи кабыл алган Абдиев, тобубуздун аксакалы Токон Дүйшеевдин орду менен сүйлөгөн токтоолугун жактырдыбы, же борбордон келгендердин арасынан жападан жалгыз галстук тагынган адам көзүнө жылуу көрүндүбү, айтор, Токомдун биз менен макулдашып албаган “телефестивалдын бир ири чарбанын мисалында даярдалып, аердин, айрым, атак-даңктуу адамдарынын портреттери менен толукталганы, көрсөтүүнү көркүнө чыгараар эле”, – деген сунушун толук бойдон колдой турганын билгизди Эраалы экөөбүздү чыйрыктырып.

Анан Абдиев кабыл алып, маектешип жатканыбызда менин башкалардан оозунуп айтып ийген “Райондун бардык

чарбаларынын күнүмдүк тирилигине дарек берген кыскача кабарлардан кийин, көпчүлүк катышкан оюн-күлкү, ыргамашаны арбын алпарсак ойдогудай болмок”, – деген сунушумду а киши жактырып, галстугумдун жоктугун көрмөксөн, маал-маал ачууга алдырып ийип туталана түшмөй жаштыгымды билмексен болуп, уюштуруу маселесинде көмөк көрсөтүүгө убада берди.

Быяктан чыгып баратканда: “Чоочун кишилерге ыйкыт-ыйкыбызды коргозбөй, ынтымак менен барып келели”, – деп убадалашып алганыбызга карабай, иштей элек жатып экиге бөлүнүп калдык. Баарыбыз кыргызбыз да.

Анан өзүбүздүн автобус менен Т.Дүйшеев, А.Карасев, Б.Керимбаев үчөө Ажиевдин багытына түшүп жөнөдү, каякадыр.

Биз, Э.Айылчиев, А.Сайфулин үчөөбүз №54 жылкы заводунун парторгунун машинесин минип, Кара-Кужурга бет алдык, Абдиев менен макулдашылган маршруттан жазбай.

Бир жума бою кыштоолорду кыдырып жүрүп, кайрадан Нарынга чогулсак, Током өзү ынанып калган экен биздин сунушка “Баарын аралаштырып ийбесек, бир колхоз мындай фестивалды көтөрө ала турган эмес”, – деп.

Ал кездин атак-даңктуу адамдары Абдыкалык Чоробаев, Жумамүдүн Шералиевдерди гана эмес, Нарын музыкалуу драма театрынын концерттик программасын толугу менен, ишкана, мекеме, окуу жай, мектептердеги таланттуу жаштардын номерлерин тандап алгандан кийин, баш-аягы болуп телефестивалга катыша турган 180 кишини Фрунзеге жеткизип, мейманканага жайгаштырып, кайра алып кетүү түйшүгүн толук бойдон Абдиев агай аркалаган. Кысталак, ал мезгилдин коммунист жетекчилери өз моюндарына жоопкерчиликти алганды да билишчү эле.

Атаганат десеңчи, “видеозапись” деген чыга элек кез. Кечки саат 18де башталган тынчандыктардын ошо жылкы телефестивалы түнкү саат 2 ге барып аран бүткөн. Жаңы чыккан Калыйбектин “Долонун” ашууда тартылган кинопенкага аралаштырып көргөзүп, Сагыйпа Чечейбаеванын аткаруусунда биринчи жолу телевидение аркылуу элге угуздук эле ошондо. Табы айнып турганына карабай (ошо күнү боюнан түшкөн

экен), Сагыйпа эже белин бекем бууп алып, үч жолу аткарып берген “Долонду” башка ырларына аралаштырып.

Бүткүл Кыргызстандын облус-райондорунун жетекчилери, ал турсун, Партиянын Борбордук Комитетинин катчыларына дейре “Сагыйпага дагы бир жолу “Долонду” ырдагы койгулачы”, – деп кайра-кайра телефон чалып суранып атышса кантмек элек...

Ырчынын дулдулу эле го, бейиши болгур Сагыйпа эже, бир моюн толгоп, чаалыгып-чарчоо дегенди капырына илип койбогон.

Ошол көрсөтүүнүн ажарын Канымгүл Досмамбетова, Гүлсүн Мамашова, Гүлмайрам Момушева, Калыйбек Тагаевдер дагы куп кана ачышкан да...

Ага дейре Нарында жүргөнүбүздө, Куйбышев атындагы колхоздун партогунун үйүндө конок болуп калдык бир күнү. Током экем Алма-Атадагы партшколдо бирге окушкан экен. Атын унутуп калганым үчүн айыпка жыкпасаң, эми мени, ошондогу ишкере меймандостук кылган Токомдун курсташы.

Сууктун 40 градус экенине карабай, эртең менен сыртка чыгып, жуунуп-таранып, үй ээлери жүгүн жыйып, дасторконун жайып алсын дегенчилик кылып короосунда өйдө-төмөн басып маектешип турсак, жапжаңы М-51 маркасындагы көгүш “Волга” машина үйдүн тушуна жеткенде токтой калып, аны айдап келген суусар тебетейчен, ыманы ысык акжуумал жигит түз эле бизди көздөй басып келип, салам айтып учурашып калды, эски тааныштарына жолуккансып.

– Аты баланча. Мурдагы башкарма аксакалыбыздын уулу, – деп тааныштырды парторг аны бизге. Айыл-чарба институтун бүтүрүп жатат, кыскасы будущий башкармабыз...

Чоогу чай ичтик. Жигит шашылыш шаарга кетип баратканын, комуз чертип, кыяк тартып ырдай ала тургандыгын, айыл-чарба институтунда окуганына карабай, киного түшүп, телевизордон роль ойногонго ынтызарлыгын айтып, тынышандыктардын концертинен анын дагы бир номерин кошуп коюубузду өтүндү.

Током ыраматылык ооз учунан “байкап көрөлү” – дегени эле болбосо, бейтааныш жигитти кыртышы сүйбөй калганын жашырган жок. Көрсө, “Жашабай жатып “Волга” минип көпкөн

бала окшойт, агасынын байлыгына манчыркаган”, – деп итиркейи келе түшкөн тура жарыктыктын. Чай ичип отурганыбызда, жигиттин шаабайы сууй түшкөнүн билип, сыртка кошо чыгып машинасын көргөнгө шылтоолоп башкалардан бөлүп кетип:

– Өй дос, телевизордон кимди чыгарып, кимди чыгарбаш менин ишим. Шаарга барганда мага бир жолукчу. Дзержинскийдеги телевышканын түбүндө отурам. Эртеден керээли кечке ошээрдемин. Тяньшандыктар шаарга бир айдан кийин барышат, ага дейре экөөбүз жайма-жай олтуруп алып акылдашып көрөлү, сени кантип телевизордон чыгарышты, – десем,

– Рахмат дос, шаарга барганда сөзсүз сени издеп табам. Сен өзүң ничего жигит көрүнөсүң.. – деп кол алышып жөнөп кеткен.

Кемел Жакешович! Эске тутуу кампаңызды булуң-бурчегин, бир түзүктөп оодарыштырып көрүнүзчү... Жогоруда мен жазгандар эсинизге түшсө, ошол “ничего” жигит менмин. Эгерде “Будущий башкарма” сен болсоң, кел анда кайра учурашалы. Ошондо болочок телефестивалдан программасын кайра-кайра көчүрүп жазып, бир айга дейре даярданып отурган күндөрүмдө, аты-жөнүңдү түзүктөп сурап албаганыман, барак сайын орун таштап туурасына “будущий башкарма” – деп жазып жүргөнмүн. Бирок, сен келбедиң эле анда. Бир эсептеп келбегениң жакшы болгон экен, болбосо курбулук отубуз күйүшүп, адабият, маданият, искусствого болгон ынтызарлыгыңды учкуну тутанып кетсе, азыр, ардак наам, атак-даңкынан башка эчтекеси жок мендейлердин сабында туруп калмак экенсиң сен дагы.

Бир мезгилде жашап, чейрек кылымга дейре такыр жолубуз кайчылашпай жүрсө да, баягыдагы бир жолку кол алышуунун жылуулугун алиге дейре суутпай акыры келип кайра учураштырып туз насибин таткызган Теңиримдин кенендигин көр.

Азыр бир дубандын акимдигин ооздуктап, ооматың келип турган маалың экен. Ылайым эле ишин ишкерилей берсин. Бала-бакыра, небере-чеберендин убайын көр. “Эски таанышымдын” колундагы бийлиги, оозунда жели бар “кезинде

көңүлүн алып, бирдеме өндүрүп калайын” – деп жазып жаткан жокмун бул саптарды.

Адабият менен искусствонун үстүнө үйрүлүп түшүп, кастар тигип материалдык, моралдык жагынан жөлөп-таяган күндөрдө, ырысы төгүлүп, ыдыны өчкөн мендейлердин саны өтө көптүгүнөн, өзүндүн белиң мертенип калышы ыктымалдыгын туура түшүнүп, сенин дагы карыптардын катарына толтурушуңду каалабас элем.

Өзүң айткандай “жүк түшүрүп жүрүп деле бир үй-бүлөнү баккыдай” кудурет менде да бар. Бирок, жаш өткөн сайын адам кургурун жашык болуп калат окшобойбу, ар нерсени ойлой берип. Нарындагы маегибизден бери мезгилдин кайра кайрылбас огундай болуп атылып кеткен эсил кайран жаштыгыбыз көз алдыма тартылып, тутанбай калган учкун, ырдалбай калган ыр, гүлү ачылбай калган махабат, бүтпөй калган көп иштердин бакисин кыялымда бүтүрүп, төгүлбөй калган көз жаштарды төгүп калем эсеп жетпеген биздин доордун көп сериялуу кино, телефильмдерин көрүп жаткансып.

Теңиримдин ушунусуна шүгүр!

Ошону үчүн, улуктар менен учурашкан адам сөзсүз эле бирдеке сурай турган таргибиңер болсо, аны бузбастан менин сураарым: мансап коругунда кай даражага жетип, тирүүлүктө кай тагдырды аркалабагын, бар бол курбум. Башка сураарым жок.

ИЛГЕРИ ҮМҮТҮМ БАР...

*Кыргызстандын эл депутаты Абыт Ибраимов
менен баарлашуу*

Апартеид: орусча – изоляция, кыргызча – өгөйлоо деген маанини билдирет. Апартеид – 1948-жылы Түштүк Африка республикасындагы расалык сегрегация принцибинде официалдуу бийликтер тарабынан киргизилип, жергиликтүү банту элин же европалык эмес этникалык топторду кодулап, жсаратылыш жагдайы катаал жайларга (резевуарларга) жашоого мажбурлап, алардын аянычтуу тагдырына жан кейитмек мындай турсун, улуттук ар-намысын кордоп, адамдык укугун менсинтүүнү мыйзамдаган саясат. Бириккен Улуттар Уюмунун генералдык ассамблеясында бир нече жолу каралып, дүйнөнүн бардык өлкөлөрү апартеидге наалат айтышкан.... (маекчинин аныктамасы)

Абыт Ибраимов 1948-жылдын 1-январында Ош областынын Совет районундагы Алайкуу айылында туулган. Улуту – кыргыз. КММИнин артыкчылык дипломуна жазылганына ылайык, кесиби – врач-педиатр. Медицина илимдеринин кандидаты. Биология илимдеринин доктору. Кыргызстандын эл депутаты. Адамдын биологиясын изилдөө багытындагы Эл аралык Ассоциациянын мүчөсү. Генетика боюнча жазылган эмгектери: АКШ, Англия, ФРГ, Швейцария, Япония жана Индияда жарык көргөн. 64 макала, 4 илимий ачылыштын автору. Чет өлкөдө бир жолу дагы боло элек. Бишкектеги Кыргызстандын Саламаттыкты сактоо министрлигинин илим изилдөөчү кардиология институтунда лабораториянын башчысы. Кыргыз, орус, англис, өзбек

тилдеринде окуп, эркин сүйлөй алат. Жубайы – Үриниса врач болуп иштейт. Үч уулу бар. Улугбек, Уланбек, Элибек. Жакшы көргөн жазуучу, артист, кинорежисеру – В. Шукшин. Илимий ачылыштары – дагы алдыда. Саясий ишмердигин түпкү максаты – эгемендүү Кыргызстандын Президенттиги.

Д. Садырбаев: Абыт укам, бүгүнкү маегибизди баштоону алдында “Улуу башымды кичүү кылып”, сенден кечирим сурагым келип турат. Эсиндеби, баягыда эн биринчи жолу Кыргызстандын эл депутатынын кандидаттыгына коргозулгонү Бишкектеги “Киносүйүүчүлөрдүн клубуна” келгенинде, мени шайтан сайып, агаандашың орус жигитти жактап чыкканым?

А. Ибраимов: Албетте, эсимде, ака, бирок, ошондо эле сизге таарынган эмесмин. Себеби, ал кезде экөөбүз таптакыр тааныш эмес болчубуз. Экинчиден, “бир-эки ооз жылуу пикир айтып кой”, – деп, атайы кадыр-колкосун ортого салып ээрчитип келген кесиптешиңиз тууралуу эчтеке дебей, ким экенимди даана биле элек жатып, кыргыздыгым үчүн эле мени жактап чыксаңыз жигиттик болбой калат эле. Үчүнчүдөн, сиз жактап чыккан күндө деле, ошол күнкү шайлоочулардын арасында экөөбүздөн бөлөк кыргыз жок болсо, кантип өтмөк элем... Мени өткөзүшмөк эмес аердегилер. Эң башкысы, ошондо өтпөй калганыман намысым чыйралып, кийин эл ишеними үчүн, өжөрлөнүп күрөшүүгө үйрөнгөнүм жакшы сабак болбодубу. Антпесе, ага дейре “көөнүң келсе буудайчык, келбесе куурайчык” деген маанайда депутатыкка деле ынтызарлыгым илең-салаң болуп жүргөн чагым эле. Ал жолугушуудан залал тартканым жок, ака... Сиз менен таанышканымдын өзү эле канча табылга.

Д. Садырбаев: Кичипейилдик кылганыңа раазымын, укам. Ошентсе да “тааныш эмес болчубуз” дегенин уяткарып атпайбы агаңды. Сеники го мейли, лабораторияңдан чыкпай күндөп-түндөп “илиминди казып” отуруп, мени тааныбасаң тааныбагандырсың, ошол кезде менин даражамдагы идеология – маданият кызматкеринин, дүйнөлүк илим майданына аты чыгып, башы корунуп калган алайкуулук карапайым кыргыз кемпир-чалдын сага окшогон абройлуу уулу бар экенин

билбей, ал аз келсе аны өз колу менен орус атаандашына жыгып бериши – наадандык эмей эmine дегизип... Дагы жакшы агайын-тууган, “төркүнүң” түзүк экен, сенин белиңди мергиппей жөлоп-таяп кетти. Болбосо, зор илимиңе эриш-аркак келаткан дагы бир бакыбат саясатчылык өнөрүңдүн ажаты ачылбай кала бериши да ыктымал эле...

А. Ибраимов: Коюң. ака, бул маселени тереңдете берсек, эски анекдоттогудай “сиз чыкың, сиз чыкың”, – деп сыпайгерчилик кылган эгиз балдардай болуп, сакал-мурутубузду коолатып ийгени турабыз экөөбүз тен, андан көрө өзүнүздүн ал-ахвалыңыз, “кайран элиңиз” тууралуу кеп курап берсеңиз...

Д. Садырбаев: Дагы кечирип кой, үкам, убадалашканыбызга ылайык, бүгүнкү суроолордун бардыгы мен тараптан болушу керек эмес беле...

А. Ибраимов: Бир ооз сөзүңүз, ака... Сиз кандай десеңиз, так ошондой болсун...

Д. Садырбаев: Анда эмесе сөздү “Асаба” гезитинин акыркы санынан жаңы эле окуган бир кайчы пикирден баштайын. Анда, чынын айтсам, мен отө кадырлап жүргөн акын иним Шайлообек Дүйшеев – “Кыргызстандын борборун Ошко которуу жөнүндөгү сунуш Кубат акенин сөзү менен айтканда, “нок сөз” болуп калыптыр” – деген оюн айтыптыр. Менин билишимде, Улук Кеңештин өткөн сессияларынын биринде борборду жылдыруу жөнүндөгү пикир сенин оозуңдан чыккандай болду эле. Оппонентине эмне дей аласың?

А. Ибраимов: Албетте, сөз берметтерин терип, кынабын келтире сүйлөө жагынан акын-жазуучуларга теңеле албашым мүмкүн, бирок, илим адамы катары менин айта турганым бар. Азыркы жакырчылык жакадан алып, жарандардан ыман качып, жакшынын дили өрттөнүп бир көзүң бир көзүң менен жоолошуп, саясий кырдаал кыйчалыштап турган маалда, кыргыздын эн башкы муктаждыгы – ынтымак менен биримдик. Жаратылыштын татаал шартына жараша бир атанын балдары туташ отурукташа албай, түндүктүк, түштүктүк болуп эки тарапка бөлүнүн кеткен экенбиз. Совет бийлиги жылдарында

орто темир жол тартылып, автошоссе салынып, авиалиниялар үзгүлтүксүз иштей баштагандан бери, эки тараптын элинин карым-катнашы ыкчамдап, чаткалдыктар – Жумгал, Нарындан, барскоондуктар – Баткенден, карабалталыктар – Алайкуудан куда-сөөк күтүп, киндиктештердин аралыгы жакындап, алыш-бериштин жаңы формаларын жаратып келатканын замандаштарыбыздын эч кимиси тана койбос. Буга сиз экөөбүздүн Бишкекте маектешип отурганыбыз деле күбө. Же азыркы номур биринчи саясий лидерибиздин Быстровкадан эмес, Токмоктон эмес, Сокулуктан эмес – Ноокаттан ССРдин эл депутаттыгына көргөзүлүп, саясий ишмердигинин тушоосу ошояктан кесилгени – эң сонун мисал боло алат. Эми Бишкектен Ош тарапка каттаган самолет, поезд, автоунаалардын саны кескин кыскарып, же биротоло токтоп калып, агайын-тууган, куда-сөөк, жек-жааттык карым катнаштын учугун үзүп салды. Миндеген үй-бүлөнүн санаасын сапырган көйгөйгө шалынтып, турмуштагы майда-барат, өйдө-ылдый жагдайлар тууралуу сөз кылбай эле коёюн, жадегенде Бишкек шаарындагы илим изилдөө менен айкалыштырып аты чыккан адистери бар республикалык масштабдагы ири ооруканаларга келип дарылануу мүмкүнчүлүгүнөн ажырап калды бүгүн түштүктүн эли. Минтүүгө эчким тоскоолдук кылбаса деле, Ош, Жалал-Абад тараптагы орто чарба адамдын ноокастап калган жакынын Бишкекке жеткизип келип, ооруканага жаткызып кете турган дагы чамасы калбады, экономикалык башаламандыктын эби-сыны жоктугунан. Эч кандай өзгөчө максатты көздөбөстөн, же түндүктөгү жаны кашайган кимдир бирөөнүн ачуу үстүндө айтып ийген, анысы орундуу же орунсуз болуп калышы деле ыктымал, кайсыдыр бир сөзүн эстүү-баштуу эле адамдар саясат деңгээлине дейре сүйрөп чыгып итирендей берсе, анда ыйкы-тыйкы кабынын оозун ачып, ансыз да жиктелип турган элди экиге бөлүп тынаары аштан бышык. Азыр апартеид ахвалында калган түштүктүн эли...

Д. Садырбаев: Кечирип кой, иним, апартеид деп...

А. Ибраимов: Ооба, ака, мен оозумдан чыккан ар бир сөз үчүн илимге таянып, кадиксиз документтердин негизинде жооп берип жүрүп көнгөн адаммын. “Апартеид” – деген сөз

кокусунан оозуман чыгып кеткен жери жок, атайын айттым. Анын эрежелеринде резервуарда калган карапайым калктын турмуш-тиричилигин жүргүзө турган мамлекеттик камсыздоонун “минимум” чаралары каралганы белгилүү. Бизде дегеле адамга кызмат кыла турган мамлекеттик түзүлүш калбагандай болуп туюлат мага. Азыркы Ош, Жалал-Абад аймагынын айыл-кыштактарындагы жарандардын көргөн күнү ошол апартейддигилердин эң төмөнкү критерийлеринен дагы ылдыйлап кеткенин далилдеп берем, керек десеңиз... Жакырлык жагынан Нарын тараптагылар дагы Жалал-Абад, Оштогу тууган-уругуна жакындап келатат. Эгерде кимдир бирөө “эгемендүү кыргыз мамлекети, азыр апартейддин босогосунда турат”, – десе таңгалбас элем. Анан мындай кырдаалда көртирликтин көйгөйүнөн чарчап бүткөн түштүк тараптагылар аз-аздап коңшулаш мамлекетке ыктап отуруп, акыры ошоякты көздөй ооп кетиши да ыктымал. Антүүгө шарт бар экенин кылымдарды карытып келаткан саясий, экономикалык, тууган-уруктук карым катнашка негизделген жүйөлүү себептери бар экендигин өзбек менен кыргыздын басып өткөн тарыхый жолу көргөзүп турат. Ырас, кээде таарынышса кайра жарашып, же “тойпондошо” түшкөн учурлары да жок эместигине карабай, Фергана өрөөнүнүн жерин казып, тоосуна сыйынган өзбек менен кыргыз эли жанаша жашоо менен гана чектелбестен, жалпы Ата Мекен, бир дин, тектеш тил, окшош тагдыр күткөнүнөн уул үйлөшүп, кыз беришип бирине-бири синишип кеткен жагдайларын эстен чыгарбаганыбыз түзүк болоор эле. Мындай экенин ойлонбой туруп: “Оштон көрө Ат-Башыны Кыргызстандын борбору кылабыз”, – деп бөйрөктөн шыйрак чыгарышкандарга – “Кимдир бирөөнү кайра-кайра “доңуз” деп кордой берсе, андай адам акыры келип бир ирээт кошкуруп ийиши да ыктымал” – деген орустун макалын эсине салып, “Өпкөнү саал ылдыйлаткыла!” деген кеңеш берээр элем. Андан көрө, кандайдыр бир ой ортого салынса, омууроолошпой, итиреңдншпей, Шайлообек иним айткандай, “поктошпой” сабырдуулук менен анын жаман-жакшы жактарын кылдат изилдеп көрүп, жападан жалгыз чындыкты тапкандан башка жолубуз жок биздин... Сөзүмдүн курулай эместигин далилдөө

үчүн билгенимди ортого салгым келди, кайра дагы тилинде мурчу, калеминде калемпири бар акын-жазуучулар “төө бастыга” алышаарын сезип турсам да... Азыркы кырдаалда Кыргызстандын борборунун Ошко которулушу, журт биримдигин сактап калуунун жападан жалгыз жолу сыяктанып көрүнүп турат мага. Себеби:

...Ош – Кыргызстандын эң байыркы, айтылуу Рим менен курбулаш мазар шаары, аксакал шаары. Улуулуугу жагынан эле Оштун бир республиканын борбору боло турган акысы бар го деп ойлоймун. Экинчиден, Ош – ондогон кылымдардан бери Ислам дүйнөсүнүн жарандары Меккеден кийинки эле абройлуу деп ыйык туткан, касиеттүү шаар. Мухиттей болгон Кытай, Индия, АКШ, Россия сыяктуу зор өлкөлөр “мусулман, ислам фактору” менен эсептешүүгө аргасыз болуп турган саясий кырдаалда, Оштун “ислам факторунун” улуттун өнүп-өсүшүнө пайдалана албасак, анда бизге убал жок.

Үчүнчүдөн, Оштун Эркештамы аркылуу жылуу деңиздерге жол ачып, Кытай, Индия, Пакистанга жеткизип, анан алар аркылуу аалам алкагынын бардык булуң-бурчу менен байланыштырып, кыргыздын колун узарта турган, “тогуз жолдун тоому” – Ош шаары.

Төртүнчүдөн, борбордун Ошко которулушу эгемендүү Кыргызстандын азыр талашка түшүп, коркунуч туудуруп турган түштүк кыйырын бекем кулпулай турган жападан-жалгыз мүмкүнчүлүгү. Тарыхта бул өңдөнгөн мисалдар толуп жатат. Илгери Петр биринчи өз өлкөсүнүн түндүк кыйырын карап коңшулаш мамлекеттердин “көзү кызара” бергенин биротоло токтотуу үчүн, Улуу Россиянын борбору Санкт-Петербургда машакаттуу экенине карабай, сазга тургузууга аргасыз болгонун өзгөчө далилдеп отуруунун кажети жоктур деп ойлоймун.

Маалымда Өзбекстандын борборун Бухарадан, Самарканддан – Ташкенге которуу идеясындагы, Өзбекстандын түштүк кыйырын башкалардын эсебинен кеңейтүүнү көздөгөн “укуругу узун” геосаясат экени жана ал саясат мезгилдин өтүшү менен өз максатына жеткени дагы бизге маалым.

Учурубоздагы эң ири саясатчылардын бири Нурсултан Назарбаевдин Казакстандын борборун Ак-Молого

(Целиноград) көчүрсөм деген тилегин анын байлыгы ашып-ташып же эсиргендеги ою катары баалаган адам, өзүнүн акыл-эсинин тайкылыгын жумурай журтка белгилүү кылып коёр эле.

Акыры, саясаттын чебер жарчысы Нурсултан Абишевичтин жүрөгүн Түндүк Казакстандагы жергиликтүү калктын аздыгы, нары жагынан жөө тумандай болуп каптап келаткан “орус фактору” мыжыгылап жатканын билбей, көрбөй калуу – менин даражамдагы саясатчы эмес, жөн эле, “өз жеримде, өз элимдин арасында жашайын” – деген атуулдун аброюн өйдөлөтпөйт.

Буга окшогон “борбор которуштуулар” маалында Америка, Бразилия, Россия, Турция, Аргентина өндөгөн нече зор мамлекеттерде болуп, алар “административдик” жана “өнөр жайлык” делинип, эки борбор күткөндөн эч залал табышпаганын тарыхый чындык айгинелеп турат.

Бешинчиден, борбор Ошко которулса, эл аралык туризм кеңири жайылып, Кара-Алма, Сары-Челек, Арстанбап, Кара-Шоро сыяктуу азыр кирешесинен чыгашасы артып жаткан керемет жайлардын инфраструктураларынын мезгилине жараша өнүгүп, республиканын валюта фондусунун бир тешигин бүтөгөнгө жарамак, кыйла жылдарга дейре...

Алтынчиден, республиканын айыл-чарба, тоо-кен байлыгы, гидроресурс, пахта, тамеки токой чарба, дыйканчылыгынын теңинен көбүн ээлеген аймактын элинин: “Туугандар! Башка элдер менен аралашып жашаган жагдайда, өзгөчө алардын саны бизден арбыныраак болсо, тилибизге, салт-санаабызга, дилибизге, үрп-адатыбызга, маданиятыбызга ылайык келбеген элементтери аралашып кетип жатат. Элүүнчү, алтымышынчы, жетимишинчи жылдары түндүк кыргыздар тараптан жогорку билимдүү мугалим, врач, парткызматкер, жана башка техникалык аркыл адистердин быякка келип иштей баштаганынан, маданиятыбыз өөдөлөп, тилибиз, дилибиз жакындашып, үрп-адат, салт-санаабыз чырмалышып, ынтымагыбыздын ширелишкени, жакшы эле болбоду беле... Бирок, азыркы шартта кыргыз радиосунун, телевидениесинин, адабиятынын, маданиятынын, басма сөзүнүн таасирине караганда, Өзбекстандыкы басымдуулук кылып жатат. Күнүмдүк тиричиликтеги кем-карчынын жагдайы деле

ошондой. Нак акчанын орчундуу массасын, малдын семизин, товардын жакшысын, кыздын сулуусун коңшуларыбызга алпарып берүүгө аргасыз болуп атабыз. Ушинтип жүрүп отурсак, башкаларды айтпай эле коелу, турмуштун барлык тармагынан, өзүбүздүн эле өзөктөштөрүбүз, силерден дагы ондогон жылдарга аркада калып кеткени турабыз! Эгерде бир эл, бир журтпуз десеңер, калыстык кылып 20-30 жылга административдик борборду биз жакка жылдыра тургула, саясий-экономикалык айкашуулардын өйдө-ылдыйынан оодарылбай-чайпалбай турган журт катары калыптанып алгандан кийин, каалаган жагыңарга кайра которуп аласыңар” – деп айтышка акысы барбы? Мен – бар деп ойлоймун.

Жетинчиден, Чүй боорунун айыл-кыштактарынын кыргыз жаштары борборду көздөй сүрүлүп келип отуруп, Бишкек “оорлошуп” баратат жылдан-жылга. Ортолук шаарды жеңилдетип, быяктагы “орус факторунун” проблемаларын жымсалдатып барып, өнөр-жай борборун улуттун кызыкчылыгына иштетүүгө табигый өнүгүш жолу менен келбестен, азыркыдай андыша берсек, акыры биерден дагы бир каргаша чыгып кетиши ыктымал. Анын эч кимге кереги жок.

Сегизинчиден, чет жакадагы, алсак, Кытай, Афганистан, Пакистан, Индия, Иордания, Түркия, Өзбекстандагы кыргыздардын басымдуу көпчүлүгүнүн бир тамыры Ош аймагынын жергиликтүү кыргыздарынын тамыры менен туташ экендигин дагы унутууга болбойт. Акыры келип кыргыздын сапаты гана эмес, санын эсептей турган мезгил болуп калышы да ыктымал. Ошондуктан, чет жакадагы өзөктөштөрүбүздү өгөйлөбөстөн, боорго тартып тургыныбыз келечектүүрөктөй болуп көрүнөт мага. Акыры, ата-бабаларыбыз: “Аргымакты жалсыз деп жолго таштабагыла, Азаматты пулсуз деп жоого баштабагыла”, – деп бекеринен айткан эместир го...

Тогузунчудан, борбордун которулушу менен Президентибиздин ийини дагы “Ош факторунан” жеңилдей түшөөр эле. Азыр ал саясатта болсун, кадр тандап, команда кураганда болобу, иши кылып “Ош Жалал–Абад тараптан бираар-жарымды кошпосом болбойт” – деп, бул фактор менен эсептешүүгө аргасыз. Эгерде Президенттик аппарат, республиканын башкаруу бийлиги дагы ушул өңдөнгөн эки-үч

министрлик эле аякка көчүп барса, борбордун инфраструктурасы улуттун өзгөчөлүгүнө жараша калыптанып, кадр проблемасы дагы өзүнөн-өзү чечилип, коңшулаш мамлекеттер Эгемендүү Кыргыз Республикасынын “борбор фактору” менен эсептешпей кое албайт болучу. Ырас, үркөрдөй кыргыз, андай Бишкекти өнөр-жай, маданий борбор катары калтырып, Ошту административдик борбор катары тааныган ынтымакка келе алсак, анын өзүнүн көйгөйү чыкпай коймок эмес. Мисалы, Фергана тараптын калкынын өтө жыш жайгашканы экологиялык жаңы проблема туудурушу мүмкүн. Ал ырас, бирок, аны сабырдуулук менен чечкенден башка арга жок бизде. Борборду “козгобогон” күндө деле бул проблеманын башталганы качан. Анын сөзсүз чечүү керек. Өз журтумдун уулу катары, алыскы келечек эмес, жакынкы эле жылдардын аралыгында бул проблеманы Өзбекстандын президенти менен өзбек окмоту чечишин каалабас элем. Кырдаал күчү ушуга жакындап келатканын менин оппонеттеримдин ойлонгусу келбегени – өтө өкүнүчтүү. Себеби, 1990–жылкы “Ош каргашасынын” учкунун, арасында абройлуу адамдары, партиянын ветерандары, эмгектин баатырлары, окумуштуулары да жок эмес өзбек туугандардын: “1926-жылы Кыргызстан Советтик Социалисттик Республика болуп жарыяланышы үчүн жеринин аянты, калкынын саны жетишпей калганы баарыга маалым. Ошондо Сталиндин буйругу чыгып, Ош, Өзгөн, Кара-Суу, Араван, Жалал-Абад, Сузак, Базар-Коргон сыяктуу Өзбекстандын шаар кыштактары эли журту менен Кыргызстанга өткөрүлүп, республика болгонсуңар. Эми өзүңөрчө улут катары калыптанып, түндүгүңөрдөн түтүн булатып алгандан кийин, ошондо алганыңарды кайра бергиле”, – деп Горбачев менен Масалиевге жазган талабы ал учкунду тутантып ийгенин эмне үчүн эске алгыбыз келбейт? Мейли, мындай талапты 2,5 миллион кыргыз “көргөн жокпуз, уккан жокпуз”, – деп билмексен болуп деле коелу. Бирок, 16,5 миллион өзбектин жүрөгүнөн түнөк таап, бир нече жылдан бери делебесин козгоп келаткан ушул эле түшүнүктү төгүнгө чыгара турган кудурет барбы бизде? Кудай таалам деле “сактанганды сактайм”, – дегенин кез-кезде эстей жүрсөк, артыкбаштык кылбас эле.

Сөздүн кыскасы, буга окшогон дооматтар коюла элек, биргелешип тирилик кылган, өткөн 70 жылдын аралыгында Ош, Жалал-Абад тараптын эли Чүй өрөөнүндөгү Фрунзе шаарынын борбор болушуна итиркейин келтирбей эле жүрүшпөдү беле... Эми кыргыздын кыйыры эмес, улуттук биримдигине коркунуч туугузган турмуштук муктаждыктан келип чыккан проблеманы ортого салып, баарылап акыл калчашып көрөлү деген адамдын мойнуна кайдагы бир акылга сыйбаган жардыкты тага салып, оозго алынбас сөздөрдү агытып ийип омуруолой бергендерди ошол эле Кубат аксбиздин “Сактайынын сарысына” жонөтүп ийгенден башка аргумент жок менде. Дагы айтайынбы Оштун республиканын административдик борбор болгонго жетилип калган себептери? Же ынандыңызбы?

Д. Садырбаев: Чынын айтсам, “мен биерлик эмесмин”. Баягыда кары дебей, жаш дебей, “Түштүк Кыргызстанды Россияга кошун алабыз” – деп М. Борбугуловдун сакалы өрттөндү! – дешип жапатырмак аны “соттоп” киришкенде, “Кое тургулачы, уул-кыздарым. Акыры, Мухтар Борбугулович этегин жырта баскандардан эмес, окумуштуу адам го... Анын дагы бир билгени болуп жүрбөсүн? Абалы өзү менен маектешип көрсөк кантет?” деп койсом, чүйлүк кайындарымдып итатый карман, сөзмө-сөз ушундай деп айта албаймын, бирок, “атак-даңктан өксүтпөсөк, кызыбызды берип ардактасак да, Д. Садырбаев акыры келип акасына жан тартып, “борү баласы ит болбойттугун” коргоздү” – деп гезитке жазышып, улгайган чагымда армансыз “сүзүн” алышкан. Ошону үчүн, эми “үкасына жан тартты” – дегизгим жок экенин жашыргым келбейт. Баарынан башкысы, азыркы абалымда Кыргызстандын борборунун каерге жайгашаары, анча деле кызыктырбайт мени. Түштүк кыргыздарынын акыры келип кайсы мамлекетке кошулуп кетери дагы. Ар кимдин маңдайына жазылганын көргөнү жакшы. Бирок, эмнеге үчүн мынчалык күйүп-бышканыңа түшүнбөй турам. Өзүң – дүйнөлүк ысымы бар окумуштуу болсоң, ишин илгерилеп баратса, эл катары оокат-тирилигиң деле болсо керек...

А. Ибраимов: Албетте. Мурдагыдай буюм-тайым сатып калганга чамабыз келбесе да, менин алган 8 миң сом айлыгым, 500 сом депутаттык стипендиям, зайыбымдын алган 4 миң сому, азырынча ичкен-жегенибизге жетип атат.

Д. Садырбаев: Эмне азыркы айткандарынан сырткары киреше киргизе турган булагыңар жокпу?

А. Ибраимов: Каяктан. Илим менен саясатты аран зорго айкалыштырып жүрөм, азыркы көпчүлүктүн көксөгөн өтө барктуу кесиби “алып сатарлыкты” өздөштүрө ала турган эмесмин.

Д. Садырбаев: Парламент боюнча кесиптештеринди туура, жер-жерлерге “чакан ишкана” ачтырып койгон жок белең?

А. Ибраимов: Анте албадым, ака... Дитим барбады, каражатым деле жете турган эмес. Депутат болгондон кийин алдым, азыркы минип жүргөн “Жигулини” дагы. Ошол учурда ар ким-ар кимдер “не бар, не жок, биротоло ГАЗ-24 сурап албайсыңбы?” – дешип да көрүштү. Бирок сураган жокмун, “кокустан берип калса, 16 миң сомду каяктан табамын?” – деп этияттанып. Анда 16 миң сомду табыш дагы оңой эмес эле да...

Д. Садырбаев: Тууган-урук, куда-сөөктүк карым-катнашты кантип атасыңар?

А. Ибраимов: Азайттык. Той-тополондорго катыша турган чама бизде деле калбады, чынын айтсам. Ылайым андайдын бетин нары кылсын деңизчи, өлүм-өтүлүктө барбашка арга жок. Анда да тууган-уруктарым “түтүн салыгынан” бошотуп коюшкан. Кыргызстандагы эң жакыр депутаттыгымды эске алышып, жеңилдик берип. Самолет учпаса, автобус жүрбөсө, поезд менен чыксаң республиканын чегинен өтөр замат тонолуп токмок жесең, эң кеминде 15 миң сомдук бензин сарпталса, аргасыздан үйүңдө отурат экенсиң, үшкүрүнүп коюп, кыйышпас адамдын дагы мааракесине жете албай.

Д. Садырбаев: Ушулардын баарын айтууга аргасыз кылган жанагы суроомду аягына чыгайын. Кырдаал минтип турса, эл катары оокат-тирилигин бар экен, илимий ишиндин деле аксап кылгандай кейпи билинбейт, былтыр эле “Кыргыздардын генофонду” деген көлөмдүү монография чыгарганыңа караганда, анан ар кимге эле

жата бербей, кээ бироолордун кулагы уккусу келбеген ой-пикиринди ачык айтып, аны түшүнгө да, түшүнбөгө да жаман көрүнүп эмне кыласың?

А. Ибраимов: Ээ жарыктык, бул сурооңузга жооп берүү үчүн саал аргка чегинүүгө туура келет. Мындан 8-9 жыл илгери эле ар кыл өлкөлөрдөн чакыруу кагазым барлыгына карабай, чет мамлекетке чыгууга руксат берилбеген диссиденттерден элем.

Д. Садырбаев: Койчу?

А. Ибраимов: Чын. КГБга кайрылып, колуңуздан келсе, менин баскан турганымдын баяндамасы тиркелген папкени карап чыксаңыз болот.

Д. Садырбаев: Ошондой папке барлыгына ишене турган жонүң барбы?

А. Ибраимов: Азырынча өз көзүм менен көрө элекмин, бирок, депутат болгондон кийин ошол кездеги КГБнын председатели Асанкулов агайдан сурам, “андай папке жок” деди эле. Азыркысы “бар” дейт го. Эми анын барлыгынын анча деле саясий кажети жок деңизчи. Бирок, 1984-жылы Мамеев деген КГБнын майору чакырып алып, жети саат ар нерсени айтып, башымды оорутканы эсимде.

Ошондогу “чакыруу кагазды” алиге дейре сактап жүрөм, КГБ менен жат эмес экенимди күбөлөндүргөн документ катары... Мына сиз деле көрсөңүз болот.

Д. Садырбаев: Кызык. Сага эмне деген доомат койду эле анда?

А. Ибраимов: Биринчиден, ошол кездеги изилдеп жаткан бир эмгегимдин багыты чынында эле “мамлекеттик жашыруун сыр” катары жабык иштелгендиктен, анын айрым фактылары чет элге чыгып кетишине керт башым менен жооп береримди эскертени чакырыптыр, негизинен. Анан “Эмне үчүн англис тилиндеги китептерди окуйсун? Өз чөйрөңдөгүлөр менен отуруш кылганда, Сахаровду жактайт экенсиң. Афган согушун Совет мамлекетинин басмачылыгы дейт экенсиң, токтоткун мындан нары буга окшогон бузуку создөрүңдү”, – деген сыяктуу ар кыл айыптарды тага бергенинен, 7 саат бою акыйнек айтышкан болчубуз. Анан тагдырдын буйругун көр, Кыргызстан эл депутаттыгына бир округдан көргөзүлүп,

атаандаш болуп калыппыз ошол Мамеев экөөбүз. Анда ал Ош областындагы КГБ Башкармасынын начальниги болуп иштейт экен. Карамагындагы кызматкерлерин, ал турсун, Совет райкомунун экинчи катчысын куп гана кара терге салды го, номери жок машинелерди мингизип коюп, айыл-айылдарга чаптырып. Совет районуна азык-түлүк жеткирген Оштогу чек аралык аскер округунун жүк ташыгыч машиналары “Мамеев үчүн добуш бергиле!” – деген чакырыктарды жамбаштарына жабыштырып алып, катуу сүйлөгүчтөрүн жаңыргып эл аралап, үгүттөп жүрүп, шайлоонун экинчи туруна чыгарып тынышкан анда Мамеев экөөбүздү. Областтык КГБнын 12 чекисти, жергиликтүү советтик-партиялык жооптуу кызматкерлер түп көтөрүлүп чыгышып шайлоочуларымды ачыктан-ачык опузалап, коркутуп-үркүтө башташканда, бул “оюндан” “красиво” чыгып кетким келип, Асанкулов агайга телефон чалдым: “Силер мага КГБдагы “менин ишим” тиркелген пепкени берсеңер, мен өз кандидатурамды атаандаштыктан алып салайын” – деп. Агай “соодалашпай” койгон анда, “ансыз деле Мамеев жеңип чыгат” – деген оюн айтып. Бирок, алайкуулуктар КГБдан коркпой коюшканынан депутат болуп калдым, ушинтип калп айткан менен болобу, бийлик ээлери туш-тушума тор жайып, жүдөтүп жүргөн маалда эптеп четке чыгып алсам, кайтпай калышым дагы ыктымал эле. Азыр андай муктаждык жок менде. Илимий багытым өзүнүн жолун таап кетти, туш-тараптан. Адистиги жагынан менден кем эмес шакирттерим бар жер-жерлерде. Мурдагыдай баш-отумду сайып коюп, илпмдин артынан түшүп карайын десем, жакырчылык ага мүмкүнчүлүк бере турган эмес. Журт ооштуруп кете турган оюм жок, ушул жерде, ушул элдин арасында жашап жаткандан кийин, эмне үчүн өз тагдырыма, балдарымдын келечегине кайдыгерлик кылып кимдир бирөөгө жаман көрүнүп калуудан этияттанып, коюп жаткан маселемдин жүйөлүү экенин көзүм көрүп, алгылыктуулугуна акылым жетип турса, аны ачык айткандан айбыгышым керек.

Д. Садырбаев: Минтип сураганымдын себеби: жакында Т.Усубалиев, А. Масалиев, А. Акаев менен үзөңгүлөш болуп иштеген бир адам менен маектешип, айткандарын ушул магнитофонго жазып алган болчумун. Анан ал маегибиздин

чыпчыргасын коротпой кагазга түшүрүп, өзүнө окутканы алып барсам, “Усубалиев, Масалиев тууралуу айткандарымды гезитке чыгарып, Акаев менен карым-катышымды, азырынча, жон эле койсоң”, – деген өгүнүчүн айтат.

– Эмне, өгүнү маектешип жатканыбызда калп айтып койдуңуз беле? – деп сураам:

– Жо, баары тең эле кашкайган чындык. Бирок, азыр бийлик чеңгелдеп турган пемеге жаман көрүнүп каламбы... – дейт.

Ошону үчүн сурап жагамын, кайсыдыр бир окуяга оюнду айтаарын айтып алып, анан кимдир бироого жаман көрүнүүдөн этияттанып “ушунусун кое туралы” – дей турган болсоң, экообүзгө тең отө кымбат убакытты коротуп отурбай, ушунчабызда “ака-үка” дешкен бойдон таран кетсекпи ден. Себеби, мындан ары карай сен күтпөгөн суроолордун беришим мүмкүн.

А. Ибраимов: Бере бериңиз каалаган сурооңузду. Менимче ал карыяңыздын өзүнүн ыманында мандем бар го, алиге дейре күнкорлуктан башын азаттыкка чыгара албай кооптоно турган. Албетте, азыр бийлиги жок отурган адамдар тууралуу оозуна киргенди оттой бериш ар кимдин колунан келет... Акыйкаттык үчүн жанын сайган азамат болсо, “акты ак, караны-кара” – дегени жүйөлүү болмок. Менин кимдир бироонун ырайымына үмүт байлап, каякадыр кылчактай турган жонүм жок. Билгенимди “билем”, билбегенимди “билбейм” десем, сиз мени жыга чаппастырсыз акыры. Оозуман чыкканды танып ие турган дагы адатым жок эле менин.

Д. Садырбаев: Жанатан бери айтып жаткан атаандашуулардын жолун басып келин депутат болгонуңа окүнгөн жоксунбу?

А. Ибраимов: Жо, окүнгөн жокмун. Закон чыгаруу боюнча түзүк эле эмгектенгенсип атабыз, бирок, аны аткаруу бийлигинин укуктарынын мыйзамдоо жагынан жакындап же айрым так жана тез чечилишти талап кылган маселелердин талкуусуна келгенде эле торагабыз Медеткан Шеримкуловичтин андай талкууну эптеп-септеп буйдамалап,

шашылыш бүтүрүп салышы гана өкүнткөнү болбосо, мында да натыйжалуураак иштесе болот...

Д. Садырбаев: Тораганар атайын ошентип жатат деп ойлойсунбу?

А. Ибраимов: Албетте. Медеткан Шеримкуловичтин даражасындагы саясатчылардын кылган-турганында, сүйлөгөнүндө кокустук болбойт, ака... Өзү илинчээксиз өткөрүп кетүүнү каалаган маселелерди депутаттардын чарчап, көпчүлүгүнүн бир буту сессияда, бир буту аэропортто турган маалына жеткирип туруп, алып чыгышын байкаган жоксузбу? Албетте, атайын жасайт андайдын барысын.

Д. Садырбаев: Шайлоочуларың менен карым-катышың кандай?

А. Ибраимов: Түзүк эле. Өткөн жылдын кеч күзүндө учурашып келдим акыркы жолу.

Д. Садырбаев: Андай жолугушууларда кандай наказдар алып жүрөсүң?

А. Ибраимов: “Наказ” – деген болбогон сөз экенин, элдин баары түшүнүп калыптыр азыр, андай эле быкыр-чыкырды айта беришпейт. Бирок, көпчүлүк шайлоочулардын момундай бир өтүнүчүн айтпай кое албайм. Бир жерден чочко сакал кары адам сөз сурап чыгып алып: “Абыт балам, жол салдырып, мектеп курдуруп бер деп колуңан келбей турган иштерди айтып биз сени кыйналбайлы. Бирок, бир өтүнүчүбүздү Жогорку Кеңешке жеткизип, Президент Акаев менен Ош облусунун акими Батыраалы Сыдыковдун отставкага кетишин талап кылууну тапшырабыз сага!”, – дегенде калгандары дүркүрөтүп кол чаап ийишкени ырас.

– Эмне үчүн антип атасыңар? – деген суроомо:

– Элди-журтту итке мингизип коюшканы үчүн! – деп жабыла жооп беришти. Кыргызстандын тырмакка илине турган буюм-гайымынын барысын сыртка ташытып түгөткөнү үчүн. Чырпык башын жылдырбаган шылуундарга аркабел болуп “бүтүлүүнү бүлүнткөндөргө” дарбаза ачып коюшкандыктары үчүн. Акыры, Акаев менен Сыдыковдун жамандыгынан мындай абалга кириптер болуп отурган жокпуз го, бул баягы эски союздун элинин баарынын башына түшкөн балаа болду, – десем:

– Жо, ошолордун эле айынан! – деп жабалактады көпчүлүк. – Аларың эртели - кеч сүйлөгөн сайын айыбын чукуп жаманатты кылган Коопартиянын маалында дүкөндөрдө азык-оокат толтура, айылма-айыл автобустар каттаар эле. “Автолавка аз келет, доктурлар үймө-үй кыдырып оору сыркоолорду сакайтып кетсин. Фрунзеден артист чакыртып, индиялык кинолордон апта сайын апкелип коргөзүп тургула!” – деп өкмөт менен партияга док урунуп, кимдир бироонун чычкак улак жоголмок турсун, жалгыз баланды муздап кетсе, сурай турган киши калбады биз тарапта. Алысыраак айылда көзү өткөн урук-туугандарыңа топурак салып келгенге баралбай калды, кары-картаңдын буту тушалып, саман өрттөнүп, уурукескинин күнү тууду, түн жамынган айыл-айылдагы бала-чака гала-гала болуп ишсиз калды, алып-сатып чайкоочулук кылганга жарабайбыз. “Буга Акаев менен Сыдыковдун айыбы жок” – дегениңе кошула албайбыз. Айыбы толуп атат. Өзбекстан дагы бизге окшоп, эски союздун катарынан чыкты эле го. Алардын Каримову колунан иш, тилинен сөз келген даанышман жигит экен, анын дүкөндөрүнүн уну, майы, чайы тартыла элек. Күкүртү дагы бар имиш. Автобустары болсо тынбай каттап турат, айыл-кыштактарына, каерде жүрбөгүн, бир өзбектин чекесине чертип көрчү, көз ачып-жумганча торт тарабындан төрт милийса жетип келип, тим эле бутунду буттай, колунду колдой жулуп кеткенин өзүн дагы баамдабай каласың. Башкалардай болуп, эл башкарганды эптей алышпагандан кийин, айткан создөрүнө тура алышпагандан кийин, сыйы менен эле кете бергени жакшы болгону турат биздин чунак балдардын.

– Маакул, алар силер айткандай болуп өз ыктыярлары менен кете беришсин деп коелу, чынын айтсам, ал экөөнүн тең минтишээрине көзүм жетпесе да, ошентишет деп кое берейин, андан кийин алардын ордуна келип журттун жүгүн аркалап кете турган азамат уулунар же кызыңар барбы? – деп сурам:

– Бар! – дешти алар бир ооздон: – “Быкы-чыкыга” жан тармак тургай, аны уюштургандардын башында болсо дагы, биз Аманбаевди Президент шайлап алалы деген үмүтүбүз бар. Ал быякта иштеп, ушерден өнүп-өскөн жигит. Жамандык-жакшылыкты чогуу коргонбүз. Колунан эмне келип, эмне

келбей турганын дагы эң жакшы билебиз. Эл үчүн эмгектенгенден качпай, айтканын аткарган, ыксыз ырсалактай бербеген убадага бек жетекчи эле Аманбаев. Бекер кылдынар да депутаттар баягыда, Акаевден да, Масалиевден да, күнчүлүк өөдө турган уулдун белин мертинтип.

Мындай сунуштар жолугушууларымдын дээрлик баардыгында айтылып жүрөт.

Д. Садырбаев: Өзүңдүн мамилең кандай мындай сунушка?

А. Ибраимов: Адегенде этибарга алган эмесмин. Убакыт өткөн сайын алардын мындай сөзүнүн төгүн жеринен чыкпаганына мен дагы ынанып келатам. Акыры, ГКЧП уюштургандардын өтө коркунучтуу мамлекеттик кылмыш жасабастан, зор өлкөнү жөө тумандай каптап келаткан башаламандыктан калкалап калалы деген ой менен олдоксонураак аракет жасап, билимсиздик кылып алышканын, Россиянын өзүнүн официалдуу бийликтери аз-аздап моюнга алып келатышпайбы...

Ошону үчүн ГКЧПны колдосо да, колдобосо да мурдагы Советтер Союзунун, андан кийинки Россиянын саясий багытын өзгөртүүгө чамасы келбеген чакан республиканын коммунисттеринин лидерин кимгедир жан тартканы үчүн эле жерден алып, көргө салып, эртедир-кечтир “эл душманы” катары көргөзө берүүнүн аракетин кылыш, эчкимдин курсагын тойгузбайт. Андай эле кыйын болушса, мына Ж.Аманбаев “аки-чүкүнө” аралашпай үйүндө отурганына бир жылдан ашуун убакыт болуп калды, кана ошондон бери эки тизгин бир чылбыр колуна тийгендердин “кой үстүнө торгой жумурткалатып ийишкени? Анан калса, ГКЧПны оозангандын бакиси кээ бирөөлөрдүн итиркейин келтире турганы анык болсо, андайлардын, маалында ошол эле “быкы-чыкыны” ачыктан-ачык колдоп чыгышкан Кравчук, Каримов, Ниязов сыяктуу саясатчылар менен урушкан сайын кучакташып көрүшкөнүн түшүнсөм, оңбой калайын. Азыркы кириптер болгон экономикалык, саясий кризистен республиканын өкмөтү менен Президенти жакынкы күндөрдө чыгарып кетээрине көзүм жетпейт. Андай болгондон кийин жумурай-журттун “оорун жерден, жеңилин колдон ала турган” уул-кызыбыздын ар бирин

этияттаганыбыз абзел. Эмдиги Президенттик шайлоолорго чейин кимдин ким экени өзү эле билинип калат.

Д. Садырбаев: Кырдаал ушинтип турса дагы Президент эмки шайлоолорго чейин оз ордуна козголбойт деп ойлойсунбу?

А. Ибраимов: Ооба. Азырынча республикада аны ордуна козгой турган саясий күч жок. Ал эми Президентибиз профессионал шахматисттен кем эмес, белгилүү даражадагы саясатчы болгондуктан эки-үч “запасный ход” белендеп алганын күтүүгө акыбыз бар...

Д. Садырбаев: Ал кандай “ходдор” экенин билсек болобу?

А. Ибраимов: Албетте, бөлөт. Эң алгачкы “толкунга” премьер-министрди “өткөзүп берип” аман-эсен чыгып алышы мүмкүн.

Д. Садырбаев: Анан?

А. Ибраимов: Андан кийинки “борошого” айыл-чарбасы боюнча вице-премьерди кармата салып, үч-төрт ай, же жарым жылга узартышы ыктымал ушул бийлигин. Областтык акимдерди же айрым министрлерди ооштуруу менен дагы илгерилетип алса болот мансаптуу күндөрүн.

Д. Садырбаев: Президент тарабынан экономикалык өзгөчө кырдаал жарыяланып, укук органдарынын аброюн жогорулатып, демократияны саал азайтып дегендей, кандайдыр бир кескин чаралар корүлсөчү?

А. Ибраимов: Президентибиз “Балекеттин бардыгы укук коргоо органдарынын аброюнун ылдыйраак, же Кыргызстандагы демократиянын арбындап кетишинен болуп атат” – деп ойлооруна ишенгим келбейт. Эгерде ошенте турган болсо, анда эмдиги шайлоолордун мөөнөтүнө жетпей, Президент “Ак үйдөн” алыстап калышы ыктымал. Азыркы саясий-экономикалык кризистен чыгуу үчүн, болуп жаткан башаламандыктын төркүнүн жаңылбай таап, жалпы элдин кешиги кемий берсе, анын дагы “май-талканы” азаярын түшүнгөнгө жөндөмдүү, “личная скромность” дегенди билген өкмөт адамдары керек. Тилекке каршы, азыркылар тууралуу антип айта албаймын. Президентибиздин аз убакытка болсо да, демократиядан башы айлана түшкөнүнөн пайдаланган эн

жогорку жетекчи кызматтардагы ишенген адамдары элдин, мамлекеттин мүлкүнө кош колун салып, напсисин агытып ийишкени азыр эч кимге жашыруун сыр болбой калды. Областтык, райондук акимдердин, министрлик, ири ишканалардын жана мамлекеттик бийлик органдарынын жетекчилеринин жубайы, бөлөсү, баласы, тагасы, жээни же иши кылып, өз адамы аркылуу бирердеги чакан ишкана, коммерциялык фирма, СНАБЕКО өндөнгөн чет элдик статусу бар ондогон, жүздөгөн, арамдыгы аттын кашкасындай болуп алыстан көрүнүп турган, шектүү түзүлүштөр менен тыгыз байланышып алышып, күнү-түнү пачкелеп, баштыктап, чемодандап сом, доллар, фунт, шекел, же “вольво”, “мерседес”, “тойото”, “ренелеп” менчигине “өлүү мүлк” басып жатышкандыктары тууралуу гезиттер жазып эле атат, жазып эле атат, бирок, ошолордун бирөөнүн жоопко тартылганын окуй элекмин. Себеби, аларды текшере тургандардын мал-мүлк, акча-каражат кызыкчылыгынын тамыры Анкара же Женевага жеткенде бир жерден чыгып отурса, анан кантип жоопко тартат кимдир бирөөнү. Бир карга бир карганын көзүн чокубайт да, жаратылыш мыйзамында. Бишкектин өөдө жагында орустар “царское село” деп атап алышкан бир айыл пайда болду акыры эки-үч жылдын аралыгында. Калп айткан менен болобу, көргөндүн көзү сүйүнө турган эки-үч кабат үйлөр салыныптыр катар-катар. Азыр да турган айрымдарынын жанында аэроге көчүрүлүп барышы эле бир нече миллион сомдук каражат талап кыла турган килейген-килейген курулуш крандары. Күндөп-түндөп баш көтөрбөй иштеп атышат, чоң-чоң ПМКалардын жумушчулары карапайым адамдын үч уктаса түшүнө кирбей турган, база эмес, базардан табылгыс, четтен келген курулуш материалдары менен. Мындай үйлөрдү окумуштуу, врач, жумушчу же эң кур дегенде чайкоочу комерсанттар салып жатышса да, мунун тегерегинде сөз кылып отурбайт болчумун. Сураштыра келсем, ал үйлөрдүн тээ ойдөкүсү Президенттин, эң ылдыйкысы министрдин орун басарынын деңгээлинен кем эмес мамлекеттик жооптуу кызматтардагы замандаштарымдыкы экендиги, аябай кейитти мени. Документтерин агасына же инисине каттатып койсо эле, кайсы үй Президенттики, кайсынысы финансы министрлики

же областтын акиминин үйү экени кайсынысына мрамор шыбалып, кимисиники керамзит же цемент менен иштетилип жатканынан эле билинип калат экен. Мисалга менин үйүмдү кайсыңар бир ПМКанын начальниги чыккыйына тапанча такап турсам дагы курулуш материалдарын өкмөт наркы менен таап, курулуш тарыхындагы эн арзан баа менен куруп бербейт. Анан калса эч ким билбейт, эч ким укпайт деп ойлоп, кызмат абалынан армансыз пайдаланган “жарыктыктар” ал объектилердин кара жумушунда жүргөн карапайым куруучуларга кандай ооз басырык кылуунун камын көрүп коюшкан эмес экен, азыркыдай дуу-дуу кеп, ошолордун оозунан чыгып кетип атпайбы, эртели-кеч. Кеп “дуу-дууда” деле эмес. Кеп, минтип колуна бийлик тийген эле адам, “алайын алдырбайын, жулайын жулдурбайын”– деп араанын ачып, көзүнө көрүнгөндүн бакисин күндөп-түндөп өз кампасын көздөтүп күрөй берсе, алакандай болгон Кыргызстан эмес, мухит сымал Россиянын мыдырын эки-үч жылга жеткизбей түгөтүп салып, жарандарын итке мингизип коюшунда болуп жатпайбы. Ааламдын бир дагы мамлекети биздегидей таламайга туруштук бере албайт, кептин чынына келсек. Кырдаал ушул бойдон кала берсе, башы алтын башка жагы күмүш жетекчи дагы республиканы бул кризистен алып чыгып кете албайт. Себеби дегенде, колуна мансап тийген алкы бузуктардын асмандан издегени жерден табылып, өзүнүн капчыгын калындатыш үчүн Кумтөр тургай, Ата Журтунду түп орду менен сатып ийгенден кайра тартпагандарга Аскар Акаевич пайгамбардай эле табылга болду. Кимдир бирөөсүн садага чаап ийген болсо дагы, Аскар Акаевдин аброюн сактап, алдуулардын жайытына башкаларды киргизбөөнүн аракетин кылат азыркы Президенттин тегерегиндегилер. Ошону үчүн, бүгүнкү күнгө дейре Президентибиз өзүнүн тарыхый Улуу Миссиясын эң сонун аткарды дээр элем, Кыргызстанды Эгемендүүлүккө жеткизип, демократиянын пайдубалын түптөп. Эми эбегейсиз эстүүлүгүн дагы көргөзүп, элди каруу-жарак кармаган ыйкы-тыйкыга жеткизбей, өз ыктыяры менен көлунан иш келген бирөөгө бийлигин өткөзүп берсе, улуттун тарыхында Манастан кийинки эле атак-даңктуу, кадыр-барктуу кыргыз болоор эле. Бирок, бийлик дегениңиз зарлап тапкан

перзенттен дагы таттуу неме болот окшойт, караан калгыр, анын даамын бир татып алгандар кашык каны калганча кармашып болсо да, бийлигинен ажырагысы келбейт го, жаш болсо да, кары болсо да... Азербайжандын мурдагы Президенти Аяз Муталибовдун тагдыры башкаларга сабак болоор бекен дедим эле. Ал кургур отставкага кеткен бойдон кайра келип 2 күнгө Президент боло коём деп, өмүрүнүн аягына дейре элинин сый-урматына бөлөнүп жүрө турган укугунан ажырап, Ата Журтуна батпаган качкындын кейпин кийип калды, эми ар кимдерден баш паанек сурап. Бул жагынан саясий мансапкорлордун баарынан эстүүсү М.С. Горбачев окшойт, турмуш чындыгы кошоматчыларынын көз айнеги аркылуу эмес, кандай болсо ошол түстө өзүнүн көзү менен көрүп, кан төктүрбөй бийлиги менен ажырашканга кудурети жеткен. Парламентте “алган айлыгы беш эсеге көтөрүлүп, дачасы, машинасы, жан жигити өмүрүнүн аягына чейин сактасын!” – деген мыйзам чыгарганыбызга карабай, биздин Президентибиз андай эрдикке бара албайт деп ойлоймун, демек, кайран элдин тарткылыгы дагы алдыда. Ошону үчүн жакынкы сессиялардын биринде Президентке ишеним көргөзбөө туурасында сунуш менен чыгышым мүмкүн.

Д. Салырбаев: Эмки шайлоодо азыркы Президентке атаандаш боло турган уулдар барбы?

А. Ибраимов: Албетте, бар. Аманбаев, Шеримкулов... Баарынын атын атайм деп кимдир бирөөнүн убалына калып кетип жүрбөйүн. Эгер чындап көңүл токтотуп карай турган болсок, депутаттык эле корпуста Аскар Акаевичтен эчтекеси кем эмес ондон ашуун уул-кыз таппай койбойбуз. “Аскар Акаевичке альтернатива жок”, – деген кошоматчыларынын ач кыйкыргы а кишини дагы жолдон чыгарып, жүүнү тирүү жаштардын дагы мизин кайтарып, шаабайын суутуп салды да кайра-кайра кайталана берип. Болбосо миң кыргыздын бирөө Президенттикке жарай ала тургандыгын башынан эле айта жүрсөк, балким, өзүнүн “незаменимый” экенине ишенип алгандар азайып, жан-жөкөрлөрү дагы саал этият иш тутуп, мамлекетти азыркыдай таламайга салып, бүтүлүүнү бүлүнтпөс эле. Анын үстүнө өткөн жылдын аягында Президентибиздин “Аргументи и факты” деген газетага (сөзмө сөз котормо эмес -

маекчи) “бир акылы ашынган кыйды еврей экөөбүз депутаттардын үч уктаса түшүнө кирбей турган амалдуу документ даярдап, алардын жер жөнүндөгү кабыл алган Законун жокко чыгардык” – дегени, чынын айтсам, менин мурдума бок сүйкөп кеткендей эле абалда калтырды. Анан “дагы жакшы бир эле еврей менен 350 депутаттын көзүн жазгырганга жараптыр, а жаза тайып жардамчыларынын беш-алтоо еврей болсо, анда мүлдө кыргыздын мурдуна каалаган маалында бок сүйкөй берет турбайбы” – деген ойго келип, ыкыласым сууй түшкөнү ырас ошону үчүн эгерде кимдир бирөө өзүнүн мүмкүнчүлүгүн Президент, Улук Кеңештин төрагасы же премьер-министрдин ишмердүүлүгүнөн өөдөрөк деп эсептесе, ага дүрбөлөң түшпөстөн, айткандарын угуп, колунан эмне келээрин баамдап көрүш керек деген чечимге келдим. Балким, чынында эле азыркы жетекчилер элди алпарып такап койгон туңгуюктан чыгарып кете турган жападан жалгыз жолду, буга дейре оозуна киргенди оттоп, көкүрөгүн койгулап, “көпчүлүктүн көзүнө көрүнүп калайын”, – деп жанталашпастан, “ийне менен кудук казып” иштеп отурган кимдир бирөө таап алсачы...

Д. Садырбаев: Токточу, токточу... Ал, балким, өзүңдүн “Президенттик үчүн ат салышып көрсөм”, – деген оюң болуп жүрбөсүн?

А. Ибраимов: Эмне, андай ой Компартиянын мектебин бүтүрүп чыккандарда гана болушу мүмкүн дегиниз келип турабы?

Д. Садырбаев: Мен эчтеке дей элекмин.

А. Ибраимов: “Генерал болгусу келбеген солдат – жаман солдат” деп орустар айткандай, саясаттын туу чокусун кароолго албасам, анда бул ишке аралашып эмне кылам? Багыты аныкталып калган илимим менен эле алпурушуп жүрө бербейминби? Ошондой илгери үмүтүм бар экенин жашыргым келбейт.

Д. Садырбаев: Республиканы кризис абалынан чыгарып, стабилдештирип койгондон кийин Президент болуң келеби, же?..

А. Ибраимов: Кырдаалдын эң кыйын учурунда өзөгү карарып турган журттун жүгүн көтөргөнгө батынбаган

саясатчыга кыска мөөнөткө болсо дагы бийлик менен байлык эле керек. Элиндин итке минип отуруп калганы менен иши болбойт. Антип “күндүк өмүрүн болсо, түштүгүнө жорго мин” – дегенди туу кылып көтөрүп чыккандардын. Андай “чапан” чак келбейт мага. Саясий-экономикалык кырдаалдын эн кыйын учурунда ошондой ишеним көргөзүлсө, андай жүк канчалык оор болбосун аркалап кете турган мүмкүнчүлүгүм бар го деп ойлоймун.

Д. Садырбаев: Даярдыгыңчы?

А. Ибраимов: Кадырыңыз жан болсун. Аскар Акаевич дагы, мен дагы тактыкты талап кылган илим адамы катары башкалардан айырмабыз “кумга сепил курмакчы” болгон кыялкечтиктен алыспыз. Даярдыгым дагы жетишет.

Д. Садырбаев: Ошондо эң алгачкы Президенттик иш күнүндү эмнеден баштаар элең?

А. Ибраимов: Оболу, болоор-болбос бир ишти бүтүрүп алалычы, ака, президенттик шайлоого катыша турган укук алып, анан аны утуп чыгып... Ошондо алгачкы иш күнүмдү сөзсүз сизди чакырып келген ак батаңызды алгандан кийин баштаймын, кантип баштасам да...

Д. Садырбаев: Себеп?

А. Ибраимов: Себеби, ушундай максатым бар экенин эң алгачкы жолу сизге айтып, аны сиз жарыя кылганы жактканыңыздан.

Д. Садырбаев: Түшүндүм. Эмне себептен кандай программаң бар экенин айткың келбегенин дагы... Бир эсептен ушинткениң деле дурустур. Болбосо жанагы эле өзүн айткан шылуундар идеяңды илип ала коюп, өз кызыкчылыгына пайдаланып ийиши дагы мүмкүн да...

А. Ибраимов: Албетте, илимде мындай “басмачылык” далай болгонуна тарых күбө.

Д. Садырбаев: Анда эмесе илимий эмгектериндин жакабелинде азыноолак пикир алмашсак кантет?

А. Ибраимов: Каршылыгым жок.

Д. Садырбаев: Акыркы монографияңдын ийненин жибине дейре иликтеп чыкпасам да, айрым тыянактарыңдын “барган сайын кыргыздардын тукуму

мажестеп келатат”, – деп кыжаалагтанган оюң бар экенин байкагансыдым эле. Буга не дейсиң?

А. Ибраимов: Туура байкагансыз деймин. Совет бийлиги жылдарында Коммунисттик партиянын жүргүзгөн саясатынын тукум фондусун сактоо жана жакшыртуу процессине терс таасирин тийгизүү менен бирге, анын жакшы жактары дагы болгонун сөзсүз айта кетишибиз керек. Алсак, алгачкы кыргыз интеллигенттеринин башка башка улуттардын өкүлдөрү менен никелешүү компаниясы кыргыз элине илимдин, техниканын, адабияттын, маданияттын жана искусствонун мыкты уул-кыздарын берди, 60-70-жылдары. Түндүк кыргыздар менен түштүк кыргыздардын ортосунда аркыл жолдор ачылып, карым-катнаш ыкчамдап, куда-сөөк күтүшкөндүктүн натыйжасында, улуттун тукуму жакшырды жылдан-жылга. Мунун артыкчылыгын далилдөө үчүн мамлекеттик программага таянган илимий эмгек жактап отурбастан, байыркы бабаларыбыздын басып өткөн жолуна учкай көз жүгүртүп чыксак эле ынанабыз. Атабыз Манастын кыргыз жергесинен кааласа он, жыйырма, элүү, жүз же андан да ашык жубай күтүүгө мүмкүнчүлүгү да, байлыгы да, бийлиги да жетишээрлик экендигинде эч кимдин күмөнү жоктур деп ойлоймун. Бирок, баатыр атабыздын жана анын акылчы-билги жакындарынын телегейи тегиз зайыпты тажик жергесинен издеп табышы – төгүн жеринен чыкпаган болушу керек. Же болбосо, таржымалы кагазда калган, өткөн кылымдын аяк чениндеги кыргыздын аттуу-баштуу адамдарынын эле куда-сөөк, жар-жоро күткөн алыш-беришин кунт коюп карап чыксак, алардын акыл-эстүүлөрү өзүнүн жубайы түгүл, уул-кызынын жана агайын-туугандарынын түгөйүн өз айлынан алысыраактагы аймактардан табуунун аракетин кылышканын көрөбүз. Муну саясий-экономикалык кырдаалдын муктаждыгынан келип чыккан жагдай, же шариат эрежелеринин катаалдыгы катары гана кароо жаңылыштык болуп калаар эле. Ал жарыктыктар урукташтардын никеси акыры келип тукумдун бузулушуна кириптер кылаарын кайсыдыр бир илимпоздун белгилүү теориясын көтөрө чуркап далилдей албаса да, инсандык инстинкт менен сезип турушканына, миң ирээт таазим кылгың келет. Тилекке каршы,

ири шаарлар, колхоз-совхоз, айылдык советтер уюмдашып, эл район-областтарга баш кошуп, бир алкаккан чыкпай отурукташа баштаганда, бабалардын этияттап келаткан тең салмагы дагы бузулду, социалдык-экономикалык мүмкүнчүлүктүн айынан колунда жоктор “элчилик кылгыла, журтчулук кылгыла!” – деп кадыр-колкосу сиңишкен жек-жаат айылдаш, көчөлөш, сельсоветтештерине куда түшүп. Бара-бара, саныбыздын чекенелигине жараша уруу-уруулардын каягынан карабагын, тамырыбыздын түбү келип бир жерден чыга бергенинен, ислам шариятынын эрежелеринин эч жерине жазылбаган “бөлөлөрдүн никеси таза” – деген опурталдуу түшүнүк аз элдерди аралап жөнөдү. Ага кошул-ташыл болуп “аралаш никелешүүлөрдүн” дагы өңчөй эле мыкты уул-кыздарды жарата бербестен, башка элдердин мурда кыргыздарга мүнөздүү эмес, пайти келип калса, уялашына деле үйлөнүп ала бере турган жапайылыгы, бирин-экин адамына эмес, улуттук өзгөчөлүгүнө айланып, тукум кууган илдети болуп калган аракеттиги же алдынан сезгенме оору-сыркоосунун арбындыгы сыяктуу тукумдун мажестигине алып келе турган жактары азуусун көргөзүп, терс таасирин тийгизе баштады. Мындай, кудай жалгап, азырынча, сейрек учурай турган абал арбын элдердин кылын кыйшайта албаганы менен келип-келип үркөрдөй болгон кыргыздын белин мертинтип коюшу ыктымал.

Д. Садырбаев: Созуңо аралжы, ушуга окшогон терс көрүнүштөр аралап чыгып кетсе да кабагым-кашым дебестен, өзүнүн элдигин, журттугун, эгемендүүлүгүн оодарылтпай-чайпалтпай карман калуу үчүн, ошол элдин атынан аталган мамлекеттин жергиликтүү калкынын саны канча болушу керек?

А. Ибраимов: Эң кеминде – беш миллион. Андан аз эл, эл болуп, мамлекет болуп, эгемендүү болуп жарытпайт.

Д. Садырбаев: Бүткүл ааламга чачылып кеткен кыргыздын башын бириктиргенде 3 миллионго жетпейбиз, анан биз качан уюткулуу эл, урматтуу мамлекет катары калыптанабыз?

А. Ибраимов: Антиш үчүн элдин саны менен кошо сапатын арттыруунун камын көргөндөн башка арга жок бизде... Эне-

Сайдан Памирге чейинки байыркы кыргыздардын чыйырына түшүп алып, же азыркы кыргыздардын отурукташкан айыл-кыштактарын кыдырып, тарыхый фактыларды салыштырып көрсөк, Борбордук Азиянын кыргыз изи калган жерлеринин бакисинде, кыргызга чейин эле башка элдердин, улуттардын быкпырдай кайнап, тиричилик калып келишкенин табабыз. Биз өзүбүздүн Ата Журтубузга жер каймактагандан бери самолет учуп, поезд жүрүп, машине каттап, тракторлор жер казып, чоң-чоң каналдарга толгон суулар каалаган жагыбызга агып тургандай советтик түшүнүк менен карап, “Кыргыздын жери Теңиримдин өзүнө дачага чектеп тандап койгон участкасы экен, ыкшоолугубуздун айынан бизге тийип калыптыр”, – деп ырдап жүрөбүз да, өткөндөгүнү жакшы билбегенибизден. Тарыхый чындык таптакыр андай эмес. Байыркыдан кабар салган маалыматтарга караганда, жашаганга ылайыктуу алакандай жер дагы айыгышкан согуш, кан төгүшкөн кармаштардын себепчиси болгон. Арбыны – азын, алдуусу – алсызын тегиз, суулуу, жашаганга жарактуу жерлерден сүрүп чыгып отуруп, бүткүл Борбордук Азиянын масштабында, ошол кездин түшүнүгүндө карап көрсөк, кыргыздарга жаратылыш катаал, жашоого ыңгайсыз тоо-таштын арасы тийиптир. Бир жагынан коңшулаш элдер менен кагылышуулардан бөксөрө, экинчи жагынан табигый кырсыктардын кесепетинен кемип, тоо койнунда күн көрүү үчүн жаратылышка адам жанынан эбегейсиз зор салык төлөп, башкалар жашай албаган жерде жашаганга көнүп, кол менен жасалган конушун кошунасына тарттырып ийип, аргасыздан тоо таянып чегинип жүрүп отуруп араң жетип келген 2,5 миллион кыргыз биздин күндөргө. Миндеген жылдар бою маал-маал бөксөрүп турбасы, балким, башкалар сыяктуу болуп калыптанып калышы деле ыктымал эле. Бирок, андай болбоптур. Ушулардын баарын билип-туюп турган азыркы доордо кыргыз дагы тоо таяганга аргасыз болсо, анда улуттун келечеги кейиштүү болоору ырайымсыз чындык.

Д. Садырбаев: Саныбыздын аздыгына жан кейиткен ой-санааң деле бар экен, Манас атабыздын жубайларынан канчалыгына деле итиркейиң келген түрүң жок, анан эмне себептен Улук Кеңештин сессиясында “көп аял алган эркек жазага тартылат”, – деген мыйзамдын алынып

ташталышына каршы чыктың? Акыры андай жагдай сапатыбыз болбосо да, саныбыздын өсүшүнө алына жараша үлүшүн кошот эле го...

А. Ибраимов: Кечиресиз, бул маселенин сессияга чыгарылышынын өзүн андай мыйзам алынып ташталганына же кала бергенине карабай, жеткен маданиятсыздык деп эсептеймин. Ал аз десеңиз, өзүмдүн акаларымдин бул маселени азил-тамашага айлантып ийиши ого бетер уят иш болуп калды. Эркек менен ургаачынын жакындык мамилесине, эгер өтө эле каалап турсаңыз, аны “махабатына” деп деле койсом болот, эзелтен бери ааламдагы бир дагы өкүмдар чек кое албаптыр. Ышкы төгүшүп калган зайып менен эркектин эңсөөсүн каардуу падыша, кан төгүшкөн согуш, зарлап тапкан перзенттери дагы сууга алышпаганын өзүнөр деле китебиңерге жазып, кинолорунарга тартып даңазалап жүрөсүнөр го... Менин билишимде, адам акылынын ойлоп тапкан эч кемтиксиз, эң жеткилең коомдук түзүлүшү – ал шарият жолу же мамлекет мыйзам ченеми менен бекемделеби баары бир, иши кылып үчүнчү кишинин катышуусун кыртышы сүйбөгөн ыйык мамиле күтүп, баш кошуп жубайлашып тирилик кылуу процессине Улук Кеңештин көсөмдөрү менен чечендерин аралаштырып ийиш, оройураак айтканда, эрди-катындын төшөгүнө кимдир бирөөнү кошо жаткызып коюп, аныбыз “азыр минткиле, анан тигинткиле” – деп таң аткыча жубайлардын эмне жасашаарын көргөзмө берип турганга укук бергендей эле иш болуп калмак, андагы маселени мыйзамдаганыбыз. Акыры, эки-үч зайып биригип жалгыз эркек менен үй-бүлө курап тирилик кыла турган зарылчылдыгы жетилип кала турган болсо, мыйзам-сыйзамы жок эле ошентип алышканы биздин элибизде буга чейин деле болуп келген, азыр да жок эмес. Бул өзү, мындай ишке бел байлагандардын жеке өзүнүн сезиминин аруулутуна, уят-сыйытына байланыштуу нерсе болгондон кийин, мамлекеттик саясатка аралаштырып ийүүнүн кажети жок деп ойлоймун. Баарынан кызыгы, эч ким, эчтеке жооп бербеген, азыркы, ит жээр, бит жээр заман эмес, катаал тартип кармаган Совет бийлиги жылдарында дагы токолу бар бир дагы эркек эч кандай жазага тартылбаптыр. Анан, мындай нерсени бүткүл дүйнөгө угузуп “Токол алууга боло тургандыгын Улук Кеңеште

мыйзамдап бергиле!” – деп айгай салып отурбай эле ала бербейби алгысы келгенди. Айрым депутаттарыбыз чымынды төөдөй кылып көргөзүп, чыр чыгармайдын жогорку окуу жайын бүтүрүп жатканда чыныгы алчулар азыр деле ызы-чуусу жок эле алып атышыптыр ала турганын. Бирок, кыргыздын санын өстүрүп алууга ушундай мыйзамдын эле жетишпей турганына деле ишенбеймин.

Д. Садырбаев: Себеп?

А. Ибраимов: Себеби, азыркы жакырчылык маалында оюна келгенди ким жасай алат? Албетте, капчыгы калындар. Сиздин агайын-туугандарыңыздын капчыгы кандай?

Д. Садырбаев: Менин тууган-уругум да калың эмес, жука дагы капчык жок.

А. Ибраимов: Бул жагынан мен дагы сизге окшош экенмин. Демек, сиз экөөбүзгө андай мыйзамдын анчалык деле зарылчылыгы жок турбайбы. Кызыл, жашыл, көгүш, саргыч пул азыр кимдин капчыгында? Туп-туура: түрк, кытай, өзбек, кавказдыктардын капчыгында. Машиненин күлүгү, үйдүн көрктүүсү, тамактын чүйгүнү, зайыптын асылы кимдики? Албетте, ошолордуку. Азыр эле ал туугандарыбыз кыргыздын чырайлуу-чырайлуу кыздарын бирден-бирден ала башташыптыр, Ата Мекенинде ак никелешкен зайыптары калса да. Алардын акча-каражат мүмкүнчүлүгүнө караганда өтө арзан, ар кайсы шаардагы үйлөрдөн экиден-үчтөн сатып алышса болобу? Албетте болот. Андай мисалдар бар азыр. Анан эмне үчүн ал үйлөр бош турушу керек? Кыргыздын бычака сап болоорлук жигиттери же “Полет” сатып базарда жүрсө, же пиво бочкесинин жанында оонап жатса, багы ачылбай өзөгү карарган чырайлуу-чырайлуу кыздардан чекеге чертип туруп тандап алып, ал үйлөргө отургузуп койгонго неге болбосун, көп аял алууга мыйзам уруксаат берип жаткандан кийин. Чет элдиктер мыйзамдын өзүнө ыңгайлуу жактарын пайдаланганды эң жакшы билген немелер болушат экен, дароо анын дагы кирешесин чыгара коюшат. Качан келбесин өз үйү, өлөң төшөгү белең, мейманкана издеп убара тартып отурбайт. Кудай буйруп согончогу канатып алса, ого бетер сонун болот. Коммерсанттын келип-кеткенде таштаган акчасына эле бийердеги кыргыз күйөөлөрдөн түзүк жашайт андай келин. Бара-

бара адам саны сөзсүз көбөйбөй койбойт. Башка улуттардын өкүлүнөн төрөлгөн балдар-кыздар ашып кетсе, күйүмдүү жээн болоор, бирок эч качан кыргыз болуп беришпейт. Анан, жер сатыла баштаганда жээндерибизге кантип жер бербей кое алабыз? Бербиз. Чыкемдин биерлик кезинде “улуттун жүзү анын интеллигенттеринде” дегени эсимде жана аны төгүнгө чыгара турган жөнүм жок. Бирок, кырдаал ушинтип жүрүп отурса, улуттун жүзүн тааныта турган интеллигенттерибиз экиден жубай күтүп тукум жакшыртмак түгүл, жападан-жалгыз өмүр шерик жарга жетпей, ак уруп калышаары аштан бышык. Ошону үчүн улуттун санын өстүрүп, сапатын жакшыртуунун акылга сыярлык, “цивилизованный” жолдорун издейли, ака...

Д. Садырбаев: Бул кейпнде “мамлекеттик тил” жөнүндөгү закондун кабыл алынышына деле каршы өңдөнөсүң?

А. Ибраимов: Каршы чыкпадым, бирок жан дилим менен колдогон жокмун. “Сөзсүз ушул тилде сүйлөйсүң!” – деп кимдидир милдеттендирүү – азыр Президент баш болуп наалат айтып жаткан тоталитардык мезгилдин төбөлдөрүнүн иштөө ыкмасынын бир түрү да. Ошончолук эле эне тилиндин өнүп-өсүшүнө жан кейиткен азамат болсон, “кыргызча сүйлө!” – деп көрүнгөндү кокологондун ордуна, кыргызча телекөрсөтүүлөрдүн, радиоуктуруулардын сапатын жакшырт, түшүнбөгөн киши укса да тамшана тургандай кылып. Гезит-журналдарды чыгар, кыргыз эмес орус, немис, кытайлар күркөлөрдөн кыя өтө албай турган сапаты жана кабарлары бар деңгээлге жеткизип. Өзүң сүйлөгөндө көргөз, кыргыз тили башкалардан уккулуктуу экенин. Шериктеш тилдердин биринин беделине дагы көлөкө түшүрбөстөн илими, адабияты, маданияты, искусствосу менен далилдеп чыксын кыргыздын тили. Болбосо, жамандыр-жакшыдыр бир кылымдан ашыгыраак убакыт конушташ жашаган, орустардын тилин керектүү жерден каалаганыбыздай, урунуп, жакшылыгын көрүп келип, эми “кереги тийбей калды” – деп күчкө салып кууп чыгабызбы жерибизден. Деги зомбулугу жок акыл менен иш тутуп жашоо болбойбу бизде? Мыйзам чыгарып мамлекеттик тилге өтөөрүн го өтүп алдык деп коелу, бирок, окуу китептери жок мектеп, техникум, институттарды кантебиз? Орус тилинин

данакерлиги менен дүйнөлүк илимдин белгилүү бир даражасына дейре барып калган улуттук илимдин тагдыры эмне болот? Канаты кайрылган адабият, маданият, искусство тууралуу айтпай эле коеюн, Республиканын калкынын жарымына жакыны жамандык-жакшылыкта “жеңилибизди жерден, оорубузду колдон алышкан” орус туугандарыбыз мамлекеттик тилдин шылтоосу менен ачыктан-ачык кодуланып жатпайбы. Мына ушул сыяктуу кейиштүү жагдайлар жаныдан жаралып келаткан Борбордук Азия мамлекетин шоорат айтып калпагымды көккө ыргытканга мүмкүнчүлүк бербей турат.

Д. Садырбаев: Неге?

А. Ибраимов: Минтишимдин жүйөөлүү себептери бар. Болгону бир кылымга жетпеген убакыттын аралыгында кыргыздардын жапа-тармак орусча сүйлөп калганына жалгыз эле орустар же Ленин-Сталиндин режими эмес, биринчи кезекте өзүбүздүн дагы айыбыбыз арбын болсо керек деп ойлоймун. Мисалга, он кыргыздын арасында отуруп калган жалгыз орус, өзбек, казак же башка улуттун өкүлү кыргызча сүйлөөгө далалат жасаганын көрүп же уга элекмин. Биздин кыргыздардын жалгыз өзү көпчүлүктүн арасында отуруп калганын айтпай эле коеюн, онунун арасында башка улуттун жалгыз өкүлү болсо дагы, тегерегиндегилер, тилинин келген-келбегенине карабай ошонун тилинде сүйлөймүн деп тантырай берет. Ушуга окшогон “улуттук мандемибиздин” барлыгын эске алып, орус тилин “кубалап чыкканга” шашпас элем. “Үйрөнүшкөн жоо сайышканга жакшы” – деген бабалардын сөзүн дагы бир сыйра эске салганыбыз дурус болгону турат. Борбордук Азия мамлекетинин бир бөлүкчөсү болгондо Кыргызстан кандай экономикалык, социалдык, саясий кемсинүүлөргө малынаары өзүнчө маскети талап кылгандыктан, адабият, маданият менен тилдин көргөн күнү кандай болоорун болжолдоп айтып берейин. Андай мамлекет жарыялангандан беш-он жыл өтө элек жатып Каракол, нарындыктар – уйгур, түштүктүктөр – өзбек, таластык, чүйлүктөр – казак тилинин акценти менен сүйлөшүп калышаарын бөркүңүздөй көрө берсеңиз болот. Жалгыз орус тилинин айрым тетири таасиринен алигиче аксап келе жаткан адабият, маданият, искусство, үрп-адатыбыздын акыбалы дагы үч-төрт тилдин

курчоосунда калганда эмне болоорун эми көз алдыңызга элестетип ала бериңиз. Мунун баарын кимдир-бирөөнүн намысына таш ыргытып, саясий беделин ылдыйлатып же коомдук пикирди дүрбөлөң түшүрөйүн деп айтып жаткан жокмун. Эгерде кайсы бир болумуш тууралуу түшүнүгүм турмуш чындыгынан алыстап кеткенине көзүм жетсе, токтоосуз андай ой-толгоодон баш тартууга даярмын. Бирок, кабыргасы катмак турсун балтыр бешик баралына келе элек, ымыркай мамлекетибизди алдыда кандай турмуштук сыноолор күтүп жатканын алдын ала туюп, улуттун кайсыдыр-бир мүчөсүндө ириндеп келаткан илдеттин өзөгүн баарылап туруп сууруп чыгып сакайтуунун аракетин кылбасак, эки-экиден омууроолошуу эч кимибизге мүйүз чыгарбасын, кары-жаштын эсине салып коеюн деп айтып жатам.

Д. Садырбаев: Жакында Президентибиз баш болгон өкмөттүк делегациянын Израилге барып келгени тууралуу эмне дей аласың?

А. Ибраимов: Кайсыдыр бир мамлекет менен карым-катнаш күтүп, эриш-аркак жашагандын эч айыбы жок, эгерде ал мамлекет күчкө сыйынып, өзүнөн алсызыраактарга кыдык көргөзүп, дүйнөлүк мамлекеттер коомунда ыйкы-тыйкысы жок тынчтык сүйгөн түзүлүш болсо. Тилекке каршы, Израиль так ошондой түзүлүш деп айта албаймын. Эгерде мен Президент болсом, ондогон жылдардан бери мусулман калкы менен жоолашып, ыңгайы келсе адам укугун тебелеп-тепсегенден кайра тартпай келаткан зордукчу режим менен достук келишимин түзүп, алиге дейре башы ачыла элек талаш-тартыштын булагы болуп келаткан Иерусалимге Кыргызстандын өкүлчүлүгүн ачууга макулдугумду берип мезгилдин бир мезгилинде, жылдардын бир жылдарында канат-бутак боло турган диндештеримдин шагын сындырбас элем.

Д. Садырбаев: Жаңы Конституциянын долбоорун талкуулоо боюнча жалпы элдик референдумга мамилең кандай?

А. Ибраимов: Жаман. Бул баягы эле “бир добуштан шайлайбыз, 100 тубар койдон 180ден козу алабыз, партия эмне десе ошонун баарын бажарабыз!” – деген компанияга окшошуп калды. Конституциянын референдумга сунуш кылынып жаткан

долбоорунун чийки жерлерин айтпай эле коеюн, кара кардынын кайгысында жүргөн бей-бечарага азыр референдум өткөрүү машакатын таңуулаш, белгилүү мультфильмдеги коёngo бугунун мүйүзүн жабыштырып койгондогудай эле иш болоорунан күмөнүм жок. Республиканын калкынын теңинен көбүн түзгөн айыл-кыштактарга гезит жетпесе (чыкпаган кезитти кантип жеткизмек эле), телевизор көрбөсө, радио укпаса, Конституциянын беренелерин кенири түшүндүрө турган адистери бар уюмдар иштебесе, анан ашып кетсе миңге жакын бардык саясий кырдаалдын баягы эле “дежурный” интеллигенттеринин “мунусу минтип калыптыр, тигиниси тигинтип калыптыр” – деген талаш-тартышынын негизинде, алардын пикирлерин каттаган деле киши жок, “жалпы элдик референдум откоздүк” – деп жар салыш, маалында Президент шайлангандагыдай, шоона менен көктогондөгүдой иш болуп калат.

Д. Садырбаев: Анда эмне болду эле?

А. Ибраимов: Жер-жерлердеги жасакер акимдер, мамлекеттик структуралардын мансаптуу чиновниктери – мекеме, чарба жетекчилерин, чакан ишкана ээлерин коколоп, “айтканыбызды аткарбасаң, кийин иштешибиз кыйын болуп калат” – деп кыйыр сүйлөп кысымга алып жатып, шайлоо участкаларына тамак-аш жеткиздирип бекер таратып, бочке бузуп пиво куйуп берип жатып араң чогулткан, “Коммунисттиндин да, демократыңдын да, Президентиндин да кереги жок мага” – деп баарына кол шилтеп үйүндө отуруп алган шайлоочуларды. Азыр дагы элдин саясий активдүүлүгү үргүлөп жаткан маалда коллективдүү чарба, чакан ишканалар кабынын түбүн кагышпаса, “элдик референдум отту” – деш опурталдуурак болуп калат го... Анын үстүнө бул Конституция ошентип кабыл алынган күндө да, Акаевдин режиминин аягына чейин эле жашап, анан сөзсүз кайра каралбай койбойт. Мындай ишти шашылыш бүтүрүп, адатыбыздай буйдамалай салбасак, жакшы болоор эле. Акыры, ааламдагы беш бакубат өлкөнүн бири деген Англия деле миңдеген жылдардан бери карай эч кандай Конституциясы жок эле, акылга сыярлык турмуштук эрежелердин негизинде жашап келатпайбы оодарылбай-чайпалбай.

Д. Садырбаев: Мынча болуп калды Улук Кеңештин сессияларында өөдө-төмөн сөз чыгарган улуттун желеги, гимни тууралуу эмне дей аласын?

А. Ибраимов: Желектин, гимндин жеткилендигин же чийкилигин аныктай турган талкуунун сессияга коюлганынын өзү, орусча айтканда, “самодетельность” жыттанып турат. Кесибим боюнча мен – генетик, С.Иманкулов – медик, А.Токтогулов – ветеринар, С.Бахапова – текстильщик, жанагы Ноокен районунан шайланган эже алдыңкы саанчы, жана башка ушул өндүү кесиптердин ээси болсок, анан биз кантип адабияттын, сүрөт искусствосунун, тарыхтын, музыканын билерманы болуп калабыз? Депутаттыгыбыз үчүн элеби? “Депутат – шайланган адам машайыктын күбөлүгүн алат” – деп эсептеген киши жаңылат. Ар кыл деңгээлдеги даярдыгы бар, эл катары эле адамдарбыз биз дагы. “Мунусу жакты, тигиниси жаккан жок. Мунусун түшүндүм, тигинисин түшүнбөй калдым” – деп ар бир депутат өзүнүн субъективдүү көз карашын айтууга толук акылуу. Бирок, “мунусу желек, мунусу Гимн болсун!” – деп Улук Кеңештин сессиясынын бүтүм чыгарышы жападан жалгыз туура жол экендигинде күмөнүм бар. Азыр сиз суроо бергенден кийин, “кыңылдап көрөйүн” – деп гимндин кабыл алынганын да, кабыл алынбаган варианттарынын бирөөнү дагы эстей албадым. Желек, Гимн жана ушул сыяктуу өзүбүз жакшы түшүнбөгөн чыгармачылык дарамет жана талантты талап кыла турган шык процессине “жетекчилик кылабыз” – деп, коммунисттердин илдетинен айыга албай жүргөн өңдөнөбүз. Жеке оюмду билгиңиз келсе, Гимн саясий ишкерлерди тосуп жатканда аэропортто гана ойноло турган каңгыр-шагыр музыка эмес, кары-жаштын бакиси аш-тойлордо, отуруштарда саал кызый баштаганда жапа тырмак ырдай турган текстти жеңил, обону уккулуктуу ыр болсо түзүк болмок. Бул – менин пикирим. Гимндин же желектин кандайынын телегейи тегиз болоорун, албетте, бул тармактардын мыкты адистери баш кошуп туруп бүтүм чыгарганы түзүк болгудай. Азыр “Желек дагы, Гимн дагы купулума толот” – деп айта албаймын.

Д. Садырбаев: Ушунча убактыңды коротуп маектешкениң үчүн чоң рахмат, иним. Айрым пикириңе кошулгум келбесе да, азыр талашып-тартышкан жокмун,

“айтканы келип, Президент шайланып калса, жашырынбастан оппозицияда отуруп алып, кемчилигин чукуп турсам, түзүгүрөөк иштээр бекен” – деген үмүт менен.

А. Ибраимов: Мейлиңиз. Менин дагы эгерде ойлогонум ишке ашып калса, Улуу Цезарды туурап жүргөн-турганымдагы, ишмердигимдеги кемчиликтеримди аёосуз сындап, мүнөзүмдөгү орчундуу мүчүлүштүктөрдөн арылта турган эн тайманбас оппонентиме, анын жок дегенде бир жылдык тирилигин камсыз кыла турган суммадагы каражат таап, жыл аягында ыйгарыла турган Президенттик сыйлык негиздейин деген тилегим бар.

Д. Садырбаев: Тилегиң кабыл болсун...

*Д. Садырбаев,
1993-жылдын январь айы, Бишкек шаары*

ЖУРТУМДУН КӨРӨҢГӨСҮ

*Социалисттик Эмгектин Баатыры Саадат Ногоева
менен баарлашуу*

Саадат Ногоева – Социалисттик Эмгектин Баатыры. Алтымышынчы, жетимишинчи жылдардын эмгек азаматы. Бир нече жолу СССРдин, Кыргыз ССРинин Жогорку Советине депутаттыкка шайланган. Орден-медалдарынын ого эле көптүгүнөн алардын ар бирөөнү түтөлдөп отуруунун кажети жоктой. Биздин республикада эң биринчи болуп штурвал кармап, машине менен пахта терип чыккан зайып.

Кезинде Саадат Ногоеванын улуулугун, сулуулугун, адамгерчилигин, мээнеткечтигин мактап ырдаган, тарткан, жазган орус, кыргыз, немис, өзбек жана башка улуттардын акындары, кинематографисттери, сүрөтчүлөрү, журналисттеринин аягы үзүлчү эмес а кишинин шыйпанынан. Областтын, райондун партиялык-чарбалык жетекчи кызматкерлери да күндө-күн алыс ал шыйпаңга бир баш багып кетпесе, курсактары тойбой калгансып турушаар эле.

Саада эже азыр пенсияда. Чалынын дүйнөдөн өткөнүнө да кыйла жылдардын жүзү болуп калыптыр. Жалгыз кызы, андан төрөлгөн небере-жээндери бар. Жалал-Абад областынын Ноокен районундагы Рахманжан атындагы колхоздо жашайт.

Бул маегимди окурмандарымдын назарына сунуш кылаардын алдында бир маселенин башын ачып алуу үчүн анча-мынча автордук чегинүүгө мүмкүндүк берүүсүн гезит окурмандарынан сурагым келип турат. Себеби, Саадат эжем экөөбүз бир эл, бир жерденбиз. А кишинин дагы, менин дагы жердештерибиз, бири-бирибиз менен карым-катнашыбыз тууралуу азыноолак айта кетпесем, кийин азыркы маегибиздин маңызын анча түшүнбөй калчулар дагы чыгышы мүмкүн.

Ошентип, мен Жалал-Абад областынын мурдагы Ленин, азыркы Ноокен районунда төрөлүп, өзүмө окшогон чыт курсактар менен атам ыраматылыктын ар кайсы колхозго көтөрүлүп турганынан Апыртан, Богот, Бирлик, Масы, Аримжан, Рахманжан, Кыла, Шайдан, Бүргөндү (азыркы аттар) сыяктуу айыл-кыштактардын ылайка суусун ичип, чайылган топурагын кечип жүрүп чонойдум. Анан жетилүү аттестатымды көтөрүп алып Фрунзеге келдим да, эринбей жанчылган самандын кыпынындай болуп, чоң турмуштун шарына аралашып кеткен бойдон кыйла жылдарга дейре элим эмес, өзүмдү өзүм таппай жүрдүм, көртирилик менен алпурушуп.

Ал жылдары Саадат эжемдин аты эл оозуна алынып, иши илгерилеп турган маалы эле.

Кез-кезде съезд, сессия, конференция же башка бир жыйындарга катышуу үчүн борборго келгенде учурашып калсак, “арва-парвалашканыбыз” эле болбосо, “баланчаны-баланчадай, түкүнчөнү-түкүнчөдөй кылып койчу, үкам”, – деп эч качан а киши мага кандайдыр бир тапшырма таккан эмес, мен дагы кээ бирөөлөрдү туурап, эжекемдин ал кездеги эки тизгин, бир чылбырды кармаган партиянын Борбордук Комитетинин катчыларынын кабинетине эскертүүсүз кирип-чыгып турган абройлуу маалында “Эже, чоңдор менен сүйлөшүп кызмат, машине же үй алганга жардамдашыңыз”, – деп суранган эмесмин, эгерде андай өтүнүч менен кайрылсам, бир ооз сөзү менен коктөн издегенимди жерден таап берээрин билип турсам да. Эмнегедир ал мезгилдин атак-даңктуу адамдары же аптомооз минген же чоңдору ачыктан-ачык куда-сөөк, жек-жаатын өзүнө жакындатып сүйрөй беришпей турган.

Жылдар өттү. Эжемдин атак-даңкын бучкактап, өзүмдүн ысмым да жасаган ишимдин дараметине жараша азыноолак оозго алынып, тууган-урук менен үзүлгөн карым-катнаштын учугу уланып, кайрадан калыбына келе баштаганы бери, Теңир жалгап, жердештеримдин аёлуу мамиле, сый-урматынан өксүй элекмин.

Албетте, киндиктеш агайын, уялаш бир туугандарым жөнүндө кеп жок, бала кезден моюндашып өсүп же чонойгондо жакын санашып жүргөн озбектер Фазылжан Тойчикулов,

Хамиджан Закиров, Мамиржан Назиров, кореец Тан Николай Николаевич, араб Тасма аке менен Гуламжан, татар Галиян, орус Харитонов, күрд Сервет же билим коругунун дарбазасын ачып ага киргизип коюшкан кыргыз окутуучуларым Мария Ибрагимова менен Жумабек Ниязов жана башка, койчу, ондогон, жүздөгөн, миндеген мекендештерим тагдырымдын өтө кыйчалыш күндөрүндө да кайсыдыр бир улуктун каарына калып, өз беделин ылдыйлатып алгандан коркпостон кучакташып көрүшүп, бир сындырым нанын бөлүшүп, дайыма жөлөп-таяп арка-бел болуп, менин атуулдук көз карашымдын, жан дүйнөмдүн калыптанышына өз үлүштөрүн кошуп келишкенин айта кетпесем боло турган эмес. Өзгөчө, Тажыкан, Ырысбүбү, кош Саламат, Санталат, Гүласал, Арзыкан, Бактыкан, Асал-паша өңдөнгөн боорукер эже-карындаштарымдын барлыгы мени жер бетинде кимдир-бирөөдөн корунтпай тике каратып, ал эми Ноокен жергесинде кайсыдыр бир короого кокустан кирип барсам дагы, улагага отуруп калып урмат-сыйдан өксүйт экенмин деген ой, өзгөчө акыркы он, он беш жылдын аралыгында жадымдан чыгып кеткен жаным, Рахманжан атындагы колхоздун башкармасынын төрагасы Исаков Абдыракман инимдин “Бир чыныдан чай ичип албайлыбы ушерден, ага дейре менин шоопурум Саадат эженин кызына биздин бараарыбызды кабарлап койсун”, – дегенине көнбөдүм. Минтүү менен “маалында даңкы таш жарган эжекемдин үйүнө камылгасыз отурганда кирип барып, сыр аяктын сыры кетсе да, жугу калган сынын көрүп табалап кетейин”, – деген ой үч уктасам түшүмө кирген эмес болучу. Акыры а кишинин үйүнө барына да, жогуна да кайыл боло турган Абдыракман экөөбүздөй укалары эмес, жыйырма-отуз жан-жөкөрүн ээрчиткен паашалар эскертпей барып түшүп калганда да, муруту майланмайын чыкпай турганын эң жакшы билгенимен “Абдыракман, антүүнүн эч кажети жок. Саадат эжем менен учурашып кетсем эле жетишет. Убактым тар, жүр, жүрө бөр”, – деген болучумун.

Сыртка чыксак күн бүркөлүп, кеч күздүн майда жамгыры дыбырап келатыптыр. Жарым саат өтүп-отпөй Ноокен районунун Рахманжан атындагы колхозундагы айтылуу Саадат Ногоеванын үйүнө барып түшүп калдык. Буттары ооруп (баягы

“ак алтындын мол түшүмү үчүн” күндөп-түндөп суу кечип, кар жамынып жатып-конуп жүргөндүн кесели да), үй ичинде кыбыр эткенден да жаны кыйналып турган маалы экен жарыктыктын...

Д.Садырбаев: Арбаң, эже...

С.Ногова: Бар бол айланайын. Ай-ий Дооронбексиңби? Кел, келегой. Атаны айланайын Абдыракман ай-я, жок дегенде Жээналыны машинече сала келбейсиңби, айда-жылда бир келген баланы алып келаткандан кийин...

Д.С.: Эже, ал жагынан эч камтама болбонуз, Абдыракман ошентейин деди эле, мен көнбөй койдум. Чайлашып отурганга убактым тарыраак. Өзүңүз менен учурашып, нан ооз тийин эле кайра чыгайын деп келип калдым.

С.Н.: Атаны алдыңа кстейин ай-я, кечээтен бери бутум ооруп, камыр дагы ачыта элек болчумун, эжеңди таза уят кыла турган болдуң го, минтип очойүп отуруп калган маалында...

Д.С.: Эчтеке эмес, эже, паныңызга да, чайыңызга да ыраазымын, андан көрө арыбай-чарчабай, аман-эсен жүрөсүзбү?

С.Н.: Жүрөм балакетинди алайын, эл минени көрсө мен дагы ошону көрүп. Илим-билимдин өксүгүнөн маалында саясатың менен анча ишим болбой, тынбай эмгектене берсем өкүматтин кампасы толуп, менин болбосо да менден кийинкилердин үстү бүтүн, курсагы ток болоор бекен деп жүрө берген экенмин, эми минтип, мине алаамат болуп атканына акылым жетпей айран таңмын. Кыян жүрүн, сел каптап, жердин тирирегенин кудай тааланын жиберген кырсыгы деп коёлу, бирок биздин замандагылардын кашыктап жыйып-тергенин эми чөмүчтөп чачып ийгениңерге жол болсун, үкам... Мурда деле жер титиреп, сел жүрүп, паашалар өлүп, чондор ишинен түшөөр эле, бирок, азыркыдай улуу-кичүү жапа тырмак жабылып бир жылга жеткизбей бүтүлүүнү бүлүнтүп, барды жок кылып ийгенге жан талашкан заманды көрө элек болчумун. Азыр же колхоздун кампасынан уруш маалындагыдай, же өкматтин дүкөнүнөн Брежневдин заманындагыдай издегениңди таппайсың. Дагы кудай жалгап он эсе, жүз эсе кымбат сатса дагы ун, чай, май, кийим-кече жагынан абийирибизди Өзбекстан жаап турат. Алар чек арасын бекитип койсо, биз не

деген күн көрөбүз? Баяктагылардын тагдырын ойлогон адам барбы, айланайын, силер жакта. “Эл оозунда элек жок” дегендей, ун саткандын, нан саткандын, май саткандын бакисинин оозун тыя албайт экенсиң. Бирдемеге зарыгып барган сайын айтып атышат, деп атышат жең учунан жылаандын башын чыгарып: “дилибиз, тилибиз, салтыбыз бир эл болгондон кийин бөлүнүн-жарылып нима кылабыз. Акыйып тоонун ары жагын карап отура бербей, бизге кошулуп алсаңар, булардын бакисин азыркыга караганда эки эсе арзаныраак алмаксыңар” – деп... Акыры акыбал ылдыйлай берсе, андайга кете берүүчүлөр дагы чыкпай койбойт, өзөгү караргандардын арасынан. Ошону үчүн “аз болсо да, качандыр бир кезде канат-бутак боло турган элди мынчалык кор тутпагыла”, – деп онояктагыларыңа айта барбасаң болбойт, айланайын.

Д.С.: Айта барайын, эже. Бирок, мындай абал жалгыз эле Ноокен районунун элинин башына түшкөн мүшкүл болсо бир жөн эле. Азыр Кыргызстандын көпчүлүк айыл-кыштактарындагы жарандардын абалы ушундай болуп атпайбы. Эми бир кызыл кекиртектин аргасы да эптеп табылаар деңизчи, бирок, мен билгени биздин элибиздин той-тополон, өлүм-өтүрүктө дасторкону береке чачып, андан башка да толуп жаткан карым-каадалары боло турган. Азыр ошоягынан кантип атасыңар? Орто чарба кожолук бир мааракеден кийин эле жер сыйпалап отуруп калып аткан жокпу?

С.Н.: Азырынча ага жете элекпиз, бирок, ошого келатабыз. Андай маараке өткөргөн үйдүн колу-кошуналары, жок дегенде, нанын көтөрүшкөнгө жарап жүрөбүз. Калганы өзүлөрүнүн мойнунда. Чыт-чыбыр алмашмайды да азайтканбыз. Иши кылып, жагдайга жараша иш тутмай.

Д.С.: Эже, жаштыгымдан болсо керек, анча эсимде калбаптыр. Уруштан кийинки жылдардагы дасторконунар кандай эле?

С.Н.: Анда дагы тартип болгон. Бирок, азыркыдан көрө берекелүүрөөк болчу. Илгери куду бүгүнкү сага окшоп ирамалик Раззаков келип калыптыр, Өзбекстанга өтүп баратып. Бир этек пахта көтөрүп, жаңы эле шакка чыктым эле. “Үйгө кирип чай ичиң” – десек болбойт “шашып аттык эле” – деп.

Күтүлбөгөн жерден Раззаков аксакал: “Э, Саадат, ак жуумал келиндей болуп көрүндүң эле, саал күнгө күйө түшкөнсүңбү?” – деп азилдешип калды.

– Жо-ок, ошол эле бойдонмун агай, – деп жооптоштум анын сөзүнө жараша. – Жөн эле сиз туш-тушубуздан жаркыратып коюп иликтирдин күчү менен ак жуумал көргөзгөн залдын тышынан эч кимибизди көрө элексиз да. Минтип эл аралап чыксаңыз өңү-түсүбүз эмес, ичкен-жегенибиз дагы сизге жакпай калышы ыктымал.

– Кокуй, кокуй, мен жыгылдым сага, айланайын Саадат, кечирип кой – деген анда жарыктык аксакал шарактап күлүп. Анан жанындагы Балтагулов деген обкомубузга карап: – Кой, Төрөгелди, бүгүн Саадат бизге аш берсе да, таш берсе да жеп кетпесек болбойт, – деп бараткан ишин токтотуп мейман болуп кетишкен эле ирамаликтар.

Д.С.: Искак Раззаков кандай киши эле, эже?

С.Н.: Жакшы киши эле, ичинде карасы жок, шатырашатман жүргөн. Элдин-журттун кызыкчылыгы тууралуу сөз болгондо, эч кимди аячу эмес. Өзү үчүн өзгөчө шарттарды талап кылганын билбейт экенмин. Иши кылып, “иш дегенде ичкен ашына карабаган” мээнеттин дулдулу болчу, ал ирамалик.

Д.С.: Андан кийинки өкмөт башчылары тууралуу да айтып бере аласызбы, эже?

С.Н.: Айтып берейин, минеге айтып бербейт экенмин. Сүйүмбаев Акматбек деген көңүлүндө кири жок, саал опуртопурлугу бар обкомубуздун секретары болоор эле. Айтканын айткандай, убадасын убададай аткаргандан андай шар кишини учурата элекмин ушуга дейре. Андан кийинки Кулматов деле эч кимге жамандыгы жок исталалуу бала эле. Азыр ал бечаранын тегерегине ар кыл-ар кыл сөздөр айтылып жүрөт, бирок, мени “эжеке” деп ызаат кылып турганынан башка эч жаман сөзүн укпасам, кантип аны “о, бу” – деймин. Бекер сындырдынар да бели ката элек баланы... Иши кылып биздин замандын чоңдору мартаба талашпай, жасаган ишинин майын чыгара билген атка минер эмес, кара таман кедейге дагы сый-урмат көргөзүп турушаар эле. Ошолордун баарынан жетиги, баарынан сабырдуусу, баарынан этияты, баарынан амалдуусу Турдакун

Усубалиевич аксакал боло турган. Жылмайып туруп гана кимдин болбосун тагдырын каалаганындай калчап коё берет эл а киши...

Д.С.: Турдакун Усубалиевич ушул үйдө конок болду беле?

С.Н.: А киши Жаңы-Жол, Чаткал, Токтогул же башка тарапка өтүп да, эч качан учурашпай өтчү эмес. Шыйпаңыбыздын да, үйүбүздүн да чоң жолдун боюнда экенин көрүп турасын го... Бул үйдө эле эмес, шыйпаңымда да далай ирет даам татканы бар. Жакшылыгыбызды көрсө кучактап, өпкүлөп сүйүнүп, жамандыгыбызды көрсө жер тепкилеп сөгүнбөйт эле а киши. Бирок, карапайым мээнеткечтин эмгегин баалай билген жетекчи болуучу Турдакун Усубалиевич.

Бир жылы комбайным менен агаттин эң этегинде пахта терип жүргөнүмдө келип калыштыр шыйпаңыма. Райкомдун секретары, раисибиз машине жиберип алдыра коёлу десе болбоптур “Жөн койгула, өзү келгенде эле учурашабыз” – деп. Анда ирамалик чалым тирүү эле, бирдеме ичип алса керек кургур, Усубалиев келгенде тележканын үстүндө пахта тебелеп аткан экен, жытын сезип калбасын деп мен келгиче эки саат бою отура бериптир ошол тележкадан түшпөй. Мен шыйпаңыма жакындаганда меймандардын турганын көрүп, тракторумду өчүрүп түшүп келип учурашсам, өтө сылык арва-парвалашып, ал-ахвал, ден-соолугумду, минеден кем-көсүлүм бар экенин сурап, бир аз тургандан кийин кетип бара жатып, тележка жакты карап жылмайып туруп:

– Зайыбыңыз бир мыкты эр-азаматтын жүгүн көтөрүп жүргөнүн билесизби? – деп сурап калса болобу.

– Билем, аксакал, – деди чалым.

– Билсеңиз, “жеңилин жерден, оорун колдон алышып” көмөктөшпөйсүзбү, жок дегенде “күз күрөшү” күчөп турган маалда, пиводон жутуп коюп күнөстөп жата бербей... – дегенде:

– Жардам берип атат, аксакал, – деп өзүм арага түштүм. – Таң атканча трактор айдап, пахта терип чыкты эле, ошого ныксырап калган го...

Усубалиев “антпей эле абышкаңыз кызуу го” – дебестен, “аа, анда жакшы экен” – деп күлгөн бойдон жөнөп кетти кайыр маазирлешип. Баса, а кишиге учурап жүрөсүңбү шаардан?

Д.С.: Ооба, кочо-койдон учурашып калмайбыз бар.

С.Н.: Эми дагы учурап калсаң, менден дубай-салам айта баргын. “Баягы Саадат Ногоева деген бригадириниз дагы эле тирүү жүрөт” – деп кой.

Д.С.: Болуптур, эже. Айтыңызчы, азыркы район, област, республиканын жетекчилери ал-акыбалыңыздан кабар алып турушабы? Учураша кеткени барбы өөдө-төмөн өткондо?

С.Н.: Быйылкы кырсык учурашканга деле буямасын келтирбеди окшойт, ал кургурлардын да баштары түйшүктөн арылбай. Ага таарыныч жок. Баягыда Президент да оногу бузулуп жаткан кошуналардын үйүнө чейин келип, меникине баш бакпай кете бериптир чунак бала. “Эжем оорураак бирдеме сурап ийип аргамды кетирбесин” – деп этияттанса керек. Эчтеке сурабайт болчумун. Кудай жалгап биздин үйдүн шыбагы да жарылган жок, бу жолку жер титирөөдөн. Эл минени көрсө, мен дагы ошону көрөмүн да. Азык-оокат, буюм-тайымдан тартыш заман болсо да, иши кылып ынтымак ыдырап, ырыс төгүлбөсө болгону. Элде-журтта тынччылык болсо экен. Карыга ынсап, жашка өмүр берсе экен. Дүйнөгө түркүк болгон пенде жаралбаптыр бул ааламда. Көрөөр күнүм бүтүп, ичээр суум түгөнгөндө, мен дагы жөнөөрмүн ата-бабаларды алып кеткен Улуу жолго түшүп. Силер эсен болсоңор “эжелеп” кыйкырып келип жашырып кетээрсинер насип кылган жерге. Ылайым эле силердин, силерден кийинкилердин башына жамандыгын сала көрбөсүн жараткан. Азыркы элдин жүгүн, журттун жүгүн аркалап жүргөндөргө кудай кубат берсин.

Д.С.: Айтканыңыз келсин, эже.

Анан төраганын кабинетинде отуруп алып ачуусу арбын, таттуусу да жок эмес сөз болду Абдыракман экөөбүздүн ортобузда...

– Сени эстүү десе эстүү, билимдүү десе билимдүү иним бар деп жүрчүмүн, Абдыракман. Жаш болсоң дагы райондогу эң ири колхоздордун бирөөнүн элинин башчысысың. Саадат эжеми сыйласаң, мени сыйласаң бизге колко же кошомат жасап жаткан экенмин дебестен, өзүмдүн келечегимдин пайдубалын түптөп жатамын деп ойлогон болсоң, менин дагы минтип каңырыгымды түтөтпөй, Саадат эжеми дагы жанагинтип,

намыстандырбайт болчусун. Акыры сен баскан жолуңа, конгон үйүңө өзүнөн улууларды сыйлаган жөрөлгө таштап кетсең гана, сенден кийинкилер сени сыйлашат го. Маалында кандайдыр бир саясий ишмердиги же шылуундугу менен өзүнүн гана атын чыгарбастан, пешене тердеткен мээнеткорлугу менен, жупунулугу, адамгерчилиги менен азыр сен башкарып турган колхоздун гана эмес райондун, областтын, республиканын атын бүткүл союзга, ааламга угузган эжебизге саал-паал оң көз менен карап турсаң, сени эл-журт да, мыйзам да айыпка жыгып ийбес эле акыры. Өз кулагың менен угуп келдиң го, көзүңдү көрүп турган сени эмес, алигиче учурашып койбогон райондун, дубандык жетекчилердин ысмына кир жугузбастан, канаты менен калкалап атат, “алардын дагы буямалары келбеди, кырсыктан баштары чыкпай” – деп. “Ушул элге, ушул жерге жаштыгымды бердим эле. Эмгек талаасында билек күчүмдү, мандай теримди калтырдым эле, эми минтип күүдөн-күчтөн калганда жетекчилердин, саясатчылардын эч кимиси карабай кетти” – десе болот беле? Албетте. Бирок, сабырынан тайбаган эжебиз сен экөөбүздү дагы ыңгайсыз абалга калтыргысы келген жок, түн уйку, күн тынымсыз жүгүрүп жүргөн эмгегин дагы эч кимге колко кылбады. Чыдамкайлыкты, сарамжалдуулукту, кечиримдүүлүктү, айкөлдүктү энелерибизден үйрөнбөй калганыбызга өкүнөм... – десем Абдыракман:

– Сизден ушул сөздөрдү угаарымды билгенмин, ака... – деди айыбын мойнуна алып. – Ошону үчүн жана бир чыныдан чай ичип отура туралы деген болчумун. Бирок, “жашырган жараны өлүм ашкерелептир” – дегендей, мен канчалык көзүңүздү боомолобоюн жагдайдын төркүнүн баары бир билип алмаксыз. Башка менен ишим болбосо да, кантип эле кантип эле Саадат эжеми көз кырымдан чыгарып ийейин. Бирок, элиңизден, жериңизден, үкалариңизден кунар качып баратканын сиз дагы билип алсаңыз артыкбаш болбос. Кантели, заман баягыдай эмес. Бир куту күкүрт менен эбегейсиз чоң өлкөнүн башкы идеологиясынан өйдө бири-бирине чиелеништип байлап салган экен, эми ылдый тартсак өөдө жагыбыз, өөдө тартсак ылдый жагыбыз аңырайып ачылып калып жаман айлабызды кетирип атат. Аныбыз аз келгенсип жаратылыштын кырсыгы да кылкынтып туруп алды. Зайыптардын супурасы, колхоздун

кампасы куруп турган маал азыр. Раистердин да чамасы чак. Бир тыйынды бийлей албай калышкан. “Сенектик” замандагыдай дыйкандардын пешене тер менен тапкан акысын маалында бере албайбыз, же мамлекеттик даярдоочу мекемелердин жетекчилеринин аркасынан сая түшүп, болгон кадыр-колкону арага сайып жатып алган күндө да, акча-тыйын колго тийгиче, бардык нерсенин наркы асмандап кетип, бир адамдын жарым жылда иштеп тапканы бир кап унга жетпей калып шаштыны кетирип атат. Эскинин баарын жик-жигинен ыдыратып сөгүп ийгенибиз менен, анын ордуна кийирген жаңылыгыбыз жок. Минтип отурсак, коллективдик чарбанын тамырына балта чаап, жаңыдан төрөлгөн жеке менчикти чириген чүпүрөк менен жөргөктөп, кылымдарды карытып мээнет менен күн көргөн карапайым элдин ыманын учуруп, карып кылып алганы турабыз. Баарынан өкүнүчтүүсү – мындай абалдан алып чыга турган мамлекеттик айкын программанын же жогорку жетекчиликтин жаркын идеясынын жоктугу болуп жатпайбы. Же сиз билесизби андай программанын барлыгын?

– Жо, билбеймин! – деп мен да чынымды айтууга аргасыз болдум. – Билгеним, бүгүн сен экөөбүз эртең эмне болоорубузду болжолдой албай отурабыз, ал эми байыркы бабаларыбыз:

“Ак куулар учуп конбосо,
Айдыңы чалкар көл карып.
Улугу ойчул болбосо,
Убара тарткан эл карып” –

деп, мындан жүздөгөн жылдар илгери болочок урпактарынын башына түшө турган карыптыкты таамай болжолдоп кеткени. Муну кантип билип алышты экен, жарыктыктар?..

СОҢКУ СӨЗ

Маегимдин соңунда “кой үстүнө торгой жумурткалаган кененчилик маалда да учурай бере турган бир көрүнүштү көпчүлүктүн назарына көтөрүп чыгып, “Дооронбек үкам дагы айный баштаган экен” – деп, Саадат эжемдин көңүлүнө кетпесин үчүн, төмөндөгүдөй ой-пикирди ортого сала кетким келип турат.

Урматтуу Саадат эже, ошондо бир аз маектешип отурган соң, неберелериңиз келип калганда:

– Биринч апаңа чурка, биринч койлорду айдап кел! – деп буйруганыңызда:

– Убактыбыз тар эле, эмки келгенде жайма-жай олтуруп кетейин, – деп араң көндүрүп жатканда, кийин деле сиздин али да болсо “бир койлук алыңыз” калганынан кенедей дагы шек санаган эмесмин. Ал турсун мейманын үйдүн төрүнө отургузуп, тамактын чүйгүнүн тарткан ата-бабаларыбыздын салтын эч кимден кем билбей турганыңызда деле талашым жок. Бирок, кийинки мезгилде ошондой эле сыйлуу мамиле үйдүн ээси же карысын дагы бучкактап жүрөөрү элибиздин жакшы салтына айланып келатпады беле...

Мен анда “башка түшсө байтал жорго болотко” моюн сунуп калганыңызга кейип, алты саным аман, күүдө-күчтө турган маалымда сизге, сизге окшогон ондогон, жүздөгөн эжелериме же моралдык, же материалдык жагынан жарытылуу жардам көрсөтө албай калган өзүмдүн мажирөөлүгүмөн өзөгүм өрттөнүп кеткенинен жазып чыктым булардын баарын. Андай акыбалда калган жалгыз сиз болсоңуз дагы, көпчүлүк окуй турган гезитке жарыялап, өйдө-төмөн сөздү ырбатып отурбайт болчумун, Саадат эже. Жаш чагымда айыл-ападагы мээнет адамдарынын атын чыгарып, даңкын даңазаламакчы болуп, Кыргызстандын узун-туурасын, түндүк-түштүгүн, оң-солунан

аралай чаап жүргөнүмдү жакшы билесиз. Сизден кийин ошондогу маршруттарымдын бирөөнө түшүп алып, Аксы, Токтогул, Талас, Кара-Балта, Түп, Жети-Өгүз, Тоң, Кочкор, Нарын, Чаек, Суусамырды аралап жашы, жасаган иши, атак-даңкы сиздикинен кем эмес эски тааныштарымды бир сыйра түгөлдөп чыктым. Вертолет менен кыдырып, же күн мурунтан “тосуп алгыла” деп айттырып ийип барган жеримдин акимдерин жана алардын кызыл жакалууларын дүрбөлөн түшүрүп камылга көргөздүргүдөй менде мансап да, мартаба да жоктугунан, мурда кандай барып жүрсөм, ошондой эле болуп, тасма тарта турган аппараттарымды бир шалдырканы чыккан аптомоозго жүктөп алган бойдон бардым. Албетте, “арва-парвадан”, “тирүү жүрөсүңбү карагым?” – деген жылуу учурашуулардан өксүгөн жокмун. Бирок, маалымда дасторконунан шөргөлоп турган берекеси качып, “Ассалоом алейкум, кудайы конок элек” – деп келгендердин алдына тарта турган май-талканы мындай турсун, кадыр-колкосу сиңишкен эски таанышынын алдына койгудай балталап сындыра турган каткан наны да жок отурган үйлөрдүн пайда болушу – ушул саптарды жазууга аргасыз кылып отурат. Байкашымда мындан да опурталдуу, мындан да каатчылык күндөр канатын жайып капшырып келе жаткандай. Мындай кырдаалда журтгун жүгүн аркалап, тагдырын калчаган уул-кыздардын кылган-турганынан токчулуктун шооласын эле көрүп калсам дагы “кагылайындар, баарылап бизди көздөй жылып келаткан бейпилчиликтин жолунан тосуп чыгалы” – деп көпчүлүктү ээрчитип жөнөйт болчумун. Бирок, кашайган көзүм кашайып, андай шооланы көрө албаганыман, кылымдардан кылымдарды карытып кыргыздын башына караан күн түшкөн кыйчалыш күндөрдө да сабырынан жанбай, сарамжалдуулугу, акыл-эстүүлүгү менен кансыраганга кан кошуп, жансыраганга жан кошуп, алсыраганга ташты ээритип тамак жасап, ал кошуп, журтумдун көрөңгөсүн сактап келген кыргыздын талашсыз генийлери, энелериме, эжелериме, жеңелериме, карындаштарыма, кыздарыма жаңы жылда мурдатан бери айта жүргөн жападан-жалгыз өтүнүч менен кайрылгым келет:

О, көшөгөң көгөргүр журтумдун генийлери! Кыргыздын тагдыры силердин колунарда. Кыйын күндөрдө жасап

жүргөнүнөрдү дагы жасап, тирүүлүктүн коломтосун өчүрбөй, жоктон бар чыгарып, ыркырашкандарды ынтымакташтырып, үркөрдөй элдин учугун улаган ыйык милдетиңерди аткарууну токтотпостон, журтумдун көрөнгөсүн сактап калуунун аракетин кылбасаңар, силер ишенген эр бүлөнүн бели солкулдап, бедели ылдыйлап келатат кара басып. Кудай кубат берсе экен баарыңарга.

Силерге кандайдыр бир жарытылуу жардам көрсөтүү, бүгүн менин дагы колумдан келбейт. Колумдан келгени: “Эч качан жылаңбаштанып, эч качан, эч кимге тизе бүкпө, эч качан, эч кимге көз жашыңды көргөзбө!” – деген бабаларымдын осуятын бузуп, силердин алдыңарда жылаңбаштанып, тизе бүгүп таазим кылып көз жашымдын бырыш баскан бетим ылдый акканына намыстанбастан, баарыңарды кудай колдоп, ак жалгаса экен деп отурамын.

Бар болгула! Силер болсоңор – мен бармын, менин уул-кызым бар, кыргыз бар!

*Д.Садырбаев,
1992-жылдын ноябрь айы, Ноокен району
“Эркин Тоо”, 1-январь, 1993-жыл*

ЖАКШЫЛЫКТАН ҮМҮТ ҮЗБӨЙЛҮ...

Санабар Бахапова – түштүк кыргыз кыздарынын катарынан чыккан саясий ишмер. Кызмат чыйыры Оштогу жеңил өнөр жай өндүрүшүнөн башталып, анан партиялык ишке өтүп, 1990-жылдын октябрь айына дейре Кыргызстан Коммунисттик партиясынын Ош областтык комитетинин идеология боюнча катчысынын жүгүн аркалап келген. Жумурияттын эл депутаты. Жогорку билимдүү инженер – технолог. Жубайы, эки кыз, бир уулу бар. Эне тилинде жана өзбек, орус тилдеринде таза сүйлөйт.

...1990-жылдын июнь айынан баштап, Ош каргашасынын изи менен айрым эпизоддорду тасмага түшүрүп жүргөн чакан кинотайпа ошо жылкы 19-августту чыдамсыздана күттүк. Анткени, ал күнгө учурдагы кыйла түйүндүү маселелердин башын ача турган обкомдун пленумун өткөрүү белгиленген эле. Негедир ал жыйынга катышууга республиканын телерадиокомитетине баш ийген “Кыргызтелефильм” студиясынын кызматкерлерине руксат берилген жок. Акылкарачачтын айтканындай, жүйөлүү сөз сүйлөгөнүн угуп, эртеси 20-август күнү а кишинин өзү менен жүзмө-жүз учурашып, ушул маекти тасмага тартып алдык эле...

Д.Садырбаев: Урматтуу Санабар Бахаповна! Кечээ обкомдун пленумунда чыгып сүйлөп, сизди өз ыктыяры менен катчылык кызматтан бошотуп коюуну сураныптыр деп уктук. Пленум сиздин өтүнүчүңүздү канааттандырбаптыр. Ушуга байланыштуу бир кошмок суроом бар эле. Биринчиси, сиз ушундай өтүнүч менен кайрылганыңызда партиялык кызмат боюнча тизгиндештериңиз аны ушинтип канааттандырбай коюшун күттүңүз беле? Экинчиси, эми минтип көпчүлүктүн

ортосуна салган кош маанилүү оюңуз орундалбай калганына саал-паал сыймыктанып атасызбы?

С.Бахапова: Эми... Жергебизде ушунчалык жаман иш болуп атса, өлгөн адамдардын саны, өзүңүз уккандай, 260тан ашып кетсе, анан кызмат деп эле тырмыша бербей, чын көңүлүмдөн эле ээлеп отурган ордумду менден түзүгүрөөктөргө бошотуп берейин дедим эле. Ошону үчүн “мени өз ордумда калтырып коюшту” деп сыймыктанып жаткан жерим жок. Эгерде менин ушул кызматтан кетишим эки элдин ортосундагы мамиленин кайрадан калыбына келишине кенедей болсо дагы себепчи болсо, эч кандай башка максатты көздөбөстөн, өзүмдү бактылуу сезип кете берейин деген болчумун. Ал турсун, обкомдун бюро мүчөлөрү да толугу менен ошентешет го деп күткөнмүн. Бирок, андай болбоду. Анан кыйла жылдардан бери жанымды сабап жүрүп иштеген ишимди бир эле күндө жокко чыгарып, таштандыга шыпырып салышпаган кесиптештеримдин тагдырыма этият мамилеси мени зайып катары саал-паал бошоштурбай, партиялык кызматкер катары эли- журтума жамандыр-жакшыдыр кадыр-баркым бар экени белгилүү даражада сыймыктандырбай койгон жок. Бирок, бир областтын калкынын саясий, экономикалык, чарбалык жүгүн аркалайбыз деп аттангандардын доорунда кандуу кагылыштын чыгып кетиши мындай сыймыктанууларды деле кутка бөлөп турган жери жок. Биздин Ош областынын шартында бул эки элдин ыйкы-тыйкысы бүгүн же кечээ, же болбосо биринчи башталып аткан жок. Буга чейин деле майда -чүйдө пикир келишпөөчүлүк, көчөмө-көчө, айылма-айыл болуп көөдөн тирештирип, алдуусу алсызын төпөтөш кеткен жорук-жосундар болуп келгени да бүгүн жашыруун сыр эмес. Биз андайдын бакисин сыртка чыгарбаштын аракетин кылдык да, өз маалында жумурай-журттун ортосуна салып, өзөгүн сууруп таштоонун ордуна. Ошонубузду эстеп, азыркы болуп жаткандаргы көз жүгүртүп туруп, мамлекетибиздеги, коомубуздагы акылга сыйбай турган жорук-жосундардын жасалып жатканын таразалап көрүп, бир топ калыптанып калган нерсенин бакисинин пайдубалы бузулуп баратканын ойлоп, мамлекет башчыларынын ишмердигине да, өзүңдүн кылган-турганыңа да нааразы болот экенсиң. Эгерде жанагы

Тоолуу Карабактагы акыйнек айтышып, атаандаш башталып келатканда эле партиянын жетекчилери, мамлекет башчылары бир катуу чара көрүп койсо, минтип жер-жерлерге эки-экиден жакалашуунун оту жайылып кетпес беле деген ойго кетесиң... Чынын айтсам, бир областтын идеология тармагын жетектеп келаткан коммунист катары “Кайра куруу” дегенден менин дагы үмүтүм зор болчу, партиянын жогорку эшелонундагылар өлкөнү азыркы илең- салаңдыктан сууруп чыгып кете турган, бир айкын багыт табышкан экен деп. Анан бара-бара “демократия” деген “демагогияга” айланып, ар ким билгенин жасап, оозуна киргенди оттоп, кээ бирөөлөр айкындуулукту керт башынын кызыкчылыгына пайдаланып, жакшыга да, жаманга да көтөрө чаап жүрүп, баарыбызды мындай каргашага малынтып салбадыбы...

Д.С.: Карапайым адамдардын карым-катнаш, жүрүм-турумунда кандайдыр бир ыймансыздыктын жаралышына республикадагы ири областтын идеологу катары сиздин да үлүшүңүз бар экендигин танбайсызбы?

С.Б.: Танбайм. Мен танган күндө да, турмуш тандыра койбойт. Ал турсун, биздин учурда болуп жаткандын бардыгына: жакшысына да, жаманына да биринчи кезекте партия, андан кийин анын идеологиялык структурасы күнөлүү деп эсептеймин. Бирок, айрым жүйөлүү себептерди да таптакыр эле эсептен чыгарып салбаганыбыз дурус болгону турат. Мисалы, адамдын үстүндө үйү болбосо, курсагы ач болсо, Бахапованын канчалык кан какшап кулагына куюп, сабырдуулукка чакырган сөздөрү андай адамга таасир бербейт экен. Экономикалык негиз менен идеология бирине-бири эриш-аркак келбесе, куру сөз менен айтканың, дегениң бекер кеп тура. Ушуну үчүн эле биздин, идеологиялык кызматкерлердин күнөөбүз жок деп айта албаймын. Күнөө толуп жатат. “Жаңылбас жаак, мүдүрүлбөс туяк болбойт” – дегендей, мүмкүн учурунда элге-журтка кырдаалды түшүндүрүү иштери кечиктирилгендир... Пендечилик кылгандырбыз. Же эскинин баарын “бул туура эмес, бул жаман”, – деп сүрүп таштап, анын ордуна жаңы эчтеке таба албаганыбыздан элдин ишениминен айрылгандырбыз. Иши кылып, башкалардын айыбын

чукуганды коюп, ар ким өз мүчүлүшүн талдап көрсө деле, бирден бир туура жолго чыгып кетиши арсар болуп турган кез.

Д.С.: Кимдир бирөөлөргө таарынган жериңиз барбы?

С.Б.: Бар эмегендечи. Мисалы, өзбектерге көөдөн тирештирип, айтканынан кайтпай, көктүк кылышкан кыргыз жаштарына саал тарынганымды жашыргым келбейт...

Д.С.: Ушуну тагыраак чечмелеп берсеңиз...

С.Б.: Биз областтын партиялык, өкмөттүк жетекчилери өз маалында кыргыз жаштарынын тагдырына кайдыгерлик кылган күнөөбүздү толук мойнубузга алып, “мындан ары бардык талабыңарды толук канааттандыралы, бирок, силер дагы ушул жерден башка жакка барбайбыз деп ыйкы-тыйкыны ырбатпагыла, айланайындар”, –деп айткан-дегенибизге ишенишпеди оолугуп алган немелер. Эгерде алар бир жолу тилибизди алып коюшса, кырдаал мынчалык татаалданып кетпейт эле. Өзүбүздүн балдарга өтпөгөн тилибиз анан башкаларга кантип отмок эле... “Жер силердики, эл да силердики, укук да силердики, бир жолу сабырдуулук кылып, битке өчөшүп койногүңөрдү отко салбай, талабыңардан кайткыла”, – дегенибизди угушпады да: бирок, тил албай койду деп эле аларга дагы күнөөнүн баарын оодара салыш чекилик болуп калат деп ойлоймун. Алардын дагы айласы кетип, жаны кейип, республикалык жана областтык жетекчилердин өз ара ыркы жок экенин көрүп-билип турушуп, өз билгенин жасаганына таарынса да, таарынбаса да болот. Иши кылып бул – кылдат изилдөөлөрдү талап кылган өтө татаал маселе.

Д.С.: Баса, ушул жагдайда республиканын өкмөт башчысы Апас Жумагулович экөөңүздөрдү таарынышып кетиптир деп укканыбыз бар. Ушул чынбы?

С.Б.: Эми катуу таарыныштык деп айта албайм, бирок, улуттук сезимиме кичине зака кетирген сөзү көңүлүмдү оорутканынан, таарынымыш этип ургаачылык кылып койдум көрүнөт.

Д.С.: Мен Апас Жумагулович менен жакшы мамиледеги адам элем. А кишинин ашкере маданияттуу жүрүм-туруму, өтө этият жан экендигин жакшы билчүмүн. Сиздин көңүлүңүздү оорутар сөз айтканга кантип барды экен а киши?

С.Б.: Чынын айтсам, мен ал сөздү ачык айткым келбейт. Себеби, бул сөз дагы бир жерде айтылып калса, эки элдин ортосунда дагы нааразылык туудурушун каалабас элем. Азыр эми ушунча жаныбызды үрөп, тынччылык орнотуунун аракетин кылып чуркап жүргөндө, мен ал сөздү “дословно” айтпай эле коеюнчу, ансыз деле ынтымак ыдырап, ыман-жаныбыз жик-жигинен сөгүлүп бараткан маалда, өлгөндүн үстүнө көмгөн кылбай.

Д.С.: Мейлиңиз. Республиканын саясий-экономикалык абалы барган сайын татаалданып баратат дегениңизге да толук кошулам. Эми Кыргызстандын А.Масалиев, А.Жумагылов, Т.Акматовдор жетектеп турушкан партиялык өкмөтү журтту азыркы кризис ахвалынан аман-эсен чыгарып кетээрине көзүңүз жетеби?

С.Б.: Оо, бул кыйын маселе. “Оңолот” же “оңолбойт” деп кескин формада жооп бере албаймын. Партиялык, инсандык, зайыптык ариетимди кыйнай турган суроолоруңуз мени ыңгайсыз абалга калтырып жатканын унутпасаңыз жакшы болоор эле...

Д.С.: Кечиресиз, Санабар Бахаповна, ак чөп башта. Анда эмесе, өгүнү шаарда тартипсиздик күчөн турган маалда, өзүңүз, үй-бүлөңүз кандай ахвалда болгонун айтып бере аласызбы?

С.Б.: Айтып берейин. Улуу кызым Бишкекте окуйт, уулум – Алма-Атада. Алардан көңүлүм ток жүрдү. Кичүү кызым гана биерде болуучу. Өзүм ошо кызыма караганга чамам келбей, 13 күн обкомдо жатып калдым. “Залдан чыкпай отургун, кызым”, – деп маал-маал телефон менен сүйлөшүп коюп, күндөп-түндөп кандуу кагылышууну токтотуп калуунун аракетин кылгандардын катарында жүрө бериптирмин. “Оң жактан таш ыргытса, “спальныйга” түшөт, сол жагынан “детскийге”, залда олтурсаң таш жетпейт”, –деп коюп жүрө бергенимди карасаңыз... Кийин кичине тынччылык болуп, жаныбыз жай алганда ойлоп жүрөм кызым тууралуу.

Д.С.: Каныңыздан жаралган көкүрөк күчүк перзентиңиздин ахвалын ойлобой, азамат уулдун жүгүн аркалап жүргөнүңүзгө карабай кычы сөз, шектүү

мамиледен ыза болуп, ааламдын бардык кызыгынан кечип кеткен маалдарыңыз болобу?

С.Б.: Болот да, конечно. (С.Бахапова көпкө дейре буулутуп отуруп калды).

Д.С.: Ошондо эмне кыласыз?

С.Б.: Мен азыр сүйлөй албайм... (Буга дейре партиялык жетекчи кызматкердин карапайым адамдар сыяктуу кайгыга да, кубанычка да жөндөмдүү келип, каткырып күлүп, шолоктоп ыйлай ала турганы үч уктаса түшүмө кирбеген жаным, С.Бахапованын козунөн бурчактаган жашы көз айнегинин астынан жылжып ылдый ага баштаганын көргөндө “алхамдүүм” оозуман учуп, мен да кыйлага дейре тунжурап отура бериптирмин). Бир жагынан: Апас Жумагуловичтердин чөйрөсүндө “Аты да, фамилиясы да “подозрительный” Бахапова таза кыргыз эмес болуу керек. Ошону үчүн анын айткандарына ишениш кыйын”, – деген сөз болуптур. Экинчи жагынан, баягыда 15-16- июль күндөрү “козголгон” өзбек аялдар: “Бахапова – ашкере националист, кыргыздардын тиреги. Бахаповага өлүм!”, – деген лозунгалар менен чыгышкан. Андайда кимдир бирөө дилиңизди карарткан учурда, чындап эле бардык нерседен кечкиң келип кетет экен.

Д.С.: Кечирип коюңуз, Санабар Бахаповна, мен билбестик кылып, карттанып келаткан жараңызды жаңырттып алдым көрүнөт, кечирип коюңуз...

С.Б.: Биздин ыйкы-тыйкыбызга сиздин эч кандай тиешениз жок, Дооронбек ака...

Д.С.: Ушунчалык эрдигиңизге деле рахмат.

С.Б.: Жок, жок... Мен кандайдыр бир эрдик кылдым деп айта албаймын. Эгерде сиз ошол каргашалуу күндөрдө колумдун үч жеринен сынганын айтып жаткан болсоңуз, ал орусча айтканда “дело случая”. Эгер кандай кырдаалда, ошол таш бараңга алынган машинада менден башка ким олтурса деле мен көргөндү көрмөк. Мен аны кандайдыр бир эрдик же артыкчылык катары көрбөйм. Ошо маалда элдин баары эле “Колунуз кандай?” деп сурашат. Мен: “Колум жерге кирсин, бүгүн болбосо эртең айыгаар, эң башкысы эки элдин ортосундагы жарака эртерээк айыкса экен”, – дечүмүн. Азыр деле ал оюмдан айный элекмин. Ошол мезгилди ойлоп олтуруп,

“Кантип ушул даражага жетип калдык?” – деген суроого жооп таба албай, алиге чейин башым маң. Бул орусча айтканда “громкий” сөздөр эмес, бирге жашасак, бири-бирибизди тилмечсиз түшүнсөк, динибиз, тилибиз бир болсо, жада калса, көргө барганда да бир жерге коюлсак, анан кантип ушул ахвалга жетип калганыбызга “просто” акылым жетпейт...

(Ошондо С.Бахапова көз жашын буурчактага бергенинен “буулукканын чыгарып алсын” – деп, маегибизди соңуна чыгарууга аргасыз болгонбуз...).

1992-жылдын 6-октябры. Ош областынын мамлекеттик мүлк фондусунун төрагасы С.Бахапованын кабинетинде отурабыз.

Д.С.: Саламатсызбы, Санабар Бахаповна? Кыйла жылдар бою Ош таранка келээр замаг Бахапованы издеп жономой бизге – искусство, маданият кызматкерлерине адат болду. Сиздин ишиңизге эч кандай тиешеси болбосо деле, кыйгап отүп кете бере албастан, учураша кегейин деп кирип калдым.

С.Б.: Абдан жакшы кылгансыз. Азыр деле тикеден-тике кызматташтыгыбыз болгону менен журтубуз үчүн түпкүлүгү бир максатты көздөгөн адамдар эмеспизби... Анан калса, сиздин ийгилигиңизге кубанып, мүчүлүшүңүзгө кейиген өнөрүңүздүн күйөрмандары биз тарапта арбын экенин эске алып, минтип, айда-жылда бир келбей, чукулураак каттап турсаңыз деле артыкбаш болбос эле.

Д.С.: Эске алайын, айткандарыңыздын баарын. Рахмат. Баягы, 90-жылдагы маегибиз эсиңиздеби?

С.Б.: Эсимде эмей. Качан көргөзөөр экен деп эле күтүп жүрөм алиге дейре...

Д.С.: Ал маегибиз “Кайран эл” үчилтик телефильминин орчундуу эпизоддорунун бири болуп калганы үчүн, аны озүнчө көрсөтүүгө ылаажым болбой турат. Баса, ошондогу ызалуу сезимдерден арылып, таарынычыңыз таркадыбы?

С.Б.: Андай таарынычтар көкүрөктөн кетпейт көрүнөт, канчалык унутайын десем деле болбойт го...

Д.С.: Баягыда өтө этияттуулук кылып, жумурай-журтту азыркы ахвалдан кыргыз өкмөтү аман-эсен чыгарып кетээрине көзүңүз жетеби?” – деген суроомо түз жооп

бербей, дипломатиялык сылыктык менен кутулуп кеттиңиз эле... Ошол эле суроону азыркы бийлик чеңгелдеп отургандардын ысмына байланыштырып бергим келип турат.

С.Б.: Мен дагы ошол эле жооптон башка эчтеке айталбай, сизди иренжитип алам го дейм...

Д.С.: Себеп?

С.Б.: Себеби элдин турмуш-тиричилиги күндөн-күнгө ылдыйлап отуруп, мурдагы коммунисттик партиянын доорундагы, мен анын жаман жактары тууралуу сөз кылбай эле коёюн, жакшыларынын да тамырына балта чабылып жатканда “мындай болот, тигиндей болот” деп алдын алып болжолдоп айтыш да кыйын иш экен. Эртең эмне болуп кетээрин эч ким айта албай турган опурталдуу маалда мага бериси премьер – министрге бериле турган суроону бергениңизге жол болсун...

Д.С.: Премьер-министрге караганда сиз бир карыш болсо да карапайым элге жакын турасыз. Экоөбүздүн акыркы маегибизден бери эки жылдан ашыгыраак убакыт өтүптүр. Эл-журтта эмне өзгөрүүлөр бар экенин билип алайын деп эле сураган болчумун.

С.Б.: Эли-журтуңуз сиз эңсеген эркиндик – тендигин топтолууга менен өз колуна алган. Каалаган маалында, каалаган жеринде, каалаган кишисинин атак-даңкын асманга көкөлөтүп, же ариетине көө шыбап сүйлөгөнгө куп кана үйрөнгөн кез. Бирок, кары-жаш дебей алып-сатарлыктын “сабагын” жаттап, эмгектен жатыркай башташканы да чын, бүгүн сокур тыйыны жок отуруп, кап-кап кылып миллиондогон сомдорду көтөрүп жүргөндөр да жок эмес. Пахта менен тамекинин жүгү баягы эле өзүнүз билгендей окуучулар менен студенттердин мойнунда. Ошону үчүн эртең менен эмне болоорун болжолдоп айтыш кыйын болуп атпайбы... Биз иштеп жүргөн маалда бир чети элден- журттан айбыксак, бир чети сизге окшогон журналисттер жазып ийишпесин деп, абийрибизди сактап же машине алып, же бир үй салып алганга батынбай жүрө берген экенбиз, эмкилер эң биринчи кезекте өзүнүн кемтигин толтуруп алып, андан ашканын гана элге чачыла кылганын көрүп-билип туруп, негедир, силер деле эчтеке жазбай калдыңар го...

Д.С.: Ал кемчиликти ондой турган мүмкүнчүлүк бар, ошолөр катары сиздин да андай “айыпка” жыгыла турган жөнүңүз болсо...

С.Б.: Атаганат, саал кечигип калдыңыз да... Азыр үй салалы деп тарбалаңдап атканыбыз чын. Бирок, мамлекеттин эчтекеси жок, курулуш материалдарынын коммерциялык наркы асмандап турганда, бирдеке куруп алсак деген кыргыздын иши эмес, үмүтүн жактап жаза турган заман келип калбадыбы, биздин багыбызга... Макул, өзүңүз жакшы тааныган Айкөкүл карындашыңыз экөөбүз учурунда партиялык жетекчи кызматтарда жүрүп өөдө- төмөн сөз чыгып кетээринен тартындык дейли, акыры анын да, менин да эч кимден кем эмес билими, кызматы, айлык акысы түгүл агайын-туугандан өксүгү жок күйөөлөрүбүз бар эле го... Маалымда эмне үчүн ошолордун тилин албадык экен... Эми минтип түзүк эле тартып атабыз андагы “ак жүрөктөнгөнүбүздүн” азабын...

Д.С.: Чынын айтсам, мындай башаламандык болоору менин дагы үч уктасам түшүмө кирбептир. Кандай күн башка түшсө да, үстүмдө үй, колумда бир сындырым нансыз калбаспыз деп, мамлекеттик түзүлүштүн кебелбестигине ишенип жүрө берген сиз, мен, Айкөкүл жана башка биз өңдөнгөндөр келип-келип азыркы алдым-жуттум коомубузга сыйбай, мусаапырдын кейпин кийип калаарыбызды боолгой албайсызбы?

С.Б.: Боолгобой эле ошентип калгандарды көргөнүм бар. Андайлардын тагдырын жеңилдетиш үчүн же борборлоштурулган мамлекеттин, не жергиликтүү бийликтердин чамасы жок. Канткен күндө да тынччылык эле болсо болгону. Башка түшкөнүн көрө жатаарбыз. А балким “кой үстүндө торгой жумурткалаган” заманда жашоо үчүн, улуттун ушундай жолду басып өтүшү да мыйзам ченемдүү көрүнүштүр...

А балким бул күндөрдүн каатчылыгын көргөн пенде “сенектик” замандагыдай ысырапкерчиликке кайдыгерлик кыла койбос... Иши кылып, а десек да, бу десек да жакшылыктан үмүт үзбөйлүчү, Дооронбек ака... Күнү куру эмес “кыямат кайын жакындап келатат”, – деп гезитке жазып,

телевизордон айттырып атып жүрөктөрдү зил кылып бүтүрө турган болушту го...

Д.С.: Жакшы болот, бирок, “эртеңки куйруктан бүгүнкү өпкө” дегендей, алыскы келечектин жагдайы тууралуу эчтеке дей албасаныз да эртең-бүрсүгүндөн Бишкекке чогула турган СНГ мамлекеттеринин президенттери жана окмөт башчыларынын кеңешмесинен кандай жакшылык күтүп жатканыңызды айтып бере алаарсыз дейм.

С.Б.: Чынын айтсам, ушул жолугушуудан кийин СНГ мамлекеттеринин экономикалык, саясий абалында чукул бурулуш болуп кетээрине көзүм жетпейт. Илгерки “партократтарды” туурап канчалык жанталашып, “тарыхый жолугушуу, жаңы эранын башталышы” – деп ааламга жар салып дуулдатпайлы, бул жолугушуу мурдагы союзду кайра калыбына келтире албайт. Өзүлөрүнүн болсо, ошол “эсил кайран” союздун “сенектик” маалындагыдай да идеялары деле болбосо керек. Албетте, мен жаңылып калсам жакшы болоор эле, бирок, бул жолугушуу деле мурдагы жолугушуулардан эч айырмасы жок, расмий жолугушуулардын бири болуп калабы деп корком. Менимче, экономиканын, чарбанын, өндүрүштүн абалын шашылыш жакшыртуу үчүн бир жаркын саясий идея керек. Андай идея СНГга баш кошкон бир дагы мамлекеттен, азырынча шоола чача элек...

Д.С.: Анда эмесе, идеянын символикасын чагылдыра турган “атрибутика” маселесинде сизге анча-мынча дооматым бар эле... Баягыда Жогорку Кеңештин сессиясында кыргыз туусунун кайсы түсүн жактыраарын билбей депутаттар “ит жыгылыш” болуп турганда, сиздин “биз тарапта көк түс аза белгисин билдирет” – деген сөзүңүз көпчүлүктү ынандырып, улуттук туубуз кызыл бөлүп калды. Бирок, “көк киймей” түштүк жергесинде кара материалдын жетишпегенинен кийинки 100 жылдын аралыгында гана пайда болгонун тарыхый булактардан карап көргөн жок белеңиз? Мурда “каралуу зайып”, “каралуу эне”, “каралуу айып” деген түшүнүктөр көбүрөөк кездешип, “көктүү зайып”, “көктүү келин” деген түшүнүк дегеле жок экендигин баамдабадыңыз беле?

С.Б.: Ырасында анын ийнесинен жибине чейин териштирип, тарыхын изилдөө жүргүзгөн эмесмин. Бирок, тууну талкуулаган күндөрү жүздөгөн, миңдеген шайлоочуларым телефон чалышып, телеграмма жиберип түштүктүн эли үчүн кыргыз туусунун көк түстө болуп калышы чекилик экендигин билгизишкен болуучу. Анан сиз айткандай болгон күндө да, эмне үчүн кийинки жүз жылдыктын аралыгында олчойгон эки дубандын эли күнүмдүк турмушунда пайдаланып салтка айлантып алган түстү жээрип, тээ атам замандагы азыркылардан эч ким көрбөгөн, сизге окшоп атайын эле изилдеп чыкпаса, эч ким укпаган түстөгү улуттук туу кылып бергиле деп жармашышыбыз керек? Сунуш кылынган көк түстүн жанагыдай илинчеги жок болсо да бир жөн эле, тилекке каршы, сиз жактырган түстүн этияттана турган жагы да болуп жатпайбы... Анан калса, мен өз оюмдагыны айттым. Жактырыш, же четке кагыш депутаттардын иши эле. Көпчүлүктүн менин сунушумду жүйөлүү деп тапканына шек келтире турган азыр менде эч негиз жок.

Д.С.: Жараткан сизди өшол жан-дилиңиз менен жактырбаган түскө эч качан жакындата көрбөсүн!

*Дооронбек Садырбаев,
Ош – Бишкек, 1990-1992-жылдар*

ТЕҢИРГЕ ТААЗИМ!

Жазуучу Кубатбек Жусубалиев менен баарлашуу

Кубатбек Жусубалиев. Гуманист жазуучу, керемет адам. “Күн автопортретин тартып бүтө элек”, “Толубай сынчы”, “Муздак дубалдар” деген китептердин, “Кымыз”, “Жайлоо”, “Короз”, “Ак-Булак”, “Арзуу башаты” сыяктуу ондогон даректүү, дарексиз кино-телефильмдердин автору. Өзүн-өзү “Кубатбек Кердегей Гималайский” деп жүрөт. Биз “иский-мискийин” кошпой эле, улуубуз дагы, кичүүбүз дагы аны “Кубат аке” дегенге көнүп калганбыз.

Азыр Кубат аке Ош облусунун Алай районундагы Кердегей айылында жатып алып, Бишкектеги жаштардын “Асаба” гезитине баяндамачылык кылып жатат...

Көрүшө элегибизге эки жылдын жүзү болуп калыптыр. Эмнегедир баш калаада “Баягы Кубат куурагыр Жошолунун Кердегейиндеги салып жаткан тамынын чатырына тунике же шифер таба албай, андайын тапса акча-тыйынынын жайы болбой, жоро-жолдошторунан көнүлү калып, “бу кысталактардын бирөө келип кабар алып койбойт да”, – деп, кызыл таштан көчүгүн үзбөй, Гүлчө тарапты карап отурат имиш”, – деген дуу-дуу кеп тарап кетиптир атайын радио менен кабарлагандай.

“Ана-мына дегиче, айтып сөздү бүткүчө” менин да Жалал-Абаддын Ноокен районуна бара турган бакырчылык ишим чыгып калбаспы, кудай жалгап. Аерден бир күндүк кызматтын көзүнө карабастан, Кубаттын сөзү менен айтканда, “карга пок чокуй электе” Алайды көздөй жөнөп калдык, анын “эт жебестигин” шылтоолоп көк-сөктөн көбүрөөк артынып...

Кердегейдеги Кубат акенин башкаларга коошпой турган чатыры жабыла элек үйүн жазбай таанып, өзү менен кучакташып көрүштүк. Азил-тамашанын жаагын айрыдык

күүгүм киргичекти. Ал турсун, быяктан көтөрө барган “Муздак дубалдардын” алгачкы барагына “Дооронбекке чын ыкласымдан Ай-Тапанда отуруп...” деп чиймелеп берди. Анан “Жакында шаарга жөнөгөнү атам, серьезный сөздү ошоерде сүйлөшөлү. Се-ен кысталак коно турган болсоң ачыгыңды айт, мен конок камын көрөйүн... Антпейм десең, алыс жолго кеч чыкпай, эмитен “айда пошел, айтканым ошол” – деди мени Алайга алып барган инилеримди күлдүрүп. Биз ыраазычылыгыбызды билгизип, ошол күнү кайтпасак болбой турганын айтып, жөнөп кеттик.

Арадан бир апта өтүп-өтпөй, Кубат шаарга келип калыптыр. Бир чоогун чай үстүндө отуруп, “Эркин Тоо” гезити менин аты чыккан адамдар менен маектеримди баса турган бурч ачып бергенин түшүндүрүп, аны да ошол бурчка “камайын” деген оюм бар экенин айтсам, Кубат акеңдин айтканы бул:

К.Ж.: Ну что ж, старик... Жакшы оюң бар экен. Бирок, сен экөөбүз миненин тегерегинде маектешебиз? Бая күнү таштап кеткендеринди окудум, Хасбулатов менен да, Кунаев менен да куп сүйлөшүпсүн. Чынын айтсам, сен экөөбүз андай политически зрелый сөздөрдү таба албай, Пушкин менен Чаадаевдей болуп калабызбы деп турам.

Пушкин да өзүлөрүнүн маалында сага окшоп, “бир маектешпейлиби” деп Чаадаевдин мазасын ала бериптир да эртели-кеч. Анда Чаадаев: “Өй, күспүрүш дос, мен билгендин баарын сен да билесиң. Бул турмуш тууралуу айта турганымды айтып, жаза турганымды жазып койгомун. Сен да ошентип атасың. Азыр дилимде багып жүргөн жападан-жалгыз оюм калды, бирок аны мен сага айтпайм да”, – деген экен... Анан эски китептерди барактап отуруп: “Пушкин менен Чаадаевдин ортосунда кандай маек болушу мүмкүн эле?” – деген ойго кеттим мен дагы...

Албетте, ал маек адабияттын тегерегинде болушу мүмкүн эмес экен. Себеби дегенде, ал экөөнүн ар кимиси жазуучулук жамаатында өз чыйыры бар залкар адамдар болгондуктан, маңдай-тескей отуруп алып, адабият тууралуу маектешимиш этиши экөөнүн тең аброюна шек келтирип коё тургандай...

А балким, зайыптар тууралуу сүйлөшүп жүрүшпөсүн? Бу жагынан да экөөнүн тең өксүгү жок экенин өзүң жакшы билесиң.

Же саясат тууралуу маскешкиси келгендир Александр Сергеевичтин? Мындай ойдун дагы олуттуу сынды көтөрө алгыдай чамасы жок.

Нары ойлонуп, бери ойлонуп туруп, акыры таап алдым – ой, Чаадаев жарыктыктын кир кол, кирнелүү көздөн аяп дилинде багып жүргөн оюн... Өзү жашаган мезгилдин турмуш чындыгынан күнчүлүк өөдө көтөрүлүп, пендечиликтин көйгөйүнөн суурулуп чыгып, аң-сезиминде совершенствого жетип алгандан кийин жападан-жалгыз ой болушу мүмкүн экен ал кембагалда. Анын ою кудай тааланын касиетине ыктыдаа кылган ыйык ой экен. Көрсө, кудуреттүү кудайдын өзү менен кадимкидей сүйлөшкөнгө жетишип калган турбайбы, ал кысталак орусун. Андай неменин сен экөөбүзгө окшоп “төбөсү көктө, буту покто” турган көрпөндөлдөрдүн көйгөйүнөн өөдөлөп кетиши келип-келип бизди ошоякка алып кетээрин шылдың кылбасаң, экөөбүз маскешип калышыбыз ыктымал...

Д.С.: Кубат аке, заман демекчи, азыркы замандын акыбалын кандай дейсиң?

К.Ж.: Барыңа сүйүнбөй, жогуңа күйүнбөй Тениримдин буйруганына каниет кылып жүргөн мен мынчалык мукурап калдым, заманыңдын сүрү качып, мамлекетиңдин абыдан эле шайы ооп, келечеги даркүмөн болуп калган сыяктуу... Менин уккан-билгениме караганда, уруш маалында да мындай каатчылык, мындай ааламат тос-тополоң болбосо керек эле... Албетте, анын да чеги болот да, болбой коймок беле... Бирок, ага дейре эли-журтубуз түзүк эле тартат окшойт көртириликтин тарткылыгын. Бир Авва деген Египет акылманы, менимче ушу кысталактын аты кыргызча коюлган болуу керек, себеби дегенде айылдагы кичине балдар мени көргөндө дайыма “ава” дешип ызаат кылып калышат да – кысталак чыт курсактар, мен да жактырамын алардын ошенткенин, ошо Авва деген акылман: “Адам, чыныгы адам аталыш үчүн өзүнүн инсандык имаратын би-ир астын-үстүн кылып бузуп туруп, анан кайрадан курушу керек” деген экен... Бул, мисалы, мен адам болуш үчүн кыял-жоругумду, пейил-куюмду, турган турпатымды оболу

чакчелекей будун-чанга, орусча айтканда, “безумное состояние” алпарып туруп, анан кайра кура баштоом керек дегендикке жатат. Ошондо да өзүмдүн ариетим болсо, а “под лежащий камень вода не течет” дегендей, өзүм аракет кылбай жата берсем, пок келбейт имиш колуман.

Өзүн көрүп келдин Кердегейде үй салып атканымды. Абалы цементин бир жерде, кышын бир жерде, жыгачын бир жерде жаткан болот. Себеби дегенде, бирин машине, бирин трактор, бирин араба менен тарттырып келесиң да. Алардын ар биринин айдоочуларынын ар кыл тагдыр, ар кыл мүнөзү бар. Бирөө айтканыңды укса, бирөө укпайт, кембагал каякадыр шашып турат элем деп. Туш келген жерине түшүрүп коюп кете беришет экен алып келгенин... Анан өзүңчө отуруп алып кыжаалат болосуң, ушул чакчалакей түшүп жаткан мынабул кыямат-кайымдан кантип үй курулсун деп. Бир маалда уста келет аерге, желек илдирип оркестр ойнотпогон скромный адам. Жыгачтарыңды тээп-тээп көрүп, бөлөк-бөлөк жыйып, кыңылдап ырдап коюп кысталак, цементинди да, кышыңды да өз-өз орундарына кынай баштайт секин-секин. Жарым айдан кийин келсең эле жанагыларың баары иреттелип, имаратың бүтпөсө да, дубалы о менин боюма жакын көтөрүлүп калыптыр үйгө окшоп, көзүңө жылуу көрүнүп. Жыргай түшөсүң, бу ушундай “хаостон”, ушундай неразберихадан үйгө окшотуп бирдеме тургузуп койгонун көр деп. Күн өткөн сайын үй көркүнө чыга берет. Азыр баарыбыздын жан дүйнөбүздө жанагыдай башаламан пенделик стройматериалдарыбыз чачылып жатканы менен, аны иреттей турган уста келе элек. Биздин андай пейилибиз али уйкуда жатат...

Д.С.: Өй, Кубат аке, буга жетиш үчүн биздин эл кандай жолду басып өтүш керек экенин билип туруп айтып атасынбы бул сөздөрүңдү?

К.Ж.: А как же. Ал жол кылымдардан кылымды карытып келаткан адамзаттын түйшүктүү жолу болсо, кыргыздарың аны баспай пок басмак беле... Коп деле узак эмес, ушул эле 100 жылдыктын нар жак, бер жагында, 19-кылымдын аяк ченинде болсо керек, бир Шарден деген археолог, палеонтолог, жазуучу, саякатчы француз адам жашаптыр. “Человечество”, - деп жазат ошол Шарден деген неме, – бир тоонун тээтиги “вершинасына”

жетмекчи болот дейли... Бир караганга а жер, атаңын көрү, жапжакын эле көрүнгөйсүйт. Бирок, ага жетүү үчүн жүрүп отуруп, жүрүп отуруп бирде өөдөгө чыксаң, бирде ылдыйга түшөсүң, бирде сууларды кечсең, бирде сазга тыгыласың, тырбаландап жүрүп отуруп бараткан жолуңан кайра тартпай турган өжөрлүгүң болсо гана көздөгөн чокуңа жетип алышың ыктымал”. Шарден куду ушинтип айткан да. Ал вершинаны беттеп бараткандардын арасында сууга акканы болот экен, канчасы тунгуюкка түшүп кетет экен, сазга тыгылып дагы кыйласы күм-жам боло имиш. Бирок, ошончо кыяматтардан өтүп, азалтуу жолдорду басып, аксак-тексек, оорулуу-сыркоолуу, чабал-сабалдарын жолдо кылтырып жүрүп олтуруп эңсеген бийиктигине жетип келген, здоровый көрпенделер да сөзсүз болбой койбойт имиш. Чамасы, биз азыр ошо Шардендин өөдө-төмөн жолунун бир жеринде бараткандайбыз, жарык күндөрдү көздөй жанталашып...

Бечара Альбер Камюнун Нобель сыйлыгын алып жатканда мындай дегенин сен деле окуган болууң керек: “Чыгыштын бир акылманы, – дебеди беле анда Альбер Камю, – Э, Кудай! Эгерде мени пендем десең, чындап мага бооруң ооруса, айкөлдүк кылып, мени керемети мол бир кызыктуу доордо жашата көр”, – деп жаратканга жалыныптыр. Анын сынарындай, мага да ошондой доорду ыраа көргөн теңириме миң алкыш айтамын”.

Азыр биз, кыргыздар, ошо Альбер Камю айткандай, күрүлдөгөн-шарылдаган, ыпылдаган-шыпылдаган, бырылдаган-дырылдаган, баш-аягы жок бир кызыктай доордо жашап жаткандайбыз. Түшүнгөн адамга бул – университеттин экзамени эмес, кудайдын сыноосу. Андай болгондон кийин: “Ээ кудай! Ушунуңа шүгүр. Атайы кастарыңды тигип, биздин жандүйнөбүздү астын-үстүн кылып атсаң, так и надо нам, – дегендер чыгат. – “Демек, бизге ушундай бир алаамат жетишпей турган. Ушунуна рахмат. Эми мага мунун баарын өз алдымча түшүнүп алууга уруксат берип, нары жагындагы бөөдө кырсыктан сактай көр!” – деп...

Атаңдын көрү, ушундай да болобу? Бу кудайдын эмне кылганы? Бу кысталак, “бар, мине болсонор ошо болгула!” деп бизди таштай качып кете берген окшойт. Анда, заман алалы – алдырбайлы, жулалы – жулдурбайлы дегендердин заманы

болуш керек, деп алкынган-жулкунгандар да чыкпай койбойт. Баарынан жаманы – мындайлар биздин кыргызда көбүрөөк болот.

Сен экөөбүзгө окшогон бей-бечаранын “кыңк” этпестен жанагы кудайдын сыноосунан өткөндөн башка жолубуз жок, Доке... Сени да түзүк биле албайт экенмин, бирок, менин бүткүл өмүрүм ушул сыяктуу сыноолордон өтүү менен алпурушуп келатат. Так что, мындай-мындайга мени таяргарлик көргөн инсан деп коё берсең да боло берет. Ошону үчүн бул каатчылыктан да өлбөй-житпей өтүп кетет окшоймун деп үмүт кылып турамын, билгиң келсе...

Д.С.: Эми бизди мындай сыноолордон кимдир бирөө жетелеп чыгабы, же ар кимибиз алыбыздын келишинче, башыбыз оогон жакты көздөй тырбаландай беребизби?

К.Ж.: Илгери-илгери беш кишинин камын көргөн неме “Кудайдын адамы” делинип, андайга карапайым адамдар тарабынан ызаат, урмат көргөзүлүп турчу экен. Ол “кудайдын адамы” да алкымын араандай ачып ичкен-жегенден башканы, өзүнөн көрө алдууларга, күчтүүлөргө кошомат кылгандан башканы ойлонбой, кардынын кампайганына ыраазы болуп ырсалактап жүрө бербестен, берки беш кишиси имнени көрсө кошо көрүшүп, олардун оорун колдон, жеңилин жерден алышып, ошолор катары тирилик кылчу экен, түйшүгү беркилерден көбүрөөк болсо да. Буга окшогон ыманга чак, жаратылыш гармониясына эриш-аркак салт-сабандын бакисин жанагы “империя” деген бузбадыбы кысталак. Адамдардын алкымын тыя албаган алдым-жуттумга, кол куушуруп тизе бүккөн кошоматчылыкка, байлык үчүн, мансап үчүн ак уруп, бул жалган дүйнөнүн болоор-болбос, бир жарыбаган жыргалчылыгы үчүн көшөкөрлүк жасаганга үйрөттү кысталак. Элибизди, жерибизди, ыйманыбызды, абийирибизди сатканга көндүрдү... Мисалы, Чыңгыз Айтматов болгон камбагалдарды, мейли, ал ак болсун, мейли, кара болсун, маа демектен сары болсун, бийлик чеңгелдеп отурган нааданга “кыңк” этип каяша айтпастан, андайдын атак-даңкын, улуулугун-сулуулугун мактаган одаларды жоюуга аргасыз кылды. Мындай кырдаалда бизди жарык шооланы көздөй жетелей турган жалгыз эле адам бар, ал – Президент... Эгерде ал “империянын” жогоруда мен

айткандай илдетинен суурулуп чыгып, эли үчүн, журту үчүн өзүнүн кара жанын алоолонуп турган отко таштап, бууракандап турган сууга салгандан кайра тартпай турган неме болсо... Менимче, бу бечара азыр мындайга даяр эместей. Ошондуктан, сага окшогон, мага окшогондор жарыктык Президенттибиздин мүчүлүш-кемчиликтерин айтып-деп, туура жолго салып турганыбыз абзел. Аны укса укту, укпаса саткайымын сарысына... Бирок, биз пендечилик карызыбыздан бир кутулуп койбосок бовойт, эй! Антпесек, Акаевден да айрылып калганы турабыз. Орустар “из двух зол наименьший” тандап алышкандай, биз Акаевди өзүбүз тандап алгандан кийин эми аны жөлөп-таябасак болбойт. Антпейт экенбиз, эчен каардуу, эчен мыкаачы, эчен амалкөй империялар менен “көсөмдөрдүн” түбүнө жеткен “бюрократизм” деген балээ Акаевди соо коймок беле... Бечара Президенттибиздин элпектигинен, анын мамлекет башкарууну билбеген аралашмасы жок окумуштуулугунан пайдаланып, бюрократиянын мителери аны жылчыксыз тегеректеп алышып коюн-колтугуна кирип кетишкендей.

Буга бир мисал айтып берейин. Баягыда Асылбек деген бир кыргыз жигит атайын алыстан издеп келиптир мени. “Өзүмчө араб тилин үйрөнүп, анча-мынча чыгарманы кыргызчага которгонго жарап калдым эле. Түркиядагы диний медресеге окууга барганга көмөктөшө аласызбы, ака?” деп. Атын айтпай эле коёюн, сен деле жакшы тааныган, экөөбүздөн жашыраак бир жигитке ээрчитип бардым аны. Ал ошо чет мамлекетке барып окумакчы болгондорду чогултуп, туш-тушка жөнөтө тургандардын чоңу болуп калыптыр. Мурда сүйлөгөн-турганы жүйөлүү, көп окуп, көптү билген түзүк жигиттей болуп көрүнчү эле ал, баягы империянын ити чөп жеп турган маалда ошого ээрчитип бардым жанагы Асылбек деген баланы “бирдеме чыга турган неме көрүнөт, колуна келсе саал түртүп койчу ушул камбагалды” деп.

“Карап көрөйүн...” – деп кагаздарын алып калган. Асылбек бир аптадан кийин кайра келиптир. “Өгүнкү алпарган немеңиз бирдеме үмүт этип атат окшойт, ояк-быякка чуркатып эле убара кылып атат го... Кармата бергенге алым чагыраак эле, ака...” деп. Дагы бардым. “Ой, Баке, бул эмне кылганың?” – десем: “Кубат аке, өзүңүздүн көздөй көргөн үкөңүз болсо жиберейин, болбосо...” – деп ыржалактайт. “Оой! – дедим ачууланып. – Бу

кысталак Түптон келиптир, мен алайлыкмын. Бирок экөөбүз бир атанын балдары болобуз. Жакын үкам. Мунун атасы Кыргыз Ата сенин деле түп атаң болсо керек эле. Ушул бечара медресеге ыклас кылып калган экен, окуп-чокуп билимдүү болуп келсе, жалпы кыргызга кереги тийип калаар бекен деп ээрчитип келдим эле!”...

Мен ушинтсем, тамашага жооткотуп “ана-мына, аракеттенип көрөйүн” демиш болуп узатып койгону эле болбосо, баланын окууга өтүп кетишине өбөлгө түзүп койбоду да. Колунда пулу, аркасында жөлөп-таяй турган шаасы жогунан кыргыздын бир чыйрак баласы илим-билимден кала берди да томсоруп. Анын сыңарындай, “Президенттин жакшы ой-максаттарын ишке ашырабыз” деп, бирден-бирден үстөл кучактаганга жетишип алган, жапжакшынакай, жапжаш уул-кыздар “чү” деген эле жерден мурдагы империянын бюрократиясынын кылык-жоругун эң мыкты үйрөнүп алышып, эми митедей болуп, жакшынды да, жаманынды да, адабиятыңды да, маданиятыңды да, кыргызды да, театрыңды да, закүнүңдү да, Президентинди да бир четинен кыртылдатып жеп аткандай болуп туюлат мага.

Атыңдан айланайын Будда пайгамбарыбыз: “О, кудурети күчтүү кудай таала! Бул ааламда адам болуу деген өтө оор, өтө татаал иш турбайбы!” деп бир көзүнөн кан, бир көзүнөн жаш агызып ыйлаган экен бир кездерде. Анын сыңарындай, сен экөөбүздүн жазуучу акабыз Төкөм “Адам болгум келет” деген китеп жазып, бир жакшы ишти баштап койду эле кыргыз жергесинде. Эми ал жарыктык өзү адам боло алдыбы же депутат бойдон кала бердиби, анысын жакшы биле албайт экенмин. Эгер туз насип буюруп, адам болуп калган болсо айтпайбы, дебейби иштин көзүн тааныта турган акыл-насаатын бизге караганда Президентке жакыныраак жургөндөн кийин. Акаевди бюрократияга жегизип ийсек, анда бизге убал жок. Так и нам надо. Анда “демократия” деген ызы-чууну кайра башынан башташка туура келет...

Д.С.: Демек, Президентти “Кыргыз демократиясынын атасы” деген ойдо турбайсыңбы?

К.Ж.: Жо, андай ойдон алысмын. Антемин деп, биринчиден Казат менен Топчубектин каарына кала турган алым жок менин, экинчиден, кимиси атасы, кимиси апасы экенин өзүлөрү

чечишип алышпаса, карап турбагандан кийин “О, бу” дешип да кыйыныраак болот экен. Бирок, Акаевдин ысмы менен кыргыз жериндеги демократиянын эпкинин бири-бирине жалгаштырып айткандан шарият бузулбаса керек деп ойлогондуктан айтып жатамын бул сөздөрдү. “Айтпа!” десең, айтпай коюш деле колуман келет, тууган...

Д.С.: Жо, айта бер. Менин каршылыгым жок анткениңе. Бирок, “империя, империя” деп эле сага окшогон сабырдуулар “жаман көргөндүн бөркүн казанбактай” кылып көргөзүүнүн аракетин жасай берсе, “демократия” дегенин деле “империянын” экинчи бети окшойт деп бушайман болот экенсиң... “Империя” ошончолук эле пок болсо, жети күн эмес, жети апта эмес, жетимиш жылдан ашуун убакыт кантип жашап келди?

К.Ж.: Ушуну туура айттың. Бу “империя” дегениң — мен советтик империяны айтып жатамын, — кай максат менен жаралып, анан эмне себептен жок болуп кеткени тууралуу ойлонгон киши жок азырынча... А, балким, алла таалам адамзатты кандайдыр бир оош-кыйышы жок жаңы коомго алып чыгыш үчүн ушундай-ушундай сыноолордон өткөрүп бир тазалап алайын деп атайын жибергендир жанагы Владимир Ильич Ленин деген жани жокту советтик эпоханын элчиси кылып. Акыры анын бир да адамдын оюна келбеген “Теңдик, достук, бир туугандык” деген адамзат жаралгандан берки энсел келген лозунгаларды көтөрүп чыгып эле, миллиондогон адамдардын мээсин чакчалакей түшүрүп, коммунизм деген жаркын идеяны көздөй ээрчитип жөнөбөдүбү... Кетип баратып да жөн кетпестен, “Окуу, окуу жана окуу!” деп жан-жакабелиндегини үгүттөп кетти. Бул эмне дегендикке жатат? Бу жанагы Ленин деген немеңер болуп жаралгандын бакисине “Ой кысталак! Оку, турмушту үйрөн... Жамандан үйрөн, жакшыдан үйрөн, чымчыктан үйрөн, жерден үйрөн, суудан үйрөн, иттен үйрөн, питтен үйрөн, олардун тилин билбесең китептен оку!” дебедиби кысталак, баарыбызды адамзат өнүгүшүнүн кайсыдыр бир жаңы баскычына атайын даярдагысы келип... Мунун негизинде империянын жамандыгына эриш-аркак жакшы жактары да болгону чын деп айта алабыз. Өзгөчө кыргыздар үчүн. Бала кезинде мекияң тооктун чөжөлөрү менен кечки коңолгосунда кантип жатканын көрдүң беле?.. Көрсөң,

ошону дагы бир жолу көз алдыңа элестетчи... Кечке жуук мекияң каяктандыр какылыктап келип, бир жерге топчудай болуп отуруп калат. Чыйп-чыйп эткен 15-20дай чөжөсү туш-тараптан чуркап келип, бири канатынын астына, бири көкүрөк, бири куйрук тарабына, кайсы бир тентегирээги энесинин төбөсүнө деле чыгып отуруп калаар эле. Тоок бечара эч кимисин урушпастан, эч кимисин чокубастан, чөжөлөрүнүн бакисин батырып алуунун аракетин кылып, канаттарын жайып коюп, калдайып отура берээр эле жанибар. Күндөр өтүп, чөжөлөрү чоңойгон сайын энесинин канатынын астына батпай бири-бири менен чокушуп итирендешип урушуп да кетишээр эле... Чын-чынына келгенде бизге окшогон чакан элдер империяны балапан ачкан тооктой эле пайдаланганыбыз, анан чоңойгон сайын бири-бирибиз менен чокушуп кеткенибиз да калпы? Так что, империянын, өзүң айткандай, жакшы жактары да болгон, өзгөчө элге билим берүү жагында.

Д.С.: Мунуңа мен да кошуламын. Болбосо, баягы азиз көздүү кара кемпирдин жанында “чыкнайм эле, чыкпайм!” деп, эски тамдын үстүнөн өтүп жаткан тамчы менен урушуп жаткан тентек бала бүгүн Пушкин, Чаадаев, Кришна, Будда жарыктыктар менен сүйлөшө турган деңгээлде жетет беле да, жетпейт беле...

К.Ж.: Мунуң туура.

Д.С.: Анда ошондой күндөрдү башыбыздан кечирип, алыбыз келишинче билим алып, эрежесинде эч кынтыгы жок коммунизмдин идеяларын туу тутуп, бийлик, байлык менен ишибиз жок, тагдырыбызга жараша көртириликтиң убарасында жүргөн сен экөөбүз кандай акыбылдабыз азыр?

К.Ж.: Сен экөөбүзбү?.. Илгери кыргыздардын эки жагына табакты үч жип менен илип койгон жөпжөнөкөй таразасы болоор эле. Мындай турганда көлөмү бири-биринен анча айырмасы жок табактар, саал-паал чайпалып коюп тең салмакта тура берчү. Ошондо таразачы кадак ташты табактын бирөөнө коюп койсо эле экинчи жагы сырак дей түшөр эле. Менимче, сен экөөбүз ошо сырайган табактын үстүндө кала берген болуубуз керек. Кийинки кездеги илим-билим, нравственносттун гармониясы бузулуп, ымансыздыктын кадагы оорлоп бизге окшогондорду ушинтип сырайтып койду да кысталак... Эми нары өткөн да, бери өткөн да бизди карап

алып күлө берет боорун тырмап... Учуп кеткенге же сенде, же менде канат жок. Таразаны тен салмак абалына келтирели десек, кадак жетпейт экөөбүздө тең. Ошентип отура беребиз, өткөн-кеткенге күлкү болуп. Акыры “Кой, бу энеңди урайындарды сырайтып отургузуп койбой, ылдый түшүрүп алалы!” деген бир уул бала чыгып, кадакты алып койсо эле, кайра түшүп келишибиз мүмкүн өз ордубузга. Мунун баары каяктан келди деп ойлойсуң? Менимче, аттуу-баштуу, эстүү-акылдуу эле замандаштарыбыздын адеп-садеп, ыйман-сыйман дегендин бакисин жыйыштырып коюп, отурса-турса май тооч көзүнөн учуп, “өзүм жебесем да, башка эч кимге бербесем болгону” деген кыянатчылдык сезимге жеңдирип койгонунан чыкты го деймин... Болбосо беш-алты жыл илгери бүткүл союз ынтымакташып тирилик кылып жүргөн чакта Челябинск шаарынын башында отурган он чакты адам жүздөгөн тонна осетрдин икарасын же өздөрү жеп түгөтө албай, же аны элге саттырганга көзү кыйбай, складдарга жыйдырып коюп, бүт бойдон сасытып ийишпейт болчу да... Куду ушундай болгонун окуганым бар. Буга окшогон мисалдар тиричиликтин бардык тармагынын четинен чыгат.

Д.С.: Кубат аке, ошол бийикте сырайып отурганында, биздин каякты көздөй кетип баратканыбызды көрө алдыңбы?

К.Ж.: Бул сурооңо мындай жооп берээр элем. Баягыда Молчанов менен Бовиндин маегин телевизордон көрүп калдым. “Известияда” иштеген бир толстяк бар эмес беле Бовин деген. Ошол Бовин Молчановдун “Акыры келип биздин эл каякка барат?” деген суроосуна “Билбейм, каякка бараарын” деп жооп берди. Билгеним, илгери, илгери Моисей алеки салам, бизче айтканда, Муса пайгамбар еврейлерди Египеттен бөлүп алып чыгып кетип, кырк жыл бою азап-тозокторго бетме-бет чыгарып, ээн талаа, эрме чөл менен ээрчитип жүрүп олтуруптур. Болгону эки-үч ай жол жүрүп, Израилге түптүз жеткизип келсе, Египеттин тузун татып калгандар жаңы конуштун жагдайына чыдабай, кайра эле качып келе берээринин алдын алып, андай тузду татып калгандардын бир мууну өлүп-өлүп отуруп түгөнгөндө гана жолдо төрөлгөн жаңы муунду алпарып, жаңы конушка конурсам мага эл, мага журт болот деп ошенткен экен. Анын сыңарындай, коммунисттердин

тузун татып калгандардын мууну бир жаңсыл болмоюн, бизде да жаңы турмуш баштала койбосун көрүп турамын. “Туз” дегендин биздин кыргыздарда өзгөчө касиети бар экенин өзүн билесиң да... “Бир күн туз ичкен жериңе миң күн салам бер” деп коёт эмеспи. Жарыктык Муса пайгамбар еврейлерди ошентип амал менен эл кылып алган экен. Албетте, ал Сталинге окшогон мыкаачы же грубый адам болсо, бир жылга жеткизбей баарын күм-жам кылып туруп, алардын бала-бакырасын алып кетсе деле болмок. Бирок, ал антпеди. Чыдамдуулук кылды. Акылмандуулук кылды. Гумандуулук кылды. Мен дагы азыр бизди, кыргыздарды каяккадыр ээрчитип бараткан эркечибизге Моисейдин акылы менен чыдамдуулугун жана чечкиндүүлүгүн каалар элем.

Д.С.: Ма-акул, сенин айткандарыңдын баарына көшүлүп, Моисейди ээрчип кетип бараталы деп коёюн. Жолдо сага окшогон, мага окшогон арык-торук, чал-чабыр калып-калып отуруп, түгөнүп кеткенине дагы кайылмын. Бирок, бороондуу күнү ач бел, куу жондо жылаңач калган ымыркайлардын көргөн күнү эмне болот? Акыры, азыркы кыргыздардын абалы, оол жылаңач баланын абалынан эч айырмасы жок го...

К.Ж.: Ээ, Доке! Ошончо элди ошондой сыноого салып жер кездирген кудай жылаңач баланы бороондуу күнү белге таштап атып майып кылдырып коймок беле... Бир жомоктогу баатырды, кайсыдыр бир пайгамбарды, такыр эле болбосо бөрүнү же бугу энени жиберип, жаңы конушта жашай турган өзүнүн пендесин сактап калбай койбойт. Себеби, бардык кылымдарда, бардык элдерде адамды жер бетинде адам кылып сактап келген кудай таалам болгон жана мындан ары да боло бермекчи... Ошондуктан “аз айып, көп күнөөбүздү кечире көр” деп теңириме таазим кылгандан башка жолду көрбөй турамын...

*Дооронбек Садырбаев
Бишкек шаары, “Эркин Тоо”,
№115 (147) 9-декабрь, 1992-жыл*

А.ТҮРКЕШ: ТҮРК АТАНЫН БАЛДАРЫ БАШ КОШОР ЗАМАН КЕЛДИ

Түркиядагы “Миллиетчи харакет” (“Бозкурт”) партиясынын лидери Алпарслан Түркеш менен кыргыз делегациясынын жолугушуусунан бир шиңгил.

Түрк Атанын урпактарынын эң алгачкы курултайына катышканы барган отузга жакын адам 1993-жылдын 22-март күнү жыйындын программасынан сырткары бүт ааламга чачылып кеткен өзөктөштордүн бир жакадан баш, бир жеңден кол чыгарып, бири-бирине аркабел болуп, мындан ары карай ынтымакташып тирилик кылышынын баш демилгечиси Алпарслан Түркеш-бей менен жүзмө-жүз отуруп, маектешип, инсандык аброюна ызаат көргөзүп кетүү үчүн курултай өтүп жаткан Түркиядагы Ак деңиз (Жер ортолук) жээгиндеги курорттук шаар Анталиянын “Селена” мейманканасындагы “Миллиетчи харакет” партиясынын штаб-квартирасына бардык.

– Кош келипсиңер, кадырлуу боордошторум. Кана, мындай өтүп отургула... – деп учурашып Алпарслан Түркеш мырза баарыбыз орун алгандан кийин маекти баштады:

– Эми туугандарым, кылымга тете мезгил бири-бирибиздин өлүү-тирүүбүздү түгөлдөй албай жүрүп, ичтен сызып боор тартышкан өзөктөштөрүм менен, минтип жүзмө-жүз көрүшкөнүмө жетине албай, саал толкундап турам. Акыркы жүз жылдын аралыгында не деген табышмактуу заман, не деген татаал тагдырды башыбыздан кечирбедик силер дагы, биз дагы... Өзүбүздүн өйдө-төмөн, ыйкы-тыйкыбызды чечише албай биз быякта жүрдүк көр оокат менен алпурушуп, алдуунун азуусуна чайпалып, силер аякта калдынар майышып. Бирок, алла таалага айтканыбыз бар экен, эми минтип, кыйланар эгемендүүлүккө жетишип кайрадан бир жакадан баш, бир

жеңден кол чыгарып, жаамы Түрк Атанын балдарынын башы бириге турган улуу жолдун башатында турабыз бүгүн.

Ырас, мынчалык узак мөөнөттүн аралыгында ар ким өз тагдырын бучкактап ыдырап кеткенибиздин кесепетинен Түрк Атадан тарагандардын арасында да ар кыл түшүнүк, ар кыл деңгээлдеги жашоо тиричилик шарт, ар кыл көз караш, ар кыл инсандык ариет пайда болду. Ошондуктан, ар кимибиз өз элибизди алдыда турган биригүү жолубузда бири-бирибизге күйүмдүү, кемчилигибизге кечиримдүү болууга үйрөтүп, улуубуздун же кичүүбүздүн жаштык кылып жаңылганына, мастык кылып мүдүрүлгөнүнө итирендешпей, азыркы экономикалык кыйын кырдаалдан журтубузду төкпөй-чачпай, кемитпей, бөксөртпөй, аман-эсен алып чыгып кетүүбүз керек.

Т.Касымбеков: Аныңыз ырас. Биз дагы ушул максатты көздөгөн үчүн ушунча кыргыз чогулуп, мин жылдардан бери болгусу келип боло албай келаткан эң биринчи курултайыбызга таза дил, боордоштук сезим менен келдик да Алпарслан мырза.

А.Түркеш: Ыраазымын, тууганым. Маалымда бабаларыбыздын кенебестигинен Түрк Атанын урпактары уруу-урууларга, улут-улуттарга бөлүнүп, кыргыз-түрк сыяктуу баатыр тукумунан тарагандардан өйдө баскынчылардын тебелендисинде калып, империянын жеми болгонубуз жашыруун сыр эмес. Кудай алдында, адамзат алдында ишибиз ак экен, бүгүн минтип биздин кийлигишүүбүзсүз эле андай империялардын кыйласы өзүнөн-өзү балчыкка батып, кыйрап жыгылды. Өзгөчө орус империясынын ойрон болушу – кыйлабыздын башыбызды азаттыкка чыгарып койду. Эми, ушунча азап-тозок менен маңдайыбызга бүтүрүп алган эгемендүүлүктү колубуздан чыгарып ийбешибиз керек. Жылуу сөз, бал тилдүүнүн бардыгы эле биздин тукумга жакшылык каалабасы турган иш. Карапайым калкыбызга ак менен каранын, дос менен душмандына айырмасын тааныта билүү – мына силер менен биздин милдетибиз. Ак көңүлдүүлүгүбүздүн, алданганга элпектигибиздин азабын жакшы эле тарттык көрүнөт, каныбызды төктүрүп, ыманыбызды өрттөтүп. Эми жараткан андайдын жүзүн нары кылсын...

Т.Касымбеков: Айтканыңыз келсин.

А.Түркеш: Тарых барактарына көз чаптырып чыксак, он жетинчи жылга дейре силер дагы, биз дагы алыбызга жараша күн кечирип, бир алфавитте кат жазып, сүйлөгөн сөзүбүздө анча-мынча эле айырма болбосо, бири-бирибизди тилмечсиз түшүнгөн бир атанын балдары делинип келгенбиз эчендеген кылымдарды карытып. Азыр минтип, Кадыралы-бейди (Кадыралы Конкобаев, профессор, түрколог – ред.) убарага салып отурабыз, аганын сөзүн иниге которуп бергин деп. Бирок, жараткандын ушунусуна дагы шүгүр. Ушинтип отуруп боор тартышып, карым-катнашыбызды үзбөсөк, түшүнүшүп кетебиз бири-бирибизди. Ошентип, он жетинчи жылы Октябрь алааматы чыгып, анан тактыга Сталин отургандан кийин Түркстандыктардын жазуусун латын алфавитине котортуп, атайын кастарын тигип, ар киминердин алфавитинерге үчтөн-төрттөн өзгөчөлүк кийирип дилди, тилди айырмалап, улут-улуттарга бөлүп-жарып, майдалап ийип, дайыма чоң элдерге көз каранды болуп туруубуздун амалын кылды ал кыйды саясатчыңар. Болбосо, “Улуу Түрк каганаты Өгүздөр династиясынын өкүмдарлыгы” делинип, касташкандын башын ийдирген бакыбат бир мамлекетти: кыргыз, казак, өзбек, түркмөн, азербайжан сыяктуу ондогон өлкөлөргө туурамжылап ийиштин тарыхый зарылчылыгы бар беле? Албетте, Сталиндей мыкаачынын көз карашы менен караса, бар болуучу. “Биримдигибизди бузбайлы!” деген өзөктөш элдердин журт атасы акылмандарынын көз карашы менен караса, анын эч зарылчылдыгы жок экендиги айдан ачык болуп турбайбы...

Сталин түрк элдеринин быт-чытын чыгарды. Канын суудай агызып, акыл-эсибизди айнытты, баарыбыздын бир атадан тараган жакындыгыбызды жадыбыздан чийгизип таштатып.

Нарысы – тээ Текес, Үрүмчү, Кашкар, Эрденонон, Алтай, Тарбачатай, Орто Чыгыш, Борбордук Азия, бериси – Кавказдын ой-кырын, Сибирдин эбегейсиз токой-талааларын ээлеп, Кара деңиз, Ак деңиз (Жер ортолук), Эгей деңиздерин бойлоп, азыркы Түркиянын аймагына ат коюп, азуулуу менен алышып, кайраттуу менен кагышып дүйнөнү титиретип турган бакубат мамлекет болгон экен маалында биздин бабаларыбыздын мамлекети. Ааламдын ар кайсы булуң-бурчтарында отурукташып калышкан түрк эли. Улуу элдердин эч кимисинен

кем болбогонун тарыхый документтер айгинелеп турат. Ошону үчүн быяктагы түрктөрдүн басымдуу көпчүлүгү арданбай-сарданбай эле, “Ата Журтубуз Борбордук Азияда. Кыргыздар баш түрк же өз түрк. Биз, быякка көчүп келип отурукташып калган урпактары, бүтүндөй түрк элин энелүү кылдык, быяктан эне-ватан таап берип” деп айтып жүрүшөт. Чындыгында мунун ардана турган эчтекеси жок. Турмуш чындыгы ушундай болгон. Мындан тышкары дагы биздин киндиктештерибиз Ооганстан, Иран, Индустан, Кытай, Жапония тарапка дейре өрүшүн жайылтып тарап кетишкен.

Д.Садырбаев: Алпарслан ага, минтип отурсак, жапондордон баштап башка элдердин бакисин түрк тукумуна кийрип алабыз го...

А.Түркеш: Акыйкаттан алыстап кетип антүүнүн кереги жок. Бирок, кыйла жапондун тамырында кыргыз-түрктүн каны агып турганын тарых деле, акыл-эстүү жапон жарандары деле танышкан жери жок го. Бирок андай “аралашмаларды” кошпогон күндө дагы таза түрктүн тукуму кудайга шүгүрбүз жер бетинде. Азыр Европада жана Азияда 250-300 миллионго жакын Түрк Атанын балдары барбыз. Баарыбыздын башыбыз бириксе, 21-кылым түрк тукумунан тарагандардын кайрадан жаралуу кылымы аталып калаарын бөркүбүздөй көрө берсек болот. Маалында бабаларыбыздын кенебестигинен сабатсыздык деген балекет Түрк Атанын урпактарынын кендирип кесип, түбүнө жетпесе, не бир зор мамлекеттер катылгандан заарканып турган өлчөөсүз бакыбат өлкө болгон экен. Өгүздөрдүн өлкөсү. Атаганат, андагы бабаларыбыз илимге-билимге ынтызарлык көргөзүшпөй, чекилик кетиргенинин залдары бизге тийди да, кийин Осмон паашанын маалында илим-билим, маданият жагынан да, күч-кубат жагынан да Европага уткуздуруп, үркөрдөй-үркөрдөй болуп бытырап кеттик. Болбосо Манас атабыздан бери карай анын урпактары бир жакадан баш, бир жеңден кол чыгарып, илим-билимге азыркыдай жармашып жүрүп отурса, бизге катылганга азезилдин өзү даай алмак эмес. Ошону үчүн 20-кылымдагы кайра жаралуунун башат эгеси Улуу Ататүрк Мустафа Кемаль жанын үрөп, өзөктөштөрүнөн өтө оолактап кетпөөнүн аракетин кылып, ошол кездеги турмуштун кыстап турганына карабай

бияктагы түрктөрдүн алфавитине өткөргөн. Бирок, кыйды Сталин ага көнө койгон жок. Силердин баарынаарды Кирилицага өткөрө алыстатып кетти. Биздин дагы аны ээрчиپ жүрүп отуруубузга экономикалык, саясий кырдаал мүмкүнчүлүк бербеди. Себеби, анда бизди дагы жокчулук коколой турган. Мустафа Кемалдын “Эмгектен качпай, билимге умтулгула!” деген осуятын алла таалам ылайык көрсө, жүзөгө ашыра турган мезгил бышып жетилди го деп ойлоймун азыркы күндө. Анан калса, ааламга он башы, жүз башы, миң башы, түмөн башы деген түшүнүктөрдү берип, мамлекеттик түзүлүштү негиздеген түрк элинин бүтүн кайсыдыр бир элден басмырлана турган, коруна турган жөнү барбы?

Т.Касымбеков: Туура айтасыз, Алпарслан мырза. Азыркы мамлекеттердин басымдуу көпчүлүгүнүн аскер күчтөрүнүн түзүлүшү дагы дал ошол түрктөрдүн “он башы, миң башы” деген принцибинде куралган.

А.Түркеш: Ооба. Сабаты болбогону менен, мотор-сотору жок, илим-билими саал өксүгөнү менен түрк баласы ат жалында төрөлүп, найзанын учунда, кылычтын мизинде торолуп, билегинин күчү, бутунун кубаты, мээнеткорлугу, тайманбастыгы, өжөрлүгү менен эчен-эчен алааматтарды башынан кечирип, төгүлсө кайра жаралып, бөксөрсө кайра толуп, катаал тарыхый жолду басып өтүп, дилин, тилин сактап жетип келди биздин күндөргө. Эми минтип саныбыз да өсүп, сапатыбыз да жакшыруунун алдында турганда “мен жыргайын, башкалар куурасын” – деген принципти жыйыштырып коюп, “өзүң жаша, өзгөнү да жашат” деген ток пейил күтсөк, акыр түбү бул бизди бейпилчиликке жеткизбей койбойт. Биздин арабызда жашагысы келген адам каалаган динине сыйынып, каалаган партиясын уюштуруп, өзү билген көз караш менен күн кечирсин. Биз эч кимге катылбайбыз. Бирөөнүн элине, байлыгына көз артпайбыз. Бирок, дилибизди, тилибизди, ыманыбызды күйгүзүп, жерибизди басып алууну көксөгөндөрдүн тизгинин тарта турган күч бар азыр бизде. Адамзаттын акылына сыя турган төрт өзгөчөлүк Түрк Атанын балдарын ушуга дейре жер бетинде сактап келди. Анын эң биринчи өзгөчөлүгү – душманга аркасын салбай, эмгектен качпаган баатырдыгы менен мээнеткорлугу. Экинчиси –

дүйнөдө алгачкылардан болуп мамлекеттик түзүлүш негиздегени. Үчүнчүсү – ааламды бузууга эмес, курууга багыт алган ырааттуулугу. Төртүнчүсү – улууну сыйлап, кичүүнү урматтап мыйзам бузбаган момундугу.

Мына ушул мүнөзүндөгү төрт өзгөчөлүктүн негизинде жашаган адам азыр да жамандык көрбөйт. Ошону үчүн бизден кийинкилерди “биз Улуу элдин урпактарыбыз, биз баарынан мыктыбыз!” – деп көкүрөк койгулагандан этияттап, жамандан да, жакшыдан да үйрөнүп, бардык нерседен элге-журтка, өзүнө пайда өндүрүүгө тарбиялаганыбыз абзел. Анткени, биз баштаган бул ыйык ишти дал ошол урпактарыбыз улантат. Эми туугандар, кенен-чонон отуруп маектешкенге убакыт мүмкүнчүлүк бербей турат. Эсенчилик болсо дагы жолугаарбыз, дагы боорлошобуз. Мен силердей өзөктөштөрүм менен учурашканыма териме батпай семирп турам.

Т.Касымбеков: Түркөш-бей, биздин Президентибиз Аскар Акай уулунун берип жиберген жолдомо катын сизге тапшырууга уруксаат эткейсиз. (Кол чабуулар)

А.Түркөш: Ыраазымын. Чок тешеккүр! Бул эмне, бозкурттун (карышкырдын, бөрүнүн) сүрөтү го.

Т.Касымбеков: Ооба. Бул бозкурт сиздин партияңыздын символу экен. Биздин улуу жазуучубуз Чыңгыз Айтматов мындан бир нече жыл мурун “Кыямат” деген роман жазган. Романдагы ааламы өрттөнүп, жери тарыган карышкырлардын тагдыры куду эле кыргыз элинин тагдыры менен окшош экенин эстей жүрсүн деп, бөрүнүн хаяты чырмалган ушул чийди алып келдик сизге белек кылып.

А.Түркөш: Рахмат.

Т.Касымбеков: Эми кыргыз элинин миндеген жылдар бою эңсеп келген биригүүсүнүн башатын өзүңүз баштап отурасыз. Бул курултайдын ишин биз сиздин ишиниз, сиздин күрөшүңүз деп түшүнөбүз. Ошону үчүн өзүмдүн атыман, биерде отурган балдарыңыздын атынан башыңызга таажы кийгизип, колунузга мынабул камчыны карматууга уруксаат этиңиз.

А.Түркөш: Бул мен үчүн эң кымбат белек болот.

Редакциядан: Мындан эки жыл мурда өткөн жолугушуу тууралуу гезитибиз бирде чыкса, бирде чыкпай убагында окурмандарга жеткире албадык. Бирок, түрк элинин азыркы

кездеги көрүнүктүү саясий ишмери менен кыргыз делегациясынын ортосунда болгон сөздөр азыр деле маанисин жоготпогондой.

Маекти кагазга түшүргөн Дооронбек Садырбаев

“КЫРГЫЗДЫН ДУШМАНЫ КИМ?”

1986-жылдын декабрь айына дейре Советтер Союзунун Коммунисттик партиясынын Борбордук комитетинин саясий бюро мүчөсү, Казакстан Компартиясынын Борбордук комитетинин Биринчи катчысы болуп иштеген, азыр ардактуу эс алуудагы карыя Динмухамед Ахмедович Кунаевдин үйүндө...

1991-жылдын 19-май күнү мурдатан телефон аркылуу макулдашып алып, төрт кишиден турган бир кичине кинотайпа Алматы шаарына барып, Динмухамед Кунаевдин үйүн издеп таап, коңгуроо шыңгыратсак, эшикти алжапкыч тартынган орус аял ачты. Көрсө, ал кыйла жылдардан бери Кунаевдердин үй кызматында жүргөн аял турбайбы. Ангыча көз айнегин колуна кармап, чолок жеңдүү жупуну көйнөк кийген, узун бойлуу, кебете-кепшир, турган турпаты аерге барган төртөөбүзгө тең таанымал Динмухамед Ахмедович бизди утурлай чыга келди. Ошондо биздин маегибиз мындайча башталган эле:

Д. Садырбаев: Можно к вам?

Д. Кунаев: Да, конечно...

Д. Садырбаев: Здравствуйте, Демаш Ахмедович...

Д. Кунаев: Здравствуйте. Сиз, карагым, биздин Олжас типти орысша окыган кыргыздардансызба?

Д. Садырбаев: Жо, эне тилинде эле билим алган кыргыздарданмын.

Д. Кунаев: - Энди сиз экөөмиз кай тилде сөйлестик? Ана күнү телефон шалган сиз медицина?

Д. Садырбаев: Ооба менмин. Кечириниз, Демаш ага, биринчиден, сиздин казакча сүйлөгөнүңүздү эч качан укпаптырмын, экинчиден, өзүңүздөй атактуу адам менен биринчи жолу учурашып жатканыма апкаарый түштүм өңдөнөт... Айып көрбөсөнүз, кайра учурашалы. Ассалоому-алейкум.

Д. Кунаев: Ва-алейкума салам.

Д. Садырбаев: Анын үстүнө өзүм казакча таза сүйлөй албаганыман, сизди кыргызча түшүнбү, түшүнбөйбү деп...

Д. Кунаев: Ысмыңыз калай эди сиздин?

Д. Садырбаев: Ысымым – Дооронбек, фамилиям – Садырбаев, кинорежиссермун. Демаш ага, сиз мени менен “сен” деп сүйлөшө берсеңиз деле өпкөлөбөймүн.

Д. Кунаев: Деүренбек карагым, биринши рет жүздесип отурган адам бен “сен” десип сөйлөсүү лексиконымызда болмаса кайтемиз... Менин айтайын дегеним, жаңа өзүңүз айткандай мен аңдамай калатын кыргыздын тили анау Ыраакы Шыгыстагы, не Батыстагы шет элдердин тилине тектеш тил меди?

Д. Садырбаев: “Чү дегенде эле куюшканын кыйшык болчу” дегендей, баарлаша элек жатып челек чапкандай чаап салдыңыз мени, Демаш ага... Чынын айтсам, эми сөздү эмнеден баштаарымды да билбей турам...

Д. Кунаев: Кай максат менен атайын ат арытып, мени издеп келгениңизден бастаганыңыз дурыс болуп жүрмесин...

Д. Садырбаев: Туура айтасыз. Казак менен кыргыздын кадырман карысынын абалынан кабар алып, сак-саламаттыгын сурап, колун кармап кетели деп эле келип калдык. Ушундай эле пейил көпчүлүк кыргыздардын дилинде бар десем да аша чапкан болбос элем...

Д. Кунаев: Оныңызга үлкен рахмет. Саламаттыгым жаман эмес. Бир талай жасты жашап койдук, тагын даулантайын деп турумыз. Буюрса, быйыл 80 жаска шыгам. Пенсияда отырганыма бес жылдың жүзү боп калды. (Мындан ары карай окурман тилин чайнатып, басма кызматкерлерин да ыксыз убаракерчиликке салып отурбай, Демаш ага менен болгон маегибизди саал-паал жөндөп, кудуретимдин жетишинче кыргызчалатып жазууну ылайык көрдүм. - Д.Садырбаев). Өзүм казактын Улуу жүзүнүн Ыхты деген уруусунан боломун. Таржымалым болсо замандаштарымдын таржымалынан эч деле айырмасы жок. Сексен жыл илгери жарык дүйнөгө келдим. Мектепти бүтүргөндөн кийин институтта окуп, алгач комсомолдук, анан партиялык кызматтарда жүрдүм. Саясий майданга чыгып партиянын, элимдин жүгүн аркалаганыма да

42 жыл болуптур. Азыркылар бардык балээни Компартиянын башына эле үймөлөп атышат, балким сиз деле андайлардын биридирсиз. Бирок, көңүлүңүзгө ынаса да, ынабаса да бир жагдайды айта кетишти инсандык парзым деп эсептеймин. Эгерде Компартия болбосо карапайым казактын уулу Кунаевдин саясий портрети мынчалык калыптанып, ушул даражага жетээрин жана өзүңүздөй бейтааныш боорлорумдун атайын ат арытып келип ал-ахвалымдан кабар алаарын, же албасын бир кудай билбесе, менин болжолдоп айтышым да кыйыныраак болуп калмак.

Д. Садырбаев: Демаш ага, сөзүңүзгө аралжы. Мен да сиздин ушуга окшогон ой-толгоолоруңузду тасмага тартып кетейин деген үмүт менен келдим эле.

Д. Кунаев: Тарта бергиле. Жанатан бери тартышкан жокпу алдагы жигиттер?

Д. Садырбаев: Жок. Аны үчүн аппараттарыбызды баптап, жарык берүүчү чырактарыбызды алдагы электр точкаларыңызга туташтырып, иши кылып кесибибизге жараша камылга көрүп алуу үчүн бизге он-он беш мүнөттөй убакыт керек.

Д. Кунаев: Жарайт анда. Жигиттер жөндөй беришсин. Сиз экөөбүз маектешип отура туралы. Баса, Турдакун Усубалиевич эсен-соо жүрөбү?

Д. Садырбаев: Сак-саламат эле жүрөт а киши баягы сөөлөтүнөн жазбай.

Д. Кунаев: Аны менен учураша турган мүмкүнчүлүгүңүз барбы?

Д. Садырбаев: Албетте. Өткөн жумада эле азыркыдай маектешкенибизди тасмага тартып алдым.

Д. Кунаев: Бишкекке барганда учурап калсаңыз, менден салам-дуба айта барыңыз.

Д. Садырбаев: Айта барайын...

Д. Кунаев: Анда бир болоор-болбос замечаниемди да айтып коюуңузду суранаар элем.

Д. Садырбаев: Ал кандай замечание экен?

Д. Кунаев: Кыт куйган сакадай болуп өз ишине тын жигит эле Турдакун, жалпы союзда бирге иштешип жүргөн кезибизде. Кыйла жакшы нерселерди жасап жаткандай болду эле

республикасынын экономика, адабият, маданияты үчүн, көрсө үлгүрбөй калгандары да бар турбайбы... Силердин эмдигиче, минтип тээ Хрущевдун маалындагы шарактаган киноаппараттар менен иштеп жүргөнүнөр, эң оболу Турдакундун намысына доо кетирээрин айта барыңыз. Биздин киночуларыбыз эбактан бери мен иштеп жүргөн маалда эле буга окшогон аппараттарды жыйыштырып салып, унчукпас, импортный камералар менен күндө да, түндө да, үйдө да, сыртта да эч кандай атайын камылгасыз кирип келишип тарта алышчу эле. Өзүм көз салып, он чакты ошондой комплексти валютага алдырып бергеним эсимде. Азыр кээ-кээде мага келип калышат ошол жигиттер. Каалаган жеринде, каалаган маалында тарта турганын тартып алышат да, кете беришет экен...

Д. Садырбаев: Биз анте албайбыз. Сиз кинотехниканы анча жакшы тааныбайт көрүнөсүз, Демаш ага... Алдагы биздин белгилүү акыныбыз Муса Жангазиевдин уулу Айбектин колундагы “Коивас” деген кинокамера Сталиндин өзүн көргөн камера. Биз, кыргыздар ушуга колубуз жеткенине эле курсант болуп, шырп этпес камералар менен чыгарма жаратышкан атааидаштарыбыз менен ат салышка чыгып, алла таалам “ал, кулум!” – деп койсо, баалуу байгени жулуп кеткен учурларыбыз да бар.

Д. Кунаев: Аныңыз чын. Кыргыздын кинотарткычтары керемет жигиттерсиңер. Алардын казак жазуучуларынын чыгармалары боюнча тарткан тасмаларын көрүп, таза курсант болгомун. Бу да болсо биздин элдердин маданият тармагындагы кенедей гана болгон карым-катнашы. Казак менен кыргыздын өзөгү туташ. Киндиктеш төрөлүп, канатташ жашап, тээ кылымдардын түпкүрүнөн бери карай салтанатты чогуу тойлошуп, каргашада бирин-бири жөлөп-таяп, не бир алаамат күндөрдү башынан кечирбеди дейсиз казак–кыргыз. Ошондуктан, жанагы сиз айткан Ош окуясына “казактар кайдыгерлик кылышты” – деген адам зор жаңылыштык кетирет. Өрт-жалын болуп турган жаштарды айтпай эле коёюн, бир аягы жерде, бир аягы көрдө турган мага окшогон карылардын деле кабыргасы кайышып, каны кызыбады дейсизби каргашанын кабары угулганда. Бирок, мындай эки бир туугандын кагылуушусунда үчүнчү бир туугандын бир тарапка болуша

кетиши үч элди тең кызыл кыргын урушка кириптер кылып, акыр аягында үч бир туугандын тең кендири кесилип, эли чачылаарын унтпай, ачууга алдырбастан, акыл менен иш тутуунун аракетин кылгыла дедик өзбектин да, кыргыздын да эл башкарган, журт башкарган атуулдарын сабырга чакырып.

Д. Садырбаев: Демаш ага, өзүңүз кабардар болгондой, күтүлбөгөн жерден эки элдин ортосунда от чыгып, тыягынан да, биягынан да кырчын өмүрлөр кыркылып кетти. Эми, кудай жалгап, эки тарап тен тынчыгансып турат. Бирок, ал каргашадан көкүрок толгон ызалык, кабырганы кайыштырган кара так калганын танып ийиш дагы кыйын. Эки журттун карттана баштаган жараты убакытты өткөрүп барып, өзүнөн-өзү сакайып кетет деп айта аласызбы?

Д. Кунаев: Жок, антип үзүл-кесил айтышым кыйын. Сиз айткандай, эки эл кайрадан коюн-колтук алып кетиши үчүн убакыттын эле өткөнү аздык кылат. Аны үчүн болуп жаткан жана боло турган иштерге кайдыгерлик көрсөтүп, эки элди андай каргашага кириптер кылгын аң-сезими тайыз, ишмердиги кашаң атка минерлер, обужоктонуп андай отту алоолонтууга жанын үрөп, кыйла жандын өмүрүн кыйгандан кайра тартпаган жарамсыз жарандар кыргыз менен өзбектин эле эмес, бүткүл адамзат акылынан жаралган мыйзам алдында жооп бермейин, колу менен жасаганын мойну менен тартмайын, Ош окуясы не күйүп, не өчүп тынбай, же кайрадан жалындап кете албай, кылымдардан кылымдарга дейре бүксүп жата бериши ыктымал. Кудай жалгап, казактардын “желтоксондогу каргашасы” өзгөрүлгөн замандын шарапаты тийип, журт жүгүн аркалаган азамат уулдарыбыздын аракети текке кетпей, арадан төрт-беш жыл өтө электе, кудайга миң алкыш, менин көзүмдүн тирүүсүндө өзүнүн адилет баасын алды казак элинин да, аалам элдеринин да коомчулук пикиринин көзүн ачып.

Д. Садырбаев: Баса, ошо каргаша чыкканы турган маалды эмне үчүн аянтка чогулуп турган казак жаштарынын алдына чыгып, кадыр-колконузду ортого салып, кагылышты токтотуп калуудан баш тарттыңыз?

Д. Кунаев: Антип мени аалам калкынын көз алдында жүзү кара кылып көргөзгүсү келген Колбиндин ушагы. Бул маселе

тууралуу Казакстандын Жогорку Кенешин казактын белгилүү акыны Мухтар Шаханов башында турган атайын комиссия түзүп, кимдин эмнеге татыктуу экендигин толук аныктап, басма беттерине жарыялап, ал турсун атайын кинофильм да чыгарышкан. “Желтоксондун” тагдырына чындап эле кызыккан инсан болсоңуз, ошолор менен жайма-жай таанышып чыгыңыз. Эгерде мен өз оозумдан бирдеке уккунуз келсе, 17-декабрь күнү Колбин чакырткан экен, токтоосуз бардым. Бир тамчы кан төгүлүп кетпесин үчүн, эмне кыл десе ошонун баарын аткараарымды билгизип, эки сааттай экинчи катчынын кабинетинде олтурдум. Эки сааттан кийин ал Колбин менен акылдашып чыгып: “Сиз үйүңүзгө бара берсеңиз болот”, – деди. “Керегим жок болсо, анда мени неге чакырдыңар?” – десем, “Кырдаал өзгөрүп кетти. Бардыгын өзүбүз тынчытып ала турган болдук, бара бериниз”, – дегенден кийин үйүмө кете бердим. Буга кандайдыр бир баа берүүдөн мурда, ошол кездеги кырдаалды, бийлик кимдин колунда турганын, кечээ эле пенсияга түртүп чыгарылган кары адам жулунуп аянтка кирип барган күндө да, колунан эмне келээрин көз алдыңызга элестетип көрүңүз. Жаза тайып ошол тополоңдо пендечилик кылып кетсем, анда эч качан актыгымды далилдей албай, менин ысмым кылымдан кылымдарга каргыштын астында калаарын ойлоп, жүрөгүмдөн кан тамызып, бармагымды кырча тиштеп, үйдөн чыкпай отургандан башка арга таба алган жокмун. Кийин бүткүл казак козголуп кете турган коркунуч болуп калганда, Колбин күнөөнүн баарын мага оодара салып, өз жанын куткарып кетүүнүн аракетин кылды. Албетте, Компартияны канчалык жактабайын, канчалык мактабайын система өзгөрүлбөсө, мен дагы “кара бет” бойдон кала беришим ыктымал эле. Кудайга айтканым бап экен, андай болгон жок.

Д. Садырбаев: Ал кезде өлкөнүн жана партиянын жетекчилигинде М.С.Горбачев отурган. Сиздин аны менен үйүңүзгө отуруп алып эле телефон аркылуу тикеден-тике сүйлөшө турган мүмкүнчүлүгүңүз болсо керек эле. Эмне үчүн “токтот зомбулукту!” – деп айта алган жоксуз?

Д. Кунаев: Андай мүмкүнчүлүктүн болбой калганына эки күн өтүп кеткен эле да. Бир эле күндө шашып-бушуп мурдагы мүмкүнчүлүктөрүмдүн бардыгын кесип салышкан болучу.

Д. Садырбаев: Алматыдагы кырдаалдын курчуп кеткенинен Михаил Сергеевичтин кабардар болбой калганына ишенесизби?

Д. Кунаев: Ишенбейм. Ал кездеги тартип боюнча өлкөдөгү “кылт” эткендин бакиси ага кабарланып тураар эле. Колбин Горбачев менен акылдашпай иш тута турган, өтө зор мамлекеттик ишмерлердин даражасына жете элек, областтык масштабдагы партиялык кызматкер болуучу.

Д. Садырбаев: Баса, Горбачев демекчи, аны менен пендечилик мамилеңиз кандай эле?

Д. Кунаев: Коюн-колтук алышып кеткен жакындыгыбыз эч качан болгон эмес. Мен саясий бюронун мүчөсү, ал обкомдун катчысы болуп жүргөн кездерде Кавказ тарапка эс алганы барып калсам, мени билгендерди ортого салып, оболу таанышып, анан тапкан-тутканын жүктөп келип мейманчылап жүргөнү бар. Кийин Борбордук Комитеттин катчысы болгондо, жылуу-жумшак учурашкандан башка өзгөчө мамиле деле күткөн эмеспиз. Чынын айтсам, ошол кезде мен аны саал тоотпой койгон болуум керек. Анан ал генсек болду. Мен башкаларчылап үстүнө үйрүлүп түшкөн жокмун. Байкашымда силердин Усубалиев да ошентип койгон сыяктуу. Мени ачыктан-ачык: “Кызматыңызды өткөрүп бериңиз, же пенсияга кетиңиз”, – дей албай көпкө дейре кыйналды. Акыры минтип жүрө берсек, экономикада, республикалар аралык карым-катнашта жик-жигинен ыдырап кетээрине көзүм жеткенде, “пенсияга кетейин” деп, өзүм барып санаасын тындырганмын Горбачевдун.

Менин жамандыгым да, жакшылыгым да журт тарыхында жазылуу. Казакстанды көчмөн элдин көртирилигенен арылтып, оор өнөр жайы өнүккөн өлкөлөрдүн катарына кошуунун убарасында жүрдүм кыйла жылдар бою. Мен бийликке келгенде жети миллионго жетпеген казактын саны он миллионго жетти. Турак жай маселесине көп көңүл бөлүп, улуттук адабияттын, маданияттын өнүгүшүнө кыйла салым кошконумду журт деле тана койбос. Ырас, ой-максатымдын бардыгын ишке ашыра алдым деп айта албаймын. Менден калган кемтикти эми жаштар толтурушсун.

Д. Садырбаев: Баса, жаштар демекчи, Казакстандагы азыркы бийлик ээси Нурсултан Назарбаевдин алгачкы кадамдары тууралуу эмне дей аласыз?

Д. Кунаев: Өзүңүз айткандай, Нурсултан алгачкы кадамын таштаганы атса эле анан “ишмердигине баа берсеңиз экен”, – деп мени кокологонуңар дурус эмес, Деүренбек балам. Саал сабыр кылалы, анын ар бир кадамы сайын өөдө-төмөн пикир жабыштырып агалды кылып аксатпайлы... Мезгил өтсүн, журттун жүгүн аркалаганга бел байлаган азаматтар кай багытка түшүп, эмне жасаганга үлгүргөнүн көргөзүшсүн. Анан айталы биз дагы пикирибизди же жакшы, же жаман деп...

Д. Садырбаев: Болуп-толуп турган маалыңызда бүткүл союздук масштабды айтпай эле коюн, өзүңүздүн Казакстандын чегинде адилет бийлик жүргүздүм деп айта аласызбы?

Д. Кунаев: Антип айта албаймын жана айтышым дагы мүмкүн эмес. Себеби, мен деген жалгыз адаммын. Бардык иштин бакисин таштап коюп күндөп-түндөп жазыксыз жабыркап калгандардын арыз-мунун окуп отурсам деле, баарыга тегиз жарык чача алмак эмесмин. Ырас, ак жеринен күйгөнүм, мага жеткизе алгандардын тагдырына кайдыгерлик кылып койду деп, мага эч ким айып тага албайт. Колуман келишинче, мүмкүнчүлүгүмө жараша ар ким-ар кимдерге жакшылык кылганым бар. Бирок, кастарымды тигип кимдир-бирөөнүн ырысын кыя турган иш жасабаганыма, бардыгын сактап турган мамлекеттик документтер гана эмес, бир кудайдын өзү күбө. Жер-жерлерде менин атыман кайсыдыр бир жарамсыз төбөл ыплас иштерди жасабады деп дагы кепилин ала албаймын. Андайлардын кармалып калгандары тийиштүү жазаларын өз убагында алышкан, а кармалбагандары канча...

Д. Садырбаев: Тагдыры калчанып, асманы карангылап турган казактын уул-кыздарын жөлөп-таяган учурларыңыздан эсиңизде калганы барбы?

Д. Кунаев: Бар эмей. Ушул уулдан же кыздан бирдеме чыгышы мүмкүн деген пикир жетсе эле, андайлардын жашоо шартын жакшыртып, илимиби, өнөрүбү иши кылып алган багытынын жолун пендечилик багыттардан тазалап берүүнүн аракетин кылчумун, борборго же башка жакка кылчактап

отурбастан. Кезинде өзүңүздүн курбунуз Олжас Сүлейменовдун тагдырына чечкиндүү киришпесем, түпкүрдөгүлөр кабыргасы ката элек баланын мизин кайтарып салышат болчу, “төө бастыга” алышып. Түпкүрдөгүлөр эмне болуп калыптыр, өзүбүздүн эле казактардын арасынан бөйрөктөн шыйрак чыгарып, Олжастын белин мергиндирүүнү көксөгөндөр толуп аткан. Ырас, Олжастын бардык эле ырлары, публицистикасы, жүргөн-турганы мага майдай жакчу эле деп айта албаймын, ал турсун, кээ бир кылык-жоругу тикеден-тике мага каршы багытталганынан кабардар болсом да, мен анын журт керегине жарай турган уул экендигине үмүт байлап, ачыктан-ачык канатымдын астында калкалоодон корккон жокмун. Олжас экөөңөр тааныш экенсиңер, “Ушундай беле?” – деп өзүнөн сурап көрүңүз, ал “Жок, андай эмес” – деген жооп берсе да капачылыгым жок. – “Демаш агам айный түшсө керек, карыганда мактана баштаптыр” – деп ойлойсуз го, мен тагдырына кийлигишип багын ачкан уул-кыздардын бардыгынын аты-жөнүн атап отурсам. Андан көрө казактын адабият-маданият чөйрөсүнүн өйдө-ылдыйынан кабардар экенсиз, кыйласы менен жоро-жолдоштугуңар да бар экен, бул маселе боюнча ошолор менен маектешсеңиз ыңгайлуу болгону турат.

Д. Садырбаев: Сиздин Кыргызстандын азыркы саясий абалынан азын-оолак кабарыңыз бардыр. Элге кайтканда, “Демаш аганын пикирин сураганга батынбадым” деп айта турган мажирөөлүктөн куткарып, эки-үч ооз кеп-кеңешиңизди айта кетсеңиз, менин да жүзүмдү жарык кылып жөнөтөт элеңиз...

Д. Кунаев: Азыркы экономикалык кризис абалына малынган жалгыз Кыргызстан эмес. Анын төркүнүн мен чечмелеп отурбасам деле, карыга да, жашка да белгилүү. Кантесиңер, башкалар көргөндүн бакисин көрүп, андай абалдан ошолор чогуу чыкпасаңар, өзүңөрдөн башы алтын жетекчи таап алган күндө да, кризистин сазынан суурулуп чыгып, алыска узай албайсыңар. “Башкалар көргөндү көрүшөөр” деп, мен бул жагдайыңарга анчейин тынчсызданганым жок. Мени тынчсыздандырган жагдай – азыр мансап, бийлик талашып жер-жерлерге, уруу-урууга бөлүнүп атканыңар. Кыргыз

боорлорум менин саясий даражама ишенишпесе да, менин көптү көрүп, көп жашаган өмүр даражама ишенишсин. “Улуу жүз”, “орто жүз”, “кичүү жүз” деп, силерден көрө азыраак, болгону үч чоң урууга бөлүнгөн биз, казактар, мындай бөлүнүүдөн мүйүз чыгара алган жокпуз. Кырк-элүү урууга бөлүнүп, айылма-айыл болуп атаандашкандан кыргыздар да өнүп-өсүп кетишпейт.

Д. Садырбаев: - Кечиресиз, Демаш ага, уруу-урууга бөлүнүш эч кимди жакшылыкка алып барбасын айтканыңызга толук түшүнгөнүм менен, маегибиздин башында өзүңүздүн улуу жүздөн экениңизди баса белгилеп кеткениңизге түшүнө албай турам...

Д. Кунаев: Ха-ха-ха... Эй, Деүренбек балам... Менин ксбете-кепшириме, турган-турпатыма түзүгүрөөк көз жүгүртүп чыгыңызчы...

Д. Садырбаев: Муну менен эмне дегиниз келет?..

Д. Кунаев: Мен эмне пайгамбарга окшошуп турамбы?

Д. Садырбаев: Чынын айтсам, алиге дейре пайгамбар менен учураша элекмин, Демаш ага... А балким окшоштурсуз...

Д. Кунаев: Мен дагы ага учураша элекмин, бирок, ага окшош эмес экендигиме ишенип коё бериңиз. Олуялыгым да жок. Алматынын базарына чыксаңыз, мага окшогон чалдарды кадам сайын учуратасыз. Муну менен бир кездерде кызмат даражамдын туу чокусуна чыгып түшкөнүм эле болбосо, мен деле ошо базардагы чалдар мүнөздүү казак, өзүңүз кыялдуу кыргыз экенимди тана албаймын. Уруучулдук сезимди жадынан биротоло чийип таштай албаганы казак менен кыргыздын тээ эзелтен бери карай келаткан кесели... Менин да андай кеселден алиге чейин айыга электигиме өзүңүз күбө болдуңуз. Андай дарт сизде да болсо керек. Демек, биргелешип илдеттен айыккандан башка бизде жол жок.

Д. Садырбаев: Мунуңузга макулмун. Башкаларга акыл-пасаат айтканда, “молдонун айтканын кыл, кылганын кылба” деген макалды устат катары пайдаланат өңдөнөсүз анда...

Д. Кунаев: Ошентсек деле болот. Кайсы макалды курал кылып албайлы, түпкү максатыбыз жакшылык болсо болгону.

Азыр заман өзгөрдү. Бир элди бир эл басып алып, өз эркинче кыдык көргөзүп ие турган маал эмес. Чийинден чыгып кеткен Саддам Хусейинди бүткүл дүйнөнүн эли биригип туруп эле бир айга жеткизбей желин чыгарып койду го. Анын сыңарындай, кыргыздарды да саны аздыгынан пайдаланып, басмырлап ийе турган эл жок жер бетинде. Анын үстүнө кыргыз жалгыз эмес, канатташ казагы, өнөктөш өзбеги, тагдырлаш тажиги турат жан-жака белинде. Бирок, канткен күндө үркөрдөй кыргыздын ырысын кыйып, кешигин төгүп, бейкүнөө пенделеринин көз жашын көлдөтүп, кокту-колотун канга толтура турган жеткен чыгаан, жеткен тажаал бир душманы бар экендигин да таныш кыйын.

Д. Садырбаев: Ачыгыраак айтсаңыз, Демаш ага, андай душман ким бизге?

Д. Кунаев: Өзүнөр. Кыргыздын душманы – кыргыз. Азыркыдай атаандашып жүрүп отурсаңар, оболу адабият, маданият, илимдерди аксатып, анан бири-биринердин белинерди мертиндирип, башынарды мойсогонго өтөсүнөр. Ылайым эле кудай анын бетин нары кылсын дегилечи, эсиңер барда этегиңерди жыйбасаңар, кийин ортодон ачуу-ачуу сөздөр өтүп, болоор-болбос кан аралап кетсе, бир жеңден кол, бир жакадан баш чыгарышыңар кыйыныраак болуп калат. “Кыздын сыры төркүнгө маалым” дегендей, андайда кыргыз менен казактын кылаары белгилүү го. Ошону үчүн, ушу баштан сабыр күтүп, ынтымактын пайдубалын түптөгүлө, кагылайын кыргыздарым. Күч бирдикте экендигин унутпагыла!

Д. Садырбаев: Рахмат, Демаш ага. Сиздин бул сөздөрүңүздөн кийин маегибизди улантканыбыз орунсуз болуп калганы турат. Мен сизден куткөнүмдү уктум. Ушуну менен маегибизди токтотсок кантет...

Д. Кунаев: Эрк өзүнөрдө. “Коноктун эрки – пайгамбардын эрки” деп коюшат биздин казактар. Силер кандай айтсаңар, ошондой болсун.

Д. Садырбаев: Эми, Демаш ага, арка-алдыма карабай чабылып-чачылсам да, Сизди кандайдыр бир сый, баалуу белек менен таңгалдыра албас элем. Мына бул айнек шкафтагы сыйга келген жазигалкаларыңыздын түрү менен саны эле минден ашыптыр, минтип көргөзмөгө

коюлбаганы дагы толуп жаткандыр. Ошентсе да, пайгамбар жашынан буйдалбай өткөн маалыңызда куттуу башыңызга ызаат көргөзүп кетейин деп, кыргыздын ак калпагын ала келдим эле, ошону башыңызга кийгизип коюуга уруксат этиңиз. Ушунтип эле калдайган бойдон дагы кыйла жылдарга дейре журтуңуздун айбаты болуп жүрө бериңиз.

Д. Кунаев: Ыраазымын. Өркүнүн өссүн, чырагым. Минтип күүдөн-күчтөн кайткан чагымда, таза ыңгайсыз абалда калтырдың да карынды. Бая күнү “келейинби?” деп телефон чалганында, сенин азыркы замандын тайбас “желмогуздарынан” экенинди билбей, күнүгө келип-кетчү көп журналисттин бири экен деп ойлоп, “келе бер” деп койгон турбаймынбы. Атаганат, Сакен апайыңдын барында келсең, эң кадырлуу коногубуз болмоксуң... Багыңан көр. Беш жыл болду байбичемдин мени көртириликти менен алпуруштуруп жалгыз таштап кете бергенине. Жеткен ажалга, бийлигиң, байлыгың, атак-даңкың, адамгерчилигиң, дегеле эчтеке туруштук бере албайт экен. “Ак кан” дегениң айыкпас оору болот турбайбы... Анын барында дасторконубуз дайыма жайылуу, колунан берекеси төгүлгөн меймандос зайып боло турган Сакен апайыңар. Эми минтип баарыбыз жетимсиреп калдык. Силердин келээриңерге атайлап казан астырып койбогон айып менде. Кой, жок дегенде кымызканага барып, бир чөйчөктөн кымыз ичишип алып, анан кош айтышалык, жүргүлө баарың, биерде эле...

*Дооронбек Садырбаев,
1991-жылдын 19-майы, Алматы шаары
“Эркин Тоо”, №95 (127) 2-октябрь, 1992-жыл*

ЧЕЧЕН РЕВОЛЮЦИЯСЫ

Джохар Дудаев менен бир апта

Дүйнөнүн коогалуу аймагы – Кавказдагы коомдук-саясий катаклизмдердин түпкү себебин билген жсан аз. Ырас, жалпыга дайын кабар бөюнча “жсер талаи” – улуттар аралык касташуулардын жана чыр-чатактардын башкы жүйөсү. Бирок, карт тарыхка жакшылап сереп таштасак, Кавказ коогалаңынын түбү кыйла тереңде. Жаны тынбаган кинорежиссер, “Эркин Тоонун” баяндамачысы Дооронбек Садырбаев от күйгөн Кавказга каттап келди. Дж.Дудаев, З.Гамсахурдиа, Э.Элчибей, Г.Алиев өңдүү көпчүлүккө таанымал саясий ишмерлер менен дидашлашты, баарлашты. Сиздер бул Кавказ серияларынан мурда угун-корбогон фактыларды ала аласыздар. Чечниядагы, Грузиядагы ж.б. жумурияттардагы окуяларга “официалдуу” б.а. россиялык мерчемден бөлөк өңүттөн сереп салуу мүмкүнчүлүгүнө эгедер болосуздар.

... Бисмилла рохман иррахим!

Аллах свидетель истории и событиям нашего времени, что чеченцы ищут путь к свободе и независимости миром, терпением и земными муками...

... В случае пролития крови и отказа России от насильственных методов народам Кавказа, оставшимся в живых и нашим потомкам Завещаем: не складывать знамя борьбы и независимости Кавказа до полной победы! Перенести страх и муки в логово зла и насилия – в Москву...

(Из завещания потомкам Парламента Чечни и Президента Дж.Дудаева 9 ноября 1991 года, в день обнародования Указа Б.Ельцина о введении чрезвычайного положения в Чечни).

Тарых санжырасынан

Чечен-Ингушетия автономиялуу облус катары 1934-жылдын 15-январында түзүлгөн. 1936-жылы автономиялуу республикага айланган. Аянты – 19,3 чарчы километр. 1989-жылдагы эл каттоо боюнча, калкынын саны – 1 млн. 277 миң адам, анын ичинен: чечендер – 611 миң; орустар – 336 миң; ингуштар – 134 миң.

1991-жылдын 12-июну. Чечен-Ингушетиянын калкынын 80 пайызы Б.Ельцинди Россия Президенттигине шайлоону жактап добуш берген.

15-сентябрь. Республика Жогорку Кеңеши полномочиедин токтотуп, Убактылуу Жогорку Кеңеш (УЖК) шайланган.

17-сентябрь. Чечен элинин жалпы улуттук конгресси (ЧЭЖУК) УЖКны бийликтен четтетип, республика президентин жана парламентин шайлоону уюштурууну колго алган.

8-октябрь. РСФСР ЖК Президиуму “Чечен-Ингуш Республикасындагы саясий абал жөнүндө” токтом кабыл алып, УЖКны бийликтин мыйзамдуу органы катары тааныган.

27-октябрь. ЧЭЖУК парламентти жана президентти шайлоону уюштурган. Дж.Дудаев Президент болуп шайланат.

2-ноябрь. РСФСР ЖК бул шайлоону мыйзамсыз деп жарыялаган.

7-ноябрь. РСФСР Президенти Чечен-Ингушетияга атайын абал киргизет. Дж.Дудаев республикада аскердик абал жарыялайт.

11-ноябрь. Россия парламенти Чечен-Ингушетияга атайын абал киргизүүгө каршы чыгып, Б.Ельциндин указын жокко чыгарат.

КӨКТҮГҮ БАР, ЭЧЕНДЕРДЕЙ ӨКСҮГҮ БАР

(Дж.Дудаев менен баарлашуу)

Президенттин жардамчысы Моулен Саламов экөөбүз кирип келсек, анын кабинетине кире бериштеги кенен бөлмө кезек күтүп отургандарга жыкжыйма экен. Саламов Россия телевидениесинин “Вести” программасынын жана Чечен телевидениесинин кызматкерлери тасма тарта турган аппараттарын даярдап, алардын катарында сырткы кебетелерине караганда араб өлкөлөрүнөн, Кытай же Вьетнамдан келишкенсиген он чакты адамга кайрылып:

– Кечирип койгула, мырзалар. Кыргызстандан келген бул мейманды Президент өзү чакырды эле... Бу кишини кезексиз алып кирбесем болбойт, – деп мени ичкери ээрчитип жөнөдү.

Биз кирип барсак, кабинеттин батыш жак бурчундагы жазуу столунда отурган Дж.Дудаев менин “Ассалоом алейкумума” “Ва алейкима салоом” деп алик алды да, отурган ордуна жепжеңил ыргып туруп, утурлай басып келатып, “Кандай байке, жаксы жетип алдыңызбы?” – деди болоор-болбос акцент менен казакча сүйлөп. Биз кучакташып учураштык. Кабинеттин чыгыш жак бурчундагы Чечен Республикасынын жашыл туусунун астындагы кызыл манат тыштуу жумшак диванга жанаша олтуруп алып, алгачкы маегибизди 29-октябрь күнү кечки саат 5те орусча сүйлөшүүдөн баштаган (Дудаев ара-чолодо убакыт таап, а күнү кезек күтүп олтургандардын бардыгын кабыл алды) 30-октябрдын түнкү эки жарымында аяктадык. Эмесе ошол дил маекке чогуу-чаран ортоктош бололу.

Д. Садырбаев: Джохар иним! Кийин өйдө-төмөн сөз чыгып кетпесин үчүн өзүмдүн ким экендигимди кыскача

баяндап берсем, андан кийинки мамилебиздин тагдыры толук бойдон өзүнүздүн колуңузга өткөнү турат.

Дж. Дудаев: Кулагым сизде, байке.

Д. Садырбаев: Кесибим кинорежиссер. Анда-санда жаза коймоюм бар. Өз элимде саал беделим ылдыйлап, ааламым тарып турганы да чын. Беттегенимден кайра тартпаган кежирлигим бар экендигин дагы айта кетүүм керек. Ошондуктан, менин сизге санарым президенттик ариетинизге колоко түшүрбосо гана атайы келген максатымды айтып, болбосо сиз менен жүзмө-жүз көрүшүп, колмо-кол учурашканыма каниет кыла кайра тартканым оң.

Дж. Дудаев: Элиңиздеги мен билбеген кандайдыр бир ыйкы-тыйкыңыз ал – сиздин проблемаңыз. Биерде сиз менин коногумсуз. Тоолуктардын салтында коноктун эрки пайгамбардын эркине барабар. Биздин бабалардын жалгыз уулун муздап салган мейманга дагы айылдан алыстан чыгып кетмейин, кол тийгизишпей турган адаты бар экенин уккан жок белеңиз?..

Д. Садырбаев: Укмак турсун астын сызып, кайра-кайра окуганым бар.

Дж. Дудаев: Окусаңыз, айта бериңиз болгон ой-максатыңызды.

Д. Садырбаев: Мен биерге мамлекеттик структуранын же мүлдө кыргыздын атынан келгеним жок, анча-мынча каражат топтоп, кинопланка сатып алып, өзүмдүн атымдан келдим. Чечен революциясы жана анын тайманбас жоокери Джохар Дудаев тууралуу кыска метраждуу, даректүү фильм тартсамбы деген тилегим бар. Аны кийин каерде көргөзөөрүмдү деле билбейм, бирок, ушундай бир киночыгарма жаратууга даяр болуп калганыма көзүм жетип турат. Иши кылып фильм бүтүп калса, калганын дагы көрө жатаар элек.

Дж. Дудаев: Максатыңызды ишке ашыруу үчүн менден сизге кандай жардам керек?

Д. Садырбаев: Эң биринчиси, камера алдында сиз экөөбүз кеминде беш жолу маектешишибиз зарыл. Бул

маектешүүлөрдө каныңызды кызытып, же кыйыгыңызга тийип ала турган суроолорду беришим дагы ыктымал.

Дж. Дудаев: Экинчиси?

Д. Садырбаев: Экинчиси, республиканы түрмө-түркыдырын, таанышы чыга турган мүмкүнчүлүгүм болсо түзүк болоор эле, азыркы кымбатчылык маалда такси жалдап жүрө турган каражат кайдан менде.

Дж. Дудаев: Машина табылат деңизчи, бирок бүткүл Чечняны машине менен толук кыдырып чыгуу үчүн кеминде бир ай убакыт керек. Кээ бир жерлерге жетүү да кыйын. Вертолет же самолет менен кыдырсаңыз болбойбу?

Д. Садырбаев: Андайды сураганга оозум барбай турат, иним.

Дж. Дудаев: Үчүнчү шартыңыз?

Д. Садырбаев: Гамсахурдиа мырза менен учураштырып койсоңуз. Эң акыркы өтүнүчүм: үй-бүлөнүз менен таанышып, кеңири маектешип, ыгы келсе аларды дагы тасмага тартып кетсем.

Дж. Дудаев: Гамсахурдиа мырза менен учураштырып коём деп убада бере албаймын. Ким менен учурашып, ким менен учурашпоо Звиад Константиновичтин жеке иши. Бирок, өзүңүз эле барсаңыз эле деле а киши маектешет го деп ойлоймун. Мага жана менин үй-бүлөмө тиешелүү шартыңыздын баарын кабыл алдым, алгачкы маекти азыр эле баштай берели.

ЭГЕМЕНДИККЕ КАРШЫ ЧАГЫМЧЫЛЫК

Д. Садырбаев: Джохар, Президент болуу кыйын бекен?

Дж. Дудаев: Жеңил деп айта албаймын. Бирок, бул ааламга адам болуп жаралганы оңой оокат шыбагасы буйруй элек мага. Эгер өз өмүрүмдө жакшылыктуу бирдекеге колум илинсе, бардыгына маңдай теримди шорголотуп агызгандан кийин гана жетип жүрөмүн. Эгер билгиниз келсе, Президент катары менин колума бар тарабы бап өнүккөн өлкө эмес, көөдөн тирештирген уруулар, алдым-жуттум топтор, шалдырканы чыккан мамлекеттик түзүлүш тийип, жыгылганын курап, үзүлгөнүн улап, журтумду токчулук, теңчилик заманга чыгара алаар бекенмин деген үмүт менен гана кара жанымды карч уруп келемин бир жылдан бери. Бул убакыт аралыгында оозго алаарлык орчундуу жаңылык киргиздик деп дагы айта албаймын. Мурдагы Союздук республикалардын башына түшкөн каатчылык бизди дагы кыкынтып турат. Силердин республикага караганда биздеги абал оорураак. Суверендүү Кыргызстандын өз элине кандайдыр бир жакшылык жасагысы келсе, аны ырмайып-чырмайып атып болсо да жүзөгө ашырса болот. Бизде такыр андай эмес. Мисалы, бензиндин наркын жогорулатпай эле коёлу деп чечтик эле, бизге чектеш Россиянын, Грузиянын район, областтары эшолондоп, бензовоздоп, канистирлеп күндөп-түндөп ташып кетип атышып, бизди дагы бензиндин наркын өзүлөрүнө теңегенге аргасыз кылышты. Нан, эт, сүт маселесинде деле ошондой. Акыры алакандай болгон Чечня килеңдеген Россияны не бензин, не азык-оокат менен камсыз кылганга кудурети жетпейт да... Кошуналарыбыз “менден баланчаны алып, мага түкүнчөнү бер” десе да бир жөн эле, ал жагдайды ойлоп да

койбостон, айлап-жылдап “келе эле, келе” дей берсе, миң ирээт суверендүү болгон күндө да, бизге окшогон чакан мамлекеттердин бели мертинип калышы эч кеп эмес экен. Андан тышкары Россия азыр бизди кандай экономикалык, саясий жана граждандык блокадада кармап турганын сиз сурабай, мен айтпай койсом түзүк болот эле. Ошого карабастан, республикабыздын чарбаларын даярдыгына жараша акырындык менен жеке менчикке өткөрүү багытынын конкреттүү жолдорун таап алганбыз, жолубузга эртеңки жарык күндүн шооласын чачып тургансыйт. Иши кылып, сиз мага дагы эки-үч жыл убакыт берип, анан келип эмне жасаганга үлгүргөнүмдү өз көзүңүз менен көрүп кетсеңиз жакшы болоор эле.

Д. Садырбаев: “Граждандык блокада” дегениңиздин маанисин кенерирээк чечмелеп бере аласызбы?

Дж. Дудаев: Албетте. Чечнянын калкынын үчтөн бир бөлүгү улуу орус элинин өкүлдөрү экени эч кимге жашыруун эмес. Республиканын суверендүүлүгүн аныктаган документтерде ал элдин укугун басмырлаган бир ооз сөз жазылбаганына карабай, айыл-кыштактарда, көчө-көйдө “орустар, биерден кеткиле” деген сөз бир дагы чечендин оозунан чыкпаганына карабай, тээ москвалыктардын мамлекеттик деңгээлде баштаган: “Грозныйдагы чечен эмес улуттарга кысым көрсөтүлүп жатат” деген айгайын бетке кармап, эрден чыга турган зайыпка окшоп ыргылжың тартып, алгылыктуу эмгек жасабай, тескерисинче, колдон келишинче жалпыга таандык бүтүлүү буюмду бүлүнткөнгө чейин барып жатышкан орустардын саны күн өткөн сайын өсүп келатканы граждандык блокаданын барып турган опурталдуу жолу экендигин зор өкүнүч менен билдиргенге аргасызмын. Чындап кызыксаңыз, эртең кинотасмага тартып алсаңыз деле болот. Шаардын түштүк тарабында 50 гектардан артык жерди ээлеген аскердик шаарчабыз боло турган. Албетте, андагы жоокерлер да, офицерлер да орустар эле. Чечнянын эли өз өлкөсүнүн суверендүүлүгүн жарыялап, республиканын Президентин шайлап алгандан кийин Россиянын аскер кызматындагы жогорку жетекчилери менен гарнизондун мүлкүн теңме-тең бөлүп алууга макулдашканбыз. Ал турсун жоокерлер,

офицерлердин үй-бүлөлөрү баарыбыздын башыбызга түшкөн каатчылыктан жабыркап калбасын деп, өзүбүз болгон кадыр-колкону ортого салып жатып 27 сомдон сатып алып, аларга 4 сомдон өткөрүп берген 300 тонна кумшекерге бир түндүн ичинде солярка куюлуп өрттөлүп кетиши нервиниз экскаватордун тросундай болсо да, солкулдатпай койбойт экен. 40-50 жылдан бери былкылдабай турган эки-үч кабаттуу имараттар биринин артынан бири кыйрап, 100 километр дагы жүрө элек жапжаңы жүк ташыгыч машина, БТР, танкалар өзүнөн өзү өрттөнүп, гарнизондун ичи эмес, сыртына миналар көмүлгөнүнөн мал издеп жүргөн бала-чака байкоосуздан басып алып жарылып өлүп жатса, Президент эмне кылуусу керек?

Д. Садырбаев: Мындай учурда бийликтин күчүн пайдалангандан шарият бузулбайт.

Дж. Дудаев: Туура айтасыз. Мен дагы гарнизондун комендантын чакырып келип, “гарнизон тараптан бир ок чыкса, экинчи ок менин тапанчаман чыгаарына ишенип коё бериниз. Тилекке каршы, ал ок сиздин чыкыйыңызга барып кадалгысы келип турат. Менин жаза атпай турган дагы адам экенимди өзүңүз жакшы билесиз, майор” дешке аргасыз болдум. Ошондон кийин мина да жарылбай, баллон да өрттөлбөй, эт бузулуп, ун чиригенин токтотту, бирок, ага чейинкиси миллиарддаган сом чыгашага кириптер кылып кетти да жаңы төрөлгөн республиканы. Же болбосо, дагы бир мисал: үстүбүздөгү жылдын август айында Щелковское районундагы Старое Гладовское деген станцияда жергиликтүүлөрдүн демилгеси менен уюштурулган орустун улуу жазуучусу Л.Н.Толстойдун музейин ачуу аземине барып калдым. Бир маалда жанымдагы чечендердин кимдир-бирөөгө ыдык көргөзгүсү келип турганын байкап, жан-жагыма көз жүгүртүп чыксам, музейдин тушундагы арыктын кыргагына көчүк басып отурган эки орус кемпир чемичкени шартылдата чагып, туш келди түкүрүнүп жатканына көзүм түштү. Кийген-тургандары жүдөө экендиги да чын.

– Байбичелер, алдыңарда турган адам Чечнянын Президенти болот, – деп калды бизди ээрчитип келаткан райондун жетекчиси.

– Болсо эмне кылалы, – дешти байбичелер аны беттен алууга даяр экендиктерин билгизишип.

– Өзүн сыйлабасаңар да, анын президенттик даражасын урматтап ордунардан туруп койбойсуңарбы, өтүп кеткичекти, – деди жетекчиси ыңгайсыздана түшкөнүн жашырбай.

– Чего захотел, слишком много чести! – деп жарыша жооп берген байбичелер шалпылдата түкүрүнгөн бойдон отура беришкенинен жанына жакын барып:

– Ахвалыңар кандай, энелер? – деп сурадым. – Мынча неге кейидиңер?

– Ахвалыбыз эң жаман, сүйүнө турган эч жүйө жок! – дешти алар отурган калыбында. – Туш тарапта кымбатчылык. Азык-оокат тартыш. “Эркин болобуз, чеченче сүйлөйбүз, Россиядан бөлүнөбүз” деп атып, элди ачарчылыкка алпарып такап салдынар. Жадегенде пенсия бергенге акчаңар жок отуруп, эркиндикти эмне кылат экенсиңер...

– Эмне, пенсияңарды өз маалында ала албай жатасыңарбы?

– Албетте. Акчаң болбосо, нан дагы сатып ала албайсың бул өлкөдө.

– Акыркы жолу кайсы айдыкын алдыңар эле?

– Ой, оголе көп болду пенсия ала элегибизге...

– Музейдин ачылышын саал токтото турбасак болбойт, – дедим райондун жетекчисине кайрылып. – Тез барып райсобестин башчысын, бухгалтер, кассирин акчасы менен биерге алып келип, менин көзүмчө бул байбичелердин пенсиясын бердиргиле.

Жарым саат өтпөй бардыгы мен айткандай болду. Үрөйү учкан райсобестин бухгалтери пенсия төлөнө турган журналын ачып:

– Президент мырза, бул байбичелердин пенсия ала турган маалы келе элек экен. Өткөн айдыкын 21-июлда алышыптыр. Августтукун бергиле десениз, азыр берип кетели, акча ала келдик, – деди.

– Жок. Президент дагы, пенсионер дагы жалпыга тиешелүү тартипти бузбай жашаганы абзел. Маалы келгенде берээрсиңер. Силерге айтаарым, энелер, кимдир бирөө келатканда ордунардан козголуш же козголбош өзүңөрдүн гана ишиңер. Ага ачуулана турганга эч кимдин акысы жок. Мамлекет

башчыларынын, Президенттин кемтигин сындаганга дагы толук акылуусунар, эч ким тыюу сала албайт. Бирок, жалгыз өтүнөөрүм: кимдир-бирөөнү тозоктун отуна салгынар келсе, анын айыбын мойнуна коюп, чындыкты далилдеп туруп, анан салгылачы, кудай жалгагырлар, – деп кете бердим.

Анан кантем, ошол эки кемпир менен саясий дискуссияга чыкмак белем... Буга окшогон мисалдар чанда бир учурай турган көрүнүш болсо, муну сизге саймедиреп, убакыт коротуп отурбайт болчумун. Тилекке каршы, Москва тараптагы аттуу-баштуу, эс-акылдуу, билимдүү саясатчылардын белгилүү максатты көздөп, ашынган кыйдылык менен учурган “беш өрдөгү” карапайым калктын аң-сезимине ушинетип келип конуп, күн өткөн сайын “миш-мишине” айланып, улуттар арасындагы мамилелердин барган сайын салкындай беришине өбөлгө түзүп атышын өтө окүнүч менен айтууга аргасызмын. Болбосо, биздин чечендердин аң-сезиминде кимдир бирөөгө ыдык көргөзүп, же башка элдин алакандай жерин тартып алалы деген ой-максатыбыз жок экенине ишенип коюнуз. Антүүгө чамабыз келбейт. Алла таалам буюрган ата-бабабыздын жерине ээ болсок деген тилегибиз үчүн эле мынчалык басмырланууга кириптер болуп отурганыбызды каапырдын кудайы деле ылайык көрбөс...

Д. Садырбаев: Джохар Мусаевич, чынын айтсам саясаттан чарчай турган деле болуп калдык. Маегибиздин багытын саал өзгөртсөк кантет.

Дж. Дудаев: Эрк өзүнүздө, бирок, бүгүнкү күндө саясатсыз маек тузу жок боткодой болуп калбас бекен...

Д. Садырбаев: Аны көрө жатабыз да. Андан көрө кыргыздар тууралуу эмне билесиз?

Дж. Дудаев: О, бул өтө көп убакытты талап кыла турган суроо. Элиңер-жеринер, адабиятыңар, маданиятыңар тууралуу узак отура аңгеме-дүкөн курбасак, жалпы жонунан чөп башылап маектешкенибиз чекилик болуп калып жүрбөсүн. А эгерде кыргыздарда эки ооз сөз менен мүнөздөмө бере кет десеңиз, Орто Азиянын биздин Кавказдай тоолуу бөлүгүн мекендеген кыргыз эли менен чечендердин дини бир, тагдыры окшош, ырайымдуулугу эриш-аркак эл экендигин айтмакчымын. Бүткүл чечен элинин конгрессинин төрагасы

катары өзөктөштөрүмдүн 1944-жылдан 1957-жылга чейинки 13 жылдык көргөн азап-тозогун изилдеп отуруп, сүргүнгө айдалган чечен, ингуш, осетин, карачай, балкарлардын Кыргызстанга туш келгендеринин арасында өлүм-житими калган республикаларга караганда эң аз, улуттар аралык кагылышуулар дээрлик болбогонун тапканымды баса белгилеп кетким келет. Бул – жөн эле сиздин көзүңүздү көрүп, сыпайгерчиликти сактоо үчүн айтылып жаткан сөздөр эмес, тийиштүү документтер менен тастыкталган тарыхый статистикалык факт. Керек болсо, мен сиздин элиңиз, жериңиз, айыл-апаңыздын салт-сабаны, республикаңыздын экономикасы, баарыңардын башыңарды бириктирип турган атаңар – Манас баатыр тууралуу коно жатып айтыла турган аңгеме куруп бере аламын. Анан ушундай маалыматтардын ээси болуп туруп, “кечиресиз, кыргыз деген атыңарды эле укканым болбосо, аки-чүкүңөрдү анча жакшы билбейт экенмин” деп каадаланып койсом, ыйманым күйбөйбү, ата-бабаларымдын арбагын нараазы кылып. Каатчылык жылдарда тукум курут болуп кетүү алдында турган мусаапыр элди бооруна тартып, алардан жылуу сөз, жарым сындырым нанын аябай, Вайнах тукумунун көрөңгөсүн сактап, коломтосун өчүрбөй калууга үлүш кошкон кыргыз боорлорума көзүм өткөнчө таазим эткенден тажабаймын мен. Биздин бир туугандыгыбыз мындан ары дагы бекемделе беришин издегеним үчүн барып жүрөмүн баягы силердин бүткүл дүйнөлүк курултайыңарга. Кудай алдында да, Совет өкмөтүнүн алдында да менин элимдин ошончолук азап-тозок тарта турган айыбы жок эле. Андай экенин билбей туруп, ырысы менен кыйылып турган мусаапыр элге ырайымдуулук менен мамиле кылган сиздин ата-бабаларыңызга миң алкыш!

Д. Садырбаев: Кечиресиз Джохар Мусаевич, сиздин ата-бабаларыңыз немис фашисттери менен кызматташып кетиегенин далилдей ала турган документтериниз барбы?

Дж. Дудаев: Бар эмегенде. Фашист солдаттарынын өтүгү Вайнах жерин басып кирбесе, айыл-кыштактардагы жумурай-журт алар менен кантип кызматташат? Ал согушка биздин элден 25 миң эр бүлө катышып, алардын 12 миңи өз эрки менен арызданып жатып кеткенин, Ханпаша Нурадилов, Х.Магомед

Мирзоев, И.Бейбулатов өңдүү уулдарыбыз Советтер Союзунун Баатыры деген наамга татыктуу болушканын ушул кезге дейре советтик тарыхчылар укса укмаксан, билсе билмексен болуп жүрүшпөйбү, туткунга түшүп калгандан кийин фашисттердин кызматын өтөгөнгө аргасыз болгон 750 калмык үчүн 93 миң кишини, 2 миң чечен-ингуш үчүн 500 миң кишиден турган бүтүндөй бир элди сүргүнгө айдаганын законго ылайыктап. Же миндеп эмес, миллиондоп немистер менен кызматташып кеткен орустар болгон жок беле ал согушта? Болбосо, 1944-жылдын башында согуш аяктап келатканы, жеңиш СССР тарапка ооп калганы белгилүү болуп турган маалда башкалар тууралуу сөз кылбай эле коеюн, Советтер Союзунун Баатырларынын ата-эне, бала-чакасын ач-жылаңач бойдон муздак вагондорго шыкап туруп, кычыраган кышта Казакстандын ээн талаа-эрме чөлүнө алпарып төгүп кете салып, кете берүүнүн кандай кажети барлыгын түшүндүрүп бере аласызбы мага?

Д. Садырбаев: Ачыгын айтсам, андай муктаждык каяктан келип чыкканын жакшы билбейт экенмин. Ошондой опурталдуу маалда чечендер Совет бийлигине каршы куралдуу көзгөлуш баштаган го деп ойлоп жүргөнмүн.

Дж. Дудаев: Таптакыр андай эмес. Мындай жырткычтыктын төркүнүн чындап билгиңиз келсе, Сталин менен Берия чечен-ингуштардын эсебинен өз элинин жерин кеңейтип алууну көздөп, негизинен Грузия менен коңшулаш жерлердин элинин башына ааламат салганын далилдеп беремин. Тоодо, аскалардын арасында Хайбах деген бир айылыбыз боло турган. Ошол айылдан не орустар, не немистер жөнүндө түшүнүгү жок ким менен кимдин урушуп жатканын деле жакшы билбеген жоош-момун элин ылдый түшүрүп кеткенге унаа тапшай, эмчектеги баласынан эмгектеген карысына дейре бир чуңкурга чогултуп туруп, кыдырата атып, жаны чыга элек жарадарларын чучуктай чаңырткан бойдон чала-була көөмп салып же сууга түртүп ийип кете беришкен. О, ал кезде канча Вайнах уулунун намысы сынып, канча кызынын ариети тепселбеди дейсиз...

Джохар ушуну айтып жатканда, Президенттин каалгасы акырын ачылып, башына калпак кийген, Чечен

Республикасынын эл депутатынын көкүрөк белгисин тагынган кызыл жүздүү, алп мүчөлүү жигит кирип келди эле, маектешим: “Кечиресиз байке, бул менин эң жакын курбум, парламентибиздин мүчөсү – Юсуф Сосланбеков. Өтө зарыл маалыматы болбосо, минтип кирип келбейт болуучу... Ингуштар менен осетиндер тирешип турушат эле, чамасы абал курчуп баштаган болуу керек. Сиз жанагы мен айткан фактылардын документтери менен таанышып туруңуз, мен Юсуф менен сүйлөшүп алайын” деп, биз отурган жердеги жапыз столго бир тутам кагазды калтырды да, курбусун жетелеп, кабинеттин түпкүрүндөгү эс ала турган бөлмөсүнө кирип кетти.

Джохардын айткандарынан кенедей дагы шек санай турган себебим болбосо деле, колго тийген документтерди аргасыздан барактап отуруп, мынабул каттардын, телеграммалардын көчүрмөлөрү көзүмө урунганда төбө чачым тик туруп, денем дүркүрөп кеткенин кантип жашырам. Ар кыл мезгилдин каттары жана телеграммалары. Атайы которгон жокмун.

ӨТКӨН ЖҮЗ ЖЫЛДЫКТЫН ЖАЗУУЛАРЫ

“... до Кавказской войны в республике насчитывалось до полутора миллионов чеченцев и ингушей, то после кавказской войны и насильственного переселения их в Турцию и на Ближний Восток чеченцев и ингушей оставалось до трехсот тысяч”.

(из данных профессора Разгона).

“... Чеченцы, мои любезные, довольно прижатом положении. Большая часть живет в лесах с самоубийствами. В зимнее время вселилась среди них болезнь, подобие желтой лихорадки, и производит опустошения. От недостатка корма, по отнятию полей скот упадет в большом количестве.

... Теперь наряжается отряд для прорубления дорог по земле чеченской, которые мало по малу доводят нас до последних убежищ злодеев.

... Народа сего под солнцем нет подлее и коварнее.

(из донесений генерала Ермолова русскому царю в 60-х годах прошлого столетия).

“... Наши действия на Кавказе напоминают все бедствия первоначального завоевания Америки”.

(из письма генерала Н.Н. Раевского).

1944-жылдын телеграммалары

Совершенно секретно.

Наркому Внутренних дел СССР т. Л.П.Берия.

Только для Ваших глаз.

В виду нетранспортабельности и в целях неукосительного выполнения в срок операции “Горец” вынужден был ликвидировать 700 жителей в местечке Хайбах.

Полковник г/б Гвешiani.

Грозный. УВД. Гвешияни.

За решительные действия в ходе выселения чеченцев в районе Хайбах вы представлены к правительственной Награде с повышением в звании.

Поздравляю.

Нарком внутренних дел СССР.

Берия.

От имени ВКП(б) и комитета обороны СССР объявляю благодарность всем частям и подразделениям ОККА и войск НКВД за успешное выполнение правительственного задания на Северном Кавказе.

И.Сталин.

Гвешияниеге бул операция үчүн генерал деген наам берилип, көп жылдардан кийин анын уулу А.Косыгиндин кызына үйлөнгөндүгүн күбөлөндүргөн документтерди өз көзүм менен көрдүм...

1991-жылдын шифрограммалары

Секретно.

Грозный. МВД. Комиссарову, Орлову, Гафарову, Ибрагимову, Арсемерзаеву.

Вами не выполнены решения, принятые на совещании у вице-президента Руцкого А.В. по выполнению Указа Президента РСФСР от 7 ноября 1991 г. Приказываем немедленно приступить к освобождению зданий КГБ, бывшего ГК КПСС и др. объектов... Задержите Дудаева и других членов ОКЧН.

Информируйте ежечасно.

Степанков, Иваненко, Дунаев.

Шифрограмма из Москвы поступила в 08 час. 45 мин. 8-ноября 1991 г.

Секретно.

Грозный. МВД. Комиссарову, Орлову, Гафарову, Ибрагимову, Арсемерзаеву.

Предупреждаю о персональной ответственности за организацию точного и безусловного выполнения Указа Президента о введении ЧП в Чечено-Ингушетии. Примите срочно меры для предотвращения захвата здания МВД. Его сдачу считаю недопустимой. Необходимая помощь будет оказана. Невыполнения моего и т. Баранникова приказы Гафаровым считаю преступлением.

Дунаев.

Шифрограмма из Москвы поступила в 15 час. 40 мин. 9-ноября 1991 года.

Тарых санжырасынан

Канга забын өткөн кылымдагы россиялык падышалар баштаган ишти кийин большевиктер улантты. 1944-жылы Чечен-Ингушетиянын жүз миңдеген калкы мал тарткан вагонго шыкалып, Россиянын ичкери облустарына чачылды.

Дж.Дудаев Россия вице-президенти А.Руцкой менен сүйлөшүү жүргүзүп жаткан учурда россиялык жогорку чиндүү кызматкер чеченге минтиптир: “Россия бардыгы өз калыбында, катарда калышын гана каалайт. Болгон сөз ушул”. “А биздин элдин укугучу?” деп сурайт Дж.Дудаев.

“Мына, эки-үч дивизияны кое беребиз, – дейт берки. – Ошондо сиздердин укугуңар болот”.

УРПАКТАРГА КЕРЭЭЗ

Бирок, кылымдардан кылымдарга өз эркиндигин эңсеген чечендер РСФСР Президенти Б.Н.Ельциндин 1991-жылдын 7-ноябрь күнү Чечен-Ингушетиянын аймагына өзгөчө абал жана Россиянын аскер күчтөрүн киргизүүнү көздөгөн Указынын жүзөгө ашырылышына жол бербептир. 8-ноябрдан 9-ноябрга караган түнү айыл-кыштактардан түшүп келген чечендер Грозныйдагы президенттик имараттын тегерегине чогулуп олтуруп, жалпы саны 100 миңден ашат. Алардын арасынан “Боштондук же өлүм” деген чакырык менен 50 миң кырчындай болгон жигит белдерине гранаталарды байланып шаарга кирип келе жаткан танкалардын астына жата калуу үчүн жөнөй баштаганын уккан чечен эли түп көтөрүлөт. “Биротоло Вайнах жери баарыбыздын көрүстөнүбүз болсун” деген жападан-жалгыз тилек менен. Ажыдаар сымал зор өлкө Россия менен кагылышып кетсе, үркөйдөй болгон чечен элинин башына чыныгы кыямат-кайым күн түшөөрүн эң сонун түшүнгөн Президент, чечен парламенти бул кагылышуудан эч кимисинин соо калбасына көзү жетип, “тукум көрөңгөсүн соолутуп, улут уюткусун түгөтүп албагыла” деген өтүнүч менен урпактарына керез-мурас калтырып кетүүгө аргасыз болушат. Бул керездин орусча котормосун 1991-жылдын 9-ноябрь күнү аянттагы митингеге чогулган 150 миң кишинин алдына чыгып, депутат Юсуф Сосланбеков окуп берген. Анын тексти төмөнкүдөй:

“Бисмилла рахман иррахим!

Аллах свидетель истории и событиям нашего времени, что чеченцы ищут путь к свободе и независимости миром, терпением и земными муками. Но каапыр не внимлет голосу разума, человеколюбия, понимания чаяния других народов. Коварство и подлость, лесть и ложь, насилие и физическое уничтожение, возведенные в ранг национальной и

государственной политики России в отношениях с другими народами, превратили земной рай, дарованный Всевышним народам Кавказа в земной ад, через страх и национальную вражду, растление душ и лишение веры... Такой несправедливости не терпит уже сама природа и создала условия для достойного возмездия. Слишком коротка жизнь человека, чтобы рассчитывать на завтра. В случае пролития крови и неотказа России от насильственных методов народа Кавказа, оставшимся в живых и нашим потомкам завещаем: не складывать знамя борьбы за свободу и независимость Кавказа до полной победы, до последнего чеченца. Перенести страх и муки в логово зла и насилия над народами – в Москву. Потянем к высшей мере ответственности тех, от кого исходит зло и насилие, воздействуя как на источники ядерной опасности, со святой Земли соотечественников, изменивших интересам истинной свободы туда, где над их трупами не будут читать ясин без права возвращения их потомков на Кавказ. Истинная свобода достигается только тогда, когда дух и душа человека подчинены только Всевышнему и только через эту свободу она несет людям добро и мир.

Аминь.

Подписали Президент и все члены Чеченского парламента.

9.11.91 г. г. Грозный.

РСФСР Жогорку Кеңеши Президент Б.Ельциндин ошондогу Указын бекитпей койгондугунан кагылышуу болбой, чечен элинин башына каран күн түшпөй калганын жазып отуруунун кажети жоктур...

Из беседы с делегацией Ингушетии возле дома Президента Дж.Дудаева 1 ноября 1992 года

Асхад Барахов: Зовут меня Асхад Барахов. Живу в Пригородном районе. Я из тех ингушей, кто вернулся из Киргизии. Жил я там в селе Беловодском. Вот сейчас вместо со всеми вынужден обращаться всем тем, кому дорог мир, кто ценит человеческую жизнь. Ты, брат, обязательно передай то, что скажу тебе. Аллах свидетель, что мы не начали эту грязную братоубийственную войну. Еще 18 октября, когда ни один ингуш не помышлял о какой-то кровной мести, когда все ингуши терпеливо ждали своей участи и разумного решения

нашей национальной проблемы со стороны руководства России, пьяные осетинцы в селе Шолхи, есть у нас такое село в Пригородном районе, на БТРе МВД Осетии задавили 12 летнюю девочку. Затем стреляли пулеметами в мирных людей, убили еще одного взрослого мужчину... Через два-три дня другие осетинцы убивают еще двоих ни в чем не повинных ингушей. А после в буквальном смысле начинается охота на ингушей, вооруженные люди даже в милицейских машинах стали наезжать на наши деревни и убивать стариков, детей и молодых людей. Они все задокументированы, сколько человек, где был убит. Русские военные полностью поддерживает осетинцев открыто и нелегально снабжая их оружием. Газеты и Российское телевидение передают информации, выгодные только нашим противникам. Вчера они взяли в заложники нашего знаменитого писателя Идриса Борозкина, кстати, депортированного в свое время в вашу республику, взяли старого человека вместе с семьей. Жил он в пятиэтажке среди осетин. В конце концов, любому терпению приходит конец, хотя мы ждем 50 лет разумного решения вопроса о возвращении нам наших земель. Сегодня мы оказались совершенно голыми и беззащитными перед вооруженными до зубов осетинцами, к тому же имеющими мощную поддержку в лице регулярной армии России. Вот и пришли мы нашему Джохару, чтобы он помог нам оружием, техникой и живой силой.

Д. Садырбаев: А вы понимаете то, что своими просьбами ставите Джохара Мусаевича в весьма щекотливое положение. Ведь он не может же вмешаться во внутренние дела сопредельного государства...

Асхад Барахов: Это, конечно, так. Но мы сами оказались не только в щекотливом, но и плачевном положении. Нам некуда обращаться за помощью, кроме как Джохару или нашим дальним братьям: киргизам и казахам. Мы очень надеемся, что не вы, не уважаемый Джохар еще не забыли волшебное слово: “Орецдах”, после произношения которого надо выручать товарища, попавшего в беду. Конечно, Джохару с его бугра лучше виднее – помогать нам или нет. Даже в том случае, если он откажется помочь нам, мы найдем оружие, достаточное для того, чтобы отстоять свою землю... И мы, очень просим тебя,

брат, поехать с нами в район боевых действий, мы обеспечим тебе полную безопасность, и посмотреть собственными глазами, что творят над маленьким беззащитным народом, как убивают стариков и детей, берут заложников, насилуют женщин коварные враги и рассказать там нашим братьям в Киргизии и в Казахстане.

Из интервью с некоторыми незнакомцами в толпе митингующих перед правительственной площадью в г. Грозном.

2-ноября 1992 г.

Молодой человек: Мы были сосланы в вашу Родину не по нашей вине.

Д.Садырбаев: И не по нашей же тоже вине.

Молодой человек: Естественно. По-видимому, вторично ожидает нас та же судьба.

Д.Садырбаев: Типун вам на язык!

Салман Дадабаев: Земляк, ты можешь довести до сознания мировой общественности наши требования? Меня зовут Салман, я из города Назрань. Имею заявление.

Д.Садырбаев: Мировая общественность, конечно, для меня слишком громко. А вот рассказать своим друзьям и знакомым – могу. Что вы хотели, говорите в микрофон.

Салман Дадабаев: Пусть Россия выведет наш район из состава Северной Осетии, а также выведет свои войска, которые открыто стали на сторону сильных и способствуют унижению, преследованию, геноциду ингушского народа, пусть и нас обеспечат оружием для самозащиты. Несправедливо получается: у осетин пулеметы, танки, даже артиллерийские установки, а у нас всего лишь автомат...

Из разговора в гостиничном холле

Пожилая дежурная. – Вы откуда приехали?

Д.Садырбаев. – Из Кыргызстана.

Пожилая дежурная. – Как у вас там?

Д.Садырбаев. – Так же как везде.

Пожилая дежурная. – Не может быть, такого кошмара как здесь, не может быть нигде.

Д.Садырбаев. – Почему же?

Пожилая дежурная. – Здесь полно чеченцев. И они очень нехорошие люди.

Д.Садырбаев. – Чем же они нехорошие?

Пожилая дежурная. – Они всегда разговаривают по-чеченски.

Д.Садырбаев. – С Вами?

Пожилая дежурная. – Нет, между собой.

Из разговора в такси

Д.Садырбаев. – Ну, как здесь поживаете?

Водитель. – Как вам сказать, хлеб, бензин у нас, конечно, не дорогой. А вот в душе русака беспокойно. Неуютно стало здесь жить.

Д.Садырбаев. – Отчего же?

Водитель. – Все здесь ходят с пистолетами, да с автоматами.

Д.Садырбаев. – Кто они?

Водитель. – Естественно, чеченцы.

Д.Садырбаев. – И что, они угрожают кому-то этим оружием?

Водитель. – Пока еще нет. Ну, а вдруг взбредет в голову пострелять...

Самолетко түшкөнү аткандагы аэропорттогу сөздөрдөн:

Арт жактан угулган зайыптын үнү. – Дегеле коё кал, чечендер менен коюн-колтук алышып кеткен тура...

Жалт бурулуп карасам, 30-35 жаштардагы кавказдык чырайлуу келин күлүмсүрөп карап туруптур.

Д.Садырбаев. – Амансызбы? Биздин тилди мынчалык каерден үйрөнүп алып жүрөсүз?

Чырайлуу келин. – Эмне, силер дагы кумыкча сүйлөйсүңөрбү?

Д.Садырбаев. – Жок, кыргызча эле. Сиз дагы Бишкекке барасызбы?

Чырайлуу келин. – Жо, Москвага...

Д.Садырбаев. – Ошоякта жашайсызбы?

Чырайлуу келин. – Жо, Виноградное деген райондо жашайм. Айылчылап барсаңыз, мага окшоп кумыкча сүйлөгөндөрдү аердин ар бир үйүнөн жолуктурасыз. Кошунуз...

Беседа с Президентом Джохар Дудаевым корреспондента Чеченского телевидения о его поездке в США 1 ноября 1992 года в г. Грозном

Корр. – Джохар, недавно, оказывается, прошел слух о том, что Президент Чеченской Республики был задержан властями Словении во время посещения Боснии и Герцеговины. Насколько соответствует истине такой слух?

Дж. Дудаев. – Во-первых, постановка такого вопроса уже определяет уровень тех, кто с какой целью и их какой канцелярии запустил подобную чушь... Во-вторых, как я думаю, официальные власти западных стран не настолько примитивны, чтобы вот так вот взять да задержать Президента чужого государства, тем более если он на их территории по их законам ничего преступного не совершил. Наши перелеты выполнялись в соответствии с международными нормами и визы были получены в посольствах тех стран, где были обговорены все условия нашего пребывания как на их земле, так в воздушном пространстве. Но, мое неожиданное появление в Босне, видимо, кое-кому очень не понравилось, и потому была запущена эта информационная утка о том, что якобы меня задержали, чтобы спровоцировать какой-нибудь скандальный акт. И я вам скажу, что эта провокация чуть ли не завершилась успехом для тех, кто на ее делал ставку. Дело в том, что по прибытии в наш аэродром я увидел здесь около тысячи парней, одетых в бронжилеты, а также готовые к вылету самолеты на выручку своего Президента. Можете себе представить ту ситуацию, если опоздай я тогда хоть на один час, и во что могло превратиться последствие вот такой идиотской информации.

Корр. – Видимо, те, которые запускали эту ложь очень рассчитывали именно на такие ответные меры со стороны Ваших соплеменников?

Дж. Дудаев. – Конечно же... И я Вам скажу, в какой-то мере они достигли своих целей. Представляете, вот-вот собирались тронутые молодые парни, дававшие себе зарок “если в течении

часа Президента здесь не будет, вылетаем на выручку, в случае необходимости будем применять даже оружие!” Кстати, такие же небылицы сопровождали меня и на Кипре. С каждым днем какое-то пристально-нелепое отношение к моей персоне со стороны моих “доброжелателей” становится нормой моего бытия.

Корр. – Вообще-то, расчет был верный, в самом деле наши парни не смирились бы с тем, чтобы где-то задержали их всенародно избранного Президента.

Дж. Дудаев. – (Смеется). Ну, если бы я знал, что ведется такая подготовка, я бы дождался, встретил бы их, а потом вернулись бы все вместе. Но, это уже был бы мировой скандал. Такие действия в международных отношениях недопустимы. Особенно на Западе, где варварские методы выяснения взаимных отношений принадлежат истории.

Корр. – Джохар, кроме США, Великобритании и Германии вы побывали и на Кипре. Встречались с Президентом Боснии и Герцеговины. Для чего?

Дж. Дудаев. – Во-первых, народы этих государств по своему положению приблизительно идентичны с нашим народом. И те и другие подвергаются со стороны сильных и могущественных унижению и оскарблению вплоть до поголовного уничтожения. Я хотел собственными глазами увидеть то, что происходит без посредничества третьих лиц и пощупать собственными пальцами ту проблему, которую малюют черт знает как... И после всего того, что я там увидел, я сам поражаюсь, что не “съехала крыша” моей головы. Я уверен, что так же как и я раньше, люди информированы о событиях, происходящим там ровно настолько, насколько позволяет просочиться мощная информационная блокада, то есть абсолютно глухая стена, построенная сильными мира сего. Иначе как можно замалчивать вот такой вот факт.

... С помощью специальной техники выкапываются огромные ямы. Люди отдельных поселений от малого до великого, с помощью армии и винтовок загоняются в эти ямы, затем их расстреливают, облив бензином стонущих живых и молчащих мертвых, тут же сжигают их даже не моргнув глазом. Затем, чтобы замести следы, эти ямы разравнивают

бульдозерами и продолжают доказывать о преимуществах демократии, спорить о правах человека в цивилизованном обществе. Такое происходило всего лишь 17 лет назад, что-то в этом роде делается и сейчас. Отдельные государственные мужи, облаченные определенной властью вместо того, чтобы уважать волеизъявления народов, какого количества они не были, насильно хотят соединить сербов и хорватов, не считаясь с тем, что в силу определенных причин на данном этапе такое объединение невозможно. Мне кажется, сейчас было бы разумнее дать возможность этим народам создать свои государственные формы, дать немножко простыть от только что пережитых потрясений и затем уже надо вести речь о какой-то консолидации. Ведь они живут на одном острове и деваться им друг от друга просто-напросто некуда. И я уверен, их экономические, политические и торговые отношения сами нашли бы себе дорогу друг к другу. Но нет, делают все возможное к невозможному, чтобы сохранить остаточные структуры старой власти, которые держат эти два народа в тягчающем напряжении.

А в Босне, оказывается, только лишь признак вероисповедания людей заставил могущественные государства обложить этот маленький народ плотным кольцом вооруженных формирований и денно и нощно спровоцировать войну между сербами и хорватами. Если быть более точным, там и войны то нет, идет самое обыкновенное уничтожение, убийство, геноцид народа только за то, что исповедуют они мусульманскую веру. А для того, чтобы были развязаны руки, вынесли на передний план проблему сербско-хорватских столкновений, прикрываясь сербскими интересами наносятся коварные удары из дальнебойных орудий с расстояния 10 км по населенным пунктам и с неба засыпают бомбами квадратно-гнездовым способом, поголовно уничтожая ни в чем не повинный народ. А потом как бы проявляя милосердие, представляя убежища обездоленным, растаскивают их малыми семьями по квартирам различных государств. Вот таким вот хитроумным способом лишают целый народ изначальной собственной Родины. Для чего все это делается? А для того, чтобы вытеснить мусульманские колонии из среды тех, кто

исповедует другую веру. Об этом откровенно заявил бывший руководитель Хорватии по фамилии – Баба, находящийся сейчас за рубежами этой страны. Несомненно, это очень опасный симптом, когда отдельные политические деятели ради достижения своих целей прибегают к такому вот античеловеческому поступку как разжигание межнациональной, межрелигиозной розни. И это становится вдвойне взрывоопасным на всем земном шаре, особенно на территории бывшего СССР. От этой действительности нам уже не уйти. Пробуждаются народы Востока, Средней Азии, которые тоже когда-то подвергались самому обыкновенному физическому уничтожению только из-за того, что не были представителями той веры, которую исповедовали те, на чьей стороне были сила и оружие. В Кыргызстане, например, в свое время было истреблено приблизительно 30% коренного населения только за то, что аллах одарил этот добрый, талантливый народ очень благодатной землей и верой мусульманской. Заживо сожженные дети в Азербайджане, в затылок прострелянные старики в Таджикистане... И все это из-за каких-то амбиций политических деятелей, как, например, Э.Шеварднадзе, который в своем заявлении призывает уничтожить весь абхазский народ за то, что он не из “наших”. То есть не христианский, не грузинский. Если честно, абхазцы и мусульмане тоже весьма условные. Но только из-за этого убивать их, по моему, безнаравственно. И вот пробуждающийся мусульманский мир вынужден теперь объединиться для того, чтобы защитить Землю своих отцов, жен и детей собственных от чужого посягательства. И если иные политики не найдут в себе мужества расстаться своими бывальыми имперскими замашками, при нынешнем интеграции народов и национальностей мир может превратиться в глобальную бойню, после которой историкам уже нечего будет делать. И самое кошмарное заключается в том, что иных политиканов не может обуздать даже ООН, хотя что можно ожидать от детища, зачатого когда-то самим Сталиным. Миру уже известно, что зачастую под эгидой ООН на планете завязываются малые и большие войны. Одни в Совете Безопасности поднятием рук благословляют других идти смертоносным оружием на мирных

людей, не разбирая где виноватые, а где невинные. Насколько мне известно, ни Совету Безопасности, ни ООН до сих пор ни разу не удалось погасить хоть маленький очаг войны, вспыхнувший в каком-то регионе земного шара. Также им ни разу не удалось по законам человеческой справедливости решить хоть одну проблему межгосударственных межнациональных отношений. А наоборот, где ООН – там эскалация конфронтаций. И я абсолютно уверен в том, что пока ООН и Совет Безопасности не пересмотрят свои взгляды к проблемам войн, межнациональных отношений мира на земном шаре не будет. Вся трагедия этих весьма солидных организаций заключается в том, что она зачастую превращается в заложников могущественных супердержав. А потому у меня имеется свои видение будущего СБ и ООН. Я считаю: надо немедленно лишить Совет Безопасности его особых полномочий и поставить его в строй со всеми на равных правах, кто входит в ООН. Но, и этого недостаточно. В альтернативу ООН сейчас родилось и мощно набирает силы Организация непредставленных Государств и народов, которая и собирается брать на себя более расширенные и прогрессивные функции ООН заботиться о судьбе всех, особенно малых народов, защитить их. Мне кажется, объединись эти ООН и ОНГН своими благими намерениями о заботе благополучия всех народов, населяющих земной шар, могли бы дать положительные результаты и их справедливые жизнеспособные решения. Ну, а если ООН не может понять реалии сегодняшнего дня, то не далек и тот день, когда придет вместо нее другая, мощная, гибкая организация, способная только созидать. Это, наверное, будет объединение деловых людей всего мира, то есть крупнейшие бизнесмены, слова которых не расходятся с делом. Кстати, и тех политиков, которые коротают время в фешенебельных офисах, выдвинули эти же деловые люди, и отозвать их обратно им ничего не стоит. Так зачем же им в наше время поручать кому-то какие-то дела, когда они сами прекрасно обойдутся без посторонней помощи. А потом не забывайте чисто человеческую психологию, ведь кто своим умом, талантом и трудом созидал, так легко не станет благословлять тех, кто идет сжигать это добро.

Каких бы взглядов мы не придерживались, сегодня не следует отрицать ту мощнейшую идеологическую роль религиозных направлений. Сочетание усилий организаций объединенных народов и государств с усилиями различных религиозных образований могли бы стать гарантом стабильности мира и защиты интересов как слабых, так и сильных народов.

Корр. — Джохар, могли бы вы дать утвердительный ответ на такой вопрос: как, все ли Ваши замыслы осуществились в вашей поездке по США?

Дж. Дудаев. — Да, почти все. И не следует забывать то, что я ездил туда по приглашению частных фирм. В рамках такого приглашения все запланированные мероприятия были выполнены на все сто процентов.

Корр. — А почему вы не встретились ни с Дж.Бушем, ни с Б.Клинтоном?

Дж. Дудаев. — В принципе я мог в Америке встретиться с кем угодно. Но я считал, что будет крайне не корректным поступком с моей стороны встретиться с кем-нибудь из них в разгар их предвыборной кампании. Мне не хотелось даже непроизвольно стать выразителем интересов как одной, так и другой стороны. Поэтому я решил воздержаться от каких-нибудь встреч с любыми политическими деятелями. Шла там у них во время нашего пребывания внутренняя политическая борьба по всем традициям американской демократии. Вклиниваться в эту борьбу я считал для себя делом ненужным. Естественно, в конечном итоге кто-нибудь из них победит. Но кто бы сегодня не пришел в Белый дом, тому придется нести очень тяжелое бремя не только своих внутренних экономических и политических неурядиц, но и нести бремя ответственности за судьбу мира во всем земном шаре, за судьбу малых и больших народов, смотрящих в сторону этого поистинне гигантского государства с великой надеждой...

Сыйлашарга жат жакшы, ыйлашарга өз жакшы

Тарых санжырасынан

18-19-кылымдарда Россия империясы Күнчыгышка экспансивдик назарын салат. “Цивилизация” таратуучулардын

көзүнө төолуктар жапайы, түркөй, христиандык нормалардан алыс калк катары көрүнгөн.

“Русская правда” жазыптыр: “1. Россия менен Персиянын, ошондой эле Түркиянын чек араларын бойлой жашаган элдерди чечкиндүүлүк менен багынтуу керек... 2. Кавказ элдери момундугу жана өжөрдүгү боюнча экиге жиктелсин. Момундарды үй-жайында тек коюп, аларды орус букаралыгына өткөрүп, а беркилерин үй-үйү менен майдалап, Россиянын ичкери жерлерине чачуу керек. 3. Кавказ жеринде орус кыштактарын отурукташтырып, аларга мурдагы өжөр тургундардын жерлерин таратуу зарыл. Мурдагылардын жышаанасы да калбагыдай тазалап-таптап, бул чөлкөм бейпил орус облусуна айландырылсын”.

Тойдогу эки ооз сөз

Эртеси Джохардын эки улуу агасы Грозныйда жашаган Бекмырза ажынын уулунун үйлөнүү тоюна чакырып келишиптир.

– Тойго Джохар дагы барабы? – деп сурадым мени чакырып келген анын адъютанты Руслан деген сары маша жигиттен.

– Жок. Өйдө-төмөн сөз чыгып кетет деп, Джохар андай тойлорго барбайт.

– Аа... Коммунисттик психологиядан Джохар дагы алигиче арыла албай жүргөн турбайбы. Мейли, бирок, менин дагы барышым арсар.

– Неге?

– Той берип жаткан кишилерди тааныбасам, илгери-кийин эшик-төрүн көрбөсөм, кантип барам? Эгер ал тойго Джохарды дагы чакырсаңар, мен аппараттарым менен барып, аны тууган-туушкандарынын арасында тартып алсам түзүк болот эле...

– Маакул, мен айтып көрөйүн.

Жарым сааттан кийин кайтып келген Руслан:

– Жүргүлө, меймандар, оболу мен силерди жеткирип келейин, анан Джохарды алып барам, – деп узуну 8 метрлик “Вольво-кадиллак” машинасынын каалгасын ачты.

Бекмырза ажыныкына барганда, тойго чогулган жаштары ызаат кылып, бирок, саал салкыныраак учурашышканы менен, бир көчөдө жашаган 40 жаштан өйдөгүлөрү аялы-эркеги дебей, үйлөрүнөн чуркап чыгышып, карылары кучакташып көрүшүп,

кемпирлери мандайыбыздан өөп “жеринер тынчы, элинер аман-эсенби?” дешип, жан-алдары калбай кыргызча, казакча, орусча сүйлөп жатышты, ар кимиси мурда өзү жашап келген жердин жагдайын сурап.

Көп узабай жакын санашкандары менен Джохар дагы кирип келди. Биз отурган бөлмөдө “Президент келатат” деп дүрбөлөң түшкөн жан көрүнбөйт. Бекмырза ажы да отурган ордунан козголуп койгон жок. Джохар кирип келээр замат элпек ийилип, агасынын төшүнө мандайын тийгизди эле, Бекмырза ажы аны эркелете далысынан таптап-таптап туруп, бирдеме деп койгондон кийин гана Президент башкалар менен учураша баштады. Агасынын кыймыл-аракетин өзүнөн кичүүлөргө кайталады. Столго отуруп жатканда, Джохарды “төргө өт” деген деле жан болбоду. Көпчүлүктүн көңүлү негизи бизге, меймандарга кадалат. Отурушту ачуу озуйпасы дагы ага жүктөлгөн жок, шаардагы автобазада самосвалдын шоопуру болуп иштеген тамадабыз өз милдетин аткара берди. Менин ичкилик ичпегениме таң калып, же кыстаган деле киши болбоду, кайра-кайра “ичпесеңиз дагы колунузга кармап кагыштырып коюңуз, болбосо капа болуп калабыз” деп кадыр-колкосун көтөрө чапкан жок. Джохардын өзүнө он чакты кишиден кийин гана барып сөз тийсе болобу. Баарынан кызыгы: тосттун кезеги жеткенде, отурган ордунда бойдон эле бир мүнөткө жеткирбей кыска сүйлөшөт экен. “Мындай отуруштарда жалгыз эле кыргыз 20 чечендин сөзүн сүйлөп коёт” десем, сыпайыгерчилик үчүн жылмайышканы эле болбосо, юмوردун төркүнүн Джохардан башка эч кимиси түшүнбөгөнү Президент экөөбүздүн ортобуздагы мамилени барган сайын жылытып келатты...

Орус кызынын Дукиге баш байлашы

– Жо-жок! Даам ооз тиймейин иш тууралуу уккум да келбейт! – деди Президенттин жубайы Алла Федоровна бизди чакан жана жупуну конок залындагы үстөлгө өтүп отурушубузду суранып. – Түшкү тамак иче турган маалыңар деле болуп калыптыр. Анан каалаган сурооңузга жооп берейин.

Д. Садырбаев: Алла Федоровна, Джохар менен кантип таанышып жүрөсүз?

А. Дудаева: Тамбовдо ал учкучтар, мен сүрөтчүлөр окуу жайында окуп жүргөн маалыбызда таанышып, эки жылга дейре жолугушуп жүрүп, анан үйлөнүп алганбыз.

Д. Садырбаев: Өз тагдырыңызды намысы курч, келечеги опурталдуу жоокердин тагдыры менен байланыштырып алганыңызга өкүнгөн жоксузбу?

А. Дудаева: Эч качан. Өз тагдырымды мен өзүм тандап алгамын жана өйдө-төмөн сөз чыгышынан коркпостон туруп, өзүмдү бактылуумун деп айта аламын.

Д. Садырбаев: Ар башка улуттан экендигиңер үй-бүлөлүк мамилеңерге анда-санда болсо да көлөкөсүн түшүргөн учурларды эстей аласызбы?

А. Дудаева: Жок. Жакшылап таанышкандан кийин, Дукинин пендечилик быкыр-чикирден алда канча өйдө турган ашкере билимдүү, өлчөөсүз адептүү адам экендигине өзүңүздүн деле көзүңүз жетет. Анан калса, күйөөмдүн үйүнө, кайындарыма жана анын элинин арасына мен өзүмдүн элимдин эрежеси менен гана киремин деп долуланып, үй-бүлөлүк ыйкыт-ыйкынын чыгышына себепчи болбосом, көлөкөсүн түшүрө турган учур кантип баш бакмак эле биздин үйгө. Мен анын ата-бабасынын салт-сабан, үрп-адатына билбестигимен гана доо кетирип албасам, билип туруп, кенедей дагы чеки иш жасабаганым үчүн а дагы менин улуттук намысымды, аялдык ариетимди кемсинте турган сөз сүйлөп, иш жасай элек. Кайындарыма деле келин эмес, бир тууганындай болуп калдым.

Д. Садырбаев: Чеченче сүйлөй аласызбы?

А. Дудаева: Албетте.

Д. Садырбаев: Балдарыңызчы?

А. Дудаева: Балдарым дагы.

Д. Садырбаев: Дана менен сүйлөшсөм болобу?

А. Дудаева: Албетте, болот. Бирок, өтө уяң, сиздин суроолоруңузга жооп бере алар бекен... Дана, бери келчи, кызым, Кыргызстандан келген байкең сени менен таанышсам дейт.

Д. Садырбаев: Дана, мени Кыргызстандагы сен курактуу кыздар “байке, аба, чон ата” деп коюшат.

Д. Дудаева: Менин атым Дана, чоң ата...

Д. Садырбаев: Канчадасын?

Д. Дудаева: Он тогуздамын.

Д. Садырбаев: Каерде окуйсун?

Д. Дудаева: Университеттин экономика факультетинин экинчи курсунда.

Д. Садырбаев: Ушуерден өттүң беле?

Д. Дудаева: Жок. Обогу Тарту Университетине өткөм. Анан быякка которулуп келүүгө туура келди.

Д. Садырбаев: Чечендерде кыз ала качмай адат барбы?

Д. Дудаева: Болгондо да кандай дейсиз, көңүлү бар же жоктугуна карабай туруп, өзүнө жакса болду, бөктөрө качып кете беришет биердин жигиттери.

Д. Садырбаев: Анда сабакка кантип барып-келип жүросүң, сендей сулуу кызды ала качайын дегендер толуп жаткандыр?

Д. Дудаева: Албетте. Менин өңү-түсүмө же адамгерчилигиме ашык болуп ала качалы дегендер болсо мейли эле, бирок, атамдын атак-даңкына “ашык болуп”, аны менен жээк-жаатташканды эңсегендер ала качкысы келе бергенинен, атам мени сабакка алып барып, кайта алып келе турган сакчыларды дайындап койгон.

Д. Садырбаев: Демек, өзүң курактуулардай болуп, автобус-троллейбустарда ээн-эркин жүрө албайт турбайсыңбы?

Д. Дудаева: Жүрө албайм.

Д. Садырбаев: Анда жүрөгүңдү ээлжиреткен бозойду каерден учуратасың?

Д. Дудаева: Андай немеге университеттин ичинен эле учурап калбасам, көчө-көйдө анте турган мүмкүнчүлүк жок менде, чоң ата.

Д. Садырбаев: Анда мага келин болбойсунбу, Дана?

Д. Дудаева: Уулунуз канча жашта?

Д. Садырбаев: Быйыл он бешке чыгат.

Д. Дудаева: Дагы чоноё түшүшү керек экен. Мен ага дейре күтүүгө аргасызмын.

Д. Садырбаев: Мындай ахвал намысыңа тийбейби?

Д. Дудаева: Тийгенде колуман эмне келет. Багыма туш келгенди көрөмүн да... Анын үстүнө азырынча дүрбөлөң түшө

турган деле себеп жок. Апам атама жыйырма эки жашында чыгыптыр. Менин запасымда дагы үч жыл убакытым бар.

А. Дудаева: О, желмогуз десе, биз сени “уяң, уяң” деп жүрсөк, кыйла нерсе жаткан турбайбы сенде. Муну кантип сүйлөтүп алдыңыз, мейман?

Д. Садырбаев: Тилимде мээр чобум бар, Алла Федоровна.

Аңгыча биздин жаныбызга Дудаевдердин кенже уулу келип калды эле, колумдагы микрофонду анын да оозуна кармадым.

Д. Садырбаев: Атың ким?

Д. Дудаев: Деги.

Д. Садырбаев: Канчадасың?

Д. Дудаев: Тогуздамын.

Д. Садырбаев: Канчанчы класска келип калдың?

Д. Дудаев: Үчүнчү.

Д. Садырбаев: Орус мектебинде окуйсунбу?

Д. Дудаев: Бизде сабак орус жана чечен тилдеринде аралаш өткөрүлөт.

Д. Садырбаев: Кыргыз деген эл бар экенин уктун беле?

Д. Дудаев: Укканмын.

Д. Садырбаев: Каяктан?

Д. Дудаев: Жакында эле атамдар барып келишпедиби. Алманар дагы абдан таттуу болот экен. Сиз апкелген алмадан үчөөнү жеп алдым.

Д. Садырбаев: Биз жакка баргын келеби?

Д. Дудаев: Конокко чакырсаңыз бара берем да.

Д. Садырбаев: Чоңойгондо ким болосун?

Д. Дудаев: Учкуч болгум келет.

Д. Садырбаев: Оболу учкуч, анан Президент болоюн деген оюн барбы атаңын жолун жолдоп?

Д. Дудаев: Жо, учкуч эле болом. Президенттиктин кереги жок мага.

Д. Садырбаев: Тилегиңе жет. Кайрадан өзүбүздүн маегибизге отсөк кантет, Алла Федоровна...

А. Дудаева: Мейлиңиз.

Д. Садырбаев: Чакан болсо да суверендүү мамлекеттин “биринчи ледиси” деген абалыңызга көнүп калдыңызбы?

А. Дудаева: Аз-аздап көнүп келатам.

Д. Садырбаев: Азык-түлүктү каерден аласыңар?

А. Дудаева: Негизинен базардан алабыз.

Д. Садырбаев: Президенттин айлыгы азык-оокатынарга кенен жетеби?

А. Дудаева: Дукинин бир туугандары каралашып турбаса, жетмек эмес. Азырынча жетип жатат.

Д. Садырбаев: Жаңыдан баш кошконуңарда Дуки Президент болсо деп тилек кылдыңар беле?

А. Дудаева: Кайдан. Тирүү бирге жүргөнүбүзгө эле ыраазы болчубуз.

Д. Садырбаев: Ылайым эле андай болбосун деңизчи, жаза тайып кандайдыр бир кара ниет күчтөр мамлекетинердин кыйсыпырын чыгарса, сиз эмне кыласыз?

А. Дудаева: Дукинин өзүн-өзү коргогонго кудурети жетет. Мен болсо, эмне кыла алам. Жанталашып балдарымды сактап калуунун аракетин кылгандан башка эчтеке келбейт да колумдан.

Д. Садырбаев: Джохар аскердик милдетин аткарып жүргөндө сиз эмне кылчусуз?

А. Дудаева: Мен сүрөт тартчумун. Джохар каерге которулса, мен дагы көшүлүп барып, ал кызмат кылган бөлүктүн аскер шаарчасын көркөмдөө иши дайыма менин мойнума жүктөлөөр эле. Өзүмөн чоң тамгалар менен “Сууну үнөмдөп, ширенкени ысырап кылбагыла!”, “Тоюткор, тоюткор жана тоюткор” деген ураандардан өйдө жазган учурларым болгон. Көңүл кушу үчүн ар кыл портрет, натюрморт, пейзаждарды ушул кезге чейин жазып жүрөм.

Д. Садырбаев: Картиналарыңыздын көргөзмөлөрүн өткөрө алдыңызбы?

А. Дудаева: Ооба. Эки жолу өткөзгөм. Биринчисин Тартуда, экинчисин Грозныйда, Дуки Президент боло электе. Эми биерде көргөзмө өткөрүү ыңгайсызыраак.

Д. Садырбаев: Кыргызстандагы кайсыдыр бир мекеме сиздин картиналарыңыздын көргөзмөсүн өткөрүүнү уюштуруп, өзүңүздү мейманга чакырса, убакыт таап бара алаар белеңиз?

А. Дудаева: Менимче, табабыз го дейм...

Д. Садырбаев: Аңгемебиздин аягында Орто Азиянын зайыптарына эмне каалоолорду айта аласыз?

А. Дудаева: Албетте, алардын ар бирине ачык асман, бейпил турмуш, тынчылык күндөрдү каалаймын да. Ыр менен айтсам болот эле, бирок, добушумдун кандай экенин өзүңүз угуп турбайсызбы.

Д. Садырбаев: Сиз эмне, ыр да жазасызбы?

А. Дудаева: Ара чолодо ошенте коймоюм да бар.

Д. Садырбаев: Баса, добушум демекчи, жаш баланыкындай назиктиги эле болбосо, сиздин добушунуздан киши уяла турган деле эчтеке таба алган жокмун.

А. Дудаева: Ошо баланыкындайлыгынан уялып атпаймынбы. Кээде чоочун адамдар биздикине телефон чалып калыпса, “ай кыз, атанды же апанды чакырып койчу” дешип орондоп сүйлөшүшөт мени менен...

Д. Садырбаев: Мен сиздин атаңызды да, апаныңызды да чакыртпаймын деп убада кылсам, ырларыңыздан эки-үчөөнү окуп бере аласызбы?

А. Дудаева: Окуюн, бирок күлмөй жок.

Д. Садырбаев: Макул, такыр күлбөймүн...

А. Дудаева:

С высочайшего соизволения,

С молчаливого соглашения.

С запоздалого удивления.

Миллионы лежат в гробах.

И славяне засыпаны в ямах,

И дорожники лежат в канавах,

Почерневших от крови рек,

Потемневших от дыма в лесах.

Замордованы и зарыты,

Как собаки песком прикрыты.

С верой в нашу правду убиты.

Без суда, по приказу, и так,

А мы святы, чисты и не винны,

Но гуманны, добры и наивны.

Столько лет им поют ветры гимны,

Все незнаем за что и как...

Не отмыть и слезами кровавыми,
Наша совесть над этими и ранами.
Преступлениями небывалыми,
Будет вечным укором их кровь.
Виноваты мы все, благодушные,
И приказу бездумно послушные.
Осторожные, равнодушные,
С этой памятью жить теперь как?

Ингуштар кыргызды калыска чакырат

Түш ченде Джохар Мусиевич үйүнө келип, анын чакан короосунда бала-бакырасы менен зайыбын тасмага тартып жатканыбызды көрүп, “сиздер беймарал иштей бериңиздер, мен кичине эс алып алайын” деп үйүнө кирип кеткен бойдон бир сааттан ашык убакыт сыртка чыккан жок. Ошол мезгилдин ортосунда короонун сыртынан эркектердин ачуу-ачуу бакылдаган үндөрү угулуп, Президенттин сакчыларынын автоматтарын ийнинен түшүрүп, көкүрөгүнө тагынып аркы-терки баса башташы негедир биздин дагы ырааттуу маегибизди чыйралтып келатты, кандайдыр бир коогалуу окуянын башталганынан кабар бергенсип.

– Тынччылыкпы? Сырттагылар эмне деп атышат? – деп сурадым бир убакта Алла Федоровнадан.

– Кыязы, осетиндер менен ингуштар кагылышып калгандай. Дуки аксакалдарды кабыл алсын деп талап кылып атышат. Биз иштей берели.

Бир аздан кийин улуттук кийим кийген он чакты карыны Президенттин адъютанты Руслан ичкери ээрчитип кирди. Кажылдактын дале басандай турган түрү жок, барган сайын күчөгөндөн күчөй берди...

– Эми сизди талап кылып атышат, – деди Алла Федоровна сырт тарапка саал кулак төшөп туруп.

– Мени?

– Ооба сизди.

– Мени кайдан билишет экен?

– Анысын биле албадым. “Кыргызстандан келген журналисттер менен учурашат элек” деп кыйкырып атышат го...

– Анда мен чыгайын.

– Коё турунуз, сакчылардан бирөөнү кошуп берейин.

– Жо кереги жок, өзүм мейман болсом, мени эмне кылышмак эле.

– Ошентсе да “сактыкта кордук жок” деген, куралчан жигиттерден бирөө кошулуп барсын. Ади, мейманды сырттагылар менен учураштырып келинизчи.

Күрмөсүнүн этегинен тапанчасынын кайыш боосу көрүнүп турган Ади Хажаев деген Президенттин сакчыларынан бирөө биз менен кошо чыкты сырттагы кажылдагандарга.

– Ассалоом алейкум!

– Ва алейкима салам! – деп короонун сыртында турган отуздай киши жабыла алик алып (алардын арасында автомат асынып алгандары да бар экен), озунуп учурашкан сакал-муруту өскүлөң улгайган адам колумду коё бербей туруп. – Кыргызстандан келген журналист жүрөт баякта деп угуп, учураша кетели деп атайы издеп келдик сени, курдаш, – деди балдыр-салдыр этип кыргызча сүйлөп. – Биердегилердин көпчүлүгү – силер тараптан келген ингуштарбыз. Мисалы үчүн, мен Беловодскийде жашачумун. Беловодский дегенди уктун беле?

– Өзүм фрунзелик болсом, анан Беловодскийди кантип укпайт экенмин.

– Ыы... Уксаң, ошо беловодскийлик боломун мен. Тээтиги карыя – токмоктук. Сокулук, Канттан келгендер да бар. Башыбызга мүшкүл түшүп турганда, жардамы тиер бекен деп келип калдык алдыңа.

– Ко-ош. Аны үчүн мен эмне кылышым керек?

– Жардамың ушул – биздин Ата Мекенибизде азыр эмне деген ааламат болуп жатканын киного тартып алып, Орто Азия элине көргөзсөң эле болгону... Борбордон келген кабарчылар калыстык кылбай жатышат, биздин атаандаштарыбыздын таламын талашып. Кечээ күнү осетиндер бүткүл дүйнөгө таанымал Идирис Бозоркин деген, баса ал дагы Кыргызстанда жашап, акындык калемин ошояктан такшалдырып келген атактуу акын, кадырман карыбызды туткундап кетип, барымта катары кармап жатышканы тууралуу Москва ооз ачып койгон жок. Бирдеме билдирсе, дагы бир беткей билдиришет. Иши

кылып, аяктан келгендерге ишениш жок. Ошону үчүн бизге калыс кабарчы керек болуп атат.

– Мен кантип калыстык кыла алам? Силер кыргызстандык, мен кыргыз болсом, эртең эле осетиндер дагы чыгышпайбы “Садырбаев өзүнүн туугандарына тартып атат” дешип.

– Антип айта алышпайт, себеби алардын арасында деле Кыргызстандан келгендери толуп атат. Сен – эки элге тең калыс адамсың. Кимдин эмне кылып атканын өз көзүң менен көрүп, андан кийин “жо, ингуштар туура эмес иш кылып атыпсыңар” десен да биздин капачылыгыбыз жок. Аппараттарыңды алып, жүр биз менен, сенин бир тал чачынды жерге түшүргүчө, бүткүл ингуш эли кырылып беребиз. Жүр тууган, эшик-төрүбүздү көрүп келчи.

Дж. Дудаев: Сизге аякка барууга болбойт, байке. Менин коногум катары Чечняда жүрүп, РСФСРдын территориясына кирип барсаңыз, башка мамлекеттин ички иштерине кийлигишүү катары бааланып калат. Андан көрө эртең мененки саат онго вертолет заказ берип койдум, тоого чыгып, Хайбах тарапты өз көзүңүз менен көрүп келиңиз.

Д. Садырбаев: Жанагы карыяларга эмне дедиңиз?

Дж. Дудаев: “Сабыр кылгыла” дегенден башка эмне демек элем. “Курал-жарак жагынан жардам бергин” деп келишиптир. Анда эле айрым сасатчылардын көктөн издегенин жерден таап берип, Россия менен ачыктан-ачык согуш абалына кирип барбайбызбы. Былтыр “Референдум өткөрүп, бүткүл элинердин пикирин билгиле. Чечен менен ингуш – бир ата, бир эненин балдарыбыз. Тирүү болсок бир чокуда, өлсөк бир чункурда бололу. Ата-Журт тагдыры тууралуу коюп жаткан проблемаңарды чечүүнүн саясий, тынчтык жолдорун биргелешип издейли. Бөлүнгөндү бөрү жейт, бөлүнбөйлүчү, туугандар” деп кан какшасам да, ушул эле аксакалдар: “Тууган экенибиз чын, бирок, Москва бизге Ата Журтуңарды кайтарып беребиз деп убада кылды. Ошону үчүн биздин азырынча РСФСРдын составында калганыбыз оң болуп турат” дешип, караманча кашайып болбой коюшкан. Эми минтип “жардам бербесең, кырыла турган болуп калдык” деп келишиптир. Азыркы кырдаалда бул тездик менен чечилишти талап кылган татаал проблемага өтө этият мамиле кылбасак, Чечен-

Ингушетияны жаны Тажикстанга айлантып алганы турабыз. Бөөдө кан төгүүнүн кимге кереги бар?..

Атганаар алдындагы маек

Джохар алгачкы учурашкан күнкү шарт боюнча убадасында туруп, кысталып турганда да моюн толгобой, менин бардык өтүнүчүмдү аткарды. Жооп алынбаган суроо деле калган жок. Ар бири бир жарым сааттык магниттик кассетадан онун толтуруп келдим бул барышымда. Анын баарын жайма-жай отуруп алып, толук бойдон жазып чыгып, басмаларга сунуш кылсакпы деген ойдомун. Ага дейре саал ыкчам бүтүргөн ушул кол жазмамдын аягын эртең элге кайталы деп турган түнкү маегибиздин бир үзүмү менен аяктайын.

Д. Садырбаев: Джохар иним! Туз-насип буюрган экен, мына бир антага дейре табакташ болуп келдик. Жеке өзүмдүн тагдырыма тиешелүү эки-үч суроо берсем болобу?

Дж. Дудаев: Ошо да кеп бекен, албетте, болот.

Д. Садырбаев: Ырас, кызматымдын кызыкчылыгы үчүн сизди дагы өтө маанилүү мамлекеттик иштеринизден алагды кылганымды түшүнүп турам, бирок киночыгарма жаратуунун тартиби ушундай экен, мындай жолугушууларсыз бүтүрүүгө эч ылаажы болгон жок. Ушул жолугушууларда мен, же менин шериктерим пендечилик өтүнүчтөрүн айтып, сизди тажатып ийген жокпузбу?

Дж. Дудаев: Ичпеген-жебеген коноктун баары силердей болсо кана... Азил-тамашаны жыйыштырып коюп, болгон сөздү айта турган болсом, кадырыңыз жан болсун, байке, андай “шкурный” алыш-бериш болгон жок сиздер менен биздин ортобузда. Мурда эле кыргыздарды кадырлачумун, бул жолугушуулардан кийин силердин элге ого бетер ичим жылып калганын жашыргым келбейт. Бирок, баарыбыз эле ысык жан пендебиз да, сизге караганда менин мүмкүнчүлүктөрүм алда канча артык экени дагы чын. Эгер бирдемеден кысталып турсаңыз айтыңыз, бир тууганымдай колумдан келген жардамды берейин...

Д. Садырбаев: Анчалыкка жете элекмин деңизчи, бирок, жаза тайып, күндөрдүн бир күндөрүндө буурул башыма иш түшүп, багытым сына турган болуп калса, сиздин калкалап алышыңызга ишенсем болобу?

Дж. Дудаев: Байке, “башыңызга иш түшүп, багытыңыздын сынышын” күтүп эмне кыласыз... Азыр эле кала бериңиз же барып, үй-бүлөңүздү токтоосуз көчүрүп келиңиз. Сизди үй-жай, кызмат менен камсыз кылуу милдетин өз мойнума аламын. Элибиздин өткөнү менен бүгүнкүсүн урпактарга калтыруу максатында жаңыдан мамлекеттик кинематография комитетин негиздеп жатабыз. Өзүңүз билесиз, буга дейре искусствонун бул тармагын түпкүрдөгүлөр биздин элибизге ыраа көрүшкөн эмес экен. Эми аны нөлдөн баштап, пайдубалын түптөгөнү атабыз. Сиздей тажрыйбалуу адиске абдан муктаж болуп турган чагыбыз. Келиңиз, кеп-кеңешиңизди айтып жардам бериңиз, биздин жаштарды өз өнөрүңүзгө тарбияланчыз. Менин бул сунушумду официалдуу чакыруу деп эсептей берсениз деле болот. Үй-бүлөңүздүн жашоо жагдайына кам көрүү – биздин милдет. Баарыдан бая күнү видеодон үзүндүсүн көргөн “Кайран эл” сыяктуу бир эле фильм тартып берсениз, биздин элдин эң кадырлуу адамы болосуз. Кыргыз менен чечендин тагдыры киндиктеш, башынан кечирген азап-тозогу окшош эл экен. “Кайран эл” атын деле өзгөртпөй туруп, астына “Чечен варианты” деген жазуу кошуп, куду ошонун өзүн биздин жерде, биздин эл менен тартып берсениз жетишет бизге. Калыңыз, байке...

Д. Садырбаев: Бир апталык сыпайыланганымга алданып, элиңизде калтырып коюп, анан жеткен кежир, анча мазасы жок адам болуп калсам кантесиз?

Дж. Дудаев: Мунунуз да туура. 1944-жылы Кыргызстанга дээрлик 100 миңге жакын адам сүргүнгө айдалыптыр биз тараптан. “Беш кол тең эмес” дегендей, алардын арасында эстүүсү да, нааданы да, уурусу да, туурусу да, кежири да, кечили да жок болду дейсизби? Ар кылы болгон. Ошончо элди түркүн тагдыр, түрлүү мүнөздүү инсандары менен кучагына батырып алган кыргыздын жападан-жалгыз мазасы жок, кежир уулун батыра албасак, анда биз эл болуп эмне кылабыз...

Д. Садырбаев: Рахмат иним! Мен ыраазымын. Эзели жамандык көрбөй, мартабаң мындан ары дагы жогорулай берсин!

Дж. Дудаев: Иншалло, иншалло! Айтканыңыз келсин!
Чечня, ноябрь

□ 10-ноябрда Россия ИИМ ички аскерлери, псковдук десантчылар Ингушетияга кирип, Чечня менен чек араны бойлой жайгашты.

□ Дж.Дудаев республикада өзгөчө абал жарыялады.

□ Россиянын вице-президенти А.Руцкой Чечня менен согуштун болуш мүмкүнчүлүгүн жокко эсе баалайт.

□ Кавказ элдеринин конфедерациясынын парламенти Түндүк Осетияда жана Ингушетияда өзгөчө абалды көзөмөлдөгөн россиялык аскерлердин аракетин “Чечняга каршы агрессия” катары баалады. Конфедерация штабынын командирлерине жана начальниктерине “Грозныйдагы штаб-квартирага тез арада келүү” буйрулду.

11-ноябрда россиялык аскерлер Чечня чек арасынан 5-10 чакырымга алыс жылдырылды. Сүйлөшүүгө Е.Гайдар катышты. Ингушетиядан аскерлерди чыгаруу маселеси козголгон жок.

“Эркин Тоо” гезитинин атайын тиркемеси

Ноябрь, 1992-жыл

СОБЫТИЯ В ГРУЗИИ: ВЗГЛЯД СО СТОРОНЫ

Гамсахурдиа Звиад Константинович. Потомок общепризнанных лидеров грузинской классической литературы, выдающийся руставелолог, исследователь и последователь И. Чавчавадзе и В. Пшавело, поэт, публицист, переводчик, виднейший специалист по западно-европейской и американской литературам, теолог, мирянин христианского вероисповедания, за что, кстати, в прошлом неоднократно репрессированный генералом КГБ Эдуардом Шеварднадзе. Звиад Гамсахурдиа 28 октября 1990 года впервые в истории, тогда еще здравствующего СССР, получив на многопартийных выборах поддержку 87% избирателей был провозглашен Президентом независимой республики Грузии. Не пройдет и семи месяцев, как он насильственно будет смещен со своего поста вооруженной оппозицией и вынужден покинуть пределы своей страны.

Эта беседа обозревателя газеты «Эркин Тоо» Д. Садырбаева с З. Гамсахурдиа состоялось 30 октября 1992 года в городе Грозном и ни в коем случае не претендует на абсолютную истину...

МОХНАТАЯ РУКА

*(Беседа бывшего кыргызского кинорежиссера
с бывшим Президентом Грузии)*

Д. Садырбаев: Уважаемый Звиад Константинович! Я приехал из Кыргызстана, зовут меня – Дооронбек, фамилия – Садырбаев. Вам следует еще знать о том, что человек я очень далекий от политики, скорее презирующий, эти не всегда чистоплотные игры взрослых людей, в которые уже включились даже дети. Я здесь не представляю ни одну официальных государственных теле, видео компаний Республики Кыргызстан. Ни даже газету «Эркин Тоо», которая пока дает мне возможность зарабатывать собственный кусок хлеба. К вам я приехал, кстати, на свои средства, как публицист – к публицисту как поэт - любитель – к поэту профессионалу, и наконец, как обыкновенный человек – к человеку не совсем обычной судьбы. Поэтому, конечно, если позволите, мне хотелось бы побеседовать с вами по ряду некоторых вопросов, волнующих не только меня, но и многих людей моего региона.

З. Гамсахурдия: Пожалуйста, Вы можете задавать мне любой вопрос.

Д. Садырбаев: Спасибо. Прежде всего меня интересует, как вам здесь живется?

З. Гамсахурдия: Как может жить человек, изгнанный из своей родины темными силами, который борется не только за свою не очень-то завидную судьбу, но и за такую судьбу собственного народа, но я держусь и делаю все, что в моих силах, чтобы остановить разгул беззакония и тирании и сообщать всему миру то, что происходит сейчас на моей многострадальной Отчизне. В тяжелейшем положении (в

смысле моральном) оказалась и моя семья. Великие муки и страдания вынуждена терпеть моя супруга, из-за того, что все мы оказались в таком жутком положении, и дети наши лишены возможности учиться...

Д. Садырбаев: Очень сочувствую, что настигла Вас такая участь. А по поводу учебы ваших детей, я думаю мы еще вернемся к этой проблеме. А пока, объясните мне, пожалуйста, уважаемый Звиад Константинович, как Вы умудрились соскользнуть с пьедестала законной власти, не простояв там даже семи месяцев, после такой неслыханно громкой победы на многопартийных выборах?

З. Гамсахурдиа: Давайте договоримся так: поскольку Вы первый человек из Среднеазиатского региона, проявивший интерес к моей судьбе, то я буду отвечать на ваши вопросы намного длиннее и основательнее, чем как я обычно делаю в беседах с вашими европейскими коллегами.

Д. Садырбаев: Буду весьма признателен.

З. Гамсахурдиа: Так вот, неудача постигла бы любого на моем месте, если бы против него ополчилась вся кремлевская империя с ее «мохнатой рукой». Лично Горбачев, Шеварднадзе и их окружение, а также огромная военная машина, состоящая главным образом из уголовных элементов, плюс Закавказской военный округ. Фактически мое президентство было президентском в чреве дракона. Да будет Вам известно, дорогой друг, что бывший центр ворошил как хотел этой самой «рукой» не только события в Грузии, но и постоянно оказывал давление и на меня, хотя я был Президентом «совершенно независимого» государства. Через самого генерального секретаря ЦК КПСС и Президента СССР М. Горбачева этот могущественный центр в моей стране непрерывно вел свою деструктивную работу и весьма изощренно. Хотя на телевизионных экранах он делал мину: дескать, ему не очень интересны наши проблемы, пускай, мол, грузины сами в своих делах разбираются. Горбачев не раз мне лично звонил, ругался, угрожал, было даже прибежал к шантажу. Со дня той победы на выборах он объявил нам жестокую войну, без правил. Его авантюра в лице «Мхедриони» и другие им подобные банды по всей Грузии начали действовать против нас сначала тихой сапой, а затем открыто:

пушками и танками. Сподвижники Иоселиани, например, стали нападать на милицию, похищать оружие, сколачивать незаконные формирования. Фактически с первых же дней своего президентства я оказался втянутым в эту неравную войну, причем в роли безоружного против вооруженного до зубов противника. Повторяю, моим противником была огромная империя с ее «мохнатой рукой» в виде Закавказского военного округа.

Д. Садырбаев: Простите, чем Вы можете доказать причастность Закавказского военного округа к событиям в Грузии?

З. Гамсахурдия: Только фактами, только с соответствующими документами, если хотите, показаниями очевидцев. Они предостаточны. Что и говорить, даже постороннему взгляду было видно, какую огромную роль сыграл Закавказский военный округ в жуткой трагедии моего народа. Военные не только тайно снабжали оппозиционные элементы деньгами, оружием, БТРами, танками, даже установкой «Град», и укрепляли их ряды переодетыми в гражданскую одежду военными, но и открыто диктовали мне в каких случаях, как я должен вести себя и о чем я должен говорить. Вот самый простой пример: в дни прошлогоднего августовского путча они откровенно велели мне «немедленно восстановить в Грузии Советскую власть!» Я говорю: «Народ избрал совершенно другой путь, и как же теперь я восстанавливаю Вам советскую власть?» – Тогда, – говорят они, – мы Вас сметем!

Д. Садырбаев: Вообще-то, в те печально-известные дни и наши туркестанские военнначальники тоже, оказывается, поставили где-то подобного рода ультиматумы и перед нашим Президентом.

З. Гамсахурдия: Охотно верю, везде и всюду у них был одинаковый почерк, всем знакомый. Не успокоились они даже тогда, когда провалился московский путч. Понемногу, но верно продолжали разлагать нашу гвардию, вливая в ряды «Мхедриони» наемников и уголовников. Словом, не был я ни одного дня Президентом мирной страны. Я был президентом той страны, которая с самого начала своего рождения

находилась в состоянии войны с могущественным монстром. Поэтому, не помогло и то, что я пользовался поддержкой абсолютного большинства моего народа. К сожалению, ее не хватило для того, чтобы отстоять свободу и независимость моей Грузии. У меня не было ни армии, ни оружия. Я не успел ее создать. В этом вся моя трагедия. Короче, я оказался в лапах этой самой «мохнатой руки», которой двигали из уютных кабинетов КГБ и МВД Москвы. Не успел я тогда заговорить о создании собственной национальной гвардии, тут же позвонил Б. Пуго. Тогдашний министр внутренних дел СССР настойчиво советовал не делать этого, и не без раздражения предупредил, если я ослушаюсь его советов, то последствия «оргвыводов» и для меня, и для моей семьи могут быть весьма и весьма печальными. Ни Горбачев, ни Шеварднадзе, ни Пуго, ни другие политические деятели того времени никак не могли расстаться с иллюзиями, что Грузия – часть СССР, что все вернется на круги своя, как только примерно будет наказан непослушный Президент. В таком положении кто бы мог сделать больше, чем я сделал? Тем более, что в той ситуации, когда коммунистический аппарат внутри самой Грузии тихо саботировал любую свободную мысль, с надеждой ждал возвращения своего «партийгенесса» Шеварднадзе. Конечно, ему одному не удалось бы осуществить своих коварных замыслов, не окажи ему поддержку центр и руководители остальных бывших советских республик своими равнодушными молчаниями, когда на нас двинулся беспредел. В принципе мне не приходилось рассчитывать на их поддержку, поскольку я прекрасно знал, что все они были бывшими партократами. А тогда я был единственным Президентом, который не был не только в партии, но и в комсомоле. Есть теперь Эльчибей, но он станет Президентом намного позже, а потому мне было известно, что мои новые новоиспеченные коллеги, как бы они не нарекали себя Председателями или Президентами, глядели на меня как на белую ворону и никак не могли смириться с тем, что у руля власти в Грузии оказался человек не их клана.

А в те печально-известные дни, когда мне и моей семье пришлось остановиться на 4 часа в Азербайджане, и 9 суток в

Армении, например А. Муталибов – тогдашний Президент Азербайджана не соизволил поговорить со мной даже по телефону, а по многим признакам поведения президента Армении Л. Тер-Петросяна было очевидно, что он ждет и не дожидется, когда же мы покинем его территорию. Спасибо армянам, единственное, что хорошего сделали для меня, это документ, согласно которому я не вез с собой никаких государственных миллионов. Ни тогда, ни теперь ни один из них даже не подумал о том, что рано или поздно события, происходящие у нас могут вспыхнуть в России, а затем во всех других республиках. Вспомните историю, Грузия всегда была испытательным полигоном для России и все, что начиналось у нас, совершенствовалось в России, а затем возвращалось к нам и в другие регионы, как в свое время большевистский террор, Сталин и Берия... А потому и правые и левые, и председатели и президенты во всех республиках, входящих в СНГ даже не входящих должны помнить о том, что пока будет существовать эта страшная «мохнатая рука» центра, а она нашла теперь благодатную почву в недрах России как правопреемницы СССР, с ее неограниченными возможностями, никому из них спокойной жизни не будет и «век свободы не видать!»

Наивные, расстерянные западные эксперты и журналисты думают, что ее уже нет, и поэтому освещают сегодняшние события в Грузии, естественно, не без усердия Шеварднадзе, в направлении противоположной происходящему. Успели окрестить они меня и диктатором, и нарушителем человеческих прав, хотя при мне только в Тбилиси издавалось более двадцати оппозиционных мне газет, теперь упорно не хотят видеть деяния палача Шеварднадзе, даже то, что его сподвижники превратили церкви в обыкновенные морги, как например, Цаленджихскую. Мало того, торгуют трупами своих противников, особенно абхазцев, уступая их родственникам “всего лишь” по 50 тысяч рублей. Не волнует их даже и то, сто господин Шеварднадзе засучив рукава взялся за возрождение коммунистического тоталитаризма, против которого они боролись все 70 лет. Сейчас в Грузии преступниками объявляются люди, не разделяющие их политические взгляды. Арестовывают мать за то, что она разделяет мнение дочери, или

отца за то, что он не выдал властям единственного сына. Не дай бог, у кого-нибудь обнаружат мою фотографию, тут же последует такое, что не снилось украинскому партизану в годы оккупации их земель гитлеровскими фашистами. Массовый террор при полном беззаконии, сегодня, к сожалению, на моей родине становится явлением обыкновенным. Самое поразительное, что все развивается по точному сценарию 1937 года, а мир, как всегда, хранит безмолвное молчание. Сегодняшние грузинские поголовные репрессии и геноцид собственного народа когда-нибудь обернутся страшной бедой и для других народов, а также для их демократических завоеваний. Ибо мы, бывшие советские человечики, как никто на собственных шкурах испытывали на протяжении 70 прошедших лет, какими бывают заразительными дурные примеры. Поэтому, моя теперяшняя деятельность направлена на то, чтобы рано или поздно обо всем этом, и о злодеяниях палача Шеварднадзе, узнал весь мир...

Д. Садырбаев: Великодушно, простите меня, Звиад Константинович, но в отсутствии вашего оппонента выслушивать в его адрес эти, не всегда парламентские выражения, меня, постороннего человека, ставит в неловкое психологическое положение...

З. Гамсахурдиа: Это конечно, так. Но что же я должен говорить по-вашему о господине — человеке, который панически боится любых встреч со мной. Лично я всегда смотрел ему в глаза, когда он не раз арестовывал меня будучи шефом КГБ в Грузии и прятал за решетки. А теперь он трусливо увиливает не только от прямого диалога со мной, но и от дебатов на расстоянии.

Д. Садырбаев: Может быть...

З. Гамсахурдиа: Конечно. Потому что этот господин чувствует, как он неправ и передо мной, и перед грузинским народом. Самое главное: ох, как он боится правды. И я не намерен прекращать свою борьбу, при малейшей возможности буду говорить людям о творимых им и его окружением кровавых злодеяниях. В этой борьбе, должен вам сказать, я не одинок. Сотни тысяч людей поддерживают меня, и вы без особого труда убедитесь в этом, если познакомитесь вот с этими

письмами, телеграммами, требованиями, заявлениями и другими интересными документами, опубликованными как внутри нынешней Грузии, так за ее пределами. Кстати, можете использовать их по своему усмотрению, если вздумаете что-нибудь написать о нас. Я вам их дарю, эти номера различных изданий, которые не все и не всегда отличаются лояльностью к моей персоне...

Д. Садырбаев: Выходит, бесполезно уговаривать Вас плюнуть на все эти политические игры, даже на власть и вернуться к своей изначальной профессии – к литературе, с какой целью собственно говоря, я и добирался до Вас?..

З. Гамсахурдия: Ну что вы, не могу я «плюнуть» на доверие моего народа, на доверие людей 8 районов республики, которые даже под дулами автоматов не стали участвовать во втором «Эдуарде Шоу», устроенном его сторонниками по случаю его выбора в Госсовет. Первый «шоу» они показали вокруг Тбилисского телецентра. Что касается моей литературной деятельности, то я с ней никогда не расставался. Даже здесь пишу, правда, вместе с другими авторами, «Белую книгу» моего народа, которая будет в роде грузинского архипелага ГУЛАГ, которая сразу на нескольких языках, в том числе и на русском, скоро станет достоянием всей мировой общественности.

Д. Садырбаев: Ну, хорошо. В таком случае, удалось ли Вам проанализировать ошибки Президента-Гамсахурдия, а они у Вас, я думаю, были, иначе не сидели бы мы с Вами здесь...

З. Гамсахурдия: Конечно. Ошибки бывают у всякого человека. Моя главная ошибка была в том, что я проявлял излишний либерализм, и тем самым позволял преступным силам действовать нагло. Так считаю не только я, так считают многие. Но действовать иначе было бы не по моим правилам, поскольку по своей природе и специальности я не палач и не каратель. Хотя, как раз эти качества приписали мне, дескать, у меня тирания, диктатура и террор. Где вы видели такую диктатуру, чтобы выходило 25 оппозиционных газет, которые денно и нощно ругали бы Президента и парламент, поносили бы их, клеветали на них? При мне все это было.

Д. Садырбаев: А приспособления, обнаруженные в подвале вашего Дома пыток, показанные по Центральному телевидению?

З. Гамсахурдиа: А вам не приходило мысль о том, что все это могло быть жалкой фальсификацией? Ведь мое имя обливали помоями лишь тогда, когда я уже не мог защитить себя на государственном уровне, не какие-нибудь только что учрежденные редакции самодеятельных газет, а мощная машина идеологической дезинформации достигшая в своем профессионализме до совершенства за годы коммунистического правления, а теперь оставленная тем, кто с самого начала не питал особых симпатий ни к моей персоне, ни к грузинскому суверенитету. Так что, пусть бог и время будут судьями нашим поступкам и деяниям. Я верю и в Бога, и потустороннюю жизнь, а также в справедливость Божьего промысла. Пусть он и воздаст должное и мне, и тем кто творит зло, насилие, совершает убийства и предательства...

Д. Садырбаев: Звиад Константинович! Уместно ли будет для Кавказа мое сравнение, я не знаю. Но по многочисленным литературным произведениям, а также историческим документам сделал для себя заключение, что приход к власти у нас, на Среднем Востоке, даже самых ученых мужей, самых талантливых поэтов, самых глубоких мыслителей не приводили народ к всеобщему процветанию, а сами правители, если они из этой среды, почти всегда заканчивали свое царствование либо трагически, либо изгнанием... Не задумывались ли Вы над этой закономерностью?

З. Гамсахурдиа: Вы привели очень правильное сравнение и для народов Кавказа. Как бы больно не было, вынужден признать и в наши дни повторяется то, что происходило во все времена, во все века у всех народов, когда к власти приходили человеколюбящие, жизнеутверждающие, миролюбивые, разумные существа, тут же спровоцировались братоубийственные столкновения, обесценивались духовные ценности, демократические начала превращались в законы джунглей амбициями властолюбивых, гениально-посредственных личностей. Так было у нас, так, наверное, и у

вас. Тому пример: судьба уважаемого мной поэта Востока – Алишера Навои. Нечто подобное случилось и у нас. Ведь я получил президентство в той стране, где десятилетиями формировалась государственная структура, где массовым тиражом печатались копии сероуборомалиновых руководителей, которых одним махом не устранишь.

Не имея выбора, я вынужден был даже назначать их на ответственные государственные должности. Вот они-то и решили судьбу демократии у нас, пока, на сегодняшний день... Но я еще не теряю надежды, а надежда, как вы знаете, умирает последней...

Д. Садырбаев: Скажите пожалуйста, что Вам известно о нас, о кыргызах?

З. Гамсахурдиа: Если честно, немного. Как многоопытный заключенный могу сказать: камера и тюрьма очень сближает людей. Так и наши народы – кыргызы и грузины на многие десятилетия были повязаны единой судьбой. И сейчас, я думаю, нет повода разниться. В свое время мне, как диссиденту был закрыт путь даже писателю Чингизу Айтматову, хотя он в зените своей славы написал о моем отце, о Константине Гамсахурдиа, статью, как о великом грузинском писателе. Большое спасибо ему. В то же время мне очень жаль, что ни Айтматов, ни другие казахские, кыргызские, узбекские, таджикские интеллигенты не знают о том, что бандиты и уголовники Шеварднадзе разрушили дом-музей того писателя Константина Гамсахурдиа, ограбили имущество, уничтожили бесценный архив и продолжают осквернять его могилу, находящуюся на территории дома-музея. Такие же участи достигаются и другие национально-культурные ценности. Если мировая общественность сейчас не подаст свой голос, то через год и два будет поздно, исчезнет с лица земли вся грузинская культура невосполнимыми утратами для всей мировой культуры. Вот почему я настойчиво прошу вас сообщить мне координаты Ч. Айтматова с великой надеждой, может ему удастся остановить варварство вооруженных группировок и разгул коррумпированных кланов, которые лишившись своих прежних привилегий, своего коммунистического рая, провели часть народа за собой для того, чтобы разрушать все, что

попадется под руку, которые, к несчастью, пока еще побеждают.

Д. Садырбаев: Уважаемый Звиад Константинович! Мне очень трудно определить свое отношение и место в ваших событиях, поскольку я тоже знаю о них ничтожно мало. Кроме того, мне не хочется принимать как вашу сторону, так и сторону ваших противников в этой жестокой политической борьбе. Но, к любым событиям, происходящим вокруг меня я всегда имел собственное видение и выражал свое отношение. Сейчас мне, например, не под силу такой дудаевский благородный жест, чтобы предложить Вам и вашей семье государственную защиту. Единственное, что я могу просить у вас, отдайте мне пожалуйста, одного ваших сыновей. Я сумею воспитать его, чтобы он ни в чем нужды не знал. А в связи с неимением у нас в Бишкеке грузинских школ, он будет учиться как и многие дети кыргызов на русском языке. Я не собираюсь усыновлять его на совсем. Будет жить в моей семье, с моим сыном, как сын моего приятеля Звиада Константиновича Гамсахурдиа. Если Бог даст, когда-нибудь фортуна повернется к вам лицом, Вы сможете забрать его в любое время дня и ночи. Что вы скажете на это?

З. Гамсахурдиа: Скажу огромное человеческое спасибо. Если честно, не исключаю и такое развитие событий, ибо недавно в Грозном арестовали террориста, засланного из Грузии, который готовил покушение и на Дудаева, и на меня. Кроме того, я получил предупреждение, что в Тбилиси создано и заслано сюда для моего уничтожения несколько террористических групп. От хунты всего можно ожидать. Так что, дайте мне ваши координаты, очень серьезно мы обсудим ваше предложение всем семейством. А от себя лично я еще раз благодарю Вас.

**Көз карандысыз мамлекеттер ынтымагына катышкан
Парламенттер аралык Ассамблеясынын билдирүүсү**

Граждандарды социалдык коргоо жөнүндө:

Ынтымакка катышкан мамлекеттердин Парламенттер
аралык Ассамблеясы,

ООНдун адам укуктары жана милдеттенмелери боюнча негизги документтеринде негизделген, Көз карандысыз Мамлекеттер Ынтымагын түзүүдө кабыл алынган принциптерди жактай тургандыгын ырастап,

Ынтымактын мамлекеттерине жүргүзүлүп жаткан мамлекеттик реформалар жана экономикалык кайра түзүүлөр адам укугу жана граждандарды социалдык коргоону камсыз кылуу жагынан жаңы мамилелерди жана макулдашылган иш-аракеттерди талап кыла тургандыгын белгилеп,

Ынтымактын мамлекеттеринде түп-тамырынан бери социалдык-саясий өзгөрүүлөр болуп жаткандыгын таанып,

Ынтымакка катышкан мамлекеттик органдарга төмөнкүдөй багыттар боюнча кошумча чараларды көрүү сунушу менен кайрылат:

граждандык маселелери;

калктын айрыкча жакыр топторун социалдык жактан коргоо;

менчикти коргоо институтун уюштуруу;

калктын миграциясы;

качкындар проблемасы;

табият кырсыктарынын, экологиялык кыйроолордун, эпидемиялардын кесепетин жоюу.

Бул проблемаларды чечүү боюнча макулдашылган аракеттердин жоктугу граждандардын укугун кысат, демократиялык кайра түзүүлөргө коркунуч келтирет жана кеңири масштабдагы экономикалык жана социалдык реформаларды ишке ашыруу үчүн тоскоолдуктарды түзөт.

Парламенттер аралык Ассамблея мамлекеттик органдарга:

Ынтымактын башка мамлекетинин аймагында туруктуу жашаган Ынтымактын мамлекеттеринин граждандарына ал мамлекетте туруктуу жашаган граждандар менен бирдей социалдык-экономикалык укуктардан пайдаланууну жана алар менен бирдей укуктук коргоонун камсыз кылууну;

улуттук мыйзамдарга ылайык граждандык алуу жана өз жолун эркин тандап алуу үчүн шарт түзүп берүүнү;

макулдашылган социалдык саясатты иштеп чыгууну жана жүргүзүүнү камсыз кылууну;

өз аймагында менчик укугунун сакталышын
гарантиялоону;

алардын аймагын таштап кеткен качкындардын алдында
мамлекеттин материалдык жана моралдык жоопкерчилигин
таанууну;

качкындарга шашылыш жардам көрсөтүү боюнча
мамлекеттер ортосунда атайын фонд түзүүнү;

табият кырсыктарынын, экологиялык кыйроолордун,
эпидемиялардын кесепеттерин жоюуда жардам көрсөтүү
механизмин иштеп чыгууну сунуш кылат.

Парламенттер аралык Ассамблея Ынтымакка катышкан
мамлекеттерде адам укугун ишке ашыруу бардыгын жасай
берүүгө, баш аламандыкка, кызмат абалынан кыянат
пайдалануучулукка, зомбулукту пропагандалоого, коомдун
моралдык негизин бошондотууга алып келүүгө, тиртипке жана
туруктуулукка, суверенитетке, Ынтымактын мамлекеттеринин
аймактык бүтүндүгүнө коркунуч келтирүүгө тийиш эмес.

Ассамблея Кеңешинин Председатели Р.Хасбулатов

Бишкек шаары, 1992-жылдын 15-сентябры

**1992-жылдын 15-сентябрында Парламенттер аралык
Ассамблеянын заседаниесинде жактырылган ынтымакка
катышкан мамлекеттердин улуттук мыйзамдарын
жакындаштыруунун негизги багыттары**

Көз карандысыз Мамлекеттер Ынтымагына катышкан
мамлекеттердин Парламенттер аралык Ассамблеясы
Ынтымактын алкагында жалпы экономикалык мейкиндикти
укуктук камсыз кылуунун, социалдык жана башка
процесстерди жөнгө салуу процессиндеги юридикалык
коллизияларды болтурбай коюунун жана четтетүүнүн
зарылдыгын туура деп табат. Парламенттер аралык Ассамблея
Ынтымактын бүткүл мейкиндигинде ээлик кылууну, чарбалык
иш жүргүзүү жана эркин соода кылуу, экологиялык коопсуздук,
ошондой эле граждандардын укуктарынын жалпы
гарантияларын түзүү үчүн кыйла жагымдуу жана бирдей
укуктук шарттарды түзүүгө ар тараптан көмөк көрсөтүүнү
өзүнүн максаты кылып коёт.

Парламенттер аралык Ассамблея төмөндөгү багыттар боюнча:

ишканалардын жана башка чарба жүргүзүү субъектилердин статусу жана алардын ишинин жалпы шарттары;

жалпы энергетикалык системаны жана ядролук энергетиканы укуктук жагынан камсыз кылуу;

мамлекеттер аралык транспорт системаларынын укуктук режими;

товарлардын, финансы каражаттарынын мамлекеттердин ортосунда жүгүртүлүшүнүн шарттары жана өз ара эсептешүүлөрдүн жалпы тартиби;

бажы эрежелери жана тарифтери;

жумушчу күчтөрүнүн бир жерден экинчи жерге кетишинин негизги шарттары жана кызматкерлердин эмгектик жана социалдык укуктарынын гарантиялары;

мамлекеттердин ортосунда маалымат алмашуунун шарттары жана тартиби;

жаратылыш ресурстарын сарамжал пайдалануунун жана экологиялык коопсуздуктун негизги принциптери;

чет өлкөлүк инвестицияларды жана валюталык жөнгө салууну кошкондогу тышкы экономикалык иш;

ойлоп табуулар, ачылыштар, өнөр жайлык үлгүлөр жана товардык белгилер боюнча улуттук мыйзамдарды жакындаштырууну жүзөгө ашырууну максатка ылайык деп табат.

Улуттук мыйзамдарды жакындаштыруу боюнча ишти жалпы концепцияларга негиздеп, бул ишти мүмкүнчүлүгүнө жараша тиешелүү актыларды бир убакта кабыл алууну камсыз кылуу менен макулдашкан түрдө жүргүзүү сунуш кылынат.

Улуттук мыйзамдардын ортосундагы карама-каршылыктарды четтетүү максатында Парламенттер аралык Ассамблея жана Жогорку Кеңештер (парламенттер) Парламенттер аралык Ассамблеянын сунуш кылуу мүнөзүндөгү (моделдик) мыйзам актылары, кабыл алынган, ал эми зарыл учурларда даярдалып жаткан мыйзам актылары жөнүндө өз ара маалымат алмашуу, мыйзам чыгаруу маселелерин биргелешип талкуулоо, мыйзамдарды жакындаштыруу маселелерин Ынтымактын координациялык

институттарында кароо, илимий конференциялар, мыйзамдарды жакындаштыруунун жолдору жана ыкмалары жөнүндө окумуштуулардын сунуштары сыяктуу иштин түрлөрүн пайдаланат.

Биргелешкен рынокту калыптандырууга жана анын иштешине тоскоолдук кылган олуттуу айырмачылыктарды мыйзам түрүндө жөнгө салуу байкалган учурда Жогорку Кеңештердин (парламенттердин) Председателдеринин Консультативдик кеңешмеси аларды жоюу боюнча сунуштарды даярдоонун мөөнөттөрүн жана тартибин аныктайт.

Көз карандысыз Мамлекеттер Ынтымагына катышкан мамлекеттердеги мамилелерди укуктук жөнгө салуудагы мыйзам ченемдүү актылардын маанилүү ролун эске алып, Ынтымактын Мамлекеттеринин Башчыларынын Кеңешине мыйзам ченемдүү актыларды өз компетенцияларына ылайык макулдаштыруунун жана жакындаштыруунун жолдорун жана ыкмаларын талкуулоо сунуш кылынсын.

***Ассамблея Кеңешинин Председатели Р. Хасбулатов
Бишкек шаары, 1992-жылдын 15-сентябры***

АЧЫК АЙТЫП, АК СҮЙЛӨШӨЛҮ

Орусиянын Жогорку Кеңешинин төрагасы

Руслан Имранович Хасбулатов менен маек

Д.Садырбаев: Урматтуу Руслан Имранович! Мен мурдагы профессионал кинорежиссер, республиканын мурдагы эл артисти, азыр жумушсуз жүргөн, кыял-жоругум, сүйлөгөн-турганым баарына эле жага бербеген, алыма жараша кыйла татаал тагдырдын ээси – Дооронбек Садырбаев деген кыргыз боломун. Сиздин Орто Азиядан өсүп-өнүп, кийин борбордон эки жогорку окуу жайын бүтүрүп, 34 жашыңызда илимдин доктору, 36 жашыңызда кафедра башчысы, профессор бөлгөнүнүздөн тартып, кийинки жылдардагы саясий карьеранын тепкичтерине көтөрүлгөнүңүздөгү чейинки маалыматтардан азын-оолак кабардармын. Сиз менен бир маектешсем деп тилек кылып жүрчү элем, ошого он-он беш мүнөт убакыт таба алаар бекенсиз деп келдим эле. Бирок, бир маселенин башын ушу баштан ачып алганыбыз абзел. Жаза тайып маектешип калсак, аны кайсыдыр бир экранга чыгарып же гезитке бастырам деп убада беришим кыйы. Балким биздин маегибиз менин оздүк архивимде эле кала бериши да ыктымал...

Р. Хасбулатов: Каршылыгым жок. Чынын айтсам, экс-чемпион, экс-президент, экс-төрага дегендер менен учурашып жүргөнүм бар, бирок, экс-эл артисти дегенди биринчи угушум. Кыязы, мунун артында кандайдыр бир купуя сыр катылып жаткан болуу керек. Минтип чү деген жерден эле санаага бүлүк салып койгондон кийин, 10-15 мүнөт убакыт таап сиз менен маектешпесем, өзүм дагы меймандос кыргыз жеринен кыжаалаттанып кеткидеймин. Бир гана шартым: мынча болгондон кийин ортодон өткөн сөздүн маанисин өйдө-төмөн

жыра тартып, бурмалап ийбестен, болгонун болгондой ачык айтып, ак сүйлөшөлү...

Д. Садырбаев: -Шаргыңызга көндүм.

Р. Хасбулатов: Анда кулагым сизде...

Д. Садырбаев: - Мектепте же жогорку окуу жайларында окуп жүргөн жылдарыңызда жаза тарткан элдин, ырысы кыйылган элдин кулуну катары кимдир-бирөөлөр тарабынан басмырланып, кемсингениңизди сезип, кейиген маалдарыңыз болду беле?

Р. Хасбулатов: Жок, андайды сезбегенимди мен дайыма эле айтып жүрбөймүнбү. Бир көчөдөгү кошуналарыбыз: орус, кыргыз, өзбек, казактардын мен курактуу балдары эмнени көрсө, мен дагы ошону көрүп өстүм. Ырас, согуштан кийинки биздин балалыгыбыз телегейи тегиз, май көл-сүт көлдүн жээгинде өттү деп да айта албаймын. Ал кезде улутубузга, жынысыбызга карабай, бардыгыбыздын эле шыбагабыз бирдей болгон. Бирок, чиедей болгон кыпкызыл балдарын колтугуна кысып бөтөн жер, бөтөн элге келип, өоздорун карманып, ач-жылаңач отуруп калган ата-энелерибизди мээрман казак эли бооруна тартып, бир чөйчөк сүтүн, бир сындырым нанын бөлүшүп жеп, жамандык-жакшылыкта жөлөп-таяп турбаса, биздин элибиз тукум курут болуп кетиши эч кеп эмес эле. Казак менен кыргыздын жакшылыгын унуткан чечен, балкар, карачай, ингуштардын дили өрттөнбөйбү, жети атасына дейре наалатка жыгылып. Ошондуктан, мектепте окуп жүргөнүмдө казак жаштарынын катарында, ал турсун, саал алардан оозуп жөнөгөнүм үчүн эч ким менин тизгинимди тартып өгөйлөгөн эмес. Кийин жогорку окуу жайында окуп жатканымда деле ошондой болду, бирок, жокчулуктун айынан кысылып-кыйналганым бар. Күндүз окуп, түн ичинде темир жол станциясына барып, көмүр, темир, цемент түшүрүп же жүктөп күн көрөөр элек. Бирок, бул дагы менин чечен улутунун уулу экендигимден эмес, мага окшогон жөлөп-таяй турган белдүү тууганы жоктордун башына түшкөн замандын каатчылыгынын кесепети болучу. Анын үстүнө, Сталиндин көзү өткөндөн кийин сүргүнгө айдалган элдер акталып, “Совет эли – достуктун, бир туугандыктын, ынтымактын эли” – деген чакырыктын астында жашап жаткан мезгилге туура келип

калбадыбы, менин студенттик жылдарым. Ошондуктан, чечендигим үчүн кимдир-бирөөдөн басмырланып, кыдык көрдүм деп айтышым кыйын...

Д. Садырбаев: Анда өткөнүңүзгө жана азыркыңызга аябай ыраазы турбайсызбы...

Р. Хасбулатов: Жок, антип дагы айта албаймын. Саягы, чыгыш элдеринин “армансыз адам болбойт жер бетинде” – деген макалын унутуп калган өңдөнөсүз...

Д. Садырбаев: Кечиресиз, бүткүл дүйнөнү титиретип турган мухиттей болгон эбегейсиз зор, эбегейсиз бакубат өлкөнүн Жогорку Кеңешин каалаганындай калчап турган, бүгүнкү күндүн кыска элинин кыйырына, узун элинин учуна дейре аттын кашкасындай таанымал саясий жетекчинин дагы арыз-арманы, кейиш-муну бар дегиниз келеби?

Р. Хасбулатов: Ананчы. Мени деле сизди төрөгөн энедей эне төрөп, сиз билгенди билип, сиз көргөндү көрүп жүргөн, сүйүнүчкө да, күйүнүчкө да жөндөмдүү өзүңүз өңдөнгөн эле бир пендемин да...

Д. Садырбаев: Анда акыркы кездеги кейип-кепчиген учуруңузду бирар-жарымын айтып бере аласызбы?..

Р. Хасбулатов: Айт десеңиз, айтып деле бере алам. Жакында жакшы көргөн бир таажем ааламдан өтүтүр. Грозныйга самолет каттабай калганын өзүңүз жакшы билесиз. Кызмат даражама жараша өзүмө бөлүнгөн самолет менен учуп барайын десем, эртеси эле бүткүл ааламга: “Хасбулатов минтти, Хасбулатов тигинтти” – деген үч уктаса түшүмө кирбей турган өөдө-төмөн ушак-айың “дүңк” эле дей түшпөйбү... Поезд, же машине менен барайын десем, топурак салганга жетише турган эмесмин жолдун алыстыгынан. Өзүңүз айткандай, “дүйнөнү титиреткен эбегейсиз зор өлкөнүн” эки жетекчисинин бири – ааламдан өткөн жакын адамынын арбагына багыштап куран окутуп, топурак салбай калганы – кордук эмей, кейиш эмей эмне? Бүткүл өмүрүмдөгү мындай кейип-кепчиген маалдарымды айта берсем, сизди тажатып ийишим ыктымал. Кийинки жылдардын ортосундагы эле кендиirimди кескен эн ири үч шыбагамды айтып берейин... Анын эң биринчиси – баягыда РСФСРдын эл депутаттыгына шайланганга

макулдугумду бергендигим. Экинчиси – Борис Николаевичтин биринчи орун басары болгонумда, үчүнчүсү – С.Бабури менен Жогорку Кеңештин Төрагасынын ордун талашып жеңип алганда, өз башыма үйдөй балээни үйүп алган экенмин. Бирок, баарыбыз эле ысык жан пенде эмеспизби... Сага ишеним артып, артында турган жумурай-журттун, үзөңгүлөш жолдошторундун үмүтүнө ниет булгап, калыптанып калган көз карашынды сындырып, таштай качып: “Мен өзүмдү өзүм билет элем, өтүгүмдү төргө илет элем” – деп баса беришин да кыйын экен. “Эрдин сөзү өлгөнү – өзү өлгөнү” – дегендей, өзүм эмне болсом ошо болоюн, илгери үмүтүм, көздөгөн максатым өлбөсө болду деп, оозуна алы келбегендин опузасына, ариетиме түкүргөндүн акааратына кулакты жапырып коюп, мойнума тагылган милдетти аткаруунун убарасында жүрөм күндөптүндөп. Кызматыма дагы эрте кетип кеч келемин үй-бүлө, бала-чакамдын “Качан биз эл катары жашайбыз” – деген суроосуна жооп бергенден заарканып. “Аттын кашкасындай таанымал” саясий жетекчинин тагдыры суктана турган бекен?..

Д. Садырбаев: Андай тагдыр башыман өтпөгөндөн кийин анын жакшы же жаманына баа беришим кыйыныраак болуп турат. Бирок, бир сөзүңүз мени тынчсыздандырып койду... Ушу сизди опузалаганга да батынгандар барбы?

Р. Хасбулатов: Бар эмей. Акыры келип киши колдуу болуп кетпешиме деле көзүм жетпейт.

Д. Садырбаев: Коюңузчу болбогон сөздү. Кудай сактасын.

Р. Хасбулатов: Айтканыңыз келсин деңизчи... Бирок, беш кол барабар эместигиндей, мурдунан тынгандын баары эле сиз өңдөнүп Хасбулатовду ичинен жактырып отурган жери жок. Көзүндө огу болсо, азыр эле атып салганга даярлар дагы бар. Кайра-кайра телефон чалып, коркутуп-үркүтүп бала-чакамдын тынчын кетиргендери канча. Бирок, качандыр бир кезде киши колдуу болушум ыктымал деп жүрөгүм түшүп, бара жаткан багытымдан кайра тартайын деген ой үч уктасам түшүмө кирбейт.

Д. Садырбаев: Демек, үч күндөн бери биздин Бишкекте отуруп алып, өлгөн Союзду тирилте турган кенешменин

тушоосун кескен, КМШнын мамлекеттеринин парламенттеринин туруктуу ассамблеясынын багытынан дагы кайра тартпайт турбайсызбы?

Р. Хасбулатов: Албетте. Бул биринчиден, “өлгөн Союзду тирилтүү” эмес. Саясий, экономика, чарбалык жагдайдагы үзүлгөн байланыштарды кайра улап, элдердин ынтымагын ширетип, азыр баарыбыз кириптер болуп отурган жакырчылыктан биргелешип кутулалы деген аракет. Экинчиден, Бишкекке чогулган парламент башчыларынын ойлогон ой, көздөгөн максаттары бир жерден чыгып, “жарандарды социалдык жактан коргоп, адам укугун урматтайлы” деген ыкластуу документтерди иштеп чыкканы жатса, неге мен андан кайра тартышым керек...

Д. Садырбаев: Качандыр бир кезде Борис Ельцин, Руслан Хасбулатов, Аскар Акаев саясий аренадан четтетилип калышы ыктымалбы?

Р. Хасбулатов: Албетте. Куду сиз айткандай болоорунан күмөн санабай коё берсеңиз деле болот. Эртедир-кечтир андай күн келбей койбойт.

Д. Садырбаев: Анда бир жагдайга көз чаптырып көрөлүчү. Өзүнүз өңдөнгөн демократтардын аң-сезимине, бийлигине, адамгерчилигине ылайыктап, “өлдүм-талдым” деп атып, ажырашып кеткен мамлекеттерди кайра жараштырып, экономикалык, чарбалык, саясий байланыштар менен кайрадан чырмап койдунар дейли. Жаза тайып, силерден кийин бийлик ашкере мыкаачынын колуна тийип калса, биздин кыргыз, өзүнүздүн чечен өңдөнгөн чакан элдердин колу-бутун кишендеп, кайрадан улуу элдердин барымтасына байлап бергендей болуп калаарынан коркпойсузбу?

Р. Хасбулатов: Корком. Ошо коркконум үчүн ассамблеянын алгачкы заседаниесин эң сонун алып барган сиздердин парламенттин башчысы Медеткан Шеримкуловичтин жигердүү сунуштарын башынан аяк колдоого аргасыз болуп отурбаймынбы, алардын айрымдары ансыз деле чачыман көп түйшүгүмө түйшүк кошуп жатканына карабай. Биз азыр баарыбызга ылайык келе турган телегейи тегиз айкөл жетекчини издебестен, адилеттикти туу туткан

демократиялык коом жана ага багыт бере турган кынтыксыз мыйзамдарды издешибиз керек. Мыйзам алдында президент да, кара жумушчу да бипбирдей жооп бере турган коомду негиздөөгө үлгүрө алсак, анда бийлик, сиз айткандай, мыкаачы диктатордун колуна тийген күндө да адам укугун тебелеп-тепсеп, өз билгенин жасай албай калат. Демократиянын даамын татып калган эл кайсыдыр бир диктаторго намысын тебелеттире да койбойт. Жалгыз адамдын укугу урматталып жаткан коомдо чоң улуттун да, чакан улуттун да укугу урматталышы эки жерде эки төрт дегендей эле оодарылбас-чайпалбас чындыктай юолушуна жетели деген тилек. Мындай ар кыл мамлекеттердин, ар кыл элдердин тагдыры таразага салынып жаткан чечимдерди жүз пайыз адил чечим болгон күндө да бир мамлекеттин, ал өзүнүз айткандай, “бүткүл дүйнөнү титиреткен” мамлекет болсо да, ошонун аймагында кабыл алып коюу чекилик болоор эле. Ошону үчүн илгери үмүт менен чогулдук сиздердин “Орто Азиядагы демократиянын бешиги” аталган Бишкек шаарынарга.

Д. Садырбаев: Сиздердин бул демилгени Борис Николаевич кандай кабыл алаарынан кабарыңыз барбы?

Р. Хасбулатов: Кабарым жок, бирок, турмуш чындыгын Борис Николаевич эч кандай боёгу жок, дал өзүндөй кабыл алганга кудурети жетээринен ишенемин. Башкасын коёюн, ассамблеянын заседаниелеринин ортосунда Азербайжан менен Армениянын парламент башчылары жарашууга ыклас кылып, биздин көзүбүзчө кучакташып коштошконун айтсам, Борис Николаевич кантип кубанбасын. Акыры төрт-беш жылдын аралыгында азербайжан менен армениндин кучакташып көрүшкөнүн көзүбүз көрмөк түгүл, кулагыбыз укпаганы калппы? Демек, “чү” деген эле жерден жоолашып жаткан эки элдин өкүлүнүн жарашууга жасаган ыкласын тутандырган, алдыда дагы далай жакшына тилектери бар кеңешменин багытынан менин да, Борис Николаевичтин да кайра тарта турган эч себеби жок.

Д. Садырбаев: Кечиресиз, Руслан Имранович, Борис Николаевич демекчи, кийинки кезде Россиянын айрым басма сөздөрү а киши экөөңөрдүн ортоңорго от жагып,

эптен эле кагыштыруунун аракетин кылып жатат. Буга не дейсиз?

Р. Хасбулатов: Кадырыңыз жан болсун. Биз кагышпайбыз.

Д. Садырбаев: Кээ бир гезиттер сизди ачыктан ачык эле президентке “оппозицияга” чыгарып коюп атышпайбы...

Р. Хасбулатов: Чыгара беришсин, бирок, менин эч качан оппозицияга чыкпасымды Борис Николаевич жакшы билет.

Д. Садырбаев: Анда бийлигинизден пайдаланып, күнү куру эмес туш-тушуңуздан жыра тартып аткан “кабарчылардын” жаагын жап кылбайсызбы?..

Р. Хасбулатов: Жо, жок. Өмүр бою зомбулукка каршы күрөшүп келип, эми колумда бийлигим турганда мени андай жолго айдабаңыз... Анын үстүнө Борис Николаевичке өлкөдөгү реформа иштерин алга жылдыруусуна мен көмөктөшпөсөм, ким көмөктөшөт? Ошондуктан, кээде Борис Николаевич тарапка карай атылган сын жебеге өз көкүрөгүмдү тосуп берүүгө туура келип атат. Болбосо, ошол эле “жебелер” Борис Николаевичтин намысына тийип, аны маанилүү ишинен агалды кылат болчу.

Д. Садырбаев: Демек, президент менен мамилениз “канааттандыралык” деңизчи?

Р. Хасбулатов: Албетте. Ырас, Борис Николаевич да көп кырдуу мүнөз, татаал тагдырдын ээси. Кудай жалгап, биздин арабызды кара мышык аралап өтө элек. Өткөн күндө да мен эч убак ага чыккынчылык кылбаймын. Жаза тайып көз караштарыбыз төп келишпей калса, жакшылыкча эле отставкага кетип, эч кандай саясатка катышпай карапайым адам катары мандайыма жазылганын көрүүгө даярмын.

Д. Садырбаев: Өзүңүздүн эң жакшы коргон ниеттеги шакирттериңизден сизди сатып кеткендери болдубу?

Р. Хасбулатов: Албетте, болду.

Д. Садырбаев: Анда да кейийсизби?

Р. Хасбулатов: Кейибегендечи... Өзүм үчүн эмес, мен өзүмө жараша шыбагамды алдым да, андай шакиртим эми мага окшогон дагы далай ишенчээк инсандын дилин карартаарын ойлоп, албетте, кейийм, андай шакиртти тарбиялап эл аралатып ийгениме бушайман тартам...

Д. Садырбаев: Баса, президент Джохар Дудаевди өз шакирттериңиздин катарына кошо аласызбы?

Р. Хасбулатов: Жок, мурдатан андай жакынчылыгыбыз болгон эмес. Чынын айтсам, президент болгондон кийин гана таанышып жүрөбүз. Кээ бирөөлөрдүн “эки чечендин купуя байланыштары бар” дегени кызылдай жалаа. Андай ыпластыктан кудай алдында да, жумурай-журт алдында да тазамын. Ырас, баягыда Чечнянын мурдагы обкомунун биринчи секретары Завгаевди кызматынан алып жатканда, көпкө дейре маектешкенибиз бар. Кыйла маселелер боюнча пикирлерибиз деле кайчы чыккан эмес. Элибиз үчүн бир топ жигердүү иштерди биргелешип иштемей дагы болгонбуз. Кептин чынына келгенде, ошондогу маегибиз Чечняны кырчылдашкан граждандык согуштун кырынан нары жетелеп кеткен болучу. Бирок, арадан эки күн өтпөй ал теңирден тескери кетип, акылга сыйбай турган нерселерди жасай баштады. Менден кийин сүйлөшүүлөрдү улантуу үчүн Грозныйда калган Г.Бурбулис экөөнүн оттору күйүшпөй калган болуу керек. Калп айткан менен болобу, кайра-кайра Джохардын намысына тийип, аны утур-утур улуу элге өчүгүштүрүп, саны жагынан да, алы жагынан да бири-бирине барабар эмес эки элди кандуу кагылышка кириптер кылууну самагандар Россиянын Жогорку Кеңеш, Өкмөт чөйрөсүндө жок эмес. Ошондон уламбы, же дагы башка себептери барбы, айтор, ар бир жардыгынан кийин аралыгыбыз алыстай берди. Чечнядагы 90 жаштагы энеме, башка дагы жакын туугандарыма Дудаевдин адамдары кээде жашыруун, кээде ачыктан-ачык кыдык көргөзүшө баштагандан бери биздин ынтымакташып кетишибиз кыйыныраак болуп баратат. Ошо маегибизде анын негедир жүзүмө тике карабай утур көзүн ала качып, башын ийкендетип гана отурганынан саал кооптондум эле. Көрсө, анын ааламга көз карашы таптакыр башкача турбайбы. Дудаевге бир нерсени түшүндүрө албаганыма өкүнөм. “Улуттук революция, улуттук азаттык, улуттук намыс” – деген ураандарга кызыгып отуруп, ал уктап жаткан ажыдаардын куйругун кайра-кайра басып атат. Ал ойгонуп кетип, бир силкинип койсо, ансыз да азап-тозокту башынан кечирген менин чакан элимдин ырысы кыйылып калаарынан корком. Согуш жылдарында белинен канжарын

үзбөгөн чыгаан чечен элин Орто Азияны көздөй ыргытып ийгенге болгону бир эле сутка убакыт талап кылынган. Баса, ушундай опурталдуулуктан этият болууга казак, кыргыз, тажик улуттарынын уул-кыздарын да чакыраар элем. Орус, украин, өзбек өндүү зор элдерге жараткан нысап берсин, ошолорго тынчылык берсин. Ага окшогон чоң элдер козголсо чечен, кыргызга окшогон чакан элдер козголуштун эпкинине туруштук бере албайбыз. Ошондуктан, мен өз элимдин, башкалардын деле бүлүнүшүн каалабас элем. Ассамблеянын негизги максаттары деле ушунун тегерегиндеги тынчылык багыттагы аракеттер.

Д. Садырбаев: Өзөктошүңүз Джохар менен да ушинтип экөөбүзгө окшоп эле маңдай-тескей отуруп алып ынтымакка келип, журтуңардын тагдырына шоола чача турган жолдорду издесеңер болмок экен...

Р. Хасбулатов: Азыр кеч болуп калды. Бийлигине манчыркай түшкөн Джохардын турмуш чындыгына түз карай ала турган чамасы калбады. Менимче Джохар Дудаевдин жер ооштуруп бир жакка кетип калгандан башка өз элине жасай турган жакшылык аргасы да калган жок. Минтип жүрүп отурса, ал чечендерди бир кырсыкка кириптер кылбай койбойт. Мен буга жол бере албаймын.

Ырас, анын жүрүш-турушу Россиянын бийлик чөйрөсүндөгүлөрдүн кыйласынын итиркейин келтирип отуруп азыр акыркы чегине жетти. Аты-жөнүн айтпай эле коёюн, тымызын Дудаевдин көзүн тазалап жиберүүнү сунуш кылгандар да жок эмес. Бирок, мен андайга бара албаймын. Ошентели деген тааныштарыма “андай ишти жасамак турсун, ойлонууга тыюу саламын” деп олуттуу сүйлөшкөнүм да чын. Джохардын эрдиги бар, курчтугу да жок эмес, эми акыл менен иш кылсын. Элинин убалына калбаса болгону.

Д. Садырбаев: Руслан Имранович, он-он беш мүнөткө руксат сурап алып, 37 мүнөт кармадыңыз дегенсип, сакчыларыңыз сааттарына карап чыдамы кетип турат. Бизде, кыргыздарда “Сөөк мүлжүбөй этке тойбойт, коно жатпай кепке тойбойт” деген макал бар. Анын сыңарындай, тагдырдын чыйыры сиз экөөбүздү дагы бир жолу кайчылаш келтирип, жайма-жай олтуруп

маектешпесек, бу жолу моокумум канбай калса да, ушунча убакыт бөлгөнүңүзгө ыраазычылыгымды билгизүүгө аргасызмын.

Р. Хасбулатов: Чамасы, мен көбүрөөк сүйлөп койдум көрүнөт.

Д. Садырбаев: Мен деле кыска сүйлөдүм деп мактана албайм.

Р. Хасбулатов: Ушунча чыдаган дагы бир аз чыдай турушаар. Эми менин да ажаатымды ача турган кезек сизде...

Д. Садырбаев: Жан-дилим менен.

Р. Хасбулатов: Менден сизге кандай жардам керек? Тартынбай айта бериңиз, моралдык жактан болсо да, материалдык жактан болсо да сизди желөп-таяганга даярмын. Туура түшүнүңүз, жок дегенде бир кыргызга жакшылык кылып, ата-бабаларымдын карызынан кутулуп кеткеним дурус болгону турат. Өзүм үчүн эчтеме жасай албаган аргасыз адам болгонум менен сиздей өнөргөрдөрдү колдоп коюш колумдан келээрин билээрсиз...

Д. Садырбаев: -Билем. Ыраазымын, Руслан Иманович. Мага эчтекенин кереги жок. Азырынча өз тагдырымдын ээсимин. Сизден жалгыз өтүнөөрүм, сак-саламат болуп, демократияны сактап бергениңизден башка жардам сурабаймын мен сизден...

Р. Хасбулатов: Жок дегенде менин колуман Россиянын желеги түшүрүлгөн кенедей көкүрөк белгини алып коёрсуз дейм.

Д. Садырбаев: Албетте, алам. Ал турсун дайыма мактанып тагынып жүрөмүн деп убадамды да берем. Руслан Иманович, биздин маекти кагазга түшүргөндөн кийин сизге жиберсем таанышын чыгып, каршылыгыңыз болбосо, кол коюп бир нускасын кайра өзүмө жөнөттүрүп коё аласызбы?

Р. Хасбулатов: Антүүнүн кажети жок. Мен сизге ишенемин. Каалаган басмаңызга, каалаган маалыңызда биздин маегибизди жарыкка чыгара берсеңиз болот. Экөөбүз бири-бирибизге тике карап отуруп маектештик. Менин оюма кошулбай турган жерлериңизди мен сиздин көзүңүздөн көрүп

турдум. Кудай жалгап, андай келишпей калган жерлерибиз көп болгон жок. Жарыялай бериңиз...

Дооронбек Садырбаев

*1992-жылдын 17-сентябры, Бишкек шаары.
Эркин Тоо №91 (123), 23-сентябрь, 1992-жыл*

МОЕ ПОКАЯНИЕ, ИЛИ СЛЕЗНАЯ ПРОСЬБА К ОТЦАМ ТЕНЕВОЙ ЭКОНОМИКИ

Притягательность перестройки заключается, на мой взгляд, прежде всего в том, что нам была обещана возможность не только произносить лозунги, но и работать по уму. Многие поверили в это. Поверил и я. Но...

За свою долгую бытность кинорежиссером крохотной студии по производству телефильмов Гостелерадио Киргизской ССР не припомню случая, чтобы хоть какой-нибудь плановый фильм смог уложиться в пределы выделенных средств, поскольку всей нашей системой любой фильм запрограммирован быть убыточным.

Мы свыклись. Тем более, что Совмины всех союзных республик из года в год аккуратно покрывают все наши расходы.

Но вот – перестройка. Она призвала кинематографистов работать так, чтобы принести эстетическое удовлетворение зрителю, добиться моральной и материальной пользы лично себе, простому человеку, и своему государству. Во всяком случае именно так я понял сущность призыва партии.

И вот мы на студии «Киргизтелефильм» создали двухсерийный художественный телефильм «Плач волчицы», с естественным перерасходом – примерно в сто тысяч рублей. Но фильм, как мы почувствовали, мог привлечь массового зрителя. Студия попросила Совмин республики разрешить прокат собственными силами, скрупулезно подсчитав, что при этом сможем за три месяца заработать как минимум полмиллиона рублей. Около ста тысяч должно было уйти на оплату перерасхода, примерно 300 тысяч получила бы, моя далеко не

богатая республика, да и нищенская наша студия не осталась бы внакладе. Естественно, при этом несколько десятков энтузиастов, вваливших на свои плечи всю прокатную работу, соответственно тоже получили бы за труд.

Скажу сразу, речь идет не о кооперативе, мы намеревались поддержать государственную организацию, сделать ее конкурентоспособной. Председатель Совета Министров республики А. Джумагулов тоже загорелся нашей идеей. Дал команду Минфину предоставить нам режим наибольшего благоприятствования. При этом в нашей просьбе мы исходили из того, что премьерные показы одновременно в нескольких городах позволили бы не только покрыть перерасход, но и принести доход республике. И что же? Минфин перетряхивает свои нафталиновые сундуки и находит для студии поистине фантастическое исключение в виде Указа Президиума Верховного Совета СССР от 4 апреля 1975 года, согласно которому 55 процентов валового сбора от продажи билетов можно внести в доход местного бюджета.

Что это значит на самом деле? Это значит, что 55 процентов валового сбора есть все 100 процентов нашей прибыли. В соответствии с этим фининспектор арестовал у нас все, ни копейки не оставив для оплаты труда самодеятельным организаторам проката. В итоге за пять премьерных показов во Фрунзе, получив 13 тысяч рублей, мы девять тысяч отдали в госбюджет четыре заплатили за услуги. Поняв всю бесперспективность затеи, мы отказались от своей инициативы, тем самым лишив республику и себя возможности поправить финансовое положение.

Слава нашему Минфину! Ему оказалось куда проще возместить студии 100 тысяч убытков, нежели позволить нам заработать для республиканской казны 300 тысяч прибыли...

Я понимаю, сидящему на окладе в министерстве вряд ли захочется кому-то дать возможность заработать. Это как в анекдоте: пусть лучше у соседа хата сгорит, чем он станет на рубль богаче меня.

Нам не просто помешали заработать республике деньги, у нас убили само желание работать. И только ли у нас!

За 30 лет работы на студии я познакомился со многими руководителями колхозов, совхозов, промышленных предприятий и со всей ответственностью могу утверждать, что все они находятся в точно таком же положении людей, опутанных с головы до ног казуистическими инструкциями.

Кому это выгодно? Кому надо? Причем, судя по всему, очень надо! Я не знаю. Знаю лишь, что пока ситуация не изменится – и перестройка, и новое мышление останутся только в лозунгах.

В делах же получится еще и вот что. Уже в Москве, Ленинграде, Алма-Ате, Таллине, даже во Фрунзе растут как грибы, самостоятельные фильмопроизводящие организации с кооперативным уклоном. Честь им и хвала уже хотя бы за то, что они не только сами освободились от пут, а и показали и всем нам, и государственному сектору преимущества свободы.

Но как же у меня чешутся руки в желании запретить их! Ведь смотрите, что получается. В кооперативы уходят талантливые режиссеры, которых прельщает возможность свободного ее воплощения. Есть деньги. Значит, есть техника, пленка, организаторы производства – директора фильмов, операторы, вторые режиссеры, актеры, пользующиеся спросом. Все они обойдут меня десятой дорогой ради своего фильма. Потому что там будет касса, там будут деньги.

А что у меня? Устрашающе древняя техника. Запланированный начальством сюжет. Мизерные даже не рубли, а копейки. Единственное, чего у меня достали, так это контроля! Минфин, КРУ, ОБХСС, прокурор, партийный контроль, редколлегия, местная и центральная печать, да еще куча мыслимых и не мыслимых инстанций с неизменно суровыми лицами.

И над всем этим – идеологический отдел ЦК партии, без согласия которого я не могу ступить ни шагу. За мою многолетнюю режиссерскую деятельность сменилось немало инструкторов в этом отделе, и во мне уже выработался комплекс неполноценности, потому что каждый новый молодой человек считает своей обязанностью учить меня, как надо посредством кинокамеры осуществлять идеологическое воспитание советских людей...

Так, может быть, и в самом деле запретить все эти кооперативы? Тем более, что ни детских фильмов они все равно не снимут, ни «кино» без эротики не сделают, ни тем более к наследию национальной культуры не прикоснутся. Потому что остановить колесо «кино – зритель – деньги – кино» уже никому не по силам.

А не лучше ли – пусть себе катится? Ведь все равно фильмы нужны разные: и детективные и эротические. Равно как и «идейные». С последними, правда, сложно. А вдруг зритель на такой фильм не пойдет, не даст денег в кассу? Но вот тогда-то молодой человек из идеологического отдела и окажется прав, считая, что я еще не научился работать.

Однако, тогда ведь и конкретным козлом отпущения будет не безликая масса создателей кино, а именно я. К тому же за свои пять с лишним десятков лет жизни и 30 лет профессиональной деятельности я обрел собственные устои, определился в своем творчестве и считаю, что должен свое прожитое и прочувствованное передать тем, кто придет в жизнь, в мою национальную культуру после меня.

Но если отцы республики не повернутся ко мне лицом, я не смогу этого осуществить. Судите сами. На одно серийный художественный телефильм мне выделяется государством не больше 100 тысяч безналичных, весьма аморфных рублей, в то время как юному режиссеру, например, в Алма-Атинском кооперативе «Катарсис» на такую же работу дают целый миллион. Конечно же, к нему выгоднее пойти даже каким-нибудь шестым ассистентом! И конечно же, зритель предпочтет его фильм, хотя бы ради того, чтобы полюбоваться ультрамодными шмотками советского супермена, получающего за один фильм 50 тысяч. Сравните с моей жалкой дюжиной актеров, получающих восемь с полтиной за каждый съёмочный день и облаченных в кочующие из фильма в фильм, словно переходящее знамя, костюмы.

Не хочу выглядеть пессимистом, но вот факты. В слове «хозрасчет» обе составные части хороши – и хозяйственный, и расчет. В моей республике, например, восторженно восприняли с боем созданное издательство «Адабият», потому, что это было осязаемым шагом в дальнейшем развитии национальной

культуры. А хозрасчет – вненационален. Именно хозрасчет заставил издателей выкинуть из тематических планов книги киргизских писателей, отвоевавших себе издательство, предпочтя им пользующихся обывательским спросом «Анжелик», «Мушкетеров», а также современные детективы. И это еще хорошо. Бывая на местном полиграф комбинате, я не раз видел воодушевление на лицах печатников, когда им поручается тиражировать этикетки для «бормотухи» или мясных тушенков. Так что еще немного – не будет и беллетристики...

Такая же ситуация и в кинематографе. Какими бы замечательными и выгодными для проката лентами ни были «Маленькая Вера» или «Интердевочка», они никогда не обогатят человеческую душу в такой степени, в какой обогатили ее «Андрей Рублев» Тарковского или «Небо нашего детства» Океева.

Так куда же мы идем? Кто нас защитит? Не знаю, как в других республиках, а у нас в Киргизии – некому.

Вернусь к перестройке. С тех пор, как в моей республике все от мала до велика включились в нее, я почувствовал некоторое облегчение. Стало много проще попасть к ответственным лицам. Они даже могут пообещать поддержку любому разумному начинанию, если его, конечно, благословит Минфин.

Минфин тоже еще ни разу не возразил против хорошей идеи, однако свое согласие загоняет в такие лабиринты, что никакая Ариадна уже не спасет...

Я упомянул именно это министерство, потому что часто соприкасаюсь с его службами. Остальные, в которых бываю реже, не уступают финансистам в своем иезуитстве.

... Обо всем этом я писал в своей статье «Кому я нужен?», которую пытаюсь опубликовать уже полгода – в местной или центральной печати. Бесполезно.

Осталась последняя надежда. За 30 лет своего творчества я много раз выступал против спекулянтов, жуликов – вообще против заправил подпольного бизнеса, отстаивая правила честной социалистической игры в экономику. Возможно, меня знают по таким телефильмам, как «Кнопка», «Арман», «Песнь

о любви», «Ода отчей земле», «Плач волчицы», «Пуп земли», «Белый табун», «Гений моего народа» и другим, или по книгам «Кнопка» и «Ожидание». Возможно, ибо вряд ли кому чуждо важнейшее из всех искусств. Но дело не в этом.

Сегодня я обращаюсь к вам, отцы теневой экономики, с покаянием. Говорят, у вас миллиарды рублей. Судя по этому, у вас нет бюрократических рогаток, и вы смело вкладываете деньги в предприятия, сулящие прибыль. Но пора подумать и о своем будущем. Вам, как и любому сообществу людей, нужно воспитывать свое подрастающее поколение на приоритетных общепринятых направлениях, таких, как уважение своей истории и любви к ней, без чего не может быть завтрашнего дня, и многое другое.

Я готов помочь вам. Ибо в своих фильмах проповедую те же самые ценности. Так помогите и вы мне. Пожертвуйте хотя бы полмиллиона рублей. Для вас это – копейки, для меня же реальная возможность через год подарить и вашим, и нашим полнометражный художественный фильм. При этом, если среди вас есть тщеславные люди, я запечатлю их в кинокадрах среди многочисленных персонажей и обещаю, ни один сыщик мира не разгадает, в чьем облике они попали на экран – парторга ли, чабана, рабочего-новатора, следователя прокуратуры или махрового спекулянта. Если же это будет иностранный-благотворитель, он им и останется в кадрах.

Я не возьму для себя с этого фильма ни копейки, у меня есть и хлеб, и соль. Но у меня нет главного – возможности показать, на что я действительно способен творчески. Помогите мне, и ваша благотворительность поможет вам надежнее чувствовать себя сегодня, быть увереннее в завтрашнем дне. И вы, и я должны заботиться о нашем сообществе людей, ибо без него не сможем существовать ни вы, ни я... Да поможет мне Бог по домашнему телефону 47-17-01.

С покаянием народный артист Кыргызской ССР,

кинорежиссер Дооронбек Садырбаев,

«Вечерний Бишкек», 30 марта, 1990 г.

КАЙРАН ЭЛДИН АЛАҢГАЗАРДЫН АЙГАЙЫНА АЛДАНГАНЫ АБДАН ЖАМАН, БИРОК, КЫЙДЫНЫН КЫЛТАГЫНА ИЛИНГЕНИ ОГО БЕТЕР КАРГАША...

КАДЫРЛУУ “АСАБА”!

“Эркин Тоо” экөөңөрдүн чыкпай калганыңарды угуп, кыйла каңырыгымды түтөтүп алдым эле, силер менен кошо карып тагдырдын, кайчы пикирдин дагы шамы өчөт экен деп.

Кудай жалгап, дагы тырбалаңдап атыптырсың жарык шооланы көздөгөн багытыңдан жазбай. Элиң бар, журтуң бар, эми сенин дагы белиңди мертиндире койбос. Ылайым, ушул кайрадан чыккан бойдон “ишин оңолуп, итин чөп жеп” - кетсе экен, мендей мусаапырлардын ырысына. Болбосо, алаңгазардын айгайына алданган кайран элди калкаламакчы болгон кээ бир гезиттер, кабагым-кашым дебей туруп, кыйдынын кылтагына илинттип беришет экен, чындыктын көзүнө көө шыбап жатканы менен иши жок. Сөзүмдүн дурусун же бурушун “Садырбаевдин сабагын” алган тележурналист Э.Тазобековго жазган каяшамдан түшүнүп алаарсың. Ылаажы болсо, дагы бир ажат ачканга жара.

Сени терең урматтаган Дооронбек Саадырбае
Бишкек шаары, 1992-жылдын , 3-сентябры

МЕНИН САБАГЫМ ГО – МЕНИН ШОРУМ, А СЕНИКИЧИ...

Тележурналист Э.Тазабековго каяша

Эркин иним!

Жашыбыздагы айырманын болоор-болбостугунанбы, айтор, чейрек кылымга жакын убакыттан бери бир мекемеде иштеп, анда-санда көртиричиликтин жамандык-жакшылыгында чогуу жүрүп, көбүнесе санаалаш, пикирлеш, баарынан кымбаты – кир көтөрүмдүү азилкеч болуп келдик эле, эми бирибиз – Алтайдан, экинчибиз – Каңгайдан келатып, капиет учурашып калышкан бейтааныштардай болуп мурчуюшуп, “сизиң-бизиң”, “евич-севич” – дешип каадаланышып отурбастан, мурдагыдай эле “иним” – деп кое берейин, минткенде аброюң ылдыйлап кала турган болсо, калем сабыңды курчутуп камылганды көрүп кой, “Кыргыз Туусуна” же “...Маданиятыңа” жазып кайта эле өөдөлөтүп алаарсың...

Ырасымы айтсам, 1992-жылдын 27-августундагы “Кыргыз маданиятымыз” бетин бербей “Садырбаевдин сабагы” деген ат менен менин адамдык ариетимди, өнөрчүлүк дараметимди узун-туурасынан устукандаган макаланын пири ким, арканда кандай адамдар турганын жакшы билбесем, сени менен акыйнек айтышып отурбайт болчумун. Андан дагы негизги себеп, башынан багы ачылбаган “Кайран элдин” тегерегиндеги ызы-чуунун төркүнү каякта жатканынан кенедей дагы түшүнүгү жоктугуна карабай шымаланып “Чыр Коргонго” кирип келип агы менен карасын ажыратканга убакыт коротуп, баш оорутуп отурбастан алгачкы эле көзүңө көрүнүп, колуңа урунган, жаман болсо да, жакшы болсо да, иши кылып, кыйла жылдар бою жакынсып, жан тартышып жүргөн ниеттешиңди бир ооз маектешип койбой, көз ирмемей туруп, тикесинен

мууздап иймекчи болгонун – сай-сөөгүмдү сыздатып, сабырымды жандырганын жашырбастан, ушул каяшаны жазууга аргасыз болуп отурамын.

Ой-санаамдын куду ушундай экенине кожоюндарыңды да, сени да ынандыруунун аракетин кылайын, акыры өлүм жазасына тартылганга деле бир ооз сөз берет турбайбы, койгон дооматтарыңдын жообун алгың келсе, кайра-кайра окуп чык жазгандарымды, ар сөзүнөн аң-сезимиңе маңыз издеп. Эгерде озүндү ошончолук эле “кимдир-бирөөнүн тагдырын калчай турган көсөм, кара кылды как жарган калыс пикир айта турган чечен” – деп эсептесең, менин каяшамды дагы жарыкка чыгарууга жардамдаш, аркан толгон алдуу-күчтүү адамдарың бар, ишиң оңолуп, итиң чөп жеп турган убагыңдын шарапатын кайчы пикирге да тийгизип көр, айкөлдүк кылып.

Ошентип, “Садырбаевдин сабагы” – деген макаланын “алхамдүүсү” мени (“өзүнүкүнөн башка бир да сценарийди тасмага түшүрбөйт”) – деген доомат менен башталыптыр, эски кагаздарды аңтарып атып, менин “баланча беш жылдыкта, түкүнчө автордун сценарийин тасмага түшүрүп берем” – деген социалисттик милдеттенмемди таап алгансып. Бул алгачкы дооматыңдын бир жагына жооп. Экинчи жагын ачып туруп, сенин дооматыңды жөндүү деп эсептеген күндө да, мен тарапка кара көз айнек тартынып алып карап турганыңды кантип айтпай кое алам? Болбосо, ошончолук кастарыңды тигип, кылдан кыйкым табыш үчүн атайы “Кыргызтелефильмге” барып, аркыл кагаздарды аңтарыштыргандан кийин, аягына дейре сабырдуулук кылып ошол папкелердин арасында күнү бүгүнкүдөй сакталуу турган фильмдердин карточкаларына кур дегенде учкай эле көз жүгүртүп чыксаң деле, кинорежиссер – Д.Садырбаевдин ар мезгилде Чыңгыз Айтматов, Төлөмүш Океев, Касым Кайымов, Казат Акматов, Кубатбек Жусубалиев, Кадыркул Өмүркулов, Талип Ибраимов, Муса Мураталиев, Бакыт Карагулов, Салийдин Коңурбаев, Михаил Ронкин, Наркас Муллажанов, Николай Ялымов, Валерий Савчук, Болотбек Кубатбеков, Геннадий Комраков, Александр Алянчиков сыяктуу аркыл-аркыл авторлордун сценарийлери боюнча чоң-кичине теле, кинофильмдерди тасмага түшүрүп, алардын ар бири өз учурунун басма беттеринен жана түркүн-

түркүн кино, телефестивалдардан баркына жараша алкоо же акаарат шыбагасын алганын сөзсүз көрөт болчусуң.

Ырас, андай сценарий жазгычтардын тизмесине сенин ысмыңдын илинбей калганы чын. Бирок, ошону үчүн эле мени айыпка жыга турган жөнүң жок эле го. Касым болсоң да, досум болсоң да.

Билгиң келсе, күүдөн-күчтөн кайта элек, алыма жараша болуп-толуп турган чагымда не “Кыргызфильм”, не “Кыргызтелефильмдин” сценарийлерди топтоочу папкелеринен сенин калемине таандык даяр чыгарма түгүл, тасма тарттырууга далалатың бар экенин билгизген жарты барак кагазыңды көзүм көрсө – көр, же көчө-көй, үлпөт үйлөрүндө учурашып калганыбызда ошондой оюң бар экенин өз оозуңан уксам – кулагым дүлөй болсун, кудай жалгагыр.

Бир саамга кара көз айнегиңди ала турчу. Ортобуздан өөдө-төмөн сөз өтпөгөнсүп, “Садырбаевдин сабагы” жазылбагансып, маңдай-тескей отуруп алып, бирден-бирден “Астра” тутандырып, өткөнгө көз чаптырып көрөлүчү...

...Анда кайра куруунун жышаанасы билине элек, колтуктарыбызда котур таш жок, сенин башыңа да, менин башыма да карыптыктын шайтан көпөлөгү учуп-конуп, эң акыркы “Памир” сигаретин бөлүп чегип жүргөн ынтымак маалыбызда сага жакшылык кылбаганда, атамын башына жакшылык кылат белем...

Өгүнкү макалаңда **“Отуз жылдык эмгеги менен белгилүү болбогон Д.Садырбаев”** – деп ашкере курсантчылык менен жазганыңдай, кабыргамдын кайышканы билинбей, кадыр-баркым кеп-сөзгө илинбей, өмүрүм өксүп жүргөн маалымда деле өзүң өңдөнгөн кыргыздын угуттуу уул-кыздарынын кыйласын моралдык жагынан да, материалдык жагынан да желөп-таяп, айрымдарын алдап-соолап, алчы-таасын жалмап көнгөн тыкчыймаларын сөгүп-сөздөсөм да арак-шараптан алыстатып, аттуу-баштууларга жакындатып, өнөрүн өркүндөтүп, өрүшүн жайылтып, атын чыгаруунун далбасын уруп, “апендичилик” кылып жүргөнүмдө, мындай ич бурооң бар экенин билсем, сенин ысмыңды деле эптеп-септеп жанагылардын этек жагына жалгаштырып коюшка кудуретим

жетет болуучу. Кечирип кой, билбепмин ошондой оюн бар экенин.

Биринчи дооматыңдын жообуна лыкыйгандырсың, эми нары жагына кулак төшө, сени тааныгандардын бакисине маалым: жүйөлүү сөзгө жыгылганын мойнуна ала билген элпектигиң менен.

Эркин!

“Кайран элдин” көйгөйү кечөө же мурдагы күнү башталбастан, тээ 1991-жылдан бери карай көңүл өйүп келатканын түзүк билбесең да, укканың бардыр. Фильмдин өндүрүшүнө каралган каражаттын өп-чаптыгын ошондо эле жазып чыкканмын гезит-журналдардын беттерине. Анан сенин аки-чүкүсүн териштирбей туруп, ал кезде **“Режиссердун төрт тарабы кыбыла болду”** – деп жазганың, же андагы ал-ахвалды билбегениң, же атайылап эле билгиң келбегени го... Менин төрт кыбылам кандай экендигин Кыргызтелерадиоагентствосунун директорлук “талпагын” кечээ күнү эле бучкактаган Түгөлбай Казаков, андан саал мурдараак **“Кыргызтелефильм”** студиясынын директорлугун ошенткен Асан Айтыкеевдин сөзү менен эмес, **“Кайран элдин”** кара жумушун аркалаган мурдагы жетекчилери: Умтул Орозова, Керим Орозалиев, аяк жагындагы Сатыбалды Жээнбековдордун сөзү менен жазсаң да, кичине чындыкка жакыныраак болмок. Жок дегенде, ошондогу Кыргыз ССРинин Министрлер Советинин Председателинин орун басары, азыр Чүй акимчилигинде иштеп жаткан Түмөнбаева Жаңыл эжекеңен бир ооз сурап көрсөң, а киши бизди алгачкы командировкага жибериш үчүн кадыр-колкосун ортого салып жатып, 15 миң сом акчаны каерден тапканын жаап-жашырбай айтып берет болчу. Макаланды жазаар алдында мага жолуксаң, 1990-жылдан бери жагдайыбызды түшүнгөн, мурдуанан тынып кыргызмын дегендин бакиси колунан келген жардамын аябай, атын айттыргысы келбеген бир оштук өзөктөшүм өзүнүн каражатына 10 миңден ашуун фото-сүрөт тартып бергенин, анын кыйласы **“Кайран эл”** үчилтигинде пайдаланылгандыгын, ошол эле шаардагы Абдыкадыров Баратаалы, Бектемиров Камбараалы, Дыйканбаев Төлөн, Алымбекова Роза, Садыбакасова Гүлшайырлардын күнү-түнү бизди өз чөнтөгүнөн чыгарган

каражатына автоунаа менен камсыз кылып, бер жагы – Өзгөн, Салам-Алик, Кара-Шоро, нарысы – Анжиян, Фергана, Наманганга дейре алып барып, алып келип турушканын, журналист Исмаилов Батырбектин миллион метрге жакын табылгыс фактылар жазылган жана тап-таза магниттик пленка тартуулаганын, өзгөндүк Тайтокурова Кайринса, Темирбаева Жаркындардын бир кино тарта турган топтун адамдарынын ичкен-жегенин мойнуна алып, Бишкектеги ондогон окумуштуулар жумалап, айлап тарыхый фактыларды издешип, акысыз консультациялашып, аты чыккан артисттер, музыканттар, киноишмерлеринен өйдө колуна келген үлүшүн кошуп, 500дөн ашуун жогорку окуу жайларынын студенттери 15 күн бою тыйын албай массовкада тартылганын айтып бермекмин, аты-жөнү, дареги жазылган тизмелеринен өйдө көргөзүп. **“Кайран элдин”** жаралышына анын тартылып жаткан маалында эле 100дөн ашуун **“Кайран кыргыз”** жардамдашканын билип алмаксың, көзүңдү бакырайтып:

– Бул жападан-жалгыз **“Кыргызтелефильмдин”** менчиги эмеспи, мен билбеген кандай жардам? – деп кыйдыланбай.

Ишенип койгун, Эркин иним, эгер сен кепке-сөзгө келген эстүү жан болсоң, **“Кайран элге”** өзүмдүн кошкон салымымды дагы төкпөй-чачпай айтып бермекмин кино өндүрүш эрежелерин кулагыңа кумдай куюп. Мисалы, эсил-кайран СССРдин эрежелери боюнча, татаал фильмдердин тартылышына режиссерге 1:10го чейин коэффициенттеги негатив пленкасы бөлүнөөрүнөн кабардар болмоксуң. Аны сага кыргызча түшүндүрүп берсем, тартылган 1000 метр пленканын 100 гана метрин фильмге пайдаланып, калган 900 метрин таштанды корзинасына ыргытып ийген режиссер кудай алдында да, закон алдында да жооптуу эмес дегендикке жатат. Мен анте албастан, дээрлик 1:2 коэффициентинен менен иштеп, **“Кайран элдин”** адабият сценарийин, дикторлук текстин, эпизоддорго жараша ырларын жазып, башынан аягына дейре комментарийин окуп, оюндуу эпизоддордо артист катары тартылып, кыргызча интервьюларды орусчага которуп, 1 метр пленканы дагы коромжуга учуротпоонун аракетин кылып, эки жыл бою максатташ кесиптештеримдин эсинен дем алыш, майрам, отпуска дегенди чийдирип таштап, күндөп-түндөп

күйпөлөктөп жүргөнүм үчүн эгин айдаган бригадирдин даражасына араң жеткенимди дагы билип алмаксың. А балким, ак көңүлүң кармап кетсе, улуктарыңан:

– Эмне үчүн СССРдин эрежелеринин силердин пайдаңарга чечиле турган жерлери болсо гана эң сонун иштейт да, Садырбаевге жан тарткан параграфтары дароо эле эскирип же өлүп калат? – деп сурайт болчусуң.

Эй, Эркин иним, сен катылбасаң, мен ачылбасам болот эле. Эми мынча болгондон кийин аягына дейре окуп чык, жазгандарым көөнүнө жакса да, жакпаса да... Жалгыз өтүнөөрүм, мындай ыкыр-чикирге кудайды аралаштырбай сүйлөшүп жүрөлүчү. Кудурети күчтүү кудай көз ачып жумганча эле көргөзүп коюп жүрбөсүн көргүлүгүн, же сенин, же менин ыманыбызды жеп атканыбызды баамдап калса...

“Кайран элдин” ызы-чуусуна аралашкандардын мени жактагандардын да, “баптагандардын” да катары суюла элек, кээде сага окшоп бул ишке эч кандай тиешеси да, түшүнүгү да жоктор туурадан чыга калышып тумшуктан нары берип калгандарды кошо эсептегенде. Бирде берки өйүздө жүрсө, бирде наркы өйүздү көздөй ооп жөнөгөн же анын тескерисинче багыттагылары да бар. Кечээ күнү:

– Кагылайын эл! Кара ниет кимдир бирөө өчөштүк кылып, кара көзүбүздү кашайтып кетип жүрбөсүн... Сакчы коелу, Садырбаевдин сак-саламаттыгына керт башы менен жооп бере турган, – деп көзүн жашылдантип, каңырыгын түтөткөн жанбирге жакындарымдын арасынан, бүгүн:

– Ушул оңбогурдун көзүн тазаламайын көксөм суубайт, – дегендери да жок эмес. Иши кылып, оомалуу-төкмөлүү заман, оош-кыйыш дүнүйө. Мындай опурталдуу кырдаалда менин жүргөн-турганым дайыма досторумдун да, кастарымдын да назарында болуп, **“Кайран эл”** үчилтиги тууралуу ойлогон оюм, сүйлөгөн сөзүмдүн басымдуу көпчүлүгү аркыл-аркыл гезиттердин беттерине жарыяланып келди, маал-маалы менен. Ошолордун кайсынысынан окуп жүрөсүң, менин **“Кыргызтелефильмдин”** жетекчилеринин же андан өйдөрөөктөгүлөрдүн беделине көлөкө түшүргөн оюмду же сөзүмдү? Котур ташынды колтугуңан чыгарып, үстөл үстүнө кое туруп, баягы барганыңда колуңа тийген кагаздарды кунт

коюп карап чыксаң эле көрөт элең го: С.Жээнбеков, Б.Сутенова, К.Орозалиев, А.Айтыкеев, Д.Садырбаевдердин ортосунда эч кандай пендечилик ыйкы-тыйкы болбогонун, **“Кайран элдин”** түйшүгүн бирдей аркалаган, бир максаттагы адамдар экенибизди. Ошол кезде Кыргызтелерадиоагентствосуна өкмөт тарабынан каралган каражаттын өп-чаптыгынан баарылап нары карап ыйлап, бери карап ырсайып, колунан иш келген тандалмалуу адистердин акчалуу кооперативдерди көздөй жөнөгөн агымын токтотуп калып, радиоуктуруу, телекөрсөтүү, телефильмдердин көркөмдүк сапатын жакшыртуунун эсеп жеткис айла-амалдарын талдап көрүп, өзгөчө **“Кайран эл”** телефильминин ырысын кыйып албоонун аракетин жасап өкмөттүк кишенден арылган чакан ишкана **“Көломто”** студиясын кеңешип туруп ачканыбызды түшүнүп алсаң, аны: **“Садырбаевдин кормушкасы!”** – деп мүлдө кыргызга жар салганга шашылбайт элең. Муну жалгыз эле мен, же Кыргызтелерадиоагентствосунун жетекчилери гана эмес, Бишкектеги демократиялык багыты бар чыгармачыл Союздардын, гезит-журналдардын редакциялары, коомдук уюмдар, партия же козголуштардын көпчүлүгү эп көрүп, демилгебизди сүрөөгө алып тагдыры калчанып турган **“Кайран элди”** бетке тутуп, бийлик ченгелдеп отургандардын көңүлүн кубаттан тайып, куну учуп, каражаттын тартыштыгынан жылаандын боору ооруй турган аянычтуу абалда калган улуттун адабияты, маданияты, искусствосу, басма сөзү тарапка бургубуз келип чыкканыбызды кантип түшүнбөдүң, ошондой эле кара кылды как жарган калыс жазгыч, бардыгынын наркын билген баамчыл адам болсоң?

Мынча чыккандан кийин **“Жыгылсаң нардан жыгылып, буйласын кармай жыгылбайсыңбы”**, үстөккө-босток кыргызыңды басмырлаган макала жазып же Ата Журтундун арнамысын кемсинтип аткандарга көкүрөк тосуп, өзүң жазгандай, отуз жыл бою жарытылуу эчтеке жарата албай, эт менен челдин ортосунда жүргөн бир мажүрөө карыны баса калып, оозумурдун канжалатып ийгенден мүйүз чыгарып ала тургансыбай.

Анан дагы азыр ааламга аты чыгып, ооматы келип, оозунан от тутанып турган Эркебаев Абдыганы мырзага не себептен жаныңды сабап болушуп жүргөнүңдү түшүнсөм буюрбасын,

тим эле мен ага кыдык көргөзүп ие ала тургансып. Байдын ашын аяган байкуш кейиптенбей эле койчу, иним, сенин үрөйүндү учура турган зөөкүрлүгүм да, кимдир бирөөнү басмырлай турган бийлигим да жок экенин башкалардан жакшыраак билип туруп. Ырас, аны улуттук маданияттын тагдырына кам көрө турган өкмөттүн өкүлү катары “бизге окшогон бей-бечарага көңүл бурбай атасын!” – деп эки-үч ооз таарынычымды өпкөлөп айтканым эле болбосо, Абдыганынын ариетине дык таштап, беделин ылдыйлата турган сөз айтпастан, кайчы пикирлүү талаш-тартыш маданиятынын чегинен чыкпаганымды өз көзү менен көрүп, кулагы менен уккан жумурай-журт, менин ар кыл интервью, пресс-конференция, кайрылууларымды басышкан гезиттердин беттерин ырастап берет. Колуңан келсе, бул дооматыңды дагы кайра алгын, иним, Абдыганы тургай, сенин адресиңе акаарат сөз айтпаганым керт башым менен жооп берүүгө даярмын.

Андан кийинки дооматыңа жооп жазуу мага өтө оор болгонун да жашыргым келбейт. Себеби, сенин дооматың дагы, менин жообум дагы аң-сезимдүү адамдардын талаш-тартышынын деңгээлин өлчөөсүз ылдыйлатып, экөөбүздүн тең абийирибиз айрандай төгүлөөрүн түшүнүп турсам деле, өзүң республикадагы бирден бир абройлуу гезитке бастырып ийгенден кийин, жооп бербесем менин дагы каяшам өксүп калаарын эске албасак болбойт. Ошондуктан, “эшегиме жараша тушак” тутканым үчүн окуучуларым дагы кечирип коюшаар мени:

1985-жылдын эрте жазы эле анда.

– Тарткан фильмдерин тууралуу жазылган макалаларды чогултуп жүрөсүңбү? – деп сурап калдың күндөрдүн биринде.

Мен ошентип жүргөнүмдү билгиздим.

– Эртең ошолордун баарын мага алып келип берчи...

– Эмне кыласың?

– “Ала Тоо” журналынан бир серьезный заказ алдым эле, сенин узун-тууранды устукандай турган очерк жазып берейин деп.

– Макул, караштырып көрөйүн.

Ошол бойдон “баягыны качан алып келип бересиң?” – деп эки-үч айга дейре коколоп жүрдүң, мен кезектеги “Махабат

дастаны” телефильмимдин кезектеги көйгөйүнө кабылып калып карбаластап жүргөнүмдө.

Акыры, папке да тийди колуна, шаарда “Махабат дастанынын” премьерасы өткөрүлүп жаткан маалда. Макаламда “Ортосары” – деп тергеген тасман ошол “Махабат дастаны” экенин түкшүмөлдөтпөй эле жаза бербейсинби, жүрөгүм түшүп калса деле.

Бир күнү “Кыргызтелефильмдеги” менин чакан кабинетиме кирип келип, тишинди кычыратып (анда экөөбүз тең жашыраакпыз, маңдай тиштерибиз ордунда маалы) сөгүнүп калдың, жүзүң бозоруп.

– Сага эмне болду?

– Мага эмес, сага жаман болду! – дедин ого бетер туталанып. – Жанагы Жаныш деген суволуч жайлап салыптыр сени да, мени да “Махабатсыз махабат дастаны” деп жазып.

Колундагы бүктөлгөн гезитти үстөлүмө жайып ийдин.

“Кыргызстан маданиятынын” ошол саны азыр да сакталуу турат үйүмдө, “Эркиндин эстелиги” делинип.

Өткөн иш өткөндөн кийин, эми калп айтып эмне кылабыз, айта берели болгонун болгондой кылып. Мен дагы сөгүндүм, өлүп-талып гезитти окуп чыккандан кийин. Экөөлөп сөктүк. Кабинетти түтүнгө толтуруп коюп, ой да шыбаттык бейм ошондо, Жаныштын ата-жотосунун таза жерин калтырбай. (Жаныш иним! Бул сөздөрдү азыр окуп калсаң кечирип кой, же сен дагы мени сөгүп ал моокумуң канганча).

– Шашпасын, мен дагы көргүлүктү көргөзөм! – дедин бир маалда.

– Кантип?

– Жазам башка гезиттерге!

– Жаз! – дегеним да ырас, андагы ар бир сөзүн кулагыма майдай жагып.

– Анда бирдеме дебейсиңби?

– Эмне дейин?

– Гонорар төлөбөйсүңбү?

– Төлөйүн, аларың канча?

– Полбанка! – дедин кекиртегинди чертип.

– Келе колунду!

Анда арак деген ит бекер, дүкөнгө кирген адам бөтөлкөгө чалынып жыгылчу кез. Ошол күнү эле алгансың жарты барак рецензияңдын акысын. Бирок, күн артынан айлар өттү. “Махабат дастанын” жактап, Жанышка каяша жазылган орус, кылгыз тилдериндеги макалалар чыкты. Телефильм өзү дагы Советтер Союзундагы эки ири шаар Киев менен Ташкендеги фестивалдарга катышып, эки сыйлык алып келсе деле, сенин макалаң чыкпай туруп алганынан:

– Арагымды кайра бер, – деп мен дагы күзгө чейин доолап жүргөнүмдү жашыргым келбейт. Күзүндө “Ленинчил жаш” гезитине чыккан жарты барак рецензияңды көтөрүп дагы кирдин “бирдеке дебейсиңбиңен” жазбай.

Мен “бирдеке” дебедим. Кайра:

– Мунуң бир чөнтөктөн ашпаган рецензия болуп калыптыр, сдачысын бер – деп кырыңа чыксам,

– Түзүк эле болчу. Типографиядан кыскартып салышыптыр, сдачысын Нуралыдан алабыз, – деп араң кутулбадың беле...

Ушинтип эле жүрчү эмес белек, ааламга көз карашыбыз аркыл экени деле билинбей... “Серьезный” макалаң такыр жазылбай койгонунан, эки жылда барып араң алган өзүмдүн баягы папкемен башка экөөбүздүн ортобузда алыш-беришибиз деле жок, салоом алейкумга алейкима саламыбызды жазбай сыйлашып жүргөн замандаштар эмес белек...

Макалаңдагы менин сенден, кадыр-колкомду ортого салып суранганыма муюп ортосары фильмиме бир керемет рецензия жазып бергениңди деле чындык деп коелу... Анда кимдин отүнүчү боюнча эми менин белимди мертинте турган макала жазып жүрөсүң? Акысына канча “полбанка” алдың? Иши кылып, наркымды өтө эле арзандатып ийбесең болгону...

1989-жылдын башталышы. Замандын капшабынанбы, демократиянын шарапатыбы, айтор, кезектеги “Акбаранын көз жашы” деген эки сериялуу телефильмим күтүлбөгөн жерден, эч кандай ызы-чуусу жок жарык көрүп, мени сураптырбай эле рецензиялар чыгып турганда дагы келдің:

– Февралдын башталышына “авторлук кеченди” видеоценкага жаздырып алууну пландаштырып койдум, даярдана бер, – деп. Чолоом тийбей атканын айтсам, ашатып сөктүң, азилкечтигинди ортого салып. Акыры макул болууга

туура келди. Болгон менен күн өткөн сайын “ана-мына” – деп жок шылтоолорду айтып ыкшоолонуп жүрө бергенинен, “Кыргызтелефильмдеги” кесиптештеримден жардам сурап, ошолордун күчү менен кулактандырууларды жазып, белеттерди таркатып, кечени өткөрүү тартибин тактап, кара жумуштун бардыгын өзүбүз жасаганыбыз чын, бирок, ал кеченин “сценарийин өзү жазып берди эле” – дегенин кызылдай жалаа. Эркин, эгерде ошенткен күндө да, андай ишти “чекилик” – деп эсептебей тургандыгыма карабай, телерадиокомитеттин бухгалтериясындагы авторлорго гонорар төлөгөн документтер сенин бул дооматыңды төгүнгө чыгарып атпайбы кашайып.

Дагы бир сыйра ошол кагаздарга көз жүгүртүп чыксаң, “автордук кечеге” эч кандай сценарий жазылбаганын, гонорар төлөнө турган папкеге менин бир тутам ырымды тиркеп туруп, кайсы сценаристке канча сом жазып бергенинди өз көзүң менен көрүп бетин кызарбаса да, бозоруп кетээрин саал мурдараак ойлонсоң болмок экен... Мен ал кечеден бир тыйын алган эмесмин.

Антип, сценарийин жазып берген мен болсом, ага гонорар төлөй турган редактор сен болсон, кимге, канча төлөгөнүң эсиңде жокпу?

Көрдүңбү, Эркин, чукуша берсек, менден да, сенден да, сенден мыкчыгерлерден да убап-чубап чыга берет “эпчил артист, амалкөй актерлук” жөндөм.

Буларды деле жазбай койсом болот эле, бирок сен **“Кайран элдин”** бир метр пленкасын көрбөй туруп, 9 сааттык фильмди толук көрүп чыккандан кийин өз пикирин жазышкан Токтобай Мүлкүбатов менен Жыпар Жекшеевдин (“Кайран эл” тууралуу ал экөөнөн башка эч ким, эчтеке жаза элек) абийирине көлөкө түшүрүп жатпайсыңбы, “Садырбаевдин кайырмагына илинди”, – деп өзүңө окшоп “полбанкага” сатылды го деген шегин менен жылаандын башын кылтыйтып. Кадырың жан болсун, иничек. Ал экөөнүн эч кимисинен суранган жокмун “мени мактап жазгыла” – деп. Гонорар төлөп, арак алып бергенге деле буюмам келбеди. Макалаларын дагы мен жазбадым. Токтобайдын күйөө бала, Жыпардын жээндиги деле жок мага. Алты саны аман, арабызда ойноп-күлүп эле жүрөт го ал экөө тең. Айтышсын, жазышсын андай иттигим болсо, таарыныч жок.

Эх, Эркин, Эркин!

... “Кыргызтелефильм” каражат издеп таап, **“Кайран элди”** Киевден нускалатып бүттү. Республика жетекчилери да убадасында туруп эки миллион сом бөлүп берди”, – деп жазаардан мурда Кыргызтелерадиоагентствосунун экономика-пландоо бөлүмүнүн башчысы Г.Коваленковадан же **“Кыргызтелефильмдин”** баш бухгалтери Н.Шермамбетовадан бир ооз сурап койсоң болмок, өзүң досмат койгон кабарчылардын катасын кайталабай, ар бир сөзүң бир мусаарыпдын дилине ок, тагдырына айбалта болуп тиерин билгенден кийин.

Бүгүн 1992-жылдын 2-сентябры. Күнгө шаршемби. Саат 14.25те мен сага каяша жазып отуруп, аты аталган эки айымга телефон чалдым. Угуп ал алардын жообун.

Г.Коваленкова: Никаких денег, никаких миллионов.

Н.Шермамбетова: Эки миллион эмес, эки сом берише элек **“Кайран элге”**. “Беребиз” – деген миш-миш бар.

Бүгүн 2-сентябрдагы **“Кайран элдин”**, кайран режиссердун абалы ушундай. Дагы кандай мүшкүл алдыда күтүп турганын бир кудайдын өзү билбесе, менин божомолдоп да айтышым кыйын... Балким өзгөрүп кетиши да ыктымал.

... Улуу Урматтуу Президентибиздин 1-июнда бөлүп берген 2 миллион сому 2-сентябрга дейре ушул турган **“Кыргызтелефильмге”** жетпесе, Жогорку Кеңештин жыйынында **“Республиканын жетекчилеринин “Кайран элге”** таккан саясий дооматы жок” – деп жар салганына карабай, кайрадан **“Фильм боюнча түзүлгөн атайын комиссия бар. Кандай кылып көрсөтсө, ал менин ишим эмес”**, – деп бөйрөктөн шыйрак чыгарсаңар...

... Республиканын Ички Иштер министрлигинин уюшкан кылмышкерлердин тобу менен күрөшүүчү бөлүмүнүн тергөөчүлөрү өзүмөн түшүнүк кат алышканы аз келгенсип, өлүп-талып мени тааныгандардан, мен тууралуу **“компр”** маалымат топтоп жүрүшсө...

... Жок дегенде элден түшкөн акчанын дайынын айтып коеюн десем, кечээ **“жалгыз суроого жооп берип коюңуз...”**, – деп аркаман кууп жүрүшкөн телевидениенин, радионун

журналисттери бүгүн мени көргөндө аркасына кылчайбай качып жөнөсө...

... Киноматографиянын тарыхында жасалбаган зомбулук жасалып, режиссер өзү көрө элек эң алгачкы нусканы депутаттарга көргөзөт элек деп жүктөп келсе...

... Элдин баарына аркасы тие турган авторлук укугум менен эсептешип койбостон, туш-тушумдан өзүңө окшогон не менин чыгармачылыгыма, не менин адамгерчилигиме тиешеси жок адамдар тепкилеп атышса, **“Мен го мен болдум эле, кара жер менен тең болдум эле. Жок дегенде авторлук укугумду коргоп бергиле, айланайындар”**, – деп Топчубек, Шаршенаалы, Таптанкул, Жамиля, Камиля, Чапырашты, Чоң Аюу, Шернияз, Кичине Аюу, Сагымбек, сага жалдырабаганда, кимге жалдырайм?.. Акыры, көз нурумду ысыраптап, кара жанымды тиштеп жүрүп жараткан өнөр перзентимди элге көргөзгөндөн кийин көзүмдү тазалайсыңарбы, же эмитен эле актыкка моюн суна берейинби?

Эми, Эркин иним, улгайып калганымда өзөртө чапканыңа карабай, жазган макаланда кулагыма майдай жаккан саптарын да бар экенин айтпай кетсем, мен дагы калыстыкка ниет булгап койгон болоор элем.

Ал сенин:

“Фильм бир тыйын акы алынбастан, эфирге берилүүгө жолу ачык турса, режиссер Садырбаев эмнеге кыжаалаттанып атат?” – дегениң.

Оозуңа май!

Мынчалык алтын сөздөрдү айтаарын айтып салгандан кийин, эми аягына чык, жигит болсоң. “Сокурдун тилегени эки көз” – дегендей, менин көксөгөнүм деле ошол. Силер фильмди элге көргөзө баштаганыңарга кыжаалаттансам, дегеле кара көзүм кашайып калсын менин дагы. Бири-бирибизге эч кандай шарт койбой, “комиссия-момиссия” – деп, дагы эки-экиден чабышып отурбай, **“Кайран элди”** элге көргөзөлү. Эл дагы кошсун өзүнүн добушун. Алгылыктуу жерлери тууралуу ооз ачпай койсоңор деле болот. Тепкилей турган жерлерин кармап калсаңар, тим эле былчылдатсаңар да каяша айтсам, оңбой калайын. Жаза тайып, кылмыш кодексинин кайсы бир эрежесин бузуп алган болсом, каматып ийсеңер да капачылыгым жок.

Иши кылып, **“Кайран элди”** жарыкка чыгаргылачы, анан мени бышырып жесеңер да эрк өзүңөрдө...

Эгерде сен мага мындай жакшылык кыла турган болсоң, мен дагы бир жыргатамын сени, **“Садырбаевдин миллиондорунун”** дарегин билгизип, жаныңды жай алдырып.

Баса миллион демекчи, акча тууралуу жазып жатканында Кыргызавтобанкка барып **“Коломтонун”** эсебине кимден, канча сом түшкөнүн тактап алсан болмок экен сен дагы эртеле-кеч, бөөдөдөн-бөөдө кыжалаттана бербей.

Эми өзүм эле айтып берейин.

Түздөн-түз элге кайрылып, жок дегенде нуска бастырганга жетээрлик акча жыйып алаарбыз деген илгери үмүт менен 7-май күнү алгачкы жыйыныбызды кинематографисттер Союзунда өткөрдүк. Ал жыйыныбыз телевидениеге тартылып алынып, 11-май күнү элге көргөзүлдү. Өзүм аны Ак-Талаада жүрүп көргөнүмдүн күбөлөрү бар.

Телевидениенин тартибин менден жакшы билесиң, өзүн эле айтчы, мен сенин макаландагыдай ортосары мусаапыр эмес, чыгаан ишмер болгон күндө да жалгыз өзүм ошондой **“ээнбаштык”** жасай алат белем? А бали... Мен жасаган күндө да эфирге чыкпай калышы ыктымал беле? Албетте. Мен муну өзүм менен кошо кимдир-бирөөнү ала жыгылайын деп жазып жаткан жерим жок, жөн гана бул ишке телевидениенин кызматкерлери гана эмес чыгармачыл уюмдардын көпчүлүгүнүн жетекчилери кеңешип туруп барганыбызды сени билип алсын деп жазып жатамын. Анда диктор боло электигиненби, айтор, Түгөлбай Казаков дагы 11-майга дейре мен тарапта жүргөн, арадан үч күн өтүп-өтпөй сен тарапка ооп жөнөгөнүн байкап калышып, мени менен кеңешпей туруп жазып ийишинен журналисттерге өпкөлөгөнүн менден чыгарып жүргөн болуу керек, Түкөм. Анда Киевге киши жиберип, нуска бастыруу мындай турсун, **“Кыргызтелефильмдегилер”** айлык акыбызды ала албай **“карточкада”** отурганыбыздан, карамагындагы болоор-болбос каражатты бир жагына тартса, экинчи жагы онурайып ачылып калып, өкмөт тарапта жөлөнөөр-таянары жок, айласы кетип карайлап калганда гана макул болгон менин мындай

опурталдуу ишке башымды байлап беришме, андагы жетекчи Сатыбалды Жээнбеков дагы.

Эгерде С.Жээнбеков кетээр замат Кыргызтелерадиоагентствосуна буга дейре буулуп жаткан акча секин-секин агып келе берээрин билсем, оолукпай эле кое турат болчумун. Мансап талашканды билбей, саясий интригалар менен иши жок жүргөн жаным, **“Кайран элдин”** ызы-чуусунун шылтоосу менен “биз менен эместердин” бакисин ээн талаа, эрме чөлдүү такыр жээкке сүрүп чыга турган суу астындагы кубаттуу агымдын келатканын билбей калган турбаймынбы. Мен эмне экенмин, менден улуу, менден абройлуу, менден тажрыйбалуу нечен-нечен саясий таймашуулардын тегирменинен бүкүлү чыккан, кыргыз киноматографисттеринин аксакалы Шаршенаалы Усубалиевич деле билбептир. Билсе, 5-май күнү “Коломтонун” эсебине 5 миң сом акча которулуп, анын квитанциясын 7-май күнү көпчүлүктүн көзүнчө менин колума карматып, ыйык ишке тилектеш экенин айтып, ак батасын бербейт болчу. Андай агымдын эпкинин туяр замат кыраакы неме акчасын кайра ала албаса да, айткан сөзүн танып ийгенин Жогорку Кеңештин жыйынында Абдыганы Эркебаевич өз оозу менен айтты го. Кантейин, мен беттеген ишимден кайта албадым. Эмне үчүн анткенимди алиге дейре өзүм да түшүнбөйм.

Эми өөдөрөктө берген убадага туруп, сенин санаанды тындыра турган фактыларды жазып берип, каяшамдын соңуна чыгайын. Ырас, жумурай-журт сөзүмдү жерге таштабай, көңүлүнөн чыгарганын “Коломтодогу” – “Кайран элдин” эсебине салып жиберип, түзүк эле жөлөп-таяганын кантип танам. Колдоду элим мени. Абышка-кемпир пенсиясынан, студенттер стипендиясынан, мектеп окуучулары балмуздак сатып жей турган теңгесинен өөнөп, 50 тыйындан 500 сомго чейинки суммаларды жөнөтүп атышып, эки айдын ичинде 147 миң сом акча жыйылды **“Кайран элдин”** эсебине. Биз карапайым элден 100 миң сом чогулаар бекен деп күткөнбүз. Журтубуздун пейили андан 1,5 эсе ашып түшкөнүнө төбөбүз көккө жетип, алардын ар бирине миң алкыш айтып, пейилдерине таазим кылгандан башка айтар сөз жок. Эң башкы үмүтүбүз: областтык, райондук, шаардык акимчиликтердин

чоң-чоң ишкана, коммерсант, банкир, колхоз, совхоз, дыйкан чарба, же тектеш бирикмелердин капчыгында болгонун да жашыргыбыз жок, “намысы ойгонуп, ак көңүлдөрү кармап кетсе, бир миллион, жарым миллиондун көзүнө карабай жөнөтүп ийип, бүлбүлдөп келаткан улуттун дагы бир чакан маданий очогунун коломтосун өчүрбөй калаар бекенбиз” – деп. Биз күткөндөй, ар-намыстуу, ак көңүл жетекчилердин бизге канча сом которуша турганын билдирген телеграммалары, өзүлөрү башкарган мекеменин жалпы чогулушунун чечимдерин жеткизген кабарларынан дагы өксүгөн жокпуз, күнү куру эмес дуулдап келип атып.

Мисалы, учурунда реклама максатында гезиттерге жарыяланып мүлдө кыргызга дүңк дей түшүп, сенин күн тынчыңды, түн уйкуңду бузган:

Жалал-Абад шаарынын акимдиги, акими К.М.Исмановдун кошкон – 500 000 сомү.

Жалал-Абад областтык керек-жарак коому, төрагасы Т.Анаркуловдун – 100 000 сомү

Жалал-Абаддагы “Нур” заводунун жамааты, директору Д.Мамасалиев – 50 000 сомү

Пахта тазалоочу заводдун жамааты, директору И.Кадыровдун – 50 000 сомү

Койчу, баарын жазып отурсам кагаз түткүдөй эмес, иши кылып, 2 миллион сомго жакын акча которобуз деген аттуу-баштуу замандаштарымдын убадалары убада бойдон кала бергенин “миш-миштен” эмес, “Кыргызавтобанктан” тактап алсаң, “Садырбаев мусаапыр миллионер, ошончо акчаны эмне кылат болду экен?” – деп күйүп-бышпайт элең.

Мынча болгондон кийин, биротоло жаныңды тындырып 147 миң сомдун дагы дарегин билгизе кетейин...

Жогорку Кеңештин Жыйынында Абдыганы Эркебаевичтин **“Кайран элге”** каражат табабыз” – деген сөзүнөн кийин элден түшкөн акчаны, элдин өзүнө кайтып берип атабыз. Буюрса, баарын жарыялайбыз басма беттерине, же өзүнчө брошюра чыгарып. Жарымынан көбүн таркатып бүттүк.

“Жо, көңүлүбүздөн чыгарганды кайра албайбыз, **“Кайран элдин”** алгачкы чыгымын жапканга жумшап, же “Коломтонун” отун өчүрбөй сактап калгыла!” – деп кошумчасын кайра

алгандан караманча баш тарткан мекеме жетекчилери же жөн эле жердештерибиз да жок эмес.

Так что, Эркин иним, мурда менен “тапан тилиме” алданып кошумча кошуп ийген болсоң, квитанциянды салып жибер, жердин жети катар түбүндө жүрсөң да пайыз кошуп, накталай акча менен жеткиздирип берем.

Мына, Эркин иним. Азырынча айтаарым ушул эле. Каяшага кызый түшүп, катуурак кетип калган жерим болсо, кечирип кой. Бирок, дагы катылсаң – дагы жообунду берем, тийиштүү документтер менен тастыкталган. Катылбасаң – кайыр кош, менин сенде кенедей дагы дооматым жок. Сакалымды мазактаганыңды да кечирдим. Ала бер эми, кезегинди!

“Асаба”, Аяк оонанын 17си (17-сентябрь),

Бейшемби, 1992-жыл, №34(9372)

КОШ, УСТАТ! КОШ, АСЫЛ АГА...

*(Т.Океевдин сөөгүн жерге коюу үчүн Бишкек шаарында
уюштурулган аза күтүү митингесинде сүйлөгөн сөз)*

Кадырлуу агайын-тууган! Касиеттүү журт!

Бүгүн элибиздин жаркырап жанып турган дагы бир чолпон жылдызынын тирүүлүк жарыгы өчүп, жасаган иши, сүйлөгөн сөзү, койчу, күнүмдүк жашоодогу жүрүм-туруму кыргыз кыйыры же Советтер Союзу эле эмес, бүткүл планетардык масштабда легендага айланган, көзүнүн тирүүсүндө эле "Улуттун туу жыгар уулу" делинип жүргөн, залкар таланттын ээси, улуу адамгерчиликтин ээси, көпчүлүгүнөрдүн агаңар, же инициер, атаңар же балаңар кесибинин татаал өнөрканасында болобу, жөнөкөй кортириликте болобу өзүнөн кийинкилерден ак бата, аруу тилегин аябаган, менин саяпкерим, киномайданындагы пирим деп койсом деле болот, Төлөмүш Океевди, эми эсил Төкөмдү, эң акыркы пендечилик сапарына узатканы турабыз.

Бөлөк-бөтөн үчүн кыргыздын бир атактуу уулу өттү ааламдан. Төкөм менен бир мезгилде жашап, бир кесипте иштеп, анын шайыр мүнөз, аруу тилек, асыл максатын билген замандаштары үчүн, журтубуздун желбиреп турган дагы бир желеги жыгылып, кыргыз киносунун дагы бир аскалуу тоосу кулады, алтымышынчы жылдардан бери карата бир нече муун инсандын дилине арзуу менен адамгерчиликтин, сабырдуулук менен намыскөйлүктүн, жакшы тилек менен илгери үмүттүн үрөнүн чачып, кары-жашты каадалуулукка, тазалыкка тарбиялап келаткан бүтүндөй бир дүйнө, чыгаан уул Төлөмүш Океевдин өнөр дүйнөсү апат болуп олтурат.

Ити чөп жеп, иши илгерилеп, оозунан от тутанып турган маалында да чаарасыз бей-бечеранын көңүлүн оорутуп, же

кимдир-бирөөгө каарын төгүп, кастарын тигип, жамандык жасабаган бир керемет сезимтал адам эле менин устатым.

Аң-сезимдүү өмүрүн, чыгармачылыгын, акыл-эсин "үркөрдөй болгон кыргыз журтум дүйнөдөгү саны жагынан да, сапаты жагынан да Улуу делинии жүргөн элдерден эчтекеси кем эмес, айбаты зор, намысы курч эл болсо экен" – деп өмүрүн чачып, жүрөгүн жаккандан башка, пенде бүткөнгө залакасын тийгизбеген, акылга дыйкан, баатыр десен баатыр, айкөл десен айкөл, бул жалганга чанда бир жарала турган асыл адам эле менин устатым.

Кийинки муундар "Кыргыз өңү Сүймөнкулдун өнүндөй" деп, эсил Сүкөндүн көзү өткөндөн кийин жазып жүрүшкөндөй, бара-бара эл арасында "Кыргыз мүнөзү, албетте, (биерде сөз элдин эң мыкты уулдары жөнүндө болуп жатат) Кыргыз мүнөзү – Төлөмүштүн мүнөзүндөй" – деген накыл сөз калаарына ишенемин.

Болгону, кыргыздын аты чыгып, төбөсү көрүнгөн уул-кызы, өзүнүн жүзүндөгү өзгөчөлүгү менен мүнөзүндөгү ыйыктыкты өз кулагы менен угуп, эл ичиндеги атак-даңкы, кадыр-баркы тууралуу чыныгы пикирди, көзү өткөндөн кийин агайын-туугандары эле укпастан, арабызда жүргөндө өзүлөрүнө деле айтылып турса деген гана тилек.

Эсил Төкөмдү эскерип айта турган армандуу сөз, жамгырлата турган көз жаш жакынкы күндөрдө, жакынкы айларда, жакынкы жылдарда бүтпөйт.

Төлөмүш Океевдин кылымдарды карыта турган жарык жылдызы кайра эле жанат, келечек муундарга шооласын тийгизип.

Атаганат, кыйла жылдык тыныгуудан кийин, дагы бир жолу көөдөнүн керип, канатын сермеп, дагы бир жолу обого сызып чыгып, кешиксиз журтунун улуусу менен кичүүсүн, жаманы менен жакшысын, бүтүнү менен кемтигин канаттууга кактырбай, тумшуктууга чокутпай калкалап калар бекенмин деп белсенип келатканда, шум ажал алып кетти асылды биздин арабыздан. Бизден улуу, бизден бийик, бизден ыйык Алыкул Осмонов менен Түгөлбай Сыдыкбековдун, Хусейин Карасаев менен Иса Ахунбаевдин, Мамбет Тынаев менен Сүймөнкул Чокморовдун, Сатыбалды Жээнбеков менен Бекмамат

Осмоновдун жана Болот Минжылкиев сыяктуу кыргыз журтунун уюткуларынын катарына кошкону.

Азиз устат! Тирүүлүк деген ушундай экен.

Эгерде, уул-кыз, агайын-тууган, жоро-жолдош, ини-карындаш жана мен сыяктуу шакирттериңиз кээде пендечилик этип, кээде жаштык-мастык кылып, айтканыңызды так аткарбастан, көңүлүнүздөгүнү таамай таба албастан кейиткен болсок, мына азыр дагы баарылап ден-соолугуңузга кам көрүп, ажалга аралжы боло албай калганыбыз үчүн өзүңүзгө мүнөздүү айкөлдүгүңүз менен кечире кетиңиз баарыбызды...

Биздин эми "Төлөмүш Океев менен бир мезгилде жашаган заманыбызга ыраазыбыз, Сизге ыраазыбыз, Сиз менен күткөн карым-катнашыбызга ыраазыбыз" – дегенден башка аргабыз калбады.

Сиз дагы элиңизге, артыңызда калган санаалаштарыңызга ыраазы болуп, урпактардын тагдырына жан кейитип түйшөлө бербестен, баатырдын жөрөлгөсү менен аттана көрүңүз бара жаткан сапарыңызга.

Кош устат... Кош Асыл ага...

Жаткан жериңиз жайлуу, ыйманыңыз жолдош, топурагыңыз торко болсун!

МАЗМУНУ

Преследование	3
Вторая часть	47
Плач волчицы	85
“Рядом с нами”	133
Гений моего народа	143
Обыкновенные беженцы	152
Ата-журтунан үрккөндөр	162
Киноэксперимент	186
Предисловие (песнь о памяти)	189
Песнь о памяти	192
Песнь о тулпаре	237
Вторая серия	256
Дооронбек Садырбаев – журналист	284
Багың ачылсын, асел!	284
Удачи тебе, асель!	292
Дуйшенбек Байтобетов	295
Гульсара Ажибекова	297
Турсун Темиркулов	299
Кайдыгерлик кылып жүрүп, Султановду дагы сындырып тынганбыз	302
Взываю к вам, люди добрые!	306

Тулпар тушунда, күлүк күнүндө...	314
Дооронбектен дил маек	314
Тутанбай калган учкун	328
Жүйөлүү кошумча.....	338
Илгери үмүтүм бар.....	343
Журтумдун короңгөсү	377
Соңку сөз.....	387
Жакшылыктан үмүт үзбөйлү... ..	390
Теңирге таазим!	401
А.Түркеш: түрк атанын балдары баш кошор заман келди	413
“Кыргыздын душманы ким?”	420
Чечен революциясы	432
Көктүгү бар, эчендердей өксүгү бар	434
Эгемендикке каршы чагымчылык.....	437
Өткөн жүз жылдыктын жазуулары	445
Урпактарга керээз	448
События в грузии: взгляд со стороны.....	472
Мохнатая рука	473
Ачык айтып, ак сүйлөшөлү	487
Мое покаяние, или слезная просьба к отцам теневой экономики	498
Кайран элдин алаңгазардын айгайына алданганы абдан жаман, бирок, кыйдынын кылтагына илингени ого бетер каргаша...	504
Менин сабагым го – менин шорум, а сеникичи.....	505
Кош, устат! кош, асыл ага.....	522

Дооронбек Садырбаев

ДААНЫШМАН

**Чыгармалар жыйнагынын 5 томдугу
Собрание сочинений в 5-и томах**

Басууга 16.05.2017-ж кол коюлду.
Офсеттик кагаз. Форматы 60х90 ¹/₁₆.
Көлөмү 33 б.т. Нускасы 1000д.

«Принт Экспресс» ЖЧК басма-полиграфиялык
комплексинде басылды
Кыргыз Республикасы, Бишкек ш., Профсоюз көч., 49

